3 1761 07017706 8

Д. И. Эварницкій.

ИСТОРІЯ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ 22 РИСУНКАМИ.

РИСУНКИ ДОЗВОЛЕНЫ ЦЕНЗУРОЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1892.

Его

Императорскому Высочеству

Наслѣднику, Цесаревичу

и

Великому Князю

Николаю Александровичу,

Атаману всѣхъ казачьихъ войскъ,

всепреданнѣйше

посвящаетъ

авторъ.

Д. И. Эварницкій.

ИСТОРІЯ

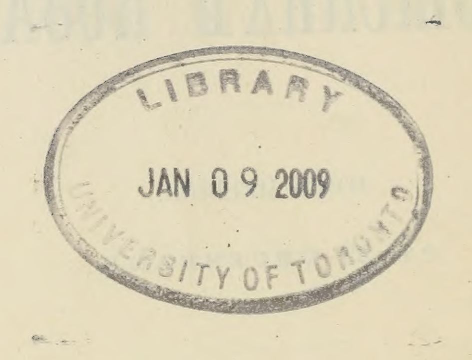
ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ 22 РИСУНКАМИ.

РИСУНКИ ДОЗВОЛЕНЫ ЦЕНЗУРОЮ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 43.
1892.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основаніе настоящаго труда легло десятилѣтнее изученіе жизни и военныхъ дѣяній запорожскихъ козаковъ, прославившихъ себя безсмертными подвигами въ борьбѣ за вѣру, народность и отечество. Вся „Исторія запорожскихъ козаковъ“, по плану автора, выйдетъ въ трехъ томахъ, при чемъ первый томъ посвященъ исключительно изображенію внутренняго быта запорожской общины, второй и третій томы посвящены фактическому изложенію событій козацкихъ дѣяній, начиная съ конца XV и кончая второю половиной XVIII вѣка. Главнымъ пособіемъ при изображеніи судебъ Запорожья, помимо печатныхъ южно-русскихъ лѣтописей, польскихъ хроникъ и различныхъ мемуаровъ, для автора труда служили писанные документы, разбросанные во многихъ мѣстахъ Россіи по государственнымъ архивамъ и частнымъ хранилищамъ (въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Архангельскѣ, Соловецкомъ монастырѣ) и такъ или иначе касающіеся жизни и военныхъ подвиговъ запорожскихъ козаковъ. Но кромѣ архивныхъ матеріаловъ въ основаніе „Исторіи“ легло и многолѣтнее изученіе авторомъ топографіи запорожскаго края: изученію топографіи края авторъ всегда придавалъ огромное и первѣйшее значеніе, и потому прежде чѣмъ взяться за изображеніе историческихъ судебъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, онъ много разъ объѣзжалъ всѣ мѣста бывшихъ Сичей, много разъ плавалъ по Днѣпру,

спускался черезъ пороги, осматривалъ острова, балки, лѣса, шляхи, кладбища, церковныя древности, записывалъ козацкія пѣсни, народныя преданія, вскрывалъ погребальные курганы и изучалъ всѣ, болѣе или менѣе, значительныя частныя и общественныя собранія запорожскихъ древностей. Во всемъ этомъ онъ руководился исключительно любовью (и ни чѣмъ другимъ) къ запорожскимъ козакамъ, зародившеюся у него еще съ очень ранняго дѣтскаго возраста, когда отецъ его, „грамотѣй-самоучка“, читалъ ему безсмертное произведеніе Гоголя „Тарасъ Бульба“ и заставлялъ шестилѣтняго мальчика рыдать горькими слезами надъ страшною участью героя повѣсти. Впечатлѣніе дѣтства такъ было сильно, что привело автора, уже въ зрѣломъ возрастѣ, сперва къ пѣшему хожденію, а потомъ и къ поѣздкамъ по запорожскимъ урочищамъ; эти поѣздки изъ года въ годъ повторялись и подъ конецъ сдѣлались для него столь-же необходимы, какъ необходимы человѣку пища, питье и воздухъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ страстный тонъ и тѣ невольныя ошибки, которыми проникнутъ и исполненъ первый печатный трудъ автора „Запорожье“, такъ недружелюбно встрѣченный рецензентомъ г-мъ Житецкимъ, но съ полной объективностью оцѣненный извѣстнымъ учено-литературнымъ дѣятелемъ, г-мъ Пыпинымъ. Въ настоящемъ трудѣ авторъ старался исправить прежнія ошибки и заблужденія, и потому въ составъ его ввелъ изъ прежнихъ своихъ работъ только пять главъ, да и то въ совершенно исправленномъ и дополненномъ видѣ. По примѣру прежнихъ изданій, авторъ нашелъ нужнымъ иллюстрировать и настоящее изданіе, чтобы сдѣлать его полезнымъ не только для людей, интересующихся одной исторіей, но для людей, которые пожелали-бы художественно изобразить тотъ или другой моментъ изъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ. Въ этомъ случаѣ онъ пользовался указаніями и альбомами извѣстнаго художника Ильи Ефимовича Рѣпина. Впрочемъ, зная по опыту, какихъ громадныхъ денегъ стоютъ у насъ, въ Россіи, иллюстрированныя изданія, авторъ „Исторіи“ не смѣлъ бы и мечтать о томъ, если-бы къ нему не пришелъ на помощь просвѣщенный любитель

запорожской старины—землевладѣлецъ херсонскаго уѣзда, Николай Николаевичъ Комстадіусъ. Въ заключеніе авторъ „Исторіи“ не можетъ не привести для читателя отрывка изъ введенія, сдѣланнаго въ прошломъ вѣкѣ малороссійскимъ лѣтописцемъ Самоиломъ Величкомъ въ его „Лѣтописи событій юго-западной Россіи“. „Ласкáвый читатель, если тебѣ въ настоящемъ моемъ трудѣ что-либо покажется зазорнымъ и несправедливымъ, то, быть можетъ, оно такъ и есть. Ты-же, когда бы тебѣ удалось достать болѣе совершенныхъ и другихъ какихъ-либо козацкихъ лѣтописцевъ, отложивши свою лѣнь и благонравно покрывши въ этомъ дѣлѣ мое невѣжество, сообразно съ тѣми лѣтописцами, не уничтожая, однако, и моего ничтожнаго труда, воленъ исправить все даннымъ тебѣ отъ Бога разумомъ... Да и трудно человѣку „домацатись“ во всемъ правды и знанія, и если болѣе ранніе описатели козацкихъ дѣяній въ своихъ трудахъ ошибаются, то съ ними ошибаюсь и я, согласно слову писанія, что всякъ человѣкъ ложь есть“.

Запорожскій козакъ изъ «Вооруженія Россійскихъ войскъ»

Границы вольностей запорожскихъ низовыхъ козаковъ.

Границы вольностей запорожскихъ козаковъ въ разное время и отъ различныхъ обстоятельствъ постоянно мѣнялись. Отсюда опредѣлить съ точностью предѣлы земли низовыхъ козаковъ довольно затруднительно, а иногда, при отсутствіи какихъ бы то ни было на этотъ счетъ указаній, и совершенно невозможно. Первыми указателями въ этомъ вопросѣ являются малороссійскіе лѣтописцы; но наиболѣе достовѣрные и точные изъ нихъ ограничиваются въ данномъ случаѣ слишкомъ общими указаніями: «Поляки, принявъ въ свою землю Кіевъ и малороссійскія страны въ 1340 году, спустя нѣкоторое время всѣхъ живущихъ въ ней людей обратили въ рабство; но тѣ изъ этихъ людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владѣть мечомъ и не признавали надъ собой рабскаго ига, тѣ, не вынесши гнёта и порабощенія, стали самовольно селиться около рѣки Днѣпра, ниже пороговъ, въ пустыхъ мѣстахъ и дикихъ поляхъ, питаясь рыбными и звѣриными ловлями и морскимъ разбоемъ на бусурманъ. Польскій король Сигизмундъ I (1507—1548) прежде всѣхъ даровалъ козакамъ въ вѣчное владѣніе землю около пороговъ, вверхъ и внизъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, чтобы они, ставъ въ чолѣ, не позволяли татарамъ и туркамъ нападать на русско-польскія земли. За Сигизмундомъ I король Стефанъ Баторій (1576—1586), кромѣ давняго стариннаго складоваго города Чигирина, далъ въ пристанище низовымъ козакамъ городъ Трехтемировъ съ монастыремъ, для постояннаго жительства въ немъ въ зимнее время» [1]. Къ сожалѣнію, грамота короля Стефана Ба-

---

[1]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 18, 21, 22.

торія. на пожалованіе запорожцамъ означенныхъ земель и городовъ, въ подлинникѣ не дошла до насъ; копія же съ грамоты, сильно подверженная сомнѣнію въ цѣломъ ея видѣ, ничего не прибавляетъ къ тому, что сказано было по этому поводу малороссійскимъ лѣтописцемъ: «Надаетъ его королевское величество (1576 года, августа 20 числа) козакамъ низовымъ запорожскимъ вѣчно городъ Терехтемировъ съ монастыремъ и перевозомъ, опричь складоваго старинная ихъ запорожскаго города, Чигирина, и отъ того города Терехтемирова на низъ по-надъ Днѣпромъ рѣкою до самаго Чигирина и запорожскихъ степей, къ землямъ чигиринскимъ подошедшихъ, со всѣми на тѣхъ земляхъ насаженными мѣстечками, селами, хуторами, рыбными по тому берегу въ Днѣпрѣ ловлями и иными угодіи, а въ ширь отъ Днѣпра на степь доколѣ тѣхъ мѣстечекъ, селъ и хуторовъ земли издавна находились»[1].

Съ тою-же неопредѣленностью границъ вольностей запорожскихъ козаковъ встрѣчаемся мы и шестьдесятъ-восемь лѣтъ спустя послѣ смерти польскаго короля Стефана Баторія, когда запорожцы изъ-подъ власти Польши перешли подъ протекцію Россіи, заодно съ малороссійскими козаками и ихъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ. Въ царской грамотѣ на этотъ счетъ говорится лишь, что запорожскіе козаки будутъ пользоваться прежними правами и привиллегіями, каковы даны были имъ отъ королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ[2]). Впрочемъ, годъ спустя послѣ этого, въ 1655 году, 15 января, запорожскіе козаки получили будто бы универсалъ отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, дошедшій до насъ также въ копіи и также сильно подверженный въ общемъ его видѣ сомнѣнію, впервые опредѣлявшій болѣе или менѣе точно границы вольностей запорожскихъ козаковъ: «А теперь такъ-же владѣть имъ старинным городкомъ запорожскимъ, Самарь называемымъ, съ перевозомъ и съ землями въ верхъ Днѣпра по рѣчку Орель, а въ низъ до самыхъ степей ногайскихъ и крымскихъ, а черезъ Днѣпръ и лиманы Днѣпровые и Буговые, какъ изъ вѣковъ бывало, по очаковскіе улусы, и вверхъ рѣки Буга по рѣку Синюху, отъ Самарскихъ же земель черезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще до гетмана козацкаго Предслава Ланцкоронскаго козаки запорожскіе свои зи-

[1]) Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ. Москва, 1846, 43.

[2]) Самуилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ, 1848, I. 178.

мовники имѣли, и то все, чтобы не нарушимо во вѣки при козакахъ запорожскихъ осталось [1])». Слова приведенной копіи гетманскаго универсала оправдываются лишь тождественнымъ показаніемъ границы вольностей запорожскихъ козаковъ на западной границѣ, по бучачскому миру, заключенному 1672 года, 18 октября, въ Галиціи: по этому миру польскій король Михаилъ Вишневецкій уступилъ турецкому султану Магомету IV всю Подолію и Украйну, а пограничною чертой владѣній запорожскихъ козаковъ опредѣлена была рѣчка Синюха, впадающая въ Бугъ съ лѣвой стороны [2]).

Тою-же неопредѣленностью отличаются показанія границъ вольностей запорожскихъ козаковъ и въ 1681 году, когда шелъ вопросъ о бахчисарайскомъ перемиріи между Россіей и Турціей: въ то время южною границею между вольностями запорожскихъ козаковъ и кочевьями татаръ опредѣлялись рѣки Днѣпръ и Бугъ: «Въ перемирные годы отъ рѣки Буга и до помянутаго рубежа рѣки Днѣпра турки не должны были строить новыхъ городовъ и возобновлять старыхъ козацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ, оставить ихъ впустѣ и не принимать перебѣжчиковъ; крымскимъ, очаковскимъ и бѣлогородскимъ татарамъ кочевать со своими стадами по обѣ стороны Днѣпра (и по сей и по той сторонѣ Днѣпра быть берегу и землямъ салтанова величества турскаго), на степяхъ около рѣчекъ, запорожскимъ и городовымъ козакамъ, промышленнымъ людямъ плавать для рыбной ловли, звѣриной охоты и соляного промысла Днѣпромъ и всѣми степными рѣчками обѣихъ сторонъ Днѣпра до самаго устья Чернаго моря плавать вольно» [3]). Въ 1686 году Польша, заключая тринадцатилѣтнеее перемиріе съ Россіей и уступая ей Кіевъ, Смоленскъ и другіе города, въ то-же время отказывалась и отъ всего Запорожья: «Внизъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кодака, и тотъ городъ Кодакъ, и запорожскій Кошъ, городъ Сѣчю, и даже до Чернаго лѣсу и до Чернаго жъ моря, со всѣми землями и съ рѣками и съ рѣчками и всякими принадлежащими землями, чѣмъ владѣли изстари запорожцы» [4]). Въ концѣ этого-же столѣтія, по карловицкому миру, заключенному въ 1699 году, 26 января, между

[1]) Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ, Москва, 1846, 43.
[2]) Соловьевъ. Исторіи Россіи, Москва, 1880, XII, 127.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II. 613, 623.
[4]) Акты, изданные археографической экспедиціей, 1836, IV, № 290, 430.

Австріей. Венеціей. Турціей и Польшей, послѣдняя получила обратно Украйну, Каменецъ и Подолію, а западною границею владѣній запорожскихъ козаковъ попрежнему считалась рѣчка Синюха, впадающая въ Бугъ [1]).

Мало данныхъ представляетъ для рѣшенія вопроса о предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ и трактатъ 1700 года о тридцатилѣтнемъ перемиріи между Россіей и Турціей: здѣсь находятся указанія лишь на южную границу запорожскихъ владѣній. «Поднѣпровскіе городки всѣ разорить, мѣстамъ, на которыхъ они стояли, быть въ султанской сторонѣ пустымъ, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру отъ Сѣчи запорожской до Очакова быть пустыми же, только на половинѣ между Очаковомъ и Кизыкерменемъ быть поселенію для перевоза черезъ Днѣпръ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей, быть около того населенія окруженію съ ровикомъ и крѣпостцою, селу приличному, а вида городовой крѣпости и никакой обороны то окруженіе въ себѣ не имѣло бы. Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царскаго величества, а отъ Перекопа и отъ края моря перекопскаго до перваго новаго азовскаго городка (Міюсскаго) землямъ быть праздными» [2]). По этому трактату «барьеромъ» между вольностями запорожскихъ козаковъ и кочевьями ногайскихъ татаръ признаны были земли отъ рѣки Большой-Берды до города при устьѣ рѣки Міюса, гдѣ она впадаетъ въ Азовское море, и отъ рѣки Міюса, къ рѣкѣ Дону [3]): ниже этого «барьера» запорожцамъ воспрещалось переходить на морскія косы, лиманы и озера для рыбной ловли.

Только въ «межевой записи» 1705 года, 22 октября, между Россіей и Турціей, учиненной у рѣки Буга русскимъ думнымъ дьякомъ Емельяномъ Игнатьевичемъ Украинцевымъ и турецкимъ пашей Эффенди Кочъ Мегметомъ, мы впервые встрѣчаемся съ точнымъ и болѣе или менѣе подробнымъ опредѣленіемъ границъ запорожскихъ вольностей, но и то съ одной лишь югозападной стороны, отъ рубежа Польши. «Початокъ границъ отъ польскихъ концовъ, гдѣ польская граница скончалась, внизъ рѣкою Бугомъ до нашихъ коммисарскихъ обозовъ, и отъ нашихъ коммисарскихъ

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1880, XII, 127

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1879, XIV, 302.

[3]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ. Спб., 1888, 152.

обозовъ паки рѣкою Бугомъ за два часа до Ташлыка, который называется потурецки Великій-Конаръ [1]), и отъ Великаго-Конара полемъ поперекъ рѣку Мертвоводъ, а перешедъ Мертвоводъ, полемъ черезъ Еланецъ, который потурецки называется Енгулою, гдѣ впадаетъ Великій-Ингулъ [2]); потомъ перешедши Великій-Ингулъ, полемъ до рѣчки Висуни, а Висунь поперекъ перешедъ, полемъ до Малаго-Ингульца, а перешедъ Малый-Ингулецъ, черезъ бродъ Бекеневскій, который отъ кизыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ въ десяти часахъ, а отъ того броду полемъ прямо до устья рѣчки Каменки, гдѣ оная впадаетъ въ Днѣпръ, а отъ кизыкерменскихъ пустыхъ мѣстъ до того мѣста четыре мили, и тѣмъ кончится граница» [3]). Впрочемъ, въ этой же самой записи сдѣлана оговорка, что «подданные его царскаго величества вольно могутъ ходить на Лиманъ и на Черное море для всякихъ своихъ пожитковъ, токмо смирно и безъ оружія». Такъ опредѣлялась югозападная граница запорожскихъ вольностей. Что касается юговосточной границы, то она, какъ это видно изъ генеральной карты де-Боксета 1751 года, шла отъ устья рѣчки Каменки вверхъ по Днѣпру, гдѣ впервые въ него впадаетъ рѣка Конка съ Плетеницкимъ лиманомъ, отсюда вверхъ по Конкѣ противъ ея теченія, потомъ по-надъ верховьями рѣчекъ Бердинки, Средней-Берды, Крайней-Берды, и наконецъ по рѣкѣ Большой-Бердѣ до самаго устья ея, изливающагося въ Азовское море.

Съ 1709 по 1733 годъ запорожскіе козаки жили на земляхъ татарскихъ, сперва на границѣ русскихъ владѣній съ татарами по рѣчкѣ Каменкѣ, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, въ 30 верстахъ выше города Кизыкерменя, а потомъ гораздо ниже русско-татарской границы, въ урочищѣ Алешкахъ, за рѣчками Конкой и Чайкой, съ лѣвой стороны Днѣпра. То было время, когда запорожскіе козаки, съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордѣевичемъ, Гордіенкомъ или Головкомъ во главѣ, желая видѣть «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городовое и низовое, не тилько въ ненарушимыхъ, лечь и въ расши-

[1]) Какъ справедливо думаетъ В. Н. Ястребовъ, до балки Большаго-Сухаго-Ташлыка: Объяснительная записка къ картѣ елисаветградской провинціи 1772 года въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, XIV.

[2]) Явная ошибка: здѣсь разумѣется рѣчка Сухой-Еланецъ, но она впадаетъ не въ Ингулъ, а въ рѣку Бугъ.

[3]) Полное собраніе законовъ, томъ IV, статья 2077, страница 324.

ренныхъ и размноженныхъ вольностей квѣтнучую и изобилуючую, отдалися въ оборону найяснѣйшаго короля его милости шведскаго, Карла XII» [1]): тогда они поплатились за то лишеніемъ своихъ вольностей въ предѣлахъ Россіи и перешли въ подданство турецкаго султана и крымскаго хана. Но это продолжалось лишь въ теченіе двухъ лѣтъ. По несчастному для Петра I. въ 1711 году, прутскому миру, онъ долженъ былъ уступить Турціи большой уголъ земли, начиная снизу отъ Азова и идя вверхъ къ сѣверу до половины теченія рѣки Орели, отсюда поворотивъ подъ тупымъ угломъ до устья тойже рѣки Орели, изливающейся въ Днѣпръ: отъ устья Орели, перейдя Днѣпръ, вверхъ по-надъ правымъ берегомъ Днѣпра до мѣстечка Крылова: отъ мѣстечка Крылова, поворотивъ отъ сѣвера къ югу, по верховьямъ рѣкъ Ирклея, Ингульца, Ингула и до верховья рѣчки Выси; отъ рѣчки Выси по рѣчкѣ Синюхѣ и до устья ея при рѣкѣ Бугѣ. Отдавъ туркамъ этотъ огромный уголъ земли, Петръ I въ то же время долженъ былъ собственными войсками разорить русскія крѣпости, Новобогородицкую при устьѣ Самары, Кодацкую на правомъ берегу Днѣпра, противъ перваго порога, и Каменный-Затонъ, ниже Никитина, и обязался не безпокоить запорожскихъ козаковъ, «отнять отъ нихъ свою руку и не вступаться въ нихъ» [2]). Тогда запорожцы de jure сдѣлались вновь обладателями прежнихъ своихъ вольностей: они раскинули свои хутора и зимовники по очаковской сторонѣ, отъ Переволочной до самаго Буга, и по крымской отъ рѣки Самары до Азовскаго моря: на этомъ пространствѣ они могли заниматься охотой, не заводя, однако, осѣдлостей [3]).

Но съ 1734 года запорожскіе козаки снова перешли подъ власть Россіи. Тогда, послѣ побѣдъ русскихъ полководцевъ Миниха и Ласси надъ турками и татарами, въ соучастіи съ запорожскими козаками, между Россіей и Турціей заключенъ былъ въ 1739 году, 18 сентября, бѣлградскій миръ [4]), а въ 1740 году, 4 ноября, учиненъ былъ особый «инструментъ» при рѣкѣ Великомъ-Ингулѣ русскимъ уполномоченнымъ, тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Ивановичемъ Неплюевымъ и турецкимъ коммисаромъ Мустафою Беемъ

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва. 1842. IV. 318.

[2]) Лѣтопись Самовидца. Кіевъ. 1878. 302; Брикнеръ. Исторія Петра Великаго, Спб., 1882. II, 488.

[3]) Мышецкій. Исторія о коз. 21—23; Генеральнаякарта де-Боксета 1751 года.

[4]) Записки графа Миниха, Санктъ-Петербургъ, 1874, 53.

Селихтаромъ Кятибы съ двумя товарищами. По этому «инструменту» владѣнія запорожскихъ козаковъ опредѣлялись съ западной стороны прямою линіей отъ устья Синюхи и до устья Берды въ Азовское море. «Прибывъ въ близость рѣки Буга, коммисары державы оттоманской, для лучшей способности, по общему согласію, немедленно перешедъ оную рѣку, стали лагеремъ при берегѣ оной, и отъ обѣихъ сторонъ, поставя между лагерей по одной палаткѣ для конференціи, и по нѣсколькихъ конференціяхъ, спорахъ и разсужденіяхъ, наконецъ наилучшимъ образомъ между собою согласились и постановили на основаніи инструментовъ, данныхъ отъ опредѣленныхъ коммисаровъ обѣимъ сторонъ въ 1705 году, то есть по турецки 1118 года, и такъ постановлена граница слѣдующимъ образомъ: что начало сихъ границъ отъ окончанія польскихъ границъ [1]) и идетъ внизъ рѣкою Бугомъ, разстояніемъ черезъ шесть часовъ отъ Ташлыка, то есть Великаго Конара [2]), и будучи тамъ, мѣсто Конаръ само собою знатно, того ради не разсуждено занужно тутъ знаковъ чинить, но рѣшено обще, согласно плану, вмѣсто знака быть: а отъ Конара ведена граница полемъ прямою линіей, и въ разстояніи отъ онаго въ десяти верстахъ, перешедъ рѣку Гарбузину, постановлены два знака, съ россійской стороны квадратный, а съ турецкой круглый, и оттуда, не будучи соглашены, какъ продолжить до окончанія вышереченное дѣло, потому стали лагеремъ при рѣкѣ Мертвыхъ-Водахъ и держали многія конференціи и споры о разграниченіи границъ, понеже въ вышеупомянутомъ инструментѣ 1705 года написано, что граница будетъ разграничена чрезъ устье рѣки Еланца, впадающаго въ Великій-Ингулъ, но экспеіенція показала, что оная впадаетъ въ Бугъ, и тако вмѣнилось вмѣсто Еланца устье рѣки Громоклеи, впадающей въ Великій-Ингулъ, въ чемъ затрудненіе нашлось. Ибо подданные державы оттоманской нужду въ лѣсѣ, который по берегу той рѣки Громоклеѣ находится, имѣютъ и прежними временами пользовались. И потому они вышеписанныхъ двухъ знаковъ, перешедъ Гарбузинку тою-же линіею до рѣки Мертвыхъ-Водъ, разстояніемъ знаковъ двѣнадцать верстъ, а по переходѣ Мертвыхъ-Водъ постановлено

[1]) Отъ устья рѣки Кодыми, гдѣ и теперь находится мѣстечко Конецполь.

[2]) Таже балка Большой-Сухой-Ташлыкъ, ниже р. Корабельной, свыше 40 верстъ отъ конца польской границы.

два знака, а отъ тѣхъ знаковъ линіею къ старому мечетю на рѣкѣ Солонѣ (ой) стоящему, въ разстояніи 17½ верстъ, и при ономъ мечетѣ съ лѣвой стороны поставлено два знака: а потомъ перешедъ линіею оную рѣку и въ разстояніи 7 верстъ, также перешедъ рѣку Еланецъ, постановлены два знака: и оттуда линіею разстояніемъ 21 верста до стараго мечетя, который при берегѣ рѣки Громоклеи, и съ лѣвой стороны того мечетя, поставлено два знака и на оной два жъ знака, а отъ тѣхъ знаковъ идетъ граница по берегу оной рѣки Громоклеи даже до рѣки Великаго-Ингула, оставляя лѣсъ весь, по берегу той рѣки Громоклеи стоящей(ій), державѣ оттоманской, потому подлѣ реченнаго лѣса еще въ двухъ мѣстахъ сдѣланы знаки да еще при переходѣ рѣки Великаго-Ингула два-жъ знака, и при тѣхъ, перешедъ тую рѣку Ингулъ, напротивъ поставлено два-жъ знака, а отъ тѣхъ, идучи къ Бекеневскому броду, въ разстояніи 39 верстъ, перейдена рѣка Висунь и сдѣлано два жъ знака: а оттуда идетъ граница черезъ Малый-Ингульна Бекеневскій бродъ, который, какъ въ трактатѣ 1705 года гласитъ, въ разстояніи 10 часовъ отъ Кизыкерменя: и отъ того брода идетъ граница полемъ прямо на устье рѣки Каменки, гдѣ впадаетъ въ Днѣпръ въ разстояніи четырехъ миль отъ реченаго Кизыкерменя» [1]).

Съ восточной стороны владѣнія вольностей запорожскихъ козаковъ оставались въ предѣлахъ межевой записи 1705 года: начавъ отъ рѣки Конки, впервые впадающей въ Днѣпръ, противъ Каменнаго-Затона и Плетеницкаго лимана, далѣе вверхъ по ея теченію и отсюда, поворотивъ съ запада на востокъ, по степи прямою линіей по-надъ вершинами рѣчекъ Токмака, Бердинки, Средней-Берды, Крайней-Берды до рѣчки Большой-Берды, и наконецъ по теченію этой послѣдней до самаго устья ея, впадающаго въ Азовское море [2]). Однако и для опредѣленія границъ вольностей запорожскихъ козаковъ съ восточной стороны потребовалась также особая коммиссія съ русской и турецкой стороны. По новому «инструменту», учиненному въ 1742 году русскимъ уполномоченнымъ княземъ Василіемъ Аникитичемъ Репнинымъ и турецкимъ коммисаромъ пашею Хаджи Ибрагимомъ Капыджи, границы вольностей запорожскихъ съ восточной стороны опредѣля-

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XI, № 8276, страница 291.

[2]) Смотри Генеральную карту де-Боксета и Капниста 1751 года.

лись слѣдующимъ образомъ: «Начавъ отъ вершины рѣки Конки, съ обѣихъ сторонъ поставили по одному кургану; отъ тѣхъ кургановъ прямою линіей разстояніемъ четверть часа—по такому же кургану; оттуда тою же линіей въ томъ же разстояніи еще по одному кургану: при западной вершинѣ рѣки Большой-Берды также по одному кургану; отъ вершины рѣки Конки до западной границы Большой-Берды разстояніемъ всего три четверти часа; между помянутыми рѣками, къ полуденной сторонѣ, вся земля отошла къ оттоманской имперіи; а съ полуночной стороны вся земля отошла къ россійской имперіи; а отъ равнинъ къ рѣкѣ Большой-Бердѣ и до новаго города (Міусскаго), находящагося въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Азовское море впадаетъ рѣка Міусъ, во всемъ быть безъ перемѣны по тракту и конвенціи о границахъ 1700 года: рѣка же Конка, даже до впаденія ея въ Днѣпръ, утверждается вмѣсто пограничныхъ знаковъ и оставляется обѣими отъ впаденія ея внизъ рѣки Днѣпра; въ помянутыхъ рѣкахъ дозволяется пользоваться подданнымъ обѣихъ имперій безъ нарушенія. И по тому разграниченію начало границъ отъ вершины рѣки Конки, а конецъ у новаго города, который стоитъ при впаденіи рѣки Міуса въ Азовское море» [1]).

Этимъ договоромъ «опредѣлены были новыя границы, дававшія Россіи право провести за рѣкою Самарою «новую» линію, болѣе удобную и короткую, нежели «старая», для прикрытія Украіны отъ набѣговъ татаръ, и болѣе близкую для того, чтобы предпринять завоеваніе Крыма, напасть на Очаковъ и дѣйствовать на Черномъ морѣ» [2]). Тѣмъ-же договоромъ, по указу сената 1743 года, 16 ноября, дозволено было малороссіянамъ строить хутора и пользоваться землею по рѣку Самару; этимъ воспользовались жители полтавскаго полка и заняли полосу земли между лѣвымъ берегомъ Орели и правымъ Самары, которую искони вѣковъ запорожскіе козаки считали своей землей; для большей крѣпости, полтавцы захватили даже городъ Старую-Самару (Богородицкую крѣпость) и поставили въ ней свою сотню; но, по предписанію сената 1744 года, августа 23 дня, «старосамарцамъ въ вольности запорожскія мѣшаться запрещалось» [3]), а городъ (Ста-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторія и древностей. т. II, отд. II, Ш. 835.

[2]) Записки графа Миниха, Санктъ-Петербургъ, 1874, 56.

[3]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 49.

рая-Самара войску запорожскому возвращалась и впослѣдствіи (1762 г.), разорена была запорожскими козаками. Въ 1745 году велѣно было поселить на границѣ Украйны девять ландмилицкихъ полковъ: для чего опредѣлялось взять отъ юго-восточной границы Украйны внутрь линіи на 40, и за линію на 30 верстъ земли; тогда украинцы, перешагнувъ Орель, заняли здѣсь на 30 верстъ къ востоку отъ лѣваго берега ея луговыя мѣста, завели хутора и селенія, между прочимъ, слободу Куриловку, основанную китайгородскимъ сотникомъ Семеновымъ, которую потомъ запорожцы, занявъ орельскія мѣста войсками, перенесли въ другое мѣсто и назвали ее, по имени кошевого, Петровскою или Петриковскою [1]. Съ этихъ поръ начался продолжительный и ожесточенный споръ между старосамарцами съ одной стороны и запорожцами съ другой.

Въ это-же время возникъ споръ за пограничныя владѣнія на восточной границѣ запорожскихъ вольностей, между запорожскими и донскими козаками. Чтобы покончить распри между донцами, старосамарцами и запорожцами, правительство Елисаветы Петровны издало особый указъ 1746 года, апрѣля 15 дня, считать границы запорожскихъ вольностей, съ восточной стороны, отъ рѣки Днѣпра рѣчками Самарою, Волчьей, Бердою, Калчикомъ, Калміусомъ и «прочими, впадающими въ нихъ рѣками и принадлежащими къ тѣмъ рѣчкамъ косами, балками и всякими угодьями по прежнюю 1714 года границу, которая оставлена въ сторонѣ россійской имперіи и по послѣднему разграниченію съ оттоманскою Портою [2])».

Однако, споры за пограничныя владѣнія на сѣверной сторонѣ продолжались и послѣ этого. Въ 1752 году, октября 5 дня, запорожскіе козаки подали жалобу на высочайшее имя императрицы Елисаветы Петровны, что полтавскій полковникъ Горленко представилъ гетману графу Кириллу Разумовскому, будто бы старосамарцы владѣли обѣими сторонами рѣки Самары, со всѣми ея лѣсными и другими угодіями, начиная отъ устья ея и дальше вверхъ на 50 верстъ и болѣе, и просилъ гетмана тѣ земли у запорожскихъ козаковъ отобрать. Запорожскіе козаки, напротивъ, доказывали, что хотя старосамарскіе жители въ тѣхъ вольностяхъ и лѣсъ рубили, и сѣно косили, и рыбу ловили, и землю пахали, и пчелу разводили, но дѣлали то по дозволенію войска запорожскаго и самарскихъ полков-

[1]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1846, 53.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 135.

никовъ за извѣстную, отбираемую отъ нихъ въ пользу войска, десятину [1]). Тогда отъ запорожскихъ козаковъ потребовали подлинные документы на право владѣнія ихъ вольностей; по этому требованію кошевой Данило Стефановъ Гладкій, 1753 года, октября 6 дня, отправилъ въ войсковую малороссійскую генеральную канцелярію копію съ универсала гетмана Богдана Хмельницкаго, 1655 года, и указа императрицы Елизаветы Петровны 1746 года и просилъ гетмана графа Кирилла Разумовскаго, чтобы и онъ «по силѣ того гетмана Богдана Хмельницкаго унѣверсалу», подтвердилъ собственнымъ универсаломъ же права запорожцевъ на владѣемыя ими земли. Но гетманъ Разумовскій, на основаніи однихъ копій съ крѣпостныхъ документовъ, а болѣе всего на основаніи копіи съ универсала Хмельницкаго, никѣмъ не засвидѣтельствованныхъ, исполнить просьбу запорожцевъ отказался. Онъ потребовалъ, чтобы запорожцы, а съ ними вмѣстѣ и старосамарцы, представили подлинные документы, выслали депутатовъ отъ войска, назначили слѣдователей съ той и другой стороны и законно указали, «по какія точно мѣста владѣніе запорожскаго войска должно простираться, и какими землями старосамарскіе жители исправде владѣли и нынѣ имъ владѣть надлежитъ» [2]). Созванные по этому поводу запорожскіе старожилы также подтвердили, что войско запорожское издавна владѣло угодьями по Самарѣ до рѣчки Орели, почему Кошъ вновь просилъ черезъ гетмана императрицу Елисавету Петровну, «чтобъ полтавскому полку въ Самарѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ владѣніе, по силѣ означеннаго 1746 года правительствующаго сената указа, отказать и туда въ Самарь ни за чѣмъ тому полку и старосамарскимъ жителямъ мѣшаться не велѣть» [3]). На эту просьбу запорожскихъ козаковъ послѣдовалъ въ 1756 году, августа 10 дня, слѣдующій отвѣтъ: «Хотя войско запорожское просило объ отказѣ старосамарскимъ жителямъ во владѣніи самарскими мѣстами и о дачѣ тому запорожскому войску на всѣ владѣемыя ими изъ давнихъ временъ земли и угодья грамоты, то понеже о всѣхъ владѣемыхъ ими, запорожцами, земляхъ и угодьяхъ, кромѣ выше реченныхъ въ 1746 году опредѣленныхъ мѣстъ, въ нашемъ правительствующемъ сенатѣ

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 47.
[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 78.
[3]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 132, 133.

точнаго извѣстія и описанія нѣтъ, а грамоты 1688 и универсалы 1655 годовъ, на которые они, запорожцы, ссылаются, какъ здѣсь въ малороссійскихъ дѣлахъ, такъ и въ Москвѣ въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ не нашлося, такожъ хотя отъ запорожскаго войска въ 1752 году отъ 5 октября писано, что когда гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ подъ всероссійскую державу поддался, въ то время и еще напредь и послѣ того войско запорожское рѣкою Днѣпромъ отъ Переволочной и впадающими по обѣ стороны въ оную рѣку Днѣпръ всѣми рѣчками и другими угодьями, а паче рѣчкою Самарою и имѣющимися въ оной лѣсами, степями и протчими угодьями владѣли, а малороссійскіе жители якобы никогда тою землею не владѣли, то оное войско запорожское представляетъ весьма напрасно, и имъ, запорожцамъ, толь многихъ земель, какъ они пишутъ, даже по самую Переволочну присвоивъ, допустить не слѣдуетъ, ибо когда гетманъ Богданъ Хмельницкій съ народомъ малороссійскимъ подъ высоковластную державу россійской имперіи въ подданство пришелъ, въ то время всѣ городы, села и деревни и оное войско запорожское состояли въ одной дирекціи гетманской и между Малою Россіею и войскомъ запорожскимъ границъ не было, но гдѣ имѣлись незанятыя поселеніемъ пустыя земли и лѣсныя угодья, тамъ какъ запорожскимъ, такъ и малороссійскимъ козакамъ въ пристойныхъ мѣстахъ пасѣки держать, рыбу и звѣрей ловить было невозбранно, а къ Сѣчи запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало» [1]).

Въ 1751 году границы вольностей запорожскихъ козаковъ также значительно сократились, вслѣдствіе отдачи нѣкоторой части ихъ подъ поселенія вышедшихъ въ Россію сербовъ и румынъ. Сперва, въ 1752 году, явились въ Россію сербы съ Иваномъ Хорватомъ отъ—Куртичемъ во главѣ; они заняли сѣверозападную окраину запорожскихъ степей и образовали здѣсь такъ называемую Новую-Сербію съ крѣпостью св. Елизаветы, названною въ честь имени императрицы Елисаветы Петровны, состоявшую изъ правильнаго шестиугольника и имѣвшую вмѣстѣ съ внѣшними укрѣпленіями до 6 верстъ въ окружности. Новосербамъ даны были лучшія земли теперешней херсонской губерніи по рѣчкамъ Тясьмину, Выси, Синюхѣ и верстъ 60 южнѣе степи между Бугомъ и Днѣп-

---

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 136, 137.

ромъ. Цѣлью поселенія новосербовъ была охрана окраины русскихъ земель отъ запорожцевъ и татаръ. Охрана эта состояла въ томъ, что новосербы строили рядъ земляныхъ шанцевъ и форпостовъ, въ которые сажали милицію, наблюдавшую за всякимъ движеніемъ козаковъ и татаръ. Такъ, въ Тресагахъ, на рѣчкѣ Выси, у польской границы, устроена была пятиугольная крѣпость, а разныя другія селенія укрѣплены были четыреугольными шанцами и названы вмѣсто русскихъ именъ именами крѣпостей австрійской военной границы: Ольховатка—Панчовымъ, Нестеровка—Вершацомъ, Стецовка—Шолмошемъ, Андрусовка—Чонградомъ, Плахтіивка—Зимунемъ и т. п. Для того, чтобы предупредить набѣги запорожцевъ и татаръ на Новосербію и дальше, поселенцы ставили на высокіе курганы обвязанные соломой шесты и, при первыхъ признакахъ опасности, зажигали ихъ огнемъ и тѣмъ самымъ ставили жителей въ оборонительное положеніе [1]).

Въ слѣдъ за сербами Ивана Хорвата и отъ-Куртича пришли въ Россію, въ 1753 году, изъ Австро-Венгріи славяносербы съ Иваномъ Шевичемъ и Райкомъ де-Прерадовичемъ во главѣ: они заняли сѣверовосточныя окраины запорожскихъ степей и образовали здѣсь такъ-называемую Славяносербію съ крѣпостью Бахмутомъ, получившею названіе отъ рѣчки Бахмута, притока Сѣвернаго Донца. Тогда отъ вольностей запорожскихъ козаковъ отошелъ съ одной стороны, въ сѣверовосточномъ углу, участокъ земли, заключенный между рѣчками Сѣвернымъ-Донцомъ, Бахмутомъ и Луганью, и съ теченіемъ времени все пространство земли почти до самой вершины лѣваго притока Днѣпра Самары; а съ другой, въ сѣверозападномъ углу, отъ вольностей запорожскихъ козаковъ отошелъ большой участокъ земли, начиная отъ устья рѣчки Кагарлыка [2]) и идя далѣе прямою линіей до верховья рѣчки Турьей, а отъ верховья рѣчки Турьей по устье рѣчки Каменки, лѣваго притока рѣки Ингула: отъ устья рѣчки Каменки на устье рѣчки Березовки, лѣваго притока того-же Ингула: отъ верховья Березовки на вершину рѣчки Омельника [3]) и отсюда внизъ по рѣчкѣ Омельнику до самаго устья ея, гдѣ она впадаетъ въ Днѣпръ, уступя отъ польскихъ границъ на 20 верстъ [4]).

---

[1]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, Спб., 1839, 170.

[2]) Теперь херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда.

[3]) Теперь херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда.

[4]) Карта де-Боксета 1751 года; грамота Разумовскому 1751 г., 9 сент.

Въ то-же время, въ 1752 году, апрѣля 20 дня, у запорожскихъ козаковъ отдѣленъ былъ еще участокъ земли отъ рѣчки Омельника внизъ къ рѣчкѣ Самоткани для поселеній тѣхъ-же новосербовъ. «Хотя къ Днѣпру на нѣкоторое небольшое разстояніе въ число тѣхъ опредѣленныхъ мѣстъ (новосербскихъ) рѣчка Самоткань и не пришла, но уже къ вѣчному поселенію тѣхъ обывателей границей ихъ владѣній, для живого рубежа, положена по самую рѣчку Самоткань, рѣчки же Бешка въ новосербскомъ и козачьемъ, а Верблюжка почти вся въ слободскомъ поселеніяхъ состоятъ». Въ силу этого указа всѣ запорожскіе зимовники, находившіеся по лѣвому берегу рѣки Самоткани, велѣно было, въ виду прекращенія ссоръ, воровства, грабительствъ и разбоевъ со стороны запорожскихъ гайдамакъ, перенести на другія удобныя мѣста, въ запорожскихъ-же дачахъ состоящія [1]).

Къ двумъ поселеніямъ, Новосербіи и Славяносербіи, въ то-же время, въ 1752 году, ноября 20 дня, по именному указу императрицы Елисаветы Петровны, прибавилось еще и третье, на границѣ вольностей запорожскихъ козаковъ, поселеніе слободскаго малороссійскаго полка. Опредѣленіемъ сената, отъ 18 августа, 1752 года, велѣно было водворить это поселеніе слободскаго малороссійскаго полка въ той-же сѣверозападной окраинѣ запорожскихъ земель, на 20 верстъ ниже новосербской границы, «учредить ихъ козаками такъ, какъ слободскіе полки состоятъ, и быть въ вѣдомствѣ крѣпости святыя Елизаветы коменданта» [2]). А указомъ 1756 года, іюня 16 дня, на имя коменданта крѣпости св. Елизаветы, Глѣбова, за слободскимъ малороссійскимъ полкомъ утверждались рѣчки—Самоткань, Бешка и Верблюжка, запорожцамъ же велѣно было владѣть по границу 1714 года, а всѣ запорожскія земли приказано было снять и положить на карту; но такъ какъ послѣднее не было исполнено, «то положена была только черта границы тогдашней Новосербіи и поставлены, въ немаломъ отдаленіи, подаваясь къ Сѣчи, компанейскихъ и малороссійскихъ полковъ форпосты» [3]). Въ 1758 году по снимку геодезиста Семена Леонтьева сѣверозападная граница вольностей запорожскихъ козаковъ, со стороны поселенія слободскаго малороссійскаго полка, ограничивалась чертой, начиная

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ. Спб.. 1888. 134—136.
[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 192, 144.
[3]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія. Москва. 1846. 35.

отъ устья рѣчки Чернаго-Ташлыка, притока рѣчки Синюхи, потомъ вдоль рѣчки Сугаклея-Камышеватаго, праваго притока рѣки Ингула, далѣе черезъ рѣку Ингулъ, лѣвый притокъ Ингула, рѣчку Аджамку, между верховьевъ рѣчекъ Каменки и Бешки, и кончая прямою линіей у лѣваго берега рѣки Днѣпра [1]). Въ слѣдующемъ году, марта 17 дня, сдѣлано было запорожскимъ козакамъ «крѣпкое подтвержденіе изъ селеній Новосербіи уходящихъ козаковъ отнюдь не принимать». Возникшіе пограничные споры между запорожцами и поселенцами слободскаго малороссійскаго полка заставили русское правительство выслать въ 1760 году, января 19 дня, геодезиста Ивана Исленьева, для размежеванія запорожскихъ земель, но запорожцы нашли въ размежеваніи Исленьева нѣкоторыя невѣрности, подали о томъ письменное прошеніе и тѣмъ удержали высланнаго геодезита отъ дальнѣйшихъ его дѣйствій. Въ 1763 году для размежеванія границъ между владѣніями запорожскихъ козаковъ и поселянъ слободскаго малороссійскаго полка высланы были запорожскіе депутаты, но, за спорами, противники вновь не пришли ни къ какому соглашенію [2]).

Спустя три года, въ 1766 году, границы вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись со всѣхъ сторонъ слѣдующимъ образомъ. «Земли запорожскихъ козаковъ, состоящія большею частію изъ пустой и дикой степи и простирающіяся въ окружности около 1700 верстъ, распространяются отъ Сѣчи по правой сторонѣ рѣки Днѣпра внизъ къ Кизыкерменю до рѣки Каменки, гдѣ начинается турецкая граница къ Очакову, около 100 верстъ. Отъ устья этой рѣки Каменки земли идутъ по рѣкѣ Бугу черезъ рѣчки Ингулецъ, Висунь, Ингулъ, Громоклею, Еланецъ, Солоную, Мертвоводъ, Гарбузинку и Ташлыкъ до Буга, по учрежденной границѣ съ турецкою областью, болѣе 160 верстъ. Съ другой стороны Сѣчи земли шли вверхъ по Днѣпру до устья рѣки Самоткани, потомъ по рѣчкѣ Самоткани и черезъ степь по границѣ новороссійской губерніи до рѣчки Буга, разстояніемъ болѣе 550 верстъ. Съ лѣвой стороны рѣки Днѣпра земли запорожскихъ козаковъ идутъ отъ устья рѣки Конки вверхъ по Днѣпру мимо пороговъ, даже до устья рѣки Самары, потомъ вверхъ по Самарѣ до рѣки Конки, далѣе по-надъ Конкою до устья ея въ Днѣпръ ниже Каменнаго-

[1]) Записки одесскаго общ. ист. и древн., приложенія: карта де-Боксета.
[2]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1846, 54.

Затона, что противъ Никитинской заставы, гдѣ запорожскіе козаки содержатъ черезъ Днѣпръ перевозъ на крымской дорогѣ; въ этой окружности болѣе 850 верстъ» [1]).

Въ 1768 году, когда пограничные форпосты украинской линіи «сведены были на самую черту», запорожцы вновь подняли вопросъ о неправильномъ захватѣ ихъ земель новосербами и требовали новаго размежеванія границъ. А спустя два года, когда учрежденъ былъ постъ изъ запорожскихъ козаковъ въ слободѣ Желтой, для защиты поставщиковъ провіанта во время второй турецкой войны, запорожцы захватили эту слободу себѣ, устроили въ ней паланку, а около нея постепенно забрали нѣкоторыя другія селенія съ ихъ людьми, и потомъ объявили, что и елисаветградская провинція поселена на ихъ собственной землѣ [2]).

Съ 1772 по 1774 годъ на картѣ елисаветградской провинціи владѣнія вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись линіей отъ устья рѣчки Мигейскаго-Ташлыка, впадающаго въ Бугъ съ лѣвой стороны, и кончая устьемъ рѣчки Самоткани, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, границей, установленной въ 1764 году; на южной границѣ отъ рѣки Буга ниже Мигейскаго-Ташлыка черезъ Гарбузинку, Мертвоводъ, Солоную, Еланецъ, Ингулъ, по-надъ правымъ берегомъ Доброй, черезъ Висунь, Ингулъ и къ устью рѣчки Каменки, впадающей въ Днѣпръ выше Кизыкерменя» [3]).

На сѣверовостокѣ и юговостокѣ въ это-же время, въ 1772 году, запорожскіе козаки показывали границу своихъ вольностей слѣдующимъ образомъ. «Отъ вершины Орели, съ-подъ крѣпости Тройчатой, до вершины Береки, а оною прямо по-надъ линіей противъ Петровской крѣпости въ Донецъ упавшей на устье оной (т. е. отъ вершины Береки до устья ея), въ которую Береку впадаютъ рѣчки Бритай и Камышеватая; отъ устья рѣчки Береки прямо Донцемъ до Тавалскаго байрака по зовемой новой чертѣ Княжемъ Косоговымъ рвомъ, дѣланной до Теплянскаго Святогорскимъ монастыремъ владѣемаго лѣса; отколь же по той чертѣ Голою долиною на гору до урочища Сѣрковой могилы, гдѣ нынѣ форпостъ состоитъ; отъ той могилы въ Сухой-Торецъ на Сѣркову гатку; отъ гатки до урочища рѣчки Бычка, зовемого нынѣ Клибыною; чрезъ оный же Бычокъ въ Кривой-Торъ на Песчаный

[1]) Чернявскій въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 80.

[2]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1847, 54.

[3]) Ястребовъ. Объяснительная записка Елисаветград. провинціи, 1885.

бродъ и черезъ вершину рѣчки Кринки на пограничныя поблизу Міуса двѣ могилки; отъ могилокъ чрезъ Міусъ на вершину Морскаго Чулека: отъ Чулека на устье Темерника, впадающаго въ рѣку Донъ, до граничныхъ могилъ» [1]).

Въ 1774 году, послѣ мира Россіи съ Турціей въ Кучукъ-Кайнарджи, 10 іюля, владѣнія запорожскихъ козаковъ увеличились съ одной стороны, по лѣвому берегу Днѣпра, большимъ участкомъ земли противъ бывшей турецкой крѣпости Кинбурна, а съ другой стороны, по правому берегу Днѣпра, тѣмъ угломъ земли, который находится между устьями рѣкъ Каменки и Буга и рѣчки Ташлыка. Тогда границы запорожскихъ владѣній установлены были въ такихъ граняхъ: по лѣвой сторонѣ Днѣпра пограничная линія шла, начиная снизу вверхъ отъ мыса Кинбурна, отдѣляющаго Черное море отъ днѣпровскаго лимана, по-надъ лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра мимо Збурьевскаго кута до урочища Голаго перевоза и нарочно насыпаннаго съ углями при перевозѣ кургана, разстояніемъ 75 верстъ. Отъ этого кургана, отъ юга къ западу, на твердую землю прямою линіею 3 версты и 194 сажени до стоявшаго на дорогѣ кургана; отъ этого втораго кургана, отъ юга къ западу, прямою линіей, длины 7 верстъ и 290 саженъ до третьяго нарочно насыпаннаго съ углями кургана; отъ этого третьяго кургана, отъ юга къ западу, прямою линіей, длины 5 верстъ и 116 саженъ на случившійся курганъ Мезарлы-Тепе; отъ кургана Мезарлы-Тепе, повернувъ отъ запада къ сѣверу, прямою линіей черезъ Копъ-Кую или Каменный-Колодезь до Чернаго моря, длиною 28 верстъ, до нарочно насыпаннаго у берега кургана; берегомъ же Чернаго моря отъ повторяемаго колодца до Кинбурна 46 верстъ, чѣмъ и замыкалась вся окружность земли къ Кинбурну.

Въ соотвѣтствіе этому, на правомъ берегу Днѣпра пограничная линія шла по рѣкѣ Бугу отъ Гарда или отъ устья рѣчки Ташлыка при Гардѣ, тамъ, гдѣ лежалъ камень для означенія границы, до самаго устья Буга при урочищѣ Скелевскомъ-Рогѣ, ниже Семенова-Рога, и отсюда вверхъ по Днѣпру до того мѣста, гдѣ въ него впадаетъ рѣчка Каменка. Соединеніе водъ Днѣпра и Буга дѣлало живую границу между владѣніями турецко-татарскими и запорожскими. Разстояніе отъ Гарда или отъ прежней границы при устьѣ впадающей въ Бугъ незначительной рѣчки

---

[1]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 325.

Ташлыка, по лѣвому берегу Буга до Скелевскаго-Рога—179 верстъ, и исключая разные повороты, слѣдуя по дорогѣ, также не прямой линіей, 130 верстъ. Отъ пограничнаго камня при Гардѣ или рѣчкѣ Ташлыкѣ граница шла внутрь земли чрезъ рѣчку Гарбузинку на сдѣланные нарочно при ней два кургана, отъ юга къ востоку, разстояніемъ 10 верстъ и 20 саженъ; отъ тѣхъ кургановъ на урочище Сагайдакъ[1]) при рѣчкѣ Мертвоводѣ чрезъ рѣчку Гарбузинку, отъ юга къ востоку, длиною 10 верстъ и 150 саженъ, а перейдя Сагайдакъ, къ рѣчкѣ Солоной на Каменную мечеть, отъ юга къ востоку, длиною 10 верстъ и 80 саженъ, до нарочно насыпанныхъ кургановъ; отъ кургановъ черезъ рѣчки Солоную и Еланецъ, отъ юга къ востоку, на Аргамаклы-Сарай («Дворецъ на Громоклеѣ»), длиною 27 верстъ и 450 саженъ, до двухъ кургановъ; и тою-же линіею чрезъ рѣчку Аргамаклы (Громоклею), надъ которой насыпаны два кургана; отъ Сарая разстоянія 2 версты и 50 саженъ. А всего по этой линіи 30 верстъ, и отъ всѣхъ кургановъ по-надъ берегомъ внизъ этой рѣчки Аргамаклы, отъ юга къ востоку, длина 4 версты и 320 саженъ, на такіе-жъ два кургана: отъ двухъ кургановъ по тому-жъ направленію, отъ юга къ востоку, на два новыхъ кургана, длиною 5 верстъ и 150 саженъ; отъ этихъ двухъ кургановъ къ рѣкѣ Ингулу на такіе-жъ два кургана, отъ юга къ востоку, длиною 5 верстъ: отъ этихъ кургановъ черезъ рѣку Ингулъ на два кургана въ томъ-же направленіи, длиною 1 верста и 350 саженъ: а отъ этихъ кургановъ степнымъ подомъ къ вершинѣ рѣчки Доброй, въ томъ-же направленіи, длиною 35 верстъ и 400 саженъ, гдѣ на случившемся тутъ большомъ курганѣ выкладены камнемъ два малые кургана, подобные граничнымъ; и отъ того большаго кургана, въ томъ же направленіи, черезъ рѣчку Вулсунъ (Висунь) на сдѣланные граничные два кургана, длиною 5 верстъ и 300 саженъ: а отъ тѣхъ кургановъ до Бѣлыхъ-Криницъ, отъ юга къ востоку, длиною 16 верстъ и 450 саженъ; а отъ Криницъ 28 верстъ черезъ рѣчку Ингулецъ, въ томъ-же направленіи, на курганъ, который случился передъ устьемъ Каменки, не доходя одной версты[2]): а на самое устье Каменки до Днѣпра отъ

[1]) «Сагайдакъ» значитъ лукъ: «каменный берегъ фигурою лука вышелъ потому отъ татаръ тѣмъ урочище зовется».

[2]) «Отъ сихъ Криницъ, объявляли запорожцы, граничный курганъ отъ юга къ востоку длиною 40 верстъ и 350 саж, а отъ него уже къ устью Ка-

тѣхъ Криницъ, въ томъ-же направленіи, разстояніемъ 49 верстъ, чѣмъ и оканчивалась граница угла степи, по землѣ, дѣлая отъ Гарда длины 193 версты и 225 саженъ; а весь округъ угла степи, считая по берегамъ Днѣпра, обоихъ лимановъ и Буга, составлялъ 524 версты и 475 саженъ [1]).

Выше показанныхъ пунктовъ, Мерерлы-Тепе и устья Каменки, граница вольностей запорожскихъ козаковъ оставалась прежняя. Съ восточной стороны она шла рѣкою Конкою и другими рѣчками, составлявшими новую границу Россіи съ Турціей параллельно «новой» днѣпровской линіи, учрежденной въ 1770 году съ ея семью крѣпостями; начиналась она крѣпостью Александровской, потомъ шла по-надъ рѣчками Конкой и Бердой къ Азовскому морю, и оканчивалась при устьѣ Берды крѣпостью Петровской. Съ западной стороны, отъ Польши, владѣнія запорожскихъ козаковъ ограничивались рѣчкою Синюхою, отъ устья которой теченіе Буга внизъ составляло границу россійской имперіи съ турецкой [2]).

Наканунѣ паденія Сичи границы вольностей запорожскихъ козаковъ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ. Отъ рѣчки Бахмута ниже «старой» украинской линіи, учрежденной въ 1733 году и тянувшейся отъ устья рѣки Орели къ верховью Сѣвернаго-Донца до рѣки Буга, въ длину 600 верстъ, отъ устья Бердъ до «старой» украинской линіи, въ ширину 350 верстъ; на востокѣ съ Землей Войска Донскаго; на югѣ и западѣ съ землей турецкой—Очаковомъ и Крымомъ, а противъ Кубани—по Азовское море [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, однако, что запорожскіе козаки часто выходили за предѣлы своихъ вольностей, считая границы собственныхъ владѣній гораздо шире указанныхъ трактатами и постановленіями; такъ, на западѣ они полагали границею своихъ вольностей рѣку Случъ—«оце знай, ляше, де твое, а де наше», на востокѣ рѣки Чабуръ, Ею и Кубань [4]); въ предѣлахъ нынѣшней Кубанской области они жили даже осѣдло, какъ видно изъ указа

менки тожъ на курганъ, отъ юга къ востоку, длиною 8 верстъ и 150 саж., но какъ при тѣхъ курганахъ не видно знаковъ граничныхъ, какіе есть въ прочихъ мѣстахъ, то и граница отъ Криницъ назначена прямо на устье Каменки».

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 166, 171—173

[2]) Записки одес. общ. исторіи и древ., VII, 173, прим. 30, 179; XI, 225.

[3]) Калачовъ. Архивъ историч. и практическ. свѣдѣній, Спб., 1861, 5.

[4]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 152.

*

императрицы Елисаветы Петровны, отъ 11 іюля 1745 года, въ построенныхъ ими «шишахъ, не малыми ватагами», и занимались рыбною ловлею [1]).

Взятыя въ самыхъ обширныхъ предѣлахъ вольности запорожскихъ козаковъ въ примѣненіи къ современной географіи составляли всю екатеринославскую губернію съ ея девятью уѣздами: екатеринославскимъ, верхнеднѣпровскимъ, новомосковскимъ, александровскимъ, павлоградскимъ, бахмутскимъ, славяносербскимъ, ростовскимъ [2]) и маріупольскимъ, и значительную часть херсонской по рѣку Бугъ съ ея тремя уѣздами: херсонскимъ, александрійскимъ и елисаветградскимъ, исключая тѣхъ, которые находятся по правую сторону Буга: одесскаго, ананьевскаго и тираспольскаго; кромѣ того, къ запорожскимъ вольностямъ принадлежала нѣкоторая часть днѣпровскаго уѣзда теперешней таврической губерніи, внизъ отъ города Алешекъ, и небольшой участокъ земли, 60 верстъ длины при 66 верстахъ ширины, харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, съ центральнымъ селеніемъ Барвинковой-Стѣнкой.

---

[1]) Фелицынъ. Кубанскія областныя вѣдомости, Екатеринодаръ, 1890.

[2]) Ростовскій уѣздъ въ 1889 году отошелъ къ Землѣ Войска Донскаго.

Гидрографія, топографія и климатъ запорожскаго края.

Запорожскіе козаки занимали огромное пространство степей, прилегающихъ къ обоимъ берегамъ Днѣпра въ его нижнемъ теченіи, отъ восточной границы польскаго королевства и южной окраины владѣній малорусскаго и слободскаго козачества до рѣки Буга съ одной стороны и вдоль праваго берега рѣчки Конки и до рѣчки Калміуса, падающей въ Азовское море, съ другой. На этомъ пространствѣ степей имѣлось нѣсколько большихъ и малыхъ рѣкъ съ ихъ многочисленными притоками и рукавами или, какъ говорилось у запорожцевъ, съ степными рѣчками и низовыми вѣтками. Однѣ изъ этихъ рѣкъ протекали въ западной половинѣ запорожскихъ вольностей, другія въ восточной: рѣки западной части принадлежали къ бассейну Чернаго моря, рѣки восточной половины принадлежали къ бассейну Азовскаго моря. Изъ рѣкъ Черноморскаго бассейна извѣстнѣйшими были Днѣпръ и Бугъ рѣки.

Днѣпръ—это священная и завѣтная для запорожцевъ рѣка; въ козацкихъ думахъ онъ называется «Днипромъ-Славутою» [1], въ козацкихъ пѣсняхъ — «Днипромъ-братомъ», на лоцманскомъ языкѣ—«Козацкимъ шляхомъ». Въ предѣлахъ запорожскихъ козаковъ Днѣпръ начинался съ одной стороны выше рѣчки Сухого-Омельника, съ другой—отъ рѣчки Орели, и протекалъ пространство земли въ 507 верстъ, имѣя здѣсь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; въ предѣлахъ-же запорожскихъ козаковъ онъ характеризовался и всѣми особенностями своего теченія—порогами, заборами, островами, плавнями и

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни. Кіевъ, 1874, I, 217.

холуями. Всѣхъ пороговъ въ немъ при запорожскихъ козакахъ считалось девять—Кодацкій, Сурской, Лоханскій, Звонецкій, Ненасытецкій, иначе Дидъ-порогъ, Волниговскій, иначе Внукъ-порогъ, Будиловскій, Лишній и Вильный.

Самый большой и самый страшный изъ всѣхъ пороговъ — порогъ Неясытецкій или Ненасытецкій, названный, по однимъ, отъ птицы неясыти, въ старину водившейся здѣсь, по другимъ, отъ словъ «ненасыщаться», потому что онъ никогда не насыщается человѣческими жертвами несчастныхъ пловцовъ. Это—родоначальникъ и всѣмъ порогамъ порогъ, Дидъ-порогъ. Страшнымъ дѣлаютъ его и самое движеніе въ немъ воды, и тѣ громадные вѣковѣчные камни, которые частію торчатъ среди самаго порога, частію отдѣляясь отъ береговъ рѣки, выступаютъ далеко въ средину ея. Рѣка Днѣпръ, свободно и плавно несущая свои воды выше Ненасытеца, дойдя, потомъ до самаго порога и встрѣтивъ здѣсь несокрушимыя препятствія въ видѣ лавъ, скалъ, грядъ и мысовъ, съ непостижимой силой ударяется въ разныя стороны, бросается съ одного камня на другой, вслѣдствіе этого страшно волнуется, высоко вздымаетъ огромные валы серебристаго «бука», разбивается милліонами милліоновъ водяныхъ брызгъ, разлетается въ разныя стороны цѣлыми потоками водянной пыли, выкручиваетъ между скалъ бездонныя пучины и всѣмъ этимъ производитъ такой страшный шумъ и стонъ, который слышится уже на далекомъ разстояніи отъ порога и который въ самой рѣкѣ поглощаетъ собой всякій другой звукъ—и крикъ птицъ, и голоса людей. Издали кажется, какъ будто бы въ рѣкѣ семьсотъ тысячъ огромныхъ водяныхъ мельницъ безпрерывно стучатъ и переливаютъ воду черезъ свои колеса. «Винъ такъ мѐле, шо ажъ гремы́ть, ажъ земля тру́сытця»!.. Картина и по-истинѣ страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ по-истинѣ могучая и величественная, неподдающаяся никакому описанію и никакой кисти; для изображенія ея, говоря арабской пословицей, языку не достанетъ словъ, а воображенію красокъ. Особенно величественнымъ и особенно чарующимъ кажется Ненасытецъ съ высоты птичьяго полета праваго берега рѣки въ большой разливъ воды, когда вся поверхность его засеребрится бѣлой жемчужной пѣной, а громадные, изъ-подъ воды торчащіе, камни покроются множествомъ гнѣздъ мѣстныхъ птицъ крячковъ, безпрестанно снующихъ надъ порогомъ, ярко блистающихъ своими перьями на южномъ солнышкѣ, поминутно трепещущихъ ма-

леньким крылышками и жалобно оглашающихъ воздухъ своимъ свистомъ и чиликаньемъ; когда онъ порою и реветъ, и стонетъ, и высоко вздымаетъ свои воды, а потомъ сразу такъ обрывается и такъ стихаетъ, что становятся слышными даже переливы воды его, идущіе съ камня на камень, скользящіе съ лавы на лаву и дающіе возможность мѣстнымъ жителямъ тѣмъ самымъ предугадывать перемѣну погоды. Безъ сомнѣнія здѣсь, у этого завѣтнаго порога, въ виду его огромныхъ скалъ, въ живописномъ безпорядкѣ разбросанныхъ и по самому руслу, и по берегамъ рѣки, въ виду высокихъ могилъ, поднимающихся въ степи съ обѣихъ сторонъ рѣки и невольно наводящихъ на многія о прошлыхъ судьбахъ человѣчества грустныя думы: здѣсь, въ виду этого грознаго, дикаго и завѣтнаго порога, часто сиживали и часто любовались съ высокаго мыса на мчавшіяся по скатамъ скалъ кипящія волны рѣки истинные цѣнители красотъ природы, мечтатели въ душѣ, поэты въ рѣчахъ, художники въ пѣсняхъ, запорожскіе козаки. Любо имъ было смотрѣть на бѣшеную быстроту воды въ Ненасытецѣ; досчаная барка пробѣгала все пространство его, двѣ слишкомъ версты, въ четыре минуты, а лѣсной плотъ — съ небольшимъ въ одну минуту...

Отъ пороговъ отличаются заборы въ Днѣпрѣ; заборы—тѣже гряды дикихъ гранитныхъ скалъ, разбросанныхъ по руслу Днѣпра, какъ и гряды пороговъ, но только не пересѣкающія рѣку сплошь отъ одного берега до другаго, а занимающія часть ея, по преимуществу съ праваго берега рѣки, и такимъ образомъ оставляющія съ другаго берега свободный для судовъ проходъ. Всѣхъ заборъ считается въ Днѣпрѣ въ предѣлахъ низовыхъ козаковъ 91, но изъ нихъ большихъ, искони извѣстныхъ заборъ, было шесть—Волошинова, Стрѣльчья, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская. Отъ заборъ отличаются камни, одиноко торчащіе то тамъ, то сямъ среди рѣки или у береговъ ея; изъ множества камней, разбросанныхъ по Днѣпру, самыхъ извѣстныхъ было семь—Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники. Между порогами, далеко выше и далеко ниже ихъ, на всемъ Днѣпрѣ въ границахъ земли запорожскихъ козаковъ, считались 265 большихъ и малыхъ островов, изъ коихъ самыхъ извѣстныхъ было двадцать четыре—Великій, Романовъ, Монастырскій, Становой, Козловъ, Ткачевъ, Дубовый, Таволжанскій, Перунъ, Кухаревъ, Лантуховскій, Гавинъ, Хортица,

Томаковка, Стукаловъ. Скарбный, Скалозубъ, Коженинъ, Каиръ-Козмакъ, Тавань, Бургунъ, Тягинка, Дѣдовъ и Сомовъ [1]).

Почти все береговое пространство Днѣпра, исключая порожистаго, одѣто было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожскимъ козакамъ и лѣсъ, и сѣно, и множество дичи, и множество звѣрей. Плавни эти представляли изъ себя низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрѣзанную въ разныхъ направленіяхъ рѣчками, вѣтками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множествомъ большихъ и малыхъ озеръ и поросшую густымъ, высокимъ и непроходимымъ камышемъ. Изъ всѣхъ плавенъ въ особенности знаменита была плавня Великій-Лугъ, начинавшаяся у лѣваго берега Днѣпра, противъ острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяженіи около 100 верстъ, на томъ-же берегу внизъ по Днѣпру, противъ урочища Палійвщины, выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшаго въ средѣ суровыхъ товарищей своихъ «ни нéньки риднéнькои, ни сестры́ жалибнéнькои, ни дружи́ны вирнéнькои», всю родню составляли Сича да Великій-Лугъ: «Сичь—мате, а Велыкій-Лугъ—батько, оттáмъ трéба й умирáти»; запорожецъ въ Великомъ-Лугу, что въ необозримомъ морѣ: тутъ онъ недоступенъ «ни татарину-бусурманину, ни ляху поганому». Самое русло Днѣпра, на нѣкоторое пространство его, загромождено было такъ-называемыми хòлуями или карчами, т. е. подводными пнями деревьевъ, росшихъ по берегамъ рѣки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множествѣ обрушивавшихся на дно Днѣпра.

Рѣка Бугъ также была «славною» рѣкою у запорожскихъ козаковъ: она принадлежала имъ своимъ нижнимъ теченіемъ, отъ балки Большаго-Сухаго-Ташлыка до устья лимана, около 180 верстъ, по прямому направленію, длины: на этомъ пространствѣ его имѣлось—21 порогъ съ самымъ большимъ Запорожскимъ порогомъ, нѣсколько заборъ, нѣсколько отдѣльныхъ скалъ съ огромнѣйшими—Совой, Брамой, Пугачемъ и Протычанской, нѣсколько острововъ, каковы: Кременцовъ, Андреевъ и Гардовый, на коемъ была церковь, разрушенная, по преданію, козакомъ-ренегатомъ Саввою Чалымъ; нѣсколько пещеръ, особенно Кузней-пещерой, противъ селенія Мигіи, на лѣвомъ берегу рѣки; нѣсколько кось, напримѣръ: Жабурная Осниц-

[1]) О порогахъ, заборахъ, камняхъ и островахъ см. наше сочиненіе Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб. 1860, 33—50, 51—114.

Скала Монастырько въ Ненасытецкомъ порогѣ.

Къ стр. 24—25.

кая, Павлова, Балабанова, Кривая, Ожаровская, Русская и Волошская, и нѣсколько береговыхъ мысовъ, каковы Семеновъ и Скелеватый [1]).

Обѣ эти рѣки, Днѣпръ и Бугъ, питались своими рѣчками и вѣтками, приливавшими къ нимъ въ разныхъ мѣстахъ къ обоимъ берегамъ. Изъ множества притоковъ Днѣпра съ правой стороны наиболѣе извѣстными были: Сухой-Омельникъ, Мокрый-Омельникъ, Домоткань, Самоткань, Сура, Грушевка, Томаковка, Базавлукъ и Ингулецъ съ его знаменитымъ притокомъ Желтыми-Водами [2]); изъ множества притоковъ Днѣпра съ лѣвой стороны наиболѣе извѣстными были: Орель съ боковыми Богатой и Берестовкой, Самарь съ боковою Волчьей, состоящею изъ Ганчула и Янчула, Вороная, Осокоровка. Московка-Сухая, Московка-Мокрая, Конка, Бѣлозерка, Рогачикъ, Лопатиха, пять рѣчекъ Капрокъ, Сомова и Янушева. Изъ множества вѣтокъ Днѣпра съ правой стороны наиболѣе извѣстныя были: Ведмирка, Лѣсная, Тарасъ, Бугай, Днѣприще, Орлова, Подпильная, Павлюкъ, Скарбная, Сысина, Колотовская, Коловоротъ, Царева, Дармамовка, Омеловая, Космаха, Козацкая, Бургунка, Тягинка, Ингульская, Кошевая, Ольховка, Корабельная, Бѣлогрудова и Солонецкая. Изъ множества вѣтокъ Днѣпра съ лѣвой стороны неиболѣе извѣстныя были: Подпильная, Паньковка, Домаха, Кушугумъ, Рѣчище, Музурманъ, Плетениха, Темрюкъ, Конка, Святая, Метелиха, Лободиха, Бристана, Бабина, Татарка, Царевская, Евпатиха, Гребениха, Волошка, Шавулиха, Чаплинка, Костырская, Дурицкая, Таванская, Гниловодъ. Хруловая, Голубова, Алексѣева, Кардашинская, Маслова, Борщева, Солонецкая и Збурьевская [3]).

Изъ нѣсколькихъ притоковъ рѣки Буга съ лѣвой стороны наиболѣе извѣстные были: Синюха, Мигійскій-Ташлыкъ, Корабельная, Ташлыкъ, Еланецъ, Мертвводъ и Ингулъ съ главнѣйшими притоками его: Аджамкой, Сагайдакомъ, Грузской, Сугаклеей, Березнеговатой и Громоклеей.

Изъ рѣкъ-же Азовскаго бассейна запорожскимъ козакамъ принадлежали: Торецъ, Бахмутъ, Лугань, Калміусъ, Кальчикъ и три

---

[1]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 130—136.

[2]) Что Желтыя-Воды притокъ Ингульца, въ томъ убѣждаетъ Мышецкій, 7.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 119--160, 161—172.

рѣчки Берды, параллельно одна другой текущія съ сѣвера на югъ и впадающія непосредственно въ Азовское море.

Кромѣ рѣкъ, рѣчекъ и вѣтокъ въ запорожскомъ краѣ было не мало озеръ, гирлъ, лимановъ и прогноевъ. Изъ озеръ, гирлъ и лимановъ вдоль обоихъ береговъ Днѣпра считалось 465, вдоль лѣваго берега рѣки Орели—300, по обоимъ берегамъ рѣки Самары—24; изъ первыхъ особенно извѣстны были: Червоный лиманъ, противъ Червоной или Лысой горы, выше Рога Микитина; Великія-Воды, противъ устья рѣчки Базавлука, 6½ верстъ длины 50 саженъ ширины и 2 аршина средней глубины; Плетеницкій лиманъ, выше перваго впаденія рѣчки и вѣтки Конки въ Днѣпръ противъ Плетеницкаго-Рога, 4 версты длины; Бѣлозерскій лиманъ у лѣваго берега Днѣпра, ниже Плетеницкаго лимана, 5 верстъ длины и около 3 ширины; Хруловой или Чернечій лиманъ, противъ вѣтки Фроловской, ниже Корсунскаго монастыря, до 4 верстъ длины; Кардашинскій лиманъ, до 5 верстъ длины, противъ острова Потемкина; Солонецкія озера на островѣ Погорѣломъ; гирла Збурьевское и Бѣлогрудовское, лиманы Днѣпровскій и Бугскій и множество безымянныхъ соляныхъ озеръ около Днѣпровскаго лимана; кромѣ того, за правымъ берегомъ рѣчки Кальчика извѣстно было Бѣлосарайское озеро, а на Бердянской косѣ нѣсколько небольшихъ соляныхъ озеръ [1]).

Изъ разсмотрѣнія гидрографіи запорожскаго края видно, что край этотъ былъ далеко не маловоднымъ: центръ его прорѣзывается большою и многоводною рѣкою Днѣпромъ со множествомъ ея озеръ, а восточныя и западныя окраины изрѣзаны были въ разныхъ направленіяхъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, прогноевъ и ериковъ, которые, подобно жиламъ въ живомъ организмѣ, несли свои прѣсныя, горькія и соленыя воды по безмѣрнымъ степнымъ равнинамъ запорожскаго края; обиліе водъ въ своемъ краѣ козаки характерно выражали словами пѣсни:

«Зъ-устя Днипра́ тай до вершины—
Симсо́тъ ричо́къ ще й чотыри».

«Рѣчекъ въ сей землѣ, хотя по обширности ея и не весьма, однако довольно» [2]). Особенность этихъ рѣчекъ состоитъ въ томъ, что всѣ онѣ обыкновенно текутъ долинами отъ 1 до 8 верстъ

---

[1]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, 173—182.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 183.

ширины и рѣдко бываютъ окаймлены лѣсомъ, большею же частью камышемъ и травой, что объясняется свойствомъ самой почвы, по которой несутъ свои воды степныя рѣчки: при рѣчкахъ были и болота, но они часто высыхали въ знойное и сухое лѣто.

При всемъ этомъ климатъ въ землѣ запорожскихъ козаковъ нельзя назвать влажнымъ: напротивъ того, сухимъ, мало влажнымъ и нерѣдко даже вреднымъ для мѣстной растительности края. «Климатъ этой страны зависитъ отъ пояса, въ которомъ находятся степи, отъ сосѣдства холмистыхъ странъ на сѣверѣ, обширныхъ степей на востокѣ, морей на югѣ и возвышенностей на западѣ, въ частности отъ направленія балокъ, байраковъ и овраговъ на самыхъ степяхъ запорожскихъ»[1]). Сухость климата запорожскаго края происходитъ отъ шести причинъ: во-первыхъ, отъ возвышеннаго положенія, до 150 футовъ, степи надъ уровнемъ моря, по которому нижніе слои морскаго воздуха, вообще умѣряющіе лѣтній зной и зимнюю стужу, не имѣли такого вліянія на обширный край запорожскихъ козаковъ: во-вторыхъ, отъ открытаго положенія всего края, ни съ какой стороны не защищеннаго высокими горами: въ-третьихъ, отъ отсутствія большихъ лѣсовъ, задерживающихъ у себя влагу и умѣряющихъ до извѣстной степени климатъ всякой мѣстности: въ-четвертыхъ, отъ сосѣдства сухихъ и вредныхъ вѣтровъ, восточнаго и сѣверовосточнаго, дующихъ здѣсь по цѣлымъ мѣсяцамъ, уносящихъ съ собою всякую влагу, сушащихъ траву, лѣсную растительность и иногда вырывающихъ хлѣбъ вмѣстѣ съ корнями: въ-пятыхъ, отъ мелководья и незначительной величины рѣчекъ, текущихъ здѣсь крайне медленно, большею частью плёсами, въ лѣтнее время совершенно пересыхающихъ, покрывающихся болотными растеніями, очень часто гніющихъ и порождающихъ всякаго рода заразы, оттого нерѣдко имѣющихъ вредное вліяніе на мѣстныя произрастенія и совсѣмъ не умѣряющихъ сухости воздуха, какъ это въ особенности бывало въ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей, паланкѣ кальміусскаго вѣдомства[2]); наконецъ, въ-шестыхъ, отъ присутствія въ запорожскомъ краѣ множества балокъ и овраговъ, принимающихъ въ себя главную массу весенней и дождевой воды и не дающихъ возможности ей застаиваться на открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ и постепенно просачиваться подъ почву.

---

[1]) Штукенбергъ. Статистическіе труды. Спб. 1858, XXXV. 37.

[2]) Александровичъ. Краткій обзоръ маріупольскаго у., Маріуполь, 1887, 10.

Все пространство земли, занимаемое запорожскими козаками, носило характеръ по преимуществу степной. Запорожская степь имѣла своеобразную особенность: «открытая, безмолвная, усѣянная природными холмами, искусственными курганами, прорѣзанная оврагами и долинами, она иногда поражала глазъ прекрасною игрою зелени, иногда казалась изсушенною палящими лучами солнца» [1]. По характеру самой поверхности, по климату и растительности вся запорожская степь была далеко неодинакова: сѣверная окраина ея болѣе холмиста и болѣе возвышенна, южная окраина болѣе ровная и болѣе склонна къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: сѣверная окраина болѣе влажна и болѣе производительна; южная, чѣмъ ближе къ границѣ, тѣмъ безводнѣе и тѣмъ бѣднѣе растительностью: въ сѣверной окраинѣ балки многочисленнѣе, глубже и богаче растительностью, въ южной—балки малочисленнѣе, покатистѣе и бѣднѣе растительностью: наконецъ, сѣверная окраина запорожскихъ вольностей не такъ подвержена знойнымъ лучамъ солнца: южная особенно подвержена страшному дѣйствію палящаго солнца, нерѣдко истребляющаго здѣсь, напримѣръ при продолжительномъ бездождіи, всякую растительность, страшно накаляющаго степной воздухъ и производящаго глубокія въ землѣ расщелины. Отъ того южная окраина запорожскихъ степей, въ особенности теперешняя херсонская равнина, по преимуществу носила названіе у польскихъ и русскихъ писателей прошлыхъ вѣковъ «Дикаго поля», «Пустополя», «Чистополя». На этомъ «Дикомъ полѣ» спасительными оазисами были лишь немногія рѣки да нѣкоторыя балки, по берегамъ и склонамъ которыхъ удерживалась иногда и въ знойное, сухое и безводное лѣто лѣсная и травяная растительность.

Характерное явленіе запорожскихъ степей составляютъ такъ называемыя балки, овраги и байраки. Балками называются здѣсь болѣе или менѣе глубокія долины съ отлогими берегами, покрытыя травой, иногда лѣсомъ, и служащія естественными жолобами для стока водъ изъ степныхъ открытыхъ мѣстъ въ рѣки, рѣчки, озера, лиманы, прогнои и ерики: на языкѣ геологическомъ балками называются мертвые, недѣйствующіе, покрытые лѣсною или травяною растительностью, овраги: оврагами-же называются дѣйствующія балки, съ крутыми, обнаженными берегами, обрушивающимися отъ весеннихъ и дождевыхъ разливовъ и потому пропускающими вòды

---

[1]) Штукенбергъ. Статистическіе труды, Спб. 1858, XXXV, 40.

въ слой своей подпочвы; байраками называются тѣже овраги, но покрытые непремѣнно лѣсомъ, болѣе или менѣе густымъ и высокимъ.

Балки всегда представляли, какъ и теперь представляютъ, мѣстный типъ запорожской страны; при довольно значительной длинѣ, иногда въ нѣсколько десятковъ верстъ, онѣ нерѣдко доходятъ до 150 футовъ глубины и всегда имѣютъ направленіе къ морю, Черному или Азовскому [1]). Въ исторіи запорожскихъ козаковъ балки, овраги и байраки имѣли значеніе, какъ первые пункты постепенной колонизаціи обширной, дикой и пустынной степной равнины: «по симъ угодьямъ запорожское войско владѣло и промыслы свои имѣло», т. е, въ балкахъ или около балокъ заводились сперва бурдюги, потомъ зимовники и наконецъ села семейныхъ и несемейныхъ запорожцевъ. Главное мѣсто въ этомъ случаѣ, разумѣется, занимали балки по обоимъ берегамъ Днѣпра, затѣмъ балки по берегамъ его притоковъ, большихъ и малыхъ, и наконецъ балки по берегамъ степныхъ рѣчекъ. Всѣхъ балокъ, овраговъ и байраковъ въ степяхъ запорожскихъ козаковъ было по-истинѣ необозримое число, точно звѣздъ въ безконечномъ пространствѣ небесъ. Изъ множества ихъ можно назвать лишь главнѣйшія балки обоихъ береговъ Днѣпра, начиная отъ верхней границы вольностей запорожскихъ козаковъ и кончая нижними. По даннымъ XVII и XVIII вѣковъ такихъ балокъ у праваго берега Днѣпра было 95 и у лѣваго—36 [2]). Изъ первыхъ наиболѣе извѣстныя были: Звонецкая, Тягинская, Будиловскяя, Лишняя, Старо-Кичкасская, Хортицкая, Лютая, Золотая, Дурная, Мѣловая, Пропасная, Верхняя-Солонецкая, Широкая и Нижняя — Солонецкая. Изъ вторыхъ наиболѣе извѣстныя были: Лоханка, Тягинка, Дубовая, Таволжанская, Лишняя, Кичкасская, Бабина, Гнпетуха, Широкая и Валивала. Изъ степныхъ балокъ наибольшею извѣстностью пользовались: Дубовая или Гайдамацкая, падающая въ лѣвый притокъ Ингульца, Саксагань, теперь противъ усадьбы хутора Дубовой-Балки умершаго владѣльца Александра Николаевича Поля, екатеринославской губерніи, верхнеднѣпровскаго уѣзда, и балка Княжіе-Байраки, того-же уѣзда, начинающаяся отъ лѣваго притока Ингульца, Желтыхъ-Водъ, и падающая въ правый при-

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ; Екатеринославская г., Спб. 1863, VI, VII.

[2]) О балкахъ см. Вольности запорожскихъ козаковъ, 185, 217.

токъ Днѣпра. Мокрый-Омельникъ. Общее направленіе послѣдней балки съ югозапада на сѣверовостокъ, все протяженіе ея — 15 верстъ, наибольшая глубина при устьѣ ея, почти 60 саженъ прямого отвѣса: по преданію, эта балка получила свое названіе отъ какого-то князя Вишневецкаго, изсушившаго всѣ водные источники въ собственной землѣ, чтобы уморить своихъ крестьянъ отъ жажды, и томившаго ихъ даже долго послѣ своей смерти [1]): въ исторіи запорожскихъ козаковъ балка Княжіе-Байраки пріобрѣла большую извѣстность, какъ мѣсто первой битвы гетмана Богдана Хмельницкаго на Желтыхъ-Водахъ съ поляками въ 1648 году, 8 мая.

Недостатокъ лѣса также составлялъ характерное явленіе запорожскаго края: лѣса здѣсь росли только по мѣстамъ низменнымъ, наиболѣе влажнымъ или же наиболѣе суглинистымъ и супесчанымъ, т. е. по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ, по рѣчнымъ островамъ, склонамъ балокъ, овраговъ, пригорковъ: всѣ другія мѣста представляли изъ себя безлѣсную равнину, покрытую въ лѣтнее время травой, въ зимнее замурованную снѣгами. Изъ данныхъ прошлыхъ вѣковъ видно [2]), что лѣса въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ шли по правому и по лѣвому берегамъ Днѣпра, иногда подъ рядъ, иногда съ большими промежутками, отсюда далѣе къ югозападу до Буга и къ юговостоку до Азовскаго моря; видно также, что изъ всѣхъ окраинъ вольностей запорожскихъ козаковъ сѣверовосточная окраина, паланки протовчанская, орельская и самарская, теперешніи новомосковскій и частью павлоградскій уѣзды, по справедливости считались самыми лѣсистыми паланками всего Запорожья. Вдоль праваго берега Днѣпра лѣса начинались около рѣчекъ Мокраго и Сухого Омельниковъ и шли, то сплошь, то прерываясь, до вѣтки Дремайловки и ниже ея: все это громадное пространство земли, до 400 верстъ въ одну линію, составляло около 30.000, приблизительнаго счета, десятинъ лѣса. Кромѣ того на западъ отъ праваго берега Днѣпра лѣса встрѣчались по рѣчкамъ Сурѣ, Базавлуку, притокамъ Ингульца: Зеленой, Каменочкѣ, Терновкѣ и Саксагани; по Ингульцу, Бешкѣ, Аджамкѣ, Березовкѣ, между Березовкой и долиной Темной, гдѣ росъ «Соколиный» лѣсъ, до 400 десятинъ земли: между верховьемъ Ингула и Тарговицей, по Ингулу,

[1]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб. 1890, 213.

[2]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб., 1890, 241.

Сугаклеѣ, Сугаклейчику, Мертвоводу, Чечаклеѣ, Громоклеѣ, Кагарлыку, Терновой, по Бугу у Песчанаго брода, Виноградной-Криницы и Семенову-Рогу; по балкамъ Глубокой, падающей въ Желтыя Воды, Княжимъ-Байракамъ, гдѣ росъ дремучій и непроходимый лѣсъ; по Дубовой или Гайдамацкой балкѣ, падающей въ Саксагань, гдѣ и теперь стоятъ гигантскіе столѣтніе дубы [1]). Наконецъ къ западной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ примыкали еще лѣса Черный и Чута [2]), о которыхъ въ 1748 году говорилось: «владѣло-ли имъ войско запорожское прежде сего или нѣтъ, о томъ запорожскіе козаки не знаютъ; а была въ прежніе годы отъ кошеваго атамана Сѣрка въ ономъ лѣсу пасѣка, тому назадъ лѣтъ около 80» [3]); тутъ же были Нерубай и Кругликъ лѣсъ, «о которомъ также не было извѣстно, владѣло-ли имъ войско запорожское или нѣтъ» [4]). Черный лѣсъ и Чута нѣкогда составляли одинъ сплошной лѣсъ и служили продолженіемъ знаменитаго въ исторіи гайдамакъ Мотронинскаго лѣса, кіевской губерніи, чигиринскаго уѣзда; они пересѣкались лишь двумя рѣчками, Ирклейцемъ, отдѣлявшимъ кіевское воеводство отъ «дикаго поля», и Ингульцемъ, идущимъ отъ кіевской границы къ правому берегу Днѣпра. Черный лѣсъ въ настоящее время находится въ 35 верстахъ отъ Елисаветграда, близъ селенія Водяного, Чута близъ Красноселья, Нерубай лѣсъ близь Федваря [5]), Кругликъ около Цыбулева; взятые всѣ вмѣстѣ эти четыре лѣса въ настоящее время составляютъ 18.677 десятинъ густолиственнаго лѣса, состоящаго главнымъ образомъ изъ дуба, потомъ клена, береста, осины, орѣшника и др. [6]); въ немъ водились волки, лисицы, зайцы, дикіе кабаны, дикія козы, даже медвѣди, и множество птицъ разныхъ видовъ и родовъ. Въ исторіи запорожскихъ козаковъ Черный, Чута, Нерубай и Кругликъ лѣса играли ту важную роль, что въ нихъ часто скрывались запорожцы отъ преслѣдованія татаръ, турокъ и поляковъ; тутъ-же находили себѣ пристанище православные монахи отъ притѣсненія католиковъ, и страшные гайдамаки, поднимавшіе оружіе на защиту своихъ че-

[1]) Подробности о лѣсахъ въ сочиненіи Вольности козаковъ, 243—268.
[2]) Чута съ тюркскаго значитъ земляныя яблоки, иногда вообще растенія.
[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 74.
[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 74.
[5]) Списокъ населенныхъ мѣстъ; Херсонская губ., Спб., 1868, II, XXXVII.
[6]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, С.-Петербургъ, 1890, 249.

ловѣческихъ правъ противъ ненавистныхъ имъ поляковъ: гайдамаки особенно любили Черный и Чуту лѣсъ; у козаковъ XVIII вѣка сложился на счетъ Чернаго лѣса даже особый терминъ— «утикъ до Чорного лису» значило сдѣлался гайдамакою. Черный лѣсъ очень часто служилъ мѣстомъ, гдѣ собирались татары, козаки и поляки или какъ союзники, выступавшіе противъ московскихъ войскъ, или какъ противники, выходившіе на поле битвы между собою. Оттого неудивительно, почему народныя преданія говорятъ о существованіи въ этихъ лѣсахъ подземныхъ погребовъ, о сокрытыхъ въ нихъ скопищахъ кладовъ, о страшныхъ голосахъ, слышимыхъ по ночамъ между деревьевъ лѣса, о сѣдыхъ, усатыхъ запорожцахъ, одѣтыхъ въ красное, какъ огонь, платье и, съ трубками въ зубахъ, сидящихъ надъ грудами золота, въ глубокой думѣ въ подземныхъ пещерахъ лѣса, и т. п.

Приводя къ общему данныя о лѣсахъ западной окраины вольностей запорожскихъ козаковъ и исключая изъ этой окраины Черный и Чуту лѣсъ, какъ кажется, не принадлежавшіе de jure запорожскимъ козакамъ, мы находимъ, что эта окраина не отличалась лѣсною растительностью и была степной по преимуществу. «Отъ сѣвера къ устью рѣки Буга лѣсовъ довольныхъ нѣтъ, только по балкамъ мѣстами ростутъ яблони, груши, шиповникъ, хмель, виноградъ, крысберсень, вишня, ивнякъ, осокорь, боярышникъ, гордина, а болѣе всего терновникъ, все рѣдкими кустарниками» [1]).

Соотвѣтственно правому, шли лѣса и по лѣвому берегу Днѣпра; здѣсь начало ихъ у устья рѣки Орели, а конецъ у днѣпровскаго лимана; все это пространство земли заключало въ себѣ около 6.200 десятинъ лѣса, въ однихъ мѣстахъ шедшаго сплошь, въ другихъ съ большими промежутками; сверхъ этого по лѣвому берегу Днѣпра росъ знаменитый Великій-Лугъ, тянувшійся безпрерывно на протяженіи около 100 верстъ длины при 25 верстахъ наибольшей ширины, а ниже его знаменитая Геродотова Гилея, тянувшаяся съ большими перерывами, около 180 верстъ, до города Алешекъ. Какъ въ Великомъ-Лугу, такъ и въ Гилеѣ, росли громадныя деревья съ преобладаніемъ дуба надъ другими породами деревьевъ; о величинѣ деревьевъ здѣсь можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ дубамъ, которые находятся теперь въ Великомъ-Лугу: дубы эти

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

Порогъ Ненасытецкій.—Къ стр. 20—21.

свидѣтельствуютъ, что настоящіе днѣпровскіе лѣса только ничтожная пародія тѣхъ исполинскихъ лѣсовъ, которые нѣкогда своею могучею головою осѣняли широкій Днѣпръ.

Кромѣ лѣсовъ, по обоимъ берегамъ Днѣпра, такіе же лѣса росли по островамъ рѣки; всѣхъ островов на рѣкѣ Днѣпрѣ въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ считалось 265, и изъ нихъ большинство покрыто было лѣсомъ—чаще всего лозой, шелюгомъ, рѣже осокорями и еще рѣже дубами.

Къ сѣверовостоку и юговостоку отъ лѣваго берега Днѣпра, въ паланкахъ протовчанской, орельской, кальміусской, самарской, теперешнихъ уѣздахъ новомосковскомъ, павлоградскомъ, бахмутскомъ и александровскомъ, лѣса росли также болѣе по берегамъ рѣкъ, по склонамъ балокъ и байраковъ: въ этой области самыми лѣсистыми мѣстами были берега рѣкъ Орели и Самары. Орельскіе лѣса служили границей между вольностями запорожскихъ и владѣніями украинскихъ козаковъ: въ предѣлахъ запорожскихъ козаковъ они шли узкою полосой по лѣвому берегу Орели [1], начиная отъ впаденія въ нее рѣчки Богатой и кончая устьемъ ея, что составляло на протяженіи ста сорока двухъ верстъ около 5.690 десятинъ лѣса; преобладающей породой въ орельскихъ лѣсахъ былъ дубъ, достигавшій здѣсь свыше шести аршинъ въ окружности, до одного аршина съ десятью вершками въ діаметрѣ; кромѣ дуба, росли берестъ, ясень, кленъ, верба, дикія яблони и дикія груши. Къ востоку отъ орельскихъ лѣсовъ, на разстояніи прямою линіей около пятидесяти верстъ, по обоимъ берегамъ рѣки Самары, росли самарскіе лѣса: это—главная заповѣдная роща запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Самарскіе лѣса тянулись на протяженіи 182 верстъ при 20 верстахъ наибольшей ширины и, по справедливости, считались «знатными» «несходимыми» и «невидимыми» лѣсами, въ своемъ родѣ «муромскими дебрями». «Рѣка Самара, писалъ въ 1637 году Бопланъ, замѣчательна чрезвычайнымъ богатствомъ въ лѣсѣ, такъ что едва-ли какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ этомъ съ окрестностями Самары» [2]). Въ 1675 году, во время предполагавшагося похода на Крымъ московскаго ополченія, подъ предводительствомъ князя Григорія Ромодановскаго, и козацкаго войска, подъ начальствомъ гетмана Ивана Самойловича, рѣшено было идти «ниже посольской дороги на Самару для того, чтобы войску въ водахъ и дровахъ

[1]) Лѣса по правому берегу Орели принадлежали гетманскимъ козакамъ.
[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петебургъ, 1832, 18, 19.

утружденія не было» [1]). Въ 1682 году московскіе послы Никита Зотовъ и Василій Тяпкинъ сообщали, что на всѣхъ вершинахъ рѣкъ Орели и Самары и въ степяхъ близь нихъ «суть великія дубравы и лѣса, и терники, и тальники, и камыши» [2]). Въ 1766 году очевидецъ секретарь Василій Чернявскій писалъ, что изъ самарскихъ лѣсовъ запорожскіе козаки не только строили всѣ свои дома и зимовники, но въ 1756 году, послѣ бывшаго въ Сичи пожара, обратившаго большую часть ея въ пепелъ, всѣ козацкіе курени, купеческіе и мастеровые дома сызнова построили и «всегда на согрѣваніе и на прочія свои потребности дрова употребляли» [3]). Самарскіе лѣса состояли изъ деревьевъ самыхъ разнообразныхъ породъ — ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орѣшника съ преобладаніемъ, однако, какъ и на Орели, дуба. Между деревьями лѣса, особенно вблизи рѣчекъ, были обширные луга, сѣнокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимой травой; по лугамъ паслись дикія козы, кабаны, туры, въ чемъ убѣждаютъ насъ и въ настоящее время находимые здѣсь турьи рога. То, что̀ сказано было о самарскихъ лѣсахъ 250 лѣтъ тому назадъ французскимъ инженеромъ Бопланомъ, почти тоже можно сказать о нихъ и въ настоящее время. Не смотря на варварское обращеніе мѣстныхъ владѣльцевъ съ самарскими лѣсами, они все-же поражаютъ человѣка даже и въ настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своихъ деревьевъ: въ нихъ и теперь ростутъ сосны, имѣющія въ обхватѣ 6, дубы 9, а вербы 10 аршинъ. Что же тутъ было въ далекомъ прошломъ? Объ этомъ можно судить по тѣмъ окаменѣлымъ гигантскимъ дубамъ, которые находятся въ разныхъ мѣстахъ на днѣ русла рѣки Самары. Такихъ дубовъ можно видѣть цѣлую сѣть, при пониженіи воды въ рѣкѣ, близь села Вольнаго. Въ настоящее время самарскіе лѣса тянутся на протяженіи около 100 верстъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Самары, съ нѣкоторыми, однако, перерывами, начиная отъ того мѣста, гдѣ Самара принимаетъ въ себя рѣчку Волчью, на границѣ новомосковскаго и павлоградскаго уѣздовъ, и кончая выше мѣстечка Игрени при устьѣ ея.

Къ востоку отъ Самары шли небольшіе лѣса по рѣчкамъ Нижней-Терсѣ, Соленой, Волчьей, Ганчулу, Янчулу, Мокрымъ-

[1]) Акты южной и западной Россіи, томъ XII, страницы 145, 155.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отд. II, 573.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 85.

Яламъ, Бахмуту, Калміусу, Кальчику, по склонамъ Азовскаго моря и по нѣкоторымъ степнымъ оврагамъ и пустошамъ; изъ всѣхъ этихъ лѣсовъ самые большіе были дибривскіе на рѣчкѣ Волчьей, гдѣ считалось всего лѣсу до 425 десятинъ, съ преобладаніемъ дуба надъ другою лѣсною растительностью; потомъ бахмутскіе, имѣвшіе до 100.000 десятинъ протяженія, но едва-ли, однако, принадлежавшіе запорожскимъ козакамъ, и наконецъ, такъ-называемый Леонтьевскій буеракъ, у южной границы теперешняго Славяносербскаго уѣзда, нѣкогда составлявшій съ сосѣдними лѣсами Земли Войска Донскаго одну сплошную лѣсную дачу. Остальные лѣса всѣ вмѣстѣ составляли около 400 считанныхъ десятинъ и большею частью были мелкой породы, «чагары и тальники».

Изъ общаго обзора лѣсовъ въ запорожскомъ краѣ слѣдуетъ прямой выводъ тотъ, что земли, доставшіяся запорожскимъ козакамъ, носили характеръ по преимуществу степной: на пространствѣ степей длины въ 425 верстъ и ширины въ 275 верстъ или на 11.000.000 приблизительнаго счета десятинъ земли какихъ-нибудь 800.000 приблизительнаго счета десятинъ лѣса слишкомъ недостаточно для того, чтобы давать цѣлой странѣ характеръ лѣснаго края [1]). Впрочемъ, нельзя умолчать и о томъ, что во время запорожцевъ лѣсовъ было больше, нежели теперь, и въ началѣ историческаго существованія козаковъ больше, чѣмъ въ концѣ: причинами уменьшенія количества лѣснаго пространства были здѣсь чисто случайныя явленія: пожары и истребленія татарами, поляками, русскими во время большихъ походовъ, мѣстными обывателями во время построенія городовъ, при существованіи Запорожья новосербами, славяносербами и слободско-украинскимъ войскомъ, а послѣ паденія Запорожья мѣстными обывателями Новороссіи. Причины истребленія лѣса отчасти указаны были еще въ прошломъ столѣтіи: «Оттого, что боръ нѣсколько кратъ горѣлъ, а наипаче отъ татарскаго въ ономъ зимованія и безъ разбору порубленія, всѣ знатные лѣса гораздо рѣдки стали. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ—Самарѣ, Конкѣ и Калміусѣ—лѣса крайне разорены не только огрѣваніемъ отъ строгости зимы, кормленіемъ скота, порубленными верхушками и вѣтвями деревъ, употребленіемъ на постройку для скота загородовъ

[1]) Количество десятинъ земли разсчитано по картѣ де-Боксета 1751 года, а количество десятинъ лѣса взято по книгѣ Д. И. Эварницкаго: Вольности запорожскихъ козаковъ, 243, 268; вычисленіе производилъ профессоръ математики С. И. Шохоръ-Троцкій.

и вывозомъ въ свои аулы немалаго числа лѣсу, не обходя и садовыя деревья: но и насильнымъ забраніемъ при нѣсколькихъ зимовникахъ заготовленныхъ на строеніе колодъ, брусьевъ и досокъ, которые они въ свои степные аулы, подъ прикрытіемъ татаръ, привозили. Сіи дикіе и голодные народы около зимовниковъ и на лугахъ выбиваютъ травы и истравляютъ сѣно, разоряютъ молодой лѣсъ, чрезъ всю зиму крадутъ и грабятъ все, что только могутъ..., заготовленный къ строенію лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревьевъ. Одинъ изъ мурзъ, прошедшею весною (1765 года), забравъ найденный при нѣкоторыхъ зимовникахъ заготовленный на строеніе лѣсъ, на сорока возахъ, съ пятьюдесятью вооруженныхъ татаръ самъ до своихъ auловъ проводилъ, отбивая козаковъ въ провозѣ препятствовать хотящихъ»[1]). Не мало истребили лѣса новосербы, славяносербы и козаки слободско-украинской линіи, преимущественно съ 1752 по 1769 годъ[2]), а также первые поселенцы Новороссіи, послѣ паденія Сичи, при постройкѣ разныхъ городовъ—Елисаветграда, Бахмута, Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы, Севастополя, Алешекъ, Никополя и др. Сами помѣщики, получившіе послѣ запорожцевъ земли въ Новороссіи, частью даромъ, частью за ничтожную плату казнѣ, также много извели лѣсовъ или вслѣдствіе неправильнаго веденія хозяйства, или-же вслѣдствіе дробленія большихъ лѣсныхъ участковъ на малые, достававшихся нѣсколькимъ лицамъ сразу и вновь раздѣлявшихся ими на другіе мелкіе участки и за ничтожностью ихъ истреблявшихся до основанія[3]).

Относительно флоры лѣсной въ странѣ вольностей запорожскихъ козаковъ нужно сказать, что здѣсь росли почти всѣ тѣ породы деревьевъ, которыя свойственны Сѣверной Америкѣ, что происходитъ, можетъ быть, отъ сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лѣто, вѣтренная и непостоянная погода въ запорожскихъ земляхъ обусловливали и произрастаніе извѣстныхъ видовъ древесной растительности здѣсь, изъ коихъ господствующими были: липа, кленъ, вязъ, дубъ, берестъ, иначе илимъ, грабъ, ясень, осокорь, верба, шелковица, яблонь, груши, вишня, дуля, калина, ива, ольха, береза, сосна, орѣшникъ, чернокленъ, се-

---

[1]) Чернявскій въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 84, 85, 89, 90.
[2]) Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ, 1851, 35, стр. 29, сец. 204.
[3]) Журналъ государственныхъ имуществъ, 1855, февраль, 167, 169, 170.

ребристый тополь, глодъ, боярышникъ, кизилъ, кожевенное дерево, желтинникъ, крушина, жостеръ, таволга (sipiraca crenata), бузина, лоза, яворъ (чинаръ, ложноклень, нѣмецкій кленъ), барбарисъ, гордовое дерево и другія [1]).

Находясь у Азовскаго и Чернаго морей, занимая положеніе съ одной стороны между Турціей и Крымомъ, съ другой—между Польшей, Украйной и Великороссіей, земли запорожскихъ козаковъ неминуемо должны были пропускать черезъ себя главнѣйшіе пути къ означеннымъ морямъ отъ названныхъ странъ и изъ центральныхъ городовъ. Изъ этихъ путей одни шли по Днѣпру и его притокамъ, другіе—по степи вдоль или поперекъ ея балокъ и овраговъ: первые—рѣчные пути, вторые—сухопутные. Главный рѣчной путь начинался отъ верхнихъ границъ вольностей запорожскихъ козаковъ, выше праваго притока Днѣпра, Сухаго-Омельника, и лѣваго, рѣки Орели, и оканчивался противъ устья праваго-же притока Днѣпра, рѣки Буга: это—часть того знаменитаго пути «изъ варягъ въ Царьградъ», которымъ нѣкогда ходили наши предки, еще будучи язычниками, въ Византію съ торговыми и завоевательными цѣлями на своихъ однодревыхъ ладьяхъ или моноксилахъ. Сухопутные пути составляли такъ-называемые шляхи, т. е. большія торговыя или битыя дороги, тянувшіяся вдоль и поперекъ запорожскихъ земель и выходившія далеко за границу ихъ. Изъ послѣднихъ самыми извѣстными были: Муравскій шляхъ, шедшій по водораздѣлу днѣпровскаго и азовско-донскаго бассейна, и Черный, шедшій по водораздѣлу между Бугомъ и Днѣпромъ, съ ихъ боковыми второстепенными вѣтвями.

Муравскій шляхъ, получившій свое названіе, по болѣе вѣроятному передъ другими объясненію, отъ травы муравы [2]), шелъ изъ глубины Россіи, отъ Тулы, мимо Курска, Бѣлгорода, въ слободскую Украйну, потомъ черезъ Орель въ Запорожье: въ Запорожьѣ черезъ рѣку Самару, Волчьи-Воды и Конку; ниже Конки выходилъ за предѣлы козацкихъ вольностей и тянулся до самаго Перекопа [3]). Муравскій шляхъ у русскихъ считался способнѣйшимъ, прямѣйшимъ, гладкимъ и ровнымъ путемъ изъ Руси къ тата-

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852, 18. Срединскій. Матеріалы для флоры Новороссійскаго края, Одесса, 1872; Акинфіевъ. Растительность города Екатеринослава. Екатеринославъ, 1889.

[2]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб., 1890. 219.

[3]) Подробности о Муравскомъ шляхѣ смотри въ томъ-же сочиненіи.

рамъ»: у козаковъ онъ именовался «отвѣчнымъ, безкраїнымъ» шляхомъ; о немъ запорожцы говорили: «лежи́ть —га́ся простягла́ся, а якъ уста́не, то ії не́бо доста́не». Въ предѣлахъ Запорожья онъ шелъ на протяженіи болѣе 200 верстъ и на этомъ пространствѣ пролегалъ по безлюдной и дикой степи, гдѣ кромѣ небольшаго жилья на Самарѣ, до XVIII вѣка не было ни городовъ, ни селъ, ни хуторовъ, ни заѣзжихъ дворовъ; зато по обѣимъ сторонамъ его въ обильное дождями лѣто росла такая густая высокая трава, что за ней не было видно ни человѣка, ни воловъ: какъ идетъ, бывало, чумакъ по шляху, то отъ него только и видно, что «высокая шапка та довгій батигъ»: а кругомъ стоитъ, какъ море, сѣдой усатый ковыль, низко нагибающійся то въ одну, то въ другую сторону отъ легкаго дуновенія степнаго вѣтерка; свернетъ возъ съ дороги, то и не выплутаетъ изъ густой травы своихъ колесъ. Немудрено, поэтому, что путешественники, слѣдовавшіе изъ Россіи черезъ Запорожье въ Крымъ или Татарію, останавливались на ночлегъ въ отрытой степи и подъ открытымъ небомъ, спускаясь или на склонъ какой-либо балки, или на берегъ какой-нибудь рѣки; неудивительно также и то благоразумное опасеніе, съ которымъ путники шли по этому шляху: такъ, московскіе послы, Василій Тряпкинъ и Никита Зотовъ, шедшіе въ 1681 году въ Крымъ, повернувъ отъ Сумъ къ Муравскому шляху, взяли съ собой для охраны 600 рейтаръ и украинскихъ козаковъ [1]). Къ этимъ неудобствамъ движенія по Муравскому шляху присоединялось еще и то, что путешественникамъ часто приходилось или идти въ бродъ чрезъ встрѣчавшіяся на пути рѣчки, или же самимъ мостить гати и по нимъ переправляться съ одного берега на другой. Муравскій шляхъ былъ обыкновенной дорогой, по которой татары врывались въ Украйну: «А ходятъ изъ Крыма татаровя по сей лѣвой сторонѣ Днѣпра на Муравскіе шляхи, не переходя Днѣпра, украинскіе пороги». По Муравскому шляху не разъ и запорожскіе козаки дѣлали свои набѣги на Крымъ [2]). Въ XVII вѣкѣ, послѣ возведенія городовъ въ слободской Украйнѣ, татары уже старались избѣгать Муравскаго шляха: «Крымскіе люди Муравскою и Изюмскою саймою противъ крѣпостей не пойдутъ» [3]). Изъ боковыхъ вѣтокъ Муравскаго шляха извѣстны были: Крым-

[1]) Записки одес. об. ист. и древ. II, отдѣл. II, III, 572—573.

[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 15; XII, 101, 102.

[3]) Акты южной и западной Россіи, томъ X. стр. 414.

скій или Чумацкій, отдѣлявшійся отъ Муравскаго у Волчьихъ-Водъ, шедшій вдоль лѣваго берега Днѣпра по-надъ Великимъ Лугомъ, потомъ поворачивавшій отъ Днѣпра въ степь и доходившій до города Перекопа; Изюмскій, сходившійся съ Муравскимъ «у верха рѣки Орели», и Калміусскій, сходившійся съ Муравскимъ у Конскихъ-Водъ [1]).

Черный-польскій или Шпаковъ шляхъ, у турокъ Чорна Іслахъ [2]), получившій свое названіе отъ Чернаго лѣса, выходилъ изъ глубины Польши отъ Варшавы на Козинце, Пулавы, Маркушевъ, Люблинъ, Жолкѣевъ, Львовъ, мимо Умани, на Тарговицу, черезъ рѣчку Синюху и отсюда въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ черезъ рѣчки Ольшанку, Кильтеп... оль Малой-Выси, на Великую-Выську, надъ вершинами Костоватой и Бобринца, потомъ водораздѣломъ между Тышлыкомъ и Мертвоводомъ до устья самаго Ташлыка къ Бугу, наконецъ за Бугъ до шляху Керванъ-Іоль, т. е. Караванной дороги.

Кромѣ Чернаго шляха, по западной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ шли еще шляхи: Крюковскій, отъ Крюкова вдоль праваго берега Днѣпра, мимо пороговъ, на Кичкасъ, потомъ на Крымскій или Чумацкій шляхъ. Крымскій отъ Китай-Города на Романково, вдоль рѣчки Базавлука, потомъ черезъ Базавлукъ съ праваго на лѣвый берегъ его, до станціи Степной, отсюда черезъ Днѣпръ, его притоки Святую-Горькую-Воду, Бѣлозерку, Рогачикъ и наконецъ въ Татарію: это была «дорога, по которой купцы шли прямо въ Крымъ» [3]). Переволочанскій отъ Переволочны на Саксагань, Базавлукъ, Солоную, въ Новую Сичу и потомъ съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра до Крымскаго шляха. Микитинскій отъ Мишурина-Рога на Коржевы могилы, Базавлукъ, Солоную, Чортомлыкъ, Микитино, черезъ Днѣпръ и на Крымскій шляхъ. Кизыкерменскій отъ Кременчуга на Желтое, Куричью-Балку, Недайводы, водораздѣломъ Саксагани и Ингульца, на Кривой-Рогъ, вдоль Ингульца, черезъ Давыдовъ-Бродъ, въ Кизыкермень, черезъ Днѣпръ и на Крымскій шляхъ. Кромѣ того, между Микитинскимъ и Кизыкерменскимъ шляхами были еще Коржевъ и Саксаганскій шляхи [4]).

---

[1]) Подробности въ нашемъ трудѣ Вольности козаковъ, 225.

[2]) Шермуа. Набѣгъ крымскихъ татаръ на Польшу въ 1653 году.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб., 1890, 228.

[4]) Подробности смотри въ томъ-же сочиненіи, 228—230.

Въ югозападной окраинѣ вольностей запорожскихъ козаковъ пролегали три шляха—Гардовый или Королевскій, Сичевой-высшій и Сичевой-низшій. Гардовый шляхъ получилъ свое названіе отъ Гарда на Бугѣ: онъ-же носилъ названіе Королевскаго, какъ думаютъ, отъ того, что на немъ польскій король Янъ Альбрехтъ въ 1489 году одержалъ побѣду надъ татарами и турками [1]; онъ выходилъ изъ Подоліи, шелъ черезъ Бугъ по одному изъ каменныхъ мостовъ, построенныхъ Витовтомъ на этой рѣкѣ [2], потомъ входилъ въ предѣлы вольностей запорожскихъ козаковъ и тутъ тянулся на продолженіи 300 верстъ, отличаясь замѣчательною прямизной, до устья рѣчки Каменки, гдѣ была Каменская Сича, и до турецкаго города Кизыкерменя, а оттуда къ Таванскому перевозу и далѣе въ Крымъ [3]. Сичевой-высшій шляхъ также шелъ отъ Гарда при Бугѣ на Бѣлоновку и потомъ тянулся вверхъ до Сичи на рѣчкѣ Подпильной. Сичевой-низшій шелъ параллельно высшему, также отъ Буга на Балацково и до Сичи на Подпильной [4].

Между послѣдними трактами по рѣчкамъ Ингульцу, Саксагани, Ингулу до Балацкаго разбросаны были запорожскіе зимовники, а ниже Балацкаго не было никакихъ зимовниковъ; только въ лѣтнее время, когда запорожцы садились вдоль Днѣпра и Буга до самыхъ лимановъ, для рыбныхъ ловель и звѣриныхъ гоновъ, только тогда здѣсь появлялись временныя запорожскія жилища; съ турецкой-же стороны по всѣмъ мѣстамъ отъ Сичи до Гарда, между Днѣпромъ, Бугомъ и лиманомъ, вовсе не было никакихъ селеній; на всемъ пространствѣ этихъ двухъ трактовъ и на далекомъ разстояніи отъ нихъ была одна дикая степь; лѣсовъ тутъ почти не было, кромѣ лѣса на Громоклеѣ, впадающей въ Ингулъ выше Балацкаго, гдѣ росъ лѣсной байракъ около мили въ длину, да на рѣкѣ Ингульцѣ, около Балацкаго, и у рѣки Буга, въ видѣ малыхъ терновниковъ и чащъ. Польскіе купцы шли въ Гардъ черезъ крѣпость Архангельскъ, Цыбулевъ и другіе русскіе города и селенія; изъ Гарда они продолжали путь или въ Сичь или въ Очаковъ; въ послѣднемъ случаѣ купцы переправлялись черезъ Бугъ выше Гарда около версты; въ этомъ мѣстѣ переправы стояла запорожская застава изъ 80 человѣкъ съ особымъ полковникомъ во главѣ, безъ вѣдома

[1] Өедоръ Карловичъ Брунъ. Черноморье, Одесса, 1879, I, 156.

[2] Списокъ населенныхъ мѣстъ. херсонская губер. Спб., 1868. XXVIII.

[3] Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 231

[4] Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890. 231.

котораго никто не смѣлъ ни переѣзжать изъ земель запорожскихъ козаковъ на турецкую сторону, ни изъ земель турецкихъ на запорожскую сторону[1]): для полной безопасности проѣзжавшихъ по степямъ запорожскихъ козаковъ пограничными полковниками давался особый знакъ, перначъ, который путешественники обязаны были хранить во время ихъ поѣздки и предъявлять по требованію запорожскому товариству или кому-либо изъ его старшинъ.

Путешественники, купцы и торговцы, проѣзжавшіе черезъ земли запорожскихъ козаковъ прямыми или боковыми шляхами, неминуемо встрѣчались съ большими или малыми рѣками и неминуемо должны были или переѣзжать ихъ въ бродъ, при незначительной водѣ, или переправляться на лодкахъ, паромахъ и плотахъ, при значительной водѣ, особенно въ рѣкѣ Днѣпрѣ; въ послѣднемъ случаѣ съ проѣзжавшихъ запорожцы взимали извѣстную плату, составлявшую главнѣйшій источникъ ихъ войсковыхъ доходовъ.

Изъ всѣхъ днѣпровскихъ переправъ и бродовъ историческую извѣстность пріобрѣли у запорожскихъ козаковъ слѣдующіе 22: Кременчуцкій бродъ и Усиская переправа у Карменчика, и ниже его Гербедеевская: Мишурипорогская, противъ Мишурина-Рога, Романовская, противъ села Романкова; Будилово-Таволжанская, противъ порога Будиловскаго и заборы Таволжанской: Крарійская или Кичкасская получившая свое названіе или отъ армянскаго князя Кискаса II, послѣ котораго намехскіе армяне приходили въ 1602 году въ Кіевъ на помощь русскимъ противъ поляковъ[2]), или отъ тюркскаго корня «кöг-кöг»—«проходи», «иди прочь», въ смыслѣ пункта, откуда начиналась переправа[3]): Микитинская или Каменно-Затонская, противъ Микитина-Рога на правомъ берегу Днѣпра и Каменнаго-Затона на лѣвомъ: Бѣлозерская, Рогачицкая и Капрская, противъ Бѣлозерки, Рогачика и Капрки, лѣвыхъ притоковъ Днѣпра; Носоковская, противъ острова Носоковки; Каменская, противъ мѣста бывшей Каменской Сичи; Таванская, называемая у турецкаго историка Наймы переправою Диванъ-Гечиди, у острова Тавани и города Кизыкерменя: Дремайловская и Козацко-Каменская, близь устьевъ рѣкъ Дремайловки и Козацкой-Каменки: Бургунская, противъ острова Бургунки; Тягинская,

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 75.
[2]) Глинка. Обозрѣніе исторіи армянскаго народа, Москва, 1883, II, 290.
[3]) Никольскій. Южный Край, Харьковъ, январь 31, 1891 года.

близъ устья рѣчки Тягинки; Высшій перевозъ на двѣ версты ниже впаденія Ингульца въ Днѣпръ: въ теперешней Перевизкѣ, урочищѣ села Фалѣевки, имѣнія Н. Н. Комстадіуса; Веревчина и Бѣлозерская, близь впаденія этихъ рѣчекъ въ Днѣпръ [1]).

Изъ бродовъ и переправъ рѣки Буга извѣстны были слѣдующія девять переправъ и бродовъ: Витовтовъ бродъ, ниже устья Синюхи; Мигійскій перевозъ, противъ Мигійскаго Ташлыка: Песчаный перевозъ, на три версты выше Гарда; Гардовой перевозъ, у самаго Гарда: Кременецкій бродъ, на шесть верстъ ниже Гардоваго: Безыменный перевозъ, на двѣ версты ниже Кременецкаго: Чартайскій бродъ, противъ рѣчки Чарталы: Овечій бродъ, на восемь верстъ ниже Чартайскаго: Соколанскій перевозъ, противъ селища Соколанъ. Выше Буга былъ бродъ Синюхинъ, черезъ рѣчку Синюху.

Кромѣ переправъ и бродовъ черезъ Днѣпръ, Бугъ и Синюху были еще два «шляховые» брода черезъ рѣку Ингулъ, нѣсколько бродовъ черезъ рѣчки Мертвоводъ, Гарбузинку, Ингулецъ, гдѣ извѣстны были Давыдовъ бродъ на 60 верстъ выше устья Ингульца, и Бекеневскій или Бѣлый бродъ, нѣсколько ниже Давыдова: далѣе черезъ рѣчки—Каменку, Бешку, притоки Ингульца, рѣку Орель, гдѣ извѣстенъ былъ Стешинъ бродъ на пути Муравскаго шляха: черезъ рѣчку Волчью, Злодійскій бродъ, и семь бродовъ черезъ рѣку Самару: Песчаный, Калиновъ, Вольный, Гришкинъ, Кочереженскій, Терновскій и Чаплинскій [2]).

---

[1]) Подробности о переправахъ въ нашемъ трудѣ Вольности коз., 234—241.

[2]) Подробности о бродахъ въ нашемъ трудѣ Вольности козаковъ, 235—241.

Производительность земли; флора, фауна и времена года запорожскаго края.

По силѣ и степени производительности край вольностей запорожскихъ козаковъ можетъ назваться въ одно и то-же время и изумительно богатымъ, и изумительно бѣднымъ: все зависѣло здѣсь не столько отъ рѣчныхъ и ключевыхъ водъ, сколько отъ атмосферной и дождевой влаги: въ дождливое лѣто растительность здѣсь достигала невѣроятныхъ размѣровъ, урожай получался басноловный; въ знойное и сухое лѣто растительность погибала, неурожай влекъ за собою страшныя бѣдствія. Вотъ отчего у разныхъ писателей такъ различно описывается край вольностей запорожскихъ козаковъ: по однимъ—это богатѣйшая и счастливѣйшая страна, по другимъ — это дикая, безводная, выжженная солнцемъ, лишенная всякой растительности пустыня. Даже у одного и того-же писателя, только въ различное время года, запорожскій край часто изображался совершенно различно.

Наиболѣе плодородныя мѣста были здѣсь по низменностямъ или по такъ называемымъ пóдамъ рѣкъ Днѣпра, Самары, Орели, Омельника, Самоткани, Домоткани и др.; наименѣе плодородныя мѣста были въ бугогардовской и кальміусской паланкахъ, близь рѣкъ Буга и Кальміуса. Отецъ исторіи, Геродотъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Х., описываетъ страну скиѳовъ, часть которой впослѣдствіи принадлежала запорожскимъ козакамъ, въ такихъ словахъ: «Земля у нихъ ровная, изобилуетъ травой и хорошо орошена: число протекающихъ черезъ Скиѳію рѣкъ развѣ немного только меньше числа каналовъ въ Египтѣ. Четвертая рѣка, Борисѳенесъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, самая богатая полезными продуктами не только между скиѳскими рѣками, но и между всѣми вообще, кромѣ, впрочемъ, египетскаго Нила. Изъ прочихъ же рѣкъ Борисѳенесъ наиболѣе прибыльная: онъ доставляетъ прекраснѣйшія и роскошнѣй-

шія пастбища для скота, превосходную рыбу въ большомъ изобиліи, вода на вкусъ очень пріятна, чиста, тогда какъ рядомъ съ нимъ текущія рѣки имѣютъ мутную воду; вдоль его тянутся превосходныя пахотныя поля или ростетъ очень высокая трава въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не засѣвается хлѣбъ; у устья рѣки сама собою собирается соль въ огромномъ количествѣ; въ Борисѳенесѣ водятся огромныя рыбы безъ позвоночнаго столба, называемыя антокаями и идущія на соленіе» [1]. Гораздо позже Геродота, въ XVI вѣкѣ по Р. Х., современникъ запорожскихъ козаковъ описываетъ богатство ихъ страны въ такихъ чертахъ: «Въ этой странѣ, приднѣпровскихъ степяхъ, трава ростетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ, и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ ростетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ» [2]. Въ XVII вѣкѣ, по словамъ Боплана, въ рѣкахъ и озерахъ запорожскаго края, каковы: Пселскій и Ворскальскій Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др., водилось множество рыбы и раковъ; въ Орели, въ одну тоню рыбаки вытаскивали до 2000 рыбъ, около фута наименьшей величины; въ Самоткани и смежныхъ съ нею озерахъ водилось такое количество рыбы, что она отъ собственнаго множества умирала, портила воду и заражала воздухъ; въ Домоткани водилось множество раковъ, иногда до 9 дюймовъ длиною, и особая, превкусная, рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медомъ, воскомъ, дичиной и строевымъ лѣсомъ и за свое богатство прозвана святою рѣкою [3]; окрестности Самары запорожскіе козаки называли обѣтованною Палестиной, раемъ божіимъ на землѣ, а всю землю около рѣки—землей «дуже гарною, кветнучею и изобилующую», самый городъ Самарь— «истинно новымъ и богатымъ Іерусалимомъ» [4].

Въ концѣ того-же вѣка московскіе послы Никита Моисеевичъ Зотовъ и Василій Михайловичъ Тяпкинъ въ томъ-же родѣ описываютъ мѣста по Орели и Самарѣ рѣкамъ: «Тамъ звѣря и птицъ,

[1]) Геродотъ въ переводѣ Ѳ. Г. Мищенка. Москва, 1885, I, 320.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, томъ I, 604.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Санктъ-Петербургъ, 1832, 15—19.

[4]) Ѳеодосій. Самарскій пустынно-николаевскій мон., Екатер., 1873, 8.

и рыбъ множество... Водъ и конскихъ кормовъ, и рыбъ и птицъ, также звѣрей, которыхъ Господь Богъ благословилъ людямъ въ пищу, тамъ довольно»[1]). Въ XVIII вѣкѣ, очевидецъ, участникъ русско-турецкихъ войнъ при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, Христофоръ Манштейнъ, изображаетъ богатство запорожскихъ степей въ такихъ словахъ: «Земля та есть прекраснѣйшая въ Европѣ; но великій ущербъ, что ненаселена по причинѣ недостатка лѣса и воды: ибо часто случается, что, идучи четыре или пять миль, не видно ни одного кусточка, ни самой малой рѣчки, что и принуждаетъ возить съ собой всегда дрова и воду для варенія пищи изъ стана въ станъ, по неизвѣстности найти ихъ впереди: возить также большую бочку воды для каждой роты, чтобы давать пить ратникамъ во время похода. Бочки употребляются еще и на другое дѣло: въ каждомъ полку должно имѣть оныхъ отъ семи до десяти, и по стольку-же толстыхъ досокъ, изъ которыхъ дѣлали мосты для перехода пѣхоты и легкихъ повозокъ, а военные помосты употребляли только для большихъ и тяжелыхъ фуръ и конницы... Чтобъ дать понятіе о плодородіи сихъ земель, довольно сказать, что травы ростутъ тамъ выше человѣка самаго великорослаго. Находится тутъ спаржа въ великомъ множествѣ, и травовѣдцы находятъ также нѣкоторый родъ особливой травы, которую турки и татары употребляютъ на дѣланіе своихъ свѣтильниковъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ татары выжигаютъ траву на степи: ибо какъ они не умѣютъ косить и сушить сѣно, то травы сами собой высыхаютъ отъ большихъ жаровъ, бывающихъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, почему принуждены ихъ жечь, безъ чего старая, сухая, заглушила бы совсѣмъ молодую. Татары часто также выжигаютъ траву, чтобъ лишить непріятелей конскаго корма: и ежели при таковыхъ случаяхъ не возьмутъ предосторожности отъ сего пожара, то весь станъ подвергается опасности сгорѣть. Для избѣжанія сего графъ Минихъ отдалъ приказъ, чтобъ на каждой повозкѣ имѣть большое помело для тушенія пожара. Надобно также взрывать землю шириною на два фута около стана рвомъ, и симъ средствомъ прекращать огонь отъ опасности дальнѣйшаго распространенія пожара. Всякой дичи, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, тетерекъ, глухихъ тетеревей и прочей въ тамошнихъ мѣстахъ

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, т. II, отд. II, Ш, 573.

много: воинство ловятъ ихъ руками множество, а кромѣ того столько тамъ перепелокъ, что каждый день похода можно имѣть ихъ сколько хотятъ» [1]). Въ концѣ того-же XVIII вѣка о запорожскихъ мѣстахъ писалось въ Москву: «Мѣста имѣютъ они—запорожскіе козаки—изобильныя рѣками, лѣсами и плодородную землю: пользуются великими доходами отъ скотоводства, рыбными ловлями въ Днѣпрѣ и приморскихъ заливовъ, на устьѣ рѣки Калміуса, Берды, и близь Очаковскаго лимана и въ ономъ по договору съ турками за отпускаемые ими въ Очаковъ лѣсъ и дрова» [2]). Въ это-же время точными донесеніями о занятіяхъ запорожскихъ козаковъ сообщалось, что хлѣбъ, засѣваемый ими, давалъ урожай превосходный—рожь и пшеница въ 9 и 10, просо въ 30 и 40 разъ противъ посѣяннаго [3]). Уже послѣ паденія Запорожья, оффиціальныя данныя представляли богатство бывшихъ земель запорожскихъ вольностей въ такихъ краскахъ. «Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается: помѣщики, взявшіе дикопоросшія дачи, обрабатываютъ оныя прилежно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая, очевидно, труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ—рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее: изъ огородныхъ овощей арбузы отмѣнно сладкіе и великіе [4]), красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота, и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Скотоводство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу. Воздухъ здѣсь благорастворенный; вода въ рѣкахъ и озерахъ

---

[1]) Христофоръ Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 211—214.

[2]) Архивъ свѣдѣній, относящ. до Россіи Калачова, С.-Петербургъ, 1861, 6.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 169, пр. 19; 185.

[4]) Въ мѣстечкѣ Котовкѣ, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, авторъ настоящаго труда видѣлъ въ 1889 году арбузъ вѣсомъ пудъ и три фунта.

сладка и здорова къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако, въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся: дикія птицы въ большомъ количествѣ» [1]).

Наконецъ въ началѣ XIX вѣка о запорожскихъ земляхъ писалъ французскій маркизъ де-Кастельно слѣдующее: «Новороссія очень обширна, и между различными частями ея мы встрѣчаемъ чувствительную разницу. Воздухъ здѣсь вообще превосходенъ, за исключеніемъ болотныхъ мѣстъ... Различенъ воздухъ степей отъ воздуха береговъ моря и Крымскихъ горъ. Степной воздухъ можно назвать самымъ чистымъ во всей Европѣ; холодъ зимою здѣсь бываетъ, безъ сомнѣнія, очень чувствителенъ, но вѣтеръ не такъ порывистъ, какъ на берегахъ моря: нерѣдко снѣгъ не выпадаетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, между тѣмъ какъ смежныя страны на востокъ и на западъ бываютъ ими покрыты. Это непостоянно: но какая-же точка земнаго шара не терпитъ измѣненій?.. Зимы въ Новороссіи сравнительно мягче, чѣмъ въ Сѣверной Франціи; это не должно казаться страннымъ. Отъ Одессы до 60° широты нѣтъ горъ, и когда сѣверные вѣтры постоянно дуютъ, все на пути подвержено ихъ вліянію, между тѣмъ другіе вѣтры дѣлаютъ температуру Новороссіи теплою, соотвѣтственно ея географическому положенію. Въ этой, не защищенной отъ холода, странѣ зима бываетъ суровѣе, чѣмъ въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ, находящихся на одинаковой съ ней широтѣ... Весна начинается въ апрѣлѣ и уже черезъ 10—15 дней земля бываетъ покрыта зеленью. Въ это время года тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ покрываютъ степь пестрымъ ковромъ; чудное благоуханіе носится въ воздухѣ, и путешественникъ могъ бы придти въ полный восторгъ отъ всего окружающаго, если бы его не удручала мысль о недостаткѣ рабочихъ рукъ для этой роскошной почвы.

Видъ степи мѣняется отъ большей или меньшей засухи: травы достигаютъ здѣсь высоты 3 футовъ; на черноземѣ мнѣ случалось ихъ видѣть даже 7 футовъ высоты. Благодаря глубинѣ дѣвственной земли, жирной, изобилующей питательными соками, сила растительности здѣсь необычайна. Густота травы предохраняетъ почву отъ жгучихъ лучей солнца, а росы бываютъ такъ обильны,

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 290, 291, 302.

что проникают въ землю раньше, чѣмъ солнце успѣетъ ихъ высушить. При засухѣ травы рѣдѣютъ, но первый дождь заполняетъ новыми всѣ тѣ промежутки: такимъ образомъ животныя постоянно снабжаются свѣжимъ кормомъ. Испаренія большихъ травъ нисколько не вредны: при восходѣ и заходѣ солнца между холмами образуется туманъ, но деревни расположенныя въ низменныхъ мѣстахъ, ничуть не страдаютъ отъ этого.

Во время жаровъ дуетъ обыкновенно сѣверный вѣтеръ, но онъ не умѣряетъ жары, теряя свою свѣжесть при прохожденіи громаднаго пространства, накаленнаго солнцемъ; лѣтняя долгота дней увеличивается по мѣрѣ приближенія къ полюсу, почему можно заключить, что въ Новороссіи лѣтомъ бываетъ жара сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ точкахъ земнаго шара, находящихся на одинаковомъ градусѣ. Часто случается нѣсколько дней подъ рядъ 17—20° градусовъ жары; но я никогда не видалъ, чтобъ термометръ поднимался выше 26¼ градусовъ, и подобная температура продолжалась не долѣе одного дня. 25 градусовъ обыкновенно наивысшая температура[1]). Измѣненія происходятъ всякую недѣлю. Одинъ европеецъ сказалъ: «жаркое солнце Новороссіи—не наше». Дѣйствительно, здѣсь можно вполнѣ безопасно предоставить себя всей силѣ солнечныхъ лучей; работники, наиболѣе подвергающіеся дѣйствію ихъ, не прекращаютъ своихъ работъ, каменьщикъ распѣваетъ пѣсни, бѣля стѣны, расположенныя на югъ и отражающія горячіе лучи; каменотесъ засыпаетъ въ іюлѣ въ часы отдыха, положивъ часто обнаженную голову на свою работу. И это происходитъ на одномъ градусѣ широты съ Женевой, Маконе, Гере, Рошель, гдѣ улицы бываютъ пусты отъ 2—4 часовъ дня въ Одессѣ вѣтеръ препятствуетъ иногда выходу на улицу, но солнце — никогда. Осень самое лучшее время года въ этихъ мѣстахъ. Весна продолжается недолго; переходъ отъ холода къ теплу совершается быстро; но прекрасная осень замѣняетъ кратковременную весну; степь сохраняетъ зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля такъ пересыхаетъ, что плугъ съ трудомъ идетъ по ней; пашутъ шестью-восьмью волами заразъ... Въ другихъ странахъ клочекъ безплодной земли, обремененный нало-

[1]) Съ этимъ согласиться никакъ нельзя: въ новороссійскихъ степяхъ въ лѣтнее время, особенно въ началѣ августа, температура иногда доходитъ до 40°; въ 1890 году въ Новомосковскѣ было 50° по Реомюру. Д. Э.

Переливы воды въ Ненасытецкомъ порогѣ.—Къ стр. 42—43.

гами, отстаивается съ оружіемъ въ рукахъ, призывается законъ на помощь, изъ-за него ведутся въ судахъ тяжбы, стоющія громадныхъ издержекъ: здѣсь же превосходная почва предоставляется или совсѣмъ даромъ, или на легкихъ условіяхъ трудолюбивымъ людямъ, могущимъ обогатиться почти безъ всякихъ усилій: стоитъ только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна: правда, она лишена лѣса, исключая сѣверной части екатеринославской губерніи и южной — Крыма. Но въ безлѣсныхъ частяхъ Новороссіи жители употребляютъ вмѣсто топлива высокія сухія травы, называемыя бурьяномъ, и высушенный на солнцѣ коровій и овечій навозъ,—все это даетъ прекрасное и дешевое топливо» [1]).

Неудивительно, послѣ всѣхъ приведенныхъ описаній, почему въ воспоминаніяхъ теперешнихъ стариковъ страна вольностей запорожскихъ козаковъ представляется такою богатой и цвѣтущей страной; конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ не мало и преувеличеній, объясняющихся свойствами человѣческой натуры все прошлое представлять въ лучшемъ видѣ, чѣмъ настоящее: но все-же въ общемъ они имѣютъ большую долю правды, особенно если взять во вниманіе сходство разсказовъ стариковъ съ описаніями очевидцевъ прошлыхъ вѣковъ и сходство повѣствованій, записанныхъ въ разныхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другаго, концахъ бывшихъ вольностей запорожскихъ.

«Приволье у нихъ такое было, говоритъ 116-лѣтній старикъ Иванъ Игнатьевичъ Россолода, что теперь подобнаго не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь такъ, что воленъ, да недоволенъ, а тогда было такъ, что и воленъ и всѣмъ доволенъ. Не даромъ же говорятъ, какъ жили мы за царицей, ѣли паляницы, а какъ стали за царя, то не стало й сухаря. Теперь, если сказать, какъ оно когда-то было, такъ и не повѣрятъ. Тогда всякіе цвѣты цвѣли, тогда великія травы росли. Вотъ тутъ, гдѣ теперь у насъ церковь [2]), здѣсь была такая высокая тирса, какъ вотъ эта палка, что у меня въ рукахъ: какъ глянешь, такъ точно рожь стоитъ; а камышъ росъ, какъ лѣсъ: издалека такъ и бѣлѣетъ, такъ и лоснится на солнцѣ. А что уже до пыріёвъ, ковыля, муравы, орошка, кураевъ и бурунчуковъ, то какъ войдешь въ нихъ, такъ только небо да земля и видны,—въ этакихъ травахъ дѣти теряются бывало. Вотъ она

---

[1]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3-e vol., Paris, 1820, par le Marquis de Castelnau, 285 и др.

[2]) Въ селѣ Чернышовкѣ или Красногригорьевкѣ, екатеринославскаго уѣзда.

поднимется вверхъ, выростетъ да снова и падаетъ на землю, да такъ и лежитъ, какъ волна морская, а поверхъ ея уже и другая ростетъ: какъ запалишь ее огнемъ, такъ она недѣли три, а то и четыре горитъ. Пойдешь косить, косою травы не отвернешь: погонишь пасть лошадей, за травой и не увидишь ихъ; загонишь воловъ въ траву, только рога мрѣютъ. Выпадетъ-ли снѣгъ, настанетъ-ли зима, никакой нужды нѣтъ: хоть какой будетъ снѣгъ, а травы надолго не закроетъ. Пустишь себѣ коней, коровъ, овецъ, то они такъ пустопашъ и пасутся, только около отаръ и ходили чабанцы; а какъ загонешь овецъ въ траву, то онѣ межъ ней точно муравьи,—только вечеромъ и увидишь; зато уже тогда около нихъ работы — тирсу выбирать, которая попалѣзетъ имъ въ волну!.. А что ужъ межъ той травой да разныхъ ягодъ, то и говорить нечего: вотъ это было какъ выйдешь въ степь да какъ разгорнишь траву, то такъ и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелась, овражковъ да гусеницы, тогда и не слышно было. Вотъ какія травы были! А пчелы той, а меду? Медъ и въ пасѣкахъ, медъ и въ зимовникахъ, медъ и въ бурдюгахъ — такъ и стоитъ въ липовыхъ кадкахъ: сколько хочешь, столько и бери.— больше всего отъ дикихъ пчелъ: дикая пчела вездѣ сидитъ: и на камышахъ, и на вербахъ; гдѣ буркунъ, въ буркунѣ, гдѣ трава, въ травѣ; за ней и прохода не было: вырубываютъ, бывало, дупла, гдѣ она сидитъ. А лѣса того? Бузины, свѣдины, вербы, дуба, грушъ—множество. Грушъ, какъ попападаетъ съ вѣтокъ, такъ хоть бери грабли да горни въ валки: такъ и лежатъ на солнцѣ, пока не попекутся. Сады когда цвѣтутъ, то какъ будто сукномъ покрываются: такъ патока съ нихъ и течетъ. А толщина деревьевъ? Вербы, такъ ей-Богу, десять аршинъ въ обхватѣ... Земля свѣжѣе была, никто ее не насиловалъ такъ, какъ теперь, снѣга лежали большие, и воду пускали великую, оттого и дерево росло хорошо. А звѣрей, а птицъ? Волки, лисицы, барсуки, дикія козы, чокалки[1]), видниxи такъ одинъ за другимъ и бѣжатъ, такъ и пластаютъ по степи. Волковъ такая сила была, что ихъ кіями избивали, а изъ кожи сапоги да кожанки дѣлали. А ежей тѣхъ, ежей?.. И говорить нечего! Были и дикія свиньи, такія жирныя да здоровыя: онѣ больше по плавнямъ шныряли. Вотъ это какъ увидишь въ плавнѣ какую-нибудь свинью, то ско-

[1]) «Тотъ-же волкъ, только злѣе волка»: замѣчаніе разсказчика.

рѣе бросайся на дерево. а то хрю-хрю. чмакъ-чмакъ! да до тебя, да такъ рыломъ и претъ! Выставитъ морду впередъ да и слушаетъ. не идетъ-ли кто: какъ увидитъ человѣка. сейчасъ же до него. товкыцъ рыломъ! Свалитъ съ ногъ, тогда и давай рвать... Были и дикія лошади: онѣ ходили цѣлыми табунами.—косяка по три, по четыре, такъ и ходятъ... А что уже птицы было, такъ, Боже великій! Утокъ, лебедей. дрохвъ, хохотвы. дикихъ гусей, дикихъ голубей. лелекъ, журавлей. тетерокъ. куропатокъ—такъ хо-хо-хо! Да все плодющія такія! Одна куропатка выводила штукъ двадцать пять птенцовъ въ мѣсяцъ, а журавли. какъ понаведутъ дѣтей, то только ходятъ да крюкаютъ. Стрепетовъ сѣльцами ловили, дрохвъ волоками таскали, а тетеревей. когда настанетъ гололедица. дрюками били. И какая-жъ сила той птицы была? Какъ поднимется съ земли, солнце застелетъ, а какъ сядетъ на дерево, вѣтокъ не видно: одинъ комъ виситъ, а какъ спустится на землю, то земля, точно полъ въ хатѣ, такъ и зачернѣетъ. Лебеди, бывало. какъ заведутся биться между собой, то поднимутъ такой крикъ, что батько выскочитъ изъ бурдюга да давай стрѣлять изъ ружья, чтобъ поразгонять ихъ, а они какъ подхватятся вверхъ, то только порось-порось-порось!.. Теперь нѣтъ и того множества рыбы, что была когда-то. Вотъ эта рыба, что теперь ловятъ, такъ и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пиструги, коропы до осетры за все отвѣчали: въ одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало. Да все тогда не такъ было: тогда и зимы теплѣе были, нежели теперь.—это уже кацапы своими лаптями понаносили намъ холода, а въ то время его не особенно было слышно. Оттого тогда и сѣна мало кто запасалъ, развѣ только на то время. когда думали идти въ походъ, для верховыхъ лошадей. Тогда и урожаи лучше были,—хоть и сѣяли немного, а родило достаточно: какъ четыре мѣшка посѣетъ, такъ триста копенъ нажнетъ.—нужно было однихъ жнецовъ восемь человѣкъ, чтобы снять все то до Покрова. Батюшка мой, и гдѣ оно все то подѣвалось? И очамъ своимъ не вѣрю! Вотъ тутъ, гдѣ теперь стоитъ наша Чернышовка. тутъ ни одной хаты не было, одно только отцовское приволье, а теперь гдѣ тотъ и народъ набрался и когда все то позаводилъ? Теперь и вода перемѣряна и земля перерѣзана, а что до лѣса, то и говорить нечего: что на сани, что на полудробки, что на олѣйницы, что то на то, то на сё, да такъ все и повырубили. Гдѣ пряменькое, хорошее да

крѣпкое деревцо, то его сейчасъ же и истребятъ. А тутъ какъ пошелъ еще по лѣсу рогатый скотъ, то и пней не осталось, и что уцѣлѣло, то само позасыхало и попропадало. Да и самъ скотъ ходитъ точно неживой. Какъ вырубили лѣса, пошла на села мошка; за ней теперь и свѣта божьяго не видно, а бѣдному скоту и отдыха нѣтъ; весь облитый кровью такъ и ходитъ. Теперь дайте вы вотъ этой свиньѣ, что ходитъ, кусокъ хлѣба, то она издохнетъ отъ него. А отчего? Оттого, что не привыкла ѣсть!.. Да все теперь перевелось: гадюкъ меньше стало,—повыоралн; въ болотахъ и жабъ не слышно,—повыздыхали: да и болота теперь есть-ли» [1]).

«Когда-то тутъ [2]), повѣствуетъ другой старикъ Семенъ Герасименко, по плавнямъ, да по скаламъ было столько волковъ, лисицъ, зайцевъ да дикихъ свиней, что за ними и не пройдешь. Дикіе кабаны были пудовъ въ десять, а то и больше вѣсомъ: едва шесть человѣкъ на сани положать. Тутъ было такое множество звѣрей, что изъ города присылали верховыхъ, человѣкъ сорокъ или пятьдесятъ, чтобы разгонять ихъ. Такъ гдѣ тебѣ? За ними гоняются по степи, а они въ плавни бѣжатъ. Ѣздили съ ружьями да съ саблями на плавняхъ и все жгли камыши: такъ уже тогда немного напугали ихъ, а то просто страшно и выдти. Рыба, такъ та, сердечная, даже задыхалась отъ множества, а раковъ штанами ловили. А что до птицы, то и говорить нечего. Какъ подешь на охоту, то домой несешь ее какъ будто на коромыслѣ. Стрепета, огари [3]), лебеди такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Травы высокія-превысокія росли, по самую грудь, а то и выше: а роса по травѣ точно вода: если хочешь идти по степи, то прежде всего скинь штаны да подбери сорочку, а то какъ намокнутъ, то и не дотянешь. Какъ идешь по травѣ въ постолахъ, то вода только чвыркъ-чвыркъ! Лѣсъ росъ густой да высокій: грушъ, калины, дикаго винограду—не пролѣзешь. Ночью страшно было и ходить. А урожаи были такіе, о которыхъ теперь и не слышно. Да и дешевизна въ то время какая была: пудъ проса десять копѣекъ, пудъ пшеницы сорокъ копѣекъ, да и то еще дорого».

---

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, II, 6—9.

[2]) Въ херсонскомъ уѣздѣ, около Берислава и города Херсона.

[3]) Огарь — большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся. anas rutila.

«Тутъ тѣхъ звѣрей, тутъ тѣхъ птицъ [1]), разсказываетъ третій старикъ Евдокимъ Косякъ, такъ видимо-невидимо было: такъ пѣшкомъ по степи и ходятъ. Пріѣхали мы со своею панею въ эти мѣста, гдѣ теперь Наковальня—она отошла ей по наслѣдству—пріхали мы да и смотримъ, а тутъ ни хатки, ни куреньца, одна степь да ковыль. Что тутъ дѣлать? «А что дѣлать? Руби камышъ, копай дернъ да дѣлай курень». Давай я рубить камышъ, давай копать дернъ. Нарубилъ, поставилъ, обсыпалъ землей; вотъ хижина и готова. Ну что-жъ теперь ѣсть? А ѣсть ужъ, что хочешь, то и ѣшь: есть и птица, есть и звѣрь степной. «Да что мнѣ, говоритъ паня, та птица да звѣрь степной? Ты поѣзжай да поймай дикаго поросенка!» Ну, что-жъ, поросенка, такъ поросенка! Сажусь на коня, беру въ руки длинный кнутъ и ѣду къ рѣчкѣ, гдѣ была берлога дикихъ свиней. Вотъ пріѣду и жду, пока свиньи пойдутъ пастись въ степь, а поросята останутся одни; высмотрю и сейчасъ же туда: схвачу поросенка да и уходить: да ужъ бѣгу, да ужъ бѣгу, сколько есть духу, а оно кричитъ, какъ бѣшеное. И что-жъ вы думаете? Какъ почуютъ гаспидовы свиньи, да ко мнѣ! Такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ подъ ноги коню: да такъ бѣгутъ до самаго куреня, и если бы не длинный кнутъ, то и разорвали бы. Вотъ какъ оно было въ старину! Совсѣмъ не такъ, какъ теперь! Теперь хоть бы и на счетъ урожая. Развѣ въ старину онъ такой бывалъ? Куды вамъ! У нашей пани было семь человѣкъ семейства, а она больше тридцати саженъ никогда не сѣяла. Вотъ это, бывало, заволочетъ прямо противъ куреня, посѣетъ пшеницу и ждетъ. Такъ она, какъ уродитъ, то и стебля не видно: одинъ колосъ почти, да такой толстый, точно веретено. Это такіе хлѣба были, а травы, такъ и говорить нечего. За травою и земли не видно: лежитъ поверхъ земли, точно шуба или рядно. Тогда, видишь, мало кто косилъ ее, такъ она поднимется вверхъ да снова и впадетъ, да такъ и лежитъ, точно рядно; а росла такая, что человѣка верхомъ на лошади не видно» [2]).

Такимъ образомъ большія богатства достались запорожскимъ козакамъ: оттого у нѣкоторыхъ писателей прошлыхъ вѣковъ страна запорожскихъ вольностей называлась страной, текущей «млекомъ и медомъ», а у самихъ козаковъ именовалось «раемъ божіимъ на

---

[1]) Въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888. II, 122, 206.

землѣ». Прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетри для птицъ, необозримыя степи для звѣрей, глубокіе лиманы и многочисленныя озера для рыбъ дѣлали запорожскій край привлекательнымъ, а самое житье въ немъ привольнымъ и заманчивымъ:

«Вдоволь всего было тамъ:
И звѣря прыскучаго, и птицы летучія,
И рыбы пловучія:
Вдоволь было тамъ
И травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку».

Плодородіе земли запорожскихъ козаковъ, конечно, много зависѣло прежде всего отъ самой почвы ея: въ сѣверной части земля запорожскихъ вольностей состояла изъ сочнаго чернозема отъ 4 вершковъ до 1½ аршина, въ низменностяхъ отъ 2 до 3 аршинъ глубины, ежегодно удобрявшагося густой и высокой травой, быстро созрѣвавшею и тутъ же на мѣстѣ падавшею [1]; въ южной и особенно въ восточной части земля запорожскихъ козаковъ состояла изъ незначительнаго слоя чернозема съ подпочвой песчаной, глинисто-солонцоватой, кромѣ пологихъ мѣстъ близъ рѣчныхъ долинъ и балокъ, гдѣ почва считалась достаточно доброкачественной. «Земля въ этомъ округѣ—южной окраинѣ запорожскихъ вольностей—исключая близъ рѣкъ песчаныхъ косъ, кучугуровъ и каменныхъ береговъ, вообще черна и сверху на два фута и глубже влажна, а ниже двухъ футовъ глиниста, желтовата, и вся способна къ плодородію; только на высокихъ горахъ отъ жаровъ трава скоро высыхаетъ, отчего тамъ и хлѣбопашествомъ заниматься нельзя, остаются годными для земледѣлія однѣ балки, пологія мѣста и близъ балокъ низменности при рѣкахъ; чтобы получить траву на тѣхъ горахъ, надо ее каждую осень выжигать особенно старательно» [2]. Земля въ восточной окраинѣ запорожскихъ вольностей, паланкѣ калміусской, состоитъ изъ черноземнаго слоя отъ 12 вершковъ до 2 аршинъ, а у самаго Азовскаго побережья до 4 аршинъ глубины; впрочемъ, эта окраина запорожскихъ вольностей, особенно южная часть ея, отъ крѣпости св. Димитрія и до крѣпости Петровской [3], по справедливости считалась сравнительно менѣе

[1]) См. между прочимъ Штукенберга Статистическіе труды. Спб., 1858, 44.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей VII, 185.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей XI, 224.

плодородной, чѣмъ другія: почва здѣсь только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черноземна, въ общемъ же камениста и наполнена различныхъ минераловъ — желтосѣрой щелочной глины, известняка, каменнаго угля, желѣзной руды, порфира, графита, коалина, окаменѣлыхъ пальмъ и папортниковъ, что въ своемъ родѣ хотя и составляло богатство, но этимъ богатствомъ запорожцы не умѣли, да и не могли, пользоваться, считая его, напротивъ того, вреднымъ для себя, мѣшавшимъ произростанію травъ [1]).

На всемъ пространствѣ запорожскихъ степей водилось множество всякаго рода звѣрей и птицъ, а въ рѣкахъ и озерахъ и лиманахъ множество разнаго рода рыбъ и раковъ. Изъ звѣрей въ большомъ количествѣ водились волки, лисицы, зайцы, дикія кошки, олени, лани [2]), бабаки, сурки, «необыкновенной величины» дикіе кабаны, медвѣди, лоси, близъ рѣчки Домоткани и въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ [3]): сайги, барсуки, горностаи [4]), хорьки, рѣчные бобры и куницы, досихъ поръ еще попадающіеся въ самарскихъ лѣсахъ [5]), первобытные туры, водившіеся въ Литвѣ и Польшѣ до XVI вѣка [6]), отъ которыхъ и теперь еще находятъ близъ самарскихъ лѣсовъ разной величины рога: наконецъ выдры, сугаки и дикіе кони. Выдра, по татарски каборга, по запорожски видниха, звѣрь рѣчной, во множествѣ водившійся преимущественно въ водахъ Великаго-Луга: съ виду онѣ похожи на кошку, но гораздо толще и длиннѣе ея: ноги у нихъ короткія, при концѣ широкія и, какъ у гусей, съ перепонками: хвостъ чрезвычайно длиненъ и пушистъ: шерсть у молодыхъ сѣрая, у старыхъ черноватая, всегда пушистая, лоснящаяся и какъ бы бросающая отъ себя искры [7]). Сугаки, т. е. особой породы дикія козы, водились въ самарскихъ лѣсахъ, у днѣпровскихъ пороговъ и въ Великомъ-Лугу; это животное высокое, тощее, быстроногое и тонконогое, съ двумя бѣлыми, лоснящимися рогами, съ мягкою, нѣж-

---

[1]) Александровичъ. Обзоръ маріупольскаго уѣзда, Маріуполь, 1884, 18.

[2]) Объ оленяхъ упоминаетъ Гюльденштедтъ во второй пол. XVIII вѣка.

[3]) Эрихъ Ласота. Путевыя замѣтки, 54; Мышецкій. Исторія о козакахъ, 77.

[4]) Экономическія примѣчанія къ верхнеднѣпровскому уѣзду, екатеринославской губерніи, № 1 стр. 1.

[5]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости. 1889, № 36. 1840, № 14. неоф.

[6]) Труды VI археол. съѣзда. Къ исторіи домашнихъ животныхъ, 26—28.

[7]) Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1842, 28; Эварницкій. Запорожье, II, 122.

ною и, подобно атласу, гладкою во время линянія и нѣсколько грубоватою каштановаго цвѣта въ обыкновенное время, шерстью: оно не имѣетъ носовой кости, и въ замѣнъ того длинную переднюю губу, которая мѣшаетъ ему ѣсть и заставляетъ его щипать траву, постоянно пятясь назадъ: мясо его на вкусъ не уступаетъ козлятинѣ [1]).

Дикіе кони или такъ-называемые тарпаны, также были обыкновеннымъ животнымъ въ степяхъ запорожскихъ козаковъ. «Они, говоритъ очевидецъ Бопланъ, ходили табунами отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе: издали мы принимали ихъ за татарскую конницу. Впрочемъ, дикія лошади неспособны ни къ какой работѣ, и хотя жеребята могутъ сдѣлаться ручными, но также ни къ чему негодны, развѣ только для пищи: мясо ихъ чрезвычайно вкусно и даже нѣжнѣе телятины: впрочемъ, на мой вкусъ не такъ пріятно. Дикую лошадь усмирить невозможно, она полезна для мясного ряда. Впрочемъ, дикіе кони разбиты на ноги: копыта ихъ разростаются, дѣлаются толстыми — ибо ихъ никто не обрѣзываетъ—и не дозволяютъ лошади быстро скакать» [2]). Въ XVIII вѣкѣ множество дикихъ лошадей водилось въ мѣстности по лѣвой сторонѣ рѣки Ингула [3]). Видѣвшій ихъ въ это время, хотя гораздо выше новороссійскихъ степей, русскій академикъ Самуилъ Гмелинъ, описываетъ ихъ въ такомъ видѣ: «Самыя большія дикія лошади величиной едва могутъ равняться съ самыми малыми домашними лошадьми. Голова у нихъ, въ разсужденіи прочихъ частей тѣла, чрезвычайно толста, уши весьма остры и бываютъ такой же величины, какъ у домашнихъ лошадей, или долги почти какъ у осла, и опущены внизъ, глаза у нихъ огненные: грива весьма коротка и курчава: хвостъ у иныхъ густъ, у иныхъ рѣдокъ, однако, всегда короче, нежели у домашнихъ лошадей. Цвѣтомъ похожи на мышей, и сей признакъ примѣченъ на всѣхъ находящихся въ сихъ мѣстахъ дикихъ лошадяхъ, хотя, впрочемъ, писатели упоминаютъ только о бѣлыхъ и пепелистыхъ. Однако, цвѣтъ на брюхѣ у многихъ сходствуетъ съ пепелистымъ, а ноги, начиная отъ колѣна до копыта, черны. Шерсть на нихъ весьма долга и столь густа, что при осязаніи

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 92: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 605: Списокъ населенныхъ мѣстъ; Херсонская губернія, 1868, II, XXXVII.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 93.

[3]) Записки одес. общества истор. и древ. VII, 187.

болѣе походитъ на мѣхъ, нежели на лошадиную шерсть. Они бѣгаютъ съ несказанною скоростью, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ домашней доброй лошади. При малѣйшемъ шумѣ приходятъ въ страхъ и убѣгаютъ. Каждое стадо имѣетъ предводителя, жеребца, который идетъ впередъ, а другіе ему слѣдуютъ. Дикій жеребецъ весьма падокъ до домашнихъ кобылъ, и если онъ можетъ успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, то, конечно, не упуститъ случая и уведетъ ихъ съ собою, при чемъ иногда загрызетъ противника, т. е. домашняго жеребца. Ловящіяся всегда тенетами, живыя дикія лошади съ великимъ трудомъ бѣгаютъ и, по большей части, спустя годъ по потеряніи свободы, умираютъ»[1]).

Въ наше время люди, видѣвшіе дикихъ лошадей, прибавляютъ къ сдѣланному описанію слѣдующее: «Дикія лошади изъ себя небольшія, но довольно толстыя и очень крѣпкія, на масть мышастыя. Мой отецъ и ловилъ ихъ, такъ что же? Онѣ или убѣгутъ, или подохнутъ, потому что не могутъ жить въ неволѣ,—по степи имъ бѣгать, это такъ. Вотъ это, бывало, ѣдетъ по шляху человѣкъ кобылою, а дикія лошади пасутся. То сейчасъ же дикій жеребецъ выскочитъ на могилу и нюхаетъ, чѣмъ тотъ человѣкъ ѣдетъ, кобылою или конемъ. Какъ почуетъ, что кобыла, такъ и пиши, человѣче, что пропалъ: побьетъ оглобли, поломаетъ возъ и захватитъ съ собой кобылу. И сколько по той дорогѣ колесъ, ободьевъ, оглобель да драбинъ отъ возовъ валялось: то все шкода дикихъ жеребцовъ»[2]). Пойманный въ 60-хъ годахъ въ Новороссіи дикій конь имѣлъ, по точному описанію, росту 1 аршинъ и 14 вершковъ: шерсть мышастая, грива и хвостъ черные, густые: глаза выпуклые, большіе, горящіе огнемъ: по всей спинѣ, отъ гривы къ хвосту, черная полоса; голова нѣсколько увеличенная, ноздри расширенныя, плотное на крѣпкихъ ногахъ тѣлосложеніе: «онъ держитъ себя гордо и на свободѣ и подъ верхомъ, скоро бѣжитъ рысью въ запряжкѣ и шибко скачетъ въ галопъ подъ верхомъ: выносливъ въ ѣздѣ и добронравенъ въ упряжкѣ... не теряетъ тѣла какъ въ конюшнѣ, такъ и въ табунѣ, всегда полный и круглый, бодрый и игривый»[3]). Въ послѣдній разъ видѣли косякъ дикихъ лошадей, числомъ шесть головъ, въ 1866 году, въ

[1]) Путешествіе отъ Петербурга до Черкасъ, Спб., 1771, I, 71.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб. 1888, II, 217.

[3]) Іосифъ Шатиловъ. Сообщеніе о тарпанахъ, Москва, 1884, 5.

вѣковыхъ тирсахъ херсонской губерніи, въ заградовской степи князя Кочубея [1]). Въ настоящее время дикія лошади продолжаютъ существовать въ Средней Азіи [2]).

Изъ птицъ въ степяхъ вольностей запорожскихъ козаковъ водились: бабы «съ такими огромными шеями, что онѣ могутъ въ своихъ зобахъ, какъ будто въ садкѣ, держать живую рыбу и доставлять ее оттуда себѣ въ пищу» [3]); лебеди, гуси, утки, дрохвы, стрепеты, копшицы, бакланы, журавли, аисты, цапли, тетерева, куропатки, коростели, скворцы, голуби, орлы, соколы, ястреба, чайки, соловьи, стрижи, галки, сороки, вороны, чижи, щеглы, кулики, жаворонки, подорожники и другія болѣе простыя птицы; изъ домашнихъ птицъ пѣтуховъ было больше, чѣмъ куръ, потому что пѣтухи пѣніемъ своимъ замѣняли козакамъ часы [4]). Большинство изъ названныхъ звѣрей и птицъ служили предметомъ охоты для запорожцевъ и составляли нѣкоторый источникъ частнаго и войсковаго дохода.

Изъ рыбъ въ рѣкахъ, озерахъ и лиманахъ вольностей запорожскихъ козаковъ извѣстны были: бѣлуга, иногда до трехъ саженъ длины; осетры, севрюга, стерлядь, сомы, сазаны, иначе короцы, судаки или сула, окуни, щука, тарань, скумбрія, вырезубъ, рыбецъ, бычки, камбала, иначе полурыбица, язи, чилики, марена, лещи, сельди, бѣлизна, сабли, плотва, караси, раки и проч. Для рыбной ловли запорожскіе козаки располагались зимой въ особыхъ заводахъ, лѣтомъ во временныхъ тростниковыхъ шалашахъ, по берегамъ рѣкъ, озеръ и лимановъ.

Изъ насѣкомыхъ извѣстны были въ степяхъ вольностей запорожскихъ козаковъ: пчелы, особенно много разводимыя козаками, сверчки, муравьи, тараканы, пауки и другія; изъ пресмыкающихся—гадюки, ужи, желтопузики, т. е. желтобрюхи и проч. [5]).

Изъ произведеній растительнаго царства извѣстны были: виноградъ, яблоки, груши, вишни, тернъ, калина, барбарисъ, ежевика, дикій чай, шалфей, персики, водяные орѣхи, капуста, ци-

[1]) Іосифъ Шатиловъ. Сообщеніе о тарпанахъ, Москва, 1884, 5.

[2]) Труды шестаго археологическаго съѣзда, Москва, 26—28.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 43.

[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, 78; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187; Экономическія примѣчанія къ верхнеднѣпровскому уѣзду, екатеринославской губерніи, № 1, стр. 1, въ екатерин. губернской чертежной.

[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187.

корій, горчица, спаржа, дикая морковь, хрѣнъ, пастернакъ, артишоки, которыхъ особенное множество росло по Бугу, около Гарда между скалъ [1]), пырей, ковыль, катранъ, бурьянъ, богородичная трава, чеберъ, бедринецъ, дягельникъ, чернобыльникъ, дикій лукъ, щавель, везилъ, пижма, лобода, репейникъ, крапива, полынь, лопухъ, тюльпанъ, васильки, мята, ромашка, гвоздика, капуста заячья, вязникъ, бронколь и другія [2]); кромѣ того, по берегамъ рѣкъ, озеръ, лимановъ и болотъ росъ очеретъ или камышъ; изъ грибовъ извѣстны были шампиньоны [3]).

Представленныя въ такомъ привлекательномъ и заманчивомъ видѣ у однихъ писателей, вольности запорожскихъ козаковъ изображаются въ совершенно противуположномъ характерѣ у другихъ. Многіе, покидая свою родину гдѣ-нибудь на Украйнѣ, въ Польшѣ и Россіи, убѣгая за пороги и разсчитывая тамъ на полученіе богатой добычи, напротивъ того, нерѣдко возвращались назадъ, потерявъ даже то, что несли съ собой на Низъ. Оттого и поется въ козацкихъ пѣсняхъ:

«Днипре бра́те, чимъ ты сла́венъ,
Чимъ ты кра́сенъ, чимъ ты я́сенъ —
Чи круты́ми берега́ми,
А чи жо́втыми писка́ми,
А чи жо́втыми писка́ми,
Чи своими козака́ми.
Ой я сла́венъ бурлаками,
Низовы́ми козака́ми,
На Нызъ иду́ть—гро́ши несу́ть,
А зъ Ны́зу йду́ть, тай во́ши бьють.
По-пидъ ла́вью ры́бу пла́влють,
Пидъ пры́пичкомъ горшки ста́влють.
На́ пичъ добро́ выгружа́ють.»

«Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, гдѣ гнѣздилось козачество. Становится понятнымъ, почему она называлась «дикими полями», безлюдною пустынею, непринадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчей, удаленныя отъ поселеній на столько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбой и

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII. 170, 187.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, 78.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII. 170, 187.

дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдержать только человѣкъ съ желѣзной натурой. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли. Козакъ-сиромаха было давнишнею народною поговоркою на Украйнѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда — эти два понятія всегда имѣли близкое родство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Козáкъ—душа правдѝва,
Сорóчки не мàе» [1]).

Особенно страшны были запорожскія степи людямъ, не свыкшимся съ ними, не знавшимъ всѣхъ свойствъ и условій степной жизни. «Гетманъ Самойловичъ во время переговоровъ съ дьякомъ Украинцевымъ о союзѣ съ Польшею противъ Крыма, въ 1679 году, совѣтовалъ царю не нарушать мира съ крымцами, надѣясь на Польшу, ибо, по его словамъ, поляки, при всемъ своемъ желаніи быть вѣрными царю, какъ только попадутъ въ степь и испытаютъ ея прелести, то не выдержатъ, измѣнятъ и перейдутъ на сторону хана, лишь бы не вести войны тамъ, гдѣ могли ее переносить только свыкшіеся съ нею сыны степей, козаки» [2]). Выражаясь такъ, гетманъ Самойловичъ разумѣлъ крымскія степи, но совершенно тоже нужно сказать и о степяхъ запорожскихъ. Бопланъ, жившій въ XVII вѣкѣ на Запорожьѣ, отмѣчаетъ главные недостатки запорожскихъ степей — недостатокъ соли и воды [3]); и точно, въ запорожскихъ степяхъ рѣдко можно было встрѣтить прѣсную воду, большею частію тамъ была вода горькая и соленая. Манштейнъ, бывшій въ Запорожьѣ въ началѣ XVIII вѣка, считаетъ бѣдствіями степей отсутствіе подножнаго корма въ осеннее время, холодныя ночи и несносныя стужи среди лѣта, страшную пустынность края, отсутствіе воды и лѣса для топлива [4]). У поль-

[1]) Кулишъ. Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 530.
[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ. 1876. 72.
[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 1832, 94, 95.
[4]) Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 140, 210.

скихъ писателей прошлыхъ вѣковъ вся земля запорожскихъ козаковъ характерно называлась «Дикимъ полемъ», иногда «Чисто-полемъ», «Пусто-полемъ». Тѣмъ-же именемъ называются запорожскія степи и у германскаго посланника Эриха Ласоты; послѣдній даетъ названіе «Дикаго поля» сѣверозападной окраинѣ запорожскихъ вольностнй отъ рѣки Суры, праваго притока Днѣпра, на сѣверъ и на югъ [1]). На картѣ XVII вѣка «Typus generalis Ukraine» «Дикимъ полемъ—campus desertus et inhabitatus» —называется все пространство степей отъ лѣваго берега Ингульца до рѣки Днѣпра [2]). Малороссійскіе лѣтописцы, польскіе писатели и западно-европейскіе путешественники прибавляютъ къ названнымъ недостаткамъ степей запорожскаго края страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютую стужу, вслѣдствіе открытой, ничѣмъ незащищенной мѣстности, зимой; жестокіе вѣтры, повальныя болѣзни, всеобщій моръ, часто посѣщавшіе запорожскій край, саранча, комары, мошка, черви и хищные волки-сіроманьцы, свирѣпствовавшіе въ открытыхъ степяхъ и своимъ дикимъ воемъ наводившіе ужасъ на постоянныхъ жителей и случайныхъ путешественниковъ — все это дѣлало едва доступнымъ для обитанія край запорожскихъ козаковъ. Многія изъ названныхъ бѣдствій— засуха, повальныя болѣзни, моръ, саранча — повторялись нерѣдко изъ года въ годъ и были истиннымъ бичемъ для низовыхъ обитателей. Иногда, происходя даже гдѣ-нибудь на Украйнѣ, эти бѣдствія чувствительно отзывались и въ Запорожьѣ, какъ, напримѣръ, въ 1637, 1638, 1645—1650, 1677, 1686, 1710, 1748 и 1749 годахъ.

Въ 1575 году лѣто въ запорожскихъ степяхъ было на столько жаркое, что отъ страшнаго зноя трава въ степи повыгорѣла и вода въ рѣкахъ повысохла; осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, во многихъ мѣстахъ черезъ Днѣпръ даже овцы переходили въ бродъ, а на днѣпровскомъ Низу, у Микитина перевоза и рѣчки Чортомлыка, высохли всѣ плавни, такъ что татары свободно переправлялись съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра и свободно нападали на становища запорожскихъ козаковъ [3]). Въ 1583 году въ степяхъ запорожскихъ свирѣпствовала саранча:

[1]) Путевыя записки, 53; планъ Россіи 1770 года Устрялова.

[2]) Въ публичной библіотекѣ Румянцевскаго музея въ Москвѣ.

[3]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церквей, Екатеринославъ, 1876, 30.

Самуилъ Зборовскій, владѣлецъ города Злочева, львовскаго уѣзда, шедшій въ это время съ отрядомъ польской шляхты по Днѣпру для соединенія съ запорожскими козаками съ цѣлью предпринять общій походъ противъ московскаго царя Ивана Грознаго, встрѣтилъ ниже острова Хортицы на Днѣпрѣ тучу саранчи, отъ которой у него пало до 300 лошадей и много попухло людей [1]). Въ 1637 году на Украйнѣ былъ страшный неурожай: весной этого года три мѣсяца не было дождя: рожь рвали съ корнемъ и за диво было видѣть хоть одинъ сжатый снопъ; въ Петровку жито продавалось по 20, даже 24 злотыхъ, просо и гречиха по 12, овесъ по 8 злотыхъ: трудно было человѣку дожить до новины: тогда исполнилось пророчество Исаіи, что кто сто мѣръ посѣялъ, тотъ едва одну взялъ [2]). Въ 1638 году также былъ недородъ: вообще этотъ годъ былъ тугой на Украйнѣ: посѣянный хлѣбъ съѣлъ червь, оттого озими было очень мало, и если бы не яровой хлѣбъ, гречка и просо, то люди поумирали бы отъ голода [3]). Въ 1645 и 1646 годахъ подъ-рядъ Украйну страшно опустошала саранча, причинившая народу неисчислимыя бѣдствія [4]). Въ 1648 году былъ «незначный приморокъ» на людей: «люди бардзо упадали»: того-же года былъ неурожай вслѣдствіе бездождія въ теченіе трехъ весеннихъ мѣсяцевъ: только яровые хлѣба были хороши, чѣмъ и спаслись люди отъ голода [5]); того-же года во всей Украйнѣ было страшное множество саранчи, причинившей великія бѣдствія людямъ, пожравшей хлѣбъ и траву, такъ что негдѣ было и косить сѣна; къ тому-же зима была слишкомъ продолжительна, во время которой нечѣмъ было и скота кормить: та саранча зазимовала на Украйнѣ и весной снова явилась и «такъ великую дорожнету учинила» [6]). Въ 1649 году былъ большой неурожай; уродила лишь падалица отъ ржи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли таборы: яровой хлѣбъ сняли руками: въ этомъ-же году было страшное множество саранчи, съѣвшей хлѣбъ, и не менѣе того мышей: никто не зналъ примѣра, чтобы когда-либо было столько мышей, какъ въ этотъ годъ: отъ этого была большая

---

[1]) Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, СПБ., 1874, I, 116.

[2]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1876, 77, 78.

[3]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1876, 78.

[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны, СПБ., 1832, 85—89.

[5]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1876, 79, 80.

[6]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 года, стран. 17.

дороговизна на хлѣбъ, соль и сѣно[1]). Въ 1650 году, тотчасъ послѣ праздника Рождества Христова, рожь продавалась по два злотыхъ съ излишкомъ, а потомъ по копѣ, а въ апрѣлѣ того-же года осьмина ржи по четыре злотыхъ, осьмина проса по 3 и по 10, яровое по 3 и овесъ по 2 злотыхъ[2]). Въ 1677 году была великая снѣгами и морозами зима: снѣга и морозы продолжались почти до святаго Георгія, такъ что у людей не только сѣна, но и соломы хватать не стало. Въ 1678 году, послѣ всеѣдной, выпали превеликіе снѣга, отъ которыхъ пало много татаръ и ихъ коней, приходившихъ на Запорожье и Украйну[3]). Въ 1680 году была страшная суша и спека солнечная, отъ которой повысыхали воды и травы, развелись черви, поѣвшіе бобы, капусту, горохъ, коноплю, гречиху и переходившіе съ одной нивы на другую; въ это же время въ турецкомъ городѣ Кизыкерменѣ открылось моровое повѣтріе, первою жертвою котораго былъ кизыкерменскій бей со всѣмъ домомъ своимъ; изъ Кизыкерменя моровое повѣтріе перешло осенью въ Сичь запорожскую и тамъ причинило великія бѣдствія[4]). Въ 1686 году на Украйнѣ появилось множество черныхъ червяковъ, величиною въ гусеницу, причинившихъ страшный вредъ коноплѣ и другимъ въ этомъ родѣ растеніямъ, кромѣ хлѣба; они цѣлыми стадами ходили по дорогѣ и черезъ ворота въ городъ, изъ города на огороды, не боясь дождей и мокраго лѣта. Въ 1688 году, 8 августа, въ Запорожье и Украйну налетѣла въ страшномъ количествѣ саранча, покрывшая все войско князя Василія Голицына, шедшее противъ татаръ; она повернула было внизъ по-надъ Днѣпромъ, но потомъ явилась близъ городковъ (то есть близъ Украйны); далѣе отъ Донца вновь явилась въ безчисленномъ множествѣ и укрыла все войско, но отсюда повернула въ татарскія степи; эта саранча истребила всю рожь и яровой, еще неспѣлый, хлѣбъ и оттого «учинила великую дорожнету»; отъ ея смрада падали лошади и рогатый скотъ, поѣдавшіе ее съ травой, также пропадали куры, гуси, утки и индѣйки; въ это-же время въ Запорожьѣ свирѣпствовала страшная чума, отъ которой умерло много народа[5]). Въ слѣдующемъ году, 9 августа, саранча все

[1]) Хмельницкая лѣтопись, 81; Самовидца, 22.

[2]) Хмельницкая лѣтопись, Кіевъ, 1878, стр. 81.

[3]) Сборникъ лѣтописей южн. и зап. Руси, Кіевъ, 1888, 31.

[4]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій южной Руси, Кіевъ, 1851, II, 500.

[5]) Самовидецъ, 133, 149, 150, 161, 174; Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 334.

еще продолжала свирѣпствовать въ запорожскомъ краѣ [1]). Въ 1690 году весной въ бывшемъ запорожскомъ городкѣ Самарѣ или Новобогородицкой крѣпости открылся великій моръ людей: поумирало много народа великороссійскаго званія, скончался и самъ воевода крѣпостной: изъ Самары моръ распространился и по другимъ мѣстамъ запорожскаго края: въ то-же время на Украйнѣ около Стародуба явилась саранча: она налетѣла сюда 9 августа и отсюда бросилась частію въ Литовскій край, частію въ Польшу, частію же осталась на зиму около Нѣжина, Чернигова и Стародуба; она шла широкой полосой, захватила окраину московской земли поза городомъ Свинскимъ, испортила всю Комарницкую волость, сожрала озимый и яровой хлѣбъ и была причиной такой дороговизны, что осьмина ржи и овса стоила по три злотыхъ; отъ смрада ея кони, рогатый скотъ, куры и гуси хворали и издыхали, потому что вмѣстѣ съ травой пожирали и саранчу: даже само мясо ихъ смердѣло саранчей [2]). Въ 1710 году на Украйнѣ свирѣпствовала страшная моровая язва: она началась сперва въ Кіевѣ, а потомъ распространилась и по прочимъ малороссійскимъ городамъ; въ это же время налетѣла отъ моря на Украйну великая саранча, поѣвшая хлѣбъ и траву [3]). Въ 1738 году открылась въ Яссахъ и Букарестѣ моровая язва: отсюда она перешла въ Каменецъ-Подольскъ, Баръ, Могилевъ, захватила Украйну [4]), перешла въ Очаковъ и на Кинбурнъ, поглотила многихъ козаковъ на Запорожьѣ, полегшихъ своими костьми на кладбищѣ Новой Сичи и черными могилами сразу увеличившихъ эту и безъ того мрачную обитель. Въ 1748 и 1749 годахъ на Украйнѣ свирѣпствовала страшная саранча, для истребленія которой брались такія же рѣшительныя мѣры, какъ противъ чумы [5]). Въ 1750 году страшная чума опустошила почти все Запорожье [6]): въ это время Кошъ предписалъ жечь имущество и келіи зачумленныхъ иноковъ Самарско-Николаевскаго монастыря; тогда предана была пламени келія настоятеля монастыря, іеромонаха Прокла, умершаго отъ чумы: вмѣстѣ

[1]) Сборникъ лѣтописей южной и западной Руси, Кіевъ, 1888, 35.

[2]) Лѣтопись Самовидца, 1878, 302; Сборникъ лѣтописей 1888, 50.

[3]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 года, страницы 178, 179.

[4]) Бантышъ-Каменскій. Исторія III, 171; Манштейнъ. Записки, I, 327.

[5]) Замѣчанія, до Малой Россіи относящіяся, Москва, 1848, 44, 45.

[6]) Ѳеодосій. Матеріалы для историко-статистическаго описанія, Екатеринославъ, 1880, I, 334.

съ его имуществомъ сожжено было множество документовъ, относящихся къ исторіи этого монастыря, и біографія перваго настоятеля обители, іеромонаха Пансія [1]; эта чума продолжала свирѣпствовать потомъ и въ 1756 году въ тѣхъ-же самарскихъ мѣстахъ [2]). Въ 1759 году было неурожайное лѣто въ Запорожьѣ; послѣ него настала холодная и бурная осень, а послѣ пасмурной осени наступила съ конца октября глубокая и холодная зима; снѣга завалили запорожскія степи; стужа, морозъ и порывистые вѣтры довершали лютость зимы; такіе холода упорно держались до февраля слѣдующаго 1760 года, и въ это время погибло множество людей и еще болѣе того скота [3]). Въ наступившій 1760 годъ на запорожской рѣкѣ Самарѣ вновь открылась чума. «Появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи сердецъ и въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычныя занятія свои и всецѣло предались молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (заставѣ) іеромонахъ-начальникъ, внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умилительное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каяться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія въ школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, возвысилъ къ дѣтямъ-запорожцамъ голосъ свой яко трубу, письменно и устно внушалъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго и всевластнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же. Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новый-Кодакъ на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ наглой смерти, святителя Христова

[1]) Ѳеодосій. Самарскій-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 7.
[2]) Григорій Надхинъ. Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 47.
[3]) Ѳеодосій. Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 35.

Николая» [1]) Въ 1768 году съ половины мѣсяца января началась страшная «хуртовина» или «пурга», продолжавшаяся весь февраль до начала марта: отъ этого въ Запорожьѣ погибло много людей и скота болѣе половины всей численности [2]). Такою-же стужею отличалась зима и въ 1769 году: въ это время татары, сдѣлавшіе набѣгъ на Новосербію, потеряли отъ холода 30.000 лошадей [3]). Въ 1770 году въ запорожскомъ краѣ былъ повсемѣстный неурожай и голодъ, а въ Кіевѣ открылась чума [4]). Въ 1771 году, въ январѣ мѣсяцѣ, въ Запорожьѣ открылась моровая язва: уже въ мартѣ мѣсяцѣ отъ этой язвы опустѣли села Романково, Кодакъ, Самара и Перещепино; въ октябрѣ мѣсяцѣ обезлюдѣли многіе славяносербскіе шанцы: въ это время добычею страшной смерти сдѣлались въ Елисаветградѣ правитель духовныхъ дѣлъ, священникъ Василій Логовикъ, въ Бахмутѣ Семенъ Башинскій, въ Таганрогѣ Михаилъ Парафацкій, въ Азовѣ Георгій Хрещатицкій и Михаилъ Алексѣевъ, въ конномъ козацкомъ полку Павелъ Григорьевъ и многіе другіе [5]). Наконецъ въ 1772 году, весной, въ Запорожьѣ было страшное и разорительное наводненіе, а лѣтомъ открылась повсемѣстная чума [6]).

Страшныя бѣдствія, которыя приходилось испытать козаку, застигнутому въ дикихъ степяхъ запорожскаго края, художественно обрисованы въ народной думѣ «О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ-подъ Азова», въ которой представлено, какъ два брата ѣдутъ на коняхъ черезъ восточныя степи Запорожья, а третій, пѣшій—пѣхотинецъ, спѣшитъ-поспѣшаетъ за конными братьями, напрасно молитъ ихъ взять его съ собой, потомъ теряетъ ихъ изъ виду, добирается до Савуръ-могилы и тутъ въ страшныхъ мукахъ погибаетъ отъ голода и жажды.

«Изъ-пидъ го̀рода, спидъ Азо̀ва то невелыки тума̀ны устава̀ли,
Якъ три браты риднѐньки,
Якъ голу̀боньки сывѐньки,

[1]) Ѳеодосій. Самарско-Николаевскій монастырь. Екатеринославъ, 1873, 33.
[2]) Ѳеодосій. Матеріалы для ист.-ст. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 335.
[3]) Memoires du baron de Tott sur les turcs et les tartares, 1781, II, 153, 154.
[4]) Ѳеодосій. Матеріалы для ист.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, II, 336.
[5]) Ѳеодосій. Матеріалы для ист.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, II, 336.
[6]) Тамъ же, II, 338; Григорій Надхинъ. Память о Запорожьѣ, Москва, 47.

Изъ го̀рода, изъ Азо̀ва, зъ тя̀жкои нево̀ли
У зѐмлю хрестія̀нську до ба̀тька, до ма̀тери, до ро̀ду утика̀ли.
Два бра̀та ки̇нныхъ
А трѐтій братъ, мѐньшій, пи̇ша-пишаны̀ця,
За ки̇нними брата̀ми угоня̀е,
На би̇ле ками̇ння,
На сырѐ кориння
Свои̇ ни̇жки коза̀цьки-молодѐцьки побива̀е;
Кро̀вью слидъ залива̀е,
И до ки̇нныхъ бра̀тикивъ слова̀ми промовля̀е:
«Бра̀тики мои риднѐньки,
Голу̀боньки сывѐньки,
До̀бре вы учини̇те,
Менѐ, наймѐньшого бра̀та, мижъ ко̀ни возьми̇те,
И въ зѐмлю христія̀нську, до отця̀, до ма̀тери, до ро̀ду надвези̇те».
И ти браты̀ тоѐ зачува̀ли,
Слова̀ми промовля̀ли:
Бра̀тику мы̀лый,
Голу̀боньку сы̀вый,
Ра̀ди бъ мы тебѐ мижъ ко̀ни узя̀ти,
И бу̀де насъ Азовська орда̀ нагоня̀ти,
Бу̀де въ пень си̇кти-рубати,
И бу̀де намъ велы̀ку му̀ку завдава̀ти».
И тѐе промовля̀ли,
Ви̇дтиль побига̀ли...
Тоди̇ мѐньшій братъ на Саву̀ръ-моги̇лу збиг̇ае,
Слова̀ми промовля̀е,
Слё̀зами облыва̀е:
Побило менѐ въ по̀ли три недо̀ли:
Пѐрша до̀ля безхли̇бье,
Дру̀га до̀ля безви̇дье,
А трѐтя—бу̀йный ви̇теръ въ по̀ли повива̀е,
Бидного козака̀ зъ нигъ валя̀е.
Тоди̇ меньшій братъ на Саву̀ръ-моги̇лу зихожа̀е,
Голо̀вку свою̀ коза̀цьку склоня̀е,
Ба̀тькову-ма̀тчину моли̇тву спомина̀е.
Отъ рука̀ми не ви̇зьме
Нога̀ми не пи̇де,
И я̀сными очи̇ма на нѐбо не згля̀не,
Кругомъ взира̀е,
Тя̀жко вздыха̀е:
«Го̀лово моя̀ коза̀цькая!
Бува̀ли мы у зѐмляхъ турѐцькихъ,
У ви̇рахъ бусурмѐнськихъ;
А тепѐрь прыпа̀ло на безви̇дди, на безхли̇бьи погиба̀ти,
Девя̀тый день хлиба въ уста̀хъ не маю,
На безви̇ддьи, на безхли̇бьи погиба̀ю!»

*

Тутъ тѐе промовлявъ... не чòрна хмàра налитàла,
Не буйнìи вìтры вìйнули.
Якъ душа козàцька-молодецька зъ тìломъ розлучàлась.
Тодѝ сыви зозу̀ли налитàли,
У головàхъ сидàли, жàлибно кувàли,
И якъ рìдни сѐстры оплакàли;
Тоди вовкѝ-сыромàньци набигàли,
И орлы̀ чорнокры̀льци налитàли,
Іъ голòвкахъ сидàли,
Зъ лòба чòрни òчи выдырàли.
Бѝле тìло одъ жòвтои кòсти одрывàли,
Жòвту кисть по-подъ зелѐными яворàми разношàли,
И комышàми укрывàли.
И жалибнѐнько квилѝли-проквылялѝ:
Тожъ вонѝ козàцькіи похорòны одправляли» [1])

О другихъ бѣдствіяхъ запорожскаго края, саранчѣ, разнаго рода насѣкомыхъ, особенно комарахъ, слѣпняхъ и мошкахъ, этихъ «крылатыхъ пшилекъ запорожскихъ омутовъ», и зимнихъ стужахъ даютъ подробныя и весьма любопытныя описанія современники-очевидцы, каковы инженеръ Бопланъ и баронъ Тоттъ. «Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украйнѣ, говоритъ Бопланъ, напоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Египетъ при фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ этотъ терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкесіи, Бессы и Мингреліи восточнымъ или юговосточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ: гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ слова для выраженія количества саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, ко-

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа, Кіевъ, 1874, I, 106—133.

торый она производитъ, пожирая растенія: оголивъ поле въ часъ или въ два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца, и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новоградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Дома, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выгнать эту незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ отворять дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно и то же время. На улицѣ она кидалась въ лицо, садилась на носъ, щеки, брови, даже падала въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы поневолѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту-же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи, надобно быть самому очевидцемъ, чтобы судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши оставливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный: я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро: но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но расплождается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ ея полетъ: тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ этого умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ,

ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать: до того же времени отходитъ недалеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру: постоянный сѣверозападный вѣтеръ вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ этотъ бичъ по Украйнѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украйнѣ объ этомъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ» [1]).

Почти въ тѣхъ-же краскахъ рисуетъ степи ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и степи запорожскихъ козаковъ, и авторъ записокъ о туркахъ и татарахъ, баронъ де-Тоттъ. «Эти насѣкомыя, говоритъ онъ, налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается, и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается земледѣльцамъ-ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издаетъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія» [2]).

Въ 1748 и 1749 годахъ для истребленія на украинскихъ степяхъ саранчи введены были такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. «Бывшіе малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая. Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось» [3]).

Кромѣ саранчи, не малыя бѣдствія причиняли жителямъ Украйны, въ особенности же Запорожья, мошка и комары. «Берега

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктпетербургъ, 1832, 85—89.

[2]) Mémoires du baron de Tott sur le turcs et les tartares, 1781, II.

[3]) Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія. Москва, 1848, 44, 45.

днѣпровскіе, говоритъ Бопланъ, замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови: но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не захочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ; опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогонять ихъ дымомъ: для этого нужно содержать постоянный огонь» [1]).

Главнымъ гнѣздилищемъ комаровъ и мошекъ были днѣпровскія плавни и многочисленные острова съ ихъ непроходимыми камышами, болотными травами и густыми лѣсами: въ открытыя степи они доходили только въ томъ случаѣ, когда вѣтеръ дулъ отъ Днѣпра въ какую-либо изъ четырехъ странъ свѣта вольностей запорожскихъ: если вѣтеръ тянулъ къ востоку, комары и мошка шли туда-же; если онъ тянулъ къ западу, они шли въ ту-же сторону и т. д. Въ самихъ же плавняхъ, особенно въ Великомъ-Лугу, ихъ было такое множество, что они нерѣдко буквально заѣдали телятъ и даже коровъ: попавшійся въ плавни рогатый скотъ всегда ходилъ тамъ облитый кровью и спасался только въ водѣ или въ дыму у раскладываемыхъ пастухами костровъ. Обыкновенное время появленія комаровъ въ плавняхъ Днѣпра—половина апрѣля; конецъ—6 августа, на Спаса, или 15, на Пречистую; оттого на этотъ счетъ приднѣпровскіе жители сложили слѣдующее четырехъ-стишіе:

Прыйшòвъ Спасъ, пропàвъ комары̀ный басъ;
А якъ пры̀йде Пречиста, вѝзьме комаря нечиста.
Якъ пры̀йде Спасъ, увирвѐтця комары̀ный басъ,
А въ Пречѝсту якъ заграють, то й цымбàлы поховàють».

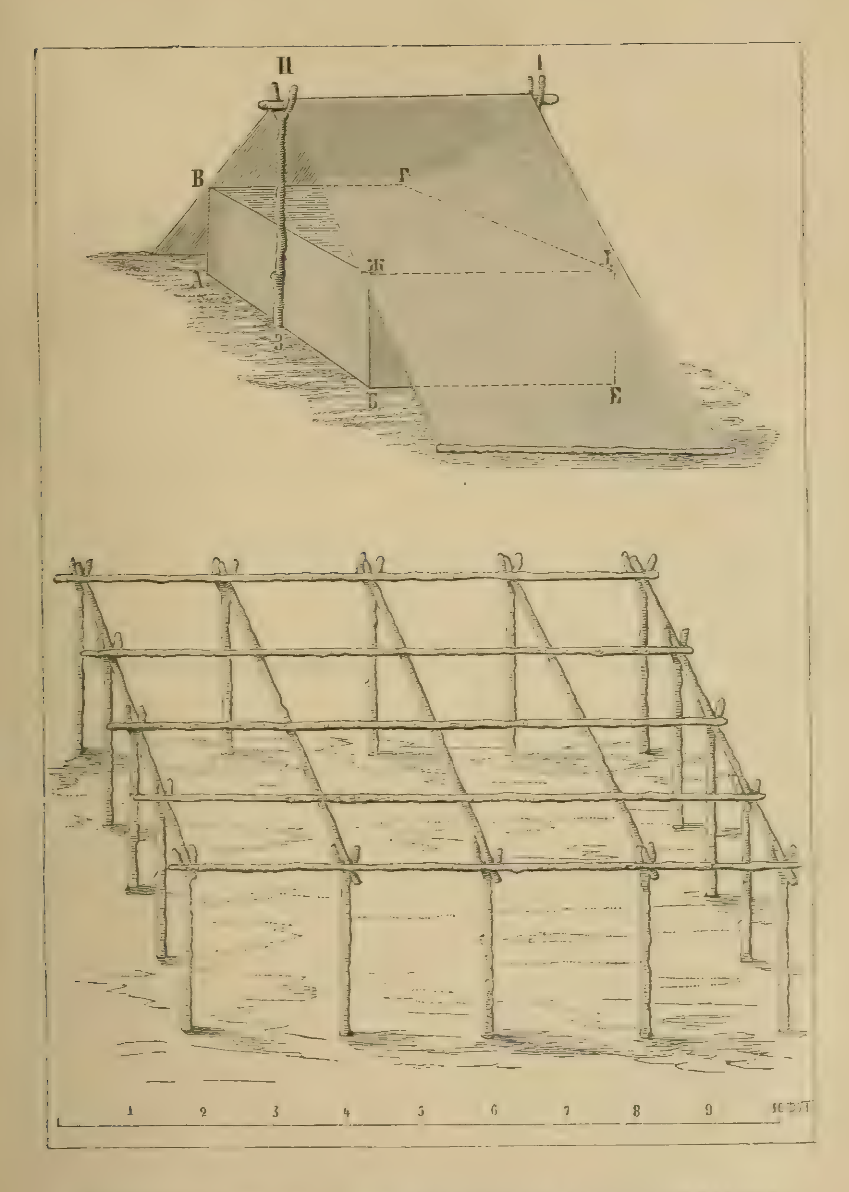
Изъ многихъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края не послѣднее мѣсто занималъ и страшный холодъ въ зимнее время. У Боплана находимъ въ этомъ отношеніи нѣсколько строкъ, весьма ярко рисующихъ бѣдственное положеніе спутника, застигнутаго въ зимнее время въ открытой степи Украйны сильнымъ морозомъ

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктпетербургъ, 1832, 84.

и стужей: еще въ большей мѣрѣ эти слова можно примѣнить къ запорожскому краю: въ этомъ краѣ, не защищенномъ ни горами, ни лѣсами, представляющемъ изъ себя безпредѣльную равнину, особенно сильно чувствовались и лѣтній зной, и зимняя стужа.

«Хотя Украйна, говоритъ Бопланъ, лежитъ подъ одинаковой широтой съ Нормандіей, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ этихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зарождается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль, столь же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе огня. Вереды бываютъ сперва въ горошину, но черезъ нѣсколько дней, иногда черезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается. Два изъ моихъ знакомыхъ лишились такимъ образомъ самаго чувствительнаго органа.

Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро: смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпенѣніе: въ это время сильная дремота клонитъ его ко сну. Если дадутъ вамъ заснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь: если-же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники разбудятъ васъ, жизнь ваша спасена. Случалось и мнѣ стоять на порогѣ смерти: я засыпалъ отъ холода, но слуги мои, крѣпкіе тѣлосложеніемъ и привычные къ стужѣ, нѣсколько разъ расталкивали меня соннаго. Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣка не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти



Козацкій пологъ для защиты отъ комаровъ.
Къ стр. 70—71.

не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и охватываетъ поясницу: всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности его раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій: самъ же замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отчего болѣзнь эта столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни неисцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Въ 1646 году, когда польская армія вступила въ московскіе предѣлы для пресѣченія возвратнаго пути татарамъ и освобожденія плѣненныхъ ими жителей, жестокая стужа принудила насъ сняться съ лагеря: мы потеряли болѣе 2.000 человѣкъ, изъ коихъ многіе погибли описанною нами мучительною смертью, другіе же возвратились калѣками. Холодъ не пощадилъ даже лошадей, хотя онѣ и покрѣпче насъ: во время похода пало ихъ болѣе 1.000, въ томъ числѣ шесть лошадей подъ кухнею генералъ-лейтенанта Потоцкаго, бывшаго впослѣдствіи короннымъ гетманомъ и кастеляномъ краковскимъ. Стужа захватила насъ близь рѣки Мерлы, впадающей въ Днѣпръ. Въ Украйнѣ защищаютъ себя отъ оной единственно тѣмъ, что укутываются въ теплую одежду и запасаются разными вещами, предохраняющими отъ холода. Что касается меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьею шубой: лицо же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ также и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ. Этими предосторожностями, съ божьею помощью, я избавился отъ несчастій, мною описанныхъ. Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки изъ горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода» [1]).

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 95—99.

Такова характеристика вольностей запорожскихъ козаковъ у разныхъ писателей. О климатѣ и температурѣ этого края въ общемъ можно сказать слѣдующее. Зима здѣсь непостоянна и кратковременна: она устанавливается только въ декабрѣ и продолжается три мѣсяца—декабрь, январь, февраль: морозы обыкновенно бываютъ 10, рѣдко доходятъ до 20 и еще рѣже до 30 градусовъ по Реомюру; снѣга неравномѣрны, то очень глубокіе, то совсѣмъ ничтожные, и болѣе собираются въ балкахъ, байракахъ и оврагахъ, чѣмъ въ открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ: частыя зимнія вьюги или такъ-называемыя «пу́рги» и «хуртечи», при неудержимомъ сѣверовосточномъ или восточномъ вѣтрѣ, бываютъ причиною гибели и людей, и скота: стужи, вслѣдствіе открытаго положенія мѣстности, чувствуются гораздо сильнѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, защищенныхъ природою: 10-градусные холода въ Запорожьѣ, что 20 градусовъ въ Бѣлоруссіи. Весна начинается или съ конца марта или съ начала апрѣля: весеннихъ ночныхъ заморозковъ въ степи не бываетъ: травы обыкновенно снимаются въ концѣ апрѣля, рѣже въ началѣ мая: фрукты, овощи и хлѣбныя растенія поспѣваютъ въ іюлѣ и началѣ августа: грозы лѣтомъ очень часты: въ срединѣ іюня прекращается ночная роса: весь іюль и особенно начало августа часто проходятъ совсѣмъ безъ дождя, отчего степи теряютъ всякую прелесть и превращаются въ сухую, выжженную, обнаженную и пыльную равнину; въ половинѣ августа жары достигаютъ такой степени, что человѣку и животнымъ становится не въ моготу переносить знойную температуру и неумолимо палящіе лучи южнаго солнца: средняя температура лѣта въ іюнѣ и іюлѣ отъ 15 до 20 градусовъ, въ августѣ отъ 26 и болѣе, по Реомюру: наибольшая температура до 45 и иногда, хотя весьма рѣдко, до 50 градусовъ: въ сѣверной окраинѣ и средней полосѣ температура обыкновенно бываетъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ восточной и особенно южной: дожди идутъ большею частью тучковые и нерѣдко столь сильные, что своими потоками сносятъ хлѣбъ, огородную растительность и даже мелкій скотъ и легкія постройки, особенно въ мѣстахъ низменныхъ и глубокихъ: со второй половины августа начинаетъ садиться роса и перепадать дождики, отчего степь постепенно начинаетъ зеленѣть и принимаетъ нарядный и веселый видъ. Осень начинается съ конца сентября, вообще же сентябрь и иногда начало октября считаются здѣсь самымъ пріятнымъ временемъ года: съ конца-же сентября здѣсь на-

ступаютъ иногда туманы, нерѣдко продолжающіеся періодически осенью, зимой и весной; рѣки здѣсь обыкновенно замерзаютъ въ ноябрѣ и остаются закованными льдомъ до марта. Сѣверовосточные и восточные вѣтры приносятъ здѣсь холодъ, зной и засуху, южные и югозападные—тепло, дождь и влагу; изъ всѣхъ окраинъ вольностей запорожскихъ, въ ближайшихъ къ морю и большимъ рѣкамъ, каковы Днѣпръ и Бугъ, климатъ мягче и влажнѣе, чѣмъ въ другихъ.

Но каковы бы ни были удобства или неудобства края, для запорожскихъ козаковъ онъ представлялся обѣтованною страной, завѣтной Палестиной, не смотря на весь ужасъ его пустынности, лѣтняго зноя, зимней стужи, страшнаго безводья, губительнаго вѣтра. И чѣмъ страшнѣе казался этотъ край другимъ, тѣмъ привлекательнѣе онъ былъ запорожскимъ козакамъ. Многимъ уже одинъ Днѣпръ казался страшнымъ какъ по своей дикости, такъ и по своей малодоступности. Такимъ дикимъ и мало доступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ его заливы, гирла, рѣчки, вѣтки, озера, болота, такъ и его многочисленные острова, карчи, заборы и пороги. По сказанію Боплана, въ концѣ своего теченія Днѣпръ имѣлъ едва исчислимое множество островковъ, покрытыхъ такою густой травой, такимъ непролазнымъ камышомъ и такими непроходимыми и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья рѣки за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу островковъ за одинъ сплошной, огромной величины, островъ. Когда однажды турки, преслѣдуя запорожцевъ, проникли изъ Чернаго моря на своихъ галерахъ до самой сичевой скарбницы, то, поднявшись выше устья Днѣпра, они запутались въ цѣломъ архипелагѣ островковъ и совершенно потерялись, какъ въ безконечномъ лабиринтѣ съ его многочисленными ходами и переходами, въ неисчислимыхъ вѣткахъ и непролазныхъ камышахъ рѣки; тогда запорожцы, бросившись на лодкахъ между камышей и деревьевъ, потопили нѣсколько турецкихъ галеръ, истребили множество людей и такъ напугали своихъ враговъ, что они никогда потомъ не поднимались выше четырехъ или пяти миль отъ устья Днѣпра вверхъ [1]). Поляки только въ 1638 году впервые проникли и ознакомились съ

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 26.

запорожскими трущобами и придавали этому знакомству чрезвычайно важное значеніе [1]).

Но что значатъ эти острова и вѣтки въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видалъ пороговъ, кто не пытался переправляться черезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ и представить всей грозы и всего ужаса, какимъ обдаетъ Днѣпръ даже самаго смѣлаго пловца по немъ. При видѣ страшной пучины, клокочущей въ днѣпровскихъ порогахъ, кровь леденѣетъ въ жилахъ человѣка, уста сами собой смыкаются, сердце невольно перестаетъ биться... Уже издали можно узнать близость пороговъ по тому страшному шуму и стону воды, которая, вливаясь въ промежутки между камней пороговъ, сильно пѣнится, яростно бросается съ камня на камень и какъ бы съ ожесточеніемъ стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, точно желая поглотить все своимъ теченіемъ, схватить, увлечь и унести все своей неудержимой и сокрушающей силой. Особенно страшны бываютъ пороги въ то время, когда на Днѣпрѣ схватится такъ называемая полоса вѣтра. «Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ — сѣверовосточный — самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно вліяніе его: какъ чаша испитой неблагодарности снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его» — сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческомъ вѣтрѣ, и эти же слова можно примѣнить къ внезапному порыву вѣтра на Днѣпрѣ. Этотъ порывъ внушаетъ опасность даже и безстрашнымъ днѣпровскимъ лоцманамъ: они отваливаютъ отъ берега съ барками и плотами только въ самую тихую погоду, когда вода въ Днѣпрѣ стоитъ какъ зеркало и когда она не шелохнетъ ни одной своей струей: но и среди такого затишья нерѣдко и совершенно неожиданно схватываются полосы вѣтра, и тогда пловцамъ остается одно спасеніе — надежда на Бога [2]). Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, сине-голубое и безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво. Не проходитъ и нѣсколькихъ часовъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ дико завылъ порывистый вѣтеръ, и въ мигъ вся поверхность воды, зловѣще зачернѣла, быстро заволновалась и закипѣла своею бѣлой жемчужной пѣной.

---

[1]) Кулишъ. Отечественныя Записки, 1864, 54, примѣчаніе 2.

[2]) Афанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южную Россію, Спб. 1863. I, 87.

Страшнѣе всего бываетъ въ такихъ случаяхъ Днѣпръ въ ночное время!..

По всему этому, среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, необозримыхъ плавенъ, неисчислимыхъ заборъ, подводныхъ карчеій и дикихъ пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать только опытный пловецъ: среди его лѣсистыхъ островов, топкихъ болотъ, среди невылазныхъ и непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его рѣчную долину. Но вотъ эта-то неприступность Днѣпра, эта-то дикость мѣстъ, этотъ страхъ пустынной безлюдности и привлекали низовыхъ молодцовъ, никѣмъ и ничѣмъ неустрашимыхъ запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ островов, непроходимыхъ камышей, дремучихъ и вѣковыхъ лѣсовъ: здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ «поляхъ», въ безводныхъ и дикихъ степяхъ, здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище и всеобъемлющую колыбель. «Сичь—мате, а Велыкій Лугъ — батько!.. Степъ та воля —козацька доля!..» Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть короннаго гетмана, ни даже грозные универсалы грозныхъ королей польскихъ: здѣсь-же молодцамъ ни по чемъ были ни татары, ни турки, ни лѣтній зной, ни зимній холодъ, ни страшное безводье, ни губительная засуха, ни дикій звѣрь, ни степная «пожежа».

«Ой, пòлемъ, пòлемъ Кылыймськимъ,
Та шляхомъ бытымъ Гордыйнськимъ
Ой тамъ гулявъ козакъ Голòта.
Не боитця винъ ни огня̀, ни меча̀, ни трѐтёго болота».
. . . .

Исторія и топографія осьми запорожскихъ Сичей.

Владѣя обширными степями, отходившими на громадное пространство къ востоку и западу отъ рѣки Днѣпра, запорожскіе козаки при всемъ томъ центромъ своихъ вольностей всегда считали рѣку Днѣпръ: на Днѣпрѣ или близь Днѣпра они постоянно устраивали свою столицу, Сичу. Названіе козацкой столицы — «Сича, Сѣча, Сѣчь» — безъ сомнѣнія, произошло отъ слова «сѣкти», «высѣкать», въ смыслѣ рубить и, слѣдовательно, имѣетъ одинаковый корень съ великорусскимъ словомъ «засѣка». Доказательствомъ тому служатъ дошедшіе до насъ документы прошлыхъ вѣковъ, раскрывающіе ходъ постепенной колонизаціи новыхъ днѣпровскихъ степныхъ мѣстъ, шедшей изъ старой Малороссіи на Низъ. Колонизація эта выражалась прежде всего тѣмъ, что піонеры новой земли, избравъ для своего поселенія уединенную лѣсную трущобу, совсѣмъ или мало доступную для набѣговъ степныхъ наѣздниковъ, *высѣкали* среди нея лѣсъ, и здѣсь, на разчищенной лѣсной мѣстности, гдѣ оставались только пни отъ вырубленныхъ деревьевъ, заводили свой поселокъ [1]. Естественно думать, что и запорожская Сича такимъ же путемъ возникла и отъ этого именно получила свое названіе. Но усвоенное названіе въ мѣстности лѣсной, оно пріурочивалось и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ вовсе не было лѣса и гдѣ даже не было никакой надобности въ очисткѣ мѣста отъ лѣсной растительности. Напротивъ того, случалось, что избранное мѣсто для устройства въ немъ Сичи нужно было даже укрѣплять искусственно; для этой цѣли *высѣкали* гдѣ-нибудь вблизи намѣченнаго для Сичи мѣста толстыя деревья, заостряли

[1]) Кіевская Старина, 1888, XXIII, № 11, 43—45.

ихъ сверху, осмаливали снизу и, подобно частоколу, вколачивали вокругъ какого-нибудь острова или мыса правильной подковой, какъ это можно было видѣть при раскопкѣ Чортомлыцкой Сичи. Такимъ образомъ въ названіи козацкой столицы «Сича» заключался двойной смыслъ: это было или разчищенное среди лѣса или укрѣпленное высѣченнымъ лѣсомъ мѣсто. Отсюда мнѣніе о томъ, что названіе Сичи произошло отъ слова «сѣкти» въ смыслѣ разить, потому что запорожцы главною своею задачею поставляли сѣчь головы врагамъ, кажется вовсе неправдоподобнымъ [1]). Въ переносномъ смыслѣ слова Сичь была столицею всего запорожскаго козачества, центромъ дѣятельности и управленія всѣми войсковыми дѣлами, резиденціей всѣхъ главныхъ старшинъ, стоявшихъ во главѣ низового козачества.

Рядомъ со словомъ «Сича» ставилось слово «Кошъ», иногда называвшійся «вельможнымъ запорожскимъ Кошемъ». Это слово уже несомнѣнно заимствованное извнѣ, взято именно отъ татаръ, какъ слова «козакъ», «атаманъ», «асаулъ», «чаушъ», «чабанъ». На татарскомъ языкѣ слово «кошъ», или правильнѣе «кхошъ», означало десять тысячъ вмѣстѣ сведенныхъ овечьихъ стадъ. «Для удобства исполненія пастушескихъ обязанностей, замѣчаетъ на этотъ счетъ Хартахай, татары часто прибѣгали къ союзамъ. Во главѣ союза являлся человѣкъ, у котораго было собственное стадо и который кромѣ того прославился какъ хорошій распорядитель, удачно размножающій свой скотъ. Съ такимъ человѣкомъ всѣ охотно вступаютъ въ союзъ. Этотъ союзъ имѣетъ слѣдующую организацію. Во главѣ его стоялъ основатель, а членами его считались вкладчики. Десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по 1000 овецъ, составляютъ одно сводное, подъ общимъ названіемъ кхошъ. Такъ какъ съ 10.000 овецъ неудобно производить кормленіе на одномъ мѣстѣ, то весь кхошъ раздѣлялся на малыя стада въ тысячу и менѣе овецъ. При каждомъ полномъ стадѣ находилось по три человѣка: они извѣстны подъ именемъ чабановъ. Тотъ, который отличался наибольшею расторопностію, дѣлался непосредственнымъ начальникомъ чабановъ своднаго стада и получалъ титулъ одамана. Главное управленіе всѣми отдѣльными стадами сосредоточивалось въ кошѣ. Тамъ живетъ начальникъ союза и верховный правитель коша» [2]). Запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ объясняетъ

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 528.

[2]) Хартахай, Вѣстникъ Европы, 1866, VI, 217.

слово «кошъ» слѣдующимъ образомъ: кочуя зиму и лѣто по степи, запорожскіе козаки, для защиты пастуховъ отъ холодныхъ вѣтровъ и дурной погоды, употребляли коши; коши эти подобились палаткамъ: они обшиты были вокругъ полстями и, для удобства передвиженія съ мѣста на мѣсто, устроены были на двухъ колесахъ; въ срединѣ ихъ дѣлалась кабыця для огня, у которой грѣлись и просушивались отъ непогоды пастухи [1]). Оба эти объясненія примиряетъ профессоръ Григорьевъ. «Кошъ, по его словамъ, означаетъ всякое временное помѣщеніе въ пустомъ мѣстѣ, или на дорогѣ: отдѣльную кибитку, нѣсколько кибитокъ вмѣстѣ и цѣлый лагерь... Поэтому кошемъ называлось, по заимствованію отъ татаръ, и главная квартира запорожскаго войска, состоявшаго изъ людей неосѣдлыхъ, готовыхъ всегда переноситься съ мѣста на мѣсто» [2]).

Слова «Сичь» и «Кошъ» употреблялись у запорожскихъ козаковъ то безразлично, то съ полнымъ различіемъ одного отъ другаго: обыкновенно подъ словомъ «Сича» разумѣлась постоянная столица, постоянное ядро козаковъ, постоянный центръ всего козачества, и притомъ у себя, дома; тогда какъ слово «Кошъ» чаще всего понималось въ смыслѣ правительства, иногда въ смыслѣ временнаго мѣста для пребыванія козаковъ, военнаго лагеря, ставки, etat major, даже въ смыслѣ козацкаго табора; но чаще всего слова «Кошъ» и «Сича» ставились одно вмѣсто другаго съ одинаковымъ понятіемъ постояннаго мѣстопребыванія запорожскихъ козаковъ. Оттого въ дошедшихъ до насъ документахъ запорожскаго архива встрѣчаемъ подписи: «Данъ съ Коша при Бугѣ» [3]), т. е. съ временнаго лагеря при Бугѣ; «Данъ зъ Коша Сѣчи запорожской», «Данъ на Кошу Сѣчи запорожской», т. е. съ постояннаго мѣста при Сѣчѣ запорожской: «Писано на Кошу» [4]), т. е. писано въ ставкѣ при постоянной Сичѣ; «Запорожскій Кошъ», т. е. запорожская Сичь, при этомъ годъ, мѣсяцъ, число и мѣсто постоянной, напримѣръ, Новой Сичи [5]).

Въ теченіи своего, съ небольшимъ двухсотлѣтняго историческаго существованія, запорожскіе козаки послѣдовательно перемѣнили *восемь* Сичей: Хортицкую, Базавлуцкую, Томаковскую, Ми-

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 33.

[2]) О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Казань, 1861, 87, прим. 69.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 315.

[4]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 36, II, 36—37, 561.

[5]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 26.

китинскую, Чортомлыцкую, Алешковскую, Каменскую и Новую или Подпиленскую. Причинами перенесенія Сичей съ одного мѣста на другое были частію большее для жизни удобство одной мѣстности сравнительно съ другой, частью стратегическія соображенія, частью чисто случайныя явленія, въ родѣ недостатка воды, тѣснаго помѣщенія, вредной для здоровья мѣстности, эпидеміи, отъ которой извѣстная мѣстность на столько заражалась, что живымъ людямъ поневолѣ приходилось переноситься всѣмъ центромъ жизни, или Сичею, на другую здоровую мѣстность [1]).

Послѣдовательное перечисленіе запорожскихъ Сичей находимъ въ исторіи князя Семена Мышецкаго, откуда оно заимствовано лѣтописцемъ Ригельманомъ и за нимъ историками Бантышъ-Каменскимъ и Маркевичемъ. Князь Мышецкій насчитываетъ десять Сичей: въ Седневѣ, близь Чернигова; Каневѣ, ниже Кіева; Переволочной, близь Кременчуга; на Хортицѣ; на Томаковкѣ; на мысѣ Микитиномъ; при устьѣ рѣчки Чортомлыка; при устьѣ рѣчки Каменки; въ урочищѣ Алешкахъ, и наконецъ при рѣчкѣ Подпильной [2]). Въ этомъ перечнѣ не находимъ Базавлуцкой Сичи, зато находимъ три другихъ Сичи—въ Седневѣ, Каневѣ и Переволочной, которыхъ за Сичи принять, однако, нельзя. Дѣло состоитъ въ томъ, что *запорожскими* козаками, въ отличіе отъ малороссійскихъ, украинскихъ, черкасскихъ, реестровыхъ, городовыхъ и семейныхъ, жившихъ въ Старой Малороссіи, т. е. кіевской, полтавской, черниговской и частію подольской губерніяхъ, назывались собственно тѣ козаки, которые жили *за порогами* Днѣпра; отсюда и запорожскими Сичами въ точномъ и буквальномъ смыслѣ слова должны называться лишь тѣ, которыя возникли и устроены были ниже пороговъ. А такъ какъ Седнево, Каневъ и Переволочна были гораздо выше пороговъ и притомъ въ старой Малороссіи, то считать ихъ запорожскими Сичами нѣтъ никакого основанія. Въ данномъ случаѣ свидѣтельство князя Мышецкаго важно для насъ именно въ томъ отношеніи, что оно подтверждаетъ лишь признанный въ исторіи Малороссіи фактъ о постепенной колонизаціи, шедшей изъ городовъ въ степи, и о тѣсной связи и близкомъ родствѣ запорожскихъ козаковъ съ малороссійскими. Такимъ образомъ пер-

---

[1]) Эварницкій. Число и порядокъ зап. Сѣчей, Кіевъ, 1884, 16, 17.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 9, 10.

вою запорожскою Сичею слѣдуетъ считать Сичь на островѣ Хортицѣ, ниже пороговъ.

Островъ Хортица — самый большой и самый величественный изъ всѣхъ острововъ на протяженіи всего Днѣпра. Онъ извѣстенъ былъ уже многимъ древнимъ историкамъ и писателямъ. У греческаго императора Константина Багрянороднаго (905 —959) онъ называется островомъ св. Григорія, получившимъ свое названіе, какъ думаютъ, отъ Григорія, просвѣтителя Арменіи, нѣкогда пріѣзжавшаго въ Россію по Днѣпру [1]); въ русскихъ лѣтописяхъ онъ именуется Хортичъ, Кортицкій, Городецкій, Ортинскій, Интрскій островъ [2]); у Эриха Ласоты, у Боплана, въ Книгѣ большого чертежа Хортица и Хиртица [3]); у польскаго хрониста Мартина Бѣльскаго Хорчика [4]); у Василія Зуева и князя Мышецкаго Хортицъ [5]); на атласѣ Днѣпра 1786 года адмирала Пущина Хитрицкій островъ [6]); у Ригельмана Хордецкій островъ [7]).

Островъ Хортица получилъ свое названіе, по объясненію профессора Бруна, отъ слова «хортъ», что значитъ борзая собака, которую наши предки, славяне-язычники, останавливаясь на островѣ ниже пороговъ во время плаванія по Днѣпру «изъ Варягъ въ Царьградъ», могли приносить въ жертву своимъ богамъ [8]). «Прошедъ Крарійскій перевозъ [9]), они—руссы—причаливаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія. На этомъ островѣ они совершаютъ свои жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ. Они приносятъ въ жертву живыхъ птицъ; также втыкаютъ кругомъ стрѣлы, а другіе кладутъ куски хлѣба и мяса, и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ же бросаютъ жребій, убивать ли птицъ и ѣсть или оставлять въ живыхъ» [10]). Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы впервые упоминается подъ 1103 годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, шелъ походомъ противъ половцевъ: «И

[1]) Ѳедоръ Карловичъ Брунъ. Черноморье, Одесса, 1879, II, 289.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, Спб., 1871, 187, 205, 208, 226 и др.

[3]) Путевыя записки, 30; Описаніе Украйны, 24; 1846, 100, 101, Москва.

[4]) Zbior pisarzow polskich, Czese szosta, XVIII, Warszawa, 1832, 191—193.

[5]) Путешественныя записки, Спб. 1786, 261; Исторія, Одесса, 1852, 68.

[6]) Императорская С.-Петербургская публичная библ., F, IV, 268.

[7]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847, I, 20.

[8]) Брунъ. Примѣчаніе къ Путевымъ запискамъ Ласоты, Одесса, 85.

[9]) Теперь переправа Кичкасъ, выше острова Большой-Хортицы.

[10]) De administrando imperio, caput IX, punctum 74—77, Боннское.

поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ и въ Хортичимъ островѣ» [1]). Изъ русскихъ же лѣтописей узнаёмъ, что на островѣ Хортицѣ съѣзжались всѣ главные русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ, къ рѣчкѣ Калкѣ: «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру и въидоша в море: бѣ бо людей тысящи, и воидоша в Днѣпръ и возведоша пороги и сташа у рѣки Хорътицѣ на броду, у протолчи» [2]).

Возникновеніе, устройство и исторія *Хортицкой Сѣчи* тѣсно связаны съ исторіей и подвигами знаменитаго вождя запорожскихъ и украинскихъ козаковъ, князя Димитрія Ивановича Вишневецкаго, извѣстнаго въ козацкихъ народныхъ думахъ подъ именемъ козака Байды. Князь Димитрій Вишневецкій впервые является на островѣ Хортицѣ въ 1556 году. Потомокъ волынскихъ князей Гедиминовичей, Вишневецкій былъ человѣкъ православной вѣры, владѣлъ многими имѣніями въ кременецкомъ повѣтѣ, каковы: Подгайцы, Окимны, Кумнинъ, Лопушка и др., имѣлъ у себя трехъ братьевъ: Андрея, Константина и Сигизмунда, и впервые сталъ извѣстнымъ съ 1550 года, когда назначенъ былъ польскимъ правительствомъ въ званіе черкасскаго и каневскаго старо́сты. Въ этомъ званіи Вишневецкій оставался до 1553 года; получивъ отказъ отъ короля Сигизмунда-Августа по поводу просьбы о какомъ-то пожалованіи, князь Димитрій Вишневецкій, по старому праву добровольнаго отъѣзда служилыхъ людей отъ короля, ушелъ изъ Польши и поступилъ на службу къ турецкому султану. Тогда польскій король, обезпокоенный тѣмъ, что турки, въ лицѣ Вишневецкаго, пріобрѣтутъ отличнаго полководца, какимъ онъ дѣйствительно и былъ, теперь врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ-же города Черкасы и Каневъ въ управленіе. Но управляя этими городами, князь хотя и доволенъ былъ на этотъ разъ королемъ, но остался недоволенъ собственнымъ положеніемъ: душа его жаждала военной славы и ратныхъ битвъ. Тогда князь задался широкою мыслью: уничтожить всю ногайско-крымскую орду татаръ и, если можно, овладѣть черноморскимъ побережьемъ. Эта смѣлая и широкая мысль была первымъ шагомъ на пути къ изгнанію турокъ изъ Европы, къ которому въ концѣ XVI

---

[1]) Лѣтопись по Ипатскому списку, С.-Петербургъ, 1871, 183.

[2]) Лѣтопись по Ипатскому списку, С.-Петербургъ, 1871, 445—496.

*

вѣка многіе политики пришли въ западной Европѣ и съ которыми во второй половинѣ XVIII вѣка носился князь Григорій Потемкинъ. Свой планъ князь Димитрій Вишневецкій старался выполнить послѣдовательно и открыто высказалъ его въ 1556 году. Онъ нашелъ себѣ союзниковъ, русскихъ козаковъ дьяка Ржевскаго и запорожскихъ козаковъ атамановъ Млымскаго и Михайлова Еськовича, и вмѣстѣ съ собственными тремя-стами черкасско-каневскихъ козаковъ, ходилъ противъ татаръ и турокъ подъ Исламъ-Кермень, Воламъ-Кермень и Очаковъ. Повоевавъ удачно съ врагами христіанской вѣры въ ихъ собственной землѣ, Димитрій Вишневецкій вслѣдъ затѣмъ отступилъ на островъ Хортицу и отсюда разсчитывалъ открыть постоянные набѣги на мусульманъ. Съ этою цѣлью онъ устроилъ здѣсь «городъ». Этотъ «городъ» и послужилъ для запорожскихъ козаковъ прототипомъ Сичи. Неизвѣстно, называли ли дѣйствительно запорожскіе козаки «городъ» Вишневецкаго Сичею, но близкій къ данному событію человѣкъ, посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, проѣзжавшій близь Хортицы въ 1594 году, свидѣтельствуетъ, что то былъ «замокъ», разрушенный потомъ татарами и турками [1]). Укрѣпившись «городомъ» на островѣ Хортицѣ, Димитрій Вишневецкій около этого же времени вновь отошелъ отъ польскаго короля и въ маѣ мѣсяцѣ 1557 года доносилъ русскому царю Ивану Грозному, что къ нему на островъ Хортицу приходилъ крымскій ханъ Девлетъ Герай съ сыномъ и со многими крымцами, упорно бился съ княземъ двадцать четыре дня; но божіимъ милосердіемъ, именемъ и счастіемъ царя, государя и великаго князя, онъ, Вишневецкій, отбился отъ хана, побилъ у него даже многихъ лучшихъ людей, такъ что ханъ пошелъ отъ Вишневецкаго «съ великимъ соромомъ», и отъ своего пораженія на столько обезсилѣлъ, что Вишневецкій отнялъ у крымцевъ многія изъ ихъ кочевищъ [2]). Вслѣдъ за этимъ, въ томъ-же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Вишневецкій черезъ своего посланца Михаила Еськовича изъявилъ желаніе поступить въ подданство московскаго царя, сообщилъ Ивану Грозному объ устройствѣ на Днѣпрѣ, «на Кортицкомъ острову, города, противъ Конскихъ-Водъ,

[1]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки 1594 года, Одесса, 1873, 53.

[2]) Русская лѣтопись по Никоновскому списку, Спб., 1791, 266. 274. 292, 293.

у крымскихъ кочевищъ»: въ этомъ-же году Вишневецкій вторично извѣщалъ царя, что онъ принялъ отъ него на островѣ Хортицѣ боярскихъ дѣтей Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева да Михаила Еськовича, получилъ охранную грамоту, царское жалованье и согласіе царя на принятіе князя въ русское подданство, а въ заключеніе доносилъ, что онъ снова задумалъ походъ противъ мусульманъ подъ Исламъ-Кермень. Отправивъ къ царю Андрея Щепотьева, Нечая Ртищева, Семена Жижемскаго и Михаила Еськовича, Димитрій Вишневецкій просилъ царя черезъ своихъ посланцевъ дозволить ему этотъ вновь задуманный походъ на исконныхъ враговъ вѣры Христовой. Однако, пока пришло отъ царя на то разрѣшеніе, ханъ самъ не замедлилъ предупредить князя: въ октябрѣ мѣсяцѣ, 1558 года, Девлетъ Герай внезапно подступилъ къ острову Хортицѣ и, со множествомъ людей турецкаго султана и волошскаго господаря, осадилъ «городъ» Вишневецкаго и бывшихъ съ нимъ запорожскихъ козаковъ. Вишневецкій и на этотъ разъ долго отбивался отъ мусульманъ, но, потомъ не имѣя чѣмъ продовольствовать своихъ лошадей и людей, оставилъ Хортицу и ушелъ въ Черкасы и Каневъ, а оттуда явился въ Москву. Изъ Москвы, въ октябрѣ того-же 1558 года, вмѣстѣ съ кабардинскимъ мурзой Канклыкомъ Конуковымъ, собственнымъ братомъ, атаманами, сотскими и стрѣльцами, Димитрій Вишневецкій уѣхалъ судномъ въ Астрахань, изъ Астрахани къ черкесамъ въ Кабарду: здѣсь ему велѣно было собрать рать и идти мимо Азова на Днѣпръ, на Днѣпрѣ стоять и наблюдать за крымскимъ ханомъ, «сколько Богъ поможетъ». Исполняя царское приказаніе, Вишневецкій сперва остановился подъ Перекопомъ: но, не встрѣтивъ здѣсь ни одного врага, перешелъ къ Таванской переправѣ «на полтретьятцать верстъ ниже Исламъ-Керменя»; простоявъ напрасно на переправѣ три дня, Вишневецкій отсюда поднялся на островъ Хортицу и здѣсь соединился съ дьякомъ Ржевскимъ и его ратниками. Встрѣтивъ Ржевскаго выше пороговъ, Вишневецкій велѣлъ ему оставить всѣ коши съ запасами на островѣ Хортицѣ, отобралъ лучшихъ людей изъ его рати—небольшое число боярскихъ дѣтей, козаковъ да стрѣльцовъ, остальныхъ отослалъ въ Москву, и потомъ съ отборнымъ войскомъ пошелъ «лѣтовать» въ Исламъ-Кермень, откуда имѣлъ цѣлью захватить турецкіе города Перекопъ и Козловъ. Крымскій ханъ, видя намѣ-

реніе Вишневецкаго, ушелъ во внутрь полуострова за Перекопъ. Узнавъ объ отходѣ хана за Перекопъ, царь Иванъ Грозный отправилъ къ Вишневецкому посла съ жалованьемъ и черезъ него же приказалъ князю оставить на Днѣпрѣ Ширяя Кобякова, дьяка Ржевскаго и Андрея Щепотьева съ немногими боярскими дѣтьми, со стрѣльцами и козаками Данила Чулкова и Юрія Булгакова, а самому ѣхать въ Москву. Князь повиновался волѣ царя; но черезъ два года онъ снова очутился на Днѣпрѣ, близь острова Хортицы, откуда, снесшись съ польскимъ королемъ, вторично перешелъ къ нему на службу; съ его отъѣздомъ и послѣдовавшею за нимъ весьма трагическою смертью исторія Хортицкой Сѣчи надолго прекратилась [1]).

Въ 1594 году мимо острова Хортицы ѣхалъ посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Ласота, къ запорожскимъ козакамъ: на своемъ пути онъ видѣлъ два острова Хортицы, Большую и Малую Хортицу; съ послѣдней именно Ласота и связываетъ подвиги князя Вишневецкаго: здѣсь онъ указываетъ на остатки того «городка», который Вишневецкій устроилъ для обороны противъ татаръ: «Четвертаго іюля, говоритъ онъ, прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, называемыхъ Московками и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны. Затѣмъ пристали къ берегу близь лежащаго ниже острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ татарами и турками» [2]). Нѣсколько позже Ласоты объ островѣ Хортицѣ говоритъ и польскій хронистъ Мартинъ Бѣльскій: «Есть и другой островъ близь того — Коханаго, — называемый Хорчика, на которомъ Вишневецкій передъ этимъ жилъ и татарамъ очень вредилъ, такъ что они не смѣли черезъ него такъ часто къ намъ вторгаться» [3]). Въ XVII вѣкѣ Бопланъ писалъ о Хортицѣ, что островъ этотъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами, въ длину имѣетъ болѣе двухъ миль, а въ ширину, съ восточной стороны, около полумили, а къ западу уже и ниже, что онъ не подверженъ наводненіямъ и покрытъ дубовымъ лѣсомъ [4]). Въ XVIII вѣкѣ, 1736 — 1740 г., князь Семенъ

---

[1]) Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791, 295, 302, 309.

[2]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, въ 1594 году. Одесса, 1873, 53.

[3]) Zbior pisarzow polskich. Czesc szósta, XVIII, Warszawa, 1832, 191—193.

[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны. С.-Петербургъ, 1832, 24.

Мышецкій сообщалъ о Хортицѣ, что, по дошедшимъ до него разсказамъ, этотъ островъ нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ окружающею его степью, а потомъ уже образовался отъ дѣйствія весеннихъ водъ на низкій берегъ рѣки Днѣпра; что на немъ издревле была запорожская Сичь; что во время польско-русской войны 1630 года вождь запорожскихъ козаковъ, Сагайдачный, построилъ на этомъ островѣ фортецію или окопъ [1], а въ 1738 году, во время русско-турецкой войны, на немъ сдѣланъ былъ русскими войсками большой ретраншементъ, со многими редутами и флешами, и что противъ него очень долго стояла русская армія и флотилія, ушедшая изъ-подъ Очакова [2]. Кромѣ свидѣтельства князя Мышецкаго, весьма, впрочемъ, ненадежнаго тамъ, гдѣ онъ касается внѣшней исторіи запорожскихъ козаковъ, мы не знаемъ другихъ указаній о пребываніи гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго на островѣ Хортицѣ; какъ кажется, на пребываніе Сагайдачнаго на Хортицѣ намекаетъ лишь историкъ Устряловъ, говоря, что запорожцы въ началѣ XVI столѣтія, имѣя свою Сичь, оставили ее здѣсь, а потомъ *въ 1620 году* возобновили на томъ-же мѣстѣ и вновь покинули [3]. Относительно сооруженія на островѣ Хортицѣ русскими войсками земляныхъ укрѣпленій, помимо свидѣтельства Мышецкаго, имѣемъ и другія указанія, изъ которыхъ видимъ, что эти сооруженія возведены не въ 1738 году, какъ показываетъ авторъ исторіи о козакахъ, а въ 1736 году: «Въ бывшую русскихъ съ турками войну въ 1736 году, на островѣ Хортицѣ былъ построенъ знатный ретраншементъ съ линіями *поперекъ острова* [4], гдѣ и строеніе военныхъ судовъ производилось, но лѣсъ къ тому изъ дальнихъ мѣстъ сверху Днѣпра доставлялся, по притчинѣ имѣющихся на Днѣпрѣ, выше сего острова, въ 60 верстахъ при Кодацкомъ ретраншементѣ, начавшихся пороговъ, кои внизъ продолженіемъ десять только верстъ до того острова не дошли» [5].

Цѣль сооруженія названныхъ укрѣпленій на островѣ Хортицѣ объясняетъ очевидецъ и участникъ русско-турецкихъ войнъ 1736—1738 годовъ, Христофоръ Манштейнъ, такъ: «Во время похода и

---

[1]) Явная хронологическая ошибка: Сагайдачный умеръ въ 1622 г., 10 апр.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 68.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 150, примѣчаніе 37.

[4]) Въ такомъ видѣ онъ сохранился и до настоящаго времени.

[5]) Записки одесскаго общества и древностей, VII, 173.

полевыхъ дѣйствій 1736 года графъ Минихъ свободное сообщеніе съ Украйной сохранялъ слѣдующимъ образомъ: коль скоро войско за границу россійскую выступало на нѣкоторое отдаленіе, то онъ приказывалъ въ извѣстномъ разстояніи дѣлать небольшія земляныя укрѣпленія, такъ что ежели мѣстоположеніе въ разсужденіи дровъ и воды позволяло, одно отъ другого не далѣе было одной или двухъ миль... Въ каждомъ изъ сихъ укрѣпленій оставляли одного чиновника и отъ 10 до 12 человѣкъ ратниковъ или драгунъ и до 30 козаковъ, а въ большихъ отъ 400 до 500 строевого войска и около толикаго же числа козаковъ подъ начальствомъ штабъ-офицера. Сіи разсыпанныя войска должны были препровождать гонцовъ и заготовлять сѣно въ запасъ... Крѣпостцы весьма полезны были еще и для обозовъ, къ войску слѣдовавшихъ: они тутъ находились въ безопасности отъ всякаго непріятельскаго нападенія и обыкновенно въ одной которой-либо изъ нихъ останавливались для ночлега» [1]. Дѣлалъ-ли на островѣ Хортицѣ, кромѣ Сагайдачнаго и Миниха, укрѣпленія козацкій предводитель Яковъ Шахъ, извѣстный сподвижникъ Ивана Подкова, дѣйствовавшаго въ концѣ XVI столѣтія, на это у насъ нѣтъ никакихъ указаній, не смотря на увѣренія автора лубочной «Исторіи Малороссіи» Семенова [2]).

Островъ Хортица въ настоящее время имѣетъ въ окружности 24½ версты и заключаетъ въ себѣ 2.547 десятинъ и 325 квадратныхъ саженъ земли; наибольшая высота его, въ сѣверовосточномъ углу, при среднемъ уровнѣ воды въ Днѣпрѣ, доходитъ до 25 саженъ. Юговосточвая половина острова представляетъ изъ себя низменную плавню, изрѣзанную рѣчками, озерками, ериками, лиманами, затопляемую каждую весну водой и покрытую небольшимъ лѣсомъ; еще не такъ давно здѣсь росъ большой строевой лѣсъ, теперь срубленный до основанія; по плану 1798 году на всемъ островѣ Хортицѣ считалось «лѣсу дровяного, дубоваго, кленоваго, березоваго и терноваго 310 десятинъ, 150 квадратныхъ саженъ», по плану 1875 года — 222 десятины и 405 саженъ, а по плану 1888 года—402 десятины [3]); въ настоящее время здѣсь преобладаетъ древесная растительность такъ-называемой мягкой породы—

---

[1]) Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 214—215.

[2]) Исторія Малороссіи въ трехъ частяхъ, Москва, 1874, I, 71.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 254.

осокорь, ива, шелковица, верба, разныхъ породъ лоза, между которой ростетъ высокая и густая трава, скрывающая въ себѣ дикихъ гусей, утокъ, дупелей, коростелей и другихъ птицъ; особенно богаты птицею озера: Лозоватое, Пронной, Домаха, Карасево, Подкручное, Головковское, Осокорово и др.; озера кромѣ того изобилуютъ рыбою и довольно большой величины раками. Сѣверовосточная половина острова представляетъ изъ себя степную равнину, въ одинъ уровень съ материкомъ, подходящимъ въ этомъ мѣстѣ къ обоимъ берегамъ Днѣпра; въ сѣверовосточной же оконечности острова, такъ называемой Высшей-Головы, въ лѣвомъ берегу Хортицы, есть естественная пещера, правильнѣе гротъ, носящая названіе Зміевой. Пещера эта возвышается отъ воды въ Днѣпрѣ, при среднемъ уровнѣ ея, болѣе чѣмъ на полторы сажени, внутри представляетъ изъ себя углубленіе, на подобіе узкаго корридора, длины болѣе трехъ аршинъ, высоты двѣ сажени, ширины около двухъ аршинъ; ниже пещеры идетъ глубокая яма, въ направленіи отъ сѣвера къ югу, по всему основанію своему усыпанная пескомъ и набитая колючей травкой «якирьцями». Свое названіе пещера, по преданію, получила отъ змія, жившаго здѣсь при запорожскихъ козакахъ. «Онъ никого не трогалъ, и козаки не боялись его. Бывало, разсказываютъ, ночью змій тотъ какъ засіяетъ—какъ засіяетъ, то такъ и освѣтитъ Днѣпръ. Говорятъ, онъ и не каждую ночь показывался, а такъ въ мѣсяцъ, или недѣли въ три разъ, и все около пещеры, которую мы и теперь называемъ Зміевой» [1]).

Берега острова Хортицы изрѣзаны двѣнадцатью балками, получившими свои названія частію еще отъ запорожцевъ, частію-же отъ теперешнихъ обитателей его, нѣмцевъ-колонистовъ; таковы: Музычина, Наумова, Громушина, Генералка, Широкая, Корнетовская, Корніева, Липовая, Сапожникова, Шанцевая, Дубовая, Совутина, названная отъ запорожца Совуты, жившаго въ пещерѣ балки и выходившаго на свѣтъ божій, подобно совѣ, только по ночамъ. Между балками по берегамъ острова есть нѣсколько огромныхъ гранитныхъ скалъ, изъ коихъ особенно замѣчательны Думна и Вошива скели; преданіе объясняетъ, что на первую запорожцы влѣзали для своихъ уединенныхъ думъ [2]), а на вторую часто за-

[1]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1889 года, 8 апрѣля.

[2]) Въ настоящее время у нѣмцевъ она называется Мартыновой, отъ нѣмца Мартына.

биралась запорожская «голота», чтобы бить на ней въ своихъ штанахъ вшей. Кромѣ балокъ и скалъ противъ сѣверозападной окраины острова Хортицы замѣчательно еще урочище Царская пристань: въ 1739 году здѣсь построена была «отъ россіянъ запорожская верфь», а въ 1790 году здѣсь останавливались «царскіе» плоты съ разнымъ лѣсомъ, посылавшимся отъ русскаго правительства нѣмцамъ-колонистамъ во время ихъ переселенія въ бывшія запорожскія земли: въ 1796 году здѣсь заложена была адмираломъ де-Рибасомъ екатеринославско-днѣпровская верфь для сооруженія судовъ, имѣвшихъ перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь; по всему этому пристань и получила названіе Царской [1]).

Отъ пребыванія на островѣ Большой-Хортицѣ запорожскихъ козаковъ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, сохранились въ настоящее время четыре кладбища въ сѣверозападной части острова: но точно ли указываемыя преданіемъ кладбища относятся ко времени запорожскихъ козаковъ, этого безъ основательной раскопки ихъ съ положительностью утверждать нельзя. Кромѣ четырехъ кладбищъ на островѣ Большой-Хортицѣ сохранились еще земляныя укрѣпленія, называемыя мѣстными нѣмцами «Schanzengraben» и также приписываемыя запорожскимъ козакамъ: они занимаютъ большое пространство въ сѣверной оконечности и по самой срединѣ острова и состоятъ изъ 20 траншей и 21 редута, въ коихъ каждая сторона равняется шести саженямъ длины.

Но кому именно приписать эти укрѣпленія? Приписать-ли ихъ князю Димитрію Вишневецкому, гетману Петру Сагайдачному или русскимъ войскамъ прошлаго столѣтія? Едва-ли двумъ первымъ: для Вишневецкаго они здѣсь были ненужны, такъ какъ онъ сидѣлъ своимъ «городомъ» или «замкомъ» на островѣ Малой-Хортицѣ, какъ положительно утверждаетъ это Эрихъ Ласота, а для Сагайдачнаго, если только онъ дѣйствительно былъ здѣсь, они слишкомъ велики. Едва-ли Сагайдачный могъ располагать такими значительными силами, чтобы выводить на огромномъ островѣ, въ 25 верстъ кругомъ, цѣлую сѣть длинныхъ и сложныхъ укрѣпленій, поражающихъ своею грандіозностію зрителя даже въ настоящее время:

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 67; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 438; Брунъ. Черноморье, Одесса, 1880, II, 865.

если растянуть въ одну линію всѣ траншеи сѣверной оконечности острова и къ нимъ приложить длину траншеи средней части, то получимъ линію болѣе, чѣмъ въ четыре съ половиной версты вмѣстѣ взятыхъ траншей и сверхъ того линію въ 126 саженъ длины въ двадцати-одномъ редутѣ, если считать по 6 саженъ только въ одной сторонѣ редута. Очевидно, что на сооруженіе подобныхъ укрѣпленій требовалось не мало времени да и не мало силъ [1]. Отсюда естественнѣе укрѣпленія острова Большой-Хортицы отнести къ сооруженіямъ «россійскихъ войскъ» во время русско-турецкихъ войнъ 1736—1739 годовъ: нѣкоторыя изъ нихъ протянуты были, какъ мы видѣли въ приведенномъ свидѣтельствѣ, *поперекъ* острова, въ какомъ видѣ они сохранились и до настоящаго времени.

Параллельно острову Большой-Хортицѣ лежитъ островъ Малая-Хортица, на атласѣ Днѣпра адмирала Пущина 1786 года Вырва, теперь, по принадлежности нѣмцамъ колоніи Канцеровки, называемый Канцерскимъ островомъ. Изъ приведенныхъ выше словъ германскаго посланника Эриха Ласоты мы знаемъ, что именно на этомъ островѣ князь Димитрій Ивановичъ Вишневецкій устроилъ свой «замокъ», въ которомъ два раза отбивался отъ крымскаго хана Девлетъ Герая. Отсюда естественно думать, что первая Хортицкая Сича въ XVI столѣтіи была основана не на Большой, а на Малой-Хортицѣ. Однако, историкъ XVIII вѣка, князь Семенъ Мышецкій, утверждаетъ, что Хортицкая Сича была на томъ островѣ, который мы называемъ Большой-Хортицей [2]. Если въ этомъ не видѣть ошибки со стороны князя Мышецкаго, то въ такомъ случаѣ остается думать, что на островѣ Большой-Хортицѣ Сича устроена была уже въ XVII вѣкѣ, при второмъ ея возобновленіи, на что намекаетъ историкъ Николай Устряловъ [3].

По разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, Малая-Хортица, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была гораздо меньше, нежели въ настоящее время: это была скала съ укрѣпленіями на ней, за скалой, отъ праваго берега, шелъ «тиховодъ», заливавшійся въ устье балочки, что противъ острова; этотъ «тиховодъ» служилъ при-

[1]) Подробности объ укрѣпленіяхъ на островѣ Хортицѣ см. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 217, 232.

[2]) «Который имѣетъ длины 12 верстъ, ширины въ 2 и $1^1/_2$ версты», а это именно и есть Большая-Хортица. Исторія, Одесса, 1852, 9.

[3]) Описаніе Украйны Боплана. Спб., 1832, стр. 150, прим. 37.

станью для запорожскихъ козаковъ, куда они заводили свои байдаки: одно время здѣсь ставили и царскія суда: если покопать землю, то тамъ можно и въ настоящее время найти остатки запорожскихъ и царскихъ суденъ, а изъ воды можно достать ружья, сабли, разнаго рода желѣзо [1]). Малая-Хортица находится въ такъ называемомъ Рѣчищѣ или Старомъ Днѣпрѣ, на двѣ съ половиной версты ниже сѣверозападнаго угла Большой-Хортицы, въ одной верстѣ отъ Царской пристани, и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой, давшимъ поводъ, очевидно, адмиралу Пущину назвать въ 1786 году и самый островъ Вырвой. По своему положенію онъ дѣлится на двѣ половины: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, недавняго сравнительно происхожденія, и возвышенную, на востокѣ, поросшую травой. Всей земли подъ Малой-Хортицей 12 десятинъ и 1.200 квадратныхъ саженъ: западный и южный края острова отлоги, восточный и уголъ сѣвернаго возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны, до семи саженъ высоты отъ уровня воды при средней ея нормѣ. Возвышенная часть острова имѣетъ укрѣпленія вдоль сѣверной, южной и западной окраинъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпанными около нихъ валами, отъ двухъ до трехъ саженъ высоты. Въ общемъ укрѣпленія Малой-Хортицы имѣютъ видъ подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣютъ по сорока саженъ, а западная пятьдесятъ шесть саженъ съ пропускомъ въ три сажени для въѣзда; внутри укрѣпленій выкопаны двадцать пять ямъ, по которымъ въ настоящее время ростутъ грушевыя деревья. По опредѣленію спеціалистовъ военнаго дѣла, укрѣпленія Малой-Хортицы представляютъ изъ себя такъ-называемый реданъ съ флангами, закрытой горжей и траверсами, направленный вверхъ и внизъ противъ теченія для защиты Днѣпра: по внѣшнему виду онъ дѣйствительно похожъ на «замокъ» или «городъ», какъ его называетъ Эрихъ Ласота и русскія лѣтописи.

Обѣ Хортицы, Большая и Малая, послѣ паденія запорожской Сичи, дарованы были въ 1789 году нѣмецкимъ выходцамъ изъ Данцига: въ то время, какъ и теперь, ихъ было 18 хозяевъ, т. е. земельныхъ собственниковъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что у нѣмцевъ-колонистовъ, по закону майората, послѣ смерти отца, вся земля поступаетъ старшему его сыну, а остальные сыновья до-

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 217.

вольствуются деньгами, скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, нажитымъ отцомъ: если-же отецъ желаетъ обезпечить и другихъ своихъ сыновей землей, то онъ пріобрѣтаетъ ее для нихъ на сторонѣ. Оттого на островѣ Хортицѣ считалось въ 1789 году 18 хозяевъ, считается столько же и въ настоящее время.

Въ настоящее время какъ на самыхъ островахъ, Большой и Малой Хортицахъ, такъ и въ рѣкѣ Днѣпрѣ около нихъ находятъ разные предметы древности, оставшіеся отъ запорожскихъ козаковъ. Одинъ разъ какъ-то въ Старомъ-Днѣпрѣ, противъ колоніи Канцеровки, найдено было семнадцать длинныхъ, хорошо сколоченныхъ лодокъ; въ другой разъ въ Новомъ-Днѣпрѣ, ниже Совутиной скели, найдено было цѣлое судно, нагруженное пулями и ядрами, а противъ устья балки Куцой въ Старомъ-Днѣпрѣ найдено было другое судно съ уцѣлѣвшею на немъ пушкою; въ томъ-же Старомъ-Днѣпрѣ открыли третье судно и въ немъ нашли небольшую, кривую, поржавленную, съ отдѣланною въ серебро ручкою саблю; но всѣ эти суда какъ были, такъ и остались въ водѣ и по настоящее время. На самыхъ островахъ въ разное время находили мѣдныя и желѣзныя пушки, ядра, бомбы, пули, свинецъ, особенно послѣ дождя и вѣтра: «Тогда охотникамъ не нужно было покупать свинцу, а нужно было только выждать, пока пройдетъ дождь да поднимется вѣтеръ, послѣ того идти и собирать, сколько угодно». Находили также ружья, кинжалы, кольчуги, разнаго рода металлическія стрѣлки, замки, пуговицы, бляхи, кувшины, всевозможныя монеты, человѣческіе съ остатками одежды и пробитыми отъ стрѣлъ черепами скелеты; а на одномъ островѣ противъ Кичкаса, теперь смытомъ водой, и на большихъ скалахъ Столбахъ, нашли какъ-то цѣлые склады оружія. «Прежде на Хортицѣ, разсказываютъ древніе старики-нѣмцы, можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреямъ, которые каждодневно навѣщаютъ для этого нашъ островъ. Мѣдныхъ и чугунныхъ вещей, особенно пуль, много пошло на заводъ [1]), гдѣ ихъ плавятъ и потомъ изъ нихъ выливаютъ разныя новыя вещи. Ядра и бомбы подбираютъ русскія бабы: онѣ идутъ у нихъ для разныхъ домашнихъ надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите ли, въ старые годы Днѣпръ былъ ўже, чѣмъ те-

[1]) Фабрика земледѣльческихъ орудій Леппа, въ семи верстахъ отъ острова Хортицы, въ колоніи Верхней-Хортицы, екатеринославскаго уѣзда.

перь, и шелъ онъ ближе къ Вознесенкѣ [1]), нежели къ острову: оттого Хортица была шире: но съ теченіемъ времени Днѣпръ сталъ бросать свой лѣвый берегъ, отъ Вознесенки, и подаваться направо, ближе къ острову, сталъ размывать его, выносить изъ него разныя вещи... Въ старину, бывало, какъ пойдешь по разнымъ балкамъ на островѣ, то чего только и не увидишь: тамъ торчитъ большая кость отъ ноги человѣка, тамъ бѣлѣютъ зубы вмѣстѣ съ широкими челюстями, тамъ повывернулись изъ песку ребра, проросшія высокой травой и отъ времени и воздуха сдѣлавшіяся, какъ воскъ желтыми. Задумаешь, бывало, выкопать ямку, чтобы сварить что-нибудь или спечь, наткнешься на гвоздь или кусокъ желѣза; захочешь сорвать себѣ цвѣтокъ, наклоняешься, смотришь— черепъ человѣческій, прогнившій, съ дырками, сквозь который трава повыросла, а на травѣ цвѣты закраснѣлись: нужно тебѣ спрятаться отъ кого-нибудь въ пещерѣ, бѣжишь туда и натыкаешься на большой мѣдный казанъ, или черепковую чашку, или еще что-нибудь въ этомъ-же родѣ» [2]).

Существованіе *Базавлуцкой Сичи*, получившей свое названіе отъ татарскаго слова «бузлук»—«ледъ» [3]), засвидѣтельствовано Эрихомъ Ласотою въ XVI вѣкѣ и планомъ запорожской Сичи въ XVIII вѣкѣ. Эрихъ Ласота, ѣхавшій къ запорожскимъ козакамъ въ качествѣ посла германскаго императора Рудольфа II, въ 1594 году, пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Девятаго мая прибыли мы до острова Базавлука, при рукавѣ Днѣпрѣ, у Чортомлыка, или, какъ они выражаются, при Чортомлыцкомъ Днѣприцѣ, около двухъ миль. Здѣсь находилась тогда Сичь козаковъ, которые послали намъ на встрѣчу нѣсколькихъ изъ главныхъ лицъ своего товарищества (Gesellschaft) и привѣтствовали наше прибытіе большимъ выстрѣломъ изъ орудій. Потомъ они проводили насъ въ коло, которому мы просили передать, что намъ было весьма пріятно застать тамошнее рыцарское товарищество въ полномъ здравіи. Но какъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, т. е. 30 мая, начальникъ Богданъ Микошинскій отправился къ морю съ 50 галерами и 1.300 человѣкъ, то мы желали отложить передачу своего порученія до возвращенія начальника и его сподвижниковъ, пока все войско не

[1]) Село на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ острова Хортицы.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, 241—244.

[3]) Сперва этимъ именемъ названа была рѣка Базавлукъ или Бузлукъ, а потомъ островъ.

будетъ на мѣстѣ» [1]). Планъ запорожской Сичи XVIII вѣка, именно 1773 года, представленный императрицѣ Екатеринѣ II, указываетъ также на существовавшую нѣкогда Базавлуцкую Сичу, какъ это видно изъ приписки, сдѣланной на немъ: «Укрѣпленное поселеніе войска козацкаго на западномъ берегу, при устьѣ Базавлука, начало свое возымѣло, по объявленію писателей, во времена польскаго короля Стефана Баторія [2]), который вознамѣрился предѣлы свои къ Черному морю и къ полуострову Крыму распространить... Въ то-же самое время и крѣпость Сѣчь, по Днѣпру отъ Кіева въ 434 верстахъ, построена» [3]).

Мѣсто Базавлуцкой Сичи, описанное Эрихомъ Ласотою, представляется намъ совершенно ясно. Ласота плылъ по Днѣпру, изъ Днѣпра по Чортомлыцкому Днѣприцу, изъ Чортомлыцкаго Днѣприца по вѣткѣ Подпильной, изъ Подпильной по вѣткѣ Сандалкѣ, изъ Сандалки по ея рукаву Верхней-Лапкѣ, изъ Верхней-Лапки въ рѣку Базавлукъ и наконецъ рѣкою Базавлукомъ «до острова Базавлука при Чортомлыцкомъ Днѣприцѣ». Это нисколько не противорѣчитъ тому, что у Ласоты островъ Базавлукъ стоитъ при Чортомлыцкомъ Днѣприцѣ, хотя въ дѣйствительности Чортомлыцкое Днѣприце отстоитъ отъ острова Базавлука, по прямому направленію, верстъ на 8 или на 10. Дѣло въ томъ, что теперешнія вѣтки—Чортомлыцкое Днѣприце, Подпильная, Сандалка и Верхняя Лапка—составляютъ въ сущности одну и ту-же рѣчку, но съ разными названіями, которую можно принять отъ начала и до конца за Чортомлыцкое Днѣприце, но въ разныхъ мѣстахъ носящую разныя названія, какъ видимъ тому примѣръ на вѣткѣ Подпильной и рѣчкѣ Конкѣ, въ разныхъ мѣстахъ именующихся различными названіями [4]). Наконецъ выраженіе «при Чортомлыцкомъ Днѣприцѣ» можно понимать и въ томъ смыслѣ, какъ и теперь говорятъ: «не въ далекомъ разстояніи отъ Чортомлыцкаго Днѣприца». Такимъ образомъ, взявъ во вниманіе это обстоятельство, можно, кажется, безъ всякой натяжки сказать, что Базавлуцкая Сича была не тамъ, гдѣ находилась Чортомлыцкая Сичь, и не тамъ, гдѣ расположена была Подпиленская, т. е. не въ де-

---

[1]) Путевыя записки Эриха Ласоты 1594 года, Одесса, 1873, 30.

[2]) То-есть въ 1576—1586, слѣдовательно въ томъ же XVI вѣкѣ.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IV, 468.

[4]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 162.

ревнѣ Капуливкѣ и не въ селѣ Покровскомъ, а при теперешнемъ селѣ Грушевкѣ, херсонскаго уѣзда, у устья рѣки Базавлука. Однако, напрасно мы стали бы въ настоящее время искать острова съ названіемъ Базавлука, на рѣкѣ Базавлукѣ, противъ селенія Грушевки. Правда, здѣсь есть два острова, изъ коихъ одинъ у мѣстныхъ жителей называется Дѣвичьимъ, а другой вовсе не носитъ никакого названія. Но послѣдній именно и нужно принять за островъ Базавлукъ. Дѣло въ томъ, что на большомъ пространствѣ отъ устья рѣки Базавлука вверхъ только и есть два острова: но нижній, Дѣвичій, во всякую весну заливается водой и потому не можетъ считаться годнымъ для устройства на немъ Сичи, а верхній, безыменный островъ, почти никогда не заливается водой. Онъ-то и былъ, очевидно, мѣстомъ второй запорожской Сичи, Базавлуцкой.

Выборъ мѣста для Сичи на островѣ Базавлукѣ показываетъ большія стратегическія соображенія у запорожскихъ козаковъ. Островъ Базавлукъ расположенъ на четыре версты выше устья рѣки Базавлука, между лиманами Бейкушемъ и Журавливскимъ, отъ Днѣпра удаленъ по прямому направленію на 22 версты, и съ южной, т. е. татарской стороны, защищенъ передовымъ островомъ Дѣвичьимъ, стоящимъ на восемь верстъ ниже Базавлуцкаго, островомъ очень низкимъ, каждую весну заливаемымъ водой, но зато покрытымъ въ лѣтнее время такимъ густымъ лѣсомъ и такой высокой травой, особенно чакаломъ, вымелгой и осокой, что чрезъ нихъ не было никакихъ средствъ и никакой возможности ни проѣхать, ни пройти; даже въ настоящее время этотъ островъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно недоступенъ для человѣка. Ниже Дѣвичьяго острова, на пространствѣ десяти верстъ, до самаго Днѣпра, идутъ густыя плавни, покрытыя большимъ лѣсомъ, заросшія высокимъ камышемъ и непролазной травой и изрѣзанныя, вдоль и поперекъ, множествомъ рѣкъ, рѣчекъ, лимановъ и озеръ. Съ восточной стороны островъ Базавлукъ защищенъ самой рѣкой и высокимъ берегомъ ея, такъ называемымъ Краснымъ Кутомъ, получившимъ свое названіе отъ красной обнаженной глины, съ сѣверной — лиманомъ Бейкушемъ, съ западной — высокимъ, хотя и пологимъ кряжемъ, идущимъ вдоль рѣки Базавлука. Какъ бы свидѣтельствомъ пребыванія запорожскихъ козаковъ на островѣ Базавлукѣ Сичею, служитъ и до сихъ поръ уцѣлѣвшія на немъ неглубокія ямы, числомъ 21, расположенныя совершенно правильно въ одну линію

одна возлѣ другой, у восточной окраины острова, и напоминающія собой остатки сичевыхъ куреней, или кошей, которые, по свидѣтельству Ласоты, были сдѣланы на Базавлукѣ изъ хвороста и покрыты, для защиты отъ дождя, лошадиными кожами [1]).

Когда и кѣмъ основана Базавлуцкая Сича и сколько времени она просуществовала, мы этого не можемъ сказать, за неимѣніемъ на то какихъ бы то ни было указаній. Знаемъ лишь то, что Базавлуцкая Сича ознаменована была пребываніемъ на ней Эриха Ласоты. Цѣль поѣздки Эриха Ласоты къ запорожскимъ козакамъ на Базавлуцкую Сичу связана была съ идеей изгнанія турокъ изъ Европы. Идея объ изгнаніи турокъ изъ Европы занимала умы политиковъ еще въ XVI вѣкѣ: Испанія, Италія, Германія составили союзъ противъ турокъ, къ которому они нашли необходимымъ привлечь Польшу, Молдавію и даже Россію. Къ этому послѣдовательно стремились Филиппъ II, испанскій король, Григорій XIII, папа римскій, Максимиліанъ II и Рудольфъ II, германскіе императоры. Каждый изъ нихъ старался непремѣнно вовлечь въ это дѣло и Россію. Высказана была даже мысль обѣщать московскому царю Крымскій полуостровъ, а потомъ и самую столицу турокъ, Константинополь, если онъ согласится принять участіе въ составленномъ союзѣ. Но такъ какъ всѣхъ этихъ союзниковъ, для осуществленія идеи, казалось мало, то нашли нужнымъ привлечь къ задуманному дѣлу еще запорожскихъ козаковъ, всегдашнихъ враговъ турокъ, какъ и всякихъ другихъ мусульманъ. Особенно энергично хлопоталъ объ этомъ Рудольфъ II и Григорій XIII. Съ той и съ другой стороны отправлены были къ запорожцамъ посланники: отъ императора—Эрихъ Ласота, а отъ папы—патеръ донъ Александро Комулео. «Александро Комулео былъ посланъ папою Григоріемъ XIII къ христіанскимъ народамъ Турціи съ апостольскими цѣлями, и при этомъ посѣщеніи, длившемся три года, близко узналъ число христіанъ, какъ латинскихъ, такъ и греческихъ, находящихся въ нѣкоторыхъ областяхъ и царствахъ турецкой земли; узналъ духъ этихъ народовъ, видѣлъ тѣ страны и военные проходы для войскъ и усмотрѣлъ, насколько легко и какимъ способомъ можно выгнать турокъ изъ Европы, о чемъ со всею откровенностію и доносилъ кардиналу Джіорджіо Романо» [2]).

[1]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, Одесса, 1852, 31.

[2]) «Донесенія патера дона А. Комулео, благочиннаго св. Іеронима римскаго, о турецкихъ дѣлахъ». Эти донесенія, писанныя на итальянскомъ языкѣ,

Побывавъ въ Трансильваніи, Галиціи, Молдавіи и Польшѣ и вездѣ заручившись согласіемъ со стороны правительствъ идти противъ турокъ, патеръ Комулео рѣшилъ наконецъ отправиться и къ запорожскимъ козакамъ. «Козаки находятся у Большого моря (то есть Черного моря), говоритъ онъ, ожидая случая войти въ устье Дуная. Число этихъ козаковъ не доходитъ и до 2.000 человѣкъ. Думаютъ, что они отправились туда по просьбѣ его цесарскаго величества; другіе козаки находятся на татарской границѣ. Для личныхъ переговоровъ съ послѣдними я поѣду въ Каменицу и куда понадобится. 27 апрѣля, 1594 года». Переговоры Комулео съ козаками продолжались около полутора мѣсяца, съ самаго конца апрѣля и до половины іюня. Въ то время козаки стояли въ пяти дняхъ пути отъ Каменицы, въ числѣ около 2.500 человѣкъ, вмѣстѣ съ кошевымъ («начальникомъ») Богданомъ Микошинскимъ. Послѣдній письменно увѣрялъ папскаго посланника, что онъ готовъ со своими козаками послужить папѣ противъ турокъ. Заручившись этимъ письмомъ, Комулео сталъ настаивать, чтобы молдавскій господарь соединился съ козаками противъ общаго врага. Но молдавскій господарь, давшій раньше полное согласіе во всемъ слѣдовать папскому нунцію, теперь отвѣчалъ уклончиво: частію изъ боязни турокъ, съ которыми ему нужно было ладить, чтобы остаться молдавскимъ господаремъ, частію-же изъ боязни самихъ козаковъ, которые могли обратить оружіе противъ него-же самого.

Между тѣмъ, пока происходили эти совѣщанія дона Александро Комулео съ молдавскимъ княземъ и съ запорожскими козаками, въ самой Сичи находился уже другой посланникъ, Эрихъ Ласота [1]). Онъ засталъ здѣсь козаковъ безъ начальника, которые жили въ отдѣльныхъ кошахъ, и долженъ былъ ждать возвращенія кошеваго съ похода, пробывъ въ Базавлуцкой Сичѣ съ 9 мая по 2 іюля. Ближайшая цѣль его поѣздки состояла въ томъ, чтобы привлекши запорожскихъ козаковъ къ союзу съ германскимъ императоромъ, заставить ихъ держать въ страхѣ татаръ и турокъ, готовившихся идти походомъ противъ Австріи. «Низовые или запорожскіе козаки, пишетъ Ласота, обитавшіе на островахъ рѣки Борисфена, назван-

доставлены автору профессоромъ харьковскаго ун., М. С. Дриновымъ. Комулео былъ иллирійскимъ священникомъ, зналъ по славянски и потому могъ объясняться съ козаками безъ переводчика.

[1]) Эрихъ Ласота (отъ слова «ласый») также былъ славяниномъ, моравяниномъ изъ Блашевицъ, и потому могъ свободно объясняться съ запорожцами

ной по польски Днѣпръ, предлагали свои услуги его императорскому величеству через одного изъ ихъ среды, Станислава Хлопицкаго, вызываясь по случаю большихъ приготовленій татаръ къ походу и по случаю ихъ намѣренія переправиться черезъ Борисѳенъ при устьѣ этой рѣчки въ Черное море, препятствовать этому переходу ихъ и всячески вредить имъ. Вслѣдствіе этого, императоръ рѣшилъ послать имъ въ даръ знамя и сумму денегъ (8.000 червонцевъ) и пожелалъ вручить мнѣ передачу имъ этихъ даровъ, съ назначеніемъ мнѣ въ товарищи Якова Генкеля, хорошо знакомаго съ мѣстностями» [1]). Планъ предполагавшихся военныхъ дѣйствій противъ турокъ состоялъ въ томъ, чтобы помѣшать татарамъ, уже переправлявшимся черезъ Днѣпръ, вторгнуться въ Венгрію, для нападенія на императорскія владѣнія, и такимъ образомъ отдѣлить ихъ отъ турецкаго войска.

Прибывъ въ Базавлуцкую Сичу и прождавъ здѣсь сорокъ дней, Ласота наконецъ дождался возвращенія кошеваго съ похода, который прибылъ съ большой добычей и съ плѣнными, между коими былъ одинъ изъ придворныхъ самого хана, Белякъ. Отъ Беляка Ласота узналъ, что ханъ выступилъ въ походъ съ 80.000 человѣкъ и имѣлъ двинуться прямо на Венгрію. Послѣ этого Ласота изложилъ свое порученіе въ козацкомъ колѣ, и козаки по поводу его предложенія раздѣлились на двѣ партіи,—партію начальствующихъ и партію черни. Чернь, послѣ долгихъ споровъ, изъявила сперва свое согласіе на вступленіе въ службу подъ императорскія знамена, и въ знакъ этого стала бросать вверхъ свои шапки. Она выражала полную готовность сражаться съ турками за германскаго императора и не отказывалась даже двинуться въ Валахію, а оттуда, переправившись через Дунай, вторгнуться въ самую Турцію. Однако, дальность пути, недостатокъ въ лошадяхъ и въ провизіи, вѣроломство валаховъ и ихъ господаря, неопредѣленность условій самого Ласоты заставили запорожцевъ вновь разсуждать и спорить по поводу предложенія, сдѣланнаго имъ нѣмецкимъ посланникомъ. Конечнымъ результатамъ этихъ совѣщаній и споровъ было то, что запорожцы рѣшили вмѣстѣ съ Ласотою отправить къ Рудольфу II двухъ своихъ посланцевъ, Сашка Ѳедоровича и какого-то Ничипора, да еще двухъ членовъ товарищества, чтобы условиться съ императоромъ на счетъ ихъ службы и содер-

---

[1]) **Путевыя записки Эриха Ласоты, Одесса, 1873, 9.**

жанія: въ то-же время запорожцы нашли нужнымъ отправить пословъ и къ московскому царю, какъ защитнику христіанъ, съ просьбою прислать имъ помощь противъ турокъ, всегдашнихъ враговъ русскихъ людей. Съ той и съ другой стороны дана была грамота, заканчивавшаяся словами: «Datum въ Базавлукѣ, при Чортомлыцкомъ рукавѣ Днѣпра, 3 іюля 1594 года».

Этимъ наши свѣдѣнія о Базавлуцкой Сичи и оканчиваются. О дальнѣйшихъ результатахъ договоровъ Ласоты съ запорожскими козаками находимъ свѣдѣнія въ донесеніи патера Комулео отъ 14 декабря 1592 года. Много стоило хлопотъ патеру Комулео разсѣять недовѣріе молдавскаго господаря къ запорожскимъ козакамъ, но онъ подъ конецъ успѣлъ-таки свести ихъ. «Я устроилъ, говоритъ онъ, что помянутые козаки подошли къ молдавскимъ границамъ, что они и сдѣлали, ставъ лагеремъ вблизи молдавскаго войска. Молдавскій князь согласился дѣйствовать заодно съ козаками, частію вслѣдствіе убѣжденія и настояній, которыя я ему дѣлалъ, для чего ѣздилъ нарочно два раза въ Молдавію, частію-же изъ страха турокъ и изъ боязни самихъ татаръ, о которыхъ я узналъ, что турки хотѣли съ помощью ихъ отнять у него княжество. Въ силу всего этого онъ собралъ войско въ 21.000 человѣкъ, вооружилъ его хорошо артиллеріей и вышелъ къ проходу, которымъ татары обыкновенно проходили черезъ Молдавію и Венгрію, рѣшившись смѣло противиться и не пропустить ихъ. Когда я потомъ узналъ, что князь молдавскій отказался соединиться съ козаками, то послалъ убѣдить ихъ не оставаться дольше здѣсь понапрасну, а идти разорять какіе-нибудь ближайшіе турецкіе города, обѣщая при этомъ, что молдавскій князь не будетъ имъ препятствовать въ этомъ. Я тайно предложилъ кое-какіе подарки начальнику козаковъ, обѣщая ему больше со временемъ. Послѣдній и ушелъ съ помянутыми козаками. Этотъ разъ я послалъ ему сто флориновъ, какіе со мной были, и обѣщалъ соединить его съ днѣпровскими козаками для хорошей добычи. Начальникъ козаковъ не захотѣлъ ожидать и пошелъ подъ городъ Килію, гдѣ и остановился» [1]).

Томаковская Сича находилась на островѣ Томаковкѣ, получившемъ свое названіе отъ татарскаго слова «тумак» — «шапка», и называвшемся иначе Днѣпровскимъ островомъ, Бучками, Буцкой,

[1]) Донесенія патера дона Александро Комулео, письмо восьмое.

теперь извѣстнымъ подъ именемъ Городища [1]). Возникновеніе Томаковской Сичи можно относить къ двумъ моментамъ: или къ тому времени, когда впервые основана была и Хортицкая Сича, или ко времени послѣ основанія Базавлуцкой Сичи. Въ первомъ мнѣніи утверждаетъ насъ авторъ исторіи Малой-Россіи Бантышъ-Каменскій, когда говоритъ о князѣ Димитріѣ Ивановичѣ Вишневецкомъ, укрѣпившемъ не одинъ только островъ Хортицу, но и островъ Томаковку [2]). Второе предположеніе является само собой на томъ основаніи, что если бы Томаковская Сича была основана послѣ Хортицкой, то о ней не преминулъ бы сказать Эрихъ Ласота: а между тѣмъ, проѣзжая мимо острова Томаковки, онъ и словомъ не заикнулся о томъ, чтобы была здѣсь Сича, тогда какъ о Хортицѣ онъ положительно говоритъ, кто и когда на ней дѣлалъ укрѣпленіе. Но когда же именно возникла Томаковская Сича? На этотъ вопросъ мы не можемъ дать точнаго отвѣта, потому что не имѣемъ на то положительно никакихъ данныхъ. Можно лишь сказать, на основаніи словъ польскаго историка Мартина Бѣльскаго, что въ XVI столѣтіи она уже существовала. Правда, историкъ Николай Ивановичъ Костомаровъ утверждаетъ, что Томаковская Сича возникла въ 1568 году, но приводимый имъ въ подтвержденіе этого историческій документъ рѣшительно ничего не говоритъ о Томаковской Сичѣ [3]). Вотъ онъ буква въ букву: «Подъданымъ нашимъ, козакомъ тымъ, которые зъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости на тое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъехавши, на Низу, на Днепре, въ полю и на иныхъ входахъ перемешкиваютъ: маемъ того ведомость, ижъ вы на местцахъ помененыхъ, у входахъ разныхъ свовольно живучи, подданнымъ цара турецкого, чабаномъ и татаромъ цара перекопского, на улусы и кочовища ихъ находючи, великие шкоды и лупезства имъ чините, а тымъ границы панствъ нашихъ отъ непріятеля въ небезпечество приводите» [4]). Въ при-

---

[1]) Курьезное толкованіе слова Томаковка находимъ у Кулиша: Буцкій=Бутскій=Бутовскій, по Кулишу, происходитъ отъ слова «бутъ»—толмачъ или товмачъ, отсюда Товмаковскій: Отпаденіе Малороссіи, Москва; 1890, II, 135.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва, 1812, I, 113; то же повторяетъ и Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи, Москва, 1842, I, 46.

[3]) Южная Русь и козачество. Отечественныя Записки, 1870, CLXXXVIII, 39.

[4]) Архивъ юго-западной Руси, Кіевъ, т. I, ч. III, 4, 20 ноября, 1568 года.

веденномъ актѣ говорится лишь о томъ, что запорожскіе козаки «перемешкиваютъ» на Днѣпрѣ, на Низу и на поляхъ. Но Днѣпръ великъ, а Низъ и поле еще больше того: на Днѣпрѣ, кромѣ Томаковскаго острова, въ предѣлахъ Запорожья, было 264 острова. Такимъ образомъ актъ, приводимый Н. И. Костомаровымъ, ничего не говоритъ о Томаковской Сичѣ, и потому годъ ея возникновенія и имя основателя остаются намъ неизвѣстны. Также глухо говоритъ о Томаковской Сичѣ и польскій историкъ Мартинъ Бѣльскій въ XVI вѣкѣ (†1576): «Есть и третій такой — островъ на Днѣпрѣ — который назывался Томаковка, на которомъ большею частію низовые козаки перемѣшкиваютъ (nizowi kosaky mieszkiwaią), такъ какъ это было для нихъ самое лучшее укрѣпленіе»[1]). У Эриха Ласоты и у Боплана о Томаковской Сичѣ совсѣмъ не находимъ никакихъ свѣдѣній: они упоминаютъ о ней только какъ объ островѣ на рѣкѣ Днѣпрѣ, при чемъ Ласота не называетъ даже по имени этого острова, хотя не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ именно говоритъ о Томаковкѣ. Онъ разсказываетъ, что, спускаясь внизъ по Днѣпру, рѣчная флотилія его миновала три рѣчки Томаковки, текущія въ Днѣпръ съ правой стороны и впадающія въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится значительный островъ[2]). Значительный-же островъ противъ устья рѣчки Томаковки есть только одинъ, одноименный съ рѣчкою. Бопланъ вовсе не видалъ острова Томаковки и говоритъ о немъ только по разсказамъ, что это островъ высокій, круглый, имѣетъ видъ полушара, въ поперечникѣ не болѣе одной трети мили, весь покрытъ лѣсомъ, стоитъ болѣе къ русскому, нежели къ татарскому берегу, и настолько открытъ, что съ вершины его будто-бы можно видѣть весь Днѣпръ отъ самой Хортицы до Тавани[3]); послѣднія, однако, слова Боплана совершенно неправдоподобны, ибо это значитъ видѣть съ одной стороны за 50, а съ другой за 150 верстъ. Опредѣленно о Томаковской Сичѣ говоритъ одинъ только князь Мышецкій: онъ утверждаетъ, что въ древніе годы здѣсь была запорожская Сича, гдѣ и «нынѣ тута знатное городище»[4]).

Но если въ концѣ XVI столѣтія на островѣ Томаковкѣ и

---

[1]) Kronika polska Mart. Bielskiego, Sanok, 1856, II, 1358—1361.

[2]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки. Одесса, 1852, 52, 83.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны. С.-Петербургъ, 1832, 25.

[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 69.

существовала Сича, то уже въ первой половинѣ XVII вѣка она была снесена отсюда въ другое мѣсто, островъ же представлялъ изъ себя въ это время пустынное мѣсто, на которомъ часто находили себѣ пріютъ разныя лица, искавшія на низу Днѣпра широкаго простора и скрывавшіяся отъ жестокихъ гонителей своей родины. Такъ, на островъ Томаковку, въ 1647 году, 1 декабря, бѣжалъ изъ тюрьмы села Бужина Богданъ Хмельницкій со своимъ сыномъ Тимоѳеемъ, отъ преслѣдованія польскихъ властей; здѣсь-же произошло свиданіе Богдана Хмельницкаго съ Иваномъ Хмелецкимъ, посломъ короннаго гетмана Польши, Николая Потоцкаго: посолъ убѣждалъ Хмельницкаго не поднимать войны противъ поляковъ, оставить всѣ свои мятежные замыслы и возвратиться на родину: «Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что и волосъ не спадетъ съ вашей головы» [1]). Спустя годъ послѣ этого, одинъ изъ польскихъ начальниковъ, отъ 2 апрѣля 1648 года, доносилъ въ столицу Польши, что Хмельницкій сидитъ на островѣ Буцкѣ, иначе называемомъ Днѣпровскимъ островомъ, въ двухъ миляхъ отъ лѣваго берега рѣки, на которомъ стояли поляки и что его едва можно достать изъ доброй пушки [2]). Впрочемъ, что касается пребыванія Богдана Хмельницкаго собственно на островѣ Томаковкѣ, то онъ нашелъ здѣсь не такой радушный пріемъ, какъ бы того слѣдовало ожидать. Дѣло въ томъ, что раньше бѣгства Богдана Хмельницкаго изъ Украйны на Запорожье, произошелъ бунтъ нереестровыхъ козаковъ, съ атаманомъ Ѳедоромъ Линчаемъ во главѣ, противъ реестровыхъ съ полковникомъ Иваномъ Барабашомъ и другими старшинами; первые стояли за чисто народныя права, вторые за интересъ польскихъ пановъ и личныя выгоды. Но мятежъ былъ усмиренъ: въ числѣ старшинъ, принимавшихъ участіе въ потушеніи мятежа, былъ и сотникъ Богданъ Хмельницкій, какъ человѣкъ, связанный долгомъ своей службы. Партія недовольныхъ потерпѣла неудачу: самъ Линчай, со своими близкими приверженцами, бѣжалъ на Запорожье и расположился здѣсь на островѣ Томаковкѣ. Сюда-то, гонимый злою судьбой, прибылъ и Богданъ Хмельницкій. Но на островѣ Томаковкѣ его приняли подозрительно: оттого будущій гетманъ оставилъ Томаковку и спустился внизъ

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, Спб., 1884, I, 251, 256; Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1848, 219.

[2]) Памятники кіевской коммиссіи, томъ I, отдѣлъ III, 18.

на Микитинъ-Рогъ, на которомъ въ то время была запорожская Сича, перенесенная съ острова Томаковки [1]). Потомъ, пробывъ нѣсколько времени въ Сичи и нашедъ здѣсь полное довѣріе и сочувствіе со стороны запорожскихъ козаковъ, Богданъ Хмельницкій, по совѣту кошевого и всѣхъ куренныхъ атамановъ, выѣхалъ съ товариствомъ изъ Сичи на тотъ-же островъ Томаковку, «будто бы для лучшей своей и конской выгоды», а въ дѣйствительности, чтобы съ острова отправиться въ Крымъ и извѣстить о себѣ крымскаго хана [2]). Въ 1687 году, во время перваго похода князя Василія Васильевича Голицына на Крымъ, ниже острова Томаковки, на лѣвомъ берегу Днѣпра, стоялъ съ козацкимъ обозомъ сынъ гетмана Ивана Самойловича, Григорій Самойловичъ; здѣсь онъ получилъ печальную вѣсть о сверженіи его отца съ гетманскаго уряда и отправкѣ его въ ссылку. Въ 1697 году, во время азовскаго похода Петра I, на островѣ Томаковкѣ стояли съ обозомъ, козаками и стрѣльцами наказный гетманъ, лубенскій полковникъ Леонтій Свѣчка и стрѣлецкій полковникъ Иванъ Елчаниновъ, ожидая здѣсь возвращенія гетмана Ивана Мазепы, шедшаго снизу отъ турецкой крѣпости Тавани вверхъ по Днѣпру. На обратномъ пути, отъ крѣпости Тавани и города Кизыкерменя, Мазепа дошелъ до острова Томаковки, высадился здѣсь на сушу, отсюда отправилъ большія и малыя суда въ Сичу, а самъ, написавъ письмо съ острова Томаковки обо всемъ въ Москву, рушилъ таборомъ вверхъ до Кодака и далѣе [3]).

Островъ Томаковка, мѣтко названный по татарски «тумак», т. е. шапка, въ общемъ, по своему очертанію, имѣетъ большое сходство съ шапкой. Въ старину, по разсказамъ старожиловъ, онъ былъ покрытъ огромнымъ лѣсомъ; по окраинамъ его росли высокія груши, а на самой срединѣ «гойдався высокій-превысокій дубъ». Эти разсказы совершенно совпадаютъ съ выше приведеннымъ свидѣтельствомъ Боплана. Положеніе острова Томаковки въ стратегическомъ отношеніи весьма удобно: онъ стоитъ среди низменной плавни и со всѣхъ сторонъ охватывается рѣками и рѣчками. Съ юга и юго-запада къ нему подходитъ Рѣчище, которое взялось изъ правой вѣтки Днѣпра, Бугая, подъ Гологрушевкою, и течетъ отъ востока

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, 1882, 38.
[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ, 1848, I, 41.
[3]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 17, 441, 450.

къ западу на протяженіи десяти верстъ, концомъ своего теченія касается острова Томаковки и потомъ падаетъ ниже острова въ Чернышовскій лиманъ. Съ востока надъ островомъ извивается рѣка Ревунъ, которая отдѣляется отъ Рѣчища у юговосточнаго угла острова, идетъ по-надъ восточнымъ берегомъ, слѣва принимаетъ въ себя рѣчку Ревунча, до четырехъ саженъ ширины; затѣмъ, дойдя до средины острова, самъ Ревунъ раздѣляется на двѣ вѣтви: главная вѣтвь, съ тѣмъ-же названіемъ Ревуна, идетъ далѣе на сѣверъ по-надъ самымъ островомъ; другая направляется вправо плавнями и принимаетъ здѣсь названіе Быстрика или Ревунца; отойдя немного къ востоку отъ острова, этотъ Быстрикъ или Ревунецъ принимаетъ въ себя степную рѣчку Томаковку, которая, взявшись далеко сѣвернѣе острова, пробѣгаетъ степью шестьдесятъ верстъ черезъ земли крестьянъ и различныхъ владѣльцевъ и подъ конецъ соединяется съ Быстрикомъ противъ сѣверной окраины острова, подъ выселкомъ отъ села Чернышовки, Матней, у самаго двора крестьянина Ивана Николаевича Пшеничнаго. Съ сѣвера по-надъ островомъ Томаковкою идутъ тотъ-же Быстрикъ, принимающій въ себя рѣчку Томаковку и опять соединяющійся съ вѣткой Ревуномъ, и тотъ-же Ревунъ, выходящій изъ Рѣчища. Съ запада къ Томаковкѣ примыкаетъ большой лиманъ Чернышовскій, принимающій въ себя съ одной стороны, при посредствѣ Гнилой, вѣтку Ревунъ, а съ другой вѣтку Рѣчище. Ко всему этому, между означенными рѣчками и островомъ, къ Томаковкѣ примыкаютъ еще три большія озера: Соломчино на югѣ, Калиноватое на юговостокѣ и Спичино на сѣверѣ.

Рѣчки и вѣтки, охватывающія островъ Томаковку, особенно Рѣчище, и довольно глубоки, и достаточно широки даже въ настоящее время: по Рѣчищу могутъ свободно ходить небольшія суда, а въ полую воду и суда большихъ размѣровъ. По наблюденіямъ старожиловъ, въ прежнее время всѣ рѣчки были уже, чѣмъ теперь, но зато несравненно глубже и быстрѣе, нежели въ настоящее время: теперь онѣ «позанесены иломъ да позамулены». Самый островъ съ южной стороны, тамъ, гдѣ къ нему подходитъ Рѣчище, представляется въ настоящее время пустыннымъ и голымъ: берега его отвѣсны, обрывисты, обнажены и состоятъ изъ красной глины, ежегодно на большое пространство обрушивающейся въ рѣку послѣ полой воды: здѣсь наибольшая высота острова— семь саженъ. Съ восточной стороны берегъ острова постепенно

понижается, мало-по-малу переходитъ въ отлогій, покрытый степной травой и окаймленный цѣлой аллеей дикихъ грушъ; почти на самой срединѣ восточнаго берега въ островъ вдается небольшой загибъ, на подобіе искусственно вырѣзаннаго серпа луны; здѣсь почва острова черноземна, весьма удобна для посѣва хлѣба; отъ средины острова восточный берегъ становится совершенно обнаженнымъ и только въ самомъ концѣ, къ сѣверовостоку, постепенно покрывается грушевыми деревьями, зато здѣсь-же обнаруживаются известковые камни. Съ сѣверной стороны весь берегъ острова отлогъ, покрытъ степной и болотистой травой, по мѣстамъ окаймленъ грушами. Съ западной стороны берегъ острова также отлогъ, покрытъ травой, грушами, вербами, кое-гдѣ обнаруживаетъ пни тополей, вишенъ и терновника, а въ нижнемъ концѣ своемъ представляетъ изъ себя богатыя залежи известняка съ морскими ракушками очень большого калибера. Къ двумъ берегамъ острова Томаковки, восточному и южному, примыкаютъ обширныя плавни, частью казенныя, частью крестьянскія, идущія до самаго Днѣпра на семь верстъ, покрытыя густой травой «кукотиной», поросшія толстыми вербами, осокорями, шелковицей, густою лозой, и въ весеннее время сплошь заливаемыя водой.

Вся окружность острова Томаковки равняется шести верстамъ, а вся площадь ея тремъ стамъ пятидесяти десятинамъ; поверхность острова, кромѣ описанныхъ окраинъ, лишена всякой растительности, какъ древесной, такъ и травяной, что̀ происходитъ отъ вкоренившагося обычая крестьянъ села Чернышовки вывозить для пастьбы на островъ Томаковку свой скотъ—лошадей, коровъ, свиней—и оставлять ихъ здѣсь безъ всякаго призора на все лѣто, предоставляя имъ самимъ бродить до самой осени по острову и истреблять всякую на немъ растительность до основанія. Оттого здѣсь зачастую можно встрѣтить такую тощую свинью, которая представляетъ изъ себя нѣчто подобное двумъ доскамъ, сложеннымъ вмѣстѣ; мѣстные старики о такой свиньѣ говорятъ, что она разучилась ѣсть: «Бросьте ей кусокъ хлѣба, она съѣстъ, но непремѣнно здохнетъ, потому что не привыкла ѣсть; по временамъ она лишь чавкаетъ, чтобъ не забыть только, какъ ѣдятъ».

Слѣды пребыванія запорожскихъ козаковъ на островѣ Томаковкѣ сохранились и по настоящее время, въ видѣ небольшаго укрѣпленія, расположеннаго у южной окраины его, формы правильнаго редута. Редутъ этотъ состоитъ собственно изъ трехъ

траншей: восточной, 49 саженъ длины; западной, 29 саженъ длины, и сѣверной, 95 саженъ длины, со входомъ въ послѣдней на 45-ой сажени, считая по направленію отъ востока къ западу; вмѣсто южной траншеи служитъ берегъ самаго острова; южные концы восточной и западной траншей, отъ дѣйствія весеннихъ водъ, обратились уже въ глубокіе обрывы; но верхніе концы этихъ траншей сохранились вполнѣ; по нимъ ростутъ столѣтнія дикія груши; такія же груши ростутъ и по сѣверной траншеѣ, вдоль всего ея протяженія. Наибольшая высота каждой изъ траншей—три съ половиной сажени. Центръ всего укрѣпленія взволнованъ небольшими холмиками и изрытъ ямами; послѣднія — дѣло рукъ кладоискателей, которые говорятъ о какомъ-то огромномъ кладѣ, зарытомъ будто бы на островѣ Томаковкѣ. Кромѣ того, въ сѣверовосточномъ углу укрѣпленія есть пять небольшихъ могилокъ, въ которыхъ погребена семья крестьянина Ѳедора Степановича Заброды, жившаго на островѣ Томаковкѣ, въ качествѣ лѣсного сторожа казенныхъ плавенъ, болѣе 25 лѣтъ.

Близь укрѣпленія находятся различнаго рода запорожскіе пережитки—рыболовные крючки, желѣзные гвозди, разная металлическая и черепковая посуда, мелкія серебряныя монеты, чугунныя и оловянныя пули и т. п. Отъ запорожскаго укрѣпленія надо отличать незначительный земляной квадратъ, въ югозападной окраинѣ острова, сдѣланный для питомника молодыхъ деревьевъ и для стоговъ сѣна названнымъ крестьяниномъ Забродою. Кромѣ укрѣпленія, отъ запорожскихъ козаковъ на островѣ Томаковкѣ сохранилось еще кладбище, находящееся близь восточной окраины острова, за большимъ курганомъ, стоящимъ почти въ центрѣ острова. Еще не такъ давно, въ 1872 году, одинъ изъ любителей старины, протоіерей мѣстечка Никополя Іоаннъ Карелинъ, видѣлъ на островѣ Томаковкѣ кладбище съ надгробными песчаниковыми крестами, на которыхъ сдѣланы были надписи, указывавшія на сокрытыхъ подъ ними запорожцевъ [1]). Въ настоящее время ни одинъ изъ этихъ крестовъ не уцѣлѣлъ: всѣ они разобраны крестьянами для фундаментовъ подъ дома и амбары. Наконецъ, въ южной оконечности острова Томаковки, почти противъ самой середины ея, указываютъ еще на лёхъ, т. е. погребъ, выкопанный будто бы также запорожскими козаками. По словамъ старожиловъ, лёхъ имѣлъ бо-

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VIII, 448.

лѣе трехъ саженъ длины, начинался отъ вѣтки Рѣчища и шелъ далеко вверхъ. Въ настоящее время онъ находится въ срединѣ обвала, занимающаго цѣлую квадратную десятину земли у южной оконечности острова и образовавшагося отъ дѣйствія весеннихъ водъ, которыя, просасываясь въ глубину земли, дѣлали въ ней рвы и обваливали ее. Пролѣзть въ этотъ лёхъ нѣтъ никакой возможности за множествомъ змѣй, которыя водятся здѣсь. Особенное множество бываетъ ихъ тутъ весной: тогда однѣ изъ нихъ висятъ надъ пещерой, другія выглядываютъ изъ боковъ, а третьи и ползаютъ и извиваются по дну ея. «Тутъ этой погани и не пройдешь: съ гадюкою и ѣшь, съ гадюкой и пьешь, съ гадюкою и спишь. Вотъ это ляжетъ пастушокъ, или кто тамъ другой, на островѣ спать, а она, подлая, уже и подобралась подъ него: свернется въ клубокъ, подползетъ подъ человѣка и спитъ,—одной, проклятой, видишь-ли, холодно лежать: въ прежнія времена онѣ кишма кишѣли на островѣ: какъ настанетъ, бывало, пора косить траву, то прежде всего косари берутся за колья, чтобы выбить гадюкъ, а потомъ уже косятъ траву» [1]).

Микитинская Сича находилась на Микитинскомъ-Рогѣ или мысѣ, у праваго берега Днѣпра, на полтораста саженъ ниже острова Стукалова или Орлова, противъ теперешняго мѣстечка Никополя, екатеринославскаго уѣзда. Свое названіе—«Микитинская»—Сича, очевидно, получила отъ Микитина-Рога, на которомъ она стояла, но почему самый рогъ получилъ прозваніе Микитина, на то у насъ нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ: есть лишь болѣе или менѣе правдоподобное объясненіе. «Нѣкто Микита, предпріимчивый малороссъ, плѣнясь разсказами своихъ собратій, бывавшихъ въ походахъ противъ крымскихъ татаръ, наслышавшись о привольяхъ Днѣпра, изобилующаго рыбой и разнаго рода звѣрями, отъ оленя до дикой лошади и пугливаго зайца, плодившихся на обширныхъ островахъ ея, а можетъ быть и самъ участвовавшій въ походахъ противъ бусурманъ, съ которыми издревле Украйна вела войны,—этотъ Микита поселился на мысѣ у Днѣпра, который и получилъ названіе его имени—Микитинъ-Рогъ. Предмѣстье Никополя и теперь носитъ названіе Микитина» [2]).

Впервые названіе Микитина-Рога мы встрѣчаемъ у Эриха Ла-

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб. 1888, I, 292.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 523.

соты: возвращаясь назадъ изъ Базавлуцкой Сичи, Эрихъ Ласота оставилъ Микитинъ-Рогъ съ лѣвой стороны и, поднявшись немного выше Рога, ночевалъ у небольшаго острова [1]). Затѣмъ, извѣстіе о Микитиномъ-Рогѣ и Микитинской Сичѣ находимъ у малороссійскаго лѣтописца Самовидца; подъ 1647 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, какъ Богданъ Хмельницкій досталъ «фортельно» королевскій листъ у своего кума Барабаша, прочиталъ его козакамъ, указалъ имъ путь на Запорожье, а самъ 1 декабря бѣжалъ сперва на островъ Бучки, отсюда на Микитинъ-Рогъ, нашелъ здѣсь триста человѣкъ козаковъ, перекололъ вмѣстѣ съ ними польскихъ жолнѣровъ, а потомъ отправилъ пословъ къ крымскому хану Исламъ-Гераю просить у него помощи противъ поляковъ, на что ханъ далъ ему полное свое согласіе [2]). Существованіе Сичи на Микитиномъ-Рогѣ подтверждаетъ и польскій хронистъ Дзѣвовичъ: онъ говоритъ, что Микитинская Сича основана нѣкіимъ козакомъ Өедоромъ Линчаемъ во время возобновленія крѣпости Кодака [3]): изъ Боплана-же мы знаемъ, что крѣпость Кодакъ, послѣ разрушенія ея козаками, вторично возобновлена была польскимъ правительствомъ въ 1638 году [4]); слѣдовательно, годомъ основанія Микитинской Сичи будетъ 1638 годъ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка о существованіи Микитинской Сичи на Микитинскомъ-Рогѣ говоритъ и князь Семенъ Мышецкій: «Урочище Микитино состоитъ на правой рукѣ берега противъ Каменнаго-Затона... При оной рѣкѣ (Подпильной, теперь Орловой) имѣется урочище Микитино, гдѣ въ древніе годы бывали запорожскія Сѣчи. При ономъ урочищѣ имѣется ретранжементъ, построенный отъ россіянъ въ прежнее время въ прежнюю турецкую войну, гдѣ, при ономъ урочищѣ, оставленъ былъ обозъ, въ командѣ гетманскаго сына Поповича» [5]). Свидѣтельство князя Семена Мышецкаго принимаетъ и лѣтописецъ Ригельманъ, а за нимъ извѣстные историки Малороссіи Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ [6]).

Сича Микитинская освящена пребываніемъ въ ней знаменитаго гетмана малороссійскихъ козаковъ, Богдана Хмельницкаго.

---

[1]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, Одесса, 1873, 53.

[2]) Лѣтопись событій Самовидца, Кіевъ, 1878 года, стр. 219.

[3]) Украинская лѣтопись Срезневскаго, Харьковъ, 1835, 117.

[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 20, 21.

[5]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 10, 69.

[6]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847, I. 2; Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, II, прим. 10; Исторія Малороссіи, Москва, 1842, II.

Это было въ самомъ началѣ исторической дѣятельности его, въ 1647 году. Хмельницкій предъ этимъ содержался въ тюрьмѣ въ селѣ Бужинѣ, чигиринскаго повѣта, кіевской губерніи и, по предписанію короннаго гетмана Потоцкаго, долженъ былъ подвергнуться смертной казни, какъ человѣкъ, завѣдомо стоявшій во главѣ народнаго возмущенія противъ польскаго правительства. Но въ то время, когда въ Бужино пришло такое грозное предписаніе, казнить уже было некого: Хмельницкій съ сыномъ своимъ, Тимоѳеемъ, бѣжалъ въ запорожскую Сичу, бывшую въ то время на Микитинскомъ-Рогѣ, и прибылъ туда 11 декабря, 1647 года. Явившись въ Сичь, Хмельницкій собралъ общую козацкую раду и на радѣ сказалъ трогательную и въ высокой степени краснорѣчивую рѣчь, которая глубоко запала въ сердца запорожцевъ и которая подвинула ихъ на высокій подвигъ освобожденія Украйны отъ польскаго ига: «Вѣра наша святая поругана... Надъ просьбами нашими сеймъ поглумляется... Нѣтъ ничего, чего бы не рѣшилъ содѣлать съ нами дворянинъ. Войска польскія ходятъ по селамъ и часто цѣлыя мѣстечка истребляютъ до-тла, какъ будто бы замыслили истребить родъ нашъ!.. Отдали насъ въ рабство проклятому роду жидовскому. Смотрите на меня, писаря войсковаго запорожскаго, стараго козака, меня гонятъ, преслѣдуютъ только потому, что такъ хочется тиранамъ. Къ вамъ уношу душу и тѣло: укройте меня, стараго товарища: защитите самихъ себя: и вамъ то-же угрожаетъ» [1]. Такимъ образомъ въ Микитинской Сичи Богданъ Хмельницкій нашелъ себѣ пристанище въ бѣдѣ, здѣсь услыхалъ онъ первый откликъ на защиту всей Украйны: здѣсь увидѣлъ онъ искреннее желаніе со стороны низовыхъ «лыцарей» сражаться за поруганіе предковской вѣры, за оскверненіе православныхъ храмовъ, за униженіе русской народности: здѣсь-же онъ, выбранный на общей войсковой запорожской радѣ гетманомъ всей Украйны и кошевымъ атаманомъ всего Запорожья, положилъ основаніе одному изъ важнѣйшихъ въ исторіи Россіи актовъ—слiянію Малороссіи съ Великороссіей въ одно политическое тѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ бросилъ первое зерно панславизма, быть можетъ, самъ того не сознавая.

Вмѣстѣ съ устройствомъ Сичи на Микитиномъ-Рогѣ, видимо въ ней устроена была и церковь: лѣтописи прошлыхъ столѣтій не со-

---

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, Спб. 1884, I, 151—156.

хранили намъ указаній, была-ли то церковь постоянная или-же временная, походная, однако существованіе ея въ Микитинской Сичи не подлежитъ никакому сомнѣнію: въ 1648 году въ ней молился Богданъ Хмельницкій послѣ избранія своего козаками гетманомъ и кошевымъ, а вслѣдъ затѣмъ, поразивъ поляковъ при Желтыхъ-Водахъ и Корсунѣ, онъ прислалъ подарокъ запорожскимъ козакамъ—за одно знамя четыре большихъ, за одинъ бунчукъ—два, за одну простую булаву—двѣ рѣзныхъ, за одну пару литавръ—три пары превосходныхъ, за три арматы простыя—три отборныхъ, за ласку войска — тысячу битыхъ талеровъ; кромѣ того, на церковь божественную и ея служителей —триста таляровъ [1]).

Но Сича Микитинская, также какъ и Хортицкая, Базавлуцкая и Томаковская, существовала недолго, по крайней мѣрѣ, не долѣе 1652 года, когда устроена была слѣдующая за ней, Чортомлыцкая Сича. Въ 1667 году, по договору поляковъ съ русскими въ Андрусовѣ, Микитино уже именовалось не Сичею, а перевозомъ [2]); въ 1668 году Микитинская Сича называлась пустою, старою Сичею запорожскою, «на томъ (правомъ) боку бывшею» [3]), съ 1734 года Микитино сдѣлалось уже селомъ; въ 1753 году въ оффиціальныхъ актахъ оно называлось Микитинской заставой [4]); въ это время въ Микитинской заставѣ, кромѣ коренныхъ жителей, имѣли мѣстопребываніе и должностныя отъ Сичи лица: шафарь и подшафарій, писарь и подписарій, которые отбирали у проѣзжавшихъ людей черезъ Микитинскую переправу деньги, доставляли ихъ въ общую войсковую скарбницу и вели о томъ приходо-расходныя книги. Здѣсь-же была таможня, содержались караульные козаки, пограничный коммисаръ отъ московскаго правительства для разбора споровъ между запорожцами съ одной и татарами съ другой стороны. Сверхъ того, въ Микитинѣ жилъ толмачъ или переводчикъ, знавшій, кромѣ русскаго и малорусскаго языковъ, турецкій и татарскій и снабжавшій всѣхъ ѣхавшихъ въ Крымъ и далѣе за-границу, билетами на турецкомъ и татарскомъ языкахъ.

---

¹) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 52, 74.

²) Записки одесскаго общества ист. и древ., VI, 525.

³) Самоилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ. 1855, III, 62.

⁴) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 64, 68, 70.

Впрочемъ, какова бы ни была роль Микитина, но оно, какъ селеніе, было въ то время и далеко нелюдно, и далеко небогато: въ немъ считалось всего лишь до 40 хатъ семейныхъ жителей [1]) и до 150 должностныхъ козаковъ, кромѣ причислявшихся къ нему 300 зимовниковъ, находившихся въ степи. Въ такомъ видѣ и оставалось Микитино до 1775 года, того роковаго въ исторіи Запорожья года, когда козаки, потерявъ свое политическое бытіе, частію ушли къ туркамъ, частію-же остались на родинѣ и наполнили собой разныя села семейныхъ запорожцевъ, жившихъ по отдаленнымъ отъ Сичи зимовникамъ. Тогда-то и Микитино возрасло въ своей численности. Въ 1764 году оно вошло въ составъ селъ учрежденной тогда новороссійской губерніи: въ 1778 году [2]), по волѣ князя Григорія Потемкина, въ то время всесильнаго новороссійскаго губернатора, Микитино было переименовано изъ мѣстечка въ уѣздный городъ Никополь (отъ греческихъ словъ «Νικάω» и «πόλις», т. е. городъ побѣды), но спустя годъ, изъ уѣзднаго города вновь обращено въ мѣстечко, какимъ остается и до сихъ поръ.

Въ настоящее время Никополь—торговое, промышленное и довольно многолюдное мѣстечко (за 12.000 жителей), имѣющее пять школъ, почтовое отдѣленіе, телеграфную станцію, аптеку, двѣ церкви и до сотни большихъ лавокъ. Оно раздѣляется на концы—Микитинку, Довголевку, Лапинку — и среднюю часть, собственно Никополь.

Первая церковь въ Микитинѣ, какъ мы видѣли, существовала уже въ 1648 году но это была, вѣроятно, походная церковь [3]). Въ 1746 году, въ Микитинѣ у запорожскихъ козаковъ существовала уже постоянная деревянная церковь, но она скоро была уничтожена пожаромъ. Тогда запорожцы соорудили вмѣсто сгорѣвшей новую церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы, также деревянную съ одною «банею», т. е. куполомъ, по примѣру «крыжовой» или католической церкви, съ иконостасомъ, «увязанымъ на полотнѣ». Когда построена была въ Микитинѣ эта вто-

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ «до 20 жилыхъ запорожскихъ избъ». Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 175.

[2]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора А. Н. Синельникова; по другимъ свѣдѣніямъ Никополь объявленъ былъ городомъ въ 1782 году. Записки одесс. общ. исторіи и древностей, IX, 523 и далѣе.

[3]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 52, 74.

рая церковь, неизвѣстно; но въ 1774 году она называлась «изрядною» деревянною церковью, а въ 1777 году считалась уже обветшавшей и въ ней «хотя сего 1777 года, января 23 дня, по опредѣленію словенской консисторіи, преосвященнымъ Евгеніемъ, архіепископомъ словенскимъ, подтвержденному, и опредѣленъ былъ священникъ Петръ Рассевскій, но нынѣ означенная Никитская Свято-Покровская церковь остается безъ священниковъ праздною» [1]).

Въ 1796 году вмѣсто третьей обветшавшей церкви въ Микитинѣ построена была четвертая, также деревянная, съ такою-же колокольней, придѣланной къ ней въ 1806 году; эта церковь существуетъ и въ настоящее время, она именуется соборною церковью и стоитъ у самаго берега Днѣпра. Въ 1858 году въ Никополѣ построена и другая церковь, каменная, съ каменною-же колокольней, пристроенной въ 1865 году.

Въ настоящее время въ мѣстечкѣ Никополѣ отъ бывшей запорожской Сичи не осталось никакого слѣда. Не болѣе, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во время сильнаго разлива полой воды, мѣсто Сичи, все ея кладбище и стоявшая на ней часовенька отрѣзаны были отъ берега водой и унесены внизъ по теченію Днѣпра, самая-же рѣчка Подпильная, на которой стояла Сича, размыта была сильнымъ напоромъ воды и, годъ отъ году расширяясь, превратилась въ широкую рѣку Орлову, которую теперь принимаютъ многіе за настоящій Днѣпръ, по которой идутъ въ лѣтнее время пароходы и которая течетъ какъ разъ по-надъ самымъ Никополемъ [2]). Оттого мѣсто бывшей Микитинской Сичи можно возстановить только по разсказамъ старожиловъ. Изъ этихъ разсказовъ видно, что Сича и при ней кладбище находились ровно на 350 саженъ ниже теперешней пароходной пристани Никополя, у праваго берега Днѣпра, противъ того мѣста, гдѣ въ настоящее время стоятъ въ немъ водяныя мельницы, иначе говоря, противъ двора крестьянина Василія Ходарина, живущаго почти у самаго берега рѣки. На мѣстѣ запорожской церкви стояла, еще не такъ давно, деревянная часовенька, высоты въ четыре сажени и кругомъ въ одну сажень. Ниже часовеньки шла черезъ Днѣпръ старая козац-

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы для историко-статистическаго опис., Екатеринославъ, 1880, I, 64; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 524; VII, 175.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 524.

кая переправа, извѣстная у запорожцевъ подъ именемъ Микитинской. Въ этомъ-же мѣстѣ изъ Днѣпра просачивалась небольшая вѣтка Подпильная. Возлѣ церкви было кладбище, занимавшее въ длину до 70, въ ширину до 100 саженъ и помѣщавшееся по теперешнему противъ двора крестьянина Ѳедора Рыбакова. Но все это, отъ напора весенней воды въ 1846 году, пошло внизъ по теченію Днѣпра. Самый берегъ рѣки Днѣпра, ежегодно обрушивающійся въ воду, обнажаетъ цѣлыя кучи козацкихъ костей, валяющихся въ небреженіи по песку; тутъ-же часто торчатъ полусгнившіе дубовые гробы, скрывающіе въ себѣ одни жалкіе остовы нѣкогда доблестныхъ и неустрашимыхъ рыцарей, низовыхъ козаковъ; между скелетами часто попадаются мѣдные крестики, иконки, пуговицы, кольца, а иногда и штофы, наполненные «оковитою», безъ которой запорожецъ не могъ, очевидно, обойтись и на томъ свѣтѣ.

Отъ прошлыхъ временъ въ Никополѣ сохранились земляныя укрѣпленія, въ видѣ валовъ и рвовъ, находящихся близь кладбищенской церкви, верстъ на пять отъ Днѣпра, по направленію къ югозападу. Они начинаются, съ южной стороны, у двора крестьянина Никиты Петренка, идутъ по-надъ дворами крестьянъ Павла Сидоренка, затѣмъ Семена Гребенника, Ѳедора Вязового и Григорія Дорошенка; отсюда до вѣтряныхъ мельницъ имѣютъ пропускъ для въѣзда и потомъ снова начинаются отъ вѣтренки крестьянина Дмитрія Хрипуна, поворачиваютъ къ востоку и идутъ въ огородъ караима Мардохая Бабаджана, далѣе тянутся черезъ загонъ Ивана Бабушкина, огородъ Прокофія Демуры, дворъ Ѳедора Безриднаго и ниже его теряются. Въ общемъ эти укрѣпленія имѣютъ видъ правильнаго круга и обнимаютъ собой очень большое пространство земли, въ 750 саженъ длины и 500 саженъ ширины, захватывая собой всю базарную площадь Никополя и довольно большое число крестьянскихъ дворовъ. Трудно сказать съ полною точностью, къ какому времени относятся данныя укрѣпленія; но едва-ли они насыпаны жолнѣрами польскаго гетмана Потоцкаго, для наблюденія за дѣйствіями козаковъ, во время пребыванія ихъ въ Микитинской Сичи, какъ думаетъ Карелинъ [1]). Это предположеніе не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ гетманъ Потоцкій, отправляя за Хмельницкимъ легкій отрядъ («за-

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 525.

логу») въ 800 человѣкъ къ Микитинской Сичѣ, вовсе не имѣлъ цѣлью располагаться лагеремъ противъ Сичи, а только изловить бѣглеца и доставить его въ Польшу: Хмельницкій-же, узнавъ о высылкѣ этого отряда, оставилъ Сичь и спустился ниже къ лиману: отрядъ послѣдовалъ за нимъ, но потомъ, убѣжденный самимъ-же Хмельницкимъ, перешелъ на его сторону [1]). Такимъ образомъ, здѣсь не было ни времени, ни возможности гетману Потоцкому сооружать земляныхъ укрѣпленій: да и странно допустить мысль, чтобы запорожскіе козаки позволили полякамъ насыпать крѣпость всего лишь на разстояніи какихъ-нибудь пяти верстъ отъ самой столицы ихъ вольностей, Сичи. Остается согласиться съ свидѣтельствомъ князя Мышецкаго, который говоритъ, что имѣющійся у Микитина ретраншементъ сдѣланъ «отъ россіянъ въ прежніе годы, какъ хаживали Крымъ воевать [2]).

Отъ времени запорожскихъ козаковъ въ Никополѣ уцѣлѣло нѣсколько вещественныхъ памятниковъ, въ видѣ построекъ, вещей церковнаго и домашняго обихода, письменныхъ документовъ. Изъ построекъ интересны два запорожскихъ домика, одинъ, сооруженный въ 1746 году «стараніемъ Максима Калниболотскаго», собственность еврея Тиссена; другой, сдѣланный въ 1751 году «рабами божіими куреннымъ атаманомъ Онуфріемъ Назаровичемъ и Гавриломъ Игнатовичемъ», собственность Ксеніи Панченковой: одинъ запорожскій курень, съ надписью: «Построинъ курѣнь полтавскій, 1763 года іюня 6 дня», собственность Анны Степановны Гончаровой. Домики перенесены въ Никополь изъ села Покровскаго, гдѣ была послѣдняя Сича, а курень построенъ былъ, по преданію, въ самомъ Никополѣ. Изъ другихъ вещей запорожскихъ интересны—мѣдная пушка, стоявшая до 1888 года въ оградѣ соборной церкви, и желѣзный крестъ съ той церкви, въ которой, по преданію, молился Богданъ Хмельницкій: въ самой церкви—икона Креста съ частицею Животворящаго Древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель, отдѣланная серебряною «шатою» въ 1747 году коштомъ кошевого атамана Павла Козелецкаго; четыре хоругви съ различными изображеніями: пять иконъ, изъ коихъ икона Николая, сооруженная козакомъ Антономъ Супою, икона Варвары, написанная трудами Михаила Рѣшетняка, иконы Спасителя и Богоматери въ

[1]) Костомаровъ. Богданъ Хмельницкій, С.-Петербургъ, 1884, I, 252.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 10, 69.

серебряныхъ шатахъ, по семь съ половиной четвертей высоты и по пяти ширины, стоявшія на хорахъ церкви, гдѣ существовалъ особый престолъ, во имя чудотворца Николая, и бывшія здѣсь мѣстными иконами: икона съ изображеніемъ Богоматери, святителя Николая и архангела Михаила и ниже ихъ цѣлой группы молящихся запорожцевъ съ атаманомъ во главѣ; послѣдніе представлены въ ихъ натуральномъ костюмѣ и при оружіи, съ открытыми безъ шапокъ головами и длинными на головахъ «оселядцами». По преданію, здѣсь представленъ кошевый атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій съ товариществомъ, обращающійся съ молитвой къ Богоматери о защитѣ козаковъ въ виду грозившей имъ бѣды отъ Москвы, наканунѣ паденія Запорожья; оттого изъ устъ атамана къ уху Богоматери протянута молитва: «Молимся, покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, избави отъ всякаго зла»: на что Богоматерь, склонивши свое ухо къ запорожцамъ, отвѣчаетъ: «Избавлю и покрыю люди моя». Далѣе сохранился небольшой кипарисовый въ серебряной оправѣ напрестольный крестъ, пожертвованный козакомъ Лавриномъ Горбомъ; великолѣпное, въ серебряномъ окладѣ по малиновому бархату, евангеліе, московской печати, вѣсомъ безъ трехъ фунтовъ два пуда; плащаница изъ краснаго по краямъ и чернаго по срединѣ бархата, съ тѣломъ Спасителя, кованнаго серебра, пожертвованная въ 1756 году козакомъ тимошевскаго куреня Иваномъ Гаркушею, цѣнностію въ 1200 рублей; двѣ ризы, одна изъ сплошной золотой парчи, кромѣ серебрянаго оплечья, съ изображеніемъ Покрова Богоматери, стоимостью въ 1000 рублей; другая изъ красной парчи, кромѣ оплечья зеленаго бархата съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, съ изображеніемъ Благовѣщенія, стоимостью въ 700 рублей; безподобный, единственный въ своемъ родѣ и потому безцѣнный аналой, сдѣланный изъ арабскаго дерева «абоносъ» (т. е. чернаго дерева), отдѣланный черепахою, слоновою костью, перламутромъ, сверху стянутый буйволовой кожей и оканчивающійся на концахъ вверху двумя змѣиными головками; по преданію, онъ достался запорожцамъ отъ цареградскаго патріарха въ то время, когда они были подъ властію турокъ въ періодъ времени отъ 1709 по 1734 годъ, и когда лишены были, за переходъ на сторону шведскаго короля Карла XII, возможности сообщаться съ русскою православною церковью и потому получали себѣ священниковъ изъ Константинополя. Затѣмъ сохранились еще двѣ серебряныя вызлощенныя кружки, одна вмѣсти-

мостью до четырехъ стакановъ, по преданію принадлежавшая кошевому атаману Ивану Дмитріевичу Сирку, другая, нѣсколько меньше, съ шестью саксонскими монетами, 1592—1598 годовъ, и съ именами Христіана, Іогана, Георга и Августа, добытыя, по преданію, запорожскими козаками у саксонскаго генералъ-маіора Вейсенбаха въ 1746 году, когда запорожцы посланы были въ Польшу для поимки гайдамакъ. Кромѣ того, сохранились два портрета, писанные съ живыхъ запорожцевъ, братьевъ Якова и Ивана Шіяновъ, бывшихъ послѣ паденія Сичи ктиторами въ церкви Никополя и до самой смерти ходившихъ въ запорожскомъ одѣяніи. Наконецъ, уцѣлѣли: золотая медаль, данная за храбрые подвиги въ 1788 году при Очаковѣ запорожскому полковнику Коленку; шелковый, зеленаго цвѣта, запорожскій поясъ, пять съ половиной аршинъ длины; небольшой желѣзный молотокъ съ выбитымъ на немъ 1751 годомъ и росписка кіевскаго архіепископа Рафаила, 1740 года, о посланной въ Сичу, къ церкви Покрова пресвятой Богородицы, церковно-богослужебной книги, служебника [1]).

За Микитинскою слѣдовала *Чортомлыцкая* или такъ-называемая *Старая Сича*, находившаяся на Чортомлыцкомъ рогѣ или мысѣ и оттого получившая свое названіе. Повидимому, объ этой самой Сичи распространяется словоохотливый, но не всегда точный и правдивый Бопланъ (1620—1647). «Нѣсколько ниже рѣчки Чортомлыка, говоритъ онъ, почти на срединѣ Днѣпра, находится довольно большой островъ съ древними развалинами, окруженный со всѣхъ сторонъ болѣе, нежели 10.000 острововъ [2]), которые разбросаны неправильно... Сіи-то многочисленные острова служатъ притономъ для козаковъ, которые называютъ ихъ войсковою скарбницею, то есть казной» [3]). Князь Мышецкій, перечисляя всѣ запорожскія Сичи, во второй главѣ своей исторіи говоритъ: «Старая Сѣчь, которая состоитъ близъ Днѣпра, на рѣчкѣ Чортомлыкѣ. Оная Сѣча начатіе свое имѣетъ, какъ еще запорожцы за поляками были» [4]). Чортомлыцкая Сича основана въ 1652 году при кошевомъ атаманѣ Лутаѣ, какъ въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующій актъ: «Городъ Сича, земляной валъ, стоялъ въ устьяхъ у Чортомлыка

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 44—55.

[2]) Совершенная нелѣпица: на всемъ протяженіи рѣки Днѣпра въ предѣлахъ Запорожья было 265 островов.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 26.

[4]) Мышецкій, 10; Гр. Миллеръ. Разсужденія о зап., Москва, 1847, 63.

*

и Прогною надъ рѣкою Скарбною: въ вышину тотъ валъ шесть саженъ: съ поля, отъ Сумской стороны и отъ Базавлука. въ валу устроены пали и бойницы и съ другой стороны отъ устья Чортомлыка и отъ рѣки Скарбной до валу, сдѣланы коши деревянные и насыпаны землей. А въ этомъ городѣ башня съ поля, мѣрою кругомъ 20 саженъ. а въ немъ окна для пушечной стрѣльбы. А для ходу по воду сдѣлано на Чортомлыкъ и на Скарбную восемь фортокъ («пролазовъ»). и надъ тѣми фортками бойница. а шириною тѣ фортки только одному человѣку пройти съ водою. А мѣрою тотъ городокъ Сѣча съ поля отъ рѣчки Прогною до рѣчки Чортомлыка сто жъ саженъ да съ правой стороны рѣчка Прогной. а съ лѣвой стороны рѣчка Чортомлыкъ. и впали тѣ рѣчки въ рѣчку Скарбную. которая течетъ позади города. подлѣ самой ровъ. А мѣрою весь Сѣча, городъ будетъ кругомъ съ 900 саженъ. А строили этотъ городъ Сѣчу кошевой атаманъ Лутай съ козаками тому 20 лѣтъ» [1]).

Къ этому, весьма обстоятельному внѣшнему описанію Чортомлыцкой Сичи. нужно прибавить лишь то, что внутри Сичи устроены были курени съ окнами на площадь и «квартирками» въ окнахъ, а внѣ Сичи, за городомъ. стояла такъ называемая греческая изба, можетъ быть. для помѣщенія иностранныхъ пословъ, пріѣзжавшихъ къ запорожцамъ [2]). Кромѣ того, акты 1659. 1664 и 1673 годовъ свидѣтельствуютъ, что на Чортомлыцкой Сичѣ существовала церковь во имя Покрова пр. Богородицы: въ 1664 году кошевой Иванъ Щербина писалъ гетману Ивану Брюховецкому, что церковь эта внезапно сгорѣла, такъ что духовенство не успѣло изъ нея выхватить и церковной утвари. оттого кошевой просилъ гетмана прислать въ сичевую церковь тріодь постную, апостолъ и кадильницу. въ противномъ случаѣ въ наставшій постъ не по чемъ будетъ и службу божественную править. Въ 1673 году въ новую церковь Чортомлыцкой Сичи, на имя кошевого Лукьяна Андреева или Лукаша. присланы были отъ царя Алексѣя Михайловича 12 книгъ Четь-Минеи [3]). Въ 1672 году въ этой Сичи показывалось 100 человѣкъ кузнецовъ. «безпрестанно въ ней живущихъ» [4]). Какъ

[1]) Акты южной и западной Россіи. XI. № 5, стр. 12. Актъ помѣченъ 1672 годомъ: вычитая отсюда 20 лѣтъ (1672—20), получилъ 1652 годъ, время основанія Сичи.

[2]) Акты юж. и запад. Россіи. XI. 351: Величко. Лѣтопись. II. 360.

[3]) Акты юж. и запад. Россіи. V. 228: XI. 355, 259: Θеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876. 36.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XI, 13.

кажется, одно время эта самая Сича переносилась съ Чортомлыцкаго острова въ открытую степь: по крайней мѣрѣ, въ 1663 году объ ней писалось: «А Сѣча и нынѣ у нихъ на полѣ и крѣпости никакой нѣтъ» [1]).

Общій видъ Чортомлыцкой Сичи представленъ на одной весьма интересной гравюрѣ, хранящейся въ с.-петербургской императорской публичной библіотекѣ, въ отдѣленіи портретовъ Петра Великаго, работы извѣстнаго въ XVII вѣкѣ гравера Иннокентія Щирскаго. Она сдѣлана на холстѣ, длины 12, ширины $7^1/_2$ четвертей и имѣетъ въ самомъ верху надпись: «Богословскій и философскій тезизъ, поднесенный кіевскою духовною академіей царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ 1691 года». Лицевая сторона гравюры вся исписана ликами, раздѣляющимися на шесть рядовъ и помѣщенными одинъ ниже другого, сверху до низу. Въ первомъ ряду представлена Богоматерь; во второмъ — святой князь Владиміръ и ниже его—двуглавый орелъ, а по бокамъ Богоматери и Владиміра—12 фигуръ разныхъ святыхъ, кромѣ фигуръ Спасителя и Бога Отца; въ третьемъ ряду представленъ видъ города Кіева; въ четвертомъ изображены—съ лѣвой стороны будинокъ, гдѣ сидятъ запорожцы и рядомъ съ ними турки или татары на общей радѣ, по срединѣ—группа козаковъ, размѣряющихъ копьями землю, а съ правой стороны—запорожская Сича съ клубами дыма надъ ней. Сича обнесена высокимъ валомъ, на которомъ стоятъ три пушки на колесахъ, за валомъ виднѣются шесть куреней, а среди куреней возвышается маленькая трехглавая *церковца*. Ниже Сичи идетъ послѣдній рядъ фигуръ—византійскихъ императоровъ Аркадія и Гонорія, Василія и Константина, и русскихъ царей Іоанна и Петра. Мысль, вложенная мастеромъ въ картину, очевидна: онъ представилъ главные моменты изъ исторіи кіевской Руси, въ связи съ исторіей запорожскихъ козаковъ, и изобразилъ, современное ему царское двоевластіе въ Россіи, подкрѣпивъ послѣднее примѣромъ византійской имперіи.

Причина перенесенія Сичи съ Микитина-Рога на устье Чортомлыка, какъ кажется, стоитъ въ зависимости отъ большаго удобства мѣстности при рѣкѣ Чортомлыкѣ сравнительно съ мѣстностью при Микитинѣ-Рогѣ. Дѣло въ томъ, что мѣстность Микитина-Рога

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, V, 143.

довольно возвышенная и съ трехъ сторонъ совершенно открытая, представляла большія неудобства въ стратегическомъ отношеніи: татары, кочевавшіе у лѣваго берега Днѣпра, прямо противъ Сичи, могли слѣдить за каждымъ движеніемъ запорожскихъ козаковъ и предугадывать всѣ планы ихъ замысловъ. Это-то неудобство и могло быть причиною того, что козаки оставили свою Сичу на Микитиномъ-Рогѣ и перенеслись пониже, на рѣчку Чортомлыкъ, гдѣ представлялись гораздо большія удобства въ стратегическомъ отношеніи, чѣмъ у Микитина: «А непріятельского приходу къ нему (къ укрѣпленію на Чортомлыцкой Сичѣ) лѣтомъ чаять съ одну сторону полемъ, отъ крымской стороны, отъ рѣки Безовлука, а съ трехъ сторонъ за рѣками, нѣкоторыми мѣры (=ами) промыслу никакова учинить подъ нимъ нельзя. А въ зимнее время на тѣхъ рѣкахъ ледъ запорожцы кругомъ окалываютъ безпрестанно и въ осадное время Сѣчю городъ шти (=шести) тысячамъ человѣкомъ одержать мочно, а что людей и всякихъ запасовъ и пушекъ будетъ больше, то и непріятелю будетъ страшно. А многолюдныхъ турковъ и татаръ до Сѣчи перенять не мочно, потому что прилегла степь и въ степи ихъ не удержать» [1]).

Чортомлыцкая Сича считалась Сичею преимущественно предъ другими, оттого исходившія изъ этой Сичи бумаги рѣдко подписывались съ обозначеніемъ ея мѣста: «Данъ въ Сѣчи при Чортомлыкѣ», «данъ въ Чортомлыцкой Сѣчи» [2]), большею-же частію вовсе безъ обозначенія мѣста: «Зъ Сѣчи запорожской», «Данъ на Кошу Сѣчи запорожской», «Писано на Кошу запорожскомъ», «Зъ Коша запорожскаго» [3]), причемъ подъ Сѣчью разумѣлась именно Чортомлыцкая Сича.

Чортомлыцкая Сича существовала въ теченіи 57 лѣтъ (1652—1709) и по справедливости считалась самою знаменитою изъ всѣхъ Сичей запорожскихъ: существованіе этой Сичи совпадало съ самымъ блестящимъ періодомъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ, съ тѣмъ именно періодомъ, когда они и «самому Царюгороду давали нюхать козацкаго пороху. Изъ этой Сичи «разливалась слава о козацкихъ подвигахъ по всей Украйнѣ»; въ этой,

[1]) Акты, относящіеся къ южной и западной Россіи, XI, № 5, 14.

[2]) Тамъ-же, VIII, 181, 182, IX, 222, 243, 266; XI, 481; 1669, 1670, 1674.

[3]) Самоилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ. 1851, II, 36, 37, 100, 345, 382, 396.

именно этой Сичи, подвизались такіе богатыри, какъ «завзятый, никѣмъ недонятый, закаленный, никѣмъ непобѣжденный», кошевой Иванъ Сирко; тотъ Сирко, который былъ грозой турокъ, страхомъ ляховъ, славою и гордостью запорожскихъ козаковъ; тотъ Сирко, который по преданію, родился съ зубами, чтобы всю жизнь свою грызть враговъ русской народности и православной вѣры; тотъ Сирко, именемъ котораго татарки пугали своихъ непослушныхъ дѣтей; о погибели котораго султанъ особымъ указомъ повелѣвалъ правовѣрнымъ молиться въ своихъ мечетяхъ; тотъ Сирко, кости котораго запорожцы, послѣ его смерти, какъ гласитъ преданіе, пять лѣтъ возили въ гробу, а потомъ, отрѣзавъ у него руку и засушивъ ее, выставляли на страхъ врагамъ; тотъ Сирко, именемъ котораго часто называли и самую Чортомлыцкую Сичу—«Сичь кошового Сирка». Въ этой Сичи часто завязывались такія дѣла, которыя потомъ развязывались въ сосѣдней запорожцамъ Украйнѣ, въ русской Москвѣ, польской Варшавѣ и турецкомъ Стамбулѣ. Изъ этой Сичи запорожцы ходили на Украйну и Польшу за Богдана Хмельницкаго подъ Желтыя-Воды, Батогу и Жванецъ; въ этой Сичѣ они присягали на вѣрность русскому престолу и потомъ горько оплакивали смерть «старо́го Хмеля»; изъ этой Сичи они ходили за сына Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельниченка; отюда они много разъ выступали въ походъ подъ начальствомъ Якова Барабаша, Ивана Сирка, Мартына Пушкаря и другихъ малороссійскихъ вождей противъ злѣйшаго ихъ врага, лжеца и ябедника, гетмана Ивана Виговскаго, вилявшаго между Москвой и Польшей, въ одно и то-же время клеветавшаго московскому царю на запорожцевъ и запорожцамъ на московскаго царя. Отсюда-же они выходили противъ самого Хмельниченка, измѣнившаго подъ конецъ русскому престолу, громили его преемниковъ, сегобочнаго гетмана Якова Сомка и тогобочнаго Павла Тетерю. Изъ этой-же Сичи, въ 1663 году, они ходили на Украйну и произвели здѣсь такъ-называемую черную раду, которая собрана была малороссійскою чернью, казнившею Сомка; отсюда-же запорожцы не разъ и не безуспѣшно предпринимали походы, за одно съ московскимъ воеводою Косаговымъ, противъ гетмана Дорошенка и знаменитаго польскаго наѣздника Чарнецкаго. Изъ Чортомлыцкой Сичи запорожцы возбуждали украинцевъ противъ московскихъ воеводъ и бояръ за ихъ поборы, налоги и притѣсненія малороссійскаго народа. Въ этой-же Сичи запорожцы, въ 1675 году, выбили около 14.000 человѣкъ турец-

кихъ янычаръ и потомъ, подъ предводительствомъ славнаго кошевого Ивана Сирка, совершили блестящій походъ въ самый Крымъ, захвативъ тамъ множество плѣнниковъ и добычи [1]). Изъ Чортомлыцкой Сичи запорожцы, въ 1677 году, ходили на помощь украинцамъ во время такъ называемаго перваго чигиринскаго похода турокъ: отсюда въ 1687 и 1688 году они выступали въ оба похода на Крымъ подъ общимъ начальствомъ князя Василія Голицына, Ивана Самойловича и Ивана Мазепы: отсюда-же, въ 1701 году, ходили походомъ подъ Псковъ въ помощь русскому войску Петра I противъ шведовъ; наконецъ изъ этой-же Чортомлыцкой Сичи, за все время ея существованія отъ 1652 по 1709 годъ, запорожцы много разъ «чинили промыслы» въ татарскихъ и турецкихъ земляхъ у Перекопа. Очакова, Кизыкерменя. Тавани, Кинбурна. Тягинки, Гнилого моря и другихъ мѣстахъ и городахъ татарскаго ханства и турецкаго царства [2]).

Послѣ пятидесяти-семи лѣтъ существованія Чортомлыцкая Сича была разрушена войсками русскаго царя Петра I въ знаменательный для Россіи 1709 годъ. Вотъ какъ это произошло по словамъ лѣтописцевъ и историковъ. Когда малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа отступился отъ русскаго царя, тогда и запорожцы, забывъ свою недавнюю непріязнь къ Мазепѣ, горя ненавистью къ Москвѣ за порядки, заведенные ею на Украйнѣ, и за постройку русскихъ городковъ въ самомъ Запорожьѣ, на рѣчкѣ Самарѣ и на урочищѣ Каменномъ-Затонѣ, а главное, желая видѣть «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городовое и низовое, не тилько въ ненарушимыхъ, лечь и въ расширенныхъ и размноженныхъ вольностей квѣтнучую и изобилуючую», рѣшились отдаться въ «непраламанную оборону найяснѣйшаго короля, шведскаго Карла» и выступить противъ русскаго царя Петра [3]) На ту пору у нихъ былъ кошевымъ атаманомъ Константинъ Гордіенко, иначе Гординскій, еще иначе Головко [4]), а по козацкому прозвищу Кротъ [5]), человѣкъ безспорно храбрый, рѣшительный, по своему времени

---

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись. Кіевъ. 1851. II. 358—364.

[2]) Григорій Грабянка. Лѣтопись. Кіевъ. 1854, 111—255.

[3]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842, IV, 318.

[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1854, 11, 34.

[5]) Южно-русскія лѣтописи, изданныя Бѣлозерскимъ. I. 90.

образованный, какъ учившійся въ кіевской академіи и свободно изъяснявшійся по-латыни [1], любимый козаками и пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ и популярностью среди украинской черни. Побуждаемые этимъ самымъ кошевымъ атаманомъ Гордіенкомъ, запорожцы написали, въ 1708 году, 24 ноября, письмо Ивану Мазепѣ, въ которомъ просили прислать къ нимъ гетманскихъ и королевскихъ полномочныхъ, чтобъ чрезъ нихъ условиться, за кѣмъ имъ быть во время предстоящей войны; кромѣ того, они домогались отъ королей, шведскаго и польскаго, войсковыхъ клейнотовъ и вспомогательнаго войска для разоренія московской крѣпости у Каменнаго-Затона, стоявшей въ виду самой Сичи, послѣ чего обѣщали поспѣшить на помощь союзникамъ. Между тѣмъ Петръ, узнавъ о переворотахъ запорожцевъ съ королями и гетманомъ, а также убѣдившись доподлинно въ огромномъ вліяніи ихъ, въ особенности-же кошевого Гордіенка, на малороссійскую чернь и украинскихъ козаковъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, склонить запорожцевъ на свою сторону: съ этою цѣлію уже тотъ часъ послѣ преданія проклятію Мазепы и послѣ избранія новаго гетмана Ивана Скоропадскаго, царь писалъ въ Сичь письмо, въ которомъ увѣщевалъ запорожцевъ пребыть вѣрными русскому престолу и православной вѣрѣ, за что обѣщалъ «умножить къ нимъ свою милость» и немедленно прислать, кромѣ обычнаго годоваго жалованья, на каждый курень по 1500 украинскихъ злотыхъ. Съ этимъ вмѣстѣ царь увѣрялъ запорожцевъ, что если онъ раньше удержалъ въ Москвѣ слѣдуемое козакамъ войсковое жалованье, то сдѣлалъ это вслѣдствіе клеветы на низовое товарищество гетмана Ивана Мазепы, который часто писалъ царю въ Москву, обвиняя запорожцевъ въ невѣрности русскому престолу [2].

Къ запорожцамъ отправлены были отъ царя стольники Гавріилъ Кислинскій и Григорій Теплицкій, съ грамотою и деньгами, 500 червонцевъ кошевому, 2.000 старшинѣ и 12.000 куренямъ; кромѣ того, чрезъ тѣхъ-же пословъ обѣщано было, въ знакъ особой царской милости, прислать въ Сичу войсковые клейноты — знамя, перначъ, бунчукъ, литавры и трости кошевому атаману и судьѣ [3].

[1]) Adlerfeld. Histoire militaire de Carles XII, II, 249—430.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 298.

[3]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи Москва, 1842, IV, 293.

Одновременно съ царскими послами посланы были отъ гетмана Скоропадскаго лубенскій сотникъ Василій Савичъ и отъ кіевскаго митрополита, для увѣщанія, іеромонахъ Продіонъ Жураховскій. Въ самой Сичѣ въ то время образовались двѣ партіи: партія старыхъ, опытныхъ козаковъ и партія молодыхъ, горячихъ головъ: первая стояла на законной почвѣ и совѣтовала держаться русскаго царя; эта партія, на нѣкоторое время взявшая верхъ надъ другою, заставила отправить къ Мазепѣ письмо, въ которомъ запорожцы, называя себя войскомъ его царскаго пресвѣтлаго величества, объявляли, что они готовы стоять за русскаго царя и за весь украинскій народъ противъ ворвавшихся на Украйну иноплеменниковъ. Но противъ благоразумныхъ и опытныхъ лицъ запорожскаго товариства выступила зеленая молодежь, которою руководилъ кошевой Константинъ Гордіенко, фанатически ненавидѣвшій все исходившее отъ Москвы. Сила оказалась на сторонѣ молодыхъ, и тогда запорожцы отобрали у прибывшихъ въ Сичу пословъ деньги, а самихъ ихъ стали ругать и безчестить: іеромонаха называли шпіономъ и грозили сжечь его въ смоляной бочкѣ, другихъ грозили убить или утопить въ водѣ [1]), и вслѣдъ за этимъ на грамоту Петра написали письмо, въ которомъ, не щадя царя за прежнія его къ нимъ враждебныя отношенія, «чиня досадительныя укоризны и угрозы, многіе неприличные запросы, съ нареканіемъ и безчестіемъ на самую высочайшую особу царя» [2]), требовали отъ него: 1) чтобы всѣмъ малороссійскимъ полковникамъ не быть, а быть на Украйнѣ такой же вольницѣ, какъ и въ Сичи; 2) чтобы всѣ мельницы по рѣчкамъ Ворсклѣ и Пслу, а также перевозы черезъ Днѣпръ у Переволочной запорожцамъ отдать, и 3) чтобы всѣ царскіе города на Самарѣ и на лѣвомъ берегу Днѣпра у Каменнаго-Затона срыть [3]). Отправивъ царю письмо, запорожцы въ это-же время задержали у себя гетманскаго посланца, ѣхавшаго въ Крымъ съ извѣстіемъ объ избраніи на Украйнѣ новаго гетмана Скоропадскаго и, избивъ его до полусмерти на радѣ, отправили къ Мазепѣ, а другого посланца, отправленнаго въ Чигиринъ, сотникъ чигиринскій Невинчанный совсѣмъ убилъ

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древн., № 8, 21, № 6, 41.
[2]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842, IV, 294.
[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1881, т. XV, стр. 314.

и самъ въ Запорожье бѣжалъ. Тогда царь написалъ два письма, одно за другимъ, князю Меньшикову, руководившему въ то время военными дѣйствіями на Украйнѣ и жившему въ городѣ Харьковѣ; въ этихъ письмахъ онъ извѣщалъ князя, что запорожцы собрались близь крѣпости Богородицкой на рѣкѣ Самарѣ и что онъ опасается, какъ бы они чего не сдѣлали надъ ней, а также, чтобы они кошевымъ и судьей не были проведены черезъ Переволочну къ шведамъ, и потому приказывалъ князю поставить въ удобномъ мѣстѣ ингерманландскій полкъ, чтобы «имѣть око на ихъ походъ», также, если возможно, прибавить людей въ Богородицкую крѣпость, въ Каменный-Затонъ послать полка два или больше гарнизоннаго войска, въ самой-же Сичи постараться перемѣнить, черезъ миргородскаго полковника Апостола, главную старшину—кошевого атамана и войскового судью. Тогда, по распоряженію Меньшикова, отправлены были Даніиломъ Апостоломъ нѣсколько человѣкъ изъ миргородскаго полка, бывшихъ запорожскихъ войсковыхъ старшинъ, съ немалымъ количествомъ денегъ, въ Сичу, чтобы свергнуть кошеваго и судью «и во всѣхъ противниковъ учинить диверсію». Посланные должны были публично, на войсковой радѣ, объявить запорожжамъ, что кошевой и судья перешли на сторону Мазепы не потому, чтобы находили свое дѣло правымъ и законнымъ, а потому, что были подкуплены измѣнникомъ. Вслѣдъ за этимъ Петръ снова писалъ Меньшикову: онъ приказывалъ ему все еще стараться о томъ, чтобы расположить въ свою сторону запорожскихъ козаковъ, дѣйствуя на нихъ добрымъ словомъ, и только въ крайнемъ случаѣ оружіемъ. «Въ Каменномъ-Затонѣ учинить командира изъ бригадировъ кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого, то (въ томъ) полагаюсь на васъ: пункты посылаю при семъ, токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить запорожцевъ добрòмъ по самой крайней возможности: буде-же оные явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными, яко со измѣнниками» [1]).

Но запорожцы, настраиваемые кошевымъ Гордіенкомъ, съ этого времени твердо и всею массою рѣшили дѣйствовать противъ Петра. Собравшись въ числѣ 8.000 человѣкъ, подъ начальствомъ «власнаго» кошевого Константина Гордіенка, а въ Сичи оставивъ «наказнаго» атамана Якова Симонченка, взявъ съ собою девять

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 315.

пушекъ, они двинулись изъ Сичи въ Переволочну, которую искони вѣковъ считали своимъ городомъ и отъ которой намѣревались дойти до стана шведскаго короля, Карла XII. Однако, идя на соединеніе съ Карломъ, запорожцы объявляли, будто идутъ «въ слученіе» къ русскому войску, за что имъ вторично послано было царское жалованье отъ Петра [1]). Въ Переволочнѣ ихъ встрѣтилъ полковникъ Нестулей съ 500 находившимися въ городѣ запорожцами, и гетманскіе посланцы Чуйкевичъ, Мокіевскій и Мировичъ; 12 числа мѣсяца марта, 1709 года, въ Переволочнѣ произошла рада въ присутствіи посланцевъ Мазепы. На радѣ было прочитано письмо гетмана, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что царь угрожалъ «искоренить воровъ и злодѣевъ, запорожцевъ», а всѣхъ малороссіянъ перевести за Волгу; съ тѣмъ вмѣстѣ выставлялось на видъ, что прибытіе на Украйну шведскаго короля даетъ возможность малороссіянамъ свергнуть московское ярмо и сдѣлаться свободнымъ и счастливымъ народомъ; въ заключеніе рѣчи посланцы Мазепы роздали нѣсколько червонцевъ денегъ запорожцамъ, и тогда на радѣ масса закричала: «За Мазепою, за Мазепою!» Но тутъ-же возникъ вопросъ: какъ-же быть съ деньгами, присланными царемъ въ Сичу? «Деньги тѣ были прежде отняты москалями у нашихъ-же братьевъ козаковъ», говорили запорожцы, намекая, вѣроятно, на удержаніе Москвой законнаго козацкаго жалованья, 6660 рублей, за грабежъ ими греческихъ купцовъ, по жалобѣ турецкаго паши [2]). Въ это-же время получено было извѣстіе отъ крымскаго хана, совѣтовавшаго запорожцамъ держаться стороны Мазепы и обѣщавшаго имъ свою помощь. Самъ полковникъ Нестулей, послѣ нѣкотораго колебанія, также объявилъ себя сторонникомъ гетмана Мазепы.

Вскорѣ послѣ рады кошевой Гордіенко извѣщалъ шведскаго короля, что запорожцы готовы ему служить и молятъ Бога объ его успѣхѣ; вслѣдъ за этимъ извѣщеніемъ отъ запорожцевъ посланы были депутаты къ королю, чтобы видѣть его лично и выразить ему свою готовность вѣрно служить; депутаты были приняты въ мѣстечкѣ Будищахъ и допущены къ королевской рукѣ. На прощаньѣ ихъ допустили къ королю съ условіемъ, чтобы они не пили водки раньше обѣда, такъ какъ король не переносилъ

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 245.

[2]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, Спб. 1885, 509.

пьяныхъ; но запорожцы, все время пребыванія своего въ Будищахъ не высыхавшіе отъ водки, и на этотъ разъ съ трудомъ удержались отъ нея.

Петръ, получившій обо всемъ случившемся извѣстіе въ Воронежѣ, писалъ Меньшикову стараться удержать за собой орельскіе городки, въ особенности-же крѣпость Богородицкую, гдѣ много было артиллеріи и аммуниціи, но мало людей, и самому князю приказывалъ непремѣнно оставаться на Украйнѣ: «Ежели вы не въ пути, то лучше бъ еще немного тамъ для запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже писалъ до господина фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочнѣ для сего дѣла, при томъ-же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣми, хотя бъ частью позадъ Полтавы протянуться для сего жъ дѣла» [1]). Опасенія Петра были не напрасны. Въ то время, когда депутаты отъ запорожскихъ козаковъ находились въ Будищахъ, въ это самое время часть ихъ войска сдѣлала два нападенія на русскія войска, сперва въ Кобелякахъ, потомъ въ Царичанкѣ, на правомъ берегу Орели, произвела страшный переполохъ между русскими солдатами и одну часть изъ нихъ изрубила на мѣстѣ, другую часть захватила въ плѣнъ и тѣмъ самымъ настолько подняла свое знамя, что увеличила составъ собственнаго войска до 15.000 человѣкъ, вызвала изъ нѣдръ лѣсовъ скрывшихся туда жителей при нашествіи шведовъ и заставила ихъ доставлять продовольствія королевскимъ войскамъ [2]). Послѣ этого кошевой Гордіенко сталъ засылать письма къ правобережнымъ украинцамъ, которымъ совѣтовалъ бить свою старшину и переходить къ нему, кошевому, на лѣвый берегъ Днѣпра. «Воръ кошевой ядъ свой злой продолжаетъ и непрестанно за Днѣпръ пишетъ, чтобъ побивали свою старшину и къ нему черезъ Днѣпръ переходили и уже такая каналія за Днѣпромъ собирается и разбиваетъ пасѣки» [3]).

Разгромивъ русскіе отряды у Кобелякъ и Царичанки, кошевой Гордіенко съ запорожцами поспѣшилъ въ Диканьку, чтобы увидѣться здѣсь съ гетманомъ Мазепой и отсюда дойти въ Будища, главную стоянку шведскаго короля. Свиданіе Гордіенка и

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 316.

[2]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, Спб., 1885, 510.

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 316.

Мазепы произошло въ присутствіи многихъ лицъ изъ сичевого товарищества: при встрѣчѣ съ гетманомъ кошевой отдалъ ему честь, склонивъ передъ нимъ свой бунчукъ, а потомъ, обратившись съ рѣчью, благодарилъ гетмана за его готовность освободить Запорожье отъ московскаго ига, обѣщалъ отъ имени всѣхъ козаковъ не щадить ни жизни, ни крови для общаго дѣла, высказывалъ надежду чрезъ посредство гетмана найти протекцію у его королевскаго величества и въ заключеніе обѣщалъ ему принести присягу на вѣрность, но въ свою очередь просилъ сдѣлать то-же и гетмана, чтобы дѣйствовать заодно съ запорожцами «въ дѣлѣ спасенія отечества». Гетманъ Мазепа на рѣчь кошевого Гордіенка отвѣчалъ рѣчью. Онъ благодарилъ запорожцевъ за довѣріе ихъ къ его особѣ, увѣрялъ честью, что если бы не онъ, гетманъ, то царь давно-бы перевязалъ запорожцевъ, обратилъ ихъ въ драгунъ, разослалъ въ отдаленныя мѣста Сибири, разорилъ жилища ихъ до основанія, и что онъ, гетманъ, будетъ дѣйствовать заодно съ ними, запорожцами, и готовъ принести на томъ присягу имъ [1]).

Обоюдныя рѣчи кошевого и гетмана закончились приглашеніемъ запорожцевъ къ гетманскому обѣду: на обѣдѣ высказано было съ той и съ другой стороны еще больше завѣреній во взаимной дружбѣ и расположеніи, но тутъ-же случилось непріятное приключеніе, едва не обратившее дружбу во вражду: охмелѣвшіе запорожцы, вставъ отъ обѣда, стали, по своему обыкновенію, хватать со стола всякую посуду и уносить съ собой. Гетманскій дворецкій, также подвыпившій на обѣдѣ, видя такое безчинство, сталъ упрекать ихъ за то: «Вы рады были бы ограбить этотъ домъ: такой у васъ обычай — дѣлать подобное, куда вы только заберетесь». Такой упрекъ дошелъ до ушей кошевого и тотъ, вообразивъ, что онъ продиктованъ былъ дворецкому самимъ гетманомъ, отдалъ приказаніе своимъ козакамъ сѣдлать лошадей и уѣзжать вонъ, не простившись съ гетманомъ. Однако, Мазепа, узнавши о томъ во-время, извѣстилъ запорожцевъ, что онъ невиновенъ въ отвѣтѣ своего дворецкаго и въ доказательство того выдалъ имъ головою ихъ обидчика. Запорожцы долго истязали ни въ чемъ неповиннаго человѣка, перебрасывая его, какъ мячъ, отъ одного къ другому, и потомъ подъ конецъ прокололи его ножемъ.

---

[1]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, Спб., 1885. 512.

Изъ Диканьки кошевой Гордіенко вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой отправился въ Будища для представленія королю Карлу; за Гордіенкомъ шло 50 человѣкъ сичевиковъ, 115 человѣкъ захваченныхъ запорожцами русскихъ плѣнныхъ солдатъ и малорусскихъ козаковъ, которыхъ запорожцы «били и ругали и мучительски комарами и муравьями травили» [1]). По прибытіи въ Будища запорожцы и плѣнные были представлены королю: кошевой обратился съ рѣчью къ королю, въ которой благодарилъ его за высокое покровительство и желаніе избавить ихъ отъ страшнаго врага, русскаго царя; за короля отвѣчалъ государственный секретарь: онъ выразилъ благосклонность запорожцамъ и похвалу за ихъ первый подвигъ противъ русскихъ: на послѣднее кошевой отвѣчалъ: «Мы уже послали съ сотню москалей крымскому хану на показъ и надѣемся, что когда ихъ увидятъ татары, то станутъ съ нами заодно». Послѣ представленія королю, запорожцы, т. е. кошевой, старшины, участники царичанской схватки и даже старшины, находившіеся въ Сичи, получили денежные подарки отъ короля и гетмана [2]), нѣсколько дней угощались на счетъ короля и подъ конецъ заключили клятвенную присягу съ гетманомъ Мазепой и четыре договорныхъ пункта съ королемъ Карломъ. Для запорожцевъ пункты эти состояли, главнымъ образомъ, въ томъ, что они, послѣ войны съ русскимъ царемъ, будутъ навсегда изъяты отъ московскаго владычества и получатъ свои исконныя права и привиллегіи.

Покончивъ со всѣми условіями у короля и гетмана, запорожцы теперь жаждали одного—скорѣйшей битвы съ москалями; на такое желаніе король отвѣчалъ имъ, что нужно выждать время и приготовиться къ бою, но вообще похвалилъ ихъ военный пылъ, на что запорожцы подбрасывали вверхъ шапки, кричали и помахивали въ воздухѣ саблями. На прощанье нѣкоторые изъ запорожцевъ допущены были къ королевской рукѣ и приглашены къ королевскому обѣду [3]).

Изъ Будищъ запорожцы, сопровождаемые шведами, ушли по направленію къ Полтавѣ, въ которой сидѣли русскіе гарнизоны.

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 297.

[2]) Участники битвы получили отъ короля 1000 золотыхъ въ раздѣлъ остальные запорожцы получили отъ Мазепы 50.000, кромѣ сичевыхъ, награжденныхъ отъ гетмана «немалою суммою особо».

[3]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, Спб., 1885, 515.

Завидя идущихъ мимо Полтавы запорожскихъ козаковъ, русскіе вздумали по нимъ стрѣлять, но сотня козаковъ бросилась къ городу и положила нѣсколько человѣкъ изъ русскихъ на городскихъ стѣнахъ, причемъ одинъ запорожецъ мѣткимъ ударомъ убилъ русскаго офицера въ блестящемъ мундирѣ и подалъ поводъ Гордіенку сказать шведамъ, что такихъ прекрасныхъ стрѣльцовъ у него найдется до 600 человѣкъ; отъ Полтавы часть запорожцевъ взялась проводить гетманскаго посла съ письмами къ турецкому сераскиру, въ которыхъ гетманъ побуждалъ султана на скорѣйшее соединеніе его съ русскими, главная же масса двинулась по направленію къ Сичѣ. Но тутъ самъ Гордіенко впалъ въ раздумье по поводу затѣяннаго имъ дѣла и выразился такъ на счетъ шведовъ: «Разглядѣлъ я этихъ шведовъ; полно при нихъ служить! Мнѣ теперь кажется, что лучше намъ по прежнему служить царскому величеству». Но то было, видимо, минутное настроеніе, потому что ни самый характеръ кошевого, ни дальнѣйшія его дѣйствія не говорили въ пользу искренняго и рѣшительнаго раскаянія его.

Между тѣмъ въ Сичѣ, послѣ ухода большей части козаковъ, подъ начальствомъ Константина Гордіенка, оставалось около 1000 человѣкъ подъ начальствомъ Якова Симонченка. Здѣсь дѣйствовали посланные изъ Миргорода полковникомъ Даніиломъ Апостоломъ бывшіе запорожскіе старшины: они привезли въ Сичу письмо Апостола и всѣми мѣрами старались склонять сичевиковъ на сторону царя. По этому поводу собрана была войсковая рада; на радѣ опять обнаружились двѣ партіи—партія стариковъ за царя и партія молодыхъ противъ него. Послѣдняя взяла верхъ надъ первой, и тогда рѣшено было письмо Апостола отправить войсковымъ асауломъ къ кошевому Гордіенку, а посланцевъ Апостола задержать въ Сичи. Пока сичевые посланцы успѣли доскакать до кошеваго и повернуться обратно, все это время полковничьихъ пословъ держали прикованными къ пушкамъ за шеи и ежеминутно грозили имъ смертною казнью. Однако, апостольцы, пользуясь свободными руками, отбили одинъ другого отъ пушекъ и бѣжали изъ Сичи въ Миргородъ. Послѣ бѣгства «апостольцевъ» въ Сичи произошла вновь рада; на этотъ разъ партія стариковъ взяла верхъ, и рѣшено было стать за царя. Тогда къ кошевому Гордіенку отправлено было письмо, въ которомъ говорилось, что запорожцы сваливаютъ съ себя вину за всѣ его дѣйствія: «Какъ ты дѣлалъ, такъ и отвѣчай: ты безъ насъ вы-

мышлялъ, а мы, вѣрные слуги царскаго величества, выбрали себѣ вмѣсто тебя другого кошевого». Отъ словъ запорожцы перешли и къ дѣйствіямъ: они точно лишили Константина Гордіенки званія кошевого и на мѣсто его выбрали Петра Сорочинскаго. Царь, извѣщенный о такомъ выборѣ въ Сичи кошевого, порадовался этому, потому что зналъ лично Сорочинскаго и отозвался о немъ, какъ о «человѣкѣ добромъ» [1]). Петру еще болѣе приходилось радоваться, что новый кошевой немедленно по вступленіи въ свое званіе отправилъ приказъ козакамъ, находившимся вмѣстѣ съ Гордіенкомъ, оставить бывшаго кошевого и вернуться въ Сичь для новыхъ приказаній. Однако, такое настроеніе въ Сичи продолжалось недолго: собравшись на войсковую раду, запорожцы, вмѣстѣ съ кошевымъ Петромъ Сорочинскимъ, почему-то вновь объявили себя противъ русскаго царя и за шведскаго короля.

Тогда Петръ, узнавъ, что и Сорочинскій сталъ дышать тѣмъже духомъ противъ него, какъ и Гордіенко, отдалъ приказаніе Меньшикову послать изъ Кіева въ Сичу три полка русскихъ войскъ и велѣть имъ истребить все гнѣздо бунтовщиковъ до основанія. Меньшиковъ возложилъ исполненіе царскаго порученія на полковника Петра Яковлева и приказалъ ему, отъ имени царя, по прибытіи на мѣсто, прежде всего объявить запорожскимъ козакамъ, что если они принесутъ царю повинную, выберутъ новаго кошевого атамана и прочихъ старшинъ и пообѣщаются при крестномъ цѣлованіи вѣрно служить царю, то всѣ ихъ вины простятся и сами они будутъ при прежнихъ своихъ войсковыхъ правахъ и вольностяхъ [2]). Полковникъ Петръ Яковлевъ сѣлъ съ полками на суда въ Кіевѣ и пустился внизъ по Днѣпру: за нимъ по берегу Днѣпра должна была слѣдовать конница, чтобы не дать возможности запорожцамъ отрѣзать путь двигавшемуся по Днѣпру русскому войску.

Полковникъ Яковлевъ, идя внизъ по Днѣпру, прежде всего напалъ на мѣстечко, у лѣваго берега рѣки, Келеберду: самое мѣстечко сжегъ, жителей частью разогналъ, частью перебилъ; отъ Келеберды онъ спустился къ Переволочной; здѣсь въ то время было 1000 человѣкъ запорожцевъ да 2000 окрестныхъ жителей, которыми управлялъ запорожскій полковникъ Зинецъ; въ центрѣ

---

[1]) Голиковъ. Дополненіе къ дѣяніямъ Петра В., Спб., 1791, VIII, 235.
[2]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 299.

*

мѣстечка устроенъ былъ замокъ, а въ замкѣ засѣло 600 человѣкъ гарнизона. Подступивъ къ мѣстечку, Яковлевъ прежде всего потребовалъ отъ запорожцевъ добровольной сдачи; но ему отвѣтили выстрѣлами: тогда онъ открылъ жестокій огонь, направляя ядра и бомбы въ самый замокъ мѣстечка. Запорожцы, не имѣвшіе одинаковыхъ съ русскими боевыхъ снарядовъ, отбивались, однако, упорно, но все-же могли стоять только два часа: русскіе ворвались въ мѣстечко, тысячу человѣкъ избили на мѣстѣ, нѣсколько человѣкъ подожгли въ избахъ и сараяхъ, нѣсколько человѣкъ сами потонули при переправѣ черезъ Ворсклу и Днѣпръ: взято было въ плѣнъ лишь 12 человѣкъ. Остервенѣніе со стороны русскихъ было такъ велико, что они избили женщинъ, дѣтей, стариковъ, сожгли всѣ мельницы на рѣкахъ, всѣ строенія въ мѣстечкѣ и всѣ суда, стоявшія на Днѣпрѣ у переволочанской переправы. Послѣ такого разгрома Переволочны, полковникъ Яковлевъ двинулся ниже по Днѣпру и достигъ сперва Новаго, а потомъ Стараго-Кодака.

Въ обоихъ Кодакахъ полковникъ Яковлевъ не встрѣтилъ большого сопротивленія: главная масса жителей сдалась добровольно русскимъ и была отправлена въ крѣпость Богородицкую, незначительное число скрылось на острова и въ степь, но и изъ этого числа нѣкоторые были пойманы и истреблены на мѣстѣ; оба-же мѣстечка, Старый и Новый Кодаки, были выжжены до тла, чтобы не дать пристанища «ворамъ» и чтобы обезопасить тылъ русскихъ полковъ. У Стараго-Кодака Яковлевъ спустился черезъ первый въ Днѣпръ порогъ, Кодацкій, причемъ флотилія его, управляемая вмѣсто разбѣжавшихся лоцмановъ русскими стрѣльцами, потерпѣла нѣкоторый уронъ: было разбито два судна, но безъ несчастныхъ послѣдствій для людей. Здѣсь-же Яковлевъ долженъ былъ отдѣлить часть солдатъ отъ своихъ полковъ и послать ихъ въ степь по обѣ стороны Днѣпра, чтобы истреблять бѣжавшихъ изъ мѣстечка козаковъ. Но въ это-же время къ Яковлеву прибыли сухопутные отряды, слѣдовавшіе за нимъ по берегу Днѣпра, и онъ пустился далѣе внизъ.

Проплывъ остальные пороги, миновавъ островъ Хортицу, полковникъ Яковлевъ, наконецъ, 7 мая, прибылъ къ Каменному-Затону, стоявшему на лѣвомъ берегу Днѣпра, почти противъ Чортомлыцкой Сѣчи, находившейся на правомъ берегу Днѣпра, у устья Чортомлыка. Въ Сѣчи кошевого Петра Сорочинскаго не было:

онъ ушелъ, вмѣстѣ съ козакомъ Кирикомъ Менькомъ, въ Крымъ просить татаръ на помощь запорожцамъ противъ москалей; его замѣнялъ храбрый и расторопный, вообще «добрый» козакъ, Якимъ Богушъ. По случаю ходившей въ Каменномъ-Затонѣ какой-то заразительной болѣзни, Яковлевъ сталъ около городка и отсюда послалъ къ запорожцамъ козака Сметану съ увѣщательнымъ письмомъ отъ князя Меньшикова. Но запорожцы, по словамъ одного пойманнаго русскими козака, утопили того Сметану въ водѣ; тогда Яковлевъ послалъ къ нимъ другое письмо, лично отъ себя; на это письмо запорожцы отвѣчали, что они не считаютъ себя бунтовщиками, признаютъ надъ собой власть царскаго величества, но царскихъ посланцевъ къ себѣ не допускаютъ. Ожидая съ минуты на минуту своего кошевого Сорочинскаго съ татарами, запорожцы, желая выиграть время, показали даже видъ, будто они склоняются на сторону царя. Яковлевъ ждалъ положительнаго отвѣта три дня, но потомъ рѣшилъ взять Сичу приступомъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ осмотрѣть Сичь со всѣхъ сторонъ и выискать удобное мѣсто для приступа; для осмотра отправлены были переодѣтые въ запорожское платье русскіе офицеры; посланные извѣстили полковника, что подступить на лошадяхъ къ Сичѣ невозможно, потому что она со всѣхъ сторонъ была обнята водой. И точно: это было 10 мая, когда вода въ Днѣпрѣ и его вѣткахъ достигаетъ наибольшаго уровня высоты послѣ весенняго разлива: но въ то время полая вода на столько была высока, что Сича, обыкновенно залитая лишь съ трехъ сторонъ водами разныхъ рѣчекъ, на этотъ разъ залита была водой, на 35 саженъ разстоянія, и съ четвертой, степной, стороны, гдѣ обыкновенно въ лѣтнее время былъ сухой путь въ Сичу; можетъ быть, какъ гласитъ о томъ преданіе, это произошло еще и отъ того, что со стороны степи запорожцы, по внушенію Якима Богуша, откопали свою Сичу отъ материка рвомъ и пропустили въ тотъ ровъ воду [1]); во всякомъ случаѣ въ то лѣто воды здѣсь было такъ много, что она даже затопила часть куреней. Посланные лазутчики извѣстили полковника, что близь Сичи имѣется отъѣзжій запорожскій караулъ, который легко можетъ быть истребленъ; тогда Яковлевъ отправилъ противъ него нѣсколько человѣкъ солдатъ; солдаты напали на запорожцевъ, нѣсколько человѣкъ изъ нихъ перебили, нѣ-

---

1) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IX, 441.

сколько въ водѣ потопили, а одного привели къ полковнику живымъ; отъ этого послѣдняго Яковлевъ узналъ, что запорожцы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили дѣйствовать противъ русскихъ войскъ. «Замерзѣло воровство во всѣхъ», писалъ Яковлевъ въ своемъ письмѣ князю Меньшикову послѣ этого [1]). Тогда русскіе рѣшили сперва сдѣлать шанцы, на шанцы возвести пушки и изъ пушекъ открыть пальбу черезъ воду въ Сичу. Но сдѣланная попытка, однако, не привела къ желанному результату: оказалось, что за дальнимъ разстояніемъ выстрѣлы изъ пушекъ не достигали своей цѣли. Послѣ этого объявлено было сдѣлать приступъ къ Сичѣ на лодкахъ. Запорожцы подпустили русскихъ на близкое разстояніе, потомъ сразу ударили изъ пушекъ и ружей, нѣсколько человѣкъ офицеровъ ранили, 300 человѣкъ солдатъ, и въ томъ числѣ полковника Урна, убили, нѣсколько человѣкъ взяли въ плѣнъ и «срамно и тирански» умертвили ихъ въ Сичи. Тогда русскіе принуждены были отступить: положеніе полковника Яковлева сдѣлалось очень затруднительно. Но въ это время на помощь русскимъ явился отъ генералъ-маіора князя Григорія Волконскаго, съ компанейскимъ полкомъ и драгунами, полковникъ Игнатъ Галаганъ: это было 14-го мая.

Игнатъ Ивановъ Галаганъ былъ ренегатъ-запорожецъ. Сынъ украинскаго козака изъ селенія Омельника, полтавской губерніи, кременчугскаго уѣзда, Галаганъ долгое время былъ въ Сичи, сперва простымъ козакомъ, потомъ полковникомъ охочекомоннаго полка, затѣмъ даже кошевымъ атаманомъ козаковъ [2]); въ качествѣ полковника, онъ находился при гетманѣ Мазепѣ, когда тотъ перешелъ на сторону шведовъ и, какъ подручный человѣкъ Мазепы, самъ перешелъ въ станъ шведовъ; потомъ, видя ничтожность силъ Мазепы и нерасположеніе къ нему украинскаго народа, выпросился у гетмана съ полкомъ на разъѣздную, внѣ шведскаго лагеря, линію, внезапно захватилъ нѣсколько человѣкъ шведовъ-драбантовъ, ушелъ съ ними и со своимъ полкомъ въ русскій лагерь и тутъ повинился Петру, увѣривъ царя, что онъ перешелъ къ шведу противъ собственной воли, повинуясь желанію гетмана Мазепы. Царь взялъ съ него слово, что онъ не «сдѣлаетъ съ нимъ такой-же штуки, какую сдѣлалъ съ Карломъ», заставилъ

---

[1]) **Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, Спб., 1885, 530.**

[2]) Бантышъ-Каменскій. Матеріалы, Москва, 1859, II, 55; Лазаревскій, Очерки малороссійскихъ фамилій: Русскій Архивъ, 1875, I, 318—325.

его присягнуть на вѣрность русскому престолу и потомъ долгое время держалъ его въ разъѣздахъ для добыванія непріятельскаго «языка» [1]).

Этотъ-то самый Игнатъ Галаганъ неожиданно явился къ полковнику Яковлеву для осады Сичи. По сказанію неизвѣстнаго автора сочиненія о запорожскихъ козакахъ прошлаго столѣтія, Игнатъ Галаганъ присталъ къ Яковлеву на пути его въ Сичь и подъ присягой обѣщалъ тайными тропинками провести русскихъ къ Сичѣ [2]). Такъ или иначе, но на него возлагались въ этомъ отношеніи большія надежды, какъ на человѣка, знавшаго всѣ «войсковые секреты» и запорожскіе «звычаи». И точно, прибытіе Игната Галагана къ Сичѣ имѣло для запорожскихъ козаковъ рѣшающее значеніе.

Запорожцы, завидѣвъ издали несшееся къ Сичѣ войско, вообразили, что то спѣшилъ къ нимъ кошевой Петръ Сорочинскій съ татарами и сдѣлали противъ русскихъ вылазку. Русскіе воспользовались этимъ счастливымъ для нихъ моментомъ, ворвались внезапно въ Сичу и привели въ замѣшательство козаковъ; однако послѣдніе долго и счастливо отбивались отъ своихъ враговъ; но тутъ выскочилъ впередъ Игнатъ Галаганъ и закричалъ запорожцамъ: «Кладите оружіе! Сдавайтесь, бо всѣмъ будетъ помилованіе»! Запорожцы сперва не повѣрили тому и продолжали попрежнему отбиваться отъ русскихъ, но Галаганъ поклялся передъ ними въ вѣрности своихъ словъ, и тогда козаки бросили оружіе. Но то былъ подлый обманъ со стороны Галагана. Русскіе устремились на безоружныхъ запорожцевъ, 300 человѣкъ взяли въ плѣнъ, нѣсколько человѣкъ перебили, нѣсколько повѣшали на плотахъ и пустили внизъ по Днѣпру на страхъ другимъ, 100 пушекъ и всѣ клейноды—знамена, бунчуки, булавы, перначи, литавры—и всю аммуницію забрали и отправили въ московскій лагерь, а всѣ курени и всѣ строенія въ Сичи сожгли, многіе зимовники, бывшіе вокругъ Сичи, истребили. Полковники Яковлевъ и особенно Галаганъ дѣйствовали съ неслыханнымъ свирѣпствомъ: «Учинилось у насъ въ Сичи, писалъ очевидецъ козакъ Стефаненко, бывшій потомъ кошевымъ атаманомъ, то, что, по присягѣ Галагана и московскаго войска, товариству нашему головы обдирали, шеи на плахахъ рубили, вѣшали и иныя тиранскія смерти задавали, какихъ и въ поганствѣ за

---

[1]) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, Ш, 52.

[2]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 44.

древнихъ мучителей не водилось—мертвыхъ изъ гробовъ многихъ не только изъ товарства, но и изъ монаховъ откапывали, головы имъ отнимали, шкуры сдирали и вѣшали. Ненасытившимся таковаго душепагубного прибытку, а заостривши сердце свое жаломъ сатанинскимъ, Галаганъ чатами своихъ единомышленныхъ людей въ Тернувцѣ и по иныхъ годностяхъ и урочищахъ працею кровавою на добычахъ звѣриныхъ козаковъ невинныхъ въ московскіе тиранные безцѣнно запродалъ руки. И тотъ своего безчеловѣчія не престаючи, посылаетъ своихъ къ нимъ шпѣговъ и конѣ займати злодѣевъ и всякіе подступки чинити легкомысленныхъ людей, яко теды всякіе утиски, кривды и неволи людемъ украинскимъ за поводомъ и причиною его помянутого безбожника Кгалагана нанеслося» [1]).

Страшное разореніе Чортомлыцкоі Сичи уже въ то время воспѣто было козаками въ народной думѣ.

«Ой летыть крячо̀къ та по той бочо̀къ, де взявся шулика;
«А не бу̀де въ Сичи го̀рода отъ-ныни й до вику».
Ой, стоя̀ла Москва та у кинѐць моста̀,
Та дывылася въ во̀ду та на своѝ вро̀ду:
Сама̀ себѐ воювала, и кровъ своѝ пролыва̀ла,
На̀шимъ козачѐнькамъ, на̀шимъ молодѐнькимъ велы̀кій жаль завдава̀ла,
Наши козачѐньки, наши молодѐньки нидѐ въ страху̀ не бу̀вали —
Соро̀къ ты̀сячъ Москвы̀, выборно̀го віська у пень выбыва̀ли.
На̀ши козачѐньки, наши молодѐньки та не весѐли сталы̀,
Гей, оступыла вража другунія та всима̀ сторона̀мы,
Гей, закрасы̀ла го̀родъ, та сла̀вную Сичу, та скризь знамена̀ми.
Ой, каза̀въ есы̀, пане Галага̀не, що въ ихъ віська не ма̀е,
А якъ выйде на таракана, такъ якъ макъ процвита̀е.
Ой, казавъ есы̀, пане Галагане, що въ Сичѝ Москвы̀ не ма̀е,
Колы̀ глянешъ, помѝжъ куренями такъ якъ макъ процвитае.
Ой, якъ крѝкнувъ та панъ кошовы̀й у покровській цѐркви:
«Прыбырайтесь, сла̀вни запоро̀жцы, якъ бы къ своій смѐрти»!
Ой, якъ кры̀кнувъ та панъ кошовы̀й на покро̀вській дзвиньщи:
«Ой, кыда̀йте жъ вы, сла̀вни запоро̀жци, и писто̀ли й рушны̀ци».
Ой, пишлы̀-пишлы̀ сла̀вни запоро̀жци та непѝшкы, дуба̀ми,
А якъ оглянуться та до сла̀внои Сѝчи, та вмыва̀ются слёза̀ми».

О разореніи Чортомлыцкой Сичи Игнатомъ Галаганомъ и теперь вспоминаютъ «ветхіе днями» старики. «Эту Сичь разорилъ какой-то Галаганъ: онъ знался съ чертями, и какъ былъ еще далеко отъ Сичи, то какоі-то «хлопчикъ» (слуга) просилъ кошевого атамана, чтобъ онъ позволилъ ему застрѣлить Галагана въ лѣ-

[1]) Архивъ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, 1710 года, № 3.

вый глазъ,—иначе его убить нельзя было; а кошевой говоритъ: «не слѣдуетъ проливать крови христіанской». А какъ увидѣлъ, что Галаганъ уже близко, тогда и самъ сталъ просить хлопца, чтобъ тотъ убилъ Галагана. Но тогда уже поздно было. Галаганъ былъ великій чародѣй и сдѣлалъ съ собой такъ, будто у него не одна, а нѣсколько головъ. Тогда и хлопчикъ не могъ уже различить, гдѣ у него настоящая голова. «Теперь бей самъ, говоритъ хлопчикъ кошевому, а я не могу знать, куда стрѣлять, потому что у него вонъ сколько головъ». Такъ тотъ Галаганъ и разорилъ Сичу» [1]).

Послѣ взятія Чортомлыцкой Сичи князь Меньшиковъ доносилъ царю Петру, что «знатнѣйшихъ воровъ» онъ велѣлъ удержать, прочихъ казнить, самое-же «измѣнническое» гнѣздо разорить и искоренить. На то донесеніе Петръ отвѣчалъ Меньшикову. «Сегодня (23 мая) получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была, что мы, съ превеликою радостію услышавъ, Господу, отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было. Что же пишите о деташаментѣ полковника Яковлева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только подлежитъ изъ онаго оставить отъ 700 до 500 человѣкъ пѣхоты и отъ 500 до 600 конницы въ Каменномъ-Затонѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ-же не населилось, такожъ, которые въ степь ушли, паки не возвратились, или гдѣ индѣ не почали собираться; для чего ежели комендантъ въ Каменномъ-Затонѣ плохъ, то бъ изъ офицеровъ добраго тамъ на его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію» [2]). Подобное-же письмо писалъ Петръ и графу Апраксину въ Москву, поздравляя его «милость» съ истребленіемъ «послѣдняго корня Мазепина» [3]). Чтобы ослабить страшное впечатлѣніе, произведенное на украинскій народъ истребленіемъ сичевыхъ козаковъ, царь издалъ манифестъ, въ которомъ говорилъ, что причиною несчастья, происшедшаго въ Сичи, была измѣна самихъ-же запорожцевъ, потому что они, прикидываясь вѣрными людьми царю, въ дѣйствительности обманывали его и сносились съ врагами

[1]) Эварницкій. Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, II, 92.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1881, XV, 317, 318.

[3]) Костомаровъ. Мазепа и мазепинцы, Спб. 1885, 532.

Россіи, шведами; тутъ-же Петръ приказывалъ всѣхъ запорожцевъ, кромѣ повинившихся, бросившихъ оружіе и изъявившихъ желаніе жить, подобно простымъ крестьянамъ, на Украйнѣ, хватать, бросать въ тюрьму и казнить [1]); самыя-же земли ихъ, отъ рѣки Орели до рѣки Самары, приписать къ миргородскому полку, въ которомъ въ то время состоялъ полковникъ Даніилъ Апостолъ.

Въ настоящее время на мѣстѣ бывшей Чортомлыцкой Сичи стоитъ часть деревни Капуливки, какъ ее называютъ крестьяне, или Капыловки, какъ ее именуютъ оффиціально, екатеринославской губерніи и уѣзда. Она отстоитъ отъ мѣстчка Никополя, бывшей Микитинской Сичи, ровно на 20 верстъ и приписана къ селу Покровскому, мѣсту бывшей послѣдней Сичи. Изъ Никополя въ Капуливку ведетъ старый запорожскій шляхъ, начинающійся тотъ-же часъ за Никополемъ и оканчивающійся почти у самой деревни. Это превосходная, гладкая и совершенно открытая дорога, съ правой стороны окаймленная цѣпью, слѣдующихъ одинъ за другимъ, на разстояніи около четверти версты, высокихъ кургановъ, а съ лѣвой охваченная широкой рѣкой Днѣпромъ съ его вѣтками и заточинами, за которой, по топкимъ болотамъ, тянется густой и высокій лѣсъ, поросшій зеленой травой. Цѣпь кургановъ постепенно подаётся отправа клѣву, а вмѣстѣ съ курганами подаётся и широкій шляхъ, который подъ конецъ прямо приводитъ къ мѣсту бывшей Чортомлыцкой Сичи. Кромѣ кургановъ, указателями пути въ Чортомлыцкую Сичу служатъ еще такъ называемыя мили, т. е. четырехъ-гранные, вытесанные изъ цѣльнаго камня, столбы, кверху нѣсколько съуживающіеся, которые ставились здѣсь въ 1787 году, во время проѣзда по Новороссіи императрицы Екатерины II.

На полторы версты выше деревни Капуливки, среди открытой мѣстности, господствующей надъ огромнымъ пространствомъ степи, стоитъ длинное земляное укрѣпленіе, такъ называемый сомкнутый редутъ съ траверсами внутри. Южная линія этого редута имѣетъ 1.250 саженъ, сѣверная—780, восточная—380 и западная—700 саженъ. Время сооруженія этого редута правдоподобнѣе всего отнести къ первой половинѣ XVIII вѣка, къ эпохѣ русско-турецкихъ войнъ, согласно указанію князя Мышецкаго,

---

[1]) Чтенія московскаго общества истор. и древн., 1859, I, 221, 227.

утверждающаго, что на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, гдѣ была Старая Сѣча, русскими построенъ былъ въ 1738 году редутъ [1].

Ниже укрѣпленія, уже въ самой деревнѣ Капуливкѣ, въ огородѣ крестьянъ Семена Кваши и Ивана Коваля, уцѣлѣли два каменныхъ креста надъ могилами козаковъ Семена Тарана, умершаго въ 1742 году, и Ѳедора Товстонога, скончавшагося въ 1770 году, 4 ноября [2]; послѣдній былъ атаманомъ щербиновскаго куреня въ 1766 и 1767 годахъ, прославилъ себя на войнѣ 1769 и 1770 годовъ, вернулся съ похода тяжело раненый и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Кромѣ этихъ двухъ крестовъ сохранились еще кресты козаковъ Данила Борисенка, умершаго въ 1709 году, 4 марта, Семена Ко(=валя), умершаго въ 1728 году, и намогильный камень надъ могилою знаменитаго кошевого атамана, Ивана Дмитріевича Сирка, умершаго въ 1680 году; послѣдній находится въ огородѣ крестьянина Николая Алексѣевича Мазая и имѣетъ слѣдующую надпись: «Р. Б. 1680 мая 4 преставися рабь бо Иоань Сѣрько Дмитрови атамань кошовий воска запорожского за его ц. п. в. Феодора Алексѣвича: Память праведнаго со похвалами» [3]. Въ этой надписи странно лишь указаніе, будто Сирко умеръ 4 мая, между тѣмъ какъ изъ донесенія его преемника Ивана Стягайла и свидѣтельства лѣтописца Самоила Величка извѣстно, что онъ скончался 1 августа [4]). Отсюда нужно думать, что плита, уцѣлѣвшая до нашего времени надъ могилою знаменитаго кошевого, вовсе не та, которую козаки первоначально поставили надъ его прахомъ: вѣроятно, первая плита была разбита освирѣпѣвшимъ русскимъ войскомъ въ 1709 году и на мѣсто ея впослѣдствіи поставлена была другая, оттого указаніе мѣсяца и дня смерти Сирка сдѣлано было ошибочно. Ниже деревни Капуливки, на старомъ или запорожскомъ кладбищѣ, уцѣлѣли еще четыре намогильныхъ креста, подъ коими покоится прахъ козаковъ Ефрема Носѣвскаго и Данила Конеловскаго, умершихъ въ 1728 году, Лукьяна Медвѣдовскаго и Евстафія Шкуры, умершихъ въ 1729 году.

Спрашивается: какимъ образомъ всѣ эти намогильные кресты

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852, 69.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II, 67, 68.

[3]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II, 68.

[4]) Величко. Лѣтопись, II, 497; Архивъ иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ, 1680 годъ, авг. 9, № 20, связка 55.

попали въ Чортомлыцкую Сичу, когда съ 1709 года ея здѣсь вовсе не было? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ мѣстные старожилы-потомки запорожцевъ: они говорятъ, что когда козаки были подъ властью «туръ-царя», то, умирая, просили своихъ сотоварищей хоронить ихъ на старой Сичѣ, и тѣ перевозили тѣла ихъ къ Чортомлыку на чайкахъ.

Со стараго запорожскаго кладбища при деревнѣ Капуливкѣ открывается великолѣпнѣйшая перспектива на мѣсто бывшей Чортомлыцкой Сичи. Мѣсто это представляетъ изъ себя небольшой островокъ, утопающій среди роскошной зелени деревьевъ и точно плавающій среди восьми рѣчекъ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ. Но чтобы хорошо разсмотрѣть мѣсто бывшей Чортомлыцкой Сичи, нужно отъ кладбища спуститься внизъ, пройти небольшое разстояніе по прямой улицѣ, потомъ подъ прямымъ угломъ заворотить направо въ переулокъ и переулкомъ добраться до берега рѣчки Подпильной. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза довольно возвышенный, но вмѣстѣ съ тѣмъ отлогій, песчаный спускъ къ рѣкѣ, усѣянный множествомъ мелкихъ рѣчныхъ ракушекъ и мѣстами покрытый громадными осокорями и вѣковѣчными вербами. Затѣмъ, ниже спуска, черезъ рѣку, открываются необозримыя сплошныя плавни, мѣстами затопленныя водой, мѣстами покрытыя травой, но въ томъ и въ другомъ случаѣ поросшія густымъ, преимущественно мягкой породы, лѣсомъ, т. е. осокоремъ вербой, шелковицей, ивой и шелюгомъ. Съ востока и запада этотъ лѣсъ тянется необозримо длинной полосой, съ сѣвера на югъ онъ простирается на протяженіи 15 верстъ, отъ лѣваго берега Подпильной до праваго берега Днѣпра. Здѣсь-то, въ виду вѣковѣчнаго лѣса, при сліяніи восьми рѣчекъ, стоитъ небольшой, но возвышенный и живописный островокъ, кругомъ окаймленный молодыми деревьями и сверху покрытый высокимъ и непролазнымъ бурьяномъ. На этомъ островкѣ была знаменитая Чортомлыцкая Сича. Мѣстоположеніе острова, при всей его живописности, кажется, однакожъ, какимъ-то пустыннымъ, наводящимъ уныніе и тяжелую тоску на душу человѣка: отъ него вѣетъ чѣмъ-то далекимъ-далекимъ, чѣмъ-то давно и безвозвратно давно минувшимъ. Островъ стоитъ пустыремъ: на немъ нѣтъ и признаковъ жилья, — одинъ вѣтеръ низовой свободно гуляетъ да шевелитъ верхушками высокой травы, а кругомъ тишина, точно на днѣ глубокой могилы... Глядя на этотъ унылый островъ, невольно вспоминаешь то

время, когда здѣсь кипѣла жизнь, и какая жизнь? Жизнь во всемъ разгулѣ, во всемъ широкомъ просторѣ: тутъ и бандуры звенѣли, и пѣсни звонко разливались, тутъ-же и лихіе танцоры кружились такимъ вихремъ, отъ котораго пыль поднималась столбомъ, земля звенѣла звономъ... А теперь что? Теперь гробовое безмолвіе, мертвая тишина,—такая тишина, точно въ сказочномъ царствѣ, заколдованномъ темною, страшною и неодолимою силою. Теперь лишь одни жалкіе намеки на то, что когда-то жило здѣсь полною, открытою, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемою жизнью...

На островѣ повсюду, но въ особенности близь рѣчки Чортомлыки, видны остатки пережитой жизни: черепки посуды, рвы, канавы, могилы, отдѣльныя кости, полные скелеты людей. По правому берегу Чортомлыка нѣкогда было обширное кладбище, частію скрывшееся теперь подъ деревнею, частію обрушенное весеннимъ теченіемъ рѣчки: Чортомлыкъ, разливая свои воды, ежегодно подмываетъ свой правый берегъ и выноситъ изъ него иногда гробы съ козацкими костьми, иногда цѣлые человѣческіе остовы, чаще же всего съ длинными чубами или безъ чубовъ козацкіе черепа, разное платье, всякаго рода оружіе, оловянныя пули, цѣлые куски свинцу, большіе круги дроту и т. п. Все это валится или на дно рѣки, или остается на берегу ея и тутъ, грустно сказать, попирается ногами проходящихъ людей и животныхъ и нерѣдко смѣшивается съ костьми и мясомъ дохлыхъ лошадей, коровъ, собакъ и кошекъ. И мѣстнымъ жителямъ нѣтъ никакого дѣла до того, что здѣсь нѣкогда жили великіе защитники Христовой вѣры и русской народности, кровью своею поливавшіе землю, костьми своими засѣвавшіе нивы; нѣтъ между ними такого человѣка, который, собравъ черепа и кости доблестныхъ воиновъ, схоронилъ бы ихъ въ землѣ, какъ святыню... Напротивъ того, есть такіе, которые и днями и ночами разрываютъ запорожское кладбище, ища въ нихъ какихъ-то баснословныхъ кладовъ, будто-бы сокрытыхъ запорожцами въ глубокихъ могилахъ. Тамъ стихія, а тутъ человѣческая жадность къ золоту и мертвымъ не даютъ покоя!..

Самое мѣсто, на которомъ была нѣкогда славная и грозная Чортомлыцкая Сича, представляется въ настоящее время въ такомъ видѣ. Чортомлыцкій-Рогъ, отдѣленный въ 1709 году отъ материка, превратился теперь въ небольшой островъ, принадлежащій къ имѣнію великаго князя Михаила Николаевича и стоящій

противъ деревни Капуливки, въ двадцати верстахъ отъ Никополя. Весь этотъ островокъ, кромѣ нѣсколькихъ камней у восточнаго берега, состоитъ изъ песку и раздѣленъ на двѣ неравныя половины: возвышенную на сѣверѣ и низменную на югѣ. Первая заключаетъ въ себѣ 1.050 квадратныхъ саженъ, вторая—двѣ десятины и 1.200 квадратныхъ саженъ. Но собственно только сѣверную половину и можно назвать островомъ, такъ какъ она никогда не затопляется водой; этотъ островъ по своимъ окраинамъ имѣетъ неодинаковую высоту: на сѣверѣ онъ возвышенъ, до четырехъ саженъ высоты, на югѣ низокъ, не выше трехъ-четырехъ футовъ отъ уровня воды; сѣверная половина острова крута и окаймлена высокими рѣчными деревьями, южная половина отлога и покрыта болотистой и луговой травой. На возвышенной половинѣ острова отъ времени запорожскихъ козаковъ сохранились въ настоящее время два рва съ валами и пять ямъ, изъ коихъ три ямы находятся въ сѣверовосточномъ углу, передъ рвами, а двѣ на западной сторонѣ, за рвами. Рвы расположены одинъ возлѣ другого, на разстояніи около сажени, и идутъ сперва съ сѣверовостока на югозападъ, на протяженіи 14 саженъ; потомъ, подъ прямымъ угломъ, поворачиваютъ на юговостокъ и идутъ на протяженіи 15 саженъ, имѣя высоты до четырехъ, глубины до трехъ саженъ. Что касается низменной половины острова, то это есть собственно такъ-называемая плавня: возвышаясь надъ уровнемъ рѣчной воды едва двумя или тремя футами, она въ самый незначительный подъемъ рѣкъ покрывается водой; на ней ростутъ прекрасныя высокія и вѣтвистыя деревья, а между деревьевъ разбросаны громадныя каменныя глыбы. Вокругъ всего острова, и возвышенной и низменной его половинъ, сходятся вмѣстѣ семь вѣтокъ и одна рѣчка: съ сѣвера Подпильная, съ востока Гнилая, въ старыхъ картахъ называемая Прогноемъ, и Скарбная; съ юга Павлюкъ и прорѣзъ Бейкусъ, выходящій изъ Скарбной и впадающій въ Павлюкъ; съ запада тотъ-же Павлюкъ и та-же Подпильная; кромѣ того Скарбная принимаетъ въ себя вѣтки Лапинку и Скаженую, идущія къ ней по направленію отъ сѣверовостока къ югозападу, а вѣтка Подпильная—рѣчку Чортомлыкъ, бѣгущую къ ней прямо съ сѣвера и дающую названіе самой Сичѣ.

Тщательный осмотръ теперешняго Чортомлыцкаго острова приводитъ къ заключенію, что на немъ помѣщались только главныя

постройки Сичи: церковь, войсковая и куренныя скарбницы, здание для духовенства и самые курени: но послѣдніе приходились въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь рѣчка Чортомлыкъ касается своимъ устьемъ начала вѣтки Подпильной. Раскопки острова даютъ богатый матеріалъ для бытовой исторіи запорожскихъ козаковъ: здѣсь находятся—глинянная посуда превосходной работы, черепковыя трубки разныхъ цвѣтовъ и украшеній, подковы, шкворни, пряжки, поддоски, подпруги сѣдельныя, пистолеты, сабли, пули, машинки для литья пуль, копья, грузила для рыбныхъ снастей, пороховницы, чернильницы, бруски, котлы и т. п. При раскопкѣ-же вала на островѣ найдены остатки толстыхъ, заостренныхъ и обугленныхъ паль, разставленныхъ вдоль западнаго берега острова и служащихъ указателемъ того, какъ нѣкогда укрѣплена была Сича: окопанная высокимъ валомъ, она сверхъ того осторчена была кругомъ *высѣченными* въ лѣсу дубовыми бревнами и представляла изъ себя въ истинномъ смыслѣ слова Сичу. Къ этому нужно прибавить естественныя укрѣпленія: съ крымской стороны—непроходимыя плавни со множествомъ озеръ и вѣтокъ; съ польской стороны—глубокая и болотистая рѣчка Чортомлыкъ и ниже Чортомлыка, на 18 верстъ къ западу, вѣтвистая и длинная рѣка Базавлукъ

За Чортомлыцкою Сичею слѣдовала *Каменская Сича*, находившаяся при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ, выше города Кизыкерменя, и отъ этой рѣчки получившая свое названіе. Существованіе Каменской Сичи подтверждается какъ свидѣтельствомъ спеціальнаго историка запорожскихъ козаковъ XVIII вѣка, князя Семена Мышецкаго, такъ и указаніями документальныхъ данныхъ, частью сичеваго архива, частью архива малороссійской коллегіи: «На оной рѣкѣ Каменкѣ, пишетъ Мышецкій, имѣлась запорожская Сѣча, выше Кизыкерменя въ 30 верстахъ, на правой сторонѣ Днѣпра» [1]). «А карауламъ быть, пишется въ актахъ 1754 года, по самой границѣ, зачавъ по той сторонѣ рѣки Днѣпра, гдѣ нынѣ войсковой перевозъ, да на Усть-Каменкѣ, гдѣ прежде Сѣчь была» [2]). Каменская Сича существовала за время пребыванія запорожскихъ козаковъ подъ протекціей Крыма и Турціи, «на поляхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ», когда они жили «по туркамъ та по

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, 71.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 93.

кавулкамъ», т. е. съ 1710 по 1734 годъ, послѣ разгрома Чортомлыцкой Сичи полковниками Яковлевымъ и Галаганомъ.

Какъ тщательно ни оберегали русскіе солдаты выходы запорожцамъ изъ Чортомлыцкой Сичи, но все-же часть сичевыхъ козаковъ, подъ руководствомъ кошевого атамана Якима Богуша, успѣла спастись отъ гибели: она поспѣшно сложила свое добро и уцѣлѣвшее оружіе на дубы и скрытыми ериками, заточинами, рѣчками и вѣтками ушла внизъ по Днѣпру въ турецкія земли, въ то время находившіяся въ весьма недальнемъ разстояніи отъ Сичи. Преданіе говоритъ, что запорожцы, бѣжавшіе отъ москалей, ни о чемъ больше не жалѣли, какъ о покинутой ими церкви въ Старой Сичи: «Все мы хорошо, панове, сдѣлали, все недурно устроили, но одно нехорошо учинили, что церковь свою покинули. Но что-же теперь дѣлать-то? Пусть ее хранитъ божья мать! И божья матерь сохранила ее: москали къ ней, а она отъ нихъ, они къ ней, а она отъ нихъ... Да такъ ходила-ходила, а потомъ передъ самыми ихъ глазами и пошла въ землю: вся, какъ есть, съ колокольней, крестомъ, такъ и «пирну́ла»,—одна яма отъ нея лишь осталась» [1]).

Якъ покида̀лы запоро̀жцы
Велыкый-Лугъ и ма̀тиръ Сичъ,
Взялы̀ зъ собою матиръ бо̀жу,
А бильшъ ничо̀го не взялы̀,
И въ Крымъ до хана понеслы̀
На но̀ве горе-Запоро̀жже» [2]).

Напуганные страшною расправою русскихъ съ козаками, запорожцы сперва очень далеко ушли отъ мѣста бывшей Чортомлыцкой Сичи: но потомъ, оправившись отъ испуга, поднялись вверхъ по Днѣпру и заложили на устьѣ рѣчки Каменки, противъ большого острова Коженина, свою Сичу Каменскую, какъ разъ на границѣ русско-турецкихъ владѣній. Въ то время русскій царь, имѣя въ виду войну съ турками, вновь сталъ зазывать запорожцевъ въ Россію, обѣщаясь забыть ихъ прошлое и возвратить имъ ихъ прежнія владѣнія, если «они, возчувствовавъ свою вину», выберутъ вмѣсто Константина Гордіенка новаго кошеваго атамана [3]). Но каменскіе запорожцы, боясь, по словамъ народной пѣсни, чтобы

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888. II, 91.
[2]) Тарасъ Гр. Шевченко. Кобзарь, С.-Петербургъ. 1883. 261.
[3]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва. 1842, III, 124.

«москальне стал имъ лобы брить», вмѣсто того, чтобы воспользоваться предложеніемъ русскаго царя, обратились съ посланіемъ къ шведскому королю, спрашивая его какъ «о его здоровьи, такъ и о намѣреніи зачатой войны съ москалями». На то посланіе Карлъ отъ 10 мая 1710 года отвѣтилъ: «Сіе то намъ особливо понравилось, что не только о персонѣ нашей королевской сердечно оскорблены, но также и до скорѣйшей надъ нашимъ и вашимъ непріятелемъ, москалемъ, слѣдующему отмщенію охочими обзываетесь» [1]). Должно быть одновременно съ этими сношеніями каменскихъ запорожцевъ шли ихъ сношенія и съ запорожцами, бывшими съ королемъ: по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ означеннаго письма и, очевидно, съ вѣдома короля часть запорожцевъ оставила лагерь при Бендерахъ и удалилась въ Каменскую Сичь: можетъ быть, въ этомъ крылся какой-либо новый планъ военныхъ комбинацій шведскаго короля. По словамъ очевидца, это произошло такъ.

Во время происшедшей между русскими и шведами полтавской битвы часть запорожскихъ козаковъ была убита, большая-же часть осталась въ живыхъ, потомъ вмѣстѣ съ Карломъ и Мазепой бѣжала къ Днѣпру, тутъ вновь потерпѣла нѣкоторый уронъ при переправѣ черезъ рѣку у Мишурина-Рога [2]), потомъ достигла турецкаго города Бендеръ и нѣкоторое время оставалась на берегу рѣки Днѣстра. Здѣсь между запорожскими козаками и турецкимъ султаномъ Ахметомъ III состоялись pacta conventa, на основаніи которыхъ козаки поступили подъ власть Турціи. Съ этою цѣлью въ Бендерахъ открыта была большая рада, на которую собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ украинскихъ и запорожскихъ козаковъ: на радѣ украинскіе козаки размѣстились сотнями, запорожскіе козаки куренями: надъ первыми развѣвался стягъ съ орломъ, надъ вторыми стягъ съ архангеломъ: тѣ и другіе стояли «стройно и збройно, потужно и оружно»: отъ козацкой старшины присутствовали: гетманъ Иванъ Мазепа, кошевой Константинъ Гордіенко, писарь Филиппъ Орликъ, полковникъ прилуцкій Горленко, асаулъ гетманскій Войнаровскій, атаманъ платнѣровскаго куреня Чайка, писарь запорожскій Безрукавый и асаулъ кошевской Демьянъ

[1]) Бантышъ-Каменскій. Источники: въ Чтеніяхъ московскаго общ. ист. и древн., 1859, I; Маркевичъ. Исторія Малороссіи. Москва, 1842, IV, 314.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1855, III, 273.

Щербина; со стороны татаръ были: крымскій ханъ Девлетъ-Гераій, янычарскіе старшины, кулуглы, спаги, топчаи, мурзы; кромѣ того тутъ-же присутствовали польскіе паны, волошскіе и молдавскіе послы, которымъ позволено было стоять между запорожскими почетами и панами; не былъ только шведскій король, потому что не годилось коронованному лицу занимать второе мѣсто послѣ представителя отъ султана. Этимъ представителемъ былъ бендеро-буджацкій сераскеръ, Измаилъ-паша. На собравшейся радѣ Измаилъ-паша торжественно и важно, какъ требовалъ санъ «великаго и непобѣдимаго» султана, прочиталъ хатти-шерифъ Ахмета III; по этому хатти-шерифу козаки принимались до турецкаго «рыцарства» на правахъ малыхъ «спагъ», до крымскаго панства на правахъ «братства, коллегаціи и вѣчной пріязни»; имъ жаловались земли отъ Каменки, Алешекъ, Переволочны и Очакова по-надъ Днѣпромъ и по-надъ Чернымъ моремъ до Буджака, давалось право взимать плату за перевозы на рѣкахъ Днѣпрѣ и Бугѣ у Мишурина-Рога, Кодака, Каменки, Кизыкерменя, Мертвовода, давались лиманы для рыбныхъ ловель и таймы [1]) на всѣхъ козаковъ, по куренямъ, опредѣлялось выдавать оружіе, аммуницію и одежду на всякую войну, а яйликъ и бакшиши [2]), подъ часъ самой войны». Гетманъ получалъ гоноръ и власть двухъ-бунчужнаго паши; ему дана была двухъ-цвѣтная хоругвь: на красномъ едамашкѣ серебряное новолуніе съ зарей, а на бѣломъ золотой крестъ, въ знакъ рыцарскаго побратимства христіанъ съ мусульманами; ту хоругвь освятилъ цареградскій патріархъ; кромѣ того гетманъ получилъ въ подарокъ красную шубу съ сибирскими соболями. Такого-же цвѣта, но только на черныхъ медвѣдяхъ, получилъ шубу кошевой атаманъ; козацкая старшина получила шапки, джаметы, т. е. походныхъ коней, дамасскія и хоросанскія сабли, а простые козаки каждый по новой шубѣ да по кисѣ асровъ или турецкихъ паръ, чтобы погуляли за здоровье султана. И козаки, наваривъ себѣ горилки и получивъ много привознаго отъ молдаванъ вина, гуляли «гучно», а чтобы имѣть все подъ рукой и завести настоящій порядокъ, они вездѣ понасажали въ шинкахъ жидовъ и «споживали и спивали дары султанскіе». За всѣ пожалованія и подарки козаки обязаны были служить султану только на случай войны; внѣ-же войны могли заниматься обыч-

---

[1]) То-есть раціоны харчей на каждаго человѣка и коня.

[2]) То-есть, подарки войску и гостинцы джурамъ или челяди.

ными занятіями—рыболовствомъ, звѣроловствомъ и торговлею «во всѣхъ городахъ и земляхъ султанскихъ». Погулявъ 10 дней въ Бендерахъ, козаки раздѣлились на четыре партіи: одна, подъ начальствомъ Филиппа Орлика, осталась въ Бендерахъ при сераскерѣ; другая, съ Константиномъ Гордіенкомъ во главѣ, ушла на Буджацкіе лиманы, основала одинъ Кошъ надъ озеромъ Ялпухомъ, а курени разбросала до Чернаго моря; третья, реестровые козаки, съ полковникомъ Горленкомъ во главѣ, расположилась у Буджака же; а четвертая ушла къ рѣчкѣ Каменкѣ, чтобы «устроить тамъ Сичь, окопать коши и курени». Послѣдняя партія козаковъ скоро достигла до мѣста, устроила Сичу, завела у себя чайки и привлекла къ себѣ столько народа, что тутъ немного меньше было куреней, какъ и въ старой Чортомлыцкой Сичѣ «И такъ вкушали мы новую жизнь, новую волю, благодаря великому султану, ожидая, пока насъ не попросятъ въ новый танецъ» [1]).

Такимъ-то образомъ основана была Каменская Сича. Но на первый разъ эта Сичь существовала всего лишь до 1711 года; когда о поселеніи запорожскихъ козаковъ у рѣчки Каменки извѣстно стало русскому царю Петру, то онъ послалъ противъ нихъ малороссійскаго гетмана Ивана Скоропадскаго вмѣстѣ съ генераломъ Бутурлинымъ и осьмью русскими полками, стоявшими тогда у Каменнаго-Затона и охранявшими русскія границы отъ нападенія со стороны мусульманъ. Скоропадскій и Бутурлинъ напали на запорожцевъ, разорили ихъ Сичу у Каменки и такимъ образомъ принудили ихъ искать новаго мѣста для своей столицы, подальше отъ русской границы; тогда они поселились на лѣвомъ берегу Днѣпра, при урочищѣ Алешкахъ, и устроили здѣсь Алешковскую Сичу [2]).

Алешковская Сича основана была въ урочищѣ Алешкахъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ теперешней таврической губерніи, днѣпровскаго уѣзда, почти противъ губернскаго города Херсона, стоящаго на правомъ берегу. Алешки—очень древній городъ: онъ извѣстенъ былъ еще нумидійскому географу Эдриси, жившему въ XII вѣкѣ, подъ именемъ Алеска и итальянскимъ поселенцамъ по берегамъ Чернаго

---

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 44; № 8, 21; Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 18, 19; Реляція Демьяна Щербины: Черниговскій листокъ, 1862, № 19, 148. Бантышъ-Каменскій. Источники, II, 242—256.

[2]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, III, 126.

*

моря и Днѣпра XIII—XIV вѣка, подъ именемъ Эрексе. Профессоръ Брунъ, не безъ основанія, доказываетъ, что мѣстоположеніе теперешняго города Алешекъ соотвѣтствуетъ древней Гилеѣ, о которой говоритъ отецъ исторіи, Геродотъ [1]), а историкъ Забѣлинъ возводитъ корень слова Алешекъ или, по лѣтописному, Олешекъ къ слову «ольха», или «елоха», означавшему въ старинномъ топографическомъ языкѣ болото, водяное, поёмное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣсьемъ [2]). Возникши на мѣстѣ или близь греческой колоніи Александры, Алешки становятся извѣстными уже со второй половины XI столѣтія, подъ именемъ Олешья, и служатъ промежуточнымъ пунктомъ для торговли между Кіевомъ и Царьградомъ: «Въ се же лѣто, 1084, Давидъ захватилъ грековъ въ Олешьѣ... Во время наставшаго голода, пошли возы къ сплаву, божіею же милостію люди пришли изъ Олешья, пріѣхали на Днѣпръ и набрали рыбы и вина» [3]). Но затѣмъ съ XIII вѣка, со времени нашествія татаръ на Россію и поселенія ихъ на югѣ, Олешье какъ бы совсѣмъ исчезаетъ и является уже въ началѣ XVIII вѣка подъ именемъ Алешекъ. Въ то время Алешки принадлежали крымскому хану, а вслѣдствіе его вассальной зависимости отъ Турціи, и турецкому султану. Сюда-то и ушли запорожскіе козаки послѣ разоренія русскими войсками ихъ Сичи на Каменкѣ въ 1711 году.

Пребываніе запорожскихъ козаковъ Сичею въ Алешкахъ засвидѣтельствовано историкомъ XVIII вѣка, княземъ Семеномъ Мышецкимъ, и описаніемъ земель 1774 года, послѣ кучукъ-кайнарджийскаго мира Россіи съ Турціей при императрицѣ Екатеринѣ II: «Будучи за крымцами запорожскіе козаки имѣли главныя жилища свои въ двухъ Сѣчахъ, а именно въ Каменкѣ и въ Олешкахъ» [4]). «Алешки, мѣсто прежде бывшей запорожской Сѣчи когда за татарами запорожцы жили, лежитъ по берегу рѣчки Конской; тутъ въ нынѣшнюю войну (русско-турецкую) содержанъ былъ обнесенный ретраншементомъ магазинъ, да и для зимняго пребыванія войскъ въ 1773 году довольное число околоево зем-

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IV, 236—239.
[2]) Забѣлинъ. Исторія русской жизни, Москва, 1876, I, 16.
[3]) Лѣтопись ипатскаго списка, Спб., 1871, 144, 491, 320, 346, 357.
[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 22.

лянокъ выстроено, гдѣ два полка безъ нужды помѣщены были, и ими Кинбурнъ въ блокадѣ одержанъ былъ» [1]).

Осѣвшись въ Алешковской Сичѣ, запорожскіе козаки должны были на время совсѣмъ прекратить свои сношенія съ главной своей метрополіей, козацкою Украйной. Еще въ 1709 году, 17 іюля гетманъ Иванъ Скоропадскій, предлагая Петру разные «просительные пункты», касательно сичевыхъ козаковъ писалъ царю слѣдующее: «Любо то запорожцы проклятые, черезъ явную свою измѣну и противность утратили Сѣчь, однакъ понеже весь малороссійскій народъ оттоль рыбами и солью питался и на всякомъ звѣру имѣлъ добычь, абы и теперь, по ускромленію помененыхъ проклятыхъ запорожцовъ, милостивымъ вашего царскаго величества указомъ вольный туда съ Украйны былъ путь для помянутой добычи и яко отъ господина воеводы Каменнозатонскаго, такъ и отъ людей, въ кгварнѣзонѣ томъ будучимъ, таковымъ промышленникамъ жадная не чинилася обида и препятствіе». Но Петръ, желая воспретить всякія сношенія украинцевъ съ запорожцами, на эту просьбу гетмана отвѣчалъ слѣдующее: «Сіе позволеніе малороссійскому народу, по милости царскаго величества, даётся и о томъ совершенное опредѣленіе, какъ тому порядочнымъ образомъ чинится, учинено будетъ вскорѣ, а пока то состоится, нынѣ того позволить невозможно, ибо опасно, чтобы подъ такимъ предлогомъ бунтовщики запорожцы въ тѣхъ мѣстахъ паки не возгнѣздились и собиранія бунтовскія не учинили» [2]). Въ 1702 году, уже послѣ того, какъ Петръ, въ виду войны съ турками, вновь старался привлечь на свою сторону запорожцевъ и послѣ того, какъ онъ получилъ отъ нихъ отказъ, вслѣдъ за неудачнымъ длъ него прутскимъ походомъ, издалъ еще болѣе строгое постановленіе касательно недопущенія запорожскихъ козаковъ на Украйну. Въ это время онъ сдѣлалъ предписаніе полтавскому и переволочанскому коменданту, Скорнякову-Писареву, смотрѣть, «чтобы малороссіяне на Запорожье съ товарами и ни съ чѣмъ не ѣздили, а крымцы запорожцевъ съ собой не возили; запорожцевъ ни для чего не пропускать, кромѣ тѣхъ, которые будутъ приходить съ повинною къ царю» [3]). Та-же политика въ

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, стр 179, пр. 53.

[2]) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 90, 94.

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи съ древн. временъ, Москва, 1882, XVI, 340.

отношеніи запорожцевъ унаслѣдована была отъ Петра и его преемниками. Въ 1725 году, февраля 22-го дня, инструкціей азовскому губернатору приказывалось: «Объявлять тѣмъ, которые будутъ ѣздить въ Крымъ, чтобы къ запорожцамъ отнюдь не заѣзжали, и о томъ учинить заказъ крѣпкій подъ жестокимъ наказаніемъ и отнятіемъ всего того, съ чѣмъ кто туда дерзнетъ поѣхать; а изъ крымцевъ, которые въ губернію его пріѣзжать будутъ, дать знать, чтобы они при себѣ измѣнниковъ запорожцевъ и козаковъ не имѣли. Козаковъ измѣнниковъ, запорожцевъ, и прочихъ ни съ товары, ни для какихъ дѣлъ въ губернію воронежскую и никуда въ великороссійскіе города, такожъ и изъ той губерніи, ни откуда чрезъ ту губернію туда на Запорожье съ товары, ни за добычею и ни съ чѣмъ отнюдь не пропускать, чего на заставахъ приставленнымъ приказать смотрѣть накрѣпко подъ опасеніемъ жестокаго штрафа; а которые запорожцы будутъ приходить съ повинною или съ другими какими письмами или словесными приказы: и такихъ задерживать, а о томъ писать къ генералу князю Голицыну, такожъ рапортовать и подлинныя письма присылать въ сенатъ, оставливая съ оныхъ у себя списки, а не описався въ сенатъ, съ ними, запорожцы (ами), яко съ измѣнниками, никакой письменной пересылки отнюдь не имѣть и на ихъ письма не отвѣтствовать, также и той губерніи за обывательми смотрѣть, чтобъ у нихъ какъ съ ними, такъ и съ прочими пограничными подозрительныхъ корреспонденціи не было; а ежели будутъ происходить отъ турокъ и татаръ и измѣнниковъ запорожцевъ тамошнимъ обывателямъ какія обиды, а пойманы не будутъ, генералу-маіору и губернатору о всякихъ случившихся дѣлахъ въ турецкую область къ порубежнымъ пашамъ и къ крымскому хану писать; а ежели изъ нихъ измѣнниковъ запорожцевъ въ земляхъ императорскаго величества кто пойманы будутъ, и тѣми разыскивать, и что по розыску явится, о томъ писать въ сенатъ, а о прочей корреспонденціи съ пограничными поступать по указамъ изъ иностранной коллегіи» [1]). Сама коллегія иностранныхъ дѣлъ всѣмъ пограничнымъ русскимъ и украинскимъ начальникамъ на этотъ счетъ писала, чтобы они ни подъ какимъ видомъ не принимали тѣхъ запорожцевъ, которые, въ большомъ числѣ и съ оружіемъ, придутъ подъ протекцію Е. И. В. «Защищенія нигдѣ имъ не да-

[1]) Сводъ законовъ, томъ VI, № 4700, 1725 года, апрѣля 22 дня.

вать и отъ границъ оружіемъ ихъ отбивать; а подъ рукою словесно къ нимъ приказомъ отзываться и обнадеживать ихъ секретно, что при способномъ времени приняты они, запорожцы, будутъ» [1]).

Съ 1711 года, 12 іюля, послѣ прутскаго мира, а потомъ съ 1712 года, 3 апрѣля, послѣ константинопольскаго трактата, Россія отказалась формально отъ Запорожья и признала его улусомъ турокъ, а запорожцевъ—райями Порты, въ командѣ ханскихъ сераскировъ. «Его царское величество весьма руку свою отнимаетъ отъ козаковъ съ древними ихъ рубежами, которые обрѣтаются по сю сторону Днѣпра и отъ сихъ мѣстъ и земель, и фортецъ и мѣстечекъ, и отъ полуострова Сѣчи, который сообщенъ на сей сторонѣ вышеупомянутой рѣки». Въ частности по прутскому миру русскій царь уступилъ туркамъ всѣ земли бывшаго Запорожья по рѣку Орель и обязался срыть свои крѣпости въ Самарѣ, Кодакѣ и Каменномъ-Затонѣ [2]). Такимъ образомъ, этотъ миръ, несчастный для Россіи, принесъ счастье запорожскимъ козакамъ: послѣ него запорожцы вновь сдѣлались de jure обладателями того, что потеряли послѣ разрушенія Чортомлыцкой Сичи и пораженія при Полтавѣ, т, е. всѣхъ своихъ земель отъ Новаго-Кодака до крѣпости св. Анны.

Поступивъ подъ власть крымскаго хана и турецкаго султана, запорожскіе козаки остались вѣрны своей религіи и своему закону, хотя и терпѣли на первыхъ порахъ большой недостатокъ въ русскомъ православномъ духовенствѣ: поспѣшно уходя изъ Чортомлыцкой Сичи, они едва успѣли захватить съ собой часть войскового скарба и церковной утвари; оттого духовенство пришло къ нимъ уже нѣсколько позже основанія Сичи, частью изъ польской Украйны, частью изъ Аѳинъ, а большею частью изъ Іерусалима и Константинополя; такъ, до 1728 года у алешковскихъ запорожцевъ былъ настоятелемъ всего войскового духовенства архимандритъ Гавріилъ, родомъ грекъ, и только съ 1728 года явился у нихъ русскій священникъ Дидушинскій [3]). Въ самой службѣ и въ молитвахъ запорожцы также не сдѣлали никакого измѣненія: попрежнему на эктеніяхъ и выходахъ у нихъ поминали русскихъ ца-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, II, 37—38.

[2]) Записка Полуботка въ приложеніи къ Исторіи Маркевича, I, 459; Южнорусскія лѣтописи Бѣлозерскаго, I, 90.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25, прим. 36.

рей, синодъ и синклитъ и молились объ ихъ здравіи и благоденствіи.

Въ началѣ жизнь запорожскихъ козаковъ подъ крымскимъ ханомъ была очень свободная: запорожцы пользовались разными земными угодіями, ничего не платили въ ханскую казну, напротивъ того сами получали милостивое отъ хана жалованье. Но съ теченіемъ времени эти отношенія измѣнились: взамѣнъ жалованья, запорожскимъ козакамъ позволили брать соль изъ крымскихъ озеръ, на первыхъ порахъ, однако, съ нѣкоторымъ облегченіемъ противъ установившихся въ Крыму правилъ, именно съ меньшею пошлиною противъ той, какую татары обыкновенно взимали съ малороссійскихъ козаковъ и другихъ украинскихъ промышленниковъ. Потомъ татары, узнавъ, что запорожцы, подъ предлогомъ вывоза соли для себя, брали ее для малороссіянъ и продавали съ большимъ барышомъ, лишили ихъ и этой дарованной имъ привиллегіи. Кромѣ того, за протекцію, оказываемую крымскимъ ханомъ, запорожскіе козаки должны были ходить въ походъ, въ числѣ 2.000 и болѣе человѣкъ, въ помощь татарамъ, съ кошевымъ атаманомъ во главѣ, по первому призыву ханъ: но ханы старались возможно дальше усылать козаковъ. Такъ, однажды, запорожцы, вмѣстѣ съ ханомъ, ходили въ походъ на черкесъ и дошли до Сулака: этотъ походъ они считали обременительнымъ для себя и очень убыточнымъ для собственнаго благосостоянія. Кромѣ того за ту-же ханскую протекцію запорожцы не разъ должны были ходить къ Перекопу и участвовать въ работахъ при устройствѣ перекопской линіи, въ числѣ 300 и болѣе человѣкъ, и всегда обязаны были работать безплатно. Послѣднее обстоятельство всего болѣе не нравилось запорожцамъ, имѣвшимъ особыя понятія о чести «лыцаря».

Чѣмъ дольше запорожцы оставались подъ властію крымскаго хана, тѣмъ больше накоплялось у нихъ взаимныхъ неудовольствій и поводовъ къ ссорамъ съ татарами. Изъ множества такихъ неудовольствій главнѣйшими были слѣдующія. Запорожцамъ строжайше запрещено было держать при Сичѣ пушки; въ силу этого постановленія всѣ оставшіяся при нихъ пушки были отобраны турками, и когда однажды запорожскіе рыболовы, послѣ полой воды, усмотрѣли одну небольшую пушку въ лѣвомъ берегу Днѣпра, въ урочищѣ Карай-Тебенѣ, и сообщили о томъ кошевому атаману и самъ атаманъ въ томъ-же мѣстѣ нашелъ еще 50 штукъ, то онъ строго приказалъ содержать ихъ тайно въ одномъ зимовникѣ, опасаясь,

чтобы татары не отобрали ихъ у козаковъ. Запорожцамъ запрещалось строить какія бы то ни было укрѣпленія какъ въ самой Сичи, такъ и въ другихъ мѣстахъ; сноситься съ Россіей и ѣздить въ русскіе города, вести торговлю въ Крыму и въ Очаковѣ, а дозволялось лишь покупать въ означенныхъ мѣстахъ товары и отвозить ихъ не дальше Сичи, въ самой-же Сичи предоставлялось право торговать крымцамъ, очаковцамъ, грекамъ, жидамъ, армянамъ; кромѣ того на запорожцевъ накладывались разныя дани, когда къ нимъ пріѣзжали для осмотра войска, общественнаго порядка ихъ или для другого какого-либо дѣла крымскіе султаны, мурзы, съ ихъ многочисленною свитою и прислугою: тогда запорожцы должны были воздавать имъ большую честь и, сколько бы они у нихъ не были, обязаны были продовольствовать какъ ихъ самихъ, такъ ихъ свиту и лошадей, а на отъѣздѣ, кромѣ того, должны были подносить имъ разные цѣнные подарки.

Но помимо всего этого жизнь запорожскихъ козаковъ подъ властью крымскихъ хановъ была «зѣло трудная» еще и по многимъ другимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что крымскій ханъ весь низъ Днѣпра, отъ Великаго лимана вверхъ по самые пороги, «со всѣми тамошними степными угодіями и пожитками», отнялъ у запорожскихъ козаковъ и отдалъ ногаямъ. Во-вторыхъ, потому что ханъ «допускалъ великую на запорожцевъ драчу», какъ стражниковъ на татарской границѣ, если съ вѣдома или безъ вѣдома ихъ, кто-нибудь уходилъ изъ крымскихъ невольниковъ въ христіанскія земли, или если у татаръ пропадали табуны коней, стада воловъ, овецъ, или какіе-нибудь пожитки, или кто-либо изъ самихъ татаръ-хозяевъ; если при этомъ козаки уличались въ покражѣ скота или въ убійствѣ хозяевъ, то за скотъ татары взимали большія деньги, и за людей брали людей-же; въ случаѣ несостоятельности виновныхъ, накладывали пени на весь курень, а въ случаѣ отказа со стороны куреня, виновныхъ брали головой и только въ рѣдкихъ случаяхъ, при обоюдныхъ ссорахъ и захватахъ, допускали обмѣнъ скотомъ и людьми. Въ-третьихъ, потому что ханъ дозволялъ ляхамъ казнить запорожцевъ, даже въ то время, когда они только защищали себя отъ ляховъ, дѣлавшихъ на нихъ нападеніе, хватавшихъ и даже вѣшавшихъ ихъ, какъ то было въ Брацлавѣ и другихъ городахъ; по этому праву, однажды, по жалобѣ ляховъ на запорожцевъ съ послѣднихъ было взыскано 24.000 рублей въ пользу мнимо обиженныхъ. Въ-четвертыхъ,

потому что при взаимной борьбѣ хановъ Адиль-Герая и Менгли-Герая, когда запорожцы противъ воли «затягнуты» были первымъ противъ второго и когда второй «разогналъ» войско перваго, то ни въ чемъ неповинные запорожцы обвинены были ханомъ Менгли-Гераемъ въ вѣроломствѣ и проданы. въ числѣ 1,500 человѣкъ, въ турецкія каторги. Въ-пятыхъ. потому что ханъ, не смотря на просьбы всего Коша, не хотѣлъ освободить невинно захваченныхъ. азовскими татарами, нѣсколько десятковъ человѣкъ запорожскихъ козаковъ, ходившихъ за звѣремъ на охоту. къ рѣчкѣ Калміусу. Въ-шестыхъ. за то, что ханъ отобралъ у запорожцевъ крѣпость Кодакъ. жителей его разогналъ. крѣпость разорилъ. а городъ отдалъ полякамъ въ полное ихъ владѣніе [1]). Наконецъ. въ-седьмыхъ. потому что ханъ запретилъ запорожцамъ строить постоянную церковь на мѣстѣ Алешковской Сичи и подъ конецъ началъ стѣснять ихъ въ исповѣданіи православной вѣры. Отсюда немудрено, почему запорожцы. уже въ то время отписывая крымскому хану. говорили. что они «превеликую нужду отъ ногайскихъ татаръ имѣли».

«Заступы̀на чо̀рна хма̀ра
Та би̑лую хмару:
Опанува̀въ запорожцемъ
Пога̀ный татарынъ.
Хочъ позво̀лывъ винъ на пи̑скахъ
Новы̀мъ кошемъ статы,
Та заказа̀въ запорожцямъ
Церкву будува̀ты.
У намѐти поставылы
Образъ Пресвятои,
И кра̀дькома̀ мо̀лы̀лыся».
. . . .
«Ой, Олѐшкы, бу̀демъ до̀вго мы васъ зна̀ты.—
И той лыхы̀й день и ту лиху̀ю годы̀ну,
Бу̀демъ до̀вго, якъ тяжку̀ личйну, спомына̀ти»

Въ настоящее время въ Алешкахъ отъ пребыванія запорожскихъ козаковъ сохранилось очень немного вещественныхъ памятниковъ, чтобы не сказать ничего. Большинство жителей Алешекъ даже и не знаетъ о томъ. что на мѣстѣ ихъ городка нѣкогда была запорожская Сича. Въ мѣстной церкви не сохранилось ни-

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852. 21—27; Максимовичъ и Щекатовъ: Новый географическій словарь, Москва, 1788. II, 7—45; Кіевская старина, 1882, II. апрѣль. 123.

какихъ остатковъ старины: не сохранилось также точно никакихъ остатковъ и отъ самой Сичи Алешковской: мѣстонахожденіе ея можно возстановить лишь со словъ старожиловъ. По разсказамъ старожиловъ, Ѳеоктиста Горбатенка, Василія Киріяша, Аѳанасія Плохого и Даніила Бурлаченка, Алешковская Сича оставалась вцѣлѣ до тѣхъ поръ, пока, по распоряженію правительства, въ виду опасности городу быть занесеннымъ песчаными кучугурами, заодно съ городскими предмѣстьями, она не была разорана и засажена лозой и краснымъ шелюгомъ. Это было въ 1845 году. На сколько помнятъ названные старики, Сича находилась противъ впаденія въ Конку, вѣтку Днѣпра, рѣчки Лазнюка и заключала въ себѣ всего лишь двѣ десятины земли: по внѣшнему виду она представляла изъ себя правильный четыреугольникъ, съ канавами и валами до двухъ аршинъ высоты, съ редутами по угламъ и съ воротами въ двѣ сажени ширины у сѣверной окраины четыреугольника. Во всю длину Сичи лежала ровная и гладкая, точно метлой сметенная, площадь до 40 саженъ ширины. Когда старики были еще мальчиками, то они находили на мѣстѣ Сичи различныя мелкія монеты—копѣйки, пары, левы, а вмѣстѣ съ монетами разное оружіе, больше всего копья съ четырьмя углами. «Вотъ это, какъ подуетъ, бывало, большой вѣтеръ и на Сичи поднимется песокъ, то мы и кричимъ одинъ другому черезъ плетень: «А пойдёмъ, Василь, или тамъ Данило, на городокъ копѣйки собирать!» Да и бѣжимъ туда». Кромѣ денегъ и оружія находили и другія вещи—серебряные крестики, восковыя свѣчи въ гробахъ, куски смолы, круги дроту, свинцовыя пули, разную черепковую посуду, особенно кувшины или «куманы». «Много чего приходилось видѣть на той Сичи: какъ-то наткнулись мы на цѣлыхъ пятнадцать гробовъ, и гробы тѣ совсѣмъ непохожи на наши, они какъ будто имѣли сходство съ лодками съ урѣзанными носами. Приходилось видѣть и человѣческія головы: онѣ какъ тыквы валялись. А покойники лежали такъ, какъ и у насъ кладутъ». Сколько помнятъ старики, Сича съ давнихъ поръ покрыта была въ лѣтнее время травой, оттого на нее часто гоняли мальчики пасти телятъ; но потомъ ее стали, мало-по-малу, заносить пески изъ сосѣднихъ кучугуръ. Въ 1845 году была «драная» зима: въ то время снѣгу почти не было, за то страшные вѣтры почти всю землю «ободрали». Вотъ это поднимется вѣтеръ и начнетъ рвать землю: рветъ-рветъ, сыплетъ-сыплетъ пескомъ да досыплется до того, что и изъ го-

рода вылѣзти некуда,—кругомъ кучугуры песку, точно горы намурованы. Тогда вышелъ приказъ разорать окрестности города Алешекъ, а въ томъ числѣ и мѣсто бывшей Сичи, и засадить ихъ краснымъ шелюгомъ, который имѣетъ свойство своими корнями укрѣплять сыпучую почву и тѣмъ самымъ удерживать на мѣстѣ песокъ; такъ какъ вблизи Алешекъ въ то время шелюга нигдѣ не было, то его пришлось возить изъ отдаленнаго отъ города селенія Вознесенки. По разсказамъ тѣхъ-же стариковъ, въ устьѣ рѣчки Лазнюка у запорожцевъ была пристань, а на берегу рѣчки Чайки, въ мѣстѣ теперешней пароходной пристани, стояла церковь, сдѣланная изъ камыша [1], близъ церкви отведено было кладбище и тутъ-же выкопана была криница, въ которой никогда не замерзала вода.

На 250 саженъ восточнѣе отъ мѣста бывшей Алешковской Сичи, на 1½ версты выше теперешняго города Алешекъ, въ настоящее время находится небольшое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ длинныхъ, полузасыпанныхъ пескомъ канавъ съ высокими валами и представляющее изъ себя въ общемъ форму бастіона съ тупыми углами, обращеннаго воротами на южную сторону и примѣненнаго къ характеру мѣстности. Ошибочно было бы приписывать сооруженіе этого укрѣпленія запорожскимъ козакамъ въ виду свидѣтельства запорожскаго историка первой половины XVIII вѣка, князя Мышецкаго, категорически утверждающаго, что запорожцамъ, живишимъ въ Алешковской Сичѣ, отнюдь не дозволялось ни въ самой Сичи, ни въ другихъ какихъ бы то ни было мѣстахъ строить «фортификаціоннаго укрѣпленія» [2]. Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что земляныя укрѣпленія близъ Алешекъ были устроены русскими войсками во время войны съ турками въ 1773 и 1774 годахъ [3].

Изъ Алешекъ запорожскіе козаки вторично переселялись на мѣсто бывшей Каменской Сичи, при впаденіи рѣчки Каменки въ вѣтку Днѣпра, Козацкое-Рѣчище. Это произошло, по объясненію историка князя Мышецкаго и очевидца асаула Щербины, слѣдующимъ образомъ. Однажды алешковскіе запорожцы, подъ командою

---

[1]) Историческія данныя говорятъ, что въ Алешковской Сичи была походная, т. е. полотняная или деревянная съ полотнянымъ иконостасомъ церковь. Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25, пр. 36.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25.

[3]) Записки одесскаго общества истор. и древ. VII, 179, пр. 53.

собственнаго кошевого и крымскаго хана, ходили походомъ «во множественномъ числѣ» [1]) на черкесовъ подъ Сулакъ: въ это время нѣкоторая часть запорожцевъ, жившая на рѣкѣ Самарѣ и бывшая у сичевыхъ козаковъ въ подданствѣ, оттого постоянно недовольная своимъ положеніемъ, какъ людей подчиненныхъ, собравшись въ большомъ числѣ и вооружившись легкимъ оружіемъ, бросилась на Алешковскую Сичу, многихъ людей перебила и перевѣшала, а самую Сичу разгромила и разрушила. Тогда сичевые козаки, возвратясь изъ похода и увидя разореніе своей Сичи, собрались всѣми своими силами, ударились на рѣку Самару, вырубили тамъ «Самарскую Сичу», истребили множество жителей, захватили большую добычу и отправили ее на Дунай, а сами, оставивъ разоренную Сичу въ Алешкахъ, возвратились въ старую Каменскую Сичу [2]).

И такъ, послѣ Чортомлыцкой Сичи запорожцы сидѣли сперва Сичею Каменскою, потомъ Алешковскою, потомъ снова Каменскою. Такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ историкъ запорожскихъ козаковъ, князь Семенъ Мышецкій. Тотъ-же князь Мышецкій даетъ поводъ думать, что запорожскіе козаки держались въ Каменкѣ до того самаго момента, когда, оставивъ крымско-турецкія владѣнія, они вновь перешли въ предѣлы Россіи, въ 1734 году, въ царствованіе Анны Ивановны [3]). Съ этимъ свидѣтельствомъ историка XVIII вѣка вполнѣ согласуются и свидѣтельство протоіерея Григорія Кремлянскаго, современника послѣдней запорожской Сичи на рѣчкѣ Подпильной: «По разореніи Петромъ I, говоритъ онъ, Старой Сѣчи (на рѣчкѣ Чортомлыкѣ, въ 1709 году), запорожцы оставшіеся бѣжали на лодкахъ подъ турка, гдѣ турокъ принялъ и водворилъ ихъ въ Олешкахъ. А потомъ просились запорожцы у императрицы Анны Іоанновны о принятіи ихъ опять подъ Россійскую державу, коимъ и позволено. То запорожцы поселились выше Кизыкерменя въ Омиловомъ (=Каменкѣ) и, поживши тамъ, какъ говорятъ, семь лѣтъ, переселились въ Крас-

[1]) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 139.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 18—20; Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 96; Черниговскій листокъ, 1862, № 19, 148.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, 23—27: Ригельманъ по этому вопросу противорѣчитъ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что запорожцы имѣли свою Сичу въ Алешкахъ безпрепятственно до 1733, въ другомъ держится указанія Мышецкаго: Лѣтописное повѣствованіе. III, 96, 139.

ный-Кутъ, что нынѣ село Покровское, гдѣ, устроя Сѣчу свою, жили до послѣдняго ихъ разоренія великою императрицею Екатериною II» [1]). На картахъ безыменнаго составителя 1745 года [2]), извѣстнаго де-Боксета 1757 года [3]) и мало извѣстнаго Антоніо Затта 1798 года [4]) Каменская Сича названа St.-Sicza, т.-е. Старая Сича, предпочтительно предъ Алешками, каковое названіе, очевидно, показываетъ, что о существованіи въ Каменкѣ Сичи сохранилось еще свѣжее воспоминаніе, такъ какъ именно послѣ нея и возникла Новая или Подпиленская Сича, тогда какъ о существованіи Сичи въ Алешкахъ вовсе не сохранилось никакой памяти, оттого Алешки и не названы Сичею въ означенныхъ планахъ. Наконецъ оффиціальный документъ 1774 года свидѣтельствуетъ, что прежде построенія Новой Сичи на Подпильной «Сѣчь строилась на рѣчкѣ Каменкѣ» [5]). Названное выше въ запискахъ Кремянскаго урочище Омилово есть не что иное, какъ балка Мѣловая, замѣчательная своими развалинами нѣкогда существовавшаго здѣсь города Мѣлового и находящаяся на $2^1/_2$ версты выше балки Каменки, гдѣ собственно стояла Сича [6]): очевидно, сама по себѣ балка Каменка менѣе была извѣстна, какъ урочище, чѣмъ Омиловка, оттого Кремянскій и пріурочиваетъ Каменскую Сичу къ Омиловому.

Приведенныя данныя достаточно, кажется, убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ Новую Сичу на рѣчкѣ Подпильной запорожскіе козаки переселились не изъ Алешекъ, какъ пишетъ Ригельманъ, увѣряетъ Скальковскій и за ними повторяетъ Марковинъ [7]), а изъ урочища Каменки, вблизи Омиловой. «Сочинитель запорожской исторіи, г-нъ Скальковскій, замѣчаетъ по этому поводу Н. И. Вертильякъ, полагаетъ, что Каменская Сича была только одинъ годъ: не раздѣлять его мнѣніе я имѣю много причинъ. Значительное пространство кладбища (запорожскаго) не могло никакъ составиться въ одинъ годъ: большое количество надгробныхъ надписей, указывающихъ годы смерти до 1736 года, и многихъ кошевыхъ,

---

[1]) Записки одескаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

[2]) Recuel de toutes les cartes publiées par l'Akademie de Paris, 1745, St. P.

[3]) Карта де-Боксета 1751 года, изъ собственнаго собранія бумагъ.

[4]) La Picola Tartaria colla Crima, Venezia, 1798; собранія П. Я. Дашкова.

[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, прим. 42.

[6]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 126.

[7]) Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, III, 96; Исторія новой Сѣчи, Одесса, 1846, II, 40—45; Очеркъ исторіи запорожскаго козачества, Спб., 1878, 68.

войсковыхъ писарей, не было дѣломъ случайности [1]): наконецъ, многія изустныя преданія и эти записки (князя Мышецкаго) утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи. Сила русскаго оружія, послѣ полтавской битвы, заставила трепетать измѣнниковъ-запорожцевъ и вынудила ихъ переселиться на крымскую сторону, въ Алешки; но несчастный прутскій миръ, по которому вся страна между Днѣпромъ и Бугомъ была уступлена туркамъ, служитъ достаточнымъ ручательствомъ безопасности вторичнаго водворенія запорожцевъ въ Каменкѣ: это мѣсто они предпочитали и потому, что оно охраняло ихъ, по своей мѣстности, отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, которымъ они всегда не довѣряли» [2]).

Въ настоящее время на мѣстѣ Каменской Сичи стоитъ усадьба Консуловка или Разоровка, владѣльца Михаила Θедоровича Огаркова, херсонскаго уѣзда, близь села Мѣлового съ одной стороны и Бизюкова монастыря—съ другой. Насколько помнитъ самъ владѣлецъ, мѣсто Каменской Сичи, послѣ уничтоженія Запорожья, досталось сперва помѣщику Байдаку, отъ него перешло консулу Разоровичу, отъ консула Разоровича—владѣльцу Константинову, отъ Константинова—Эсаулову, а отъ Эсаулова, въ 1858 году, по купчей досталось самому Огаркову. Отъ втораго владѣльца, консула Разоровича, усадьба и теперь называется Консуловкой или Разоровкой. Мѣсто Сичи приходилось какъ разъ у устья балки Каменки, съ лѣвой стороны ея. Въ старые годы по балкѣ Каменкѣ протекала довольно большая рѣчка того-же имени, которая бралась изъ рѣки Малаго-Ингульца въ степи и шла на протяженіи ста верстъ, впадая въ Днѣпръ съ правой стороны, по теперешнему на полтораста верстъ ниже экономическаго двора владѣльца, иначе противъ лѣвой вѣтки Днѣпра, Козацкаго-Рѣчища и села Большихъ или Нижнихъ-Каиръ, расположеннаго по лѣвому берегу Днѣпра. Теперь эта рѣчка Каменка имѣетъ не больше шести верстъ длины въ обыкновенное время года, въ жаркое-же лѣто и того меньше. По лѣвому берегу ея расположена усадьба Михаила Θедоровича Огаркова, Консуловка, а по правому, черезъ рѣку, усадьба Ивана Прокофьевича Блажкова, съ хуторомъ Блажковкой, состоящимъ изъ восьми дворовъ

---

[1]) Вертильякъ писалъ въ 1852 году; почти тоже можно сказать и теперь.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 22, прим. 35.

Балка Каменка, какъ по своей дикости, такъ и по живописности береговъ, очень своеобразна: при относительно низкомъ руслѣ она имѣетъ высокіе берега, усѣянные громадными глыбами дикихъ камней, мѣстами покрытыхъ зеленымъ мхомъ, мѣстами перевитыхъ плющевыми деревьями, дикимъ виноградомъ, мѣстами поросшихъ громаднѣйшими вѣковѣчными дубами. Отъ всего этого по берегамъ балки Каменки и у русла ея можно видѣть такіе причудливые гроты, окутанные густой, едва проницаемой чащей всякаго рода растительности, какихъ не выдумать и самой разнообразной фантазіи человѣка. Недаромъ эта мѣстность такъ восхищала и восхищаетъ разныхъ туристовъ и путешественниковъ нашего времени по низовьямъ Днѣпра. «Здѣсь, въ этомъ тихомъ уголкѣ, между этими угрюмыми скалами, говоритъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій, любитель природы просидѣлъ бы нѣсколько часовъ, предавшись безпечнымъ думамъ и, можетъ быть, надолго сохранилъ бы въ памяти оригинальный дикій пейзажъ изъ странствій по низовью Днѣпровскому. А если этотъ странникъ малороссъ, думы его будутъ стараться проникнуть смыслъ одной страницы изъ русской исторіи» [1]).

Изъ двухъ береговъ правый берегъ Каменки живописнѣе лѣваго, особенно близь самаго устья рѣки. Весь этотъ берегъ, вообще высокій, подъ конецъ еще больше того возвышается: массивнѣйшія скалы, точно разбросанныя вдоль береговъ рѣчки какою-то гигантскою рукой, то отдѣляются отъ берега, то выступаютъ изъ него, затѣняясь густолиственными дубами и декорируясь разными кустарниковыми растеніями; при самомъ устьѣ рѣчки природа какъ бы дѣлаетъ послѣднее усиліе и выдвигаетъ громаднѣйшую скалу, саженъ сорокъ или пятьдесятъ высоты, носящую названіе горы Пугача, отъ дикихъ птицъ пугачей, вьющихъ здѣсь свои гнѣзда; у горы Пугача рѣчка дѣлаетъ крутой загибъ съ сѣвера на югъ и отсюда мчитъ свои воды въ Козацкое-Рѣчище, идущее параллельно правому берегу Днѣпра и потомъ сливающееся съ нимъ ниже устья Каменки. Здѣсь нѣтъ ни громадныхъ дубовъ, ни массивныхъ скалъ, ни дикой величественной горы Пугача, но зато здѣсь есть вдоль самаго берега рѣчки, въ видѣ длинной канвы, рядъ молодыхъ, картинно вытянувшихся вербъ, которыя становятся тѣмъ чаще, чѣмъ ближе рѣчка Ка-

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ Южную Русь, Спб., 1863, I, 248,

менка подходитъ къ вѣткѣ Козацкому-Рѣчищу. Подъ конецъ своего теченія рѣчка Каменка раздѣляется на два самостоятельные рукава. И въ то время, когда одинъ рукавъ ея, отдѣлившись отъ общаго русла, отходитъ къ правому берегу и, поворотивъ съ сѣвера на югъ у Пугача горы, сливается съ Козацкимъ-Рѣчищемъ, въ это самое время другой рукавъ рѣчки, отдѣлившись отъ общаго русла, отходитъ къ лѣвому берегу Каменки и отсюда, поворотивъ съ сѣвера на югъ, сливается съ тѣмъ-же Козацкимъ-Рѣчищемъ, протянувшимся здѣсь на четыреста саженъ длины. Такимъ образомъ, вся рѣчка въ общемъ представляетъ собой какъ-бы подобіе вилъ, рукояткѣ которыхъ будетъ соотвѣтствовать вершина ея, а двумъ рожкамъ—два устья ея. Въ пространствѣ между двумя устьями рѣчки стоитъ прекрасный островъ, называющійся на планахъ XVIII вѣка Коженинымъ, теперь именующійся Каменскимъ [1]) и принадлежащій по частямъ тремъ сосѣднимъ владѣльцамъ—Огаркову, Блажкову и Полуденному.

Само Козацкое-Рѣчище имѣетъ также своеобразный характеръ. Это — совершенное подобіе панорамы, устроенной самою природою изъ воды, зелени травъ и молодого лѣса; правый берегъ Рѣчища имѣетъ видъ сплошной, очень высокой и по мѣстамъ почти отвѣсной стѣны, лѣвый берегъ кажется живой канвой, состоящей изъ длиннаго ряда зеленыхъ, кудрявыхъ, развѣсистыхъ осокорей и тонкой, низко нагибающейся къ водѣ, лозы.

По руинамъ, сохранившимся до нашего времени, видно, что Каменская Сича занимала небольшой уголокъ между правымъ берегомъ Козацкаго-Рѣчища и лѣвымъ берегомъ Каменки, саженъ на 100 выше устья Каменки, и представляла изъ себя неправильный треугольникъ, протянувшійся съ сѣвера на югъ, основаніемъ на сѣверъ, вершиною на югъ. Вся величина этой Сичи, по всѣмъ четыремъ линіямъ, опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 115 саженъ длины съ востока, 66 саженъ съ сѣвера, 123 сажени съ запада, 36 саженъ съ юга. Самая-же форма Сичи представляется въ такомъ видѣ: по срединѣ ея, съ сѣвера на югъ, идетъ площадь, ширины у сѣверной окраины шесть саженъ, у южной три сажени, а по обѣимъ сторонамъ площади тянутся курени и скарбницы, числомъ сорокъ; одинъ рядъ этихъ куреней идетъ вдоль Козацкаго-Рѣчища съ выходами на западъ, а три ряда идутъ отъ степи, встрѣчно Каменкѣ.

---

[1]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб. 1890, 109.

съ выходами и на востокъ и на западъ; между послѣдними тремя рядами, также какъ и между первыми, тянется отъ сѣвера къ югу площадь, равная и по длинѣ, и по ширинѣ первой. Каждый изъ куреней имѣетъ 21 аршинъ длины и 12 аршинъ ширины. Слѣдовъ отъ церкви не осталось и не могло остаться никакихъ, такъ какъ въ Каменской и Алешковской Сичахъ у запорожскихъ козаковъ были не постоянныя, а временныя походныя церкви [1]). Вся Сича обнесена была каменной оградой, отъ которой въ настоящее время сохранились только кое-гдѣ небольшіе дикіе камни. За этой оградой, у сѣверной окраины Сичи, уцѣлѣли еще семь небольшихъ круглыхъ ямъ: три къ востоку, четыре къ западу, приспособленныхъ, повидимому, къ стратегическимъ цѣлямъ и носившихъ у запорожскихъ козаковъ названіе волчьихъ ямъ. Южная окраина Сичи, также за оградою ея, тамъ, гдѣ сходятся Каменка и Козацкое-Рѣчище, отдѣлена небольшою канавою, идущею отъ востока къ западу, ниже которой, съ наружной стороны, тянется рядъ небольшихъ холмиковъ, числомъ девять, въ томъ-же направленіи, какъ и канава. Пространство земли, ниже канавы къ югу, до мѣста сліянія Каменки съ Козацкимъ-Рѣчищемъ, носитъ названіе Стрѣлки; здѣсь тянется рядъ холмовъ, числомъ восемь, въ направленіи съ сѣвера на югъ, параллельно Козацкому-Рѣчищу, но перпендикулярно канавѣ, отдѣляющей южную окраину Сичи. Быть можетъ, эти послѣдніе холмы служили у запорожскихъ козаковъ базисами для пушекъ или, по крайней мѣрѣ, пунктомъ для наблюденія и охраны Сичи съ юга, подобно тому, какъ она ограждена была волчьими ямами съ сѣвера.

Въ ста шагахъ выше Сичи, къ сѣверу, расположено было большое козакцое кладбище, на которомъ въ настоящее время сохранилось всего лишь четыре каменныхъ песчаниковыхъ креста, и то лишь одинъ изъ нихъ въ цѣльномъ видѣ, остальные въ разбитыхъ кускахъ. На цѣльномъ крестѣ сдѣлана надпись, прекрасною церковною полувязью, слѣдующаго содержанія: «Во имя отца и сына и святаго духа. Зде почиваетъ рабъ божій Константинъ Гордѣевичъ атаманъ кошовый славнаго войска запорожского и низового, а куреня платнѣровского: преставися року 1733 мая 4 числа». Изъ надписей на кускахъ другихъ крестовъ видно, что тутъ-же погребенъ былъ кошевой атаманъ Василій

[1]) Исторія о козакахъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 25, прим. 36.

Ерофеевичъ, умершій въ 1731 году, мая 23 дня [1]), и два какихъ-то простыхъ козака, Яковъ и Ѳедоръ. Смотря на множество могилъ, оставшихся на кладбищѣ Каменской Сичи, можно думать, что здѣсь было довольно большое кладбище, а на немъ и довольно большое число крестовъ, что подтверждаетъ и бывшій владѣлецъ мѣста Каменской Сичи, Н. И. Вертильякъ, приходившійся родственникомъ, по женской линіи, послѣднему кошевому атаману, Петру Ивановичу Калнишевскому. «Не болѣе, какъ 15 лѣтъ тому назадъ [2]), кладбище бывшей на рѣкѣ Каменкѣ Сѣчи запорожской усѣяно было крестами и надгробными памятниками съ надписями; даже крѣпостные валы сохранили обшивку свою изъ тесаннаго камня. Теперь все это истреблено. На кладбищѣ остается только четыре креста. Одинъ изъ нихъ вовсе безъ надписи [3]), на другомъ стерлась она такъ, что ее нельзя разобрать: зато надписи двухъ остальныхъ обогащаютъ насъ весьма важными свѣдѣніями относительно исторіи Запорожья: первая опредѣляетъ годъ смерти кошевого атамана Кости Гордіенка, о которомъ въ «Исторіи послѣдняго Коша» г-на Скальковскаго сказано, что неизвѣстно, гдѣ онъ умеръ. Вторая дополняетъ списокъ кошевыхъ новымъ неизвѣстнымъ именемъ Василія Ерофѣева» [4]).

Такъ или иначе, но, испытывая большія притѣсненія со стороны татаръ, запорожскіе козаки все чаще и чаще стали обращать свои взоры къ русскому царю. Еще при жизни Петра I, въ 1716 и 1717 году, запорожцы обращались къ миргородскому полковнику, Даніилу Апостолу, управлявшему тогда пограничнымъ съ Запорожьемъ краемъ, съ просьбой ходатайствовать передъ царемъ о принятіи ихъ подъ русскую державу; но Петръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ уничтожилъ отдѣльное самоуправленіе Малороссіи (1722), и слышать ничего не хотѣлъ о запорожцахъ. Въ 1727 году, послѣ смерти Петра, когда Малороссіи вновь дано было право самоуправленія, запорожскіе козаки, питая надежды получить и себѣ милость отъ новаго русскаго императора, написали письмо къ украинскому гетману, въ которомъ изъявляли свое желаніе «перейти съ агарянской земли и, поклонившись его импе-

---

[1]) Быть можетъ, это Василій Гужъ, бывшій кошевымъ въ 1725 году.

[2]) Николай Ивановичъ Вертильякъ писалъ эти слова въ 1844 году.

[3]) См. 1-е примѣчаніе къ Запорожью Эварницкаго, II, 118.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 607.

раторскому величеству, подъ его властію жить». На это письмо, черезъ посредство гетмана Даніила Апостола и состоявшаго при немъ русскаго правительственнаго «совѣтника», Өедора Наумова, запорожцамъ отвѣчали изъ Москвы, что «милосердый монархъ» (Петръ II) готовъ исполнить просьбу запорожцевъ и простить имъ ихъ вины, но для этого самимъ запорожцамъ нужно показать непоколебимую вѣрность русскому царю, въ знакъ которой они должны сноситься съ правительственнымъ совѣтникомъ Өедоромъ Наумовымъ и съ гетманомъ украинскимъ, Даніиломъ Апостоломъ, увѣдомляя ихъ о всѣхъ въ Крыму и Турціи происшествіяхъ [1]). Запорожцы, получивъ такой неопредѣленный отвѣтъ и не удовольствовавшись имъ, отправили новое письмо гетману, въ которомъ вторично просили его ходатайствовать передъ русскимъ государемъ, причемъ, обѣщаясь вѣрно служить до конца своей жизни «монаршему маестату», съ тѣмъ вмѣстѣ извѣщали гетмана, что они уже отступили отъ крымскаго хана, безжалостно заславшаго многихъ изъ козаковъ на службу за море и захватившаго подъ свою державу кошевого атамана, и собираются изъ крымкихъ владѣній двинуться на Старую Сичу [2]). Письмо это отправлено было Апостолу черезъ посредство четырехъ козаковъ; гетманъ Апостолъ сообщилъ содержаніе его фельдмаршалу украинской арміи князю Михаилу Голицыну и правительственному «совѣтнику» при малороссійскихъ дѣлахъ, Өедору Наумову. Но, не считая себя въ правѣ отвѣчать на него что-либо положительное запорожскимъ козакамъ, Апостолъ, Голицынъ и Наумовъ отнеслись о томъ въ верховный тайный совѣтъ. Но верховный тайный совѣтъ, прочитавъ письмо запорожцевъ, приказалъ присланныхъ къ гетману четырехъ козаковъ отправить назадъ и черезъ нихъ запорожцамъ словесно сказать, что русское правительство считаетъ невозможнымъ принять запорожцевъ, боясь «учинить какія-либо противности турецкой сторонѣ». Самому-же фельдмаршалу и гетману посланы были по этому поводу особые указы, въ которыхъ имъ внушалось, чтобы они ни въ какомъ случаѣ не принимали запорожцевъ въ русскіе предѣлы и что если козаки придутъ многолюдствомъ и съ оружіемъ, то немедленно отбивать ихъ отъ границъ вооруженною рукой; съ тѣмъ-же вмѣстѣ обнадеживать

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 195.
[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 195.

ихъ словесно черезъ вѣрныхъ людей, что при удобномъ случаѣ они будутъ приняты, и даже не скупиться на подарки самымъ влiятельнымъ изъ козаковъ, чтобы содержать ихъ склонными къ русскому престолу; но въ Царьградъ, къ резиденту Неплюеву, велѣть написать, чтобъ онъ принесъ Портѣ на запорожцевъ жалобу о томъ, что они, по слуху, имѣютъ оставить всѣ указанныя русско-турецкими трактатами мѣста, хотятъ приблизиться къ русскимъ границамъ и занять Старую Сичу съ недозволенными имъ урочищами и чтобы Порта не допускала ихъ до того, потому что эти «безпокойные и непостоянные люди и безъ того много причиняютъ обидъ русскому купечеству»[1]).]

Однако запорожцы и послѣ этого не остановились въ своихъ просьбахъ: 24 мая, 1728 года, собравшись огромною массою, они снялись со своихъ мѣстъ, внезапно пришли на Старую Сичу, заняли нѣкоторыя мѣста по Самарѣ и 30 мая прислали на имя императора Петра II такого рода челобитную: «Склонивши сердецъ своихъ нарушенныя мысли ко благому обращенiю и повергши мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего императорскаго величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ святой православной, церкви восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подъ бусурманомъ магометански погибать. Отвори сѐрдца своего источникъ къ намъ, своимъ гадамъ, разрѣши ласково преступленiя нашего грѣхъ и нареки насъ по прежнему сынами жребiя своего императорскаго. Еще-же просимъ: подайте намъ войсковое отъ руки своей подкрѣпленiе, дабы не попали мы въ расхищенiе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ сторонъ подвинулись: для того-ли, что мы уже отъ нихъ отступили со всѣми своими клейнодами 24 мая и пребываемъ уже въ Старой Сѣчи, или-же они это дѣлаютъ по своимъ замѣшательствамъ»[2]).

Не дождавшись отвѣта отъ русскаго правительства, запорожцы отправили пословъ въ Глуховъ къ гетману, но, узнавъ, что гетманъ уѣхалъ въ Москву, они стали сильно волноваться вслѣдствiе неопредѣленности своего положенiя и грозили убить кошевого и всю старшину, если они не добьются положительнаго отвѣта отъ

---

[1]) Соловьевъ. Исторiя Россiи, Москва, 1885, XIX, 195.

[2]) Соловьевъ. Исторiя Россiи, Москва, 1885, XIX, 196.

императора. Тогда кошевой атаманъ, Иванъ Петровичъ Гусакъ, испугавшись угрозъ, бѣжалъ въ Кіевъ и, явившись къ кіевскому генералъ-губернатору, графу Вейсбаху, въ яркихъ словахъ изобразилъ положеніе запорожцевъ въ крымскихъ владѣніяхъ и въ Старой Сичѣ, у Чортомлыцкаго острова. «Въ Новой Сѣчи отъ крымскаго хана было намъ много притѣсненій: въ прошломъ, 1727 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Калга-Салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ козаковъ съ двѣ тысячи, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину и тамъ показалъ хану нѣкоторыя противности; пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, Калгу схватилъ и сослалъ въ Царьградъ, а запорожцевъ, бывшихъ при немъ, разослалъ на каторги, а другихъ распродали, будто бы, за то, что они съ Калгою бунтовали, а Калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказу ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше быть попрежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей православной вѣрѣ, нежели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Но когда мы забрали клейноты и хоругви, чтобы идти въ Старую Сѣчь, то старый кошевой, измѣнникъ Костя Гордіенко, да Карпъ Сидоренко и другіе стали намъ говорить: «Для чего-же намъ изъ Новой въ Старую Сѣчь идти? Намъ и тутъ жить хорошо». Однако, они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобъ отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордіенка и Карпа Сидоренка подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой Старой Сѣчи и, пріѣхавъ туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу» [1]).

Между тѣмъ положеніе запорожцевъ, день ото дня, становилось затруднительнѣе: тогда нѣкоторая часть козаковъ, оставивъ Старую Сичу и рѣку Самару, бросилась за рѣчку Орель въ старую Малороссію: уже около 1 іюня того же, 1728 года, на Украйнѣ насчитывалось 201 человѣкъ запорожцевъ, а къ концу тогоже мѣсяца гораздо свыше двухъ-сотъ; они постоянно прибывали сюда отдѣльными ватагами въ 10 человѣкъ и пригоняли съ собой скотъ и лошадей.

Насталъ 1729 годъ, и просьбы запорожцевъ о принятіи ихъ подъ скипетръ Россіи попрежнему оставались тщетными, хотя въ это время главнокомандующій украинской арміей, князь Михаилъ Голицынъ самъ поднялъ вопросъ о принятіи запорожцевъ

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 197.

въ Россію, но ему отъ имени императора Петра II отвѣчали, что запорожцевъ нужно только обнадеживать въ этомъ, но въ принятіи отказывать, пока «не обнаружится явная противность съ турецкой стороны» [1]). Безъ сомнѣнія это именно обстоятельство заставило запорожцевъ вновь возвратиться къ своимъ ненавистнымъ мѣстамъ и написать о томъ брату крымскаго хана Оръ-Бею письмо объ отмѣнѣ своихъ намѣреній идти «подъ Москву». На то письмо крымскій ханъ Капланъ-Герай писалъ запорожцамъ: «Листъ вашъ вы прислали моему брату, Оръ-Бею, въ которомъ отвѣчали ему, что вы желаете повернуться подъ крыло нашей стороны и отмѣняете намѣреніе, которое возымѣли раньше, отойти къ Москвѣ. Когда помянутый солтанъ сообщилъ намъ писанный вами листъ, прислав его намъ для вѣдома, то мы очень утѣшились тѣмъ. Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и знаетъ онъ то, какъ всѣ беи, мурзы и цѣлое крымское панство старается о вашей цѣлости и желаетъ вамъ всякаго добра. Помните, что вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жили у насъ хорошо. Ежели повернетесь назадъ, будемъ рады и примемъ васъ ласково, какъ гостей, и обѣщаемъ вамъ оказывать такую-же самую пріязнь, какъ раньше оказывали, защищать васъ также хорошо нашею обороною и нашимъ страннолюбіемъ, какъ и раньше того было, и позволить вамъ все то, что вы передъ тѣмъ имѣли, а для вашей осѣдлости дадимъ вамъ полную волю избрать себѣ мѣсто, гдѣ вы сами пожелаете. Впрочемъ, совѣтую вамъ, для вашей-же пользы и прибыли, а для нашего удобства, стать Кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ вы сидѣли раньше, придя подъ нашу защиту. По указу Оттоманской Порты, вашъ гетманъ панъ Орликъ, находившійся по сихъ поръ въ Солоникѣ, пришелъ теперь сюда для соединенія съ нами. Онъ пишетъ до васъ листъ, который мы посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Онъ тоже думаетъ, что и мы также стараемся о вашемъ благѣ и общественной пользѣ, и нужно, чтобы вы вѣрили всему тому, что пишетъ онъ въ своемъ къ вамъ письмѣ. Для васъ его совѣтъ тѣмъ болѣе обязателенъ, что онъ вашъ глава и вождь, и вы обязаны слушать его совѣта. Съ своей стороны увѣряемъ васъ, что мы примемъ васъ ласково и что вы не будете имѣть никакой неправды и насилія ни отъ насъ, ни отъ крымскаго панства, если вернетесь на мѣсто, мной указанное. Осталь-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1885, XIX, 197.

ное вамъ сообщитъ устно податель сего нашего листа гетманъ Дубоссарскій; для большей-же вѣры подписуемъ этотъ листъ нашею власною рукою и подтверждаемъ нашею печатью» [1]).

Такъ всѣ обращенія запорожскихъ козаковъ къ русскому царю въ теченіи цѣлыхъ 22 лѣтъ оставались «гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ»: только въ царствованіе Анны Ивановны, 1734 года, 7 сентября, при посредствѣ кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, очень покровительствовавшаго запорожцамъ, имъ дозволено было возвратиться въ Россію, поселиться на родныхъ пепелищахъ «подъ властію и обороною ея величества не тайно, а явно, и вѣчные часы жить и ей вѣрно служить».

Служи̂лы мы па̂ну ля̂ху, та щей католы̂ку,
А тепе̂рь служи̂ть не ста̂немъ от-ны̂ни й до ві̂ку!
Служи̂лы мы неві̂ръ-царю̂, ца̂рю бусурма̂ну,
А теперь послу̂жимъ, бра̂тцы, восто̂чному ца̂рю.
Восто̂чный царь на Вкрайни не доймае ві̂ры,
Засыла̂е Галыцы̂на, щобъ не було зми̂ны:
«Иды, иды, Галыцы̂ну, по̂льскою грядо̂ю,
А я пиду̂ изъ Москвою сли̂домъ за тобою.
Становы̂ся, Галицы̂ну, по вельмо̂жныхъ па̂нахъ,
А я ста̂ну изъ Москво̂ю на широ̂кихъ ла̂нахъ».

Этотъ переходъ запорожскихъ козаковъ изъ-подъ власти турецкаго султана и крымскаго хана подъ власть русской императрицы произошелъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1733 году у русскихъ съ поляками открылась война; поляки обратились съ просьбой къ крымскому хану о присылкѣ имъ въ помощь запорожскихъ козаковъ. Ханъ нашелъ нужнымъ удовлетворить просьбѣ поляковъ, и запорожцы должны были идти въ походъ противъ русскихъ. Тогда козаки, воспользовавшись этимъ благопріятнымъ для нихъ моментомъ, отправили изъ Сѣчи нѣсколько человѣкъ посланцевъ къ фельдмаршалу Миниху, стоявшему на ту пору съ войсками въ Малой Россіи, съ просьбой склонить императрицу принять запорожцевъ подъ скипетръ россійской державы. Минихъ принялъ просьбу запорожцевъ, удержалъ у себя ихъ посланцевъ, а отъ себя отправилъ донесеніе о просьбѣ запорожцевъ въ Петербургъ къ императрицѣ. Императрица, прочитавъ донесеніе фельдмаршала, благоволила принять просьбу запорожцевъ и поручила окончить съ ними этотъ вопросъ генералъ-фельдцейхмей-

[1]) Кіевская Старина, 1882, III, іюнь, 179, 180.

стеру принцу Гессенъ-Кобургскому, бывшему на русской службѣ подъ начальствомъ Миниха. Принцъ Гессенъ-Кобургскій заключилъ съ запорожскими депутатами въ городѣ Лубнахъ договоръ, на основаніи котораго запорожское войско поступало подъ скипетръ россійскихъ императоровъ; этотъ договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ семи пунктовъ: 1) всѣ вины и измѣны запорожскихъ козаковъ противъ Россіи предать вѣчному забвенію; 2) жить имъ въ мѣстахъ, гдѣ разорено было въ 1708 году ихъ жилище; 3) пользоваться промыслами какъ на рѣкѣ Днѣпрѣ рыбной ловлей, такъ въ степяхъ звѣриной охотой, безпрепятственно отъ россійскихъ кордоновъ; 4) имѣть имъ чиновниковъ по настоящему тогдашнему ихъ положенію; 5) сохранять вѣрность къ престолу россійскому и быть стражами границъ россійскаго государства; 6) быть въ зависимости отъ главнокомандующаго генерала въ Малой Россіи опредѣленнаго; 7) получать за службу ихъ жалованья на все войско 20.000 рублей ежегодно [1]). Въ томъ-же городѣ, Лубнахъ, запорожскіе депутаты присягнули отъ имени всего войска на вѣрность русской императрицѣ, и тогда въ самую Сичу отправленъ былъ генералъ-маіоръ Таракановъ для ввода козаковъ въ Россію; Тараканову вручено было нѣсколько тысячъ рублей для раздачи ихъ козакамъ на постройку новой Сичи. Едва узнали запорожскіе козаки о томъ, что въ Сичу ихъ ѣдетъ царскій посолъ, какъ тотъ-же часъ рѣшили принять его съ подобающею честью: они вышли, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ кошевымъ атаманомъ и старшиною во главѣ, за двѣ версты отъ Сичи и расположились по обѣ стороны дороги; увидя посла, они приняли его «съ учтивствомъ и поздравленіемъ» и салютовали его пушечною и ружейною пальбой; въ самой Сичи, у церкви, его встрѣтило духовенство съ «надлежащею церковною церемоніей»; въ церкви, въ присутствіи его, отслуженъ былъ молебенъ о здравіи императрицы Анны Іоанновны, съ пушечною пальбой; а послѣ молебна, на собранной войсковой радѣ, прочитана была императорская грамота о принятіи запорожцевъ подъ скипетръ россійской державы. Въ это-же время пріѣхалъ къ запорожскимъ козакамъ, съ старшинами, янычарами, «пребогатыми» дарами и денежной казной, и турецкій полномочный посолъ: султанъ, узнавъ о намѣреніи запорожскихъ козаковъ склониться на сторону русской императрицы, рѣшилъ всячески удержать ихъ у себя. Но запорожцы

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 45.

не оказали турецкому послу той чести, какую оказали они русскому послу: они только одинъ разъ выпалили изъ пушки въ честь его, но и то лишь тогда, когда онъ самъ салютовалъ ихъ, приблизясь къ Сичѣ. Турецкій посолъ привезъ съ собой султанскую грамоту и письма отъ бывшаго малороссійскаго гетмана Филиппа Орлика; и на этотъ разъ собрана была общая войсковая рада; на радѣ присутствовалъ и русскій посолъ «во всякой отъ козаковъ чести». Собравшихся козаковъ турецкій посолъ всячески убѣждалъ остаться вѣрными султану, за что обѣщалъ имъ отъ имени султана великую милость и большое жалованье на будущее время, и указывалъ имъ на то, что того-же желаетъ и гетманъ Филиппъ Орликъ. Но едва запорожцы услышали имя Орлика, какъ начали бранить и поносить его за вѣроотступничество и принятіе имъ магометанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали докорять и самихъ татаръ за ихъ недоброжелательства и налоги на запорожскихъ козаковъ: въ заключеніе козаки закричали, что они христіане и подданные русской императрицы, въ доказательство чего кошевой атаманъ, войсковая старшина и куренные атаманы подошли къ русскому послу и выказали передъ нимъ знаки полной покорности императрицѣ. Послѣ этого рада разошлась; турецкій посолъ испросилъ у запорожцевъ отвѣтъ на письмо Орлика и грамоту султана: запорожцы дали ругательный отвѣтъ по адресу Орлика, крымскаго хана и турецкихъ старшинъ и потомъ, проводивъ посла изъ Сичи въ открытую степь, внезапно напали на него и отобрали у него всю казну, привозимую имъ въ Сичь для раздачи козакамъ на случай вѣрности ихъ турецкому султану, но увезенную назадъ вслѣдствіе перехода ихъ къ Россіи. Турецкій посолъ, возвратясь къ султану, сообщилъ ему лично обо всемъ происшедшемъ въ средѣ запорожцевъ. Тогда султанъ издалъ приказъ схватить оставшихся еще въ предѣлахъ Турціи запорожскихъ козаковъ и отдать ихъ въ тяжкія работы; запорожцы, не оставаясь въ долгу, схватили нѣсколько человѣкъ турокъ и изрубили ихъ въ куски; потомъ, поднявшись всею массою, пришли въ отведенныя имъ мѣста въ Россіи и тутъ, въ присутствіи генералъ-маіора Тараканова, прежде всего присягнули на вѣрность русскому престолу; тогда о переходѣ запорожскихъ козаковъ отправлено было донесеніе императрицѣ, а о присягѣ ихъ—въ сенатъ[1]). Напрасно послѣ этого пи-

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6. 44, 45; № 8, 21, 22. Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 27—30.

салъ запорожцамъ гетманъ Филиппъ Орликъ, напоминая имъ о страшномъ событіи при Чортомлыцкой Сичѣ, «когда Москва звабивши прелестнымъ ласки царской упевненемъ старшину войсковую и товариство до присяги, утинала имъ въ таборѣ головы»; напрасно предостерегалъ онъ запорожцевъ на счетъ истинныхъ видовъ Москвы, которая, «видючи на себѣ отъусюль войну тяжкую и небезпечную, гладитъ, льститъ, золотыя горы обѣщаетъ, жалованьемъ грошовымъ потѣшаетъ и всякими вольностями упевняетъ», чтобы потомъ, съ окончаніемъ войны, прибрать къ рукамъ и погубить войско запорожское. Запорожцы твердо рѣшили оставить ненавистныхъ имъ татаръ и всѣ письма гетмана отсылали ближайшему своему покровителю, кіевскому генералъ-губернатору, графу Вейсбаху. Напрасно также старался склонитъ ихъ на свою сторону и крымскій ханъ: на письма хана запорожцы, исчисливъ всѣ бѣдствія, испытанныя ими отъ татаръ, отвѣчали: «Сицевой прето нужды все наше войско запорожское низовое изволило подъ своего православнаго монарха, ея императорскаго величества, державу склонитись и единой стороны берегтись, а въ несвѣдомыхъ нападеніяхъ сами себѣ загублять» [1]).

Возвратившись на родныя пепелища, запорожцы прежде всего занялись вопросомъ, въ какомъ мѣстѣ расположиться своею Сичею; сперва они пытались было основать Сичу у устья рѣчки Чортомлыка, но «отъ пойму водою» спустились ниже Чортомлыка [2]) и сѣли «ладно и крѣпко» своимъ Кошемъ въ такъ называемомъ Красномъ Кутѣ, между правымъ берегомъ вѣтки Подпильной и лѣвымъ рѣчки Базавлука, отдѣлявшимъ въ то время собой кодацкую паланку отъ паланки ингульской, въ настоящее время служащимъ раздѣльною линіей между екатеринославскою и херсонскою губерніями. Здѣсь они устроили такъ-называемую *Новую, Подпиленскую, Краснокутовскую Сичу*, просуществовавшую съ 1734 по 1775 годъ. Новая Сича расположена была, по точному опредѣленію данныхъ прошлаго столѣтія, на 20 верстъ ниже Микитина перевоза, подъ 47 градусомъ и 31 минутой отъ петербургскаго меридіана широты и подъ 4 градусомъ и 4 минутами долготы; она стояла на правомъ берегу вѣтки Подпильной, въ томъ именно мѣстѣ ея, гдѣ эта вѣтка даетъ отъ себя луку

[1]) Кіевская Старина, 1882 года, томъ II, апрѣль, 110, 111, 126 и друг.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, прим. 42.

или дугообразный извивъ, противъ такъ называемой Великой плавни, по которой, съ юга, встрѣчно Сичѣ, текла вѣтка Старая-Сысина, а съ востока, отъ мѣста бывшей Чортомлыцкой Сичи, несла свои воды вѣтка Скарбная: «Подпільна-мàте Днипрà, бо вонà Сысею кòрме, а Скàрбною зодягàе ёгò». Мѣсто для Новой Сичи выбрано было во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Нужно взглянуть на Подпиленскую Сичу по направленію отъ сѣвера къ югу, на разстояніи трехъ-четырехъ верстъ вдали, чтобы видѣть, на сколько удобно она расположена была въ стратегическомъ отношеніи. Сича сидѣла въ низкой котловинѣ, защищенная съ востока, юга и запада громаднѣйшей плавней въ 26 тысячъ десятинъ, которая изрѣзапа пятьюдесятью вѣтками, ериками и заточинами, шестьюдесятью большими, не считая множества малыхъ, озерами и представляла изъ себя сплошной непроходимый лѣсъ, въ которомъ человѣкъ, мало знакомый съ мѣстностью, могъ потеряться точно въ баснословномъ лабиринтѣ, и который тянулся на сотни верстъ вправо и влѣво отъ Сичи и на десятки верстъ прямо отъ нея къ югу. Подъ прикрытіемъ такихъ плавенъ запорожцы могли быть совершенно безопасны отъ своихъ близкихъ и исконныхъ враговъ, татаръ и турокъ.

Внутреннее устройство Новой Сичи представлялось въ такомъ видѣ. Сича раздѣлялась на три части — кошъ внутренній, кошъ внѣшній и цитадель. Внутренній кошъ, называвшійся иначе замкомъ или крѣпостью, по виду представлялъ изъ себя совершенно правильную форму круга въ 200 саженъ окружности: черезъ самый центръ внутренняго коша шла обширная, гладко выровненная и всегда въ большой чистотѣ содержащаяся площадь, на которой происходили войсковыя рады; въ восточномъ концѣ внутренняго коша, на той-же войсковой площади, возвышалась одноглавая «изрядная» деревянная церковь безъ ограды, крытая тесомъ, основанная, во имя Покрова пресвятой Богородицы, въ 1734 году, при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Милашевичѣ, и снабженная богатѣйшею церковною утварью, ризницей и «убором», лучше которыхъ во всей тогдашней Россіи трудно было сыскать [1]); въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ церкви стояла большая высокая колокольня, также деревянная, съ тесовою, въ

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, прим. 42; Устное повѣствованіе Никиты Коржа; Одесса, 1842, 39, 40.

два яруса, крышей и съ четырьмя окнами для пушекъ, чтобы отстрѣливаться отъ непріятеля и салютовать изъ орудій въ большіе праздники—Крещенія Господня, Пасхи, Рождества и Покрова. Близь сичевой церкви выдѣлялись: пушкарня или артиллерійскій «большой обширности» цейхгаузъ съ большимъ подваломъ, въ которомъ хранились пушки, ружья, боевая аммуниція, и который съ тѣмъ вмѣстѣ служилъ войсковой тюрьмой или секвестромъ для содержанія разныхъ преступниковъ; далѣе войсковая скарбница или «замокъ» для войсковой казны и козацкаго добра, всегда оберегавшаяся особымъ дозорцемъ; затѣмъ особое жилище для сичеваго духовенства и отдѣльный «станокъ» или помѣщеніе для кошеваго атамана, около десяти футовъ величины, на которомъ всегда развивалось бѣлое знамя въ случаѣ пребыванія кошеваго въ Сичи и съ котораго снималось оно въ случаѣ отсутствія его [1]); наконецъ, вокругъ всей площади, на подобіе подковы, расположены были тридцать восемь куреней и около куреней—куренныя скарбницы и частные домики войсковой или куренной старшины.

Внѣшній кошъ отдѣленъ былъ отъ внутренняго особымъ валомъ, на самой рединѣ котораго, съ юга на сѣверъ, устроены были широкія ворота съ высокою изъ дикаго камня у лѣвой половины ихъ «баштою», снабженною пушками и боевыми снарядами: ворота вели изъ внутренняго коша во внѣшній и всегда охранялись особыми часовыми [2]), такъ называемыми «вартовыми» козаками. Внѣшній кошъ назывался иначе форштатомъ, т. е. предмѣстьемъ, гассанъ-базаромъ, торговымъ базаромъ, слободой запорожскихъ козаковъ, и занималъ 200 саженъ въ длину и 70 саженъ въ ширину: на немъ было до 500 куренныхъ козачьихъ, торговыхъ и мастеровыхъ домовъ — кожевниковъ, сапожниковъ, портныхъ, плотниковъ, слесарей, кузнецовъ, умѣвшихъ кромѣ своего дѣла приготовлять порохъ для войска: всѣ эти люди, «по ихъ козацкому манеру и обыкновенію», свои работы исполняли платно и числились въ куреняхъ наравнѣ съ прочими козаками [3]);

---

[1]) Срезневскій. Украинская старина, Харьковъ, 1832, 114; Клавдіусъ Рондо. Кіевская Старина, 1889, ноябрь, 445; у Мышецкаго находимъ, однако, указаніе, что кошевой жилъ въ общемъ со своими козаками куренѣ: Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 48.

[2]) Устное повѣствованіе запорожца Никиты Коржа, Одесса, 1842, 41.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 48, 81.

кромѣ дворовъ имѣлось 100 лавокъ, нѣсколько торговыхъ рядовъ и простыхъ ятокъ, въ которыхъ продавались хлѣбъ, мука, крупа, мясо, масло и проч., и нѣсколько шинковъ, съ виноградвымъ виномъ, горилкою, пивомъ, медомъ и другими напитками; лавки, ряды и шинки или составляли собственность войска и только арендовались купцами, или-же совсѣмъ принадлежали купцамъ, пріѣзжимъ малороссіянамъ, армянамъ, татарамъ, полякамъ, жидамъ; торговые люди, также какъ и мастеровые, если только они были православные, причислялись къ куренямъ и жили какъ настоящіе сичевые козаки, но строевой службы не отбывали «ради своего ремесла» [1]); для надзора за порядкомъ и добросовѣстною продажею товаровъ въ Сичи слѣдили базарный атаманъ и войсковой кантаржей, т. е. хранитель образцовыхъ вѣсовъ и мѣръ, жившіе въ особо устроенныхъ для нихъ помѣщеніяхъ. Внѣшній кошъ, также какъ и внутренній, запирался широкими воротами, стоявшими отъ запада къ востоку, параллельно Подпильной, а не отъ юга къ сѣверу, встрѣчно ей, какъ во внутреннемъ кошѣ.

Цитадель, или такъ называемый Новосѣченскій ретраншементъ, устроена была въ юговосточномъ углу внѣшняго коша и представляла изъ себя небольшой четыреугольникъ около 85 саженъ длины и до 50 саженъ ширины, съ небольшими воротами во внѣшній кошъ; цитадель, вмѣстѣ съ внѣшнимъ кошемъ, обнесена была глубокимъ рвомъ и защищена высокимъ земляным валомъ. Она устроена была въ 1735 году по распоряженію русскаго правительства съ видимою цѣлію защищать запорожскихъ козаковъ отъ татаръ и турокъ, но съ дѣйствительною «для исправнѣйшаго производженія тамошнихъ дѣлъ и смотрѣнія пропусковъ заграницу, а наипаче для смотрѣнія за своевольными запорожцами, дабы ихъ хотя нѣкоторымъ образомъ воздерживать, и отъ времени до времени въ порядокъ приводить [2]). Запорожцы, понимая скрытую цѣль построенія Новосѣченскаго ретраншемента, выражались на этотъ счетъ образно: «Засѣла намъ москóвська болячка въ печинкàхъ!..» Въ цитадели устроены были—комендантскій домъ, офицерскія, инженерныя и

[1]) Новый географическій словарь Щекатова и Максимовича, Москва, 1788, II, 7—44; по смыслу описанія 1774 года выходитъ, какъ будто «торговыя лавки» находились не во внѣшнемъ кошѣ, а во внутреннемъ: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, пр. 42.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 124, VIII.

артиллерійскія помѣщенія, пороховые погреба, солдатскія казармы и гауптвахта; въ ней всегда стояли двѣ съ 6-ю орудіями роты солдатъ изъ крѣпостныхъ батальоновъ кіевскаго гарнизона, отдѣлявшихся по воинскому штату въ крѣпость св. Елизаветы и отсюда посылавшихся въ Новосѣченскій ретраншементъ; здѣсь они жили подъ начальствомъ коменданта, русскаго штабъ-офицера, присылавшагося въ Сичу также изъ Кіева, по распоряженію кіевскаго генералъ-губернатора [1]).

Съ внѣшней стороны все мѣсто Новой Сичи окопано было рвомъ и обведено общимъ землянымъ высокимъ валомъ, который, дѣлая разные углы и выступы, упирался двумя концами въ вѣтку Подпильную; по валу стоялъ высокій частоколъ, сдѣланный изъ толстыхъ бревенъ, сверху заостренныхъ и снизу просмоленныхъ смолой.

Къ западу, за общимъ рвомъ, вдоль вѣтки Подпильной, тянулись запорожскіе зимовники или «хаты» [2]), а къ юговостоку отъ нихъ, черезъ Подпильную, чернѣли волчьи ямы, засады, окопы, ложементы, устроенные около Сичи во время бывшей русско-турецкой войны въ 1736 году [3]). Наконецъ, противъ внутренняго коша, на берегу Подпильной, устроена была рѣчная пристань, куда приходили изъ Чернаго моря лиманомъ, Днѣпромъ, Павлюкомъ и вѣткою Подпильною, въ то время довольно глубокою и широкою, козацкія чайки, греческія и турецкія суда съ разною бакалеей—изюмомъ, винными ягодами, лимонами, сорочинскимъ пшеномъ, орѣхами, кофеемъ, различными заморскими винами и дорогими шелковыми матеріами, уходя обратно съ чугунною посудою, желѣзомъ, пенькой и другими товарами [4]). Съ сухопутной стороны къ Новой Сичѣ проложены были два шляха—одинъ на Микитино и Хортицу, другой въ Украйну на Переволочну.

Въ настоящее время на мѣстѣ Новой Сичи отъ времени запорожскихъ козаковъ сохранилось нѣсколько остатковъ старины—на кладбищѣ, въ церкви и въ рукахъ частныхъ лицъ. На бывшемъ запорожскомъ кладбищѣ уцѣлѣло четыре намогильныхъ песчаниковыхъ креста съ надписями, открывающими имена погребенныхъ козаковъ: подъ однимъ покоится прахъ казака Ивана Чапли, умершаго

---

[1]) Записки одесскаго общества ист. и древн., IV, 469; VII, 176, пр. 42.

[2]) Такъ названы на картѣ де-Боксета; Записки од. об. ист. и др., IV, таб. XI.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IV, 469.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 176, пр. 42.

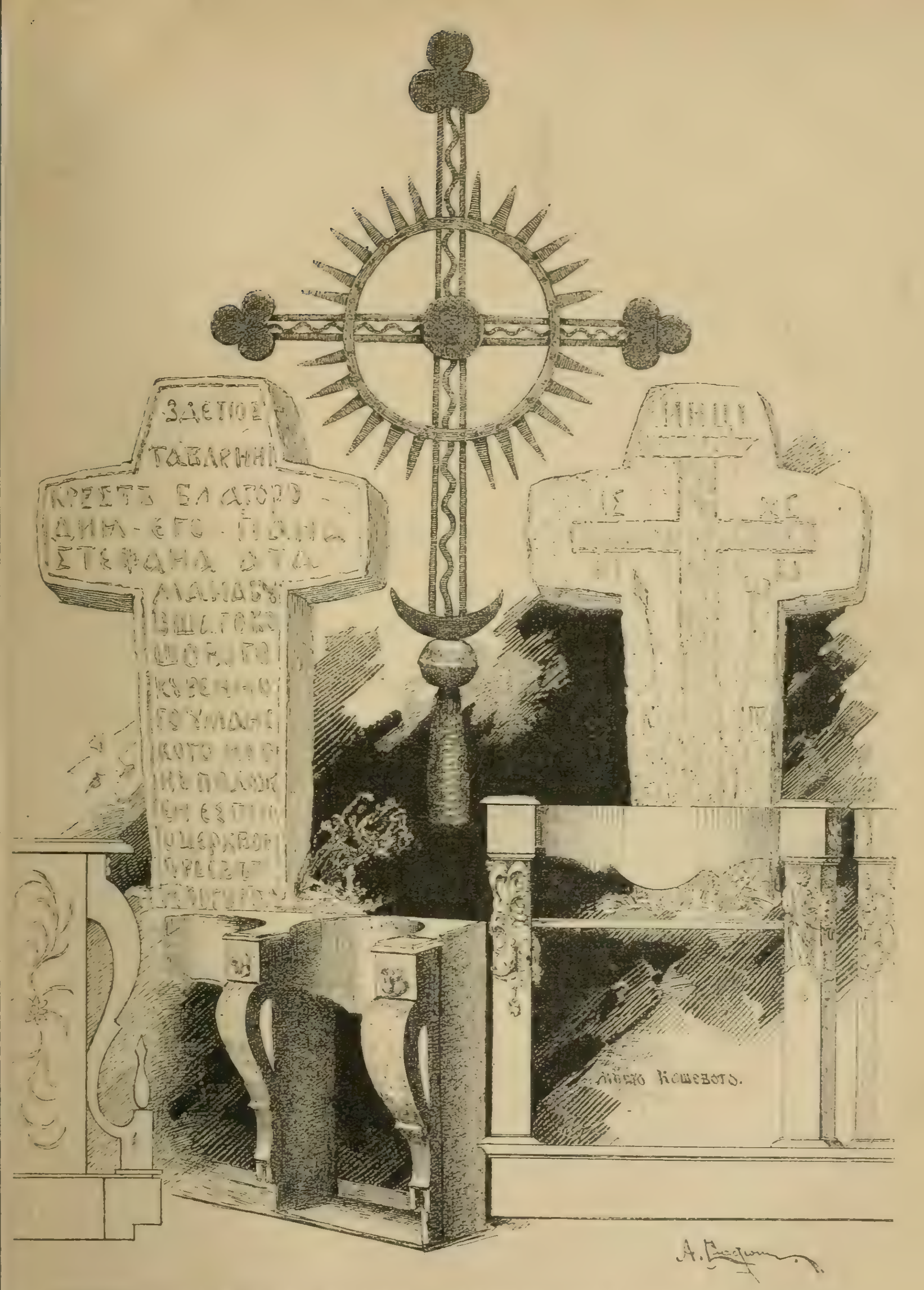
въ 1728 году, 4 сентября; подъ другимъ—прахъ Даніила Борисенка, умершаго въ 1729 году, 4 мая; подъ третьимъ—прахъ Ивана Каписа, умершаго въ 1779 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ: на четвертомъ крестѣ сдѣлана надпись, гласящая о смерти кошевого атамана Степана Гладкаго, умершаго въ 1747 году, 13 мая, и погребеннаго подъ церковью пресвятой Богородицы въ Сичи, но увѣковѣченнаго сооруженіемъ креста на общемъ кладбищѣ: «Зде поставленні(ый) крестъ благородия его пана Стефана атамана бывшого кошового куреня уманского но онъ положенъ ест по (=подъ) церквою пресвятія богородицы преставися вро(=року) 1747 у маю дня 13» [1]). Кромѣ намогильныхъ крестовъ отъ запорожскихъ козаковъ сохранились еще на мѣстѣ бывшей Новой-Сичи, у мѣстныхъ крестьянъ, четыре сволока отъ козацкихъ жилищъ,—одинъ отъ запорожскаго куреня съ надписью 1710 года, 24 мая, у крестьянина Корнія Забары; другой отъ будинка кошевого атамана Якима Игнатовича съ надписью 1746 года, 9 іюня, у крестьянина Клима Пироговскаго; третій отъ будинка-же кошевого Василія Григорьевича Сыча съ надписью 1747 года, 13 августа, у крестьянина Митрофана Черного, и четвертый отъ домика козака Григорія Комышана съ надписью 1765 года, 10 мая, у священника Георгія Ващинскаго [2]). Уцѣлѣли еще желѣзный крестъ съ сичевой церкви, находящійся въ экономическомъ дворѣ мѣстнаго владѣльца, и нѣсколько вещей въ мѣстной церкви, каковы: антиминсъ 1754 года, чаши, кресты, иконы, ризы, епитрахили, евангелія, богослужебныя книги, блюда, тарелки, чарочки, бокуны, или стасидіи, т. е. мѣста для старшины, аналои, фонари, кадила, орлецы, хоругви, божницы, деревянная лопаточка для поминанія умершихъ и наконецъ цѣлый иконостасъ превосходной византійской живописи, хранящійся на хорахъ мѣстной церкви.

Изъ дошедшей до насъ *неполной* описи вещей покровской церкви Новой Сичи видно, какимъ богатствомъ она отличалась: въ ней были: два большихъ напрестольныхъ лихтаря (подсвѣчника): одинъ крестъ съ мощами; четыре серебряныхъ лампады съ серебряными позлащенными дощечками, хранившіяся на хорахъ: двадцать разныхъ иконъ на мѣдныхъ бляшкахъ, отдѣланныхъ серебромъ; пятьдесятъ серебряныхъ позлащенныхъ разнаго «сорта» коронъ: че-

---

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 189.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 189.



Церковныя мѣста, крестъ Никитинской сичевой церкви, памятникъ Гладкаго.—Къ стр. 176—177.

тыре серебряныхъ вызолоченныхъ креста, между коими три съ серебряными ланцюжками (цѣпочками); два кипарисныхъ, отдѣланныхъ въ серебро, креста; два серебряныхъ, вызолоченныхъ дуката; два куска червонцевъ въ лому; одинъ кусокъ золота; одинъ слитокъ серебра, вѣсомъ 24 фунта; тринадцать нитокъ мелкаго и три нитки крупнаго жемчуга съ красными кораллами на мѣстной иконѣ Богоматери; пятнадцать, съ двумя большими и двумя малыми червонцами, нитокъ мелкаго жемчуга и шесть нитокъ съ красными монистами крупнаго на меньшей иконѣ Богоматери; десять нитокъ жемчуга съ шестью пуговицами; пятьдесятъ нитокъ простаго мониста изъ крупныхъ и мелкихъ коралловъ съ двумя червонцами и кускомъ янтаря; сто-пятьдесятъ-три разнаго калибера червонцевъ на четырехъ ланцюжкахъ, въ числѣ коихъ десять большихъ; сто-двадцать книгъ разнаго наименованія, богослужебныхъ, нравственныхъ, и историческихъ; двадцать-восемь фелоней изъ парчи, разныхъ цвѣтовъ и достоинствъ; двѣнадцать подризниковъ; двадцать-восемь паръ поручей; двѣнадцать епитрахилей; семьдесятъ-семь стихарей; девять поясовъ; пятьдесятъ-семь платковъ шелковыхъ и на бѣломъ полотнѣ гаптованныхъ золотомъ, серебромъ и шелкомъ; одиннадцать напрестольныхъ облаченій; шесть паръ воздуховъ; три аналойчатыхъ покрова; два куска парчи; два куска штофа; два куска гарнитуры; двадцать-восемь штукъ мѣдной посуды, отъ котловъ до мисокъ; тридцать штукъ оловянной посуды [1]).

«Между церквами новороссійскаго края, замѣчаетъ архіепископъ Гавріилъ, наибольшая была покровская, что въ Сѣчи запорожцевъ, по великому числу находившихся тамъ драгоцѣнныхъ вещей. Преосвященный Евгеній, архіепископъ славянскій, докладывалъ святѣйшему синоду, чтобъ дозволено было взять нѣсколько утвари церковной изъ села Покровскаго въ славянскую архіерейскую ризницу... Синодъ предписалъ тогда потребовать дикиріи, трикиріи, посохъ, умывальницу съ блюдомъ и орлецы» [2]).

Кромѣ перечисленныхъ остатковъ запорожской старины, сохранившихся на мѣстѣ бывшей Новой Сичи, уцѣлѣли еще земляныя укрѣпленія въ видѣ рвовъ и высокихъ, больше двухъ саженъ высоты, валовъ. Въ общемъ эти укрѣпленія представляютъ изъ себя

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 535—538.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, III, 104—106.

нѣсколько неправильный четыреугольникъ, протянувшійся вдоль праваго берега рѣчки Подпильной и состоящій всего лишь изъ трехъ линій: съ восточной стороны, по направленію отъ сѣвера къ югу, встрѣчно Подпильной, идетъ наклонная линія 100 саженъ длины; съ сѣверной окраины, по направленію отъ сѣверовостока къ югозападу, идетъ неправильная ломанная линія, подъ тупымъ угломъ, на протяженіи 220 саженъ; съ западной стороны, по направленію отъ сѣвера къ югу, подъ прямымъ угломъ, идетъ совершенно правильная линія, на протяженіи 70 саженъ длины до самой Подпильной; основаніемъ-же для всей этой фигуры укрѣпленій, съ южной стороны, служитъ сама рѣчка Подпильная. Таковъ видъ уцѣлѣвшихъ укрѣпленій извнѣ. Внутри укрѣпленій, съ восточной стороны, по направленію отъ сѣвера къ востоку, уцѣлѣлъ какой-то ровъ, идущій въ видѣ наклонной линіи, на протяженіи 74 саженей длины, прямо къ Подпильной; а у праваго берега рѣки, противъ самой средины укрѣпленій, сохранились рвы, отдѣлявшіе отъ внѣшняго коша внутренній; они начинаются у самаго берега рѣки, идутъ сперва отъ юга къ сѣверу, потомъ подъ тупымъ угломъ поворачиваютъ отъ востока къ западу и оканчиваются такъ называемымъ «оступомъ» или бухтой, служившей у запорожцевъ пристанью, называвшейся Царской, куда они заводили свои чайки и каюки. Длина рвовъ послѣдняго укрѣпленія имѣетъ всего лишь 110 саженъ, по прямой линіи, съ небольшимъ пропускомъ на сѣверной линіи, очевидно, для воротъ.

Къ сказанному объ уцѣлѣвшихъ укрѣпленіяхъ на мѣстѣ бывшей Новой Сичи нужно прибавить еще то, что на сѣверной линіи его сохранились кромѣ того три редута и пропускъ для широкихъ воротъ, ведшихъ во внѣшній кошъ, а у югозападнаго конца, уже за рѣчкой Подпильной, уцѣлѣло такъ называемое городище, имѣющее видъ совершенно отдѣльнаго укрѣпленія, обнесеннаго четырьмя глубокими «бакаями» или канавами: съ запада въ семьдесятъ-четыре сажени, съ востока въ сто-тридцать саженъ, съ сѣвера въ восемьдесятъ и съ юга въ сорокъ саженъ, до трехъ саженъ въ каждой сторонѣ глубины. Въ послѣднемъ укрѣпленіи, «городищѣ», по разсказамъ старожиловъ, у запорожцевъ стояли хаты и погреба; тутъ-же они будто-бы хоронили и своихъ покойниковъ. Сообщеніе изъ Сичи черезъ Подпильную съ городищемъ не представляло тогда никакихъ затрудненій, потому что черезъ рѣчку къ городищу велъ мостъ. Въ настоящее время это городище представ-

ляетъ изъ себя совершенно ровную, какъ будто нарочно утрамбованную или убитую цѣпами площадь, въ самой срединѣ которой стоитъ вѣковая развѣсистая груша, а съ трехъ сторонъ—южной, западной и восточной—высятся громаднѣйшія вербы и еще громаднѣе вербъ осокори, между которыми переплелся непролазный терновникъ.

По всѣмъ уцѣлѣвшимъ укрѣпленіямъ, кромѣ городища, разбросаны въ настоящее время хаты крестьянъ села Покровскаго. Оттого, чтобы измѣрить всѣ укрѣпленія Новой Сичи и чтобы составить себѣ представленіе объ общей ихъ схемѣ, нужно проходить черезъ многіе огороды, лазить черезъ плетни, заглядывать подъ сараи, идти черезъ сады, подниматься на крыши крестьянскихъ хатъ, и тогда только можно услѣдить направленіе всѣхъ валовъ и насыпей. Многое, разумѣется, изъ того, что сохранялось вцѣлѣ лѣтъ сорокъ и даже двадцать тому назадъ, теперь уже разрушено и едва узнаваемо, а многое даже и совсѣмъ истреблено. Однако, остатки старины и теперь очень часто находятся, и всего больше человѣческіе скелеты: задумаетъ-ли крестьянинъ выкопать яму для какой-нибудь постройки, или разровнять мѣсто для сада, или просто вспахать землю для посѣва, онъ непремѣнно найдетъ если не черепъ, то кости рукъ или ногъ человѣка. Даже дѣти, играя въ грядки и вскапывая палочками землю, находятъ часто человѣческіе черепа и безъ всякой боязни надѣваютъ ихъ себѣ на головы,—такъ ужъ они привыкли къ подобнаго рода находкамъ. «Впервые, когда я здѣсь поселился, говоритъ мѣстный священникъ, отецъ Андрей Барышпольскій, то я никакъ не могъ завести у себя деревьевъ въ палисадникѣ: что посажу, а они и засохнутъ, что воткну въ землю, а они и пропадутъ. Долго я не могъ понять, отъ чего это происходитъ; наконецъ, однажды я сталъ копать землю въ палисадникѣ и тутъ подъ первымъ слоемъ ея увидѣлъ множество человѣческихъ костей и между ними страшную массу лягушекъ; я былъ положительно пораженъ этимъ, но тогда-же понялъ, отчего у меня не принимались деревья. Удаливъ кости и очистивъ мѣсто отъ лягушекъ, я вновь насадилъ нѣсколько деревьевъ, и съ тѣхъ поръ они ростутъ превосходно» [1]).

Помимо скелетовъ на мѣстѣ бывшей Новой Сичи находятъ и множество разныхъ вещей: пистолеты, кинжалы, ножи, сабли, ружья, пушки, ядра, пули, куски свинцу, круги дроту, кувшины,

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 195.

кафли, казаны, графины, чугуны, бутылки, штофы, кольца, перстни, тарелки, кубки, цѣлыя бочки смолы, слои угля, склады сухарей, кучи пшеницы, гудзыки, пряжки, бубенцы, мониста на дроту, деньги, трубки-носогрійки, или такъ называемыя люльки-буруньки (отъ турецкаго «бурунъ»—носъ), разрисованныя разными «фигурами» и окрашенныя разными красками, наконецъ, нашли даже двѣ лодки, открытыя въ вѣткѣ Сысиной и въ 1890 году вытащенныя изъ воды [1]).

Послѣ уничтоженія Запорожья, въ 1775 году, на мѣстѣ бывшей Новой Сичи возникло село Покровское, населенное разными выходцами изъ старої Малороссіи. Въ 1777 году, по распоряженію новороссійскаго губернатора Матвѣя Васильевича Муромцева, Покровское объявлено было премьеръ-маіоромъ Иваномъ Максимовичемъ Синельниковымъ городомъ Покровскомъ съ «провинціальной канцеляріеій и славянскимъ духовнымъ правленіемъ» при немъ; но потомъ, уже въ слѣдующемъ, 1778 году, Синельниковъ получилъ приказаніе перевести провинціальную канцелярію изъ Покровскаго въ бывшее селеніе Никитино съ переименованіемъ послѣдняго въ Никополь [2]), а Покровскому велѣно было дать наименованіе мѣстечка. Съ 1784 года Покровское становится слободой; въ настоящее время это обширнѣйшее и многолюднѣйшее село екатеринославской губерніи и уѣзда; послѣ паденія Сичи оно отдано было, по указу императрицы Екатерины II, вмѣстѣ съ бывшей Чортомлыцкой Сичью, теперешней деревней Капуливкой, и Базавлуцкою Сичью, князю Александру Алексѣевичу Вяземскому; отъ князя Вяземскаго, по купчей 1802 года, перешло къ Николаю Ивановичу Штиглицу; по смерти Николая Ивановича Штиглица перешло въ родъ брата его, барона Любима Штиглица; изъ рода барона Штиглица, по купчей 1861 года, перешло къ великому князю Михаилу Николаевичу.

---

[1]) Эварницкій. Запорожскія лодки: Одесскій листокъ, 1890, № 100, 2.

[2]) Изъ фамильныхъ бумагъ генералъ-маіора Алексѣя Николаевича Синельникова, владѣльца села Любимовки, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда.

Составъ, основаніе и число славнаго запорожскаго низового товариства.

Запорожскіе козаки, живя въ Сичи безъ женъ и безъ поколѣнія, а между тѣмъ ежегодно, даже иногда ежедневно уменьшаясь въ своемъ числѣ отъ войны, болѣзней и старостей, всякими мѣрами старались пополнить свою убыль и увеличить составъ своего войска. Отсюда понятно, почему козаки принимали въ свое общество всякаго приходившаго къ нимъ и бравшаго на себя нѣкоторыя обязательства, необходимыя для поступленія въ Сичу. Лица, близко стоявшія къ запорожскимъ козакамъ и оставившія о нихъ разныя воспоминанія, одинаково свидѣтельствуютъ, что въ Сичѣ можно было встрѣтить всякія народности, чуть-ли не со всего свѣта выходцевъ—украинцевъ, поляковъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ, великоруссовъ, донцевъ, болгаръ, волоховъ, черногорцевъ, татаръ, турокъ, жидовъ, калмыковъ, нѣмцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и англичанъ [1]). Но главный процентъ приходившихъ въ Сичу давала, разумѣется, Украйна. «Всѣ они, говоритъ очевидецъ XVII вѣка, Яковъ Собѣсскій, произошли изъ Россіи (т. е. Великороссіи и Малороссіи), хотя есть много между ними обезславленныхъ дворянъ изъ Малой и Великой Польши, также нѣсколько германцевъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, изгнанныхъ за проступки» [2]). «Запорожскіе козаки, замѣчаетъ академикъ XVIII вѣка Іоганнъ Георги, были безпотомственные потомки черкасскихъ (т. е. украинскихъ) козаковъ, на Днѣпрѣ поселившихся» [3]). Тоже подтверждаетъ и англичанинъ Клавдіусъ Рондо въ 1736 году [4]). «Въ Запорогахъ живутъ ихъ же братья

---

[1]) Георги. Описаніе всѣхъ обитавшихъ въ Россіи народовъ, Спб., 1790, IV, 358; Вероника Кребсъ. Уманьская рѣзня, Кіевъ, 1879, 33; Записки о Хотинской войнѣ Якова Собѣсскаго, Черниговскія губернскія вѣдомости, 1849, 25 ноября; Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 77.

[2]) Черниговскія губернскія вѣдомости, 1849, 25 ноября.

[3]) Описаніе всѣхъ въ Россіи народовъ, Спб., 1790, IV, 347.

[4]) Кіевская старина, 1889, № 11, ноябрь, 445, 446.

*

козаки, переходя изъ городовъ для промысловъ, а иные, которой пропьетца или проиграетца» [1]).

Мотивы, которые заставляли многихъ искать прiюта себѣ въ дикомъ Запорожьѣ, были весьма различны: въ Сичу шли люди «и по доброй волѣ и по неволѣ». Тутъ были тѣ, которые отъ женъ бѣжали, отца и мать покидали, «съ-подъ пана втикали» [2]): тутъ были и кровно обиженные, не нашедшiе себѣ на родинѣ никакого удовлетворенiя, не имѣвшiе никакого насущнаго куска для пропитанiя; тутъ были всѣ натерпѣвшiеся отъ тяглыхъ повинностей, всѣ оскорбленные и униженные за свою вѣру и народность, всѣ перенесшiе варварскiя пытки, жестокiя истязанiя за человѣческiя права, за свое существованiе: тутъ были и тѣ, которые чувствовали въ себѣ «волю огненную, силу богатырскую», которые носили въ груди своей «тоску лютую», «горе-злосчастiе»; тутъ были и «самосбройцы польскiе» и «ускоки задунайскiе» и «западные люди, чуждые русскимъ, маловѣдомые». Всѣ такiе находили радушный прiемъ въ Запорожьѣ: находили здѣсь широкiй прiютъ и тѣ, которыхъ привлекла воля, добыча, молодечество, слава. «Волю имѣемъ за дражайшую вещь, потому что видимъ, рыбамъ, птицамъ, также и звѣремъ, и всякому созданiю есть оная мила» [3]). «Сичь-мàте, а Велыкiй-Лугъ бàтько, оттàмъ трèба й прожѝвати, тамъ-же трèба и вмирати». Кромѣ всего этого приходили, разумѣется, въ Сичу и разные преступники, осужденные на казнь злодѣи, дезертеры, всякiе проходимцы, но они въ общемъ не давали дурной окраски запорожскому товариству и, по справедливому замѣчанiю В. П. Коховскаго, не могли имѣть разлагающаго влiянiя на козаковъ, вслѣдствiе строгости запорожскихъ законовъ, смертельно каравшихъ преступниковъ, провинившихся въ Сичи [4]). Отъ польскаго правительства не разъ предъявлялись требованiя въ Кошъ, какъ это было, напримѣръ, послѣ сейма въ 1590 году, не принимать въ войско запорожское осужденныхъ и приговоренныхъ къ смерти [5]). Самимъ полякамъ, послѣ сейма въ 1635 году, запрещено было ходить съ запорожцами въ море и дѣлать заодно съ ними морскiе походы [6]). Но все это было

[1]) Акты южной и западной Россiи, IV, 57.

[2]) Эварницкiй. Запорожье въ остаткахъ стар., II, 5.

[3]) Акты южной и западной Россiи. VI, 204.

[4]) Опытъ изученiя войнъ Б. Хмельницкаго, Спб., 1862, 80—85.

[5]) Volumena legum, a 1590, v. II, f., 1329; С.-Петербургъ.

[6]) Скальковскiй. Исторiя Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 81.

напрасно, и многіе изъ подданныхъ Рѣчи-Посполитой часто наполняли собой запорожское войско.

Какимъ образомъ въ частности составлялось войско запорожскихъ низовыхъ козаковъ, на то у насъ имѣется нѣсколько подлинныхъ указаній. «Родился я въ Литвѣ, въ воеводствѣ новгородскомъ, отъ дому шляхетскаго. Отецъ мой въ молодыхъ лѣтахъ отдалъ меня въ службу къ полковнику Галисевичу, у котораго служилъ я цѣлый годъ и отошелъ надлежаще. А потомъ былъ въ службѣ у его милости господина Соллогуба, чрезъ три недѣли, а послѣ присталъ до его милости господина Мокроновскаго, съ которымъ пріѣхавши до Кіева, ушелъ отъ него. Когда-же по Кіеву шатался, подмовили меня козаки сичевые, съ которыми, сѣвши въ дубъ, поѣхалъ до Сѣчи, и пріѣхавши присталъ въ курень каневскій, гдѣ и названо меня Иваномъ Ляхомъ». «Родился я на Украйнѣ, въ самый день Ивана Купала, какого года не знаю; мой отецъ Сидоръ Пересунька воспитывалъ меня до 9 лѣтъ, т. е. училъ работать да Богу молиться. Послѣ взяли меня въ Сѣчь, гдѣ я при панѣ кошевомъ былъ молодикомъ, а въ 20 лѣтъ меня взяли и записали въ войско. Въ войскѣ назвали меня Журбою, ибо я все молча работалъ, а послѣ за то, что на чатѣ проглядѣлъ, какъ поляки нашу добычу отняли, назвали меня Иваномъ Прислипою» [1]. «Я уроженецъ Новыхъ-Кодакъ, куда зашли мои предки изъ Гетьманщины. Въ Кодакахъ занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ и рыбною ловлею, а иногда и звѣриною охотою: ибо во время Запорожья вездѣ надъ Днѣпромъ, съ обѣихъ сторонъ, были сильные и густые лѣса, и разнаго рода дикихъ звѣрей множество. Проживши при родителяхъ до 7 лѣтъ, взятъ былъ на воспитаніе крестнымъ отцомъ въ Сѣчь, гдѣ онъ былъ старшиною, а зимовникъ свой со скотоводствомъ имѣлъ при рѣкѣ Сухой-Сурѣ, гдѣ нынѣ я проживаю и въ той самой хатѣ, которую крестный отецъ мой выстроилъ, и которая хата до сего времени существуетъ... Крестный отецъ мой былъ отъ юности не женатъ; съ молодыхъ моихъ лѣтъ до женитьбы былъ я въ послушаніи у крестнаго моего отца, какъ въ Сѣчѣ при куренѣ, такъ и въ зимовникѣ по его хозяйству... Я былъ очень рѣзвъ и проворенъ: однажды, ѣдучи изъ Новыхъ-Кодакъ въ Сѣчь и проѣзжая мимо высокой могилы, мы взбѣжали на ея вершину и, побѣгавъ

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 261.

нѣсколько минутъ, стали спускаться. Товарищи пошли по утоптанной тропинкѣ, а я вздумалъ идти прямо, но курганъ очень былъ крутъ, а трава сухая, я оступился, упалъ и покатился внизъ какъ кубарь или коржъ. «Коржомъ, коржомъ свалывся»! закричали козаки, и съ того дня всѣ меня звали Никитою, по прозвищу Коржомъ. Мой крестный отецъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ: «нехай буде и Коржъ» [1]). «Родился онъ, козакъ Василій Перехристъ, въ польской области, губерніи чигринской, въ мѣстечкѣ Чигринѣ, отъ евреина Айзика, и въ 1748 году, будучи тамъ по купечеству войска запорожскаго низового козакомъ куреня пластунивскаго Яковомъ Каваленкомъ его Перехриста отъ толь съ Чигрина, съ добровольнаго его въ Сѣчь запорожскую желаніе привезено, гдѣ въ Сѣчи будучимъ въ то время начальникомъ Кіево-Межигорскаго монастыря іеромонахомъ Пафнутіемъ Ямпольскимъ; при чемъ были воспріемники войска запорожскаго низового товариство куреней куцевскаго Лавринъ Горбъ, дядьковскаго Гаврило Шарый и пластунивскаго Иванъ Макаровъ, въ церкви сичевой Покрова пресвятой Богоматери окрещенъ, и выконавши въ той церкви на вѣрность ея императорскаго величества присягу, въ войску запорожскомъ въ куцовскомъ куренѣ служилъ» [2]).

Кромѣ взрослыхъ, безпрерывно приходившихъ въ Сичь, немало попадало туда и дѣтей мужского пола: однихъ изъ нихъ сами отцы приводили въ Сичу, чтобы научить ихъ тамъ военному искусству; другихъ козаки хватали на войнѣ и потомъ усыновляли въ Сичи; третьихъ, особенно круглыхъ сиротъ, они брали вмѣсто дѣтей: четвертыхъ, чаще всего «небожей» или «сыновцовъ», т. е. племянниковъ, выпрашивали у родителей; пятыхъ просто приманивали къ себѣ гостинцами и ласками и потомъ тайно увозили въ Сичу [3]).

Но всякому, кто бы онъ ни былъ, откуда бы и когда бы ни пришелъ на Запорожье, доступъ былъ свободенъ въ Сичу при слѣдующихъ *пяти* условіяхъ: быть вольнымъ и неженатымъ человѣкомъ, говорить малорусскою рѣчью, присягнуть на вѣрность русскому царю, исповѣдывать православную вѣру и пройти извѣстнаго рода ученіе. По первому обязательству требовалось, чтобы поступавшій

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, 1842, 58.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I. 261.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 17: Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 6.

въ Сичу былъ дворяниномъ, поповичемъ, козакомъ, татариномъ, туркомъ, вообще всѣмъ, чѣмъ угодно, но не крестьяниномъ, и кромѣ того неженатымъ человѣкомъ [1]): впрочемъ, это условіе часто обходилось, такъ какъ всякій могъ назвать себя и вольнымъ, и безсемейнымъ: за то разъ принятый въ Сичь, козакъ долженъ былъ вести строго цѣломудренную жизнь и карался смертною казнью, если вводилъ въ Сичь женщину, не исключая матери и сестры. По второму обязательству требовалось, чтобы поступившій въ Сичу, если онъ не былъ русскимъ, забылъ свою природную рѣчь и говорилъ козацкою, т. е. малороссійскою, рѣчью [2]); это условіе никогда и никѣмъ не нарушалось. По третьему обязательству поступившій въ Сичу долженъ былъ присягнуть вѣрно, неизмѣнно и до конца своей жизни служить русскому престолу и принести о томъ присягу въ церкви передъ престоломъ божіимъ [3]). По четвертому обязательству поступавшій въ Сичу долженъ былъ непремѣнно исповѣдывать православную вѣру, признавать ея догматы, соблюдать посты, знать символъ вѣры и молитву Господню: если онъ былъ католикъ или лютеранинъ, долженъ принять православіе, если-же онъ былъ жидъ или магометанинъ, долженъ былъ креститься торжественно въ «грекороссійскую» вѣру [4]). По пятому обязательству поступавшій въ Сичу долженъ былъ сперва присмотрѣться къ порядкамъ войсковымъ, изучить пріемы сичеваго рыцарства и потомъ уже записываться въ число испытанныхъ товарищей [5]), что могло быть не раньше, какъ по истеченіи семи лѣтъ [6]).

Принявшій всѣ пять условій свободенъ былъ отъ всякихъ другихъ, какихъ бы то ни было, требованій: у него не спрашивали ни вида, ни билета, ни ручательства: «того ни батькѝ, ни отцѝ не знали, тай прáдиды не чувáли» [7]). Впрочемъ, преданія и нѣкоторыя историческія свидѣтельства утверждаютъ, будто-бы поступавшихъ въ Сичу подвергали еще особаго рода искусу, именно испытывали степень его находчивости и смѣлости. «Какъ сманять, бывало, запорожцы къ себѣ въ Сичь какого-нибудь парня изъ Гетманщины,

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 50, 79.
[2]) Яковъ Собѣскій. Черниговскія губер. вѣдом., 1849, 25 ноября.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 77.
[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 77.
[5]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 77.
[6]) Клавдіусъ Рондо. Кіевская Старина, 1889, № 11, 446.
[7]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1852, 51.

то сперва пробуютъ, годится-ли онъ въ запорожцы. Прикажутъ ему, напримѣръ, варить кашу: «Смотри же ты, вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипѣла. А мы пойдемъ косить. Когда будетъ готова, такъ ты выходи на такой-то курганъ и зови насъ; мы услышимъ и придемъ». Возьмутъ косы и пойдутъ какъ будто бы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залѣзутъ въ камышъ и лежатъ. Вотъ парень сваритъ кашу, выходитъ на курганъ и начинаетъ звать. Они и слышатъ, но не откликаются. Зоветъ онъ ихъ, зоветъ, а потомъ въ слезы: «Вотъ занесла меня нечистая сила къ этимъ запорожцамъ! Лучше было-бы сидѣть дома при отцѣ, при матери! О, бѣдная моя головушка! Кой чортъ занесъ меня къ этимъ запорожцамъ!» А они лежатъ въ травѣ, выслушаютъ все это и говорятъ: «Нѣтъ, это не нашъ!» Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ: «Ступай себѣ къ нечистому! Намъ такихъ не надо!» А который молодецъ удастся расторопный и смѣтливый, тотъ, взошедши на курганъ, крикнетъ два раза: «Эй, панове молодцы, идите каши ѣсть!» и какъ не откликнутся, то онъ: «Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! Буду я и одинъ ѣсть кашу!» Да еще передъ отходомъ приударитъ на курганѣ гопака: «Ой тутъ мнѣ погулять на просторѣ!» И, затянувши на всю степь козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда запорожцы, лежа въ травѣ и говорятъ: «Это нашъ!» и, взявши косы, идутъ себѣ къ куреню. А онъ: «Гдѣ васъ чортъ носилъ, панòве! Звалъ я васъ, звалъ и охрипъ, да потомъ, чтобы не простыла каша, началъ самъ ѣсть». Переглянутся между собою запорожцы и скажутъ ему: «Ну, чурà, вставай! полно тебѣ быть хлопцемъ: теперь ты равный намъ козакъ». И принимаютъ его въ товариство» [1]). Изъ историческихъ свидѣтелей Бопланъ и Шевалье утверждаютъ, будто у козаковъ существовалъ обычай принимать въ свои круги только того, кто проплывалъ [2]) всѣ пороги противъ теченія Днѣпра [3]). Но это свидѣтельство кажется малоправдоподобнымъ съ одной стороны потому, что едва-ли запорожцы, всегда нуждавшіеся въ пришлыхъ людяхъ для увеличенія своихъ силъ, могли предъявлять имъ подобныя требованія: а съ другой стороны и потому, что проплыть всѣ пороги, хотя бы даже въ лодкѣ, про-

[1]) Кулишъ. Записки о Южной Руси, Спб., 1856, I, 286—288.

[2]) Нужно думать, разумѣется, не иначе, какъ въ лодкѣ.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны. 21; Скальковскій, I, 226, вын. 1.

тивъ теченія рѣки, на разстояніи 65 верстъ, въ большую полую воду, нѣтъ никакой возможности ни теперь, ни тѣмъ болѣе въ то время: плыть-же въ порогахъ противъ теченія рѣки въ малую воду, лавируя у самыхъ береговъ, нѣтъ никакого геройства, а только вопросъ въ нѣсколькихъ недѣляхъ времени.

Были-ли случаи непринятія козаками кого-либо въ Сичу, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, сказать нельзя: нѣкоторое основаніе полагать это даетъ лишь одна изъ козацкихъ думъ, дошедшихъ до нашего времени, гдѣ жена, проклиная своего мужа, ушедшаго въ Сичь, говоритъ:

«Ой щобъ тебе покарàли та три недòли:
Пѐрша недòля—щобъ пидъ тобòю добрый кинь прыстàвъ,
Дрỳга недòля—щобъ ты козакѝвъ не догнàвъ,
Трѐтя недòля—щобъ тебѐ козаки не злюбы̀ли,
И въ курѝнь не пусты̀ли».

Принятый въ число запорожскихъ козаковъ прежде всего записывался въ одинъ изъ 38 сичевыхъ куреней, въ тотъ или другой изъ нихъ, смотря по собственному его выбору, и тутъ-же при записи въ курень перемѣнялъ свою родовую фамилію на какое-нибудь новое прозвище, часто весьма мѣтко характеризующее его съ внѣшней или внутренней стороны: эта перемѣна фамиліи дѣлалась въ виду того, чтобы скрыть прошлое новопоступившаго въ Сичу: часто на запросъ русскаго и польскаго правительства, нѣтъ-ли въ Сичи какого-нибудь Иванова или Войновича, запорожскій Кошъ отвѣчалъ, что такихъ лицъ въ Сичѣ нѣтъ, а есть Задерыхвистъ или Загубыколесо, поступившіе въ число козаковъ приблизительно въ то время, о которомъ спрашивали московскіе или польскіе люди. Перемѣнивъ имя и приписавшись къ куреню, новичекъ затѣмъ приходилъ въ самый курень и тутъ куренный атаманъ, при собраніи бывшихъ на тотъ случай козаковъ, отводилъ ему мѣсто въ три аршина длины и въ два ширины и при этомъ говорилъ: «Вотъ тобѝ и домовы̀на [1])! А якъ умрѐшъ, то зрòбымъ ще корòче [2]).

Поступивъ въ Сичу, новичекъ, однако, дѣлался настоящимъ козакомъ лишь тогда, когда выучивался козацкой регулѣ и умѣнью повиноваться кошевому атаману, старшинѣ и всему товариству. Для отношенія козаковъ между собою брался въ разсчетъ не возрастъ, а время поступленія ихъ въ Сичу: кто поступалъ раньше,

[1]) Ироническая игра слова: «домовы̀на»—отъ корня «домъ» на малорусскомъ значитъ «гробъ» или «домъ» для покойника.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 82.

тотъ имѣлъ преимущество передъ вступившимъ позже, оттого послѣдній называлъ перваго «батькомъ», а первый послѣдняго «сынкомъ», хотя-бы батьку было 20, а сынку 40 лѣтъ [1]).

Такъ составлялось войско запорожскихъ низовыхъ козаковъ. Взятое въ цѣломъ составѣ, оно дѣлилось на сичевыхъ и зимовныхъ козаковъ: первые собственно и составляли настоящій цвѣтъ козачества: это были люди безбрачные или, по крайней мѣрѣ, порвавшіе свои брачныя узы: изъ нихъ отличившіеся на войнѣ или долго служившіе въ войскѣ, очень сильные и хорошо сложенные люди, и притомъ главнымъ образомъ природные украинцы, назывались «лицарствомъ» или «товариществомъ» [2]): только товариство имѣло право выбирать изъ своей среды старшину, получать денежное и хлѣбное жалованье, участвовать въ дѣлежѣ добычи, вершить всѣ дѣла войска: оно жило въ Сичи, по куренямъ, раздѣлялось на «старшее и меньшее» товариство [3]) и составляло въ собственномъ смыслѣ войско или рыцарство. Отъ этого рыцарства или товариства рѣзко отличалось сословіе семейныхъ козаковъ: семейные козаки также допускались въ Запорожье, но они не смѣли жить въ Сичи, а лишь вдали отъ нея, въ запорожскихъ степяхъ по слободамъ, зимовникамъ и бурдюгамъ, гдѣ занимались хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, торговлею, ремеслами и промыслами, и назывались не «лыцарями» и «товарищами», а подданными или посполитыми сичевыхъ козаковъ, «зимовчаками», «сидиями», «гниздюками». Но всѣ вмѣстѣ взятые, сичевики и зимовчаки, составляли одно войско, именовавшее себя оффиціально «славнымъ низовымъ запорожскимъ войскомъ и товариствомъ», или пространнѣе: «Войско днѣпровое, кошевое, верховое, низовое и все будучее на поляхъ, на лугахъ, на полянкахъ и на всѣхъ урочищахъ морскихъ, днѣпровыхъ и полевыхъ» [4]).

Составившись въ цѣлое войско «сами собой», запорожскіе козаки сами-же собой, «по своему умоположенію, и завели у себя собственные порядки» [5]). «Они считаютъ, что всякія государственныя учрежденія имъ не принадлежатъ, а исполняютъ что-либо только тогда, когда ласковостью къ тому бываютъ увлечены, хотя бы и отъ высокихъ чиновъ»: впрочемъ, нужно сказать, что они никогда «не забываютъ смотрѣть и на обстоятельства политиче-

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

[2]) Кіевская Старина, 1889, № 11, 446; Журналъ м. н. пр., 1837, авг., 495.

[3]) Акты южной и западной Россіи, V, 143; XI, 113.

[4]) Акты южной и западной Россіи, XI, 259, 402; XII, 99, 462.

[5]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 44.

скія и по онымъ себя измѣрять, когда имъ прибавить смѣлости говорить о своемъ обществѣ и утверждать оное отъ самодержавной власти, и знаютъ время, когда имъ что-нибудь предпринять»; вообще «родъ сей, въ правительствѣ ихъ секты, весьма хитеръ, проницателенъ и остороженъ въ разсужденіи своихъ интересовъ, сопряженныхъ съ таковою вольностью, чрезъ которую не даютъ они никому въ оныхъ отчета; прилежно пекутся всячески, дабы оная не подвергалась законамъ своего отечества и власть ихъ въ оныхъ безпредѣльная и неограниченная была порядкомъ» [1]). Въ основѣ порядковъ запорожскаго «умоположенія» лежала община, громада, міръ, товариство. Это товариство представляло собой такое-же «народоправство» на югѣ Россіи, но только въ болѣе широкой степени развитія, какое представляло собой «народоправство» во Псковѣ и въ Новгородѣ, на сѣверѣ Руси; что дѣлалъ вѣчевой колоколъ на сѣверѣ, то дѣлали литавры на югѣ: и вѣчевой колоколъ и литавры своими звуками созывали народъ, безъ различія званія и состоянія, на площадь для рѣшенія самоважнѣйшихъ вопросовъ страны, подобно тому, какъ рѣшаютъ въ настоящее время свои дѣла свободные граждане швейцарскихъ кантоновъ или американскихъ штатовъ. Внѣшнимъ выраженіемъ этой общины была рада (отъ слова «радиться»—совѣщаться), войсковой совѣтъ, народное вѣче. На этой радѣ могли присутствовать всѣ безъ исключенія сичевые козаки, начиная отъ войсковой старшины и кончая простой «сиромашнѣй» или «простолюдьемъ, черныо» [2]). Здѣсь господствовало полнѣйшее равенство между всѣми членами общины: каждый пользовался одинаковымъ правомъ голоса, каждый могъ отвергать мѣропріятія другого и взамѣнъ того предлагать собственныя планы и соображенія, но зато, что̀ рѣшено было большинствомъ голосовъ на радѣ, то было необходимо и обязательно для всѣхъ. Запорожская община доходила до полнаго идеала, невѣдомаго ни въ древнемъ, ни въ среднемъ, ни въ новомъ вѣкахъ; господствовавшее здѣсь начало равенства проходило вездѣ: во время общихъ собраній, при выборахъ войсковыхъ старшинъ, управленіи сичевомъ, управленіи паланочномъ, во всѣхъ запорожскихъ школахъ, при общей трапезѣ [3]), при раздѣлѣ имущества и

[1]) Архивъ историческихъ свѣдѣній до Россіи Калачова, Спб., 1861, 8, 11.

[2]) Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1842, 2; Исторія Мышецкаго, 37.

[3]) «А столъ и пищу имѣютъ всякой старшина со своими козаками обще». Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852.

въ частной жизни по куренямъ. Ни знатность рода, ни сословное происхожденіе, ни старшинство лѣтъ не имѣли въ Сичи никакого значенія; одни личныя достоинства, т. е. храбрость, опытъ, умъ, находчивость, брались въ разсчетъ. Такимъ образомъ въ запорожской общинѣ терялась всякая единичная личность, какъ бы она ни была даровита и показна; тутъ всѣ дѣла рѣшались сообща: «У насъ не едного пана кошового порада до листовъ бываетъ, лечъ всего войска запорожскаго единогласная: що кгди скажемъ въ листу доложити, того а не панъ кошовій, а не писарь безъ езволенія нашего переставити сами собой неповинни» [1]). Общиною, товариствомъ рѣшались вопросы о мирѣ и розмирѣ; товариствомъ раздѣлялись по лясамъ всѣ земли, лѣса, угодья, всѣ рыбныя ловли, всѣ соляныя мѣста; товариствомъ выбирались и низлагались всѣ должностныя лица въ Сичи и въ цѣломъ Запорожьѣ; товариствомъ наказывались виновные въ проступкахъ и карались уличенные въ преступленіяхъ; товариствомъ писались всякіе отвѣты на указы, грамоты, ордера, посланія и письма, присылавшіяся въ Сичь отъ разныхъ державныхъ особъ и властныхъ лицъ, вступавшихъ въ сношенія съ запорожскими козаками.

Въ силу этого общиннаго принципа самая высшая власть въ Запорожьѣ, власть кошевого атамана, безъ всего товариства, безъ цѣлой громады, не могла ни на что рѣшиться и не могла ничего сдѣлать. Такъ, когда въ 1757 году малороссійскій гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій сдѣлалъ запросъ у кошевого атамана Григорія Ѳедорова, почему онъ отпустилъ явившихся къ нему гайдамакъ, то кошевой письменно отвѣчалъ, что «онъ, кошевой, явившихся гайдамакъ забрать самъ собою и отослать по командѣ своей не могъ, ибо они, гайдамаки, за присягою приняты, по согласію всего общества, а безъ согласія общаго по тамошнему (т. е. запорожскому) обычаю ничего чинить самому ему, кошевому, невозможно». Въ такомъ-же духѣ отвѣчалъ въ 1746 году кошевой атаманъ Василій Григорьевичъ Сычъ корсунскому губернатору въ Польшѣ, жаловавшемуся въ Сичу на воровъ, ограбившихъ его: «Куренные атаманы, со всѣхъ куреней собравшись, кошевого не послушались и грабителей не отыскали». Такой-же отвѣтъ далъ кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій одному русскому офицеру, желавшему

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 175.

считаться въ числѣ запорожскихъ товарищей: такъ какъ всего запорожскаго войска не было въ данное время на лицо, то самъ кошевой, своею волею, не могъ исполнить просьбы офицера [1]). Значеніе общины, товариства, громады у запорожскихъ козаковъ выражалось даже внѣшнимъ образомъ, на ордерахъ, письмахъ и респонсахъ, отправляемыхъ въ разныя мѣста изъ Сичи; на нихъ всегда въ самомъ концѣ дѣлалась подпись: «Атаманъ кошевый войска запорожскаго низового зъ товариствомъ»; въ такомъ-же тонѣ и начиналась всякая бумага: «До насъ дошелъ листъ», «Мы войско», «По обычаю нашему въ общей радѣ нашей всѣмъ въ слухъ читали».

Достигшая своего полнаго развитія въ теченіи XVI и XVII вѣка, запорожская община съ половины XVIII столѣтія постепенно стала ограничиваться со стороны русскаго правительства, особенно въ правахъ выбора запорожскими козаками войсковой старшины. По этому поводу изданъ былъ рядъ царскихъ указовъ, по которымъ постановлялось, чтобы «запорожцы, не описався и не истребовавъ на то дозволенія, запорожскую старшину отъ ихъ чиновъ отставлять и другихъ на ихъ мѣста опредѣлять собою самовольно отнюдь не дерзали, опасаясь высочайшаго его императорскаго величества гнѣва и тяжкаго истязанія и наказанія» [2]). Однако, запорожскіе козаки мало повиновались требованіямъ русскаго правительства на этотъ счетъ и почти до самаго конца политической жизни своей «самовольно» выбирали и «самовольно» низвергали всю свою войсковую старшину. Оттого весь обширный запорожскій край, съ половины XVII столѣтія ставшій подъ верховное владычество Россіи, въ дѣйствительности всегда управлялся собственнымъ товариствомъ, какъ вся Украйна управлялась собственнымъ козачествомъ, хотя и подъ верховенствомъ русскаго правительства.

Весь составъ войска запорожскаго низового раздѣлялся на старшину въ ея низшихъ и высшихъ стадіяхъ, юныхъ молодиковъ, только-что готовившихся сдѣлаться настоящими козаками, сичевую массу, такъ называемую «сиромашню, простонародье, чернь» и запорожское посполитство, жившее внѣ Сичи, по зимовникамъ. Въ составъ войска не входили «наймиты» или «аргаты»; наймитами или аргатами (отъ греческаго слова «ἐργάτης», передѣланнаго по

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 83, 84.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 144, 201.

турецки въ «эргатъ») назывались поденьщики или работники, нанимавшіеся временно къ козакамъ на какую-либо работу, за извѣстную плату [1]).

Кромѣ настоящихъ козаковъ въ составъ «славнаго низового товариіщества» входили иногда такія лица, которыя ни по званію, ни по общественному положенію никогда къ нему не принадлежали и числились только номинально въ числѣ запорожцевъ. Дѣлалось это частію изъ честолюбія называться низовымъ рыцаремъ, частію изъ искренней любви къ «славному» войску, частію изъ-за того, чтобы застраховаться отъ грабежей запорожцевъ или заручиться послушаніемъ и вѣрностью ихъ; частію-же и вслѣдствіе предложенія самихъ козаковъ, которые приписывали къ себѣ сановныхъ людей въ знакъ особаго отличія ихъ передъ другими, подобно тому, какъ многіе западно-европейскіе города давали права гражданства знатнымъ путешественникамъ [2]). Лица эти—сановныя, облеченныя высокою властью особы, большею частію русскаго, иногда польскаго званія. Архивные сичевые документы сохранили намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ особъ; таковы: артиллеріи поручикъ Иванъ Глѣбовъ, статскій совѣтникъ Петръ Веселицкій, малороссійскій генеральный подкоморій и бунчуковый товарищъ Павелъ Кочубей, астрономической экспедиціи начальникъ Христофоръ Эйлеръ, генералъ-аншефъ графъ Петръ Панинъ, генералъ-аншефъ Иванъ Глѣбовъ, генералъ-аншефъ Петръ Девьеръ, генералъ-поручикъ графъ Андрей Остерманъ, генералъ-маіоръ князь Александръ Прозоровскій, польскій коронный гетманъ графъ Ксаверій Браницкій, генералъ-маіоръ князь Григорій Потемкинъ [3]). Послѣдній, говорятъ, прозывался у запорожскихъ козаковъ Грицькомъ Нечосою: онъ носилъ на головѣ, по тогдашней модѣ, большой парикъ, напудренный и высоко взбитый, а запорожцы воображали себѣ, что онъ никогда не чешется, оттого и прозвали его Нечосою.

Какъ входъ въ Сичу, такъ и выходъ изъ нея вовсе не былъ затруднителенъ; опредѣленнаго срока для пребыванія въ Сичѣ поступившему въ нее не полагалось: всякъ могъ выходить изъ нея, когда ему угодно и когда было нужно. Уходилъ козакъ изъ Сичи, если у него являлось желаніе служить въ какомъ-либо изъ украин-

---

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, XXVII, 85.

[2]) August Wilgelm Hupel. Fon den Kosaken, Riga, 1790. 208.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 96.

скихъ городовъ; уходилъ козакъ, когда задумалъ жениться и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ; уходилъ и тогда, когда ему просто надоѣдала жизнь въ Сичи или, какъ говорили сичевики, когда онъ «зажйривъ одъ козацького хлиба». Впрочемъ, ушедшій изъ Сичи, вновь могъ быть принятъ въ нее, если изъявлялъ на то свое желаніе, вернувшись назадъ и хвативши гдѣ-нибудь «шиломъ патоки» или «узнавши по чемъ кившъ лыха». Не смотря, однако, на такую свободу прихода въ Сичь и отхода изъ нея, порядокъ дѣйствій въ ней никогда отъ того не нарушался, и въ этомъ полнѣйшемъ своеволіи заключалось все основаніе далекой славы запорожской Сичи, какъ лона для всѣхъ по волѣ и поневолѣ приходившихъ въ нее. При отходѣ изъ Сичи также не давалось никакихъ пропускныхъ билетовъ, кромѣ двухъ случаевъ: во-первыхъ, когда козаки желали ѣхать въ Польшу или въ Малороссію «для торговыхъ или другихъ какихъ нуждъ»,— такіе брали паспорты за подписью кошевого атамана и съ приложеніемъ войсковой печати для свободнаго проѣзда по чужимъ городамъ и селамъ [1]); во-вторыхъ, когда происходили войны между русскими и народами, граничившими своими владѣніями съ Запорожьемъ, напримѣръ, турками, татарами, поляками: въ такомъ случаѣ, «въ виду немаловажныхъ заграничныхъ обстоятельствъ», чтобы избѣжать всякаго рода шпіонства со стороны враговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ «быть безотлучной во всякой готовности», выѣздъ изъ Сичи холостымъ козакамъ безъ письменнаго вида отъ войсковой канцеляріи, а женатымъ безъ видовъ отъ паланочныхъ полковниковъ строго воспрещался [2]). Иногда уходившимъ изъ Сичи давались аттестаты въ виду поступленія ихъ на службу въ украинскіе полки: образцы такихъ аттестатовъ, въ достаточномъ количествѣ, дошли до насъ: въ нихъ прописывается имя, отчество, фамилія и названіе куреня извѣстнаго козака, его служба въ разъѣздахъ, партіяхъ, посылкахъ, секретныхъ развѣдываніяхъ, походахъ и сраженіяхъ, отмѣчаются находчивость, усердіе къ службѣ, честное исполненіе возлагавшихся на него порученій и готовность «не щадить своего живота» [3]).

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 18.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 205 206.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 311, 320, 340—343.

Какъ великъ былъ составъ всего войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, опредѣленно сказать нельзя; нельзя именно съ одной стороны потому, что запорожцы весьма неохотно дѣлились съ посторонними людьми свѣдѣніями о всякихъ порядкахъ въ Сичи,—вся ихъ жизнь для чужестранцевъ составляла такъ-называемые «войсковые секреты»; съ другой стороны потому, что въ самой Сичи не было, или, по крайней мѣрѣ, сами запорожцы говорили, что не было никакихъ журналовъ, никакихъ списковъ, куда-бы вписывались имена приходившихъ новичковъ въ Сичь и отходившихъ изъ нея старыхъ козаковъ [1]). Кромѣ того, трудно опредѣлить число всего запорожскаго войска еще и потому, что многіе изъ козаковъ-зимовчанъ вовсе не являлись въ Сичу по нѣскольку лѣтъ и совсѣмъ не были извѣстны войсковой старшинѣ, а на счетъ нѣкоторыхъ сичевыхъ козаковъ и сама старшина находилась въ полномъ невѣдѣніи и не могла сказать въ извѣстное время, живы-ли они или безвѣстно пропали во время отдѣльныхъ походовъ на враговъ, часто предпринимавшихся безъ вѣдома Коша. Оттого всѣ показанія о численности запорожскаго войска, даже на пространствѣ одного какого-нибудь вѣка, слишкомъ разнорѣчивы. Сами запорожцы, какъ это и естественно, слишкомъ преувеличенно говорили на счетъ численности всего своего войска: «У насъ, що лоза, то козакъ, а где байракъ, то тамъ по сто, по двѣсти козакъ»; малороссійскіе лѣтописцы высказывались на этотъ счетъ въ томъ-же тонѣ: «Рече старѣйшій слово, и абіе сколько треба воинства, аки трава соберутся» [2]). Болѣе или менѣе опредѣленныя данныя на счетъ численности запорожскихъ козаковъ даютъ намъ слѣдующія указанія. Въ 1534 году всѣхъ запорожскихъ козаковъ считалось не болѣе 2.000 человѣкъ: въ 1535 году около 3.000 человѣкъ [3]); въ 1594 году иностранцы насчитывали у нихъ 3.000, а они сами показывали 6.000 человѣкъ [4]); въ 1675 году кошевой атаманъ Иванъ Сирко, задумавъ большой походъ на Крымъ, собралъ 20.000 человѣкъ запорожцевъ и съ ними «несчадно струснулъ» Крымъ и счастливо возвратился въ Сичу [5]); въ 1727 году Христофоръ Манштейнъ опредѣлялъ всю численность войска за-

---

1) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, 17.

2) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.

3) Зеделлеръ. Обозрѣніе исторіи военнаго искусства, Спб., 1843, II, 244.

4) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, Одесса, 1873, 33. 39, 49.

5) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851 II, 358—364.

порожскаго отъ 12.000 до 15.000 человѣкъ *); въ 1732 году сами запорожцы показывали, что у нихъ «добрыхъ и вооруженныхъ воиновъ» наберется до 10.000 человѣкъ а въ 1735 году сообщали, что о «числѣ всего войска подлинно никакъ показать нельзя, потому что оно ежедневно прибываетъ и убываетъ», но надѣются собрать хорошо вооруженныхъ 7.000 человѣкъ [2]); въ 1755 году кошевой атаманъ Филиппъ Θедоровъ рапортомъ показывалъ, что во всемъ «компутѣ» или составѣ, со стариками и женщинами по зимовникамъ, войска запорожскаго наберется 27.000 человѣкъ [3]); въ 1762 году, по случаю вступленія на престолъ императрицы Екатерины II, присягало на вѣрность ей 20.281 человѣкъ запорожскихъ козаковъ [4]); въ 1766 году секретарь Василій Чернявскій опредѣлялъ число всѣхъ запорожцевъ, «кои во всей землѣ къ Сѣчѣ принадлежащей живутъ и къ отправленію воинской службы способны и надежны, выключая старыхъ, дряхлыхъ и малолѣтнихъ», около 10.000 человѣкъ [5]); въ 1769 году готоваго къ походу противъ турокъ войска запорожскаго козаковъ было 12.249 человѣкъ; кромѣ того 2.000 человѣкъ козаковъ оставалось въ Сичи и по паланкамъ до 3.000 человѣкъ «въ водяномъ караулѣ на лодкахъ», а всего 17.249 человѣкъ [6]); около 1774 года число запорожцевъ «военныхъ и пѣшихъ людей» считалось 40.000, но въ походъ шло 14.000 человѣкъ, прочіе-же оставались около имуществъ и собственныхъ домовъ, всѣхъ-же было до 100.000 человѣкъ [7]); въ 1775 году въ вѣдомости генералъ-маіора Петра Текели показано всѣхъ жителей въ запорожской землѣ, т. е. козаковъ и посполитыхъ, мужчинъ и женщинъ, 59.637 [8]); въ томъ-же году въ манифестѣ императрицы Екатерины II говорилось, что запорожцы обогатились 50.000 пришлыхъ къ нимъ семей и что по паденіи Сичи ушло 6.000 человѣкъ запорожцевъ за Дунай, жившихъ передъ тѣмъ въ отдаленныхъ запорожскихъ зимовникахъ [9]); запорожецъ Никита Коржъ и бывшій

[1]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 28.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 75, 90.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 28.

[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 28.

[5]) Въ исторіи козаковъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 82.

[6]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 52.

[7]) Калачовъ. Архивъ практическихъ свѣдѣній, Спб., 1861, II.

[8]) Дашковъ. Сборникъ антроп. статей, I, Москва 1866, 133.

[9]) Чтенія московскаго общества исторіи и древн., 1848, № 6, 47.

священникъ низовыхъ козаковъ Григорій Кремянскій, во время уничтоженія Сичи, опредѣляютъ число всего войска въ 40.000 человѣкъ [1]); въ настоящее время глубокіе старики, вспоминая о запорожцахъ, говорятъ: «ёго сы́ла, того́ запоро́жця, була́ тяже́нна» [2]). Разумѣется, если взять во вниманіе то, что кромѣ постоянныхъ жителей въ Сичи и по паланкамъ, къ запорожцамъ приходили еще на время разные «своевольные» люди, особенно въ виду какого-нибудь предпріятія или похода на враговъ, то его сила была дѣйствительно «тяже́нна». Но въ обыкновенное время силы этой не было видно: приходившіе въ Запорожье козаки только приписывались въ курени, но очень немногіе жили при нихъ,—они расходились больше по зимовникамъ, плавнямъ, рыбнымъ заводамъ, звѣринымъ ловамъ [3]), въ самой-же Сичи оставались преимущественно старые и дряхлые старики. Въ общемъ, сравнивая приведенныя цифровыя данныя, можно сдѣлать касательно численности войска запорожскаго низового такое заключеніе: въ пору наибольшаго разцвѣта одного строевого войска запорожскихъ козаковъ могло быть отъ 10.000 до 12.000, а вмѣстѣ съ обывателями зимовниковъ и слободъ, до 100.000 человѣкъ.

Сравнивая отдѣльныя окраины запорожскихъ вольностей между собою, находимъ, что гуще всего населены были самарская и протовчанская паланки: въ первой число зимовниковъ или семействъ, по отрывочнымъ даннымъ XVIII вѣка, доходило до 1.158, а во второй въ то-же время до 1.100 зимовниковъ [4]); затѣмъ слѣдовали мѣста между правымъ берегомъ Днѣпра и верховьями рѣкъ Ингульца, Ингула, по теченію двухъ Омельниковъ, Домоткани и Мокрой-Сурѣ, въ кодацкой паланкѣ,—по Мокрой-Сурѣ, напримѣръ, число зимовниковъ, въ 1755 году, доходило до 52, а въ 1760 году—до 841: далѣе шли мѣста по среднему и нижнему теченію Ингульца, Ингула и Буга въ паланкахъ ингульской и бугогардовской: здѣсь въ 1772 году показано зимовниковъ по Ингулу 17, Ингульцу 11, Громоклеѣ 11, Днѣпру 14, Бугу 7, Мертвоводу 4, Еланцу 5, Сухому-Еланцу 1, Куцому Еланцу 1, а всего 71 зимов-

[1]) Устное повѣствованіе, 11; Зап. одес. общ. ист. и древ., VI, 645.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., II, 6.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сичи, Одесса, 1885, I, 33—41.

никъ [1]). Кромѣ того по тѣмъ-же рѣкамъ и балкамъ имѣлось загоновъ для рогатаго скота и овецъ 5 да нѣсколько рыбныхъ заводовъ, при которыхъ въ зимнее время устраивались землянки, а въ лѣтнее—шалаши: число этихъ землянокъ и шалашей распредѣлялось такъ: въ гирлахъ и у лимана землянокъ 17, шалашей 15, по Бугу землянокъ 11, шалашей 39, по Ингулу землянокъ 2, шалашей 4, по Ингульцу землянокъ 4, шалашей 1, а всего землянокъ 34, шалашей 59 [2]). Менѣе всего населены были восточныя окраины Запорожья, калміусская и прогноинская паланки.

Количество населенности извѣстной паланки объясняется частію удобствами или неудобствами самыхъ мѣстъ, частію большею или меньшею близостью къ татарскимъ кочевьямъ и открытымъ границамъ: восточная окраина запорожскихъ вольностей граничила съ аулами ногайскихъ татаръ и защищена была незначительною рѣчкою Конкою, оттого и менѣе была населена въ оправданіе пословицы: «не строй свѣтлицы на границѣ»; сѣверная и западная окраины были удалены отъ татаръ на громадное пространство степей, а южная была ограждена широкою рѣкою Бугомъ и пѣшею командою козаковъ: такъ, въ 1774 году на южной границѣ запорожскихъ вольностей стояло 700 человѣкъ козаковъ; кромѣ того, въ лѣтнее время для промысла здѣсь содержалась команда въ 500 человѣкъ да въ Александровскомъ шанцѣ [3]) 200 конныхъ человѣкъ [4]). Сѣверная окраина запорожскихъ вольностей, богатая лѣсомъ, орошенная двумя хорошими рѣчками, Орелью, Самарою, и множествомъ озеръ, которыхъ по одному лѣвому берегу Орели было до 300, защищенная плавнями и порогами Днѣпра, удаленная на огромное пространство отъ татарскихъ ауловъ, по справедливости, считалась самою богатою и самою безопасною окраиной запорожскихъ вольностей и потому больше всѣхъ была населена.

Число всѣхъ селеній и зимовниковъ, находившихся по балкамъ, байракамъ и оврагамъ вольностей запорожскихъ козаковъ, опредѣляется у разныхъ писателей и свидѣтелей различно: въ исторіи князя Мышецкаго всѣхъ зимовниковъ насчитывается до 4,000 [5]);

---

[1]) Въ 1760 году въ одной ингульской паланкѣ показано 219 куренныхъ козаковъ; тамъ-же, 37.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 182.

[3]) На мѣстѣ теперешняго города Херсона.

[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 182.

[5]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 81, 82.

въ запискахъ академика Гюльденштедта по однимъ берегамъ Днѣпра показано 30 селеній [1]), въ вѣдомости генералъ-маіора Петра Текели въ 1775 году—45 деревень и 1.601 зимовникъ [2]), а въ исторіи Аполлона Александровича Скальковскаго, по документамъ сичеваго архива, показано 64 селенія, 3.415 хатъ [3]).

[1]) Güldenstedt. Reisen durch Russland. S.-Petersburg, 1787, II, 110, 111.

[2]) **Дашковъ. Сборникъ антроп. и этнограф. статей, I, прил. I.**

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 32—40.

Войсковое и территоріальное дѣленіе Запорожья.

Войско запорожское низовое, во всемъ его составѣ, имѣло два дѣленія—войсковое и территоріальное. Въ войсковомъ отношеніи запорожская община дѣлилась на тридцать-восемь куреней, въ территоріальномъ отношеніи—сперва на пять, потомъ на восемь паланокъ. Когда и кѣмъ установлено было такое дѣленіе, сказать нельзя, за неимѣніемъ на то документальныхъ данныхъ: на этотъ счетъ имѣемъ лишь указаніе историка Мацѣевскаго, который говоритъ, что войско запорожское раздѣлилось «на курени, селенія и околицы» при гетманѣ Евстафіи Рожинскомъ, т. е. въ первой половинѣ XVI столѣтія (1514—1534). Курени находились въ самой Сичи; число ихъ, сколько помнятъ историки запорожскихъ козаковъ, всегда было 38: всѣ они носили разныя названія, большею частью заимствованныя или отъ атамановъ-основателей ихъ или отъ городовъ-метрополій, откуда вышли первые запорожцы, или отъ званія большинства козаковъ, составившихъ впервые курень. Названія этихъ куреней сохранились до нашего времени въ синодикѣ 1714 года, въ исторіи Мышецкаго, въ разныхъ бумагахъ сичеваго архива и на могильныхъ крестахъ запорожскихъ кладбищъ: таковы: пашковскій, кущевскій, кисляковскій, ивановскій, конеловскій, сергіевскій, донской, крыловскій, каневскій, батуринскій, поповичевскій, васюринскій, незамайковскій, неправильно называемый езамшевскимъ, ирклѣевскій, щербиновскій, титаровскій, шкуринскій, кореневскій, неправильно называемый куреневскимъ, роговскій, корсунскій, калниболотскій, уманскій, иначе гуманскій, деревянковскій, стебліевскій-низшій, стебліевскій-высшій, жереловскій или джереловскій, переяславскій, полтавскій, мышастовскій, менскій, неправильно называемый минскимъ, тимошев-

скій, величковскій, левушковскій, пластуновскій, дядьковскій, брюховецкій, ведмедовскій и платнѣровскій [1]).

Названіе «курень» усвоено козацкому жилищу отъ слова «курить», т. е. «дымить», и имѣетъ въ своемъ основаніи одинаковое значеніе съ тмутараканскими «курями», упоминаемыми въ игоревой пѣснѣ [2]) и великорусскимъ словомъ «курная» изба. Еще и теперь можно видѣть такіе курени, т. е. курныя жилища, по берегамъ Днѣпра, особенно противъ его пороговъ, гдѣ ютятся рыбаки ранней весной или поздней осенью; но въ Сичи, по крайней мѣрѣ, Новой, курени уже не были курными жилищами, однако разъ усвоенное названіе оставалось за ними и тогда, когда оно потеряло свое первоначальное значеніе.

По внѣшнему виду каждый курень представлялъ изъ себя длинную казарму, иногда 44 аршина длины и 5 ширины, или 13½ аршинъ длины и 6 аршинъ ширины, 10 аршинъ длины и 5 ширины [3]); онъ строился изъ рубленнаго и рѣзаннаго дерева, обыкновенно привозимаго въ Сичь изъ Самары или Великаго-Луга [4]); имѣлъ 4 большихъ квадратныхъ окна въ длинной стѣнѣ, одну низкую дверь съ полукруглой перекладиной и рѣзными, окрашенными въ зеленую и краскую краску, по бокамъ дверей, лутками въ поперечной или такъ называемой причолочной стѣнкѣ [5]); по одному окну съ каждой стороны дверей на той-же причолочной стѣнкѣ; наверху драневую, въ три яруса, крышу и надъ крышей три высокихъ съ покрышками «дымаря» или трубы [6]).

Во внутреннемъ устройствѣ запорожскіе курени, по одному описанію, имѣли два отдѣленія, одно большее, другое меньшее: въ большемъ жили козаки, приписанные къ куреню, ихъ старшина и иногда кошевой атаманъ; въ меньшемъ жили куренной кухарь и его помощники: здѣсь была кухня и хлѣбопекарня [7]).

По другому описанію каждый курень представлялъ изъ себя большую избу, безъ комнатъ и перегородокъ, съ равными ей сѣнями, отдѣленными собственно отъ куреня «перемежной» стѣной

[1]) Эварницкій. Запорожье, I, 106, 107; Мышецкій. Исторія, 1852, 34—36.
[2]) Максимовичъ. Полное собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, томъ I, стр. 839.
[3]) Записки одес. об. ист. и древ. IV, табл. XI; Эварницкій. Запорожье, II, 45.
[4]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 18; Устное повѣствованіе Коржа, 1842, 37.
[5]) Такой курень сохранился въ Никополѣ у купчихи А. П. Гончаровой.
[6]) На планѣ де-Боксета, 1752; у Ригельмана изображено нѣсколько иначе.
[7]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 23.

съ дверью для входа и съ большой изразцовой «грубой», т. е. печкой для топки, пропущенной чрезъ стѣну изъ сѣней въ «кимнату». Въ собственно куренѣ, во всю длину его, отъ порога до покутя, ставилось «сырно», т. е. столъ, на подобіе монашескихъ трапезъ, изъ одной толстой доски больше трехъ четвертей аршина ширины, положенной во всю длину на вкопанныхъ въ землю столбахъ и прибитой къ нимъ желѣзными гвоздями; вокругъ сырна ставились узкія скамьи, а вдоль стѣнъ, съ трехъ сторонъ, настилался изъ толстыхъ досокъ на столбахъ помостъ или накатъ, замѣнявшій козакамъ постели; на немъ могло спать отъ тридцати до «полчварта ста» человѣкъ [1]), во всемъ-же куренѣ могло вмѣститься до 600 человѣкъ козаковъ [2]); на «покути», т. е. красномъ углу, прибиты были иконы разныхъ святыхъ, тутъ-же висѣла богатая лампадка, всегда зажигавшаяся куренемъ въ большіе праздники, и ниже лампадки стояла «карнавка», т. е. кружка для опусканія въ нее денегъ послѣ обѣда козаками на закупку провизіи къ слѣдующему дню; къ потолку прицѣплялось большое паникадило, по стѣнамъ куреня развѣшивалось разное оружіе, а подъ потолкомъ, на «перемежныхъ» стѣнахъ протянутъ былъ рѣзной сволокъ съ вырѣзанными крестомъ по срединѣ, годомъ построенія куреня и именемъ куренного атамана-строителя: посреди сѣней устраивалась «кабыця», т. е. очагъ, длины 5 аршинъ и болѣе, для варенія кушанья; черезъ кабыцю изъ куреня въ сѣни проходилъ конецъ сволока, на которомъ вбивались желѣзныя цѣпи съ крючьями для навѣшиванія на нихъ большихъ желѣзныхъ казановъ, въ коихъ варилась пища козакамъ [1]). Въ куреняхъ ни имущества, ни продовольствія держать не полагалось.

Близь каждаго куреня ставилась куренная скарбища, или небольшой амбаръ, въ которомъ козаки отдѣльнаго куреня хранили свое «сбижжá», т. е. разнаго рода имущество, и рядомъ съ скарбницею другіе дома для жилья козаковъ, которые увеличивались по мѣрѣ увеличенія числа товарищей и тѣсноты куреня [4]): при куреняхъ возводились иногда и частные домики войсковой стар-

[1]) Записки одес. общ. ист. и древн., VI, 646; Величко. Лѣтопись, II, 360.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 36; Клавдіусъ Рондо, Кіевская старина, 1889, № 11, 445.

[3]) Записки одес. общ. ист. и древн., VI, 646; Устныя сказанія Коржа, Одесса, 1841; Эварницкій. Запорожье, Спб., 1888, II, 45.

[1]) Географическій словарь Максимовича и Щекатова, Москва, 1788, II, 7—46.

шины; послѣдніе по внѣшнему виду напоминали тѣ-же курени, только въ меньшемъ размѣрѣ, а по внутреннему устройству приближались къ теперешнимъ хатамъ зажиточныхъ украинскихъ крестьянъ. Самый типичный изъ нихъ, сохранившійся до нашего времени, имѣетъ 18 аршинъ длины, 8 аршинъ ширины и 3 аршина высоты; онъ срубленъ изъ дерева, имѣлъ небольшія, круглыя, «якъ тарилочки», окна: раздѣлялся большими сѣнями на двѣ половины: свѣтлую и черную, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, подраздѣлялась на двѣ: свѣтлая половина имѣла «кимнату» съ изразцовой «грубой» и опочивальню, отдѣленную отъ кимнаты глухою стѣной,—обѣ съ отдѣльными для каждой выходами въ сѣни; черная половина имѣла кухню и кладовую, отгороженныя одна отъ другой глухою стѣной и также съ отдѣльными для каждой выходами въ сѣни; отъ одной и до другой наружной стѣны черезъ перемежную стѣну протянутъ былъ сосновый сволокъ съ вырѣзаннымъ на лицевой сторонѣ его изображеніемъ креста съ обычными при немъ деталями—копьемъ, тростью, голгоѳой, именемъ строителя и годомъ построенія [1]).

У запорожскихъ козаковъ слово «курень» употреблялось въ двоякомъ смыслѣ: и въ смыслѣ жилья и въ смыслѣ сотни, полка, самостоятельной части войска, «всегда мобилизованной, поставленной на походную ногу»; если говорилось «козакъ незамайковскаго куреня», то это значило или то, что козакъ жилъ въ незамайковскомъ куренѣ или то, что онъ причисленъ былъ къ незамайковскому куреню, но могъ жить гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, въ слободѣ, деревнѣ, зимовникѣ одной изъ паланокъ запорожскихъ вольностей. Большинство козаковъ только числилось въ Сичи по куренямъ, но оставалась ихъ тамъ одна десятая часть всего войска, прочіе-же, особенно лѣтомъ, то за рыбой, то за конями, то за дикимъ степнымъ звѣремъ, то въ разъѣздахъ, то въ бекетахъ, то въ Великомъ-Лугу, то на «оселяхъ»—вездѣ были разсѣяны, какъ пчелы на душистыхъ травахъ; зимой-же многіе изъ нихъ уходили и въ «города», т. е. въ Гетманщину, чтобы повидаться съ родными или подманить кого-либо изъ молодыхъ «до Сичи».

«Паланка» въ буквальномъ смыслѣ слова съ турецкаго на рус-

[1]) Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 44, 45.

скій значитъ небольшая крѣпость; въ переносномъ смыслѣ слова этимъ означалось у запорожцевъ центральное управленіе извѣстной части территоріи, самое управленіе, а чаще всего вѣдомство или, говоря нашимъ языкомъ, уѣздъ запорожскихъ вольностей; центромъ всякой паланки былъ дворъ съ разными постройками, огражденный кругомъ палисадникомъ [1]). Когда впервые земля запорожскихъ козаковъ раздѣлена была на паланки, за неимѣніемъ данныхъ, сказать нельзя; есть, правда, предположеніе, будто бы это дѣленіе было введено съ 1734 года, послѣ возвращенія запорожцевъ изъ-подъ власти крымскаго хана въ Россію, но насколько это справедливо, утверждать нельзя [2]). До 1768 года всѣхъ паланокъ въ Запорожьѣ было пять—бугогардовская, перевизская, иначе ингульская, кодацкая, самарская и калміусская; съ 1768 года прибавилось еще двѣ паланки—орельская и протовчанская, а впослѣдствіи—третья, прогноинская; начало послѣдней, впрочемъ, положено было еще въ 1735 году, когда въ «Прогнояхъ, т. е. у соленыхъ озеръ на Кинбурнскомъ полуостровѣ находящихся, учрежденъ былъ шестой постъ для защиты людей изъ Запорожья и Малой Россіи приходившихъ туда за солью или для рыболовства на лиманѣ [3]).

Итакъ, подъ конецъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ, всѣхъ паланокъ въ козацкой территоріи, имѣвшей 1.700 верстъ въ окружности, было восемь, причемъ три изъ нихъ находились у праваго берега Днѣпра, а пять у лѣваго. Бугогардовская паланка занимала пространство степей между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ Ингульца съ одной стороны, и рѣкою Днѣпромъ и новосербскою границей съ другой; она находилась въ теперешнихъ уѣздахъ елисаветградскомъ и александрійскомъ, херсонской губерніи; центромъ этой паланки былъ Гардъ на рѣкѣ Бугѣ; кромѣ того въ ней имѣлись зимовники: въ Соколахъ, Вербовомъ, Балацкомъ, Мигіи, Корабельномъ, Вовковомъ, Харсютиномъ и Громоклеѣ. Ингульская, иначе Перевизская, паланка расположена была вдоль лѣваго берега рѣки Ингульца, въ сѣверной части теперешняго херсонскаго уѣзда; центромъ ея была или такъ называемая Перевизка, у праваго берега Днѣпра, на 2 версты ниже устья Ингульца и на $2^1/_2$ версты ниже усадьбы владѣльца

[1]) Чернявскій. Въ исторіи о козакахъ князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 81.

[2]) Григорій Надхинъ. Память о Запорожьѣ, Москва, 1877 года, 45.

[3]) Чернявскій. Въ исторіи Мышецкаго, 81; Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, I, 31.

села Фалѣевки Н. Н. Комстадіуса; или же селеніе Каменка, при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ, гдѣ была Каменская Сича: кромѣ того въ ней имѣлись селенія и нѣсколько зимовниковъ: Кваково, Бѣлыя-Криницы, Давыдовъ-Бродъ, Блакитная, Шестерня, Пономарева, Кривой-Рогъ, Мѣловое, Золотая-Балка, Осокоровка, Терновка, Ракова и другія. Кодацкая паланка находилась между Днѣпромъ, рѣкою Базавлукомъ и верховьемъ Ингульца съ одной стороны и рѣчкою Тясьминомъ или, съ 1752, новосербскою пограничною чертою съ другой, въ теперешнихъ уѣздахъ екатеринославскомъ и верхнеднѣпровскомъ: центральнымъ мѣстомъ ея былъ городъ Новый-Кодакъ: кромѣ того въ ней имѣлись села и зимовники: Старый-Кодакъ, Волошскіе хутора, Половица, Микитино, Кичкасъ, Бѣленькое, Тарасовка, Медовецъ, хуторъ Грязного, Кемлыковка, Набоковка, Тарамское, Карнауховка, Тритузное, Романково, Бородаевка, Мишуринъ-Рогъ, Коммиссаровка, Лиховка и Томаковка. Самарская паланка расположена была по обоимъ берегамъ рѣки Самары, вверхъ отъ лѣваго берега Днѣпра, въ теперешнихъ уѣздахъ новомосковскомъ, павлоградскомъ и частью александровскомъ екатеринославской губерніи; центромъ ея былъ городъ Самарь, иначе Новоселица и Новоселовка, теперешній городъ Новомосковскъ: кромѣ того въ ней имѣлись селенія: Чапли, Песчаная-Самарь, Переметовка, Каменка, Сокольскій редутъ, Бригадировка, Ревовка, Бардаковка, Адамковка, Пышневка, Войсковое, Чернечье и другія. Орельская паланка находилась между рѣкой Орелью и Самарою, въ восточной части теперешняго новомосковскаго и западной павлоградскаго уѣздовъ; центральнымъ мѣстомъ ея была Козырщина: кромѣ того въ ней имѣлись селенія: Чаплинская Каменка, Гупаловка, Прядивка, Калантаевка, Пушкаревка и Бабайковка, отчисленная сюда въ 1770 году отъ паланки протовчанской. Протовчанская паланка по теченію рѣчекъ Протовчи и Орели, въ теперешнемъ новомосковскомъ уѣздѣ; центральнымъ поселеніемъ ея было Лычково: кромѣ того въ ней имѣлись селенія: Перещепино, Котовка, Чернетчина, Петриковка, Китай-Городъ, Могилевъ, Кильчень, теперешняя Голубовка, Куриловка, Плёса, Черноуховка, Васильковое, Грузиновка, Полковничья, Судіевка, Сердюковка, Шуглѣевка или Шульговка, Климовка, Семенчиновка, Балабановка, Горбулевка, Половиніцино, Проданивка, Галушковка, Одаровка, Цегловатая, Сирковка и Лебединцы; сверхъ того хутора надъ Царичанкою и Маячками

и въ урочищахъ Щуровомъ и Бабенковкѣ [1]). Калміусская паланка находилась между Волчьей, Калміусомъ и Азовскимъ моремъ, въ теперешнихъ уѣздахъ александровскомъ, бахмутскомъ и маріупольскомъ: центромъ ея было поселеніе у самаго устья рѣчки Калміуса при впаденіи ея въ Азовское море, гдѣ нѣкогда стояло городище Домаха, а съ 1779 года построенъ городъ Маріуполь [2]); кромѣ того въ ней извѣстны были два селенія: Ясеноватое и Макарово, и 28 зимовниковъ: въ Лозовомъ оврагѣ на Терсѣ, Широкомъ на Каменкѣ, въ балкахъ Холодной, Сухой, яру Поповомъ, оврагѣ Чернухиномъ, байракѣ Каменномъ, оврагѣ Шолковомъ, яру Глубокомъ, оврагѣ Государевомъ, балкѣ Желѣзной на Кривомъ-Торцѣ, яру Холодовомъ при Сѣверномъ-Донцѣ и Луганчикѣ, яру Желѣзномъ при Сѣверномъ-Донцѣ, балкахъ Крутилкѣ, Долгой, Морозовой и Крутой, урочищѣ Бобровомъ, яру Хорошемъ на Лугани, балкѣ Мечетной на Міусчикѣ, балкѣ Зайцевой надъ моремъ, урочищѣ Подгорыни, балкѣ Клеповой надъ Кальцемъ, рѣчкѣ Дубовой, Бѣлосарайскомъ лиманѣ, рѣчкѣ Бердѣ и въ балкѣ Свитоватой [3]). Прогноинская паланка находилась на лѣвомъ берегу днѣпровскаго лимана, противъ урочища Прогноева [4]), на 35 верстъ выше оконечности косы Кинбурнской, въ теперешнемъ днѣпровскомъ уѣздѣ, таврической губерніи: центромъ ея былъ Прогноинскъ: здѣсь стоялъ передовой запорожскій постъ, наблюдавшій за движеніемъ татаръ въ Крыму и турокъ въ Очаковѣ и охранявшій всѣхъ посланцевъ, солепромышленниковъ и торговцевъ, ѣхавшихъ черезъ южную окраину запорожскихъ вольностей въ Очаковъ, Прогной и Крымъ. Озера въ прогноинской паланкѣ запорожцы считали собственнымъ достояніемъ и вывозили отсюда множество соли на Запорожье, Украйну и Польшу, обходя, такимъ образомъ, крымскую, хотя и чистую, но слишкомъ дорогую соль.

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ: Екатеринославская г., X, XVI, XVII.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 201; III, 293.

[3]) Θеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, II, 39, 43 и др. Эварницкій. Вольности з. к., 196—200; Скальковскій. Исторія, I, 39.

[4]) Прогнои—гнилыя озера съ соленою, занесенною изъ моря, водой, дающею осадки соли по мѣрѣ испаренія въ нихъ воды.

Войсковыя, куренныя и паланочныя рады запорожскихъ козаковъ.

У каждаго народа свои нравы и свои обычаи, и чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ устойчивѣе его нравы и обычаи; народъ, стоящій на самой низшей ступени развитія, возводитъ исполненіе своихъ обычаевъ въ культъ; народъ, хотя и болѣе развитый, чѣмъ первобытный, но еще не создавшій себѣ опредѣленныхъ законовъ, живущій только преданіями, считаетъ свои обычаи непреложнымъ закономъ. Для человѣка, живущаго преданіями, отступить отъ какого-либо обычая значитъ потерять честь и навлечь не только на себя, но и на весь свой родъ и даже на самое общество, среди котораго онъ живетъ, вѣчную поруху и вѣчное безславіе. Запорожскіе козаки, съ ихъ общественнымъ устройствомъ, основывающемся на преданіи, не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Въ основѣ всей козацкой общины ихъ лежалъ обычай: по обычаю они не допускали въ Сичь женщинъ, по обычаю судили преступниковъ, по обычаю раздѣлялись на курени и паланки, по обычаю собирались въ извѣстное время на общія рады или совѣщанія. Общія или войсковыя рады происходили у запорожскихъ козаковъ обыкновенно въ опредѣленные дни — 1 января каждаго новаго года, 1 октября, въ храмовой праздникъ Сичи Покрову на 2 или на 3 день «великодня», то-есть св. Пасхи, а сверхъ того во всякій день и во всякое время по желанію товариства или простой «сиромы». На войсковыхъ радахъ обсуждались важнѣйшіе вопросы жизни запорожскаго войска: о мирѣ и «розмирѣ», о походахъ на непріятелей, о наказаніи важныхъ преступниковъ, о раздѣлѣ «по лясамъ», земель и угодій, и наконецъ о выборѣ войсковой старшины. Раздѣлъ земель и выборъ стар-

шины происходили у запорожскихъ козаковъ непремѣнно каждый новый годъ. Вотъ какъ это дѣлалось.

Еще за нѣсколько дней до наступленія новаго года всѣ козаки, находившіеся въ зимовникахъ, на рѣчкахъ, озерахъ, степяхъ и плавняхъ и занимавшіеся тамъ кто домашнимъ хозяйствомъ, кто рыбною ловлею, кто звѣриною охотою—всѣ спѣшили, въ виду предстоящаго дѣлежа земель и выборовъ старшины, въ столицу своей козацкой общины, Сичу. Въ самый день перваго января новаго года они поднимались на ноги особенно рано, тотъже часъ умывались холодною водой, выряжались въ самое лучшее платье—штофныя узорчатыя черкески, красные съ широкими вылетами кафтаны, сафьяновые «червоные чоботы», высокіе суконные шапки, пестрые шелковые пояса, вооружались дорогими саблями, пистолетами, кинжалами, ятаганами, и спѣшили, по звону колоколовъ, въ сичевую церковь Покрова пресвятой Богородицы: отслушавъ сперва заутреню, а потомъ и обѣдню, на тотъ случай съ особеннымъ торжествомъ и великолѣпіемъ совершавшихся, козаки, по окончаніи божественной службы выходили изъ церкви и спѣшили въ курени къ обѣду. Придя въ курень, они молились на иконы, поздравляли одинъ другого съ праздникомъ, потомъ снимали съ себя на время дорогое верхнее платье и садилсь за общій столъ. Отобѣдавъ чѣмъ Богъ послалъ и достаточно выпивъ ради большого праздника «шумной ракіи» [1]), козаки вставали изъза стола, молились Богу, благодарили своего атамана, куренного кухаря, кланялись одинъ другому, снова одѣвались въ дорогое платье и потомъ выходили со всѣхъ куреней на площадь. Въ этотъ моментъ на сичевой площади раздавался оглушительный выстрѣлъ изъ самой большой пушки: таковъ былъ козацкій обычай. Тогда, по звуку пушки и по приказу кошевого атамана всѣхъ низовыхъ козаковъ, войсковой довбышъ выносилъ изъ своего куреня всегда хранившіеся при немъ литаврныя палки, затѣмъ съ палками шелъ въ церковь, бралъ оттуда постоянно находившіяся тамъ, между всѣми войсковыми клейнотами, литавры, выходилъ изъ церкви на площадь и билъ въ литавры для сбора козаковъ на раду, сперва одинъ разъ «мелкою дробью». На бой литавръ являлся прежде всего войсковой асаулъ; онъ также входилъ въ сичевую церковь, бралъ оттуда большое войсковое знамя, иначе

---

[1]) Турецкое слово «раки», что значитъ на русскомъ языкѣ водка.

стягъ, корогву или прапоръ, выносилъ его на площадь и ставилъ около церкви. Тутъ довбышъ снова билъ въ литавры, но уже два раза, также «мелкою дробью». На его бой спѣшили, точно пчелы на медъ, козаки на радную или вѣщевую площадь, къ тому случаю гладко выровнянную и тщательно усыпанную пескомъ. За простыми козаками выступала на площадь сичевая старшина: кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой писарь, войсковой асаулъ, послѣ войсковой старшины тридцать-восемь куренныхъ атамановъ и нѣсколько человѣкъ войсковыхъ «служителей»; каждый изъ войсковой старшины несъ знакъ своего достоинства: кошевой—большую палицу или булаву, судья—большую серебряную печать, писарь—перо и серебряный каламарь или чернильницу, асаулъ—малую палицу, куренные атаманы—трости: вся старшина была съ открытыми головами, безъ шапокъ, «бо на той часъ шла на площадь, на̀че на су̀дне мѝсто». Довбышъ, завидя идущую старшину, отдавалъ ей честь боемъ въ литавры. Между тѣмъ старшина, выйдя на средину, становилась на площади въ одинъ рядъ, другъ подлѣ друга, по старшинству своихъ чиновъ, и кланялась на всѣ четыре стороны собравшемуся «славному низовому товариству». Товариство становилось за куренными атаманами, кругомъ церкви, зачиная правымъ флангомъ отъ кошевого, кончая лѣвымъ флангомъ у войскового асаула, въ общемъ образуя огромный кругъ или козацкое коло; иногда, при полномъ войсковомъ сборѣ, не вмѣстясь въ городкѣ Сичи, нѣкоторая часть товариства влазила на курени и колокольни, становилась у канавы, поднималась на валы и растягивалась даже далеко вдоль рѣчки. Какъ и старшина, всѣ козаки, до единаго, были безъ шапокъ и на поклоны старшины отвѣчали поклонами. Передъ началомъ самой рады на площадь являлся настоятель сичевой церкви и служилъ молебенъ. Послѣ окончанія службы, кошевой атаманъ объявлялъ собравшемуся товариству о цѣли открывшейся рады.

— Паны молодцы! Теперь у насъ новый годъ: надлежитъ намъ, по древнему нашему обычаю, произвести раздѣлъ между товарищами всѣхъ рѣкъ, озеръ, урочищъ, звѣриныхъ доходовъ и рыбныхъ ловель.

— Да, слѣдуетъ, слѣдуетъ! Будемъ дѣлить, какъ искони у насъ заведено, по лясамъ, по жребію [1]).

[1]) Слово «лясы» одинаковаго корня съ нѣмецкимъ «Loos», что значитъ жребій и, вѣроятно, перешло къ козакамъ черезъ поляковъ.

Послѣ этихъ словъ выступалъ впередъ войсковой писарь, который заблаговременно расписывалъ по куренямъ всѣ угодья на маленькихъ ярлыкахъ, клалъ въ шапку всѣ эти ярлыки, встряхивалъ ихъ руками и предлагалъ куреннымъ атаманамъ подходить къ шапкѣ и разбирать ярлыки. Атаманы подходили и разбирали, писарь прочитывалъ и, что какому куреню доставалось, тѣмъ онъ и владѣлъ въ теченіе всего года, до новаго раздѣла; тутъ споровъ и прекословій не бывало: атаманы благодарили старшину и становились на свои мѣста. Соблюдалось лишь правило, что сперва получали землю курени, потомъ войсковая старшина, за ней духовенство и наконецъ женатое населеніе запорожскихъ вольностей: вездѣ холостое товариство пользовалось преимуществомъ въ правахъ владѣнія на земныя угодья предъ женатымъ сословіемъ; лица, непринадлежавшія къ войску, рѣдко получали землю въ Запорожьѣ.

Такъ дѣлилась вся земля запорожскихъ козаковъ отъ устья рѣки Самары до верховья рѣки Конки и отъ порожистой части Днѣпра до устья Буга. Этотъ ежегодный по жребію дѣлежъ земли происходилъ въ виду неодинаковаго богатства запорожскихъ урочищъ: одни изъ нихъ были слишкомъ изобильны, другія—слишкомъ бѣдны. Поэтому, чтобы долговременное владѣніе богатыми угодіями не возбуждало зависти и не подавало повода къ раздорамъ въ средѣ товариства, ихъ дѣлили каждый годъ по жребію. Въ такомъ случаѣ всякъ доволенъ былъ доставшимся ему угодьемъ и не думалъ завидовать товарищу, которому, по счастью, доставался лучшій жребій. Полагаютъ также, что этотъ ежегодный дѣлежъ земель стоялъ въ зависимости и отъ большей или меньшей опасности со стороны непріязненныхъ запорожцамъ сосѣдей, такъ какъ всякъ желалъ получить себѣ угодье подальше отъ южной границы, чтобы быть въ безопасности отъ татаръ [1]).

Послѣ дѣленія угодій довбышъ вновь билъ въ литавры, и козаки вновь прибывали въ Сичу, собираясь иногда до пяти тысячъ человѣкъ и болѣе. Тутъ кошевой атаманъ опять обращался съ рѣчью къ сичевому товариству.

— Паны молодцы! У насъ сегодня новый годъ; не желаете-ли вы, по старому обычаю, перемѣнить свою старшину и вмѣсто нея выбрать новую.

---

[1]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 106.

Если товариство довольно было своею старшиною, то въ такомъ случаѣ на предложенный кошевымъ вопросъ отвѣчало:

— Вы—добрые паны, пануйте еще надъ нами!

Тогда кошевой, судья, писарь и асаулъ кланялись козакамъ, благодарили ихъ за честь и расходились по куренямъ. Если-же товариство было недовольно чѣмъ-нибудь на свою старшину, то тогда, послѣ вызова кошевого, объявляло ему, чтобы онъ отнесъ свою булаву или палицу къ знамени и положилъ-бы ее на шапку. А когда товариство при этомъ открывало за кошевымъ еще какую-нибудь вину или допущенную имъ завѣдомую несправедливость, то въ такомъ случаѣ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, кричало:

— Покинь, скурвый сыну, свое кошѐвье, бо ты вже козацького хлиба наився! Иди собѣ прочь, негодный сыну, ты для насъ неспособенъ! Положи свою булаву, положи!..

Кошевой немедленно повиновался: онъ бросалъ на землю свою шапку, сверхъ шапки клалъ палицу, кланялся всему товариству, благодарилъ его за честь, которую оно оказывало ему въ теченіе года, и уходилъ съ площади въ свой курень. Послѣ ухода кошевого то-же должны были дѣлать, по солидарности съ кошевымъ, судья, писарь и асаулъ, хотя-бы къ нимъ товариство и не обращалось со словомъ укора. Впрочемъ, послѣднимъ, если кто-либо изъ нихъ былъ угоденъ козакамъ, товариство кричало, чтобы они «не скидывали съ себя своего чина», и тѣ должны были безпрекословно повиноваться и стоять на площади. Иногда, прежде чѣмъ отпустить старшину съ площади, товариство требовало отъ нея отчета въ разныхъ дѣйствіяхъ и предлагало ей разные вопросы. Въ результатѣ, однако, рѣдко старшина оказывалась виновною: пользуясь своею властью всего лишь одинъ годъ и имѣя въ виду въ концѣ года отчетъ, она рѣдко дѣйствовала по собственному произволу, больше-же по желанію всего войска, и потому рѣдко оказывалась виновною. Если-же, вопреки этому, старшина изобличалась въ какихъ-либо преступленіяхъ противъ всего войска, то она казнилась за то смертію.

Послѣ удаленія старой старшины приступали къ избранію новой. При этомъ выступали на сцену чисто народныя начала: ни куренные атаманы, ни кто другой изъ «властныхъ» лицъ не имѣли въ этомъ случаѣ никакого рѣшающаго значенія, всѣмъ дѣломъ руководила простая чернь, такъ-называемая «сиромашня». Естественно, что при этомъ поднимались споры, пререканія и раздоры.

тѣмъ болѣе, что многіе въ этотъ день, праздника ради, иногда черезъ край хватали «пьяного зилля»—горилки. Спорили прежде всего о томъ, кого именно выбрать въ кошевые атаманы—каждый курень выставлялъ своего кандидата и настаивалъ на выборѣ именно его, а не другого кого. Споры длились иногда по нѣскольку часовъ. Всѣ кандидаты, имена которыхъ выкрикивались на площади, должны были тотъ-же часъ оставлять площадь и уходить въ свои курени, чтобы своимъ личнымъ участіемъ не помогать избранію. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, останавливались на одномъ изъ всѣхъ называемыхъ кандидатовъ. Тогда изъ среды товариства отдѣлялись десять или больше того человѣкъ козаковъ и шли въ тотъ курень, гдѣ сидѣлъ выбранный въ кошевые козакъ. Пришедшіе объявляли избранному волю всего товариства и просили его принять предлагаемую ему честь. Если избранный станетъ отговариваться, то двое изъ пришедшихъ козаковъ берутъ его подъ руки, двое или трое пихаютъ сзади, нѣсколько человѣкъ толкаютъ въ бока и ведутъ на площадь, приговаривая: «Иды, скурвый сыну, бо тебе намъ треба, ты теперь нашъ батько, ты будешъ у насъ паномъ». Такъ приводили избраннаго въ раду; тутъ вручали ему палицу и объявляли желаніе всего войска видѣть его кошевымъ атаманомъ. Избранный, однако, по древнему обычаю, долженъ былъ сперва два раза отказаться отъ предлагаемой ему чести и только послѣ третьяго предложенія бралъ въ руки палицу. Тогда войско приказывало довбышу пробить честь новому кошевому атаману, а старые сичевые козаки, «сивоусые диды, славные низовые лыцари», поочередно подходили къ нему и сыпали на бритую голову его песку или мазали макушку головы грязью, если на ту пору случалась дождливая погода, въ знакъ того, чтобы онъ не забывалъ о своемъ низменномъ происхожденіи и не стремился-бы къ возвышенію надъ всѣмъ товариствомъ. Кошевой долженъ былъ кланяться на всѣ четыре стороны и благодарить товариство за честь, на что товариство отвѣчало ему крикомъ: «Будь, пане, здоровый та гладкый! Дай тоби, Боже, лебедыный викъ, а журавлыный крыкъ!» Тѣмъ избраніе кошевого и оканчивалось. Въ тотъ-же день перваго января и такимъ-же порядкомъ происходило избраніе судьи, писаря, асаула и куренныхъ атамановъ, съ тою только разницею, что войсковому судьѣ при избраніи вручали печать, войсковому писарю—чернильницу, а войсковому асаулу—

жезлъ. Второго января избирали довбыша, потомъ слѣдующихъ за нимъ чиновъ: пушкаря, писаря, кантаржея и другихъ.

Далеко, однако-же, не всегда такъ мирно и такъ скоро оканчивались выборы новой старшины. Иногда, при общемъ голосованіи спорящіе въ концѣ-концовъ раздѣлялись на двѣ половины: одну составляли такъ называемые нижніе курени, а другую такъ называемые верхніе курени, и каждая сторона, желая видѣть кошевымъ атаманомъ своего кандидата, не признавала другого. Тогда начинался споръ, за споромъ слѣдовала ссора, за ссорой драка и за дракой происходили иногда и смертоубійства. Противники въ своемъ ожесточеніи доходили до того, что даже бросались на курени, разоряли ихъ, ломали все на своемъ пути и наносили другъ другу великія обиды и большіе убытки. Въ это время кандидаты той и другой стороны немедленно оставляли площадь и скрывались въ свои курени, сидя на запорахъ. Но это не спасало ихъ отъ толпы. Такъ, козаки одной какой-либо стороны вскакивали въ курень, гдѣ сидѣлъ ихъ кандидатъ, тащили его на площадь и объявляли кошевымъ. Но противная сторона и слышать не хотѣла о выбранномъ кандидатѣ; самъ избранный отказывался отъ такой чести, не хотѣлъ идти на площадь и упирался ногами. Но его сторонники не успокаивались: они толкали его въ шею, пихали въ спину, били кулаками подъ бока, и когда онъ все еще упирался ногами, рвали на немъ платье, выщипывали на головѣ чупрыну, мяли ему всѣ ребра, и могло статься, что все-таки противная сторона не признавала его своимъ кошевымъ атаманомъ и выгоняла вонъ съ площади. Въ подобныхъ случаяхъ, разумѣется, перевѣсъ оставался всегда за болѣе сильной стороной.

Бывало иногда и такъ, что уже послѣ общей войсковой рады часть козаковъ возмущалась и не признавала старшины, уже избранной всею радой: тогда одни изъ недовольныхъ брали насильно котлы вмѣсто войсковыхъ литавровъ, били по нимъ вмѣсто палокъ полѣнами и старались собрать на площадь новую раду; другіе бросались къ куренямъ старшинъ, называли ихъ собаками, неспособными ни къ какому панованію, перечисляли все, что знали или слышали о нихъ дурного, и съ крикомъ приказывали имъ идти на площадь; третьи хватали лежавшія на столикѣ среди площади кошевскую и судейскую палицы и вручали ихъ новымъ, наскоро выбраннымъ, лицамъ. Тогда противъ бунтовщиковъ выступали куренные атаманы: они дѣйствовали сперва словами, а когда слова не помогали, прибѣ-

тали къ палкамъ: но разъяренные козаки избивали куренныхъ атамановъ, а сами бросались къ куреню кошевого, выбивали въ немъ окна, бросали въ средину его, въ стѣны и на крышу обрубки, дрючья, кирпичи и камни. Видя бѣду, кошевой, а по немъ и другія лица старшины, прятались въ чужіе курени, а иногда даже переодѣвались въ монашеское платье, подвязывали себѣ бороды и спасались бѣгствомъ изъ Сичи.

Иногда страсти, при выборахъ войсковыхъ старшинъ, разгорались до того, что запорожская «сиромашня» пускалась даже на грабежъ разнаго добра «базарныхъ», т. е. торговыхъ и ремесленныхъ людей, жившихъ въ предмѣстьѣ Сичи. «Сиромашня», завидовавшая богатству торговыхъ и ремесленныхъ людей, во время избранія старшины дѣлала между собою стачку, съ цѣлью нападенія на «базарныхъ людей». Пользуясь всеобщей безурядицей, она неожиданно нападала на нихъ, разгоняла изъ предмѣстья, бросалась на ихъ лавки и шинки, вытаскивала оттуда товары, выпускала изъ бочекъ напитки и забирала все, что попадалось подъ руку. «Базарные люди» старались защищать свое добро. Они въ свою очередь составляли стачку, вооружались ружьями, дубинами, становились у сичевой колокольни и старались не впускать «сиромашню» въ свое предмѣстье, простаивая иногда по днямъ и по ночамъ у воротъ, ведшихъ изъ самой Сичи въ ея предмѣстье. Но «сиромашня» не унималась. Тогда противныя стороны схватывались между собой, и нерѣдко дѣло доходило до жестокихъ дракъ и смертоубійствъ. Кошевой атаманъ, судья, писарь и асаулъ всѣми мѣрами старались унять враждовавшихъ, обращаясь къ нимъ, однако, не лично, а черезъ куренныхъ атамановъ и старыхъ «сивоусыхъ» козаковъ. Послѣдніе, дѣйствуя частію палками, частію увѣщаніями, отвращали подъ конецъ «сиромашню» отъ хищныхъ намѣреній и водворяли спокойствіе въ Сичи.

Когда-же дѣло шло не о выборѣ войсковой старшины, а о другомъ какомъ-либо вопросѣ, напримѣръ, походѣ козаковъ противъ непріятелей, тогда рады принимали нѣсколько иной характеръ противъ описаннаго. По обыкновенію козаки собирались на сичевую площадь и располагались въ коло: если при этомъ въ Сичи находился посолъ отъ какого-либо государя, приглашавшій козаковъ въ походъ, то посла также допускали въ коло, сперва давали ему аудіенцію, потомъ отбирали отъ него письменныя усло-

вія на счетъ предполагаемаго похода и просили оставить коло: послѣ ухода посла изъ кола читали въ слухъ оставленные имъ грамоты: по прочтеніи-же грамотъ кошевой громко требовалъ отъ каждаго высказать свое мнѣніе: козаки сперва молчали: за вторичнымъ воззваніемъ козаки по обыкновенію раздѣлялись на два кола: одно коло составляли старшины, другое—чернь. Послѣ долгихъ совѣщаній чернь или отрицала предложеніе посла, или принимала его: если она принимала, тогда, въ знакъ согласія, подбрасывала вверхъ свои шапки, затѣмъ устремлялась къ старшинѣ и требовала отъ нея полнаго согласія во всемъ съ собою. Въ случаѣ отказа со стороны старшины, чернь разгорячалась и грозила или бросить всѣхъ въ воду, или вовсе утопить въ рѣкѣ. Старшины, боясь противорѣчить сильной, могущественной и разъяренной черни, невольно соглашались съ принятымъ рѣшеніемъ ея. Тогда изъ среды всего товариства козаки избирали 20 депутатовъ, которые составляли особое маленькое коло: это коло долго совѣщалось между собой и подъ конецъ приглашало къ себѣ посла: когда посолъ являлся на приглашеніе, 20 депутатовъ вмѣстѣ съ посломъ садились на землю среди большого кола и открывали между собою переговоры. Послѣ окончанія переговоровъ, войсковые асаулы обходили вокругъ все большое коло и излагали всѣмъ результаты соглашеній между 20 депутатами и посломъ. Послѣ этого чернь снова отдѣлялась, снова собиралась въ особое коло, совѣщалась между собой и выражала свое согласіе громкими восклицаніями и бросаніемъ вверхъ шапокъ. Тогда рада считалась оконченной: посолъ выходилъ изъ кола, и въ честь его били въ барабаны, трубили въ трубы, десять разъ стрѣляли изъ пушекъ и ночью пускали ракеты. Однако, на этомъ рады не оканчивались. Въ тотъже вечеръ нѣкоторыя безпокойныя головы, соединившись съ зажиточными козаками, напримѣръ охотниками и владѣльцами челновъ, ходили изъ куреня въ курень и своими замѣчаніями объ отдаленности похода, опасности пути и разныхъ случайностяхъ войны смущали войсковую чернь и собирали новую раду утромъ слѣдующаго дня. На происшедшей радѣ чернь приходила къ противоположному рѣшенію прошлаго дня и немедленно сообщала о томъ послу, находившемуся въ особомъ помѣщеніи Сичи. Посолъ старался разувѣрить козаковъ во всѣхъ опасностяхъ войны и обѣщалъ большія награды за понесенные въ походѣ труды. Съ своей стороны о томъ-же хлопотали и войсковые старшины козаковъ:

они просили, всячески уговаривали ихъ не отказываться отъ лестныхъ и выгодныхъ предложеній, чтобы не подвергнуться всеобщему позору и посмѣянію за отказъ въ похвальномъ предпріятіи противъ враговъ вообще Христовой или въ частности православной вѣры. Но когда и послѣ этихъ увѣщаній козаки стояли на своемъ рѣшеніи, тогда кошевой, разгнѣвавшись, складывалъ съ себя званіе атамана и выходилъ вонъ изъ кола, объявляя, что онъ не желаетъ оставаться вождемъ людей, не дорожащихъ войсковою честью, козацкою славою и добрымъ именемъ. Съ уходомъ кошевого расходилось и коло. Однако, послѣ обѣда собиралась третья рада. Но какъ многіе не хотѣли идти на радную площадь добровольно, то асаулы загоняли ихъ кіями. Собравшись на третью раду, козаки прежде всего отправляли депутацію къ кошевому и просили его вновь принять надъ ними начальство: кошевой послѣ долгихъ отказовъ подъ конецъ соглашался и являлся вновь на площадь. Тутъ козаки излагали свои письменныя условія къ пригласившему ихъ въ походъ государю и эти условія отсылали въ помѣщеніе посла, требуя на нихъ отвѣта. Посолъ, прочитавъ условія и найдя ихъ вполнѣ цѣлесообразными, являлся въ коло, объявлялъ о своемъ согласіи на всѣ предложенные козаками пункты и въ заключеніе вручалъ имъ подарокъ въ нѣсколько тысячъ золотомъ въ открытомъ полѣ, по срединѣ котораго развивалось знамя государя, отъ коего пріѣзжалъ посолъ въ Сичу. Козаки, получивъ деньги, разстилали на землѣ нѣсколько татарскихъ кобеняковъ или плащей, обыкновенно носимыхъ ими, высыпали на нихъ деньги и приказывали нѣкоторымъ изъ старшинъ сосчитать ихъ. Послѣ этого посолъ выходилъ изъ кола, а рада все еще долго не расходилась съ площади. Въ заключеніе происходило еще нѣсколько радъ, послѣ которыхъ товариство, въ полномъ собраніи, торжественно прощалось съ посломъ, благодарило его за понесенные имъ труды, дарило шубою и шапкою, выбирало собственныхъ пословъ, писало письмо къ иноземному, почтившему своимъ вниманіемъ запорожцевъ, государю и вмѣстѣ съ пріѣзжимъ посломъ отправляло изъ Сичи.

Ежегодная смѣна старшины происходила, конечно, въ видахъ гарантіи политической свободы въ средѣ запорожскихъ козаковъ: такъ понимало это и само сичевое товариство; но лица, не принадлежавшія къ запорожской общинѣ, объясняли это тѣмъ, что, часто смѣняя кошевыхъ, запорожскіе начальные козаки соблюдали

будто бы свою личную выгоду, такъ какъ русскій дворъ обязанъ былъ дѣлать всякому новому кошевому подарокъ 7.000 рублей, которые онъ, обыкновенно, раздѣлялъ между начальными козаками для расположенія ихъ въ свою пользу [1]).

Смѣна старшины среди года объяснялась частію личнымъ нерасположеніемъ къ ней запорожскаго товариства, большею-же частію уклоненіемъ съ ея стороны отъ военныхъ походовъ, когда того желало все войско. Наскучивъ мирнымъ бездѣйствіемъ въ Сичи, козаки кричали, что кошевой съ старшиною «обабывся», т. е. облѣнился, сдѣлался «ганчиркою», т. е. тряпкою и потому избѣгаетъ опасностей войны, нужно было новаго кошевого, который-бы почаще водилъ козаковъ на бой.

Кромѣ общихъ войсковыхъ радъ у запорожскихъ козаковъ были еще рады «до куреней», называвшіяся у нихъ обыкновенно сходками [2]); куренныя сходки происходили тогда, когда старшина и атаманы не желали собирать общей рады; тогда къ куреню кошевого собирались куренные атаманы и совѣщаніе происходило только между избранными лицами: большею частью это бывало тогда, когда дѣло шло о какихъ-нибудь незначительныхъ походахъ, о пограничныхъ разъѣздахъ или-же о секретныхъ и экстренныхъ дѣлахъ, требовавшихъ большой тайны и немедленнаго исполненія. Примѣромъ такой частной сходки можетъ служить секретная рада Богдана Хмельницкаго тотчасъ по прибытіи его въ Запорожье изъ Украйны: явившись въ Сичь, Хмельницкій сперва долго совѣщался у кошевого и войсковой старшины; здѣсь онъ изложилъ причины, побудившія его бѣжать изъ Польши, и только послѣ этой частной сходки собрана была общая войсковая рада.

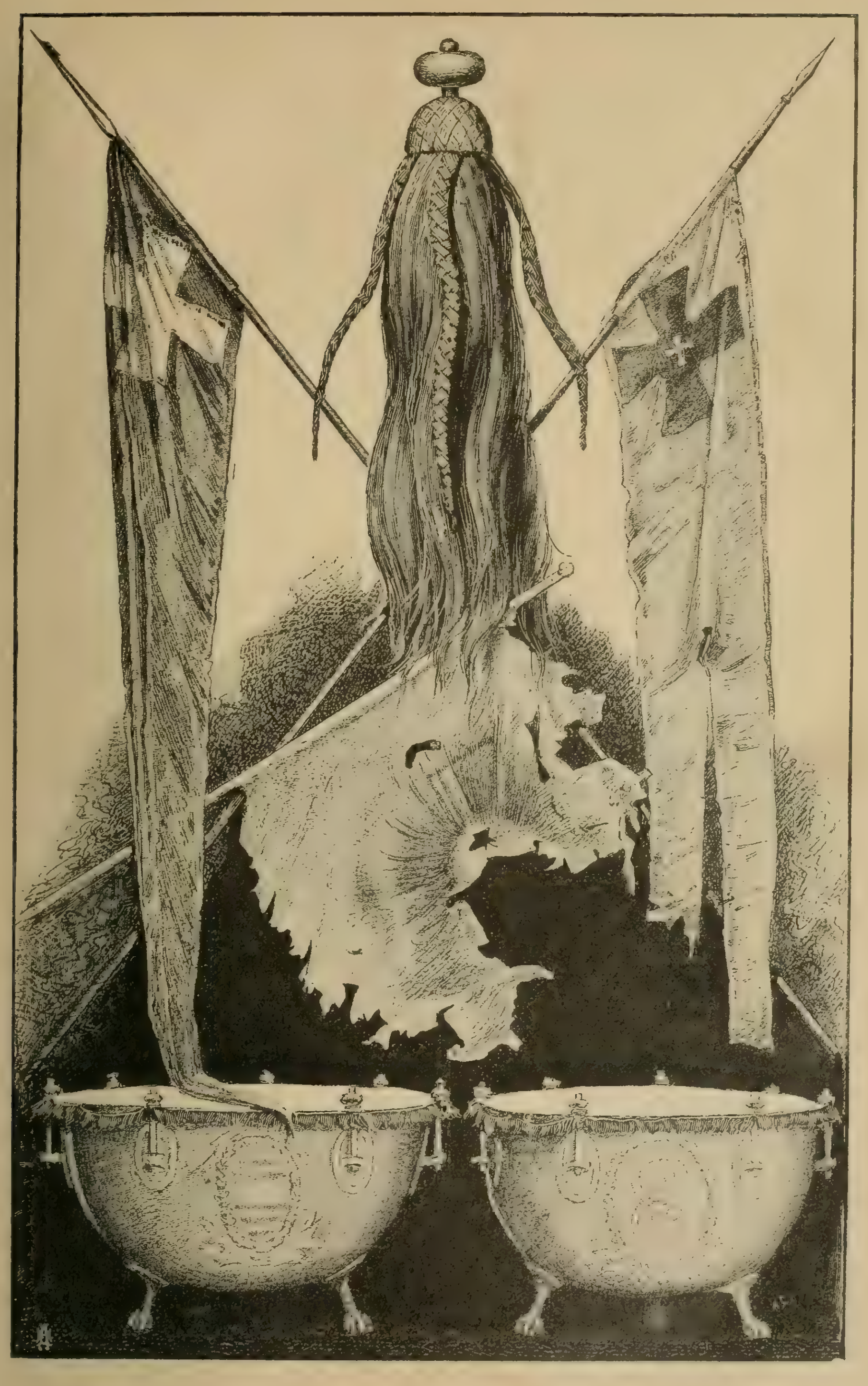
Наконецъ были сходки еще по паланкамъ; но онѣ касались совсѣмъ мелкихъ вопросовъ и происходили между женатыми козаками, жившими большею частью хозяйственными интересами вдали отъ Сичи по слободамъ и отдѣльнымъ зимовникамъ; въ дѣлахъ-же, касавшихся всего войска, козаки-зимовчаки отправлялись въ Сичу и тамъ принимали участіе въ общихъ войсковыхъ радахъ [3]).

---

[1]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 27.

[2]) Самарско-Николаевскій мон., Екатеринославъ, 1876, 104.

[3]) Источниками для настоящей главы были: Исторія о козакахъ запорожскихъ Мышецкаго, Одесса, 1852, 36—43; Записки о Россіи Манштейна, Москва, 1832, I, 27; Новый географическій словарь Максимовича и Щека-



Знамена, бунчукъ, литавры въ Екатеринодарѣ.

Къ стр. 216—217.

Административныя и судебныя власти въ запорожскомъ низовомъ войскѣ.

Состоя подъ верховною протекціей сперва польскаго, потомъ русскаго правительства, временно подъ покровительствомъ крымскаго хана, запорожскіе козаки во все время своего историческаго существованія управлялись собственнымъ, обыкновенно каждогодно смѣнявшимся и непремѣнно неженатымъ, начальствомъ. Полный штатъ начальственныхъ лицъ у запорожскихъ козаковъ, по различнымъ источникамъ, опредѣляется различно: 49, 118, 149 человѣками[1]). Послѣдовательная степень этихъ начальниковъ представляется въ такомъ, приблизительномъ, порядкѣ: войсковые начальники—кошевой атаманъ, судья, асаулъ, писарь, куренные атаманы; войсковые служители—подписарій, булавничій, хорунжій, бунчужный, перначный, подъасаулій, довбышъ, поддовбышъ, пушкарь, подпушкарный, гармашъ, толмачъ, шафарь, подшафарій, кантаржей, канцеляристы; походные и паланочные начальники—полковникъ, писарь, асаулъ, подписарій, подъасаулій. Когда впервые опредѣлился составъ запорожскихъ властей, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, указать нельзя: полагаютъ лишь, что чинъ кошевого существовалъ уже въ XVI вѣкѣ, тогда какъ чина войсковаго писаря въ это время еще не было [2]).

това, Москва, 1788, II, 7—46; Три книги Хотинской войны Якова Собѣскаго, Данцигъ, 1646; Сборникъ матеріаловъ Эварницкаго, Спб. 1888, 143; Записки Эриха Ласоты. Одесса, 1873, 32, 33, 36—38, 45, 46.

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса. 1852, 33; Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 55—58.

[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни малорусскаго народа, Кіевъ, 1874, I, 227, 243.

Первыя четыре изъ перечисленныхъ должностныхъ лицъ, именно кошевой атаманъ, войсковой судья, войсковой асаулъ и войсковой писарь, составляли собственно такъ называемую войсковую старшину: къ нимъ иногда причисляли куренныхъ атамановъ и старыхъ козаковъ, бывшихъ старшинъ, но уступившихъ, или добровольно или противъ воли, свои званія другимъ: остальныя названныя лица составляли или «младшую старшину», «войсковыхъ служителей» или-же паланочныхъ и перевозныхъ старшинъ: въ мирное время войсковая старшина управляла административными и судебными дѣлами войска, въ военное время предводительствовала козаками, уступая свое мѣсто въ Сичи наказной старшинѣ, но по окончаніи войны вновь принимая свои права.

Кошевой атаманъ соединялъ въ своихъ рукахъ военную, административную, судебную и духовную власть. Въ военное время кошевой былъ «главнымъ командиромъ», «фельдмаршаломъ» войска и дѣйствовалъ какъ совершенно неограниченный диктаторъ: онъ могъ выбросить непослушнаго за бортъ лодки или же, на шеѣ съ веревкой, тащить его за тяжелымъ обозомъ: въ мирное время онъ былъ «конституціоннымъ владыкою» Запорожья и потому управлялъ всею областью козацкихъ вольностей съ ихъ паланками, селеніями, зимовниками и бурдюгами; исполнялъ роль верховнаго судьи надъ всѣми провинившимися и преступниками, и потому наказывалъ виновныхъ за проступки и опредѣлялъ казнь злодѣямъ за преступленія; считался «верховнымъ начальникомъ» запорожскаго духовенства, и потому принималъ и опредѣлялъ духовныхъ лицъ изъ Кіева въ сичевую и паланочныя церкви, оставлялъ или возвращалъ ихъ назадъ, смотря по поведенію и способностямъ каждаго. Соединяя въ своихъ рукахъ такую обширную власть, кошевой атаманъ «властенъ былъ надъ жизнью и смертью каждаго изъ козаковъ» [1]), и хотя указомъ 1749 года, 13 марта, русскаго правительства строго воспрещались въ Сичи смертные приговоры, но кошевые атаманы игнорировали подобныя требованія и всегда подписывали смертные приговоры ворамъ и злодѣямъ, какъ это видимъ изъ многихъ примѣровъ: такъ, въ 1744 году повѣшенъ былъ въ Сичи козакъ Иванъ Покотило: въ 1746 году забитъ кіями въ Самарѣ козакъ Сухій; въ 1746 году повѣшены три ко-

[1]) Записки о Хотинской войнѣ Якова Собѣсскаго: Черниг. губ. вѣд., 1879, 2 ноября, 2, 9, 16 декабря; Архивъ Калачова до Россіи относящійся, Спб., 1861, 9, пунктъ 13.

зака въ Сичи и одинъ козакъ, Павло Щербина, въ самарской паланкѣ; въ 1770 году казненъ козакъ Зима въ протовчанской паланкѣ; первые шесть козаковъ казнены по предписанію кошевого Павла Козелецкаго, послѣдній, седьмой, по опредѣленію кошевого Петра Калнишевскаго [1]).

Обязанности кошевого состояли въ томъ, что онъ утверждалъ выбранныхъ на радѣ всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ чиновъ, узаконялъ распредѣленіе «по лясамъ» земли, покосовъ, рыбныхъ ловель, звѣриныхъ уходовъ, раздѣлялъ военную добычу, войсковые доходы, царское жалованье, принималъ новыхъ лицъ въ Сичь, отпускалъ старыхъ козаковъ изъ Сичи, выдавалъ аттестаты заслуженнымъ товарищамъ, посылалъ ордера паланочной старшинѣ, входилъ въ дипломатическія сношенія съ сосѣдними государствами: русскимъ, польскимъ, крымскимъ, турецкимъ и отдаленнымъ германскимъ, принималъ королевскіе универсалы, царскіе указы, гетманскіе ордера. Оффиціально кошевой титуловался «Мосцепане атамане кошовый»; «Его вельможность панъ кошовый атаманъ»; «Его благородіе панъ кошовый атаманъ»; неоффиціально назывался «батькомъ, панъ-отцомъ, вельможнымъ добродіемъ»; въ знакъ своего достоинства, при общественныхъ собраніяхъ, онъ держалъ въ рукѣ металлическую или за неимѣніемъ металлической, въ экстренныхъ случаяхъ, тростниковую булаву; въ церкви имѣлъ особое мѣсто, бокунъ или стасидію, рѣзного дерева, выкрашенную зеленой краской; на время отсутствія изъ Сичи назначалъ себѣ замѣстителя, называвшагося «намѣстникомъ атамана» или «наказнымъ» атаманомъ [3]).

Но при всей своей силѣ кошевой атаманъ, однако, не былъ неограниченнымъ властелиномъ запорожскаго войска: не имѣя ни особеннаго помѣщенія, ни отдѣльнаго стола, называясь иногда даже уменьшительнымъ именемъ—Богданко, Петрусь, Калнышъ-кошевой былъ въ дѣйствительности только старшимъ между равными, «батькомъ» для всѣхъ козаковъ, оттого имѣлъ больше

---

[1]) Кіевская Старина, 1866, мартъ, 617; Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 63, прим. 1.

[2]) Величко. Лѣтопись, I, 75, 167, 183, 306; II, 295, 489, 561; III, 373 Эварницкій. Запорожье, Спб., 1888, I, 86; II, 189.

[3]) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣсскаго: Черниговскія губернскія вѣдомости, 1849, 2 ноября, 2, 9, 12 декабря; Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 442.

моральное, чѣмъ дисциплинарное право. Власть его ограничивалась тремя условіями: отчетомъ, временемъ и радой. Каждый кошевой ежегодно, 1 января, во время выбора войсковой старшины, долженъ былъ дать отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, касавшихся войска: при этомъ, если во время отчета за кошевымъ открывалось какое-либо преступленіе противъ войска, какое-либо неправильное рѣшеніе суда, какой-нибудь незаконный поступокъ противъ завѣтныхъ преданій запорожскихъ, то его даже казнили смертью [1]). Есть извѣстіе, что первый предводитель козацкій, Предславъ Ландскоронскій, былъ казненъ за то, что имѣлъ намѣреніе привести козаковъ въ строгое повиновеніе [2]). Въ 1739 году былъ убитъ козаками на крымской сторонѣ Днѣпра, противъ острова Хортицы, кошевой атаманъ Яковъ Тукало [3]). Затѣмъ каждый кошевой избирался только на одинъ годъ, по истеченіи котораго на мѣсто его становился другой: исключенія дѣлались лишь для весьма немногихъ, особенно выдающихся и популярныхъ лицъ, какъ напримѣръ: Иванъ Сирко, Константинъ Гордіенко, Иванъ Милашевичъ и Петръ Калнишевскій, изъ коихъ первый былъ кошевымъ атаманомъ въ теченіи 15 лѣтъ, а послѣдній въ теченіи 10 лѣтъ: но и тутъ все-таки кошевые оставались въ своей должности не на всю жизнь, а каждый годъ вновь избирались и вновь утверждались на общей радѣ всѣхъ козаковъ. Наконецъ, каждый кошевой былъ въ зависимости отъ рады, то-есть отъ совѣта всего «низового запорожскаго товариства» или, говоря московскимъ и польскимъ языкомъ, отъ «черни» и «простонародья» козацкаго: «Кошевой у нихъ какъ безпорядочно избирался не голосами, а крикомъ и киданіемъ шапокъ на избираемаго, то также и лишался своей власти по прихоти непостоянной черни» [4]). Безъ общей рады всего запорожскаго войска кошевой атаманъ ничего не могъ и ничего не смѣлъ предпринять: «У насъ не єдного пана кошового порада до писання листовъ биваетъ, лечъ всего войска нашего запорожскаго единогласна: що кгди скажетъ въ листу доложити, того а нѣ панъ кошовій, а нѣ писаръ безъ езволенія нашего не-

[1]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 28.

[2]) Рукописное сказаніе о гетманахъ ажъ до Богдана Хмельницкаго.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 12, примѣчаніе 11.

[4]) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣсскаго: Черн. г. вѣд., 1849, 25 ноября.

реставляти сами собоі неповинни» [1]). Оттого на всѣхъ ордерахъ и письмахъ, посылавшихся куда-либо отъ имени кошевого изъ Сѣчи, всегда дѣлалась подпись не одного кошевого, а со всей старшиной и войскомъ: «Атаманъ кошовый, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ войска низового запорожскаго товариствомъ»; «Атаманъ кошовый, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества низового запорожского»; «Атаманъ кошовый войска запорожского зъ атаманнею и зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ»; «Атаманъ кошовій зо всѣмъ низовимъ войска запорожского товариствомъ»; «Атаманъ кошовый зо всѣмъ войска низового запорожскаго товариствомъ»; «Атаманъ кошовый зъ атаманнею и зо всѣмъ старшимъ и меншимъ Днѣпровонизовымъ войска запорожского товариствомъ»: «Атаманъ кошовій войска низового запорожского, зо всѣмъ старшимъ и меншимъ товариствомъ»; «Ея Императорскаго Величества войска запорожскаго низового атаманъ кошовій (имя рекъ) своійскомъ, старшиною и товариствомъ»; «Атаманъ кошевой (имя рекъ) стовариствомъ»: «Атаманъ кошевой и товариство» [2]).

Въ словесныхъ сношеніяхъ съ козаками кошевой обращался съ ними не повелительно, а отечески или товарищески, называя ихъ «дитками, братчиками, панами-молодцами, товарищами»; такъ, выслушавъ какую-нибудь бумагу на войсковой радѣ, кошевой обращался съ рѣчью къ товариству: «А шо будемъ робыты, паны-молодци?» Если случалось рѣшать какое-либо важное войсковое дѣло, то кошевой атаманъ созывалъ все товариство на общее собраніе и, принявъ важный и вмѣстѣ почтительный видъ, входилъ съ открытою головой на опредѣленное мѣсто среди радной площади, становился подъ войсковое знамя, кланялся нѣсколько разъ собранію и, стоя во все время рады, держалъ къ товариству рѣчь, или осуждая какое-нибудь преступленіе, или смиренно прося у войска какой-либо въ свою пользу благосклонности. Козаки слушали его съ большимъ вниманіемъ, а потомъ громко высказывали каждый свое мнѣніе и, въ случаѣ несогласія съ кошевымъ, показывали это своимъ голосомъ и разными тѣлодвиженіями: въ случаѣ-же находили требованіе кошевого совсѣмъ несообразнымъ или просто мало

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 175.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, I, 185, 312, 356; II, 35, 100, 226, 345, 382, 396, 472, 493, 500, 543; III, 58, 176; Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 312, 317, 318, 324, 325, 327, 328, 333, 338.

основательнымъ, то совсѣмъ не покорялись его волѣ и лишали всеобщаго уваженія [1]).

Какъ на Украйнѣ гетманъ, такъ въ Запорожьѣ кошевой атаманъ имѣлъ «при боку», особенно во время военныхъ походовъ, нѣсколько человѣкъ, отъ 30 до 50, слугъ, выполнявшихъ обязанности адъютантовъ при «власной» особѣ кошевого; это были такъ называемые молодики, джуры или хлопцы, слуги-товарищи, исполнявшіе такую же роль при кошевомъ, какую исполняли пажи при важной особѣ какого-нибудь рыцаря. Во время войны 1769 года въ строевыхъ козацкихъ реестрахъ показано нѣсколько человѣкъ молодиковъ «при пану кошевому» [2]); впрочемъ, эти-же молодики прислуживали не только кошевому, но и другимъ лицамъ войсковой старшины, по два или по три при каждомъ; по словамъ англичанина Рондо, большею частію въ хлопцы или слуги сичевыхъ козаковъ попадали молодые люди изъ поляковъ [3]). Что это были не простые слуги при кошевомъ и другихъ старшинахъ, видно изъ самыхъ обязанностей, на нихъ возлагавшихся: «молодики должны были Богу добре молиться, на конѣ репьяхомъ сыдити, шаблею отбиватьця, списомъ добре колоты и изъ рушныци зорко стриляти».

Жизнь кошевого атамана, какъ и прочихъ старшинъ, нисколько не отличалась отъ жизни остальныхъ козаковъ: онъ пребывалъ всегда въ томъ самомъ куренѣ, въ которомъ состоялъ и раньше до избранія своего на должность кошевого; столъ и пищу имѣлъ въ томъ-же куренѣ, общс съ козаками; такъ было искони вѣковъ и только подъ конецъ историческаго существованія Запорожья войсковая старшина стала обзаводиться собственными домами въ Сичи и имѣть отдѣльный столъ для себя. Главными источниками дохода кошевого атамана были: участокъ земли, дававшійся ему войскомъ при общемъ раздѣлѣ земныхъ угодій между козаками, каждаго новаго года; царское жалованье—70 рублей въ годъ; часть пошлины за перевозы черезъ рѣки; часть пошлины съ товаровъ, именно «кварта», т. е. ведро отъ всякой «куфы» или бочки привозимыхъ въ Сичу горилки и бѣлаго вина, часть муки, крупы и крымскихъ или турецкихъ товаровъ—«по товару отъ всякой ватаги»; судебная вира, т. е. плата за раскованіе преступника отъ столба и «нѣкоторый малый презентъ»

---

[1]) Записки о хотинской войнѣ Собѣскаго: Черниıгов. губ., вѣд., 1849.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 93, пр. I.

[3]) Клавдіусъ Рондо. Кіевская Старина, 1889, № 11, 446.

отъ всякихъ просителей; часть военной добычи отъ всякой малой партіи козаковъ, отправлявшихся на какіе-либо поиски; случайныя приношенія отъ шинкарей, брагарниковъ, мясниковъ и калачниковъ медомъ, пивомъ, бузою (брагою), мясомъ и калачами. Кромѣ всего этого на праздникъ Рождества Христова и святой Пасхи кошевой получалъ такъ-называемый «ралецъ», т. е. подарокъ, по двѣ или по три пары лисицъ и большихъ калачей, отъ шинкарей, купцовъ и мастеровыхъ: они собирались тремя отдѣльными партіями, являлись съ поклономъ къ кошевому и подносили ему свои дары; за это кошевой долженъ былъ угощать ихъ, пока схотятъ, холодною горилкою и медомъ. Въ эти-же дни кошевой поилъ и угощалъ у себя въ куренѣ всю старшину, куренныхъ атамановъ и простыхъ козаковъ. Наконецъ, кошевому атаману шли еще нѣкоторыя изъ приблудныхъ, пойманныхъ на степи, лошадей: онѣ держались въ теченіе трехъ дней и если по истеченіи этого времени къ нимъ не отыскивался хозяинъ, поступали въ собственность войсковой старшины, а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и кошевого [1]).

Войсковой судья былъ вторымъ лицомъ послѣ кошевого атамана въ запорожскомъ войскѣ; какъ и кошевой атаманъ, онъ избирался на войсковой радѣ изъ простаго товариства. Судья былъ блюстителемъ тѣхъ предковскихъ обычаевъ и вѣковѣчныхъ порядковъ, на которыхъ зиждился весь строй козацкой жизни; въ своихъ рѣшеніяхъ онъ руководствовался не писаннымъ закономъ, какъ совсѣмъ не существовавшимъ у запорожскихъ козаковъ, а преданіями или традиціями, должно быть, занесенными изъ Украйны въ Запорожье, переходившими изъ устъ въ уста и освященными временемъ многихъ вѣковъ. Обязанностію войскового судьи было судить виновныхъ скоро, право и нелицепріятно; онъ разбиралъ уголовныя и гражданскія дѣла и произносилъ судъ надъ преступниками, предоставляя, однако, окончательный приговоръ суда рѣшать кошевому атаману или войсковой радѣ. Войсковой судья иногда замѣнялъ особу кошевого, подъ именемъ «наказного кошевого атамана», исполнялъ должность казначея и артиллеріи начальника при войсковомъ «скарбѣ и арматѣ». Внѣшнимъ знакомъ власти войскового судьи была большая серебряная печать, которую онъ обязанъ былъ держать при себѣ во время войсковыхъ собраній или радъ и прикладывать къ бумагамъ, на которыхъ постановлялось рѣшеніе всей

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 48—51.

рады [1]). Судья, какъ и кошевой атаманъ, не имѣлъ ни особаго жилища, ни отдѣльнаго стола, а жилъ и питался обще съ козаками своего куреня. Главнымъ доходомъ судьи было царское жалованье—70 рублей въ годъ и часть пошлины за перевозы черезъ рѣки; кромѣ того, онъ получалъ, какъ и кошевой, ведро водки или бѣлаго вина отъ каждой привозимой въ Сичу куфы, «по товару» отъ всякой ватаги, одного коня изъ приблудившихся лошадей, выкупъ за «отбитіе» преступника отъ столба, «малый презентъ» отъ всякаго просителя, часть добычи отъ каждой партіи, извѣстное количество меду, пива, бузы, мяса и калачей отъ сичевыхъ шинкарей, брагарниковъ, мясниковъ и калачниковъ, наконецъ рождественскій и пасхальный ралецъ [2]).

Войсковой писарь, какъ кошевой атаманъ и войсковой судья, выбирался товариствомъ на общей радѣ; онъ завѣдывалъ всѣми письменными дѣлами войска запорожскаго, разсылалъ листы, т. е. приказы по куренямъ, вмѣстѣ съ этимъ велъ всѣ счеты и издержки, писалъ, по совѣщаніи съ монахами, къ разнымъ государямъ и вельможамъ отъ имени всего запорожскаго войска, бумаги [3]), принималъ всѣ указы, ордера, листы и письма, присылавшіеся отъ разныхъ царственныхъ, властныхъ и простыхъ лицъ въ Сичу, на имя кошевого атамана и всего войска. Войсковой писарь у запорожскихъ козаковъ былъ всегда одинъ; обязанность его считалась столь важною, что если-бы кто другой, вмѣсто него, осмѣлился писать отъ имени Коша или принимать письма, передаваемыя на его имя, того безъ пощады казнили смертью [4]). Значеніе войскового писаря въ Запорожьѣ было очень велико: многіе изъ войсковыхъ писарей вліяли на настроеніе всего войска, многіе въ своихъ рукахъ держали всѣ нити политики и общественной жизни извѣстнаго вѣка; оттого положеніе войсковыхъ запорожскихъ писарей можно сравнить съ положеніемъ генеральнаго секретаря или главнаго министра при войскѣ нашего времени. Вліяніе войсковыхъ писарей тѣмъ сильнѣе сказывалось въ Запорожьѣ, что большинство изъ нихъ оставалось на своихъ должностяхъ въ теченіи многихъ лѣтъ безсмѣнно:

[1]) До насъ дошло много бумагъ сичевого архива, на которыхъ послѣ подписи кошевого атамана слѣдуетъ выпуклая, сдѣланная посредствомъ сильнаго нажима, войсковая печать съ воиномъ по срединѣ.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852. 48—51.

[3]) Записки о хотинской войнѣ Якова Собѣскаго. Черн. губ., в., 1849.

[4]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 28.

такъ, извѣстно, что въ теченіи 41 года, отъ 1734 по 1775 годъ въ войскѣ запорожскомъ смѣнилось всего лишь четыре человѣка въ званіи войскового писаря [1]. При всемъ своемъ дѣйствительномъ значеніи, войсковой писарь, однако, нигдѣ и ни въ чемъ не старался показывать свою силу; напротивъ того, онъ всегда держалъ себя ниже своего положенія. Оттого на всѣхъ бумагахъ, исходившихъ отъ войскового писаря, мы нигдѣ не встрѣчаемъ подписи его имени,—только одинъ разъ, и то внѣ Сичи, во время польскаго сейма въ городѣ Острогѣ, писарь сдѣлалъ подпись на листѣ: «Именемъ всего товариства, войска его королевской милости запорожского низового, при насъ находящагося, Андрей Тарасенко, писарь войска его королевской милости запорожского низового, собственною рукою» [2]. Обыкновенно-же писарь, въ концѣ бумаги—подписывалъ извѣстную формулу: «Атаманъ кошовый зо всѣмъ старшимъ и меншимъ низовимъ войска запорожскаго товариствомъ», вмѣстѣ съ фамиліей кошевого, если онъ былъ неграмотенъ, въ противномъ случаѣ формула и фамилія прописывались самимъ кошевымъ. Внѣшнимъ знакомъ достоинства войскового писаря была въ длинной серебряной оправѣ чернильница, по-польски каламарь, которую онъ, при войсковыхъ собраніяхъ, держалъ за поясомъ, а перо къ чернильницѣ затыкалъ за правое ухо [3]. При всякомъ войсковомъ писарѣ состоялъ, въ качествѣ помощника, выборный войсковой подписарій и сверхъ того иногда нѣсколько человѣкъ «канцелярскихъ разнаго званія служителей» [4], но «настоящей канцеляріи» для писаря въ Запорожьѣ не полагалось, и всѣ письменныя дѣла отправлялись при его «квартирѣ» [5]. Жизнь и содержаніе войскового писаря во всемъ были схожи съ жизнью и содержаніемъ войскового судьи, т. е. онъ получалъ 50 рублей казеннаго жалованья и тѣ-же приношенія отъ бочекъ водки, товаровъ, судебной пени и т. п.

Войсковой асаулъ, такъ-же какъ кошевой атаманъ, судья и писарь, избирался общею радою изъ простыхъ козаковъ низового товариства; обязанности войскового асаула были очень сложны:

---

1) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 66.
2) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 272.
3) Такъ изображенъ писарь у Ригельмана, приложеніе рисунковъ.
4) Въ 1755 году число ихъ показано 20. Исторія Скальковскаго, I, 57.
5) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 47.

онъ наблюдалъ за порядкомъ и благочиніемъ между козаками въ мирное время въ Сичи, въ военное въ лагерѣ; слѣдилъ за исполненіемъ судебныхъ приговоровъ по рѣшенію кошевого или всей рады какъ въ самой Сичи, такъ и въ отдаленныхъ паланкахъ войска; производилъ слѣдствія по поводу разныхъ споровъ и преступленій въ средѣ семейныхъ козаковъ запорожскаго посписльства; заготовлялъ продовольствіе для войска на случай войны, принималъ хлѣбное и денежное жалованье и, по приказу кошевого, раздѣлялъ его сообразно должности каждаго старшины; охранялъ всѣхъ проѣзжавшихъ по степямъ запорожскихъ вольностей; защищалъ интересы войска на пограничной линіи; посылался впереди войска для развѣдки о непріятеляхъ; слѣдилъ за ходомъ битвы во время сраженія; помогалъ той или другой сторонѣ въ жаркія минуты боя. Оттого мы видимъ, что въ 1681 году войсковой асаулъ, съ нѣсколькими козаками, охранялъ московскихъ пословъ во время ночлега ихъ на рѣкѣ Базавлукѣ [1]; въ 1685 году, по просьбѣ кизыкерменскаго бея, онъ сгонялъ съ Низу Днѣпра до Сичи козаковъ, занимавшихся здѣсь уводомъ татарскихъ лошадей и причинявшихъ другія «шкоды» татарамъ [2]; въ 1765 году онъ посылался отъ Сичи къ Днѣпру и Орели для охраненія запорожской границы и козацкихъ зимовниковъ отъ русской линейной команды; въ 1757, 1758, 1760 годахъ асаулъ, съ большими командами, преслѣдовалъ въ степи «харцызовъ» и гайдамакъ [3]. Оттого же понятно, почему войскового асаула разные мемуаристы и историки называютъ «поручикомъ» [4], «древнимъ архонтомъ афинскимъ» [5], правой рукой и правымъ глазомъ кошевого, и сравниваютъ его должность съ должностью министра полиціи, генералъ-адъютанта при фельдмаршалѣ [6]. Внѣшнимъ знакомъ власти войскового асаула была деревянная трость, на обоихъ концахъ скованная серебряными кольцами, къ концамъ утолщенная, по срединѣ нѣсколько спущенная, которую онъ обязанъ былъ держать во время войсковыхъ собраній. Жизнь и доходы войскового асаула были такіе-же, какъ и войсковаго писаря; жалованья онъ получалъ 40 рублей въ годъ. Въ помощники войсковому асаулу

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 646.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 552.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 66.

[4]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, Одесса, 1873, 36.

[5]) Корнелій Крюйсъ. Разысланія о Донѣ: В. Е., 1824, № 53, 64.

[6]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 66.

выбирался войсковой подъасаулій, а на случай войны войсковой обозный, вѣдавшій артиллерію и войсковое продовольствіе и раздѣлявшій всѣ труды асаула [1]).

Всѣ четыре названныя лица—кошевой, судья, писарь и асаулъ—составляли запорожскую войсковую старшину, вѣдавшую военныя, административныя, судебныя и даже духовныя [illegible] запорожскаго низового войска: слѣдовавшія за ними [illegible] только помогали главнымъ и исполняли ихъ р[illegible] Не довольствуясь управленіемъ края изъ Сич[illegible] шина не разъ отправлялась во внутрь козацки[illegible] родамъ, селамъ и зимовникамъ, чтобы на са[illegible] лать такое или иное распоряженіе, сообразно нужд[illegible] ностямъ населенія: или уравнять повинности, или освободить о[illegible] податей, или раздѣлить угодья, или разобрать ссоры и наказать преступниковъ. Какъ происходили эти поѣздки, видно изъ походныхъ журналовъ сичевого архива, сохранившихся до нашего времени: лучшимъ образчикомъ такого журнала можетъ служить журналъ 1772 года: «Его вельможность, атаманъ кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій, панъ судья войсковой Николай Тимофѣевичъ, панъ писарь войсковый Иванъ Яковлевичъ Глоба, бывшій войсковой судья, Андрей Артемьевичъ Носачъ, начальникъ церквей отецъ Владиміръ Сокальскій съ дьякономъ и войсковая канцелярія походная, февраля 28 числа 1772 года, въ четвертокъ, до восходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали. И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчаса на зимовникъ бывшаго старшины, войскового асаула, Василія Андреевича Пишмича. Но по темности ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ сѣномъ стали и, заночевавъ черезъ всю ночь, онымъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа февраля взяли дальнѣйшій путь: въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣденное время въ зимовникъ Пишмичевъ [2]). Коимъ встрѣчею будучи приняты весьма хорошо, пановъ и при панахъ бывшихъ, принимано, какъ-то: обѣдъ достаточный становилъ и горилкою нескудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши, поѣхали, и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день поспѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца поспѣли. Но прежде

---

[1]) Въ запискахъ Якова Собѣсскаго асаулами называются четыре лица послѣ кошевого атамана, составлявшія штатъ войсковыхъ совѣтниковъ.

[2]) Теперь село Письмичевка, екатеринославскаго уѣзда, на рѣчкѣ Комышеватой Сурѣ, притокѣ Мокрой-Суры.

*

въѣзда встрѣчены были въ Попасныхъ буеракахъ козаками новокодацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми, съ прапоремъ. А какъ стали подуспѣвать и къ козацкому городу, тогда во-первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ священники со діаконы, при башнѣ, что отъ войскового дворца, для встрѣчи со крестомъ: но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того священники уже разобравшись со священнаго одѣянія, съ поклономъ на квартиру въ войсковой дворецъ къ пану кошевому приходили и, хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ панъ кошевой съ паномъ пысаремъ, панъ же судья съ Андреемъ Артемовичемъ у Кондрата Сѣверскаго, а отецъ начальникъ съ дьякономъ у священника Василія Алексѣева квартирами стали. И ходили 25 числа въ субботу въ церковь на утреню и на службу. Прежде службы былъ акаѳистъ, а по акаѳистѣ пѣто умиленную пѣснь «О, всепѣтая Мати» и другія. А когда акаѳистъ совсѣмъ совершился, начата отцемъ Ѳедоромъ Ѳомичемъ (кодацкимъ настоятелемъ) служба божія. А по службѣ панъ кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь зъ Самары въ Кодакъ поспѣвшаго и намѣстника Григорія Порохню, звалъ и по нѣсколько чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ Полтавцу кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые, воротились по квартирамъ. А на своей панъ кошевой опочивши, ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда нейдя, у себя вечерялъ и спать легъ, и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утреню ходилъ, также и на службу, которая соборомъ отправуемая была отцемъ начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ пану судьѣ. Пообѣдавши жъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру іерея Ѳедора, гдѣ побывъ малое время, разойшлись по квартирамъ. И панъ кошевой въ своей до вечерняго звона бывъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечерни жъ къ іерею Василію вечеряти и въ гости до іерея Артема ходилъ, у коего и пѣвчими былъ забавленъ; а оттуда, нейдя уже никуда, разойшлись по домамъ. И отъ 27 февраля за прощеніе принялись. Въ субботу сообщались (пріобщались св. тайнамъ) всѣ паны. Отъ субботы до вовторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезные учреждали. И по учрежденіи у вовторникъ, 6 числа, марта о полдень, взялись въ обратный маршъ: панъ ко-

шевой, панъ судья и отецъ начальникъ, кои коль скоро въ квартиры выѣхали, заразъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 2 пушекъ, и козаки съ прапоромъ до Попасныхъ (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись. Мы-же противу 7 числа марта невдаль Стефана Васильевича зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Камяноватой ночевали. Авось либо и въ Сѣчь попадемъ».

Изъ подобнаго-же журнала узнаемъ, что такой-же объѣздъ войсковой старшины съ цѣлью административною, судебною и хозяйственною совершенъ былъ ею и въ 1774 году. [1])

Послѣ запорожской войсковой старшины слѣдовали куренные атаманы, называемые просто «отамання», числомъ 38, по числу куреней въ запорожской Сичѣ. Званіе куренныхъ атамановъ, какъ нужно думать, идетъ съ тѣхъ поръ, когда установлено было дѣленіе всего войска на курени. Должность куреннаго атамана, какъ и другія, была выборная: въ куренные избирался человѣкъ расторопный, храбрый, рѣшительный, иногда изъ бывшей войсковой старшины, а большею частію изъ простыхъ козаковъ: выборъ куренного атамана извѣстнаго куреня составлялъ частное дѣло только этого куреня и исключалъ вмѣшательство козаковъ другого куреня. Куренные атаманы прежде всего исполняли роль интендантовъ въ Сичи: прямою ихъ обязанностію были доставка провизіи и дровъ для собственнаго куреня и храненіе денегъ и имущества козаковъ въ куренной скарбницѣ: оттого у куреннаго атамана всегда находились ключи отъ скарбницы, которые въ его отсутствіе никто не смѣлъ брать, если на то не было разрѣшенія отъ куреннаго. Куренные атаманы заботились о козакахъ своего куреня, какъ отцы о собственныхъ дѣтяхъ и, въ случаѣ какихъ-либо проступковъ со стороны козаковъ, виновныхъ наказывали тѣлесно, не испрашивая на то ни у кого разрѣшенія [2]): «Въ куренѣ старшій былъ атаманъ куренной, а по немъ кухарь: ежели козаки прошкодятъ, то атаманъ и кухарь, осудя оныхъ, говорятъ: а, подайте кийвъ на сучихъ сынйвъ! и виноватыхъ бьютъ кіями» [3]). Любимыхъ куренныхъ атамановъ запорожскіе козаки слушались иногда больше, чѣмъ кошевого или судью, и потому часто черезъ куренныхъ атамановъ кошевой атаманъ въ трудныхъ и опасныхъ

---

[1]) Кіевская Старина, 1886, мартъ, XIV, 605—607.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 44.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646.

вопросахъ или случаяхъ дѣйствовалъ и на настроеніе всего войска: такимъ образомъ куренные атаманы служили какъ-бы посредниками между значною старшиною и простымъ товариствомъ, а иногда и орудіемъ въ рукахъ кошевого, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо дѣло требовало немедленнаго рѣшенія всего войска, а войско, въ цѣломъ составѣ, или уклонялось дать свой скорый отвѣтъ, или-же вовсе не было согласно на его предложеніе. Отдавая полную дань уваженія куреннымъ атаманамъ, запорожскіе козаки едва-ли считали должность куреннаго необходимымъ условіемъ для полученія должности кошевого [1]; по крайней мѣрѣ, историческихъ данныхъ на то никакихъ не имѣется: можно лишь думать, что это было въ большинствѣ случаевъ, но не составляло непремѣннаго условія. Неспособныхъ, пьяницъ, небрежныхъ или просто не съумѣвшихъ понравиться козакамъ куренныхъ атамановъ козаки немедленно сбрасывали и даже иногда казнили смертью: «Едного же старѣйшаго въ куренѣ имѣютъ, въ воинскихъ дѣлехъ воина искуснѣйшаго, и того почитаютъ и повинуются ему, аки найвишому, по кошовомъ атаманѣ, началу: но и старѣйшины ихъ живутъ купно съ опаствомъ, аще бо бы чѣмъ-нибудь ихъ оскорбилъ надъ право, то абіе бѣднѣ и бсзчестнѣ предаютъ ихъ смерти» [2]). Кромѣ прямыхъ обязанностей куренные атаманы, въ числѣ 17 человѣкъ, ежегодно отправлялись изъ Сичи въ столицу за полученіемъ царскаго денежнаго или хлѣбнаго жалованья: въ военное время они всегда оставались при своихъ куреняхъ «на господарствѣ» [3]), и вмѣсто нихъ шли, «аки командиры», наказные куренные атаманы, которые выступали всегда во главѣ своихъ куреней и показывали примѣръ храбрости и неустрашимости для простыхъ козаковъ; во время похода всякій курень имѣлъ свою хоругвь, и козакъ, носившій эту хоругвь, назывался хорунжимъ. Главнымъ доходомъ куренныхъ атамановъ было царское жалованье—по 27 рублей на каждаго, кромѣ тѣхъ 17 атамановъ, которые ежегодно отправлялись въ Москву за жалованьемъ и зато сверхъ опредѣленныхъ 27 получали по 18 рублей на человѣка [4]); кромѣ того куренные атаманы получали отъ козаковъ, ѣздившихъ на

---

[1]) Такъ думаетъ Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 70.

[2]) Григорій Грабянка. Лѣтопись презѣльной брани, Кіевъ, 1854, 19.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. Одесса. 1885. I, 71.

[4]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888. 76, 130, 159; 172, 186

добычи «по ласкѣ», что каждый захочетъ дать: деньги-же, которыя они собирали за лавки и избы на базарахъ, отдававшіяся въ наемъ шинкарямъ и крамарямъ, также сборъ отъ котловъ и отдававшихся въ наемъ куренныхъ дубовъ или лодокъ, они обращали на потребности куреней, чтобы они ни въ чемъ не нуждались [1]).

Послѣ войсковой старшины и куренныхъ атамановъ слѣдовали такъ называемые «батьки», или «старики», «сивоусые диды», т. е. бывшіе войсковые запорожскіе старшины, или оставившіе свои должности по старости лѣтъ и по болѣзни, или уступившіе ихъ другимъ послѣ войсковой рады. Опытность, прославленная отвага, отчаянное удальство въ молодые годы—давали имъ право на громадный нравственный авторитетъ въ средѣ запорожскаго войска. Это были столбы всего низового войска, носители всѣхъ его преданій и строгіе исполнители козацкихъ обычаевъ: они отрезвляли и усмиряли не знавшихъ никакой узды, при полномъ равенствѣ товариства, молодыхъ козаковъ: они даже часто шли противъ воли «власної» старшины, не исключая и самого пана кошевого, когда видѣли въ чемъ-либо нарушеніе съ его стороны предковѣчныхъ порядковъ запорожской общины. На ра̀дной площади «сивоусые» дѣды занимали мѣсто тотчасъ послѣ войсковой старшины; въ совѣщаніяхъ по куренямъ—тотчасъ послѣ куренныхъ атамановъ; во время войны начальствовали надъ отдѣльными отрядами и даже иногда надъ самыми полковниками; при отправкѣ «листовъ» отъ сичеваго товариства приписывались тотчасъ послѣ имени кошевого атамана, а послѣ смерти пользовались такою честью, что, при ихъ погребеніи, одинъ разъ палили изъ пушекъ, «а изъ мелкаго ружья болѣе, нежели по другимъ простымъ козакамъ» [2]).

Въ ордерахъ запорожскаго Коша и въ посланіяхъ отъ разныхъ лицъ на имя Коша старики выставлялись наравнѣ съ войсковою старшиною и куренными атаманами. «Въ наступающій 1765 годъ, писалъ изъ Петербурга кошевой атаманъ Григорій Өедоровъ въ Сичу своему замѣстителю, Павлу Головатому, вы не сдѣлайте того, чтобы отъ правленія увольняться... Чтобъ же войско вамъ перемѣну въ нынѣшнемъ плачевномъ времени не захотѣло дѣлать, хотя я и не надѣюсь, я писалъ о томъ старикамъ». На этомъ-же самомъ

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 51.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 43.

письмѣ сдѣлана была надпись судьи: «Сія карта получена отъ пана кошевого 6 декабря и на другой день объявлена на сходкѣ атаманамъ въ присутствіи стариковъ. Затверждено—со всѣмъ по сему исполнить». Въ 1774 году князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, упрекавшій запорожскаго депутата Антона Головатаго въ разныхъ неблаговидныхъ поступкахъ запорожскаго Коша, получилъ отъ послѣдняго отвѣтъ: «Кошевой и старшина тому не причиною, а дѣлается сіе отъ общества; кошевому и старшинамъ кучатъ старики, атаманы и войско» [1]).

За войсковою старшиной слѣдовали войсковые служители: довбышъ, пушкарь, толмачъ, кантаржей, шафарь, канцеляристы и школьные атаманы.

Войсковой довбышъ, «добошъ», политаврщикъ, вѣдалъ войсковыми литаврами, которыми онъ призывалъ козаковъ на рады, общія и частныя, 1 января каждаго новаго года, 1 октября, на Покровъ пресвятой Богородицы, въ извѣстные дни марта или апрѣля, на праздникъ Воскресенія Христова, наконецъ въ виду походовъ на враговъ или во время пріема важныхъ особъ въ Сичи. Кромѣ этой прямой обязанности войсковой довбышъ иногда исполнялъ обязанности другихъ чиновъ, особенно полицейскихъ: такъ, онъ снималъ съ осужденныхъ преступниковъ платье и приковывалъ ихъ къ позорному столбу на площади [2]), привозилъ изъ паланокъ въ Сичу разныхъ «харцызовъ», присутствовалъ при исполненіи судебныхъ приговоровъ, побуждалъ посполитыхъ къ скорѣйшей уплатѣ податей и немедленному пріѣзду, въ виду походовъ, изъ зимовниковъ въ Сичу, наконецъ взыскивалъ въ пользу войска пошлины и перевозы черезъ рѣки [3]). За исполненіе своихъ обязанностей довбышу давалась «особливая великая всякій годъ плата» [4]), но, какъ видно изъ росписи войскового жалованья 1768 г., не больше, однако, трехъ рублей въ годъ. Въ помощь войсковому довбышу давался выборный поддовбышъ.

Войсковой пушкарь завѣдывалъ всею войсковою запорожскою артиллеріей, т. е. пушками, мортирами, порохомъ, дробью, свинцомъ, ядрами и пулями; кромѣ того онъ выполнялъ должность смотрителя войсковой тюрьмы, потому что подъ его надзоромъ находились

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса. 1885, I, 90, 91.
[2]) Мышецкій. Исторія о казакахъ запорожскихъ, Одесса, 1853, 42, 49.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 72.
[4]) Мышецкій. Исторія о казакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 51.

преступники, ожидавшіе суда и временно содержавшіеся при войсковой пушкарнѣ, или осужденные и приговоренные къ тюремному заключенію; наконецъ войсковой пушкарь ежегодно выѣзжалъ изъ Сичи, обыкновенно весной, для пріема провіанта, свинцу и пороху, присылавшагося изъ Москвы въ Сичу. Содержаніе войсковому пушкарю, какъ и довбышу, давалось изъ царскаго жалованья—«особливая великая плата», какъ видно изъ документа 1768 года, три рубля въ годъ. Въ помощь войсковому пушкарю выбирался войсковой подпушкарь и нѣсколько человѣкъ гармашей или канонировъ, искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ пушекъ и рушницъ.

Войсковой толмачъ исполнялъ должность войсковаго переводчика и обязанъ былъ знать иностранные языки находившихся въ сношеніи съ запорожскими козаками или проѣзжавшихъ черезъ ихъ землю народовъ, каковы: поляки, турки, татары, греки, армяне, молдаване и др.; толмачъ визировалъ ихъ виды, предъявлялъ имъ требованія отъ запорожскаго Коша, служилъ посредникомъ между ними и запорожскими козаками; читалъ присылавшіяся въ Сичь грамоты иностранныхъ государей; какъ человѣкъ, знающій разные языки, войсковой толмачъ нерѣдко посылался секретно Кошемъ для развѣдыванія дѣлъ на границы запорожскихъ вольностей и даже въ непріятельскій станъ.

Войсковой кантаржей (отъ турецкаго «кантар»—вѣсы, у поляковъ kantorży, kantorżysta, прикащикъ, сѣделецъ) былъ хранителемъ войсковыхъ вѣсовъ и мѣръ, служившихъ нормою для вѣсовъ и мѣръ всѣхъ жившихъ въ Сичѣ торговцевъ и продавцевъ; имѣя при себѣ войсковые вѣсы и мѣры, кантаржей вмѣстѣ съ этимъ обязанъ былъ собирать доходы въ пользу войска съ привозимыхъ въ Сичу товаровъ, продуктовъ, разной бакалеи, водки, вина, и дѣлить ихъ на товарищество, старшину и церковь; такимъ образомъ должность войскового кантаржея можно сравнить съ министромъ государственнаго имущества какого-нибудь небольшого западно-европейскаго княжества нашихъ временъ; онъ жилъ въ особомъ помѣщеніи на базарной площади.

Войсковые шафари (отъ польскаго szafarż—экономъ, ключникъ, келарь, домоправитель, по малорусскому выговору шапáрь), числомъ четыре, иногда и больше, съ подшафаріями, обязаны были собирать доходы въ пользу войска, но не въ Сичи, а на главныхъ черезъ Днѣпръ, Бугъ и Самару перевозахъ—Кодацкомъ,

Микитинскомъ, Бугогардовскомъ, Самарскомъ и др., съ проѣзжавшихъ купцовъ, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ всякаго званія и народностей; они вели приходо-расходныя книги, содержали при себѣ козацкія команды, иногда имѣли команды пограничныхъ коммиссаровъ, и строго слѣдили за порядкомъ при движеніи грузовъ черезъ переправы.

Войсковые канцеляристы, раздѣлявшіеся на старшихъ и младшихъ, иначе собственно канцеляристовъ и подканцеляристовъ, писарей и подписаріевъ, составляли, повидимому, цѣлый штатъ, доходившій иногда до 20 человѣкъ, какъ можно видѣть изъ документа 1755 года [1]), и бывшій, конечно, въ непосредственномъ подчиненіи отъ войсковаго писаря.

Войсковые школьные атаманы, числомъ два, одинъ для школяровъ старшаго, другой для школяровъ младшаго возраста; оба они выбирались и свергались самими-же школярами, оба хранили на рукахъ школьную сумму и заботились о продовольствіи и жизненныхъ удобствахъ своего юнаго и дѣтскаго товарищества.

Къ войсковымъ «служителямъ» принадлежали еще булавничій, бунчужный и хорунжій; на рукахъ перваго находилась булава кошевого, на рукахъ втораго—войсковые бунчуки, а на рукахъ третьяго—хоругвь, или войсковое знамя, которое онъ носилъ на войну; кромѣ войскового хорунжаго были и куренные, 38 человѣкъ, по числу куреней въ Сичѣ.

Въ числѣ войсковыхъ «служителей» были еще такъ называемые чауши, т. е. посланцы, но объ обязанностяхъ и значеніи ихъ въ запорожскомъ войскѣ намъ ничего неизвѣстно.

Самую низшую степень чиновъ въ рангѣ запорожскаго низового войска составляли громадскіе атаманы, наблюдавшіе за порядкомъ и благочиніемъ между запорожскимъ посполитствомъ по паланкамъ въ слободахъ и зимовникахъ [2]), войсковой табунщикъ и войсковой скотарь, смотрѣвшіе за общественными стадами лошадей и коровъ войска запорожскаго, и наконецъ овечьи пастухи или такъ называемые чабаны. Послѣдніе три, именно табунщикъ, скотарь и въ особенности чабаны, составляли своеобразный типъ людей, своею оригинальностью выдѣлявшійся изъ всѣхъ ко-

---

[1]) Скальковскій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 7885. I, 51.

[2]) Θеодосій. Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 116.

зацкихъ званій запорожскаго войска. «Въ обычаѣ было у нихъ, что всякій козакъ, а особливо табунщикъ, скотарь и чабанъ, опоясывались ременнымъ поясомъ и черезъ плечо навѣшивали гаманъ кожанный, украшенный разными мѣдными, серебряными и золотыми блестками, пуговицами, въ коемъ гаманѣ носили кресало, кремень и губку (трутъ) въ запасъ, для всякаго случая, а около пояса привязывали швайку и ложечникъ всенепремѣнно, швайку для починки лошадиной сбруи, а ложечникъ для сохраненія въ цѣлости ложки, что̀ почиталось у нихъ за особенную и крайнюю необходимость: то и не козакъ, кто по обычаю сему не поступаетъ, такого почитали за самаго нерадиваго и неисправнаго пастуха. Ибо, напримѣръ, сказать, когда пастухъ или чабанъ вздумаетъ пойти или поѣхать изъ своего коша до другого—сосѣдняго коша по надобности и, пришедши туда, если застанетъ, что пастухи обѣдаютъ или вечеряютъ, то говоритъ имъ: «Хлибъ да силь, паны-молодцы!» А они отвѣчаютъ ему: «Імо̀, да свій, а ты у по̀рога постій!» «Ни, бра̀тци, давайте и мини̇ ми̇сто!» отвѣчаетъ гость и вынимаетъ заразъ свою ложку изъ ложечника и садится съ ними вмѣстѣ, и тогда тамошніе чабаны похваляютъ пришедшаго гостя и говорятъ: «Отъ козакъ дога̀дливый и испра̀вный! Вечеря̀й, бра̀тчику, вечѐряй!» и даютъ ему мѣсто и привѣтствуютъ дружески. Если-же который звычая сего не знаетъ, съ того смѣются и называютъ олухомъ. Когда-же пастухъ пришедшій или другой какой-либо гость не застанетъ ни обѣда, ни вечери, въ какое бы ни было время, то тотъ часъ атаманъ коша, поздоровкавшись съ гостемъ по обычаю, приказываетъ кухарю своему варить тетерю, мамалыгу или мылай и, накормивши гостя, спрашиваетъ, зачѣмъ пришелъ» [1]).

Непосредственно за сичевой старшиной слѣдовала походная старшина и паланочная; она выше стояла войсковыхъ служителей, но дѣйствовала внѣ Сичи и потому должна быть разсматриваема послѣ нихъ. Походную старшину составляли—полковникъ, называвшійся иначе сердюкомъ, асаулъ и писарь; они дѣйствовали или въ военное время, при сухопутныхъ и морскихъ походахъ, или въ мирное при поимкѣ гайдамакъ и харцызовъ или разбойниковъ, въ особенности-же въ передовой стражѣ, выставлявшейся на границахъ запорожскихъ вольностей; во всѣхъ слу-

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 32, 33.

чаяхъ полковникъ былъ начальникомъ извѣстной части войска, располагалъ нѣсколькими отрядами запорожскихъ козаковъ, непремѣнно съ асауломъ и писаремъ [1]).

Паланочную старшину («до паланки») составляли—полковникъ, или сердюкъ, асаулъ, писарь, подъасаулій и подписарій, т. е. «три пана и три пидпанка» [2]); оттого у полковниковъ существовала формула подписей на бумагѣ: «Полковникъ NN зъ старшиной» [3]). Въ паланочную старшину выбирались люди заслуженные, ежегодно, однако, смѣнявшіеся послѣ войсковой рады: въ началѣ ихъ было пять, потомъ восемь, по числу паланокъ во всемъ Запорожьѣ; каждый изъ нихъ имѣлъ въ своей дистанціи особую команду надъ козаками, жившими по слободамъ и зимовникамъ, посылалъ разъѣзды на пограничныя линіи для развѣдыванія о положенія дѣлъ у непріятелей и обо всемъ сообщалъ точныя и подробныя свѣдѣнія въ Сичу [4]); кромѣ того одинъ изъ нихъ ежегодно отправлялся въ столицу, Москву или Петербургъ, за полученіемъ царскаго денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Власть паланочнаго полковника была въ его области очень велика: онъ замѣнялъ въ своемъ районѣ особу кошевого атамана и потому нерѣдко, какъ и кошевой, наказывалъ и даже казнилъ смертью преступниковъ. Его власть простиралась и на проѣзжавшихъ лицъ черезъ паланку: онъ дозволялъ имъ въѣздъ въ вольности запорожскихъ козаковъ и для безопасности давалъ имъ особый знакъ, называвшійся перначомъ. Внѣшнимъ знакомъ достоинства паланочнаго полковника былъ металлическій перначъ, носимый имъ за поясомъ. На содержаніе всего «паланочнаго панства» шла «особливая великая плата всякой годъ».

---

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ. Спб., 1888, 76, 130, 159, 172, 186.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа. Одесса. 1842. 13.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. СПБ. 1890, 334.

[5]) Василій Чернявскій. Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 81.

Суды, наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ.

Какъ въ выборѣ войсковой старшины и раздѣлѣ земель, такъ и въ судахъ, наказаніяхъ и казняхъ запорожскіе козаки руководились не писанными законами, а «стародавнимъ обычаемъ, словеснымъ правомъ и здравымъ смысломъ». Писанныхъ законовъ отъ нихъ нельзя было ожидать прежде всего потому, что община козаковъ слишкомъ мало имѣла за собой прошлаго, чтобы выработать такіе или иные законы, привести ихъ въ систему и выразить на бумагѣ: а затѣмъ и потому, что вся историческая жизнь запорожскихъ козаковъ была наполнена почти безпрерывными войнами, не позволявшими имъ много останавливаться на устройствѣ внутреннихъ порядковъ своей жизни; наконецъ, письменныхъ законовъ запорожскіе козаки совсѣмъ избѣгали, опасаясь, чтобы они не измѣнили ихъ вольностей [1]). Оттого самыя наказанія и казни у запорожскихъ козаковъ всего больше касались уголовныхъ и имущественныхъ преступленій; это—общее правило у всѣхъ народовъ, стоявшихъ и стоящихъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія: прежде всего человѣку нужно оградить свою личность и свое имущество, а потомъ уже думать о другихъ болѣе сложныхъ сочетаніяхъ общественной жизни. Оттого-же у запорожскихъ козаковъ за такое преступленіе, какъ воровство, влекущее за собой въ благоустроенномъ государствѣ штрафъ или лишеніе свободы преступника, опредѣлялась смертная казнь: «У нихъ за едино путо или плѣть вѣшаютъ на деревѣ» [2]). Обычай, взамѣнъ писанныхъ законовъ, признавался, какъ гарантія прочныхъ порядковъ въ Запорожьѣ, и русскимъ правительствомъ; такъ,

---

[1]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1846, 39.

[2]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 19.

императрица Екатерина II, вооружаясь противъ возстанія гайдамаковъ, въ своемъ указѣ 1768 года, 12 іюля, повелѣвала «поступать съ ними по всей строгости запорожскихъ обрядовъ» [1]).

Нельзя сказать при этомъ, однако, чтобы запорожскіе судьи, руководствовавшіеся въ своей практикѣ исключительно обычаемъ, дозволяли себѣ произволъ и допускали волокиту дѣлъ: и незначительное число запорожскаго товарищества, и чисто народное устройство его, и полнѣйшая доступность всякаго члена козацкой общины къ высшимъ начальникамъ дѣлали судъ въ Запорожьѣ простымъ, скорымъ и правымъ въ полномъ и точномъ смыслѣ этихъ словъ; обиженный и обидчикъ словесно излагали передъ судьями сущность своего дѣла, словесно выслушивали рѣшеніе ихъ и тутъ-же прекращали свои распри и недоразумѣнія, причемъ, передъ судьями были одинаково равны — и простой козакъ, и значный товарищъ.

Дошедшіе до насъ акты, касающіеся судебныхъ козацкихъ дѣлъ, показываютъ, что у запорожцевъ признавались — право перваго займа (jus primae occupationis), право договора между товарищами, право давности владѣній, — послѣднее, впрочемъ, допускалось только въ ничтожныхъ размѣрахъ, и то въ городахъ; оно касалось не пахотныхъ земель и угодій, бывшихъ всеобщимъ достояніемъ козаковъ, а небольшихъ при домахъ огородовъ и усадебныхъ мѣстъ: признавался обычай увѣщанія преступниковъ отстать отъ худыхъ дѣлъ и жить въ добромъ поведеніи, допускались слѣдствія «по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ» во всякое время, кромѣ постныхъ дней первой седьмицы: практиковались предварительныя заключенія преступниковъ въ войсковую тюрьму или пушкарню и пристрастный судъ или пытки; наконецъ, дозволялась порука всего войска и духовныхъ лицъ за преступниковъ, особенно если эти преступники выказывали себя раньше съ выгодной для всего войска стороны или почему-либо нужны были ему.

Тѣ-же акты и свидѣтельства современниковъ даютъ нѣсколько примѣровъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства у запорожскихъ козаковъ. Изъ преступленій гражданскаго судопроизводства важнѣйшими считались дѣла по неправильной денежной претензіи, неуплатному долгу, обоюднымъ ссорамъ, разнаго рода пико-

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885. I, 157, 160, 165, 167, 168.

дамъ или потравамъ, дѣла по превышенію опредѣленной въ Сичи на продажу нормы товаровъ.

Изъ преступленій уголовныхъ самымъ большимъ считались: убійство козакомъ товарища; побои, причиненные козакомъ козаку въ трезвомъ или пьяномъ видѣ; воровство чего-либо козакомъ у товарища и укрывательство имъ краденой вещи [1]; «особливо строги были за большое воровство, за которое, ежели только двумя достовѣрными свидѣтелями въ томъ докажутся, казнятъ смертію» [2]; связь съ женщиной и содомскій грѣхъ въ виду обычая, запрещавшаго бракъ сичевымъ козакамъ; обида женщинѣ, когда козакъ «опорочитъ женщину не по пристойности», потому что подобное преступленіе «къ обезславленію всего войска запорожскаго простирается» [3]; дерзость противъ начальства, особенно въ отношеніи чиновныхъ людей русскаго правительства [4]; насилія въ самомъ Запорожьѣ или въ христіанскихъ селеніяхъ, когда козакъ отнималъ у товарища лошадь, скотъ и имущество; дезертерство, т. е. самовольная отлучка козака подъ разными предлогами въ степь во время похода противъ непріятеля; гайдамачество, т. е. воровство лошадей, скота и имущества у мирныхъ поселенцевъ украинскихъ, польскихъ и татарскихъ областей и проѣзжавшихъ по запорожскимъ степямъ купцовъ и путешественниковъ; приводъ въ Сичу женщины, не исключая матери, сестры или дочери; пьянство во время походовъ на непріятеля, всегда считавшееся у козаковъ уголовнымъ преступленіемъ и ведшее за собой строжайшее наказаніе [5].

Строгіе законы, по замѣчанію Всеволода Коховскаго, объясняются въ Запорожьѣ тремя причинами: во-первыхъ, тѣмъ, что туда приходили люди сомнительной нравственности; во-вторыхъ, тѣмъ, что войско жило безъ женщинъ и не пользовалось смягчающимъ вліяніемъ ихъ на нравы; въ-третьихъ, тѣмъ, что козаки вели постоянную войну и потому нуждались для поддержанія порядка въ войскѣ въ особо строгихъ законахъ [6].

Судьями у запорожскихъ козаковъ была вся войсковая стар-

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 57, 58.
[2]) Корнелій Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1824, № 54, 67.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 161.
[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 162.
[5]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 63.
[6]) Коховскій. Опыты изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб. 1862, 117.

шина [1]), т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, войсковой асаулъ, довбышъ, паланочный полковникъ и иногда весь Кошъ. Кошевой атаманъ считался высшимъ судьей, потому что онъ имѣлъ верховную власть надъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ [2]); рѣшеніе суда Кошомъ иногда сообщалось особой бумагой, на которой писалось: «Съ повелѣнія господина кошеваго атамана такого-то, войсковой писарь такой-то»; войсковой судья только разбиралъ дѣла, давалъ совѣты ссорившимся сторонамъ, но не утверждалъ своихъ опредѣленій; войсковой писарь иногда излагалъ приговоръ старшины на радѣ; иногда извѣщалъ осужденныхъ, особенно когда дѣло касалось лицъ, жившихъ не въ самой Сичи, а въ паланкахъ, иначе отдаленныхъ отъ Сичи округахъ или станахъ; войсковой асаулъ выполнялъ роль слѣдователя, исполнителя приговоровъ, полицейскаго чиновника: онъ разсматривалъ на мѣстѣ жалобы, слѣдилъ за исполненіемъ приговоровъ атамана и всего Коша, преслѣдовалъ вооруженной рукой разбойниковъ, воровъ и грабителей; войсковой довбышъ былъ помощникомъ асаула, и приставомъ при экзекуціяхъ, тѣмъ, что называлось въ западной Европѣ «Prêvot»; онъ читалъ опредѣленія старшины и всего войска публично на мѣстѣ казни, или на войсковой радѣ; куренные атаманы, весьма часто выполнявшіе роль судей въ средѣ козаковъ собственныхъ куреней, при куреняхъ имѣли такую силу, что могли разбирать тяжбу между спорившими сторонами и тѣлесно наказывать виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ [3]); наконецъ паланочный полковникъ, съ его помощниками—писаремъ и асауломъ, жившій вдали отъ Сичи, завѣдывавшій пограничными разъѣздами и управлявшій сидѣвшими въ степи въ особыхъ хуторахъ и слободахъ козаками [4]), во многихъ случаяхъ, за отсутствіемъ сичевой старшины, въ своемъ вѣдомствѣ также выполнялъ роль судьи.

Наказанія и казни опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ разныя, смотря по характеру преступленій. Изъ наказаній практиковались: привязываніе къ пушкѣ на площади за оскорбленіе начальства [5]) и особенно за денежный долгъ: если козакъ будетъ долженъ ко-

---

[1]) Мышецкій Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 56.

[2]) Записки о хотинской войнѣ Собѣсскаго, Черниг. г. в., 1846.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса. 1852. 43.

[4]) Василій Чернявскій. Описаніе запорожской Сѣчи. Одесса, 1852, 82.

[5]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 162.

заку и не захочетъ или не будетъ въ состояніи уплатить ему долгъ, то виновнаго приковываютъ на цѣпь къ пушкѣ и оставляютъ до тѣхъ поръ, пока или онъ самъ не заплатитъ своего долга, или кто другой не поручится за него [1]); подобный способъ наказанія, но лишь за воровство, существовалъ у татаръ, отсюда можно думать о заимствованіи его козаками у мусульманскихъ сосѣдей [2]); битье кнутомъ подъ висѣлицей за воровство и гайдамачество: «будучи сами великіе воры въ разсужденіи стороннихъ, они жестоко наказываютъ тѣхъ, кто и малѣйшую вещь украдетъ у своего товарища» [3]); поврежденіе членовъ «изломленіемъ одной ноги на сходкѣ» за нанесеніе ранъ въ пьяномъ видѣ ножомъ [4]); «за большія вины переламливали руку и ногу» [5]); разграбленіе имущества, за самовольное превышеніе таксы противъ установленной въ Сичи нормы на продажу товаровъ, съѣстныхъ и питейныхъ продуктовъ [6]); ссылка въ Сибирь, вошедшая, впрочемъ, въ употребленіе только въ послѣднія времена историческаго существованія запорожскихъ козаковъ въ предѣлахъ Россіи, при императрицѣ Екатеринѣ II; кромѣ того, преданія столѣтнихъ стариковъ указываютъ еще на одинъ видъ судебныхъ наказаній у запорожскихъ козаковъ,—сѣченіе розгами [7]), но акты о томъ не говорятъ, и потому можно думать, что подобнаго рода наказаніе допускалось только какъ единичное явленіе, къ тому-же мало гармонирующее съ честью запорожскаго «лыцаря»: наконецъ, въ случаяхъ обоюдной ссоры допускалась, по преданію, и дуэль [8]).

Казни, какъ и наказанія, также опредѣлялись у запорожскихъ козаковъ разныя, смотря по роду преступленій, совершенныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ. Самою страшною казнью было закапываніе преступника живымъ въ землю; это дѣлали съ тѣмъ, кто убивалъ своего товарища: убійцу клали живого въ гробъ вмѣстѣ съ убитымъ и обоихъ закапывали землей: впрочемъ, если убійца былъ

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 58.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 486.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 163.
[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646.
[5]) Манштейнъ. Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 30.
[6]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 25, 26.
[7]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888. II, 1—5.
[8]) Кулишъ. Записки о Южной Руси, С.-Петербургъ, 1856, I, 302, 303.

храбрый воинъ и добрый козакъ, то его освобождали отъ этой страшной казни и въ замѣнъ того опредѣляли штрафъ [1]).

Но наиболѣе популярною казнью у запорожскихъ козаковъ было забиваніе у позорнаго столба кіями: къ позорному столбу и кіямъ приговаривались лица, совершившія воровство или скрывшія уворованныя вещи, позволившія себѣ прелюбодѣяніе, содомскій грѣхъ, побои, насилія, дезертерства. Позорный столбъ стоялъ на сичевой площади близъ сичевой колокольни: около него всегда лежала связка сухихъ дубовыхъ бичей съ головками на концахъ, называвшихся кіями и похожихъ на бичи, привязываемые къ цѣпамъ: кіи замѣняли у запорожцевъ великорусскіе кнуты. Если одинъ козакъ украдетъ что-либо маловажное у другого, въ самой-ли то Сичи или внѣ ея, и потомъ будетъ уличенъ въ воровствѣ, то его приводятъ на площадь, приковываютъ къ позорному столбу и по обыкновенію держатъ въ теченіе трехъ дней, а иногда и больше того, пока онъ не уплатитъ деньги за украденную вещь. Во все время стоянія преступника у столба мимо него проходятъ товарищи, причемъ одни изъ нихъ молча смотрятъ на привязаннаго: другіе, напившись пьяными, ругаютъ и бьютъ его; третьи предлагаютъ ему деньги; четвертые, захватившие съ собою горилку и калачи, поятъ и кормятъ его всѣмъ этимъ, и хотя бы преступнику не въ охоту было ни пить, ни ѣсть, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ это дѣлать. «Пій, скурвый сыну, злодію! Якъ не будешъ пить, то будемъ тебе, скурвого сына, бить!» кричали проходившіе. Но когда преступникъ выпьетъ, то приставашіе къ нему козаки говорятъ: «Теперь-же, брате, дай мы тебе трóхи попобьемъ!» Напрасно тогда преступникъ будетъ молить о пощадѣ; на всѣ просьбы его о помилованіи козаки упорно отвѣчаютъ: «За то мы тебе, скурвый сыну, и горилкою поили, что намъ тебе треба попобить!» Послѣ этого они наносили нѣсколько ударовъ привязанному къ столбу и уходили: за ними являлись другіе. Въ такомъ положеніи преступникъ оставался сутки, а иногда и пять сутокъ сряду, по усмотрѣнію судей. Но обыкновенно бывало такъ, что уже черезъ одни сутки преступника убивали до смерти, послѣ чего имущество его отбирали на войско: случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ преступниковъ не только оставались въ живыхъ, но даже получали отъ пьяныхъ своихъ товарищей

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 57.

деньги [1]). Иногда наказаніемъ кіями замѣнялась смертная казнь: въ такомъ случаѣ у наказаннаго отбирали скотъ и движимое имущество, при чемъ одну часть скота отдавали на войско, другую—паланочному старшинѣ, третью часть и все движимое имущество виновнаго женѣ и дѣтямъ его, если онъ былъ женатымъ человѣкомъ.

Рядомъ съ позорнымъ столбомъ практиковались у запорожцевъ шибеница и желѣзный гакъ; къ нимъ присуждались за «великое» или нѣсколько разъ повторяемое воровство [2]).

Шибеницы или висѣлицы ставились въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей надъ большими дорогами или шляхами и представляли изъ себя два столба съ поперечной перекладиной наверху и съ веревочнымъ сильцомъ, т. е. петлей, на перекладинѣ; для того, чтобы совершить казнь, преступника сажали верхомъ на лошадь, подводили подъ висѣлицу, набрасывали на шею его петлю, лошадь быстро прогоняли вонъ, и преступникъ оставался висѣть въ петлѣ. Передаютъ, что отъ шибеницы, по запорожскому обычаю, можно было избавиться, если какая-нибудь дѣвушка изъявляла желаніе выдти за преступника замужъ; если это преданіе справедливо, то, очевидно, подобный обычай допускался въ виду постояннаго стремленія запорожцевъ всячески увеличить свою численность, при существовавшей безженности сичевыхъ, но при обычаѣ семейной жизни у паланочныхъ козаковъ. На этотъ счетъ очевидцы приводятъ такой случай. Однажды вели какого-то преступника на казнь; на встрѣчу ему вышла, подъ бѣлымъ покрываломъ, дѣвушка, изъявившая желаніе выдти за него замужъ. Преступникъ, приблизившись къ дѣвушкѣ, сталъ просить ее снять съ лица покрывало. Дѣвушка сняла. Тогда осужденный, видя передъ собой урода, обезображеннаго оспой, всенародно заявилъ: «Якъ маты (имѣть) таку дзюбу (рябого урода) вести до шлюбу (вѣнца), лепше на шыбеныци дать дубу» [3]).

Желѣзный гакъ или желѣзный крюкъ (съ нѣмецкаго Haken—крюкъ) та-же висѣлица, но съ замѣною петли веревкой съ острымъ стальнымъ крюкомъ на концѣ: преступника, осужденнаго на гакъ, приводили къ висѣлицѣ, продѣвали подъ ребра острый крюкъ и оставляли его въ такомъ положеніи висѣть до тѣхъ поръ, пока на немъ

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1825, 57—58; Манштейнъ. Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 30.

[2]) Тамъ-же, 57; Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ. Спб., 1888, 171.

[3]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 25.

не разлагалось тѣло и не разсыпались кости, на страхъ ворамъ и злодѣямъ: снять трупъ съ висѣлицы отнюдь никому не дозволялось подъ угрозою смертной казни [1]; желѣзный гакъ практиковался у поляковъ и, безъ сомнѣнія, отъ нихъ и заимствованъ запорожскими козаками [2]).

Острая паля или острый колъ—это высокій, деревянный столбъ съ желѣзнымъ шпицемъ наверху: для того, чтобы посадить на острую палю преступника, его поднимали нѣсколько человѣкъ по круглой лѣстницѣ и сажали на колъ: острый конецъ кола пронзалъ всю внутренность человѣка и выходилъ между позвонковъ на спину. Запорожцы рѣдко, впрочемъ, прибѣгали къ такой казни, и о существованіи ея у нихъ говорятъ только преданія глубокихъ стариковъ: за то поляки очень часто практиковали эту казнь для устрашенія козаковъ: запорожцы называли смерть на острой палѣ «столбовой» смертью: «такъ умѐръ покійныкъ мій бàтько, такъ и я умрỳ потòмственною столбòвою смѐртью». Народныя преданія говорятъ, что когда поляки возводили на колъ запорожцевъ, то они, сидя на нихъ, издѣвались надъ ляхами, прося у нихъ потянуть люльки и потомъ, покуривши, обводили своихъ жестокихъ враговъ мутными глазами, плевали имъ «межѝ-очи», проклинали католическую вѣру и спокойно умирали «столбовою смертью». Острая паля практиковалась у поляковъ и татаръ, отъ которыхъ, вѣроятно, и была заимствована запорожцами [3]).

Для всѣхъ описанныхъ казней у запорожскихъ козаковъ не полагалось вовсе палачей: когда-же нужно было казнить какого-либо преступника, то въ этомъ случаѣ приказывали казнить злодѣя злодѣю-же: если-же въ извѣстное время въ наличности оказывался только одинъ злодѣй, то его оставляли въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не отыскивался другой: тогда новый преступникъ казнилъ старшаго [4]).

Очевидецъ судебныхъ порядковъ у запорожскихъ козаковъ сточетырехъ-лѣтній старикъ, запорожецъ Никита Леонтьевичъ Коржъ, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Права запорожскія, по которымъ они судили и рѣшали тяжебныя дѣла, суть слѣдующія. Когда случалось, примѣрно сказать, что два козака промежъ собою поспорятъ или подерутся, или одинъ другому по сосѣдству

[1]) Тамъ-же, 24: Клавдіусъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 415.

[2]) Малороссійская лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878 года, стр. 218.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646; XI, 482.

[4]) Ригельманъ, Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1848, IV, 83.

шкоду сдѣлаютъ, т. е. своимъ скотомъ потравятъ хлѣбъ или сѣно или другую какую-нибудь обиду другъ другу причинятъ, и между собою не могутъ помириться, то оба, купивши на базарѣ по калачу, идутъ позываться въ паланку, къ которой принадлежатъ, и, положивши калачъ на сырно (столъ), становятся возлѣ порога, кланяются низехонько судьямъ [1]) и говорятъ: «Кла̀няемось, панòве, хлі̀бомъ и сі̀лью». Судьи начинаютъ спрашивать: «Якѐ ваше ді̀ло, панòве молодці̀»? Тогда обиженный говоритъ первый, указывая на своего товарища: «Отъ, панòве, якѐ наше ді̀ло: оцѐй менѐ обі̀дывъ, отъ стилько-то шкòды мині̀ своимъ скотомъ зробывъ и не хоче мині̀ уплатыть и попòвныть, що слі̀дуе за спашъ сина и за выбоі̀ хлі̀ба». Судьи обращаются къ обидчику. «Ну, бра̀тику, говори, чи правда то, що товарищъ на тѐбе ка̀же?» На что обидчикъ отвѣчаетъ: «Та що жъ, панòве? Те все правда, що я шкòду зробы̀въ моёму сусі̀ду и не отрика̀юсь, но не мòжу его удовольствовать за тымъ, що винъ лышне одъ мене трѐбуе и шкòды не ма̀е стилько». Выслушавъ ихъ, паланка посылаетъ отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія шкоды. По возвращеніи ихъ, ежели жалоба оказывалась справедлива, судьи говорили обидчику: «Нў, що-жъ ты, бра̀тику, согласенъ-ли заплатить шкоду своему сосѣду или нѣтъ?» Обидчикъ тогда опять кланяется судьямъ и возражаетъ: «Та що-жъ, панство, лышне винъ зъ мене трѐбуе, я несогласенъ уплатыть, въ воли вашей». Судьи долго обѣ стороны уговариваютъ примириться и если тяжущіеся согласны, то паланка сама дѣло ихъ рѣшаетъ и отпускаетъ по домамъ. Если-же обидчикъ упрямится и не примирится въ паланкѣ, то ихъ отсылаютъ въ Сичь. Когда тяжущіеся пріѣдутъ въ Кошъ, то другъ у друга спрашиваютъ: «А въ чіи же куринь попереду пойдемъ». Обиженный обыкновенно отвѣчаетъ: «Ходимъ, брате, до нашего куриня». «Ну, добре, ходимъ и до вашего куриня», отвѣчаетъ обидчикъ. Вошедши въ курень, являются оба къ атаману (куренному) и говорятъ ему: «Здоровъ, батьку!» «Здоровы булы, паны молодцы!» отвѣчаетъ атаманъ, «сидайте». «Та ни, батьку, николи сидити, мы дило до тебе маемъ». «Ну, говорите, яке ваше дило?» спрашиваетъ атаманъ, и тогда обиженный разсказываетъ все происшествіе, и свою обиду и то, какъ они судились въ паланкѣ. Атаманъ, выслушавши его, спрашиваетъ обидчика, какого онъ ку-

[1]) Очевидно, здѣсь разумѣются паланочные полковникъ, писарь и асаулъ.

реня и узнавъ, закричитъ на хлопцевъ: «Идите лишь такого-то куреня атамана попросите до меня». Когда этотъ атаманъ явится и усядется, то первый атаманъ его спрашиваетъ: «Чи це вашого куреня козакъ?» Второй атаманъ, справившись о томъ у козака, получаетъ въ отвѣтъ: «Такъ, батьку, нашего куреня». Послѣ чего дѣло опять разсказывается, и атаманы говорятъ другъ другу: «Ну що, брате, будемъ робыть съ сими козаками?» а второй атаманъ обращается къ нимъ: «Такъ васъ уже, братчики, и паланка судила?» «Судыла, батьку», отвѣчаютъ они и кланяются. Атаманы уговариваютъ тяжущихся. «Помиритесь, удовольствуйте тутъ-же одинъ другаго, да не мордуйте начальство». Когда-же обидчикъ отвѣчаетъ: «Та що жъ, батьки, коли винъ лишне требуе», то атаманы, видя его упрямство», говорятъ своимъ козакамъ: «Ну, теперь-же, братчики, сходимъ всѣ четыре до судьи, що ще скаже судья». «Добре», отвѣчаютъ козаки, «обождите жъ, батьки, мы идемъ на базаръ да купимъ калачивъ». Такимъ образомъ, всѣ четверо отправляются къ судьѣ. Сперва входятъ атаманы и, поклонившись, говорятъ: «Здорови були, пане добродію!» Судья отвѣчаетъ: «Здорови и вы, панове атаманы! прошу сидать». Потомъ являются тяжущіеся козаки, кланяются судьѣ, кладутъ калачи на сырно и говорятъ: «Кланяемся вамъ, добродію, хлибомъ и силью». «Спасибо, паны-молодцы, за хлибъ и за силь», отвѣчаетъ судья и, обращаясь къ атаманамъ, спрашиваетъ: «Що се у васъ за козаки? яке дило маютъ?» Одинъ изъ атамановъ разсказываетъ подробно все дѣло, рѣшеніе паланки и ихъ собственное. Тогда судья обращается къ обидчику: «Такъ якъ же ты, братчику, ришився съ симъ козакомъ, коли уже васъ судили и паланка и атаманы и я присуждаю обиженнаго подовольствовать, а ты не хочешь того зробыть зъ упрямства, даромъ що зо всихъ сторонъ виноватъ». Но случается, что обидчикъ несогласенъ, стоитъ на одномъ упрямствѣ и повторяетъ то-же, что и прежде: «Та що-жъ, добродію, коли винъ лишне требуе». «Такъ ты несогласенъ, братчику?» «Ни, добродію!» «Ну, теперь-же вы, панове атаманы, идите съ ними до кошевого, тамъ уже будетъ имъ конечный судъ, рѣшеніе: ступайте съ Богомъ, панове атаманы, а вы, братцы, забирайте съ собою и свій хлибъ съ сырна». «Да ни, добродію, мы соби купимъ на базари». «Забирайте, забирайте», съ гнѣвомъ повторяетъ судья, «и не держите атамановъ, бо имъ не одно дило ваше». Наконецъ, взявъ свои калачи, козаки съ

атаманами идутъ въ курень кошевого; всѣ кланяются, приговаривая: «Здорови булы, вельможный пане!» Козаки, положивъ калачи, присовокупляютъ: «Кланяемся, вельможный пане, хлибомъ и силью» и, остановясь у дверей, еще разъ низехонько кланяются, на что кошевой отвѣчаетъ: «Здоровы, паны атаманы! спасибо, молодци, за хлибъ, за силь, а що се, панове атаманы, у васъ за козаки?» Атаманы опять разсказываютъ подробно все дѣло. Кошевой, помолчавъ немного, обращается къ обидчику и говоритъ ему: «Ну-якъ-же ты, братчику, думаешь рѣшиться съ симъ козакомъ? васъ ришила паланка, васъ ришили атаманы, васъ ришивъ и судья войсковый, и теперь дило дошло и до мене. И я, розслухавшись, признаю, що паланка ришила ваше дило добре, которое и я утверждаю и нахожу тебе во всемъ виновнымъ. Такъ що-жъ ты мини скажешъ? Согласенъ ты обиженнаго подовольствовать?» «Ни, вельможный пане, требуе лишне». Кошевой повторяетъ громко и съ гнѣвомъ: «Такъ ты, братчику, несогласенъ?» «Такъ, вельможный пане, несогласенъ, у воли вашей». «Ну, добре», вставъ и выходя изъ куреня, говоритъ кошевой; атаманы и козаки дѣлаютъ тоже и, кланяясь, говорятъ ему: «Прощай, вельможный пане!» «Прощайте, паны-молодцы, прощайте да и насъ не забывайте», говоритъ кошевой и, вышедъ изъ куреня, сзываетъ свою дворню: «Сторожа, кіивъ!» Слуги бѣгутъ и несутъ кіи оберемками (т. е. связками). Тогда вельможный скажетъ: «Ну, лягай, братчику! ось мы тебе проучимъ, якъ правду робыты и панивъ шануваты!» «Помилуй, вельможный пане!» возопіетъ тогда козакъ не своимъ голосомъ. «Ни, братику, нема уже помилованья, коли ты такій упрямый. Козаки, на рукахъ и на ногахъ станьте! Сторожа, быйте его добре кіями, щобъ знавъ, по чомъ кившъ лиха!» Когда кіи начнутъ между собою разговаривать по ту и по другую сторону, виновный козакъ все молчитъ да слушаетъ, что скажутъ. И когда виновнаго уже добре употчиваютъ, т. е. дадутъ 50 или 100 кіивъ, тогда кошевой крикнетъ: «годи»! Сторожа, поднявши кіи свои на плеча, стоятъ какъ солдаты съ ружьями на часахъ, но козаки еще придерживаютъ виновнаго, дожидаясь послѣдняго рѣшенія Кошевой опять обращается къ виновному: «Послухай, братчику, якъ тебе паланка ришила и скилько обиженный требуе, заплаты ему безпреминно, да сейчасъ заплаты, при моихъ очахъ!» Тогда виновный отвѣчаетъ: «Чую, вельможный пане, чую и готовъ все исполнить, що прикажешъ!» Кошевой продолжаетъ: «А що це тебе

выбыли, то сноси здорово, щобъ ты недуже мудрувавъ и не упрямывся. А може тоби ще прибавить кіивъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ проситъ: «Буде зъ мене и сего, до вику не буду противиться, буду шановати панство!» Тогда наконецъ кошевой угамуется и скажетъ козакамъ и сторожамъ: «Ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кіи подальше ховайте» [1]).

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 13—21; Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 646.

Одежда и вооруженіе у запорожскихъ козаковъ.

Одежда у запорожскихъ козаковъ въ первое время была слишкомъ проста: на первыхъ порахъ своего историческаго существованія запорожскіе козаки серьезно и не могли думать о томъ, чтобы заниматься своею внѣшностью и выряжаться въ дорогія «шаты»: тогда нищета и козакъ были синонимы: къ тому времени вполнѣ могутъ быть приложимы къ состоянію козака слова малорусской пѣсни—«сыдѝть козàкъ на могѝли таї штанѝ латàе», или слова козацкой вирши: «козакъ—душà правдѝва—сорòчки не мàе». Гоняясь за звѣремъ по безмѣрнымъ степямъ, глубокимъ балкамъ, непролазнымъ лѣснымъ трущобамъ, проводя ночи большею частію подъ открытымъ небомъ, высиживая по нѣскольку часовъ въ топкихъ болотахъ и густыхъ камышахъ, запорожцы были скорѣе похожи на жалкихъ оборвышей, чѣмъ на «славныхъ лыцарей», имя которыхъ уже въ раннюю пору ихъ существованія гремѣло въ Европѣ. Даже и въ поздній періодъ запорожской исторіи, когда у козаковъ уже вошли въ силу извѣстные обычаи и извѣстный костюмъ, многіе изъ нихъ, въ силу разнаго рода случаевъ на войнѣ или у себя дома, въ силу бѣдности и нищеты, даже иногда въ силу особаго желанія шикнуть нищенскимъ убранствомъ своего костюма, часто одѣвались черезчуръ просто: «Бывало, обрѣетъ себѣ запорожецъ голову, заправитъ оселèдецъ свой за ухо, завяжется тряпицей, натянетъ на себя епанчу, надѣнетъ изъ свиной кожи опорки, да такъ и ходитъ себѣ: а иной поймаетъ козу, обдеретъ ее, облупитъ кожу, очиститъ отъ шерсти, одѣнется, обуетъ постолы̀ изъ кожи, толщины въ вершокъ, а длины въ двѣ четверти, да и блукаетъ по степи. А другой и того лучше: или вырядится въ такіе постолы̀, что въ нихъ можно Днѣпръ переплыть, или на

одну ногу натянетъ постолъ, а на другую сафьяновый сапогъ, да еще и припѣваетъ:

«Одна нога у постòли, а друга въ сапьяни—
Подывыся, Гàнно, якій постѝлъ гàрный:
Чи сей, чи сей, чи сей, чи сей?»

Бывало и того краше: совсѣмъ голый ходитъ; тогда и выходило, какъ тамъ говорятъ: «увèсь Хвèсь—куды схоче, туды й скаче, нихто за нимъ не заплаче». «Днемъ человѣкъ, а ночью звирюка» [1]). Въ какомъ видѣ являлись запорожцы домой послѣ войны, это всего лучше рисуетъ извѣстная народная дума «О Ганджѣ Андыберѣ».

«Гей гулàвъ козакъ-нетàга симъ годъ ще й чотыри,
Та потерàвъ съ-пидъ сèбе три кòни вороніи.
На четвèртый годъ навертàе,
Козакъ нетàга до города до Черкасъ прибувàе,
Що на козакỳ, бидному нетàзи, три сыромàзи:
Опончѝна рогозовàя,
Поясына хмелевàя,
Одна негòжа, а трèтя й на хливъ нёзгòжа.
А ще на козаку, бидному—нетàзи,
Сапьàнци—выдны пьяты й пàльци,
Шàпка-бырка—звèрху дѝрка,
Хутрò гòле.
Окòлици Бигъ мàе,—
Вонà дощèмъ покрыта,
Травòю пошѝта,
А вѝтромъ пидбыта:
Куды віè—туды й провивàе,
Молодòго козака тай прохоложàе».

Даже въ XVIII вѣкѣ многіе запорожцы одѣвались все еще просто, и часто нуждались какъ въ портныхъ, такъ и въ сапожникахъ; такъ, въ 1749 году, въ виду имѣвшихся переговоровъ татарскихъ депутатовъ съ запорожскими, маіоръ Никифоровъ, представитель русскаго правительства, просилъ послѣднихъ «быть во всей готовности и убранствѣ, дабы передъ татарскими депутатами не гнусны могли быть»; позже, въ 1767 году, запорожскій Кошъ требовалъ отъ своихъ депутатовъ, ѣздившихъ въ Петербургъ, возврата шевця и кравця, т. е. сапожника и портного, взятыхъ ими изъ Сичи для

---

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб. 1885, I, 24.

собственныхъ надобностей, полагая, что они уже сшили имъ все необходимое [1]).

Вначалѣ, по свидѣтельству малороссійскаго лѣтописца, одеждой у запорожскихъ козаковъ было одно или два платья, и только потомъ, когда они повоевали турецкую и татарскую землю, очень одобычились и сдѣлались богаты всякимъ достаткомъ [2]). Въ XVII вѣкѣ оршанскій староста Филонъ Кмита описываетъ черкасскихъ козаковъ оборвышами [3]), а французъ Дельбурку—нищими [4]). Современникъ Петра Великаго, раскольничій попъ, Иванъ Лукьяновъ, проѣзжая изъ Москвы въ Іерусалимъ черезъ Малороссію и видя у Фастова козацкую ватагу полковника Семена Палія, изображаетъ ее въ своемъ дневникѣ въ такихъ словахъ: «Городина то хорошая, красовито стоитъ на горѣ, острогъ деревянной кругъ жилья всего: валъ земляной, по виду не крѣпокъ добре, да сидѣльцами крѣпокъ, а люди въ немъ, что звѣри. По земляному валу ворота частые: а во всѣхъ воротѣхъ копаны ямы, да солома послана въ ямы: тамъ Палѣевщина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати: голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны зѣло; а въ воротѣхъ изъ селъ проѣхать нельзя ни въ чемъ; все рвутъ, что собаки: дрова, солому, сѣно, съ чѣмъ ни поѣзжай... А того дня у нихъ случилось много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя: всѣ козаки, Палѣевщина, и свадьбы покинули; а все голудба безпорточная: а на иномъ и клока рубахи нѣтъ: страшны зѣло, черны, что арапы и лихи, что собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уродовъ отроду не видали: у насъ на Москвѣ и на Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова хочь одного» [5]). Въ той-же мѣрѣ и вполнѣ справедливо можно приложить описаніе попа Лукьянова и къ запорожскимъ козакамъ: сами запорожцы говорили о себѣ: «У насъ проклята мате мà—ни сорочки, ни штанивъ—одна проклята сиромà» [6]). «На нихъ ни чобитъ, ни штанѝвъ, ни сорочки не було: а на иншому сами рубци висять: мовъ той цыганъ идè-пьятами свите» [7]).

---

[1]) Аполлонъ Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 270.

[2]) Григорій Грабянка. Лѣт. дѣйствія презѣльной войны, Кіевъ, 1854, 19.

[3]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 175

[4]) Anecdotes de Pologne ou mémoires secrètes du règne de Jean Sobieski.

[5]) Путешествіе въ святую землю, Ивана Лукьянова, Москва, 1862, 15.

[6]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 51.

[7]) Кіевская Старина, Кіевъ, 1883, томъ V, страница 763, 764.

«Запорожецъ якъ надивъ сорочку, такъ увесь годъ и не скида ій, покы сама не спаде съ плечъ, и йде банитьця, штанивъ не скида: «не годытця»—«каже».

Съ теченіемъ, однако, времени съ одной стороны богатыя удачи на войнѣ, съ другой и самое развитіе жизни многое измѣнило въ понятіяхъ и обстановкѣ запорожскихъ козаковъ: разбивъ татаръ или турокъ, пограбивъ пановъ или жидовъ, козаки, возвращаясь въ Сичу, привозили съ собой множество денегъ, платьевъ и дорогихъ матерій. Дошедшія до насъ на этотъ счетъ свѣдѣнія показываютъ, что именно изъ одежды добывали себѣ запорожскіе козаки на войнѣ—шубы, кафтаны, шаровары, рубашки, шапки, сапоги, чекмени, барашковыя шкуры и т. п. [1]): тогда довольство добычи выражалось тѣмъ, что запорожцы рвали шелковую и китайчатую матерію на куски и обертывали этими кусками вмѣсто онучъ ноги. Въ народной думѣ о козакѣ Голотѣ разсказывается, какъ этотъ герой, убивъ богатаго татарина, надѣлъ на себя его дорогое платье, чоботы, кафтанъ и бархатный шлыкъ, и въ такомъ видѣ въ Сичи гулялъ и Килiимское поле выхвалялъ [2]). Лѣтописецъ Величко передаетъ, что когда запорожцы шли съ Хмельницкимъ на войну, то мало у кого по два коня было и многіе въ «подлыхъ» одеждахъ одѣты были, а послѣ битвъ у каждаго товарища оказалось по трое, четверо и пятеро коней, у многихъ въ богатыхъ рондахъ (т. е. конскихъ уборахъ): одежды также много у каждаго товарища нашлось, такъ что когда запорожское войско одолѣло ляховъ при Желтыхъ-Водахъ и въ Корсунѣ, а потомъ сѣло на коней и рушило дальше за Хмельницкимъ, кто увидѣвши зъ стороны альбо зъ горы якой оное, можно было сказать, же то суть нивы, красноцвѣтущимъ голендерскимъ, альбо влоскимъ макомъ засѣянніи и проквѣтнувшіи» [3]).

Изъ тѣхъ-же свидѣтельствъ узнаемъ, что у запорожцевъ однообразной одежды никогда не было: что нерѣдко во время войны они одѣвались въ такое платье, въ какое одѣтъ былъ непріятель, и что походная ихъ одежда вообще была бѣдна, за то домашняя парадная очень роскошна.

Первыя указанія объ одеждѣ запорожскихъ козаковъ находимъ въ путевыхъ запискахъ XVI вѣка германскаго посла

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 19—21.
[2]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни. Кіевъ, 1874, I, 170.
[3]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 71, 72.

Эриха Ласоты. Ласота говоритъ, что у запорожцевъ были въ употребленіи татарскіе кобеняки.—Kepenikh—или мантіи. составлявшія главное ихъ одѣяніе, и тутъ-же прибавляетъ, что главный начальникъ козаковъ, отпуская посла изъ Сичи, далъ ему въ подарокъ кунью шубу и мѣховую изъ черныхъ лисицъ шапку [1]. Въ XVII вѣкѣ находимъ указанія объ одеждѣ козаковъ въ сочиненіи французскаго инженера Боплана: Бопланъ говоритъ о рубахахъ, шароварахъ, шапкахъ и кафтанахъ, сдѣланныхъ изъ толстаго сукна и составлявшихъ повседневное одѣяніе козаковъ [2]. Однако, указанія эти слишкомъ общи и мало опредѣленны. Въ XVIII вѣкѣ польскіе писатели говорятъ уже подробнѣе о запорожскихъ костюмахъ: по ихъ словамъ, запорожскіе козаки носили шаровары съ широкимъ золотымъ галуномъ вмѣсто опушки, суконные съ откидными рукавами полукунтуши, бѣлые шелковой матеріи жупаны, шелковые съ золотыми кистями пояса и высокія шапки съ смушковыми околышами сѣраго цвѣта и краснымъ шелковымъ вершкомъ, оканчивающимся золотой кисточкой [3]. Въ концѣ того-же столѣтія современникъ запорожскихъ козаковъ, запорожецъ Никита Коржъ называетъ главнымъ одѣяніемъ запорожцевъ каптанъ, черкеску, саєтовые яркихъ цвѣтовъ шаровары, ширины четыре аршина, сафьяновые цвѣтные сапоги, шалевый поясъ, шапку кабардинку изъ рѣчного звѣря каборги или видпихи, иначе выдры, обложенную накрестъ позументомъ, и наконецъ косматую шерстяную, для ненастнаго времени, бурку, называвшуюся у поляковъ вильчурой: такое одѣяніе, по словамъ Коржа, запорожцы носили дома въ Сичи и на походахъ во время войны [4]. Академикъ Василій Зуевъ, жившій въ XVIII вѣкѣ, говоритъ, что необходимымъ платьемъ у запорожскихъ козаковъ были рубашки и шаровары; это платье было самое обыкновенное у нихъ: они носили его безъ перемѣны до тѣхъ поръ, пока оно не распадалось на мелкіе лоскутья, а чтобы избавить себя отъ мытья и безпокойства насѣкомыхъ, напитывали его рыбьимъ жиромъ и вываливали на солнцѣ. Впрочемъ, кромѣ этого необходимѣйшаго платья, запорожцы, по словамъ того-же Зуева, носили хорошее су-

---

[1]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, Одесса, 1873, 45, 46.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1882, 64.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 267.

[4]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 27.

конное платье, бархатныя шапки, шелковые кушаки и сафьяновые сапоги [1]). Лица, жившія гораздо позже Никиты Коржа и Василія Зуева и также видѣвшія запорожское платье, описываютъ его такими словами: «Жупаны у нихъ были синіе и дѣлались изъ такого хорошаго сукна, что оно никогда не линяло; отвороты на рукавахъ (ихъ звали прежде «закаврашами») красные и поясъ красный, а шаровары синія китайчатыя на очкурѣ. Вотъ такой самый жупанъ былъ и у моего отца: сине-темный, а закавраши зеленые, застегивался онъ до самаго верха посредствомъ гапликовъ; воротничекъ въ немъ былъ тоненькій въ два пальца и на воротничку два крючечка и двѣ бабки: гаплички шли отъ верха каптана до самаго пояса и такъ густо были усажены, что за ними не было видно и крючечковъ. Какъ у кого, поясъ былъ зеленый или другой какой, но мой батька всякій разъ носилъ красный, и ему это очень шло; звалъ онъ свой жупанъ каптанкомъ; рукава въ немъ были узенькіе и на концахъ застегивались крючечками при самой рукѣ. Также точно одѣвался и дѣдъ» [2]). По описанію другихъ, всякій кафтанъ въ подолѣ дѣлался рясным, «карваши» въ немъ приставлялись изъ бархатной матеріи, клинья «повинны быть въ цѣлости» и должны пришиваться до подпашниковъ между собкомъ и передами, шился онъ весь зеленымъ шелкомъ, непремѣнно съ боковыми «гаманками» [3]). Однако и эти перечисленія платья неполны: дошедшіе до насъ письменные документы въ числѣ запорожскаго одѣянія называютъ еще суконныя широкія киреи и короткія юбки, на манеръ турецкихъ куртокъ [4]), а старинныя картины представляютъ, кромѣ того, запорожскихъ козаковъ въ короткихъ курткахъ изъ кожи, называемыхъ кожанками [5]).

Ясное и болѣе или менѣе точное представленіе о запорожскомъ одѣяніи даютъ дошедшія до насъ гравюры, иконы, знамена и портреты прошлаго вѣка. Таковы три гравюры въ приложеніяхъ къ сочиненію Ригельмана «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи», гдѣ представленъ выборъ войсковой старшины и два изображенія запорожскихъ козаковъ; запорожцы одѣты здѣсь въ широкія шаро-

---

[1]) О бывшихъ промыслахъ у зап. козаковъ. Мѣсяцесловъ, 1786, 6.

[2]) Кіевская Старина, Кіевъ, 1886, томъ XV, страница 700.

[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ. Спб., 1890, 309.

[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 271.

[5]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 58.

вары, длинные каптаны, низкія шапки и косматыя бурки [1]). Двѣ иконы, одна въ публичномъ одесскомъ музеѣ древностей, другая въ церкви села Покровскаго, екатеринославскаго уѣзда, гдѣ нѣкогда была послѣдняя по времени запорожская Сича; на первой представлена группа запорожцевъ, молящихся Богоматери и одѣтыхъ въ красныя нижнія черкески и верхніе темно-зеленые съ откидными рукавами каптаны, широкія, низко опущенныя, краснаго цвѣта шаровары, опоясанныхъ разноцвѣтными, съ наборами и безъ наборовъ, поясами, и обутыхъ въ красные съ острыми носками сапоги; на другой иконѣ представлены два запорожца, стоящіе на колѣняхъ и одѣтые въ нижніе узкаго покроя черкески и въ верхніе, очень широкіе, жупаны, похожіе на киреи [2]). Большое войсковое знамя, хранящееся въ императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, на которомъ запорожцы изображены въ разноцвѣтныхъ каптанахъ, нижнихъ черкескахъ, шелковыхъ поясахъ, разныхъ видовъ шапкахъ—низкихъ придавленныхъ и высокихъ остроконечныхъ, съ барашковымъ околышемъ и суконнымъ или шелковымъ вершкомъ, въ широкихъ шароварахъ и непремѣнно съ длинной хусткой, т. е. платкомъ у пояса вдоль шароваръ. Портреты запорожскаго полковника Афанасія Өедоровича Колпака и двухъ незначныхъ запорожцевъ, Ивана и Якова Шіяновъ, писанные масляными красками почти во весь ростъ съ натуры и находящіеся первый въ Самарскомъ пустынно-николаевскомъ монастырѣ, близъ города Новомосковска, екатеринославской губерніи, два другіе въ одесскомъ публичномъ музеѣ древностей; здѣсь представлены запорожцы съ открытыми головами, съ шапками или подъ мышкой, или въ рукѣ, въ красныхъ каптанахъ, шелковыхъ штофныхъ съ узорами черкескахъ, широкихъ краснаго шелка поясахъ и сафьяновыхъ красныхъ или желтыхъ сапогахъ [3]). Эти портреты всего вѣрнѣе передаютъ костюмъ запорожскихъ козаковъ; къ ихъ описанію можно прибавить лишь то, что̀ хранится въ собственномъ собраніи автора настоящаго труда, и немного изъ того, что находится въ другихъ частныхъ собраніяхъ запорожскихъ древностей по части одѣянія. Запорож-

[1]) Гравюра, приложенная къ сочиненію «Вооруженія россійскихъ войскъ», кажется, нѣсколько утрирована.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 58, 192.

[3]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, I, 100; II, 62, 64.

ское платье собственнаго собранія состоитъ изъ двухъ нижнихъ одѣяній, такъ называемыхъ черкесокъ: на человѣка большаго роста и малаго, одно изъ нихъ бураковаго цвѣта [1]), другое краснаго, оба длиною нѣсколько ниже колѣнъ: оба имѣютъ по два уса назади, какъ кафтаны или черкески кубанскихъ козаковъ, и шелковыя бабки на коротенькихъ шелковыхъ снуркахъ спереди: оба имѣютъ на концахъ рукавовъ небольшіе отвороты изъ темнаго бархата, прикрѣпленные къ рукаву металлическими крючками; оба въ плечахъ довольно широки и въ перехватѣ довольно узки: наконецъ, оба подбиты клѣтчатой китайчатой матеріей. Достоинство покроя этихъ черкесокъ состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ полную свободу человѣку махать рукой впередъ и назадъ, нисколько не стѣсняя его движеній. Отъ этихъ-же черкесокъ имѣются и пояса, одинъ вытканный изъ шелковаго персидскаго сырца, шириною двѣ съ половиной четверти [2]), длиною одиннадцать аршинъ, бураковаго цвѣта, съ позолоченными концами, длины въ три четверти каждый конецъ, и съ шелковыми плетеными снурками, длиною въ аршинъ, прикрѣпленными къ каждому изъ концовъ пояса; другой вытканный также изъ шелка, такой-же ширины, но семь аршинъ длины, лиловаго цвѣта, съ посеребренными концами и шелковыми снурками на концахъ: третій такой-же ширины и такой-же длины, но безъ позолоты на концахъ и вытканный изъ великолѣпной шелковой матеріи съ цвѣтами и узорами, подобно матеріямъ шалей, и потому называемый шалевымъ. Черкеска и два первыхъ пояса добыты у внука запорожца, крестьянина села Лапинки, екатеринославскаго уѣзда, Мокія Лося, хранившіеся у него отъ дѣда по настоящее время безъ всякой передѣлки, что засвидѣтельствовано всею волостью села [3]): теперь эти черкески и пояса находятся въ частномъ музеѣ собирателя козацкихъ древностей Георгія Петровича Алексѣева въ Петербургѣ. Къ этому описанію остается только сказать нѣсколько словъ о кожаныхъ поясахъ: нѣсколько кожаныхъ запорожскихъ поясовъ находится въ собраніи древностей Александра Николаевича Поля, въ Екатеринославѣ: длина ихъ не больше той, какая необходима для того только, чтобы охватить животъ, но внѣшняя отдѣлка самая разнообразная, состоящая изъ различ-

[1]) Буракомъ называютъ на югѣ то, что на сѣверѣ называютъ свеклой.

[2]) Для опоясыванія онъ складывался втрое изнанкою въ средину.

[3]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II, 68, 70.

Запорожцы со знамени въ Эрмитажѣ.— Къ стр. 254—255.

ныхъ металлическихъ накладокъ, подобно черкескимъ поясамъ на Кавказѣ.

Стовосемнадцати-лѣтній старикъ, Иванъ Игнатовичъ Россолода, самъ запорожецъ, родившійся на отцовскомъ зимовникѣ, часто видѣвшій своего отца въ запорожскомъ одѣяніи, долго хранившій потомъ это одѣяніе у себя и годъ тому назадъ скончавшійся въ селѣ Чернышовкѣ, екатеринославскаго уѣзда, описываетъ его въ такихъ словахъ.

«Ходили запорожцы хорошо, одѣвались и роскошно и красиво; головы они, видите-ли, брили; обрѣютъ да еще и мыломъ намажутъ, чтобы, видишь, лучше волосы росли; одну только чуприну (отъ слова «чубъ», а «чубъ» отъ персидскаго слова «чобъ»—гроздь, кисть, пучокъ) оставляли на головѣ, длины, вѣроятно, съ аршинъ, черную да курчавую. Заправитъ ее, замотаетъ раза два или три за лѣвое ухо, да и повѣситъ [1]), она и виситъ у него до самаго плеча; да такъ за ухомъ и живетъ... А иной возьметъ да перевяжетъ свою чуприну ленточкой, закрутитъ ее на лбу, такъ и ляжетъ спать, а утромъ какъ встанетъ да какъ распуститъ ее, такъ она точно хвостъ у овцы сдѣлается. То все на выхвалку. Дѣвчата косы отращиваютъ, а запорожцы чуприны. А если уже черезчуръ длинная выростетъ, тогда козакъ замотаетъ ее сперва за лѣвое ухо, а потомъ проведетъ по-за затылкомъ на правое ухо, да такъ и ходитъ. Бороды тоже брили, только одни усы оставляли и ростили ихъ долгіе-предолгіе. Вотъ это какъ нафабритъ ихъ, какъ начернитъ да какъ расчешетъ гребнемъ, такъ хоть онъ и старый будетъ козакъ, а такой выйдетъ козарлюга, что только хить-хить! Страшно долгіе усы отрощали! Иной возьметъ ихъ обѣими руками, подниметъ вверхъ да и позакладаетъ на самыя уши, а они еще ниже ушей висятъ. Вотъ какіе они были усари! Правда, у нѣкоторыхъ были и маленькіе усы—такъ, какъ у кого какой волосъ росъ, а только усы они очень любили... Вотъ это какъ запорожецъ чуприну замоталъ, усы расчесалъ, тогда уже одѣвается

[1]) Чуприна носилась непремѣнно за лѣвымъ ухомъ: «какъ всѣ знаки достоинствъ и отличій,—объяснялъ бывшій запорожецъ Антонъ Головатый великому князю Константину Павловичу,—сабля, шпага, ордена и другіе, носятся съ лѣваго бока, то и чуприна, какъ знакъ удалого и храбраго козака, должна быть обращена также къ лѣвой сторонѣ»: Современникъ, 1847, № 7, т. X, отд. II, 17.

въ свое платье. А платье было у нихъ на дроту [1]), на ватѣ, на шелковыхъ снуркахъ да на пуговицахъ, изъ тонкаго сукна разныхъ цвѣтовъ: тотъ надѣнетъ голубое, тотъ зеленое, тотъ красное, кто какого пожелаетъ: только сорочки были собственнаго рукодѣлія, потому что бумажной ткани они тогда не знали. На голову надѣвали высокую острую шапку, со смушковымъ околышемъ, въ четверть ширины, съ суконнымъ краснаго или зеленаго цвѣта дномъ [2]), въ полторы четверти высоты, на ватѣ, съ золотыми перекрестами, съ серебряной китицей на самомъ вершку и съ крючкомъ для китицы,—пристегивать, чтобы не моталось. Околышъ шапки часто служилъ козаку вмѣсто кисета или кармана: туда онъ иногда клалъ табакъ, огниво, люльку или рожокъ съ табакомъ: особенно люльку: какъ вынулъ изо рта, такъ и заткнулъ ее за околышъ. Шапки больше всего дѣлались по куренямъ: какой курень, такая и шапка, такой и цвѣтъ на ней. Прежде чѣмъ надѣть на себя шапку, козакъ заматываетъ свою чупрыну за ухо и потомъ уже надѣваетъ шапку на голову: какъ надѣлъ шапку, то онъ уже и козакъ: это—самое первое и самое главное одѣяніе козака. Потомъ уже надѣваетъ черкеску, длины до колѣнъ, цвѣтную съ травами, узорами и разводами, съ пуговицами, на шелковыхъ снуркахъ, съ двумя сборами назади, съ двумя крючками для пистолетовъ на бокахъ, и съ небольшими отворотами изъ бархата на концахъ рукавовъ, пристегиваемыхъ желѣзными крючками. Застегнетъ ту черкеску пуговицами, завяжетъ поясомъ, и готовъ. А пояса дѣлались или изъ шали, или изъ турецкаго и персидскаго шелка, широкіе и долгіе, не такіе, что теперь парубки носятъ, которые они заматываютъ на срединѣ живота и завязываютъ узломъ, а такіе, какъ напримѣръ, монахини дѣлаютъ попамъ: длины аршинъ десять или больше того, а ширины четверти полторы, а то и совсѣмъ двѣ; концы на нихъ золотились или серебрились, а къ самымъ краямъ привязывались шелковые снурочки. Когда надо было козаку опоясаться, то онъ привяжетъ поясъ снуркомъ къ гвоздю, да и качается кругомъ, такъ и намотаетъ весь поясъ на себя. Потомъ снурки завяжетъ или позади себя на спинѣ, или на боку, а позолоченные концы оставитъ спереди, на животу, да такъ и ходитъ, какъ истый лыцарь. Пояса были разныхъ цвѣтовъ: зеленые, красные,

[1]) Дротъ вставлялся въ средину: «сколько хочешь, столько й бей, а не пробьешь».

[2]) Краснымъ вершкомъ, называвшимся у нѣкоторыхъ «солодкимъ дномъ».

голубые, коричневые. Кромѣ долгихъ поясовъ, носили запорожцы и короткіе, сдѣланные изъ кожи или волоса; на нихъ сзади нашивались китицы, а спереди крючки, пряжки, ремни для кинжаловъ, сабель и люлекъ. Вотъ какъ надѣлъ запорожецъ красную черкеску, опоясался поясомъ, навѣсилъ на себя кинжалъ, приладилъ саблю, тогда онъ надѣваетъ каптанъ или жупанъ. Это уже одежда просторная и долгая, почти до самыхъ косточекъ, съ широкими рукавами, такъ какъ будто подризникъ у попа или то платье, что архіерейскіе пѣвчіе надѣваютъ по городамъ. Каптанъ уже былъ другого цвѣта, чѣмъ черкеска: если черкеска красная, то каптанъ голубой или синій: онъ тоже былъ на сборахъ и на снуркахъ, гаптованъ золотомъ, съ разными золотыми позументами, пуговицами, по подолу, по концамъ рукавовъ и по прорѣхамъ роздёръ, гапликами, съ тонкимъ дротомъ въ срединѣ и съ широкими-прешироками рукавами или, какъ тамъ говорятъ, роздёрами или роспорами[1]). Роспоры эти дѣлались какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгибалась рука по локтю, четверти полторы или двѣ въ длину; внизъ за роспорами шелъ уже сшитый рукавъ до самаго конца. Въ такіе рукава просовывали руки или прямо черезъ концы ихъ, или черезъ роспоры, что по срединѣ рукавовъ. Когда руки просовывались прямо черезъ концы рукавовъ каптана, то тогда изъ подъ нихъ выдавались бархатные отвороты черкески и на каждой рукѣ выходило по два рукава[2]); а когда руки просовывались черезъ роспоры, тогда выходило, будто на каждой рукѣ козака надѣто по четыре рукава: два лежать, а одинъ сзади «метляется». Тѣ, что «метлялись» сзади, можно было заложить за спину и вмѣстѣ связать. Отъ этого и выходило, что какъ ѣдеть, бывало, запорожецъ верхомъ съ завязанными рукавами, то кажется, какъ будто на спинѣ его придѣланы крылья: по тѣмъ-то крыльямъ и узнаютъ издали запорожца. Поверхъ каптана иногда надѣвалась кирея, это совсѣмъ долгое сдѣяніе, по самыя пятки, сдѣланное или изъ кожи, или изъ волны, безъ рукавовъ, похожее на плащъ.

Вотъ какая у нихъ была одежда! Такая одежда, что онъ одной сорочки не продасть за сто рублей: какъ идетъ по улицѣ,

---

[1]) То, что у поляковъ извѣстно было подъ названіемъ вылётовъ.

[2]) Четыре года тому назадъ, записывая слова И. И. Россолоды, мы передали ихъ неточно, потомъ, вновь увидясь съ Россолодой, исправляемъ свою неточность.

такъ какъ будто весь убранъ звѣздами или цвѣтами. До этой широкой и просторной одежды приставали широкія и просторныя шаровары, суконныя, нанковыя, кожаныя, съ обѣихъ сторонъ съ карманами,—и тутъ карманъ, и тутъ карманъ,—оба обложенные по краямъ сверху золотыми позументами, разныхъ цвѣтовъ, а больше всего синяго цвѣта; матни въ штанахъ дѣлались такія, что до самой земли касались, какъ будто что волочится: какъ идетъ козакъ, то и слѣдъ за собой мететъ. Къ шароварамъ пригонялись долгіе очкуры, шелковые или шерстяные, съ золотыми китицами на обоихъ концахъ. Холоши шароваръ носились поверхъ голенищъ,—не такъ, какъ теперь дѣлаютъ, что вкладываютъ ихъ въ сапоги, а поверхъ сапогъ; онѣ привязывались къ голенищамъ серебряными подвязками или шелковыми снурками съ золотыми и серебряными китицами на концахъ, а самыя подвязки привязывались такъ, что отъ нихъ видны были только китицы. Какъ идетъ запорожецъ, то такъ и видишь, какъ тѣ китицы изъ-подъ шароваръ мотаются. Подъ шаровары уже надѣвались сафьяновые чоботы, желтые, зеленые, красные, съ золотыми, серебряными и мѣдными подковками, съ узенькими носками; отъ сапогъ виднѣлись одни носки или каблуки, такъ запорожцы напускали на нихъ низко свои шаровары [1]): издали кажется, точно баба въ юбкѣ стоитъ: какъ идетъ козакъ, точно парусъ роспускаетъ: а ширина такая, что въ иныя шаровары можно штукъ тридцать арбузовъ вложить; какъ двѣнадцать аршинъ матеріи, то такія шаровары называются «ряснùми», а какъ пятнадцать, называются шароварами «зъ достàтку» [2]).

«Бывало, каждый годъ пріѣзжаютъ запорожцы въ Смилу на ярмарку, человѣкъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на запорожцѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ пальца въ три шириною, сѣрый или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого краснаго сукна, горитъ, какъ огонь, просто глаза ослѣпляетъ, а сверху черкеска съ вылётами, или синяя или голубая: штаны суконные синіе, широкіе—такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото или серебро: даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ

[1]) На портретахъ Колпака и братьевъ Шіяновъ шаровары, однако, не такъ низко опущены.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 20—24.

золотѣ—такъ и горитъ. Идетъ и земли не касается. А какъ сядутъ на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкаютъ. Взброситъ, бывало, запорожецъ шапку вверхъ и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало, идетъ запорожецъ, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шамъ, шамъ, шамъ, шамъ—и пошелъ, и пошелъ!» [1]).

«Богатые костюмы запорожцевъ, при поѣздахъ ихъ на Украйну, по справедливому замѣчанію Коховскаго, иногда были не болѣе, какъ роскошный étalage товаровъ въ магазинѣ для приманки покупателей. Многіе, прельщаясь запорожскою роскошью, шли въ свою очередь искать добычи и славы и увеличивали собой запорожское войско и его значеніе» [2]).

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что самыя дорогія платья запорожскихъ козаковъ дѣлались изъ шелка, польскаго и англійскаго сукна, кармазина и аксамита. Платья изъ шелковой штофной съ узорами матеріи, подобной матеріямъ шалей, назывались у запорожцевъ шалевыми; платья изъ польскаго и англійскаго суконъ назывались саетами, отъ польскаго слова «sajeta» съ тѣмъ-же значеніемъ; платья изъ красныхъ восточныхъ суконъ назывались кармазинными отъ татарскаго слова «кырымызы»—красный; наконецъ платья изъ аксамита назывались аксамитными; аксамитъ—это дорогая ткань, приготовляемая изъ шести нитокъ, почему и получившая свое названіе отъ греческаго слова «ἑξάμιτον», составленнаго изъ двухъ словъ «ἕξ»—шесть и «ἱμάτιον»—одежда, откуда латинское «examitum», нѣмецкое «samet», нижнелужицкое «samot»; аксамитъ—золотая или серебряная матерія, плотная, ворсистая, похожая на бархатъ, съ травами, разводами и разныхъ цвѣтовъ узорами, подобно парчѣ, шитая золотыми и серебряными петлями; аксамитъ добывался главнымъ образомъ изъ Византіи и у древнихъ русскихъ шелъ на церковныя облаченья, одежды князей и богатыхъ бояръ [3]), а у запорожцевъ главнымъ образомъ на нижнее платье, черкеску.

Нѣтъ сомнѣнія, что покрой одежды запорожскихъ козаковъ, въ особенности высокихъ шапокъ, широкихъ шароваръ, длинныхъ

---

[1]) Кулишъ. Записки о Южной Руси, Санктъ-Петербургъ, 1856, I, 140.

[2]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 164.

[3]) Труды московскаго археологическаго общества, т. IV, вып. I, 31.

кафтановъ и широкихъ поясовъ, восточнаго происхожденія и заимствованъ ими отъ татаръ и турокъ. Это заимствованіе шло или путемъ захвата, во время набѣговъ, или путемъ покупки, или путемъ пожалованія со стороны высшихъ татарскихъ и турецкихъ властей запорожскимъ козакамъ. Такъ, изъ оттоманской исторіи турецкаго историографа Наймы мы знаемъ, что въ 1653 году крымскій ханъ Исламъ-Гирай пожаловалъ козацкимъ старшинамъ въ даръ суконные кафтаны [1]). Въ общемъ запорожская одежда имѣла то достоинство, что не стѣсняла движеній человѣка и была приспособлена къ жаркому климату страны.

Изъ оружій были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ арматы, ружья, пистолеты, копья, сабли, келепа, стрѣлы, сагайдаки, якирьци, кинжалы, ножи, панцыри. Историкъ Зеделлеръ утверждаетъ, что впервые вооружилъ запорожскихъ козаковъ, ружьями и саблями, Евстафій Дашковичъ, въ 1511 году [2]). Эрихъ Ласота, въ концѣ XVI столѣтія, изъ оружій запорожскихъ козаковъ называетъ только пушки, выстрѣлами изъ которыхъ запорожцы встрѣчали и провожали посла германскаго императора [3]). Въ козацкой думѣ о Θедорѣ Безродномъ конца XVI столѣтія говорится, что когда товарищи его «ховали, то саблями землю копали и изъ семипядельныхъ пищалей стрѣляли» [4]). Яковъ Собѣскій начала XVII столѣтія говоритъ, что многіе изъ запорожскихъ козаковъ не употребляли сабель, но ружьями владѣли всѣ [5]); далѣе, въ томъже вѣкѣ объ оружіи козаковъ говоритъ Бопланъ: по словамъ Боплана у запорожцевъ были въ употребленіи фальконеты, ядра, порохъ, пищали и сабли: каждый козакъ, отправляясь въ походъ, бралъ одну саблю, двѣ пищали, шесть фунтовъ пороху, причемъ тяжелые боевые снаряды складывалъ въ лодку, легкіе оставлялъ при себѣ; пищали, по замѣчанію Боплана, были «обыкновеннымъ» оружіемъ у козаковъ, изъ которыхъ они очень мѣтко стрѣляли [6]); въ 1648 году запорожскіе козаки привѣтствовали Богдана Хмель-

---

[1]) Шермуа. Набѣгъ крымскихъ татаръ на Польшу въ 1653 году. Ж. М. Н. Пр., 1832, IV, 5.

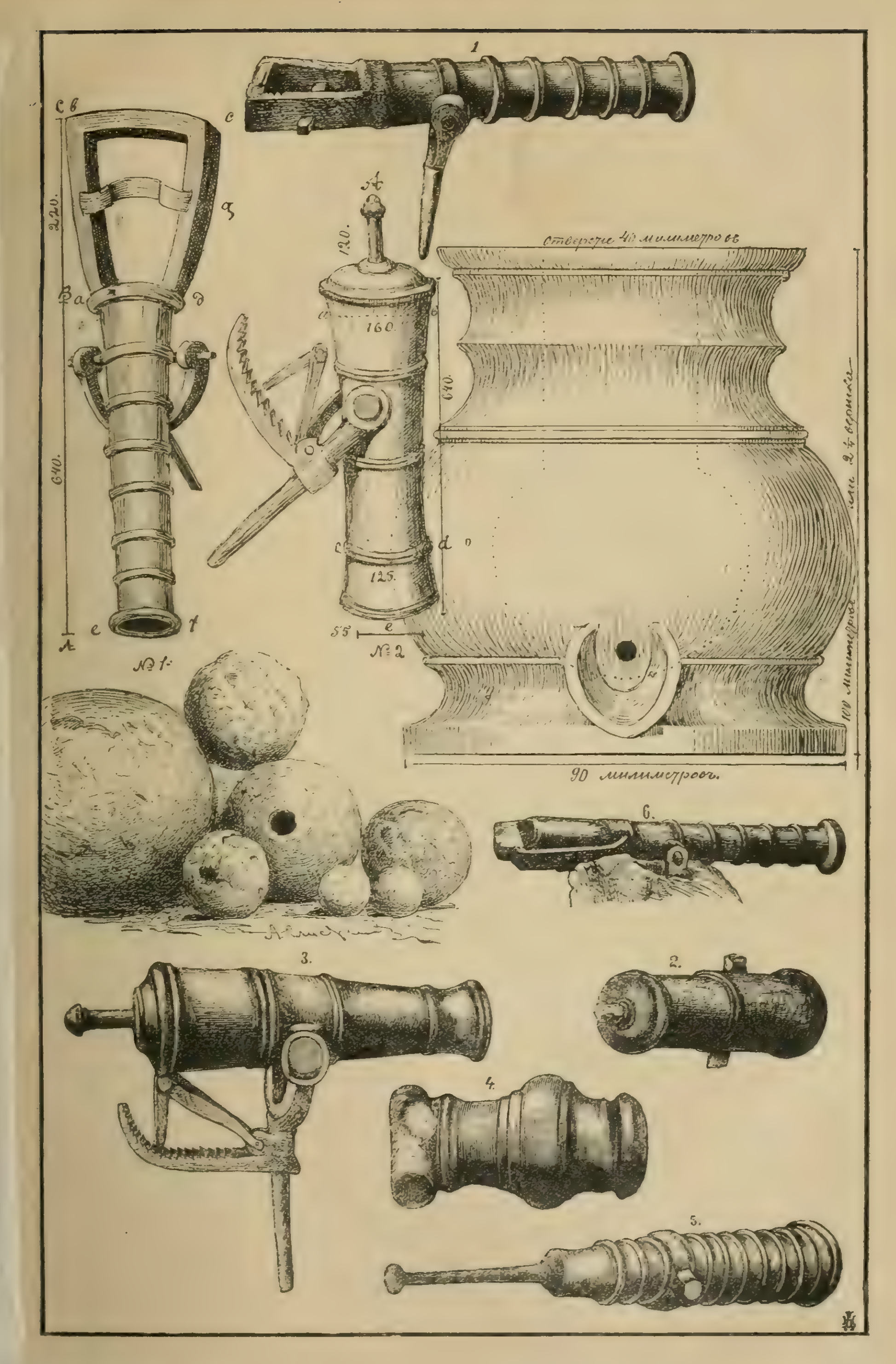
[2]) Обозрѣніе исторіи военнаго искусства, Спб., 1843, III, 293.

[3]) Эрихъ Ласота. Путевыя записки, Одесса, 1873, 30, 51.

[4]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, I, 250, 254.

[5]) Записки о хотинской войнѣ, Черн. губ. вѣд., 1849 ноября 25 дек. 16.

[6]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 64, 8.



Запорожскія пушки 1, 2, 3, 4, 5, мортиры 6, ядра 7, собранія А. Н. Поля.—Къ стр. 262—263.

ницкаго выстрѣлами изъ мушкетовъ [1]). Въ томъ-же XVII вѣкѣ въ дошедшихъ до насъ актахъ есть указанія, что у запорожскихъ козаковъ были въ ходу пушки и пищали для охраны крѣпостей: «Въ Сѣчѣ пушечнаго наряду—пушка мѣдная ломовая, а къ ней сто ядръ вѣсомъ, по 8 гривенокъ ядро, 11 пушекъ полевыхъ, а къ нимъ по сто ядръ, вѣсомъ по 4 и по 3 гривенки ядро; да затининныхъ пищалей двѣ мѣдныхъ да три желѣзныхъ, а къ нимъ 200 ядръ свинцовыхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и полугривенкѣ ядро... Городъ Кодакъ—пушекъ въ немъ двѣ желѣзные городовые да двѣ затинные пищали» [2]); въ томъ же XVII вѣкѣ объ оружіи запорожцевъ находимъ указанія въ лѣтописи Самовидца; по свидѣтельству Самовидца, у нихъ были въ ходу самопалы, сабли, списы, т. е. копья, стрѣлы и обухи, т. е. калепа или боевые молотки [3]); въ половинѣ XVIII вѣка находимъ свѣдѣнія о вооруженіи запорожскихъ козаковъ въ Исторіи Мышецкаго; по его словамъ, въ войскѣ запорожскомъ, какъ у стараго, такъ и у малаго, имѣлось огненное оружіе, рушницы или флитны, пистолеты, холодное оружіе—копья и сабли, а порохъ и свинецъ покупались въ Польшѣ и Малороссіи, свой же хотя и дѣлали, но онъ не отличался хорошимъ качествомъ [4]). Большинство изъ этого оружія добывалось запорожцами у поляковъ, русскихъ и особенно у татаръ и турокъ [5]); главнѣйшіе-же запасы пороха шли сперва отъ польскаго правительства, а потомъ, съ переходомъ запорожскихъ козаковъ въ подданство русскому царю, отъ русскаго: отправляя ежегодно изъ Москвы въ Сичу жалованье запорожскимъ козакамъ, русское правительство съ тѣмъ вмѣстѣ отправляло имъ извѣстное количество пудовъ пороху [6]).

Изъ дошедшихъ до насъ запорожскихъ арматъ — большая часть польскаго, турецкаго и русскаго издѣлія, только нѣкоторыя генуэзскаго: «Пушекъ запорожцы у себя не имѣютъ, а пользуются только тѣми, кои внезапными нападеніями съ кораблей и галеръ у турокъ взяли [7]). Въ самой Польшѣ пушки (мѣдныя)

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ. 1848, I, 52.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 13, 14.
[3]) Малороссійская лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1854, 20.
[4]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 56.
[5]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 19—22.
[6]) Тамъ-же, страницы 90, 129, 160, 173, 185.
[7]) Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1824, № 54, 68.

стали выливаться не ранѣе XV столѣтія [1]): оттого въ первой половинѣ XVI вѣка онѣ были весьма рѣдки какъ въ самой Рѣчи-Посполитой, такъ и въ запорожскомъ краѣ: имъ знали счетъ, сколько было поставлено пушекъ въ каждой изъ польскихъ крѣпостей и сколько въ каждой изъ крѣпостей запорожскихъ. Въ актахъ 1672 года называются пушки мѣдныя, ломовыя, полевыя, затинныя мѣдныя пищали, затинныя желѣзныя пищали, желѣзныя городовыя; въ это время въ Чортомлыцкой Сѣчи всѣхъ пушекъ насчитывалось 17 и для нихъ по 100 желѣзныхъ и свинцовыхъ ядеръ для мѣдной и ломовой, по 200 для остальныхъ, вѣсомъ по гривенкѣ и по полугривенкѣ ядро, да нѣсколько десятковъ пудовъ фитиля [2]). Отъ русскаго царя впервые получили запорожцы «пушки ломовыя, гранаты, ракеты, сипоши и трубы», какъ кажется, только въ 1673 году [3]). Сохранившіяся до нашего времени пушки имѣютъ четыре вида: мортиры, мѣдныя пушки, желѣзныя кованныя и чугунныя: образцы всѣхъ этихъ видовъ пушекъ мы имѣемъ въ общественныхъ и частныхъ музеяхъ козацкихъ древностей [4]). Мортира мѣдная представляетъ изъ себя мѣдную ступку длины 100, ширины 90 и отверстія 40 миллиметровъ; пушка мѣдная состоитъ изъ мѣднаго ствола длины пять, толщины четыре четверти, отверстія одной четверти, со шпилемъ съ глухой стороны, длины полторы четверти: пушка желѣзная состоитъ изъ желѣзной кованой трубы, скрѣпленной осьмью желѣзными кольцами и открытой съ обоихъ концовъ: къ одному изъ этихъ концовъ (откуда заряжаютъ) придѣланы желѣзныя скобы, въ которыя вкладывался желѣзный для зарядовъ ящикъ: длина трубы 640 миллиметровъ, длина самаго ящика 240 миллиметровъ, слѣдовательно длина всей пушки 880 миллиметровъ, ширина ящика съ верхняго конца 175, съ нижняго—110 миллиметровъ, внутренній діаметръ трубы 60 миллиметровъ, толщина стѣнокъ трубы по 20 миллиметровъ: пушка чугунная состоитъ изъ чугуннаго ствола съ хвостомъ и подставкою для прицѣла: длина ствола—640, длина хвоста—120 миллиметровъ, слѣдовательно для всей пушки—760 миллиметровъ, діаметръ при хвостѣ—160, при дулѣ—125 миллиметровъ; діаметръ самого дула—55 миллиметровъ.

---

[1]) По указанію генералъ-маіора Н. Е. Бранденбурга; по указанію проф. С. А. Бершадскаго, не ранѣе половины XVI столѣтія при Сигизмундѣ-Августѣ.
[2]) Акты южной и западной Россіи, XI, 13, 14.
[3]) Собраніе государственныхъ грамотъ. Москва, 1828, IV, 287.
[4]) Въ Екатеринославѣ у Поля, въ Одессѣ, въ общественномъ музеѣ.

Ружья или рушницы (правильнѣе: ручницы отъ слова «рука»), называющіяся иначе самопалами [1]), употреблялись запорожскими козаками всевозможныхъ видовъ: большинство изъ нихъ имѣли длинные стволы, оправленныя серебромъ съ насѣчками и чернью ложи, стрѣляли посредствомъ положеннаго на полку пороха и прилаженнаго къ полкѣ и курку кремня. Въ такомъ-же видѣ, только меньше размѣрами, съ «просторными» дулами, были и пистолеты, называвшіеся у запорожскихъ козаковъ пистолями; каждый козакъ имѣлъ при себѣ четыре пистолета и носилъ два изъ нихъ за поясомъ, а два въ кожаныхъ кобурахъ (съ татарскаго «кубур»— кожанный чахолъ), придѣланныхъ снаружи къ шароварамъ [2]). Ружьями, пистолетами да саблями запорожцы особенно любили щеголять и потому большое вниманіе обращали на нихъ, придавая имъ дорогую оправу и украшенія и всегда стараясь держать ихъ въ большой чистотѣ (отчего и сложилось выраженіе «ясная зброя»): «оружіе у нихъ все было убрано въ золото да въ серебро, на оружіе они все богатство свое покладали: то и не козакъ, коли у него скверное оружіе» [3]); только въ виду походовъ запорожцы смачивали ружья и пистолеты разсоломъ, чтобы дать имъ ржавчину и не заставлять «играть вражеское око на ясной зброѣ». Копья или списы и ратища (отъ слова «рать») были также въ большомъ употребленіи у запорожцевъ: «козакòви безъ рàтыща, якъ дìвчини безъ намыста». Изъ сохранившихся до нашего времени копій видно что всѣ они дѣлались изъ тонкаго и легкаго древка, въ пять аршинъ длины, окрашеннаго спирально красною и черною краскою и имѣющаго на верхнемъ концѣ желѣзный наконечникъ и на нижнемъ двѣ небольшія, одна ниже другой, дырочки для ременной петли, надѣваемой на ногу [4]). На нѣкоторыхъ древкахъ копіи дѣлалась еще желѣзная перепонка для того, чтобы проткнутый копьемъ врагъ сгоряча не просунулся по копью до самыхъ рукъ козака и не схватился-бы снова драться съ нимъ, ибо случалось, что иному животъ распорятъ, а у него и кровь не брызнетъ, онъ даже не замѣчаетъ того, продолжая попрежнему лѣзть въ драку.

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, IV, 60; XII, 635.

[2]) Такъ запорожцы изображены на войсковомъ знамени, хранящемся въ Эрмитажѣ, и на гравюрѣ Ригельмана «Изображеніе запорожскаго козака», N 55; Устное повѣствованіе Коржа, 1842, 29.

[3]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II, 24.

[4]) Такое копье добыто авторомъ у купца города Бериславля И. П. Шила, внука запорожца.

Нѣкоторыя копья дѣлались съ остріями на обоихъ концахъ, которыми можно было и сюда класть враговъ и туда класть. Часто у запорожцевъ копья служили во время переходовъ черезъ болота вмѣсто мостовъ: когда дойдутъ они до топкаго мѣста, то сейчасъ-же кладутъ одинъ за другимъ два ряда копій—въ каждомъ ряду копье и вдоль и поперекъ,—да по нимъ и переходятъ; когда пойдутъ чрезъ одинъ рядъ, то сейчасъ-же станутъ на другомъ, а первый снимутъ и изъ него помостятъ третій, да такъ и переберутся [1]).

Сабли употреблялись не особенно кривыя и не особенно длинныя, средней длины пять четвертей, но за то очень острыя: «какъ рубнетъ кого, то такъ надвое и разсѣчетъ,—одна половина головы сюда, а другая туда»; лезвія сабель вкладывались въ деревянныя обшитыя кожей или обложенныя металломъ пихвы (отъ слова «пихать») или ножны, украшенныя нерѣдко на концѣ рукоятки какимъ-нибудь вырѣзаннымъ изъ дерева звѣремъ или птицей: на самыхъ лезвіяхъ часто дѣлались золотыя насѣчки; сабли носились у лѣваго бока и привязывались посредствомъ двухъ колецъ, одного вверху, другого ниже средины, узенькимъ ремнемъ подъ поясъ [2]). Сабля столь необходима была для запорожскихъ козаковъ, что въ пѣсняхъ ихъ она называется всегда «шаблею-сестрицею, ненькою-ридненькою, панночкою молоденькою».

«Ой пàнночка нàша шаблюка!
Зъ басурмѐномъ зустривàлась,
Не разъ, не два цилувàлась».

Какъ истинный «лыцарь» запорожецъ саблю предпочиталъ всякому другому оружію, особенно пулѣ, и называлъ ее «чеснымъ оружіемъ»; ее и употреблять нужно было только противъ честныхъ воиновъ, а противъ такого, напримѣръ, «бусурманскаго народа», какъ татары, надобно было дѣйствовать «не саблями, а плетьми» [3]).

Келепа или боевые молотки, чеканы—ручное оружіе, состоявшее изъ деревянной, въ аршинъ длины, ручки съ желѣзнымъ молоткомъ, имѣвшимъ съ одной стороны тупой обушокъ, съ другой острый носъ; какъ боевое оружіе, келепа употреблялись у «воровскихъ» козаковъ Стеньки Разина, одновременно съ этимъ у турокъ XVII вѣка [4]).

---

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II, 25.
[2]) См. Лѣтопись Ригельмана. Москва, 1847, въ приложеніяхъ № 26.
[3]) Акты южной и западной Россіи, XII, 302.
[4]) Сказанія Сахарова, т. II, Путешествія, 216; А. Поповъ, Матеріалы для исторіи Разина, Москва, 1857, 24.

Якирьцы I, копья, стремена, люльки собранія А. Н. Поля.
Къ стр. 266—267.

и у запорожскихъ козаковъ: «Сегожъ де, государь, числа (3 сентября 1658 года) въ ночи пришли въ село Крупецъ изъ Глухова черкасы (т. е. черкасскіе козаки) пѣши и его—драгуна Ваську Кондратова—били и мучили: битъ онъ чеканомъ по головѣ и рука правая отшиблена» [1]). Въ народныхъ козацкихъ думахъ есть двустишіе, въ которомъ келепу приписывается значеніе боеваго оружія:

«А козàкъ козàчій звы̀чай знàе—
Кèлепомъ по ґèбрамъ торкàе».

Историкъ Зеделлеръ говоритъ, что келепа употреблялись запорожскими козаками для разбиванія непріятельскихъ доспѣховъ [2]). Коховскій полагаетъ, что келепа служили у запорожскихъ козаковъ лишь какъ вспомогательное орудіе и употреблялись въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ противъ татаръ, именно «когда воюющіе перемѣшивались въ рукопашномъ бою до такой степени, что опасно было стрѣлять, во избѣжаніе нанесенія вреда своимъ-же [3]).

Якирьци или рогульки, извѣстные еще подъ именемъ желѣзнаго или троицкаго чеснока [4]), также считались у запорожцевъ иногда принадлежностью вооруженія: якирьци похожи на четыре толстыхъ гвоздя, къ концу сильно заостренныхъ и въ центрѣ вмѣстѣ соединенныхъ; видимо якирьци дѣлались изъ продолговатаго куска желѣза, до самой средины расщепленнаго на три части и потомъ отдѣльно ручнымъ способомъ выкованнаго [5]): какъ боевое орудіе, они употреблялись въ древнее время у русскихъ [6]), поляковъ [7]) и затѣмъ несомнѣнно у татаръ и запорожскихъ козаковъ: назначеніе ихъ было ранить копыта лошадямъ, поэтому они разбрасывались запорожцами по степи въ виду движенія вражеской конницы, чтобы замедлить ходъ кавалеріи: какъ ни положить его, а все одинъ рожокъ якирьця будетъ торчать вверхъ и непремѣнно вонзится въ копыто лошади.

Стрѣлы видимо употреблялись запорожскими козаками въ очень раннюю пору ихъ историческаго существованія и были заимствованы

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, IV, 140.
[2]) Обозрѣніе исторіи военнаго искусства, Спб. 1843, II, 285.
[3]) Коховскій. Опытъ изученія войны Б. Хмельницкаго, Спб., 1862, 100.
[4]) Ими защищались монахи Тр.-Серг. лавры въ XVII в. противъ поляковъ.
[5]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 26.
[6]) Филаретъ. Описаніе харьковской епархіи, Москва и Рига, 1848, IV, 3.
[7]) Поповъ. Изборникъ хронографовъ, Москва, 132.

отъ татаръ и турокъ; извѣстный кошевой запорожскихъ и гетманъ малороссійскихъ козаковъ, Петръ Конашевичъ Сагайдачный (1605—1622) на старой гравюрѣ XVII вѣка представленъ верхомъ на конѣ съ булавой въ рукѣ, съ сагайдакомъ при боку и со стрѣлами въ немъ за спиной [1]); вице-адмиралъ Корнелій Крюйсъ въ 1699 году писалъ о запорожскихъ козакахъ, что они употребляли луки и стрѣлы, которыми очень мѣтко стрѣляли [2]). Наконецъ, у лѣтописца Самоила Величка приведенъ разсказъ, какъ запорожцы сопровождали Хмельницкаго изъ Сичи: за нимъ ѣхали конные охотники «мушкетеры» и «сайдакеры» [3]). Въ козацкихъ виршахъ, дошедшихъ до нашего времени на старыхъ лубочныхъ картинахъ съ изображеніемъ запорожскихъ гайдамакъ, говорится:

«Якъ натягну лукъ я, брязну тытывою,
То мусыть утикаты ханъ крымській зъ ордою».

Сагайдакъ съ татарскаго «сагайдакъ» или «саадакъ»—дикій козелъ или кожа съ дикаго козла для обшиванія лука и даже самый лукъ—употреблялся запорожскими козаками для той-же цѣли, какъ у татаръ, храненія въ немъ стрѣлъ, и носился посредствомъ ремня за плечами; сагайдаки добывались запорожскими козаками главнымъ образомъ у татаръ [4]).

Ко всему описанному вооруженію запорожскихъ козаковъ надо прибавить еще ятаганы, кинжалы, ножи и панцыри, которые также были въ употребленіи у запорожскихъ козаковъ, хотя и не составляли ихъ, такъ сказать, національнаго вооруженія, заносились изъ отдаленныхъ отъ запорожскихъ вольностей земель и странъ; изъ нихъ панцыри носились весьма немногими: наконецъ, къ вооруженію запорожскихъ козаковъ нужно отнести также рога, лядунки и череса. Рога для пороху употреблялись козаками въ болѣе древнія времена; оттого на войсковой печати, данной козакамъ еще Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, козакъ изображенъ съ мушкетомъ, ратищемъ и рогомъ за поясомъ. Въ болѣе позднія времена запорожцы стали носить готовые патроны въ такъ называемыхъ лядункахъ. Лядунки употреблялись запорожцами разныхъ родовъ и разныхъ видовъ: костяныя,

---

1) Ист. дѣятели юго-зап. Руси. Антоновича и Беца, Кіевъ, 1885, обложка.
2) Корнелій Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1854, октябрь, № 54, 68.
3) Самоилъ Величко. Лѣтопись презѣльной брани, Кіевъ, 1848, I, 53.
4) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 19.

металлическія, кожаныя, въ видѣ тыквъ, сердецъ, фляжекъ и т.п.; онѣ во множествѣ сохранились до нашего времени и наполняютъ собою частные музеи собирателей козацкихъ древностей; кромѣ того, запорожцы употребляли еще кожаные широкіе череса, которые они носили на груди, наполняя въ два или въ три ряда патронами съ пулями и порохомъ, подобно патронташамъ нашего времени [1]).

Запорожскіе козаки владѣли своимъ оружіемъ съ изумительнымъ искусствомъ, такъ что, по словамъ малороссійскаго лѣтописца, и «найлучшій польскій гусаринъ и рейтаринъ примѣренъ имъ быти не можетъ» [2]).

Соотвѣтственно вооруженію самого козака дѣлался «рондикъ», т. е. уборъ его боеваго коня: у богатаго запорожца на коня надѣвалась узда съ «байракомъ» или мундштукомъ и лакированными ременными поводами, чапракъ алаго цвѣта, по краямъ обшитый галунами, орчакъ [3]) или кульбака [4]), т. е. сѣдло на красномъ бархатѣ съ серебряными галунами, съ подвѣшанными по бокамъ его, на пряжкахъ, подтебеньками, т. е. кожаными полами или лопастями, иногда тиснеными и расписными [5]); спереди сѣдла привѣшивались два кабура для пистолетовъ, сзади навязывались ременные торока [6]) для привѣшиванія къ нимъ мѣшка, сумы или вьюка для вещей или какой-либо поклажи, самый вьюкъ покрывался краснымъ сафьяномъ. Иногда въ торока вязались и плѣнные враги, по примѣру татаръ; татары-же дѣлали это еще въ 1283 году: «начаша бесурмане вязати головы боярскія къ торокомъ, а руки вкладоша въ судно» [7]). Наконецъ для походной ѣзды необходимы были запорожскимъ козакамъ и плети, называемыя у нихъ то малахаями, то ногаями, и сохранившіяся до нашихъ временъ въ частныхъ собраніяхъ козацкихъ древностей [8]).

Въ общемъ о вооруженіи запорожскихъ козаковъ нужно сказать, что *все* низовое войско было вооружено огнестрѣльнымъ и холоднымъ ручнымъ оружіемъ: въ частности пѣхотный козакъ

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, стр. 29.
[2]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854 года, стр. 21.
[3]) Орчакъ—восточное слово, по-русски значитъ черкесское сѣдло.
[4]) Кульбака отъ татарскихъ словъ «кол»—рука и «баг»—завязка, ремень.
[5]) Отъ татарскаго «тебенекъ, тебенькй»—кожаныя лопасти.
[6]) Отъ татарскаго «терки», что значитъ на русскомъ языкѣ ремни.
[7]) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, С.-Петербургъ, 1872, 457.
[8]) Напримѣръ въ музеѣ А. Н. Поля, въ городѣ Екатеринославѣ.

имѣлъ мушкетъ, саблю и ратище, конный козакъ имѣлъ мушкетъ, саблю, ратище и четыре пистолета, изъ коихъ два носилъ за поясомъ, а два въ кабурѣ у передней луки сѣдла; порохъ и пули пѣшій носилъ въ чересѣ вокругъ пояса, конный—въ лядункѣ черезъ плечо; къ этому нужно прибавить кинжалы, ятаганы, ножи, топоры, стрѣлы и дротики, бывшіе въ употребленіи у тѣхъ и другихъ. Въ своемъ вооруженіи запорожскіе козаки превзошли даже западную Европу. «Вспомнимъ, замѣчаетъ на этотъ счетъ В. П. Коховскій, что въ описываемое время въ войскахъ европейскихъ ручное огнестрѣльное оружіе не было такъ распространено. Особенно примѣчательно на Запорожьѣ то, что тамъ «мушкетъ не исключалъ копья, которое замѣняло собой штыкъ, въ западной же Европѣ мушкетеры были отдѣлены отъ пикинеровъ, отчего происходило весьма важное неудобство въ бою, такъ какъ воинъ имѣлъ или одно оборонительное оружіе, или одно наступательное» [1]).

---

[1]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго. Спб., 1862, 99.

Запорожскіе войсковые клейноды.

Клейнодами или клейнотами, съ нѣмецкаго «Kleinod», польскаго «Kleinot» — драгоцѣнная вещь или драгоцѣнность, назывались у запорожскихъ козаковъ войсковые знаки, регаліи или аттрибуты власти, при которыхъ происходили у нихъ большія или малыя рады и которые употреблялись старшинами, сообразно должности каждаго изъ нихъ. Но что же именно разумѣлось подъ этими войсковыми знаками въ частности? На этотъ вопросъ прежде всего даетъ отвѣтъ малороссійскій лѣтописецъ Самоилъ Величко. Подъ 1648 годомъ, апрѣля 9 дня, у него сказано слѣдующее: «По якой елекціи (послѣ прибытія Богдана Хмельницкаго на Сичу Никитинскую и объясненія его съ запорожцами), заразъ отъ кошеваго посланъ до скарбницѣ войсковой писарь сѣчовій, зъ нѣсколькома атаманами курѣнними и инимъ значнимъ товариствомъ, взявши тамъ и принесши въ раду клейноти войсковіи, тіи пре́то посланніи въ скарбницѣ бывши и клейноти приказанніе взявши, вскорѣ принесли до рады и вручили ихъ заразъ Хмельницкому. Клейноти зась именно были тіи: короговъ королевская, златописанная, барзо красная; бунчукъ, тожъ велце модній, зъ позлоцѣстою галкою и древцемъ, булава срѣбная позлоцѣстая, зѣло майстерно здѣланная и каменіемъ честнимъ украшенная; печать сребная войсковая и котли новіи мѣдніи великіе зъ добошемъ; къ тому тежъ и три штуки арматъ полевыхъ легкихъ, зъ достаткомъ пороху до нихъ и куль (т. е. пуль), зъ арматами и пушкарами» [1]. Затѣмъ въ грамотѣ о запорожскихъ клейнодахъ, данной императрицей Екатериной II запорожскимъ козакамъ, въ 1763 году, февраля 6 дня, мы читаемъ: «Имяннымъ нашимъ указомъ сего 1763 года, февраля 6 дня, повелѣно взнакъ квойску запорожскому нашего императорскаго благоволенія и высочайшей милости тому войску по-прошенію ихъ дать войсковые клейноты, яко-то: булаву, знамя,

[1]) Лѣтопись Самоила Величко. Кіевъ. 1848. I, 51.

бунчукъ, печать, перначъ, литавры, значки и трости» [1]). Такимъ образомъ здѣсь прибавлены три новые знака: перначъ, значки и трости, зато не названы арматы или пушки. Къ этому слѣдуетъ добавить еще то, что спеціальный историкъ запорожскихъ козаковъ, князь Семенъ Ивановичъ Мышецкій, находившійся въ Сичи съ 1736 по 1740 годъ, принадлежностью кошеваго считаетъ не булаву, а палицу, «въ которой кошеваго вся честь состоитъ» [2]). Такъ-же изображенъ кошевой атаманъ и въ лѣтописи Ригельмана, въ ея приложеніяхъ къ четвертой части [3]).

Впервые клейноды пожалованы были войску запорожскому еще польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, какъ знаки на независимое состояніе низовыхъ козаковъ отъ польскаго правительства. «Въ лѣто 1576 за Стефана Баторія короля польскаго козаки въ лучшій еще строй учинени... Видя у козаковъ мужество великое и зъ татари на бранехъ, постави имъ гетмана и присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву и на печати гербъ рицерь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, арматъ и всякихъ военнихъ припасовъ» [4]). Затѣмъ клейнодами жаловали запорожцевъ и русскіе цари: въ 1708 году Петръ I, въ 1734 году Анна Ивановна и въ 1763 году Екатерина II.

Булавой назывался серебряный позлащенный, иногда унизанный драгоцѣнными камнями шаръ, надѣтый на металлическую или деревянную изъ орѣха палку, гладко выструганную, окрашенную въ темную краску и имѣющую до трехъ съ половиной четвертей длины [5]). Теперь дознано, что употребленіе булавы извѣстно было уже въ самыя отдаленныя отъ насъ времена, въ концѣ неолитической эпохи и въ началѣ бронзоваго вѣка: современники троянской войны уже знали ихъ, потому что онѣ находились при раскопкахъ Трои; жители Кавказа, Сибири, Финляндіи, Западнаго края знали ихъ задолго до Р. Х.; затѣмъ послѣ Р. Х. употребленіе булавы сдѣлалось извѣстнымъ татарамъ, че-

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 183.

[2]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 37.

[3]) Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Москва, 1847.

[4]) Лѣтопись событій Григорія Грабянки, Кіевъ, 1854, 21.

[5]) Яковъ Собѣскій въ своемъ сочиненіи «Три книги о хотинской войнѣ» говоритъ, что атаманская булава дѣлалась изъ тростника. Разумѣется, это возможно было или тогда, когда запорожцы простоту считали выше всякаго богатства и блеска, или, въ крайнихъ случаяхъ, во время войны.

Паланочныя печати по Скальковскому.—Къ стр. 272—273.

резъ татаръ полякамъ, а черезъ поляковъ — и запорожскимъ козакамъ [1]). Знаменемъ, хоругвью или корогвою и прапоромъ назывался шелковый ярко-краснаго цвѣта платокъ съ изображеніемъ на немъ въ срединѣ или бѣлаго польскаго орла, когда запорожцы были за польскимъ королемъ, или двуглаваго русскаго орла, когда запорожцы перешли къ московскому царю, а по бокамъ—Спасителя и архангела Михаила. Бунчукомъ называлась простая, окрашенная въ черную краску палка, длины четыре съ половиной аршина, на верхній конецъ которой набивался мѣдный шаръ, а подъ самый шаръ вкладывались волосы изъ конскаго хвоста съ четырьмя или шестью косами поверхъ волосъ. Печать войсковая—круглой формы, сдѣлана изъ серебра съ изображеніемъ козака въ остроконечной шапкѣ на головѣ, въ кафтанѣ съ пуговицами по груди, съ саблей и пороховницей при боку, съ ружьемъ черезъ лѣвое плечо, съ копьемъ «стоящимъ предъ рицеромъ, воина бодрствующаго знаменующимъ», и съ надписью по краямъ съ лицевой стороны: «Печать славного воіска запорозкого нізового», или «Печать войска ея імператорскаго величества запорожскаго низового». Печати паланочныя или куренныя—серебряныя круглыя или четыреугольныя съ изображеніями львовъ, оленей, коней, луны, звѣздъ, коронъ, копій, сабель и луковъ. Перначъ, иначе шестоперъ или жезлъ—таже булава, только меньшихъ размѣровъ, съ серебрянымъ или желѣзнымъ шаромъ на верхнемъ концѣ палки, съ вертикальными вырѣзками вдоль шара, или-же съ особыми, въ видѣ желѣзковъ отъ копій, возвышеніями, насаженными поперекъ шара, иногда съ шестью перьями надъ шаромъ. Перначи, какъ и булавы, употреблялись также въ очень древнія времена: желѣзные и бронзовые перначи извѣстны были осетинамъ и сванетамъ до Р. Х. отъ V до VII вѣка; особенно много ихъ было въ Сванетіи, которая можетъ считаться родиной перначей; затѣмъ они встрѣчались у татаръ и другихъ азіатскихъ народовъ, какъ знакъ начальственной власти; по-татарски «буздыханъ» или «буздычанъ»—воеводскій жезлъ, у котораго яблоко набито было острыми гвоздями и который вмѣстѣ означалъ и булаву и перначъ [2]). Литаврами назывались сперва желѣзные, а потомъ серебряные котлы съ натянутою на нихъ кожею и съ деревянными палочками для удара по

[1]) Труды московскаго археологическаго общества, 1885, X, 1—7.

[2]) Труды московскаго археологическаго общества, 1885, X, 1—7.

кожѣ и извлеченія изъ нея звука. Значки—знамена куреней или сотенъ. Трости—обыкновенныя палки, толстыя, гладко выструганныя, выкрашенныя подъ орѣхъ, съ обоихъ концовъ оправленныя серебромъ и съ тупымъ желѣзкомъ на концѣ. Арматы, или пушки и мортиры — мѣдныя, желѣзныя, окованныя обручами, небольшихъ размѣровъ, большею частью польскаго, русскаго и турецкаго издѣлія.

Каждый изъ клейнодовъ составлялъ принадлежность только извѣстнаго лица изъ запорожской старшины. Булава давалась кошевому, она держалась имъ въ правой рукѣ во время войсковыхъ радъ, отсюда сложилась малороссійская пословица: «до головы̀ трѐба булавы̀»; знамя или хоругвь жаловалась всему войску, но носилась хорунжимъ; бунчукъ—кошевому, но носился бунчужнымъ или бунчуковымъ товарищемъ, державшимъ его во время походовъ надъ головою атамана, чтобы давать знать сражавшимся козакамъ, куда ведетъ ихъ предводитель; войсковая печать — войсковому судьѣ; куренная или паланочная печать—куренному атаману или паланочному полковнику; перначъ или жезлъ—полковнику, который носилъ его у себя за поясомъ и иногда вручалъ его проѣзжавшему черезъ запорожскія степи путнику для полной его безопасности въ пути; литавры — всему войску запорожскому, но въ особое вѣдѣніе довбыша или политаврщика; значки для всѣхъ тридцати осьми запорожскихъ куреней, но въ вѣдѣніи значковыхъ товарищей; трости—войсковому асаулу; арматы—всему войску, но въ вѣдѣніе войсковаго пушкаря. Всѣ эти клейноды, исключая «палокъ до литавръ» и войсковыхъ арматъ, хранились запорожцами или въ сичевой покровской церкви, или въ войсковой скарбницѣ, откуда выносились только по особому приказу кошевого атамана въ виду общей или частной рады; литаврныя палки находились всегда въ куренѣ войсковаго довбыша, а всѣ арматы—въ артиллерійскомъ цейхаузѣ или сичевой пушкарнѣ, на рукахъ особаго старшины, пушкаря.

Запорожскіе войсковые клейноды въ отдѣльности, по частямъ, можно видѣть прежде всего въ частныхъ музеяхъ нашихъ южно-русскихъ собирателей древностей, какъ напримѣръ: въ Екатеринославѣ А. Н. Поля; въ Котовкѣ, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда, Г. П. Алексѣева; въ Качановкѣ, черниговской губерніи, борзенскаго уѣзда, В. В. Тарновскаго; затѣмъ можно видѣть ихъ въ одесскомъ музеѣ исторіи и древностей, въ музеѣ московской оружейной палаты, въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ въ

Петербургѣ и въ собраніи с.-петербургскаго императорскаго Эрмитажа.

Музеи частныхъ лицъ еще ждутъ своего описанія: музеи одесскій и московскій уже описаны: въ числѣ прочихъ древностей описаны и запорожскіе клейноды, но древности преображенскаго собора и императорскаго Эрмитажа далеко не всѣ приведены въ извѣстность. Такъ, между прочимъ, неизвѣстны и находящіеся въ нихъ запорожскіе войсковые знаки.

Въ преображенскомъ всей гвардіи соборѣ [1]), надъ боковыми дверями, съ правой стороны, размѣщены, по рисунку архитектора Стасова, слѣдующіе запорожскіе войсковые знаки: двадцать куренныхъ знаменъ, на простыхъ деревянныхъ древкахъ: три бунчука, длиною каждый четыре съ половиной аршина: одна серебряная булава, три съ половиной четверти длиною; одинъ серебряный позлащенный жезлъ, три четверти аршина длины. Внизу подъ каждымъ изъ этихъ знаковъ сдѣлана на табличкѣ соотвѣтствующая надпись: «Бунчукъ запорожской Сѣчи и знамена»: «Булава запорожской Сѣчи»: «Жезлъ запорожской Сѣчи». Кромѣ клейнодовъ, въ томъ-же преображенскомъ соборѣ находятся еще восемь запорожскихъ паникадилъ, риза съ епитрахилемъ, шитая золотомъ и серебромъ, серебряная позлащенная кадильница, серебряный позлащенный напрестольный крестъ и одно евангеліе, въ великолѣпной серебряной позлащенной оправѣ, печатанное въ Москвѣ, въ 1825 году. Всѣ эти вещи перешли въ преображенскій соборъ въ 1829 году при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, во время войны русскихъ съ турками. Онѣ принадлежали запорожцамъ, жившимъ на Дунавцѣ, подъ верховенствомъ турокъ, послѣ разоренія послѣдней Сичи императрицею Екатериною II въ предѣлахъ Россіи. Въ происшедшую между русскими и турками войну (1828—1829) нѣкоторая часть запорожцевъ, съ кошевымъ атаманомъ Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ во главѣ, перешла на сторону русскаго царя и вывезла съ собой значительную часть своего сичеваго добра, а въ томъ числѣ, очевидно, и находящіеся въ преображенскомъ соборѣ названные клейноды и церковныя вещи.

Въ императорскомъ Эрмитажѣ находятся семнадцать запорожскихъ значковъ и одно войсковое знамя, хоругвь или корогва. Это знамя сдѣлано изъ шелковой ярко-красной матеріи и имѣетъ въ

[1]) На Спасской улицѣ, близь Литейнаго проспекта.

длину три аршина и четыре вершка, а въ ширину два аршина и четыре съ половиной вершка. Съ лицевой стороны на немъ сдѣланы изображенія: въ срединѣ большаго двуглаваго орла со звѣздами надъ нимъ и вокругъ него съ правой стороны—Спасителя, благословляющаго козаковъ на брань, съ семнадцатью звѣздами кругомъ него, съ лѣвой стороны—архангела Михаила съ огненнымъ мечомъ въ правой рукѣ. По краямъ знамени сдѣлана золотыми буквами по церковно-славянски надпись: «Сіе знамя въ войско ея императорскаго величества запорожское низовое здѣлано коштомъ пѣхоты воюющей тогожъ войска по черном морю такожъ по рѣкам днепру и дунаю». Ниже двуглаваго орла, Спасителя и архангела Михаила изображено большое военное судно или такъ называемый трехъмачтовый, двухъ-дечный корабль, съ каютными люминаторами, двухъ-ярусной рубкой, 14 большими и 6 малыми люками для морскихъ пушекъ, низкой кормой, военнымъ флагомъ, якорнымъ значкомъ, тремя высокими мачтами для трехъ парусовъ, двумя веревочными лѣстницами и тремя развѣвающимися флагами на каждой изъ мачтъ.

Характеристика запорожскаго козака.

И по внѣшнему виду, и по внутреннимъ качествамъ запорожскіе козаки въ общемъ представляли собой характернѣйшіе типы своей народности и своего времени. По описанію современниковъ, они были большею частію роста средняго, плечисты, статны, крѣпки, сильны, на видъ полнолицы, округлы и отъ лѣтняго зноя и степной жары смугловаты [1]. Съ длинными усами на верхней губѣ, съ роскошнымъ оселедцемъ на темени, въ барашковой остроконечной шапкѣ на головѣ, вѣчно съ люлькой въ зубахъ, истый запорожецъ всегда смотрѣлъ какъ-то хмуро, внизъ изъ-подлобья, постороннихъ встрѣчалъ на первыхъ порахъ непривѣтливо, отвѣчалъ на вопросы весьма неохотно, но затѣмъ мало-по-малу смягчался, лицо его постепенно во время разговора принимало веселый видъ, живые проницательные глаза загорались блескомъ огня и вся фигура его дышала мужествомъ, удальствомъ, заразительною веселостью и неподражаемымъ юморомъ. «Запорожецъ не зналъ ни «цобъ», ни «цабе», оттого былъ здоровъ, свободенъ отъ болѣзней, умиралъ больше на войнѣ, чѣмъ дома. «Теперь народъ слабый, порожній и недолговѣчный: какъ девяносто лѣтъ прожилъ, такъ подъ собой и дорожки не видитъ, а въ старину въ сто лѣтъ только въ силу вобрался; оттого запорожцы жили и долго и весело. А молодцы какіе были! Онъ сѣлъ на коня — не струснувсь, не здвигнувсь! Тронулъ ногами — и пошелъ и пошелъ! Только пыль столбомъ» [2].

Во внутреннихъ качествахъ запорожскаго козака замѣчалась смѣсь добродѣтелей и пороковъ, всегда, впрочемъ, свойственная

---

[1]) Корнелій Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1824, № 54, 61.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 29.

людямъ, считающимъ войну главнымъ занятіемъ и главнымъ ремесломъ своей жизни: жестокіе, дикіе, вѣроломные и безпощадные въ отношеніи своихъ враговъ, запорожскіе козаки были добрыми друзьями, вѣрными товарищами, истинными братьями въ отношеніяхъ другъ къ другу, надежными сосѣдями къ своимъ соратникамъ, украинскимъ и донскимъ козакамъ: хищные, кровожадные, невоздержные на руку, попирающіе всякія права чужой собственности на землѣ ненавистнаго имъ ляха или презрѣннаго бусурманина, запорожскіе козаки считали у себя даже простое воровство какой-нибудь плети или пута страшнымъ уголовнымъ преступленіемъ, влекшимъ за собою неминуемо смертную казнь [1]).

Свѣтлую сторону характера запорожскихъ козаковъ составляли— ихъ благодушіе, нестяжательность, щедрость, безкорыстіе, склонность къ искренней дружбѣ, настолько высоко цѣнимой въ Запорожьѣ, что по козацкимъ правиламъ, грѣхомъ считалось обмануть даже чорта, если онъ попадалъ сѣчовикамъ въ товарищи; кромѣ того, свѣтлыми чертами характера запорожскихъ козаковъ были—высокая любовь къ личной свободѣ, по которой они предпочитали лютую смерть позорному рабству [2]); глубокое уваженіе къ старымъ и заслуженнымъ воинамъ и вообще ко всѣмъ «военнымъ степенямъ» [3]); простота, умѣренность и изобрѣтательность въ домашнемъ быту, при нуждѣ, въ разныхъ безвыходныхъ случаяхъ или физическихъ недугахъ: «Добывая скудную пищу то охотой, то рыболовствомъ, удаленные отъ сношенія съ городами, незнакомые или вовсе или мало съ домашнимъ хозяйствомъ, чуждые невоздержанія и роскоши, они ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ оружія, и представляли изъ себя рѣдкій примѣръ во всемъ умѣренности» [4]). Такъ, отъ лихорадки они пили водку съ золой или ружейнымъ порохомъ, полагая на чарку пѣннаго вина ползаряда пороха; отъ ранъ прикладывали къ больнымъ мѣстамъ растертую со слюной на рукѣ землю, а при отсутствіи металлической посуды ухитрялись варить себѣ пищу въ деревянныхъ ковшахъ, подбрасывая безпрерывно, одинъ за другимъ въ ковшъ, накаленные на огнѣ камни, пока не закипала налитая въ посудѣ вода [5]).

---

[1]) Григорій Грабянка. Лѣтопись презѣльн. брани, Кіевъ. 1854, 19.
[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ 1832, 7.
[3]) Собѣсскій. Записки о хотинской войнѣ: Черн. губ. вѣд., 1849.
[4]) Собѣсскій. Записки о хотинской войнѣ: Черн. губ. вѣд., 1849.
[5]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 82.

Въ отношеніи къ захожимъ людямъ запорожскіе козаки всегда были гостепріимны и страннолюбивы: «Сей обычай былъ у запорожцевъ не только къ пріятелямъ и знакомымъ, но и къ посторонимъ людямъ, и наблюдали сію страннолюбія добродѣтель строго и неупустительно» [1]. «Въ Запорожьѣ всякій желающій явиться въ курень можетъ жить и ѣсть съ ними безъ всякихъ разспросовъ или благодарности за гостепріимство» [2]. «Тамъ никто, бывало, не смѣетъ сказать старому человѣку: «ты даромъ хлѣбъ ѣшь». Пріѣзжай туда всякъ, воткни въ землю копье, повѣсь янчарку (саблю) и лежи себѣ хоть три мѣсяца,—пей и ѣшь все готовое. Только и дѣла, что встань да помолись Богу: а когда есть деньги, ступай въ корчму пить водку. Если-же кто скажетъ: «даромъ хлѣбъ ѣшь», то козаки тотъ часъ и накинутся: «а, ты, ты уже закозаковался, сякой-такой сынъ!» «Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда невдалекѣ были запорожскіе рыбные заводы. Бывало, какъ придешь на заводъ, то запорожцы не спрашиваютъ, что ты за человѣкъ, а тотъ часъ: «дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте: можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ». А когда поѣшь, то еще ложись отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: «Кто ты таковъ? не ищешь-ли работы?» Ну, скажешь имъ: «ищу». «Такъ и у насъ есть работа, приставай къ намъ». Пристанешь, бывало, на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцать заработаешь» [3].

Наравнѣ съ гостепріимствомъ и страннолюбіемъ запорожскіе козаки ставили личную честность въ отношеніи враговъ православной вѣры какъ на войнѣ, такъ и у себя на Запорожьѣ. «Хотя въ Сѣчи, говоритъ на этотъ счетъ католическій патеръ Китовичъ, жили люди всякаго рода—бѣглые и отступники отъ всѣхъ вѣръ — однако тамъ царствовали такая честность и такая безопасность, что пріѣзжавшіе съ товарами или за товарами или по другимъ какимъ дѣламъ люди, не боялись и волоска потерять съ головы своей. Можно было на улицѣ оставить свои деньги, не опасаясь, чтобы онѣ были похищены. Всякое преступленіе противъ чьей-либо честности, гостя или сѣчевого жителя, немедленно наказывалось смертью» [4].

---

1) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, 1842, 32.

2) Англичанинъ Рондо, Кіевская Старина, 1889, № 11, 445.

3) Кулишъ. Записки о Южной Руси, Спб., 1856, 1, 151, 111.

4) Opis obyczajow i zwyczajow, Posnan, 1840, II, 214.

«У насъ надъ усѐ честь и слава, войськовая справа,—
Шобъ и себѐ на смихъ не дати, и ворогйвъ пидъ ногы топтаты».

На войнѣ козакъ отличался умомъ, хитростью, умѣньемъ у непріятеля «выиграть выгоды, скоропостижно на него напасть и нечаянно заманить» [1]), изумлялъ врага большою отвагою, удивительнымъ терпѣніемъ и способностію переносить крайнія лишенія и ужасы смерти: «Нашъ врагъ, пишетъ Симонъ Окольскій, умѣетъ выдерживать татарскія атаки, привыкъ переносить жажду и голодъ, зной и стужу, онъ неутомимъ въ нападеніяхъ. А на морѣ что дѣлаетъ? Посреди волнъ легкими чайками своими нападаетъ на суда, искусныя въ чужеземныхъ оборотахъ, и побѣждаетъ всѣ ихъ военныя хитрости» [2]). О храбрости запорожскихъ козаковъ турецкій султанъ выразился: «Когда окрестныя панства на мя возстаютъ, я на обидвѣ уши сплю, а о козакахъ мушу единымъ ухомъ слушати» [3]). А самъ лѣтописецъ козацкій на этотъ счетъ замѣчаетъ: «Въ мирѣ жити никогда не хоцутъ, но егда въ землѣ ихъ миръ оглашенъ будетъ, то самовольно идутъ на помощь инимъ царствамъ, и малія ради користи великую нужду подіймуть, море переплывати дерзаютъ въ еднодревскихъ суднахъ» [4]). «Они вояки великіе были. Бывало, отецъ мой какъ начнетъ разсказывать про ту удаль запорожцевъ да про баталіи ихъ съ турками, татарами или поляками, такъ страшно слушать его. Вотъ это въ лѣтнее время, вечеромъ, какъ станетъ прудиться около кабыцы да какъ скинетъ съ себя сорочку, такъ жутко смотрѣть на него: все тѣло, точно рѣшето, пошматовано да побито пулями, а на плечахъ и на ногахъ такъ мякоть и мотается. Страшные вояки были! А только у себя, на Сичи, никого не трогали, исключая однихъ жидовъ: жидамъ иногда таки плохо приходилось отъ запорожцевъ. Если только услышатъ, что жиды гдѣ-нибудь пропикодили, то уже бережись, а иначе какъ «нагрюкаютъ» котораго-нибудь, то тутъ ему «й капець!» У запорожцевъ такая и поговорка на этотъ счетъ сложилась: «А, нумо, паны-молодцы, кукиль зъ пшеницы выбырать!» [5]).

[1]) Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1824, № 54, X, 61.
[2]) Отечественныя Записки, С.-Петербургъ, 1864, X, 331.
[3]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.
[4]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.
[5]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, II, 12.

Запорожскій корабль со знамени въ Эрмитажѣ.
Къ стр. 276—277.

Для того, чтобы напугать или устрашить врага, запорожцы нерѣдко сами распускали о своей силѣ и непобѣдимости невѣроятные разсказы и заставляли вѣрить въ то другихъ. Говорили, напримѣръ, что между ними всегда были такъ называемые «характѐрники», которыхъ ни огонь, ни вода, ни сабля, ни обыкновенная пуля, кромѣ серебряной, не брали. Такіе «характѐрники» могли отпирать безъ ключей замки, плавать въ лодкахъ по полу, какъ по морскимъ волнамъ, перебираться черезъ рѣки на суконныхъ войлокахъ или рогожевыхъ циновкахъ, брать въ голыя руки каленыя ядра, видѣть за нѣсколько верстъ вокругъ себя посредствомъ особыхъ «верцаделъ», жить на днѣ рѣкъ, влазить и вылазить изъ туго завязанныхъ и даже зашитыхъ мѣшковъ, «перекидаться» въ котовъ, превращать людей въ кусты, всадниковъ въ птицъ, влазить въ обыкновенное ведро и плыть въ немъ подъ водою сотни, тысячи верстъ [1]). Много говорили запорожцы и о силѣ своихъ богатырей. Богатыри у нихъ были такіе, какимъ равныхъ нигдѣ не было. Они толстѣйшія желѣзныя полосы, какъ снопы въ полѣ вяжутъ, вокругъ шеи ляховъ скручивали; они страшно тугіе луки, надъ которыми въ Польшѣ нѣсколько человѣкъ напрасно силились, играючи натягивали. У нихъ въ Сичи между другими богатырями жилъ Васюринскій козарлюга; то былъ такой силачъ, что когда онъ причащался, то 4 человѣка поддерживали священника, чтобы онъ не упалъ отъ одного духу богатыря, потому что онъ только дохнетъ, и отъ того дыханія человѣкъ съ ногъ упадетъ. А когда разоряли Сичу, такъ тамъ былъ такой силачъ, который однимъ дыханіемъ могъ-бы убить человѣка. Какъ подошелъ онъ къ причастію, не затаивъ дыханія, то священникъ едва съ причастіемъ не упалъ навзничь. «Кто ты таковъ, старче?»—«Что-же, батюшка, я такой-то». «Изыди же изъ сего града, а то узнаютъ о тебѣ, то погибнешь» [2]).

На войнѣ запорожцы мало дорожили жизнью и умирали въ бояхъ, какъ истые рыцари: «Умѝлы шàрпаты, умѝлы и вмѐрты не скыгляче». «Отъ козàли, будьто воно болячѐ, якъ кожу зъ живòго здирàють, а вонò мовъ комашкѝ кусають».

По врожденнымъ качествамъ, присущимъ истому малороссу,

---

[1]) Эварницкій. Запорожье, II, 153; Коржъ. Устное повѣствованіе, 22, 23; Кулишъ. Записки о Юж. Руси, I, 79.

[2]) Кулишъ. Записки о Южной Руси, С.-Петербургъ, 1856, I, 141, 167.

запорожцы отличались умѣньемъ мастерски разсказывать, умѣли подмѣчать смѣшныя стороны у другихъ и передавать ихъ въ шутливомъ, но ни для кого не обидномъ, тонѣ. «Обычаи у запорожцевъ чудны, поступки хитры, а рѣчи и вымыслы остры и большею частію на насмѣшку похожи» [1]). Этой чертой характера запорожскихъ козаковъ отчасти объясняются и тѣ странныя прозвища, которыя они давали приходившимъ въ Сичу новичкамъ: Гнида, Пивторикожуха, Непийпиво, Нежмакъ, Лупыносъ, Загубыколесо, Задерыхвистъ, Держихвистъ-Пистолемъ и т. п. Человѣка малаго роста они, по свойству своего юмора, называли Махиной, человѣка большого роста — Малютой, шибенника — Святошею, лѣниваго—Доброволею, неуклюжаго—Черепахою: кто у нихъ сжегъ курень, тотъ Палій: кто схожъ съ лепешкою, тотъ Коржъ: кто высокъ, прямо держится, тотъ Толкачъ и т. п. [2]). «Они всѣхъ поднимаютъ на смѣхъ: Украйна у нихъ не Украйна, а Польша; люди тамъ не люди, а недолюдки, мажутся тамъ не святымъ муромъ, а гусинымъ жиромъ [3]).

Въ свободное отъ походовъ время запорожскіе козаки любили, лежа на животахъ, побалагурить, послушать разсказы другихъ, держа при этомъ въ зубахъ коротенькія люлечки, такъ называемыя «носогрійки» или люльки-буруньки [4]), и попыхивая изъ нихъ дымкомъ. Люлька для козака первое дѣло: запорожецъ принесетъ на Великъ-день паску изъ церкви, поставитъ ее на столъ, а самъ скорѣй за трубку: «А, ну-те, сынкы̀, бери̇тця за люлькы̀, нехаи̇ пàска постòе, а поросяты катъ не ви̇зьме», шутливо говорятъ о запорожскихъ козакахъ ихъ потомки; люлька для запорожца — родная сестра, дорогая подруга его: онъ какъ сѣлъ на коня, заразъ-же запалилъ люльку да такъ верстъ шесть, а то и больше все смалитъ и смалитъ и изо рта ее не выпускаетъ: у запорожцевъ кромѣ того, что каждый козакъ имѣлъ у себя люльку, а то была еще «обчиськà» люлька, очень большихъ размѣровъ, обсаженная монистами, дорогими камнями, разными бляхами, иногда исписанная надписями, въ родѣ «козацька-люлька—добра думка»: изъ такой

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 26.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 34—36.

[3]) Кулишъ, Записки о Южной Руси, С.-Петербургъ, 1856, I, 161.

[4]) «Бурунька» отъ татарскаго слова «бурунъ», что значитъ «носъ».

люльки потягивало цѣлое общество или собраніе, когда обдумывало какое-нибудь предпріятіе или замышляло противъ кого-нибудь походъ [1]). Люльки, однако, не исключали и употребленія нюхательныхъ рожковъ: нюхари были преимущественно старые дѣды, которые, избѣгая слишкомъ большой затраты времени около люльки, предпочитали ей рожокъ съ табакомъ: «Пòкы іи налòжишъ, пòкы іи запàлышъ, пòкы іи накрѐшишъ та пòкы іи насмòкчишься, еры-тычои душѝ, а тò смыкъ-дёргъ! утèръ нòса тай готòвъ!..» А нѣкоторые употребляли и то и другое: «Люлька душу услаждàе, а рижокъ мòзокъ прочищàе».

Будучи въ душѣ поэтами и мечтателями, запорожцы всегда выбирали самыя живописныя и красивыя мѣста для своихъ временныхъ и вѣчныхъ жилищъ, влѣзали на высокія скалы, уединялись въ лѣсныя пущи, поднимались на большіе курганы и съ высоты птичьяго полета любовались ландшафтами и предавались тихимъ думамъ и возвышеннымъ размышленіямъ. Будучи высокими цѣнителями пѣсенъ, думъ и родной музыки, запорожцы любили послушать своихъ баяновъ, слѣпцовъ-кобзарей, нерѣдко сами складывали пѣсни и думы и сами брались за кобзы. Кобзарь, тотъ-же труверъ, мейстерзингеръ, слѣпчакъ-пьевакъ, всегда былъ желаннымъ гостемъ у нихъ, потому что онъ «всюды вèштаетця и дòлю спивàе»: кобзарь—хранитель завѣтныхъ запорожскихъ преданій, живописатель «лыцарскихъ подвиговъ», иногда первый лѣкарь больныхъ и раненыхъ, иногда освободитель невольниковъ изъ плѣна, иногда поджигатель къ военнымъ походамъ и славнымъ подвигамъ низовыхъ молодцовъ. Кобза, т. е. извѣстный музыкальный инструментъ [2]), кругленькій, пузатенькій, около полутора аршинъ длины, съ кружечкомъ по срединѣ, со множествомъ металлическихъ струнъ, съ дорогою ручкою, украшенною перламутромъ, по понятію козаковъ, выдумана самимъ Богомъ и святыми людьми [3]). Для одинокаго запорожца, часто скитавшагося по безлюднымъ степямъ, не имѣвшаго возможности въ теченіи многихъ дней ни до кого промолвить слова, кобза была истинною подругою, дружиною вѣрною, которой онъ повѣрялъ свои думы, на которой разгонялъ свою тугу.

---

[1]) Эварницкій. Запорожье, Санктъ-Петербургъ 1888, II, 14; I, 59.

[2]) Отъ татарскаго слова «кабызъ», т. е. музыкальный инструментъ.

[3]) Эварницкій. Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, II, 15.

«Стру̀ны мои̂ золотіи, заграйте мнѝ зтыха,
Нехай коза̀къ нетя̀жыще позабу̀де лыхо».

Какъ дорога была кобза для запорожскаго козака, видно изъ тоі̂ козацкоі̂ думы, гдѣ запорожецъ, умирая одинъ въ дикой степи отъ «безвиддя и безхлибья», въ самыя послѣднія минуты своей жизни обращается къ кобзѣ и называетъ ее «дружиною вирною, бандурою малёванною» и въ страшномъ горѣ спрашиваетъ ее:

«А дежъ мини тебѐ дѝты?
А чи у чѝстому пòли испалы̀ты?
И попилèць по вѝтру пусты̀ты?
А чи на могы̀ли положы̀ти?»

Темными сторонами характера запорожскихъ козаковъ было то, что многіе изъ нихъ любили прихвастнуть своими военными подвигами, любили пустить пыль въ глаза, шикнуть передъ чужими, щегольнуть своимъ нарядомъ, убранствомъ и оружіемъ [1]); кромѣ того запорожцы зачастую отличались легкомысліемъ и непостоянствомъ, хотя сами себя всегда въ письмахъ и посланіяхъ называли «вѣрнымъ войскомъ его королевскаго или царскаго величества»; на этотъ счетъ объ нихъ можно сказать: «гульливы, какъ волна, непостоянны, какъ молва». Еще больше того запорожцы отличались своею безпечностью и лѣнью; недаромъ на этотъ счетъ они сложили сами о себѣ виршу:

«Се коза̀къ запорòжецъ, не объ чимъ не ту̀же:
Якъ люлька е й тютюнèць, то ёму̀ й байдуже,
Винъ те тѝлько й знае—
Колы̀ не пье, такъ воши бье, а всежъ не гуля̀е!»

Характернымъ недостаткомъ запорожскихъ козаковъ была также ихъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ: «Въ пьянствѣ и бражничествѣ, говоритъ очевидецъ, они старались превзойти другъ друга, и едва-ли найдутся во всей христіанской Европѣ такія беззаботныя головы, какъ козацкія. Нѣтъ въ свѣтѣ народа, который могъ бы сравниться въ пьянствѣ съ козаками: не успѣютъ проспаться и вновь уже напиваются» [2]). Сами о себѣ на этотъ счетъ запорожцы говаривали: «У насъ въ Сичи нòровъ — хто отче-нашъ знае, той въ ра̀ньци вставъ, умыется тай ча̀рки шука̀е».

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 8.
[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 5, 7.

«Ой, Сичъ-мàте, ой Сичъ-мàте,
А въ тій Сичи дòбре житы:
Ой, тùлькы спàты, спàты та лежàти,
Та горùлочку кружàти».

Оттого въ думахъ козацкихъ всякая корчма называется «княгиней». а въ той княгинѣ много козацкаго добра загыне, и сама она неошатно ходитъ и козаковъ подъ случай безъ свитòкъ водитъ». Настоящій запорожецъ не спроста пилъ горилку, а съ разными прибаутками да съ присказками, въ родѣ: «Чоловикъ не скотина, бильшъ видра не выпье»: «Розступись, душа козацька, обилью»: «Вонзимъ копіѧ̀ въ души своя». Водку онъ называлъ горилкою, а чаще всего оковытою, т. е. водою жизни (aqua vitae) и обращался къ ней, какъ къ живому существу. «Хто ты?» «Оковыта!» «А зъ чого ты?»—«Изъ жита!» «Звидкиля̀ ты?»—«Изъ неба!» «А куды ты?»—«Куды треба!» «А билетъ у тебе е?»—«Ни, нема!» «Такъ оттутъ же тоби й тюрьма!» Водка для запорожскихъ козаковъ столь была необходима, что они безъ нея не отправлялись даже въ столицу по войсковымъ дѣламъ первой важности. Такъ, въ 1766 году въ Петербургѣ проживали нѣсколько человѣкъ запорожцевъ съ кошевымъ атаманомъ Петромъ Ивановичемъ Калнишевскимъ во главѣ: козаки поиздержались, поистратились: недостало у нихъ собственной водки въ столицѣ; тогда кошевой черезъ посредство президента малороссійской коллегіи графа П. А. Румянцева отправилъ въ Сичу старшину Антона Головатаго для привоза въ столицу изъ Сичи кошевому и старшинѣ «для собственнаго ихъ употребленія, 50 ведеръ вина горячаго» [1]).

Только во время военныхъ походовъ запорожскіе козаки избѣгали пьянства, ибо тогда всякаго пьянаго кошевой атаманъ немедленно выбрасывалъ за бортъ лодки [2]). Не одобрялось также пьянство и въ средѣ «начальныхъ лицъ»: если кошевой и сичевая старшина замѣчали этотъ недостатокъ у кого-либо изъ служебныхъ лицъ, то предостерегали его особыми ордерами на этотъ счетъ и приказывали ему строго исполнять ордера и не «помрачаться проклятыми люлькою и пьянствомъ» [3]). Вообще, всякое пьянство запорожскій Кошъ считалъ порокомъ и хотя часто безуспѣшно, но все-же боролся съ этимъ зломъ, строго запрещая особенно

[1]) Кіевская Старина, Кіевъ, 1889, № 1, 225.
[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Санктъ-Петербургъ 1832, 7. 63.
[3]) Θеодосій. Самарско-Николаевскій м., Екатеринославъ, 1873, 105.

тайные шинки, какъ «истинный притынъ» всякихъ гайдамакъ и харцызовъ [1]). Впрочемъ, предаваясь разгулу и бражничеству, запорожскіе козаки, однако, не были похожи на тѣхъ жалкихъ пьяницъ, которые пропивали свои души въ черныхъ и грязныхъ кабакахъ и теряли въ нихъ всякій образъ и подобіе созданій божіихъ: здѣсь было своего рода молодечество и особый, эпикурейскій, взглядъ на жизнь человѣка, напрасно обременяющаго себя трудомъ и заботами и не понимающаго истиннаго смысла жизни— существовать для веселья и радости. Однако, смотря на жизнь съ точки зрѣнія веселаго и празднаго наблюдателя, запорожецъ не былъ чуждъ и мрачныхъ думъ: въ основѣ характера козака, какъ и всякаго русскаго человѣка, замѣчалась всегда какая-то двойственность: то онъ очень веселъ, шутливъ и забавенъ, то онъ страшно грустенъ, молчаливъ, угрюмъ и недоступенъ. Эта двойственность вытекала, конечно, изъ самаго склада жизни запорожскаго козака: не имѣя у себя въ Сичи ни роду, ни племени— «винъ изъ рыбы рòдомъ, одъ пỳгача плодомъ», отрѣзанный отъ семьи, видя постоянно грядущую въ очи смерть, козакъ, разумѣется, смотрѣлъ на все безпечно и свой краткій вѣкъ старался усладить всякими удовольствіями, доступными ему въ Сичи: съ другой стороны тоска по далекой родинѣ, оставленнымъ на произволъ судьбы дорогимъ роднымъ, а можетъ быть и милой козацкому сердцу «коханкѣ», чорствость одинокихъ товарищей, думы о грядущей безпомощной старости—заставляли не разъ козака впадать въ грустныя размышленія и чуждаться всякаго веселья.

«Козакòви—якъ тому бидному сиромàси:
Нèнька старà, жйнкы немà, а сестрà малàя,
Чомъ же въ тèбе, козàченьку, сорòчки не мàе?
Ой сивъ пỳгачъ на могыли, та якъ «пỳгу»! тай «пỳгу»!
Гей, пропадàти козакòви та въ тèмномъ лугỳ»!..

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 204.

Домашняя жизнь запорожскихъ козаковъ въ Сичи, на зимовникахъ и бурдюгахъ.

Жизнь запорожскихъ козаковъ въ самой Сичи и жизнь въ зимовникахъ и бурдюгахъ значительно разнились одна отъ другой. Въ Сичи жили неженатые козаки: сичевые козаки, по своей жизни и по чистотѣ нравовъ, говоритъ очевидецъ, считали себя мальтійскими кавалерами, и оттого въ Сичу отнюдь не допускали женщины, будетъ-ли то мать, сестра или посторонняя женщина для козака [1]). «Запорожскимъ козакамъ не позволяется быть женатыми внутри ихъ жилищъ (въ Сичи), а которые уже женаты, должно, чтобы жены ихъ жили въ близкихъ мѣстахъ, куда ѣздятъ они къ нимъ временно: но и сіе надобно дѣлать такъ, чтобы не знали старшины» [2]). Этотъ обычай безженства соблюдался такъ строго у запорожскихъ козаковъ, что изъ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, дошедшихъ до нашего времени отъ сичевыхъ козаковъ, имѣется лишь одно, раскрывающее грѣхъ козака противъ седьмой заповѣди [3]). Въ одной изъ дошедшихъ до насъ козацкихъ пѣсенъ шутливо разсказывается даже, что запорожцы такъ мало были свѣдущи въ распознаваніи женщинъ, что не могли отличить «дивчины» отъ «чапли».

«Слáвни хлóпци-запорóжци
Викъ звикувáли, дíвкы не выдáли,
Якъ забачили на болóти чáплю,
Отамáнъ кáже: «оттó, брáтци, дíвка!»
Осаýлъ кáже: «що я й женыхався!»
А кошовый кáже: «що я й повинчáвся!»

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 16.
[2]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 29.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 78.

Не любили запорожцы, когда къ нимъ въ Сичу привозили женщинъ и посторонніе для нихъ люди. Такъ, когда въ 1728 году, во время русско-турецкихъ войнъ, въ Сичу пріѣхалъ русскій подполковникъ Глѣбовъ съ собственной женой и нѣкоторыми другими женщинами, то козаки обступили жилище Глѣбова и требовали выдачи имъ находящихся тамъ женщинъ, «дабы каждый имѣлъ въ нихъ участіе» [1]). Подполковникъ съ большимъ трудомъ могъ отговорить запорожцевъ отъ нанесенія ими жестокаго позора женщинамъ, и то не иначе, какъ выставивъ имъ нѣсколько бочекъ горилки. Но и послѣ этого онъ принужденъ былъ немедленно удалить свою жену изъ Сичи въ виду новаго смятенія козаковъ [2]).

Обычай безженности запорожскихъ козаковъ можетъ быть объяснимъ прежде и болѣе всего военнымъ положеніемъ ихъ. Постоянно занятый войной, постоянно въ погонѣ за врагомъ, постоянно подвергаясь разнаго рода случайностямъ, запорожецъ не могъ, разумѣется, и думать о мирной, семейной жизни:

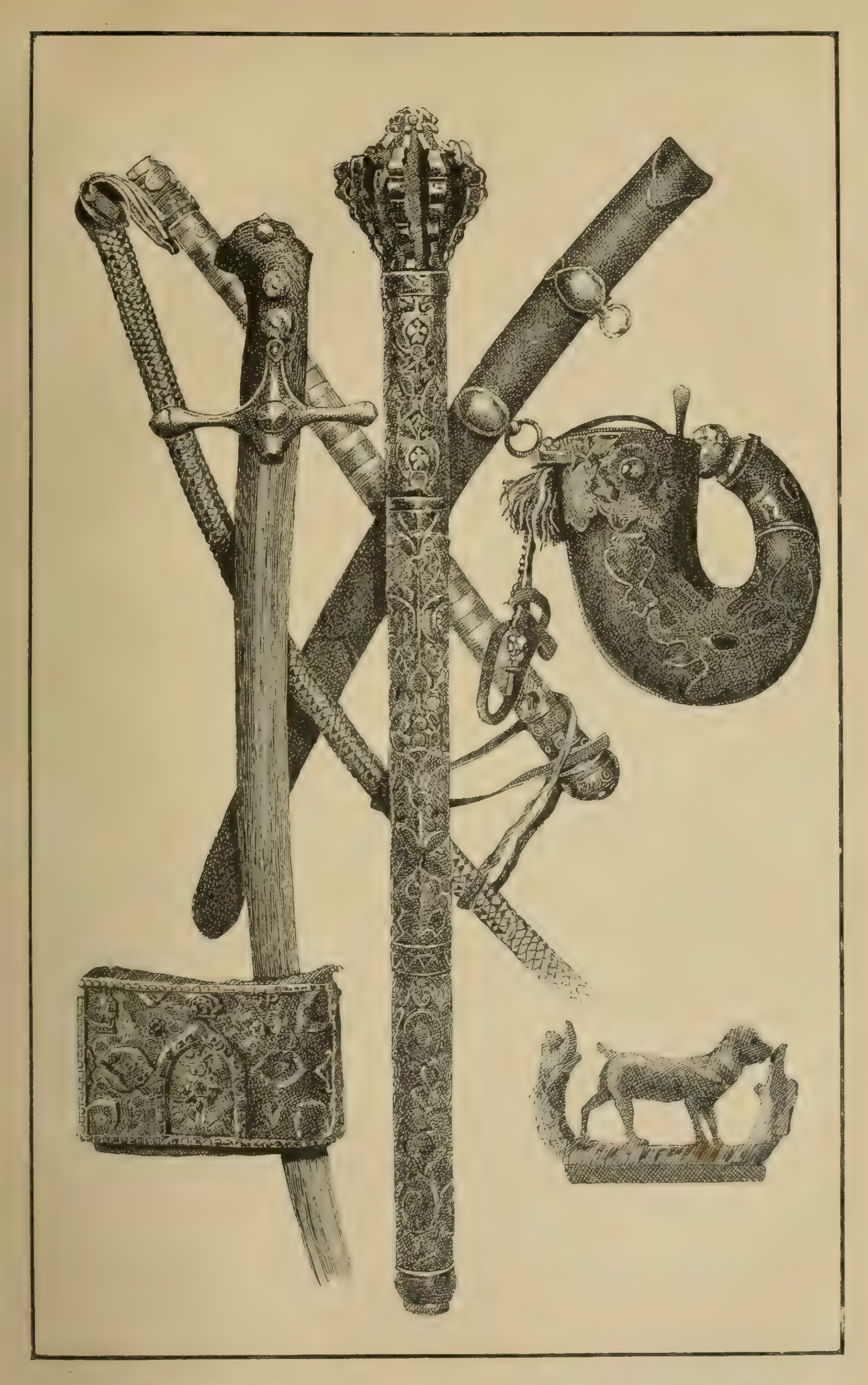
«Ёму зъ жинкою не возытьця,
А тютюнъ та люлька
Козаку въ дорози знадобытця».

Но кромѣ этого безсемейную жизнь запорожскихъ козаковъ обусловливалъ и самый строй ихъ воинскаго порядка: товариство требовало отъ каждаго козака выше личнаго блага ставить благо общества: къ силу этого военная добыча запорожскихъ козаковъ дѣлилась между всѣми членами товариства поровну, недвижимое имущество козаковъ въ принципѣ составляло собственность всего войска. Но чтобы совершенно выполнить долгъ козацкой жизни, нужно было отказаться отъ всѣхъ семейныхъ обязательствъ, такъ какъ, по евангельскому слову, только «неоженивыйся печется о Господѣ, оженивыйся о женѣ».

Такимъ образомъ жизнь запорожскаго козака—своего рода аскетизмъ, но аскетизмъ, до котораго онъ дошелъ опытомъ, а не заимствовалъ извнѣ: «лыцарю и лыцарьска честь: ему трёба вою̀вати, а не биля́ жинкы пропадати». Но чтобы облегчать трудности своей одинокой доли, чтобы имѣть если не спутницъ, то спут-

[1]) Разумѣется, это нужно понимать только какъ угрозу, чтобы удалить изъ Сичи женщинъ, потому что за преступленіе козацкой заповѣди виновныхъ карали смертью.

[2]) Манштейнъ. Записки о Россіи, Москва, 1823, I, 30.



Перначъ, сабля, пороховница, два кресала, нагайка.
Къ стр. 286—287.

никовъ жизни. запорожскіе козаки часто прибѣгали у себя къ такъ называемому побратимству. Съ одной стороны сичевой козакъ, какъ человѣкъ, имѣвшій душу и сердце, чувствовалъ потребность кого-нибудь любить, «до кого-нибудь прыхылытися»: но любить женщины онъ не могъ, нужно было, слѣдовательно, «прыхыляться» до такого-же «сиромы», какъ и онъ самъ. Съ другой стороны сичевой козакъ, который или самъ нападалъ, или отъ другихъ ждалъ нападенія, нуждался въ вѣрномъ другѣ и неразлучномъ сотоварищѣ, который могъ бы во-время подать ему помощь или устранить отъ него непредвидѣнную опасность. Нуждаясь съ этой стороны другъ въ другѣ, два козака, совсѣмъ чужіе одинъ другому, приходили къ мысли «побрататься» между собой съ цѣлью заботиться, вызволять и даже жертвовать жизнью другъ за друга, если въ томъ случится надобность. А для того, чтобы дружба имѣла законную силу между побратимами, они отправлялись въ церковь и здѣсь, въ присутствіи священника, давали такого рода «завѣщательное слово»: «Мы нижеподписавшіеся даемъ отъ себе сіе завѣщаніе передъ Богомъ о томъ, что, мы—братіи, и съ тѣмъ, кто нарушитъ братства нашего союзъ, тотъ передъ Богомъ отвѣтъ да воздастъ передъ нелицемѣрнымъ судею нашимъ Спасителемъ. Вышеписанное наше обѣщаніе вышеписанныхъ Федоровъ (два брата Федоръ да Федоръ) есть: дабы другъ друга любить, не взирая на напасти со стороны нашихъ, либо прыятелей, либо непрыятелей, но взирая на мародателя Бога: къ сему заключили хмельнаго не пить, братъ брата любить. Въ семъ братія росписуемось»[1]. Послѣ этого побратимы дѣлали собственноручные значки на завѣщательномъ словѣ, слушали молитву или подходящее случаю мѣсто изъ евангелія, дарили одинъ другого крестами и иконами, троекратно цѣловались и выходили изъ церкви какъ бы родными братьями до конца своей жизни.

Итакъ, въ Сичи жили исключительно неженатые козаки, называвшіе себя, въ отличіе отъ женатыхъ, лыцарями и товарищами. Здѣсь часть изъ нихъ размѣщалась по тридцати осьми куренямъ, въ самой Сичи, а часть внѣ ея, по собственнымъ домамъ: сообразно съ этимъ, часть питалась войсковымъ столомъ, часть собственнымъ[2], но въ общемъ жизнь тѣхъ и другихъ была одинакова.

[1]) Кіевская Старина, 1887, томъ XIX, октябрь, 383—384.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 53.

Обыденная повседневная жизнь запорожскихъ козаковъ въ Сичѣ складывалась слѣдующимъ образомъ. Козаки поднимались на ноги съ восходомъ солнца, тотъ-же часъ умывались холодной ключевой или рѣчной водой, затѣмъ молились Богу и послѣ молитвы, спустя нѣкоторое время, садились за столъ къ горячему завтраку. Время отъ завтрака до обѣда козаки проводили разно: кто объѣзжалъ коня, кто осматривалъ оружіе, кто упражнялся въ стрѣльбѣ, кто чинилъ платье, а кто просто лежалъ на боку, попыхивалъ изъ люльки-носогрѣйки, разсказывалъ о собственныхъ подвигахъ на войнѣ, слушалъ разсказы другихъ и излагалъ планы новыхъ походовъ. Ровно въ 12 часовъ куренной кухарь ударялъ въ котелъ, и тогда, по звуку котла, каждый козакъ спѣшилъ въ свой курень къ обѣду. Обѣдъ приготовлялся въ каждомъ куренѣ особымъ кухаремъ или поваромъ и его помощниками, небольшими хлопцами, на обязанности которыхъ лежало приносить воду въ курень и держать въ чистотѣ котлы и посуду: «посуду—котлы, ложки, корыты очень чисто держутъ и чище какъ себя, а паче одежды, изъ которой и самыхъ рубахъ почти до сносу не перемѣняютъ, а мыть и совсѣмъ не знаютъ» [1]). Пища готовилась въ большихъ мѣдныхъ или чугунныхъ котлахъ, навѣшивавшихся при помощи желѣзныхъ крючковъ на кабицѣ въ сѣняхъ каждаго куреня, и варилась три раза въ день на все наличное число козаковъ куреня, за что платилось кухарю по два рубля и по пяти копѣекъ съ каждаго козака въ годъ, т. е. 9 рублей и 50 копѣекъ при 150 человѣкахъ средняго числа козаковъ въ каждомъ куренѣ. Къ столу, позапорожски «сырну», обыкновенно подавались соломаха или саломать, т. е. ржаная мука, густо сваренная съ водой [2]): тетеря, т. е. ржаная мука или пшено, не очень густо сваренное на квасу, и щербà—таже рѣдко сваренная мука на рыбьей ухѣ [3]). Очевидецъ Василій Зуевъ касательно пищи запорожцевъ говоритъ, что у нихъ употреблялись тетеря и браткò: тетерею называлась пшенная кашица, къ которой, во время кипѣнія, прибавлялось кислое ржаное

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185, пр. 67.

[2]) Мышецкій. Исторія, 52; Грабянка соломахой называетъ житное квашенное, рѣдко сваренное тѣсто: Лѣтопись, 19; Бопланъ соломахой называетъ тѣсто, распущенное въ водѣ, смѣшанное съ просомъ, кисловатое на вкусъ: Описаніе Украйны, 63.

[3]) У татаръ щербою называлось просо съ масломъ и кислымъ молокомъ: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 486.

тѣсто: въ крутомъ видѣ тетеря ѣлась съ рыбьей ухой, жиромъ, молокомъ или просто водой: братко — таже пшенная кашица съ примѣсью, вмѣсто кислаго ржаного, пшеничнаго или другого какого-либо прѣснаго тѣста [1]). Если-же козаки, сверхъ обыкновенной пищи, желали полакомиться мясомъ, дичиной, рыбой, варениками, сырниками, гречаными съ чеснокомъ галушками, или чѣмъ-нибудь другимъ въ этомъ родѣ, то для этого они составляли артель, собирали деньги, на нихъ покупали продовольствіе и передавали его куренному кухарю. Кромѣ названныхъ кушаньевъ, козаки употребляли еще рубцы, свинину: «свинячу голову до хрину, и та локшину на перемину», мамалыгу—тѣсто изъ проса или кукурузы, которую ѣли съ брынзой, т. е. соленымъ овечьимъ сыромъ, или съ пастремою, т. е. высушенной на солнцѣ бараниной, и загребы—коржи, которые назывались такъ, потому что клались въ натопленную печку и загребались золой и горячими угольями [2]).

Провизія для пищи или доставлялась каждому куреню послѣ раздѣла царскаго хлѣбнаго жалованья, или покупалась на общественныя деньги всего куреня, всегда хранившіяся въ куренной скарбницѣ подъ вѣдомствомъ куреннаго атамана.

Войдя въ курень, козаки находили кушанья уже налитыми въ «ваганки», или небольшія деревянныя корыта, и разставленными въ рядъ по краямъ сырна, а около ваганковъ разные напитки—горилку, медъ, пиво, брагу, наливку—въ большихъ деревянныхъ коновкахъ съ привѣшанными къ нимъ деревянными коряками или михайликами. Прежде чѣмъ сѣсть за сырно, товарищи становились въ рядъ другъ подлѣ друга, крестились на иконы, читали молитву о насущномъ хлѣбѣ и потомъ уже разсаживались вдоль стола на узкихъ скамьяхъ, предоставляя всегда мѣсто въ переднемъ углу, подъ образами, около лампадки и карнавки, непремѣнно куренному атаману. Жидкая пища бралась ложками, твердая руками: рыба подавалась на особомъ желѣзномъ стяблѣ, представлявшемъ собой родъ плоскихъ ваганковъ съ небольшой шейкой для процѣживанія чрезъ нее ухи [3]), и непремѣнно головой атаману—какъ

---

[1]) О бывшихъ промыслахъ зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786, 5.
[2]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 31, 37.
[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

онъ голова, то ему и начинать съ головы: «сей обычай, до рыбы касающійся, по всѣмъ куреням и зимовникамъ одинаковъ былъ» [1]); печенаго хлѣба совсѣмъ къ столу не подавали; его употребляли больше тѣ, которые жили въ предмѣстьѣ Сичи собственными домами или въ паланкахъ собственными зимовниками [2]). Кушанья запивались разными напитками посредствомъ металлическихъ чарокъ, а чаще всего посредствомъ деревянныхъ михайликовъ, вмѣстимостью отъ трехъ до пяти и даже больше обыкновенныхъ нашихъ рюмокъ: «а у иичого такій корѧкъ, то въ нёму можно и мызѐрного жидка̀ утопы̀ти»; «а у якого така̀ чарка, шо й соба̀ка не перескочe». Отобѣдавъ чѣмъ Богъ послалъ, козаки вставали отъ стола, крестились на иконы, благодарили сперва атамана, потомъ куренного кухаря: «Спасы̀би, бра̀тику, що ты нагодува̀въ козакѝвъ!» Затѣмъ бросали каждый по шагу, т. е. по мелкой монетѣ, а по желанію и больше того, въ карнавку для закупки провизіи къ слѣдующему дню и, наконецъ, выходили изъ куреня на площадь [3]). На собранныя деньги кухарь покупалъ необходимую провизію къ слѣдующему дню, при чемъ, если оставленныхъ въ карнавкѣ денегъ оказывалась мало, то куренной атаманъ долженъ былъ додать кухарю изъ куренныхъ доходовъ. Время отъ обѣда до ужина проводилось въ тѣхъ-же занятіяхъ. Вечеромъ, по заходѣ солнца, козаки вновь собирались въ курени: здѣсь они ужинали горячимъ ужиномъ: послѣ ужина одни тотъ-же часъ молились Богу и потомъ ложились спать, зимой въ куреняхъ, лѣтомъ и въ куреняхъ, и на открытомъ воздухѣ; другіе собирались въ небольшія кучки и посвоему веселились: играли на кобзахъ, скрипкахъ, ваганахъ, лирахъ («реллѧхъ»), басахъ, цымбалахъ, козахъ, свистѣли на сопилкахъ

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1852, 38. Относительно «стябла» Зуевъ даетъ такое объясненіе: запорожскіе рыболовы, отобравъ лучшей рыбы, послѣ лова, сразу варили очень большое количество ея: вынутая и сложенная «на образъ клѣтокъ», она представляла собой квадратную кучу вышиною въ колѣно: «сіе называлось у нихъ варить рыбу на стябло и составляло обыкновеннѣйшее для рыбной артели варево»: Мѣсяцесловъ, 1786, 5.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. 52, 53. Никита Коржъ, однако, говоритъ, что хлѣбы приготовлялись въ большихъ печахъ особыхъ отдѣленій, особо отъ куреней построенныхъ, гдѣ жили куренные повара; отсюда можно думать, что хлѣбы были въ употребленіе и у сичевыхъ козаковъ: Устное повѣствованіе, 37.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, 53; Лѣтопись Грабянки, 19; Устное повѣствованіе Коржа, 36—38.

свистунахъ,—однимъ словомъ, на чемъ попало, на томъ и играли, и тутъ-же танцовали. «А танцуютъ, бывало, такъ, что противъ нихъ никто на всемъ свѣтѣ не вытанцуетъ: весь день будетъ музыка играть, весь день будутъ и танцовать да еще и приговаривать:

> «Грай-грай! Отъ закину заразъ ноги ажь за спыну,
> Щобъ свитъ здывувався, якый козакъ вдався».

Если музыка перестанетъ играть, то они заберутъ въ руки скамьи, съ одного конца возьмется одинъ, а съ другого другой, станутъ другъ противъ друга и танцуютъ [1]). Третьи просто пѣли пѣсни безъ пляски и музыки; четвертые забирались въ курени, садились въ нихъ по уголкамъ, зажигали свѣчи и играли тамъ въ карты, а чтобы не безпокоить свѣтомъ спящихъ товарищей, сверху прикрывали себя своими кафтанами [2]). То была игра въ «чупрундырь», во время которой побѣдившій столько разъ таскалъ за чубъ побѣжденнаго, сколько у послѣдняго оставалось на рукахъ очковъ въ картахъ.

Въ дни большихъ праздниковъ, напримѣръ Рождества Христова и св. Пасхи, запорожскіе козаки въ теченіи цѣлой недѣли ходили поздравлять съ праздникомъ къ кошевому, судьѣ, писарю и асаулу, приносили имъ подарки, подчивались и угощались разными напитками и во время угощеній стрѣляли изъ пушекъ [2]). Въ дни тезоименитствъ высокихъ особъ русскаго императорскаго дома, по окончаніи божественной службы и молебнаго пѣнія, духовные и свѣтскіе чины великороссійскаго и малороссійскаго званія, какія случались на ту пору въ Сичи, также войсковыя старшины и куренные атаманы собирались всѣ въ куренѣ кошевого атамана, принимались здѣсь «со всякою учтивостью» и пили по чаркѣ горилки [4]). Но особенно торжественно встрѣчали запорожцы день 6-го января каждаго новаго года. Въ этотъ день, съ ранняго утра, всѣ козаки, пѣхота, артиллерія и кавалерія, собирались на площадь передъ церковью и стояли здѣсь рядами по куренямъ, безъ шапокъ, до окончанія божественной службы; всѣ были одѣты въ лучшія платья, вооружены лучшимъ оружіемъ:

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Спб., 1888, II, 14, 15.
[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись презѣльной брани, Кіевъ, 1851, II, 360.
[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 50, 51.
[4]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 49.

надъ каждымъ куренемъ развѣвались особыя раскрашенныя знамена, которыя держали хорунжіе, сидя на огненныхъ и прекрасно убранныхъ коняхъ. По окончаніи божественной литургіи изъ церкви выходилъ настоятель съ крестомъ въ рукѣ, за нимъ попарно шли іеромонахи съ евангеліями, иконами, всѣ въ дорогомъ облаченіи, за духовенствомъ стройно, рядами съ развѣвающимися корогвами и тяжелыми пушками двигались козаки: за козаками масса простого народа, а всѣ вмѣстѣ высыпали на средину Днѣпра, на Іордань. Тутъ всѣ становились рядами и слушали службу. Когда архимандритъ въ первый разъ погружалъ крестъ въ воду, то козаки въ одинъ выстрѣлъ залпомъ ударяли такъ громко и сильно, что отъ того удара земля стонала, а зрители покрывались дымомъ, застилавшимъ всѣхъ, подобно тьмѣ, и не позволявшимъ видѣть другъ друга; успокоившись на нѣсколько минутъ, давъ время пройти дыму, а настоятелю еще два раза погрузить крестъ въ воду, козаки вновь стрѣляли и на этотъ разъ палили столько, сколько кому угодно было [1]).

Въ обыкновенные праздничные дни запорожскіе козаки нерѣдко развлекали себя кулачными боями: для этой цѣли они собирались вечеромъ на сичевую площадь, раздѣлялись на двѣ лавы или партіи, изъ коихъ одна составлялась изъ верхнихъ, другая изъ нижнихъ куреней, и вступали въ бой: въ этихъ бояхъ они нерѣдко ожесточались до того, что наносили другъ другу страшныя увѣчья и даже одинъ другого убивали [2]).

Описанное времяпровожденіе запорожскихъ козаковъ отличалось сравнительно скромнымъ характеромъ съ тѣмъ временемъ, когда они возвращались домой изъ военныхъ походовъ. «Сичь умѣла только пить да изъ ружей палить», мѣтко выразился о запорожскихъ козакахъ безсмертный Гоголь. И это совершенно справедливо. Сичевые козаки, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, имѣли такую вольность, что никакихъ работъ не исполняли, но всегда гуляли и пили, и такъ до конца свою жизнь проводили [3]). Оттого и поется въ ихъ пѣсняхъ:

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 42, 43.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 55.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 55; Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 69.

«Бурлаче козаче, дурный розумъ маешъ,
Дурный розумъ маешъ,—долю проклинаешъ:
Не такъ вынна доля, вынна жъ твоя воля:
Шо ты заробляешъ, то все пропываешъ,
А шо загорюешъ, то все прогайнуешъ».

Сичевой козакъ отнюдь не хлѣборобъ и не торгашъ: обрабатывать землю, за безпрерывною войной, онъ не могъ: заниматься торговлей считалъ низкимъ дѣломъ для себя, оттого слово «крамарь», т. е. мелкій торгашъ, у него было даже браннымъ словомъ, обиднымъ для «лыцарской» чести.. На старыхъ картинахъ прошлаго столѣтія, дошедшихъ до насъ съ различными подписями, читаемъ:

«Мене якъ хочешъ называй, на все позволяю,
Абы не звавъ ты крамаремъ, бо за те полаю».

При такомъ воззрѣніи на честь, сичевому козаку оставалось одно дѣло—война, а въ мирное время веселье да широкій разгулъ, по пословицѣ «воля та отвага або медъ пье, або кандалы тре». Этимъ запорожцы весь міръ удивляли. Особенно большое веселье бывало у нихъ послѣ возвращенія изъ военныхъ походовъ. Тогда козаки, прибывъ въ Сичу, въ теченіи нѣсколькихъ дней ходили по улицамъ, «тѣшились непрестанными арматными и мушкетными громами, весело гуляли и подпивали» [1], водили за собой огромную толпу музыкантовъ и сичевыхъ пѣвчихъ-школяровъ, вездѣ разсказывали о своихъ военныхъ подвигахъ и удачахъ, неустанно танцовали и въ танцахъ выкидывали всевозможныя фигуры: за ними несли въ ведрахъ и котлахъ различнаго рода «пьяные напитки», какъ-то: горилку, пиво, медъ, наливку, варену, представлявшую собой смѣсь водки, меду, сушеныхъ фруктовъ, преимущественно изюма, винограда, грушъ, яблокъ, вмѣстѣ сваренныхъ съ инбиремъ и другими въ этомъ родѣ пряностями. Въ это время всякаго, кто бы ни ѣхалъ и кто бы ни шелъ, будь то знакомый или совсѣмъ невѣдомый человѣкъ, гулявшіе рыцари приглашали въ свою компанію и угощали напитками и закусками, и плохо тому, кто осмѣлится отказаться отъ предлагаемаго дароваго угощенія: того изругаютъ ругательски и съ позоромъ прогонятъ вонъ. Отъ сичевыхъ козаковъ не отставали и зимовчаки-козаки: они распродавали въ это время собственную добычу—товары, рыбу,

[1] Самоилъ Величко. Лѣтопись событій. Кіевъ. 1851, II, 364, 377.

звѣрей, птицъ и, зараженные общимъ веселіемъ, также гуляли и веселились, т. е. «пили и музыку водили». Въ теченіи нѣсколькихъ дней подобнаго гулянья козаки пропивали и всѣ добытыя ими на войнѣ деньги, и всю захваченную у непріятеля добычу и даже подъ конецъ входили въ долги. Этимъ веселымъ настроеніемъ козаковъ отлично пользовались сичевые шинкари и крамари: они покупали у гулявшихъ всякое добро за дешевую цѣну, а потомъ продавали его въ другое время тѣмъ-же козакамъ съ большимъ барышомъ: впрочемъ, часть полученнаго барыша и они должны были нерѣдко пропивать вмѣстѣ съ гулявшими козаками.

Пропивъ деньги, добычу, набравъ и въ долгъ всякой всячины, козаки подъ конецъ прибѣгали и къ другимъ средствамъ, чтобы продлить свое веселье, ибо «не на те козакъ пье, шо е, а на те, шо буде». Дѣло въ томъ, что въ Сичи существовалъ особаго рода обычай, по которому дозволялось грабить имущество шинкарей, крамарей или мясниковъ, слишкомъ повышавшихъ цѣны на свои товары противъ установленной войскомъ нормы. Пользуясь этимъ правомъ, пропившіеся козаки, собравшись въ числѣ около ста или болѣе человѣкъ, бросались на имущества виновныхъ и все, что находили у нихъ—продукты, деньги, водку, платье,—брали себѣ; больше всего, разумѣется, набрасывались они на горилку: разбивъ бочку или высадивъ въ ней дно, козаки или выливали водку прямо на улицу, или забирали ее во что попало и продолжали пить [1]).

Отдаваясь полному разгулу въ минуты всеобщаго веселья, особенно послѣ счастливыхъ походовъ на непріятелей, запорожцы, однако, не забывались до того, чтобы ставить пьянство и разгулъ въ достоинство приличному козаку и особенно состоявшему на службѣ старшинѣ. Отъ 1756 года, 28 января, до насъ дошелъ «крѣпкій приказъ» кошевого атамана Григорія Ѳедорова Лантуха съ товариствомъ самарскому полковнику Ивану Водолазѣ за то, что онъ, «по своему безумію, помрачившись проклятыми люлькою и пьянствомъ, войсковые универсалы презрѣлъ и грабительство учинилъ, чего ради въ Кошѣ войска запорожскаго низового опредѣлено его за таковіе безразсудніе поступки и войсковыхъ универсаловъ презрѣніе, яко недоброго сына, зрепремандовать» [2]).

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 54.

[2]) Ѳеодосій. Самарскій Николаевскій монастырь. Екатериносл., 1873, 105.

Запорожцы по Ригель

ну.--Къ стр. 292—293.

Какъ бы то ни было, но въ общемъ домашняя жизнь сичевыхъ козаковъ была слишкомъ проста и очень скромна. «Въ запорожской черни сниcканіе богатства ни мало не уважалось: почитая нужды свои въ одномъ токмо, воинскомъ и промышленномъ орудіяхъ, не знали они роскоши ни въ платьѣ, ни въ украшеніи, ниже въ самой пищѣ, которую хозяинъ и хлопецъ имѣлъ всегда одну и всегда почти одинаковую» [1]). «Запорожцы, по козацкой пословицѣ, якъ малі́ диты: дай багато—все зъидя́ть, а дай мало—дово́льни будуть». На простоту и воздержность въ жизни запорожцы смотрѣли, какъ на одну изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ причинъ ихъ непобѣдимости въ борьбѣ съ врагами: оттого и поется въ ихъ думахъ:

«Та почи́мъ козакъ славенъ? Найвся ры́бы,
И солома̀хы зъ водо̀ю,
Та зъ мушкѐтомъ ста̀не, ажъ сѐрденько вья̀не,
А ляхъ одъ ду̀ху вмира̀е».

Скромность жизни запорожскихъ козаковъ сказывалась во всемъ: когда они ѣздили въ Петербургъ, въ 1755 году, то на кошевого, двухъ старшинъ и нѣсколькихъ козаковъ во время всей дороги, трехмѣсячной жизни въ столицѣ и угощенія знакомыхъ, издержали всего лишь 60 рублей и горько жаловались на дороговизну столичной жизни въ письмахъ, адресованныхъ въ Сичу: когда они угощали крымскихъ и русскихъ чиновниковъ, во время размежеванія пограничныхъ земель, въ 1764 году, то израсходовали для этой цѣли всего лишь 17 р. 33 к., хотя, по приказу Коша, отпускали все по требованію коммисаровъ и депутатовъ: когда они отправлялись въ походъ, то забирали съ собой нѣсколько горшковъ тетери, толокна, то-есть круто сваренной каши, пастрёмы, то-есть высушенной и завяленной на солнцѣ баранины [2]). Свидѣтелемъ простоты жизни сичевыхъ козаковъ былъ генералъ Петръ Абрамовъ Текели, разрушившій, по повелѣнію императрицы Екатерины II, запорожскую Сичу. Платя за зло добромъ, запорожцы предложили генералу отобѣдать съ ними: генералъ принялъ предложеніе, но долженъ былъ ѣсть кушанья изъ деревяннаго корыта и деревянною ложкой: генералу, обратившему вниманіе на такую простоту жизни козаковъ, запорожцы отвѣчали:

---

[1]) Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, 1786, 4—5.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 275.

«Хоть съ корыта, такъ досыта, а хочъ съ блюда, та до худа»[1]) или, по другоії версіи: «У насъ хоть съ корыта, такъ досыта, а вы съ блюда, за те худы». Богатство и роскошь у запорожскихъ козаковъ, по справедливому замѣчанію историка Скальковскаго, выражались тѣмъ, что у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, преимущественно войсковыхъ старшинъ, имѣлись серебряныя чарки, посудцы, хрустальные креденцы для водки, добываемые ими на воїнѣ или получаемые въ подарокъ въ столицѣ. Побывавъ въ столицѣ, одаренные тамъ вельможами, а иногда и самой царицей, запорожскіе старшины, по возвращеніи въ Сичу, иногда мѣняли свои кожухи на полушелковые и бархатные кафтаны, свои кабардинки на соболевыя шапки, деревянныя «черпала» на серебряныя ложки, а самодѣлковыя «михаїлыки» на дорогія чарки; но все это относилось преимущественно къ старшинѣ, масса-же запорожскаго воїска, по замѣчанію названнаго историка, держалась первобытной простоты, и вся роскошь ея выражалась въ обиліи рыбы, вареников, сырниковъ, галушекъ, мяса, горилки, меду, пива, подчасъ венгерскаго и крымскаго вина, но всего больше любимаго напитка вареноії[2]).

Совсѣмъ иначе складывалась жизнь козаковъ-зимовчаковъ, жившихъ въ степи по зимовникамъ. Зимовниками въ Запорожьѣ назывались небольшіе хутора или фольварки, при которыхъ «жители имѣли скотъ и проживали съ нимъ всегда, а при нѣкоторыхъ и рыбную ловлю содержали»; въ каждомъ зимовникѣ полагалось двѣ-три хаты для людского житья и разныя хозяйственныя постройки для домоводства; хаты строились иногда изъ рубленнаго дерева, иногда изъ плетенаго хворосту, обмазаннаго глиноії; въ срединѣ каждая хата имѣла «кимнàту» и особыї чуланъ или коморку; хаты ставились среди большого двора, обнесеннаго кругомъ или плетнемъ или частоколомъ; во дворѣ дѣлались разныя хозяйственныя постройки: скотные сараи, амбары, стоїни или конюшни, лёхи или погреба, амшаники или зимнія помѣщенія для пчелъ[3]). По оффиціальному описанію 1769 года подъ зимовникомъ разумѣлась усадьба, въ которої было «хатъ три, одна съ кимнатами и двѣ коморы съ лёхомъ и стаїнею рубленными; загородь, четыре двора частокольные изъ добраго рѣзаннаго дерева, досчаные. Близъ же одного

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 48, 49.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885. I, 275.

[3]) Записки одес. общ. ист. и др., VII, 182, пр. 63; Устн. пов. Коржа, 12.

зимовника мельница двокольная (на два постава) и со всѣмъ въ ней хлѣбнымъ и прочимъ припасомъ. Въ ономъ зимовникѣ разной муки 13 да пшона 4 бочекъ, жита засѣковъ большихъ 2. и со всею экономическою посудою и вещьми. Овецъ 1.200, лошадей 127, изъ коихъ верховыхъ 12, кобылъ 85, неуковъ-лошаковъ разнолѣтнихъ 30, рогатаго скота—воловъ 120, быковъ разнолѣтнихъ 120, коровъ лучшихъ зъ гурта 54, остальныхъ скотинъ не считано [1]). Зимовники рѣдко строились однимъ хозяиномъ, а большею частью тремя-четырьмя; у каждаго хозяина зимовника было по 3—4 или по 5—6 козаковъ и при нихъ по 10 молодиковъ, а надъ всѣми «господарь», т. е. управитель: въ зимнее время они были многолюднѣе, чѣмъ въ лѣтнее: зимой въ нихъ много приходило на прокормъ разнаго люда изъ городовъ, жившихъ подолгу въ зимовникахъ: въ лѣтнее-же время такой людъ оставался въ зимовникахъ недѣлю или двѣ, потомъ уходилъ изъ одного въ другой, изъ другого въ третій зимовникъ [2]). Зимовники разбросаны были большею частію по берегамъ рѣкъ, по островамъ, балкамъ, оврагамъ и байракамъ: въ нихъ жили или семейные запорожцы, или люди, зашедшіе изъ Украйны, Литвы и Польши, или холостые, оставившіе сичевую службу, «абшитованные» старшины, удалявшіеся въ степь со своею челядью, хлопцами, мальцами и наймитами [3]). Оффиціально зимовные козаки назывались сиднями или гнѣздюками, въ насмѣшку баболюбами и гречкосіями; они составляли поспильство, т. е. подданное сословіе собственно сичевыхъ козаковъ. Гнѣздюки призывались на войну только въ исключительныхъ случаяхъ по особому выстрѣлу изъ пушки въ Сичи или по зову особыхъ гонцовъ-машталировъ отъ кошевого атамана, и въ такомъ случаѣ, не смотря на то, что были женаты, обязаны были нести воинскую службу безпрекословно: въ силу этого, каждому женатому козаку вмѣнялось въ обязанность имѣть у себя ружье, копье и «прочую козачью збрую», а также непремѣнно являться въ Кошъ «для взятья на козацство войсковыхъ приказовъ» [4]): кромѣ воинской службы, они призывались для карауловъ и кордоновъ, а также для починки въ Сичи куреней, возведенія артиллерійскихъ и другихъ

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 199.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 182, пр. 63.

[3]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьев. Коржа, Одесса., 1842, 21, 22.

[4]) Ѳеодосій. Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 109.

козацкихъ строеній [1]). Но главною обязанностью гнѣздюковъ было кормить сичевыхъ козаковъ; это были въ собственномъ смыслѣ слова запорожскіе хозяева или домоводы: они обрабатывали землю сообразно свойству и качеству ея: разводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ, заготовляли сѣно на зимнее время, имѣли пасѣки, собирали медъ, садили сады, воздѣлывали огороды, охотились на звѣрей, занимались ловлею рыбы и раковъ, вели мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовыя станціи и т. п. [2]) Главная масса всего избытка въ запорожскихъ зимовникахъ доставлялась въ Сичу на потребу сичевыхъ козаковъ, остальная часть оставалась на пропитаніе самихъ гнѣздюковъ и ихъ семействъ. Сохранившіеся до нашего времени сичевые акты показываютъ, что̀ и въ какомъ количествѣ доставлялось изъ зимовниковъ въ Сичу: такъ, въ 1772 году, 18 сентября, послано было изъ паланки при Барвенковской-Стѣнкѣ восемь воловъ, три быка, двѣ коровы съ телятами и т. п. [3]).

При постоянномъ сношеніи сичевыхъ козаковъ съ козаками-зимовчаками между тѣми и другими выработались особаго рода термины и пріемы. Сичевые козаки, пріѣхавшіе въ зимовникъ, не слѣзая съ коня, должны были прежде всего три раза прокричать: «Пугу! пугу! пугу!». Хозяинъ, услышавъ тотъ крикъ, отвѣчалъ пріѣхавшимъ два раза: «Пугу! пугу!» Пріѣхавшіе на этотъ двукратный отвѣтъ снова кричали: «Козакъ зъ лугу!» Хозяинъ черезъ окно спрашивалъ: «А зъ якого лугу, чи зъ Велыкого, чи зъ Мало̀го? Якъ зъ Велыкого, їды до кругу!» Послѣ этого, всмотрѣвшись во всадниковъ и убѣдившись, что то дѣйствительно сичевые козаки, хозяинъ зимовника кричалъ имъ: «Вьяжите коней до ясель та просимо до госпо̀ды». Тогда изъ хаты выскакивали хозяйскіе хлопцы и вводили козацкихъ коней въ конюшни, а самимъ гостямъ указывали входъ въ хату. Гости сперва входили въ сѣни, клали здѣсь на «тяжахъ», т. е. на кабицѣ, свои ратища, затѣмъ изъ сѣней входили въ хату, здѣсь молились на образа, кланялись хозяину и говорили: «Отамане, товариство, ваши головы!» Хозяинъ, отвѣчая на тотъ поклонъ поклономъ, говорилъ: «Ваши го-

[1]) Чернявскій. Въ Исторіи князя Мышецкаго. 83; Коржъ, 22.
[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888. 22.
[3]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 323.

ловы, ваши головы». Потомъ просилъ садиться пріѣхавшихъ гостей по лавкамъ и предлагалъ имъ разныя угощенія — напитки, и кушанья, изъ послѣднихъ обыкновеннымъ кушаньемъ была тетеря; если случался скоромный день, то варилась «тетеря до молока», если же случался постный день, то варилась «тетеря до воды». Погулявъ весело и довольно нѣсколько дней, гости подъ конецъ, собираясь въ отъѣздъ, благодарили ласковаго хозяина за угощеніе: «Спасыби тоби, батьку, за хлибъ, за силь! Пора уже по куренямъ разъизжаться до доминки: просымо, батьку, и до насъ, колы ласка». «Прощайте, паны-молодци, та выбачайте: чимъ богати, тимъ и ради! Просымо не погнiватьця». Послѣ этого гости выходили изъ хаты, хлопцы подавали имъ накормленныхъ, напоенныхъ и осѣдланныхъ лошадей, и сичевики, вскочивъ на своихъ коней, уносились отъ зимовника[1]).

Еще проще была жизнь козаковъ по бурдюгамъ. Бурдюгами, отъ татарскаго слова «бурдюгъ», что значитъ вывороченная цѣликомъ шкура животнаго, просмоленная и употребляемая какъ сосудъ для жидкости, у запорожскихъ козаковъ назывались одиночныя, безъ всякихъ обыкновенныхъ прибавочныхъ построекъ, землянки, кое-гдѣ разбросанныя по безлюдной и глухой степи запорожскихъ вольностей; въ нихъ жили совершенно одинокіе козаки, искавшіе полнѣйшаго уединенія и отъ бурной сичевой, и отъ тяжелой семейной хуторской жизни. Бурдюги дѣлались слишкомъ просто и незатѣйливо: въ выкопанной въ землѣ ямѣ ставились четыре стѣны изъ плетня, вокругъ стѣнъ нагорталась земля, сверху дѣлалась крыша, а все это вмѣстѣ снаружи обмазывалось глиной и кизякомъ и обставлялось кураемъ; въ стѣнахъ пропускались отверстія для небольшихъ, круглыхъ, какъ тарелочки, окошечекъ, застекленныхъ зеленымъ и рябенькимъ съ камешками стекломъ и состоящихъ изъ круглой рамки въ четыре щепочки. Внутри бурдюга не было ни печки, ни дымаря: печку замѣняла мечеть, на которой хлѣбъ пекли, да кабиця, на которой пищу варили: обѣ дѣлались изъ дикаго камня, легко накалялись, оттого скоро согрѣвали бурдюгъ и въ зимное время совершенно заставляли забывать и жестокій холодъ, и страшныя вьюги. Въ нѣкоторыхъ бурдюгахъ встрѣчалась изрѣдка кое-какая обстановка въ видѣ скамей, оружія, размалеванныхъ подъ золото

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 30—31.

образовъ и недорогихъ килимовъ [1]). Бурдюги никогда не замыкались и потому всегда и для всѣхъ были открыты. Когда хозяинъ бурдюга уходилъ куда-нибудь въ степь, то онъ, мало того, что оставлялъ незапертымъ свой бурдюгъ, а еще клалъ на столѣ продукты для пищи. Оттого кто хотѣлъ, тотъ и заходилъ въ бурдюгъ. Вотъ это бродитъ, бывало, какой-нибудь человѣкъ по степи и захочется ему ѣсть. Видитъ онъ, стоитъ бурдюгъ: сейчасъ-же забрался въ него, нашелъ тамъ казанъ, пшено, сало или рыбу, выкресалъ огня, развелъ «багаття», сварилъ себѣ обѣдъ, сѣлъ и съѣлъ его; а послѣ обѣда напился воды да еще легъ и отдохнулъ. А придетъ хозяинъ, то онъ встрѣтитъ гостя, точно отца, ибо только и родни ему на широкой степи, что захожій человѣкъ. Если же гость не успѣетъ увидѣться съ хозяиномъ бурдюга, то, поѣвъ, напившись и отдохнувши, онъ дѣлаетъ маленькій крестикъ изъ дерева, ставитъ его среди бурдюга, чтобъ зналъ хозяинъ, что у него былъ захожій человѣкъ, да тогда и идетъ съ Богомъ, куда ему надо [2]).

Проводя молодые годы своей жизни въ кругу сичевыхъ козаковъ, среди пирушекъ, веселья и разгула, а еще больше того въ жестокой и упорной борьбѣ съ непріятелями различныхъ вѣръ и народностей, запорожецъ подъ конецъ, видя приближеніе грядущей во-очію старости и чувствуя себя уже болѣе неспособнымъ ни къ войнѣ, ни къ разгульной жизни, нерѣдко уходилъ «въ ченьци», т. е. въ монахи какого-нибудь изъ ближнихъ или дальнихъ монастырей—Самарскаго, Мотронинскаго, Межигорскаго, Аѳонскаго, и тамъ оканчивалъ послѣдніе дни своей жизни. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что бывшій кошевой атаманъ Филиппъ Ѳедоровъ, «подякувавъ Сичъ за панство», удалился въ 1754 году въ Самарско-Николаевскій монастырь и умеръ здѣсь въ 1795 году ста одного года отъ рожденія. Большею частью уходилъ запорожецъ изъ Сичи внезапно и безъ всякой огласки: никто не зналъ, когда онъ исчезалъ и гдѣ дѣвался: только какъ-нибудь случайно открывали какого-нибудь схимника въ пустынѣ, въ лѣсу или въ береговыхъ пещерахъ, питавшагося тамъ одной просфорой, подвизавшагося въ постѣ

[1]) «Килимъ»—персидское слово, по-русски значитъ «коверъ».

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. С.-Петербургъ, 1888, II, 17, 18.

и молитвѣ, переносившаго съ твердостью физическія невзгоды, но потомъ умершаго и оставившаго въ своемъ убѣжищѣ аттестатъ, выданный ему изъ запорожскаго Коша, за участіе въ какихъ-нибудь походахъ противъ непріятелей. Но иногда этотъ уходъ «въ ченьці» дѣлался торжественно, на виду у всѣхъ, и сопровождался гомерическимъ весельемъ и грандіозной попойкой. Это называлось «прощаніемъ козака съ свѣтомъ». Въ этомъ случаѣ старый запорожецъ, отправлявшійся въ монастырь «спасатися», выряжался въ самое дорогое платье, навѣшивалъ на себя блестящее оружіе, набивалъ и всѣ свои карманы и свой кожаный чересъ [1]) чистыми золотыми, нанималъ всякихъ музыкантовъ, накупалъ цѣлыя бочки «пьяного зилья», а до этого «зилья» полные возы всякой провизіи и отправлялся въ какой-нибудь монастырь, чаще всего въ Межигорскій Спасо-Преображенскій въ Кіевѣ «спасатыся»[2]). Музыка ударяла «веселои», и компанія трогалась въ путь. Тутъ всякъ, кто намѣренно или случайно изъявлялъ свое желаніе провожать прощальника до монастыря, пилъ, ѣлъ и танцовалъ: а впереди всѣхъ на прекрасномъ боевомъ конѣ несся самъ прощальникъ «сивоусый»; нерѣдко и онъ сходилъ съ коня, пилъ, ѣлъ и пускался «на-въ-присядки». Всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ онъ приглашалъ въ свою компанію, угощалъ напитками и предлагалъ закуски. Если онъ увидитъ на своемъ пути возъ съ горшками, немедленно подскакиваетъ къ нему, опрокидываетъ его вверхъ колесами, а вся веселая компанія его подбѣгаетъ къ горшкамъ, пляшетъ по нимъ и топчется. Если онъ завидитъ возъ съ рыбой, также подскакиваетъ къ нему и опрокидываетъ вверхъ колесами, а всю рыбу разбрасываетъ по площади и приговариваетъ: «Ижьте, люде добри, та поминайте прощальника!» Если онъ наскочитъ на «перекупку» съ бубликами, то также забираетъ у нея всѣ бублики и раздаетъ ихъ веселой компаніи. Если попадется ему лавка съ дегтемъ, онъ тотъ-же часъ скачетъ въ бочку съ дегтемъ, танцуетъ въ ней и выкидываетъ всевозможныя «колѣна». За всякій убытокъ платитъ потерпѣвшимъ золотыми, разбрасывая ихъ кру-

---

[1]) Чересъ (отъ слова «черезъ, чрезъ»)—кожаный, толстый, на подкладкѣ, шириною въ ладонь, поясъ для храненія денегъ, или застегивавшійся пряжкою, или замыкавшійся замкомъ: Записки моск. археол. общ., 1874, т. IV. в. III, матеріалы, 28.

[2]) Межигорскій монастырь въ 18 верстахъ вверхъ отъ Кіева, на берегу рѣки Днѣпра.

томъ себя «жменями». Такъ добирается онъ со своей компаніей до самаго монастыря; тутъ компанія его останавливается у стѣнъ святой обители, а самъ прощальникъ кланяется собравшемуся народу на всѣ четыре стороны, проситъ у всѣхъ прощенія, братски обнимается съ каждымъ, потомъ подходитъ къ воротамъ монастыря и стучитъ:

— Кто такой?

— Запорожецъ!

— Чесо ради?

— Спасатися!

Тогда ворота отпирались, и прощальника впускали въ обитель, а вся его веселая компанія, съ музыками, горилкàми, пивàми и медàми оставалась у ограды монастыря. А между тѣмъ прощальникъ, скрывшись за монастырской стѣной, снималъ съ себя чересъ съ оставшимися червонцами, сбрасывалъ дорогое платье, надѣвалъ власяницу и приступалъ къ тяжелому, но давно желанному «спасенію» [1]).

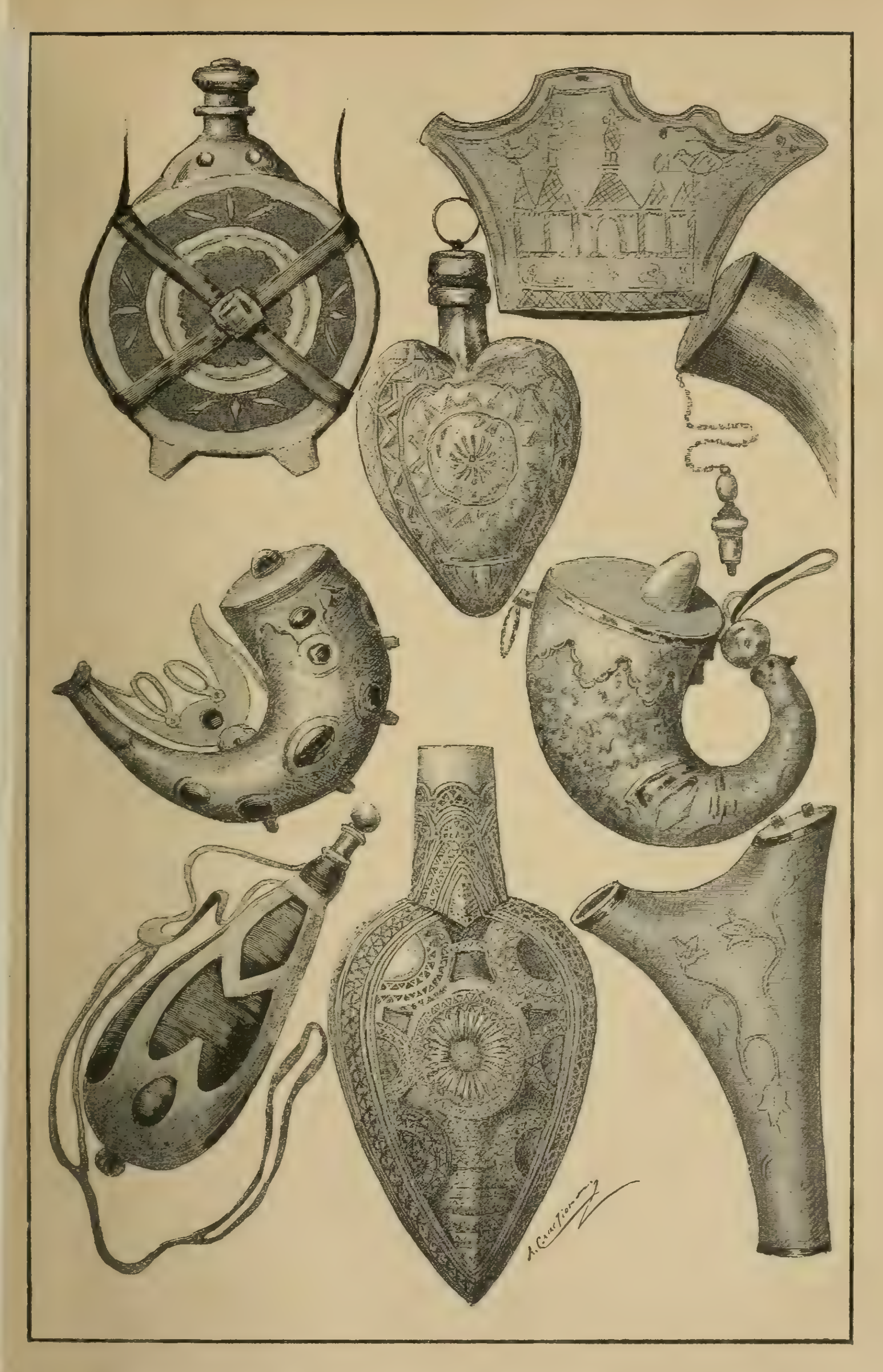
Не всѣ, конечно, изъ престарѣлыхъ запорожцевъ оканчивали свою жизнь въ монастыряхъ: большинство умирало тамъ, гдѣ жило, причемъ если козакъ умеръ въ Сичи, его хоронили на особо отведенномъ при каждой Сичи кладбищѣ; если онъ умиралъ въ зимовникѣ или бурдюгѣ, его хоронили гдѣ-нибудь на склонѣ глубокой балки, у устья рѣки, близь живописнаго озера или среди открытой и возвышенной степи; нерѣдко надъ могилой умершаго насыпали большой курганъ «для памяти знатнаго человѣка» [2]), оттого и до сихъ поръ поется въ козацкихъ пѣсняхъ:

«Винъ взявъ собі за жиночку,
Высòкую могйлочку, зелѐную долйночку».

Умершихъ хоронили въ полномъ козацкомъ убранствѣ: каптанѣ черкескѣ, сапьянахъ, шапкѣ и при оружіи, въ сосновыхъ, дубовыхъ и вербовыхъ гробахъ; въ гробъ ставили иногда фляжку съ горилкою и клали черепяную люльку, приговаривая при этомъ: «А нỳ-мо, товàрищи, поставимъ ёму пляшку горилки у гòловы, бо покійнычокъ любйвъ такй ії!» Поверхъ могилы выводили каменный

[1]) Обычай прощанія съ свѣтомъ запорожца художественно воспроизведенъ въ извѣстномъ сочиненіи П. А. Кулиша Чорна Рада, Спб., 1860, 90 — 94.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 78.



Запорожскія пороховницы собранія А. Н. Поля.
Къ стр. 268—269.

крестъ, нерѣдко сдѣланный самимъ покойникомъ еще за живота, на крестѣ дѣлали соотвѣтствующую надпись и выставляли бѣлый флагъ, въ знакъ безукоризненной чистоты умершаго рыцаря.

Большею частью, однако, запорожцы погибали въ бояхъ, на морѣ или на сушѣ, во время походовъ противъ непріятелей; тогда, разумѣется, козаку приходилось складывать свою «головоньку», гдѣ попало; если случались товарищи, то они наскоро выкапывали могилу саблями, землю изъ нея вычерпывали полами или шапками и хоронили умершаго товарища; если-же козакъ умиралъ одинъ, то онъ слагалъ свои кости совсѣмъ безъ «честнаго» погребенія:

«Якъ козака туркы вбыли, пидъ яворомъ положили,
Пидъ яворомъ зелененькимъ лежить козакъ молоденькій;
Его тило почорнило, а видъ витру пострупило,
Надъ нимъ коныкъ зажурывся, по колино въ землю вбывся».

Еще того хуже приходилось козаку, когда онъ, уходя изъ турецкой неволи, попадалъ въ дикую степь, безводную и безплодную пустыню и, томимый страшнымъ голодомъ и мучительною жаждой, погибалъ отъ голодной смерти; тогда чернокрылые орлы очи ему клевали, волки степные мясо объѣдали и желтые кости по шляхамъ таскали, а козацкая голова, между глазъ, травой-муравой проростала.

Церковное устройство у запорожскихъ козаковъ.

Отличительною чертою характера запорожскихъ козаковъ была ихъ глубокая религіозность; черта эта объясняется самымъ складомъ жизни ихъ: ничто такъ, говорятъ, не развиваетъ въ человѣкѣ религіознаго чувства, какъ постоянная война. «Кто въ Севастополѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился... Вѣра въ Промыселъ Божій есть единственный якорь спасенія во всѣхъ случаяхъ, какъ ни казалась бы неизбѣжною опасность, какъ бы ни близко была смерть. Сколько разъ приходилось слагать въ памяти молитвы, которымъ въ самомъ раннемъ возрастѣ обучала мать. Такъ на полѣ брани онѣ припоминались и перечитывались со всею точностію» [1]). Такъ говорили непосредственные участники знаменательной севастопольской войны 1854, 1855, 1856 годовъ; такъ могли съ полнымъ правомъ говорить о себѣ и запорожскіе козаки XV, XVI, XVII, XVIII вѣковъ. Оттого при всей патріархальной простотѣ и при всей видимой разгульной жизни запорожскіе козаки всегда отличались глубокою религіозностью и искреннею, чуждою всякаго ханжества, набожностью. Защита предковской вѣры и православной церкви составляла основу всей ихъ жизни: на этой почвѣ, даже забывъ свою національную вражду, они никогда не могли забыть оскорбленія своей святыни. Такъ, живя «на степяхъ татарскихъ, кочевьяхъ агарянскихъ» и пользуясь протекціей крымскаго хана, они открыто поносили, даже проклинали татаръ за сожженіе ими козацкой святыни, Самарско-Николаевскаго монастыря; въ это-же время, въ 1710 году, находясь въ турецкомъ городѣ Бендерахъ, запорожскіе козаки, заключая договоръ съ украинскими козаками, въ первомъ пунктѣ поставили вопросъ о

---

[1]) Сборникъ рукописей о севастопольской оборонѣ, Спб., 1872, II, 456; III, 45.

православной вѣрѣ: такъ какъ между тремя богословскими добродѣтелями вѣра первенствуетъ, то съ вѣры святой православной и надо начинать всякое дѣло соглашенія; народъ козацкій съ давнихъ поръ, во все время пребывая «ненарушимо» въ православной вѣрѣ, никогда не колебался иновѣріемъ: онъ началъ войну, вмѣстѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ, «опричь правъ и вольностей войсковыхъ, за вѣру святую православную», а по окончаніи той войны, не за инымъ чѣмъ и въ «протекцію государства московскаго удался», какъ только для самаго «единовѣрія православнаго»; посему и новый гетманъ украинскій, Филиппъ Орликъ обязанъ стараться и твердо стоять на томъ, чтобы «никакое иновѣріе въ Малую Россію ни отъ кого не было впроважено», чтобы иновѣрцамъ жить на Украйнѣ, а болѣе всего «зловѣрію жидовскому», никогда не было дозволено и чтобы «вѣра единая, восточнаго исповѣданія, за помноженіемъ хвалы божіей, церквей святыхъ и цвѣченія въ наукахъ вызволённыхъ, яко кринъ въ терніи, межъ окрестными иновѣрными панствами, процвѣтала» [1]). Также, живя подъ верховенствомъ польскаго правительства и пользуясь разными благами Рѣчи-Посполитой, запорожцы всею своею козацкою душою ненавидѣли ляховъ за то, что они были католиками, гонителями православной вѣры и распространителями уніи; слово «катоыкъ» даже сдѣлалось браннымъ словомъ на языкѣ козаковъ. Подъ вліяніемъ истинно религіознаго чувства, многіе изъ запорожскихъ козаковъ, чуждаясь веселой, шумной и вольной жизни въ Сичи, уходили въ дремучіе лѣса, береговыя пещеры, рѣчныя плавни и тамъ, живя между небомъ и землей, «спасались о Христѣ»; на этомъ поприщѣ являлись истинные подвижники, высокіе молитвенники и ревностные исполнители заповѣдей евангельскихъ и преданій апостольскихъ, каковы, напримѣръ, войсковой асаулъ Дорошъ, простой козакъ Семенъ Коваль и другіе [2]). Многіе созидали въ своихъ зимовникахъ часовни, устраивали скиты, воздвигали молитвенныя иконы, отдѣляли въ собственныхъ жилищахъ особыя «божницы», помѣщали въ нихъ иконы въ дорогихъ шатахъ и богатыхъ кіотахъ, ставили передъ ними неугасимыя лампады, зажигали отъ собственныхъ трудовъ восковыя свѣчи, курили дорогимъ оиміамомъ и, нерѣдко будучи грамотными,

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, IV, 320—322.

[2]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 60; Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 492.

пѣли акаѳисты, произносили молитвы, читали житія святыхъ и тѣмъ привлекали къ себѣ неграмотныхъ, но набожныхъ и усердныхъ къ христіанской вѣрѣ другихъ своихъ сотоварищей. Многіе, особенно изъ войсковой старшины, какъ напримѣръ, Милашевичъ, Калнишевскій, Колпакъ, Третьякъ, Рудь, Шульга и другіе, держали при себѣ греческихъ и славянскихъ монаховъ, пользовались ихъ добрыми совѣтами и старались жить согласно указаніямъ этихъ носителей слова божія. Многіе, какъ напримѣръ, іеромонахъ Паисій, монахъ Поликарпъ, козаки Андрей Хандалей, Филиппъ Раздора и другіе, посвящали всю свою жизнь единственно выкупу изъ далекой неволи несчастныхъ христіанъ, съ опасностію жизни проникали въ страшный городъ Кафу, теперешнюю Ѳеодосію, торговавшій «человѣческою неволею», пробирались въ самую столицу крымскихъ хановъ, Бахчисарай, и даже въ резиденцію турецкихъ султановъ, Константинополь: тутъ, скитаясь подъ видомъ мусульманскихъ нищихъ, слѣпцовъ, калѣкъ и убогихъ, собирали свѣдѣнія о несчастныхъ невольникахъ христіанскихъ и то выкупали ихъ на свободу за деньги, то тайкомъ уводили изъ неволи «на ясни зори, на тыхи воды, у краи веселый, мижъ мыръ хрещеный». Многіе жили лишь для того, чтобы отбивать христіянскій «ясырь» у хищныхъ татаръ, ежегодно уводимый тысячами, даже десятками тысячъ изъ Украины въ далекія области Малой Азіи, Индіи, Египта и другихъ отдаленныхъ странъ; они залегали по глубокимъ балкамъ, прятались по сторонамъ проѣзжихъ дорогъ, скрывались по чащамъ густыхъ лѣсовъ и, зорко подстерегая татарскіе отряды, внезапно нападали на нихъ, отнимали изъ рукъ дикихъ враговъ несчастныхъ невольниковъ, которыхъ потомъ на собственный счетъ лѣчили, давали одежду, снабжали продовольствіемъ и возвращали на родину; этими подвигами заслужили историческую извѣстность въ особенности козаки Хижнякъ, Шульга и Рудь, изъ коихъ послѣдній за свои высокіе христіанскіе подвиги получилъ награду въ нѣсколько тысячъ десятинъ земли и основалъ слободу Николаевку-Рудеву на рѣчкѣ Нижней-Терсѣ, въ бывшей паланкѣ самарской.

Побуждаемые тѣмъ-же религіознымъ чувствомъ, запорожскіе козаки два раза въ каждомъ году мирнаго времени отправлялись пѣшкомъ «на прощу», т. е. на поклоненіе святымъ мѣстамъ въ монастыри: Самарскій [1]), Мотронинскій, Кіевопечерскій, Межи-

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 92.

горскій, Лебединскій и Мошенскій: въ первый разъ осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, послѣ обычныхъ лѣтнихъ занятій—рыболовства, коневодства, скотоводства, овцеводства и звѣроловства, въ другой разъ передъ постомъ на масляницу: въ послѣднемъ случаѣ благочестивые паломники оставались въ святыхъ обителяхъ весь постъ до Пасхи и въ теченіи этого времени говѣли, исповѣдывались и пріобщались. Святость монашеской жизни и сознаніе всей суеты собственной жизни въ Сичи заставляли многихъ козаковъ навсегда оставаться въ этихъ монастыряхъ [1]) и даже уходить въ именитые монастыри дальнихъ странъ, каковы—греческій Аѳонъ и молдавская Драгомирна, «гдѣ большая часть монашествующихъ была отъ россійскаго роду, наипаче-же отъ православно-именитыя страны запорожскія» [2]). Иногда-же въ монастыри притекали козаки по особо важнымъ случаямъ, когда давали, напримѣръ, обѣтъ послужить Богу и инокамъ за спасеніе своей жизни отъ явной смерти: такъ въ «Тератургимѣ» кіевопечерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, жившаго въ началѣ XVII вѣка, разсказывается случай, какъ запорожцы, застигнутые однажды страшною бурею на Черномъ морѣ, обратились съ горячею молитвою къ Богу объ отвращеніи отъ нихъ грозившей бѣды, за что обѣщали послужить нѣсколько дней инокамъ святой Кіевопечерской обители и, когда опасность миновала, дѣйствительно сдержали свой обѣтъ, исполняя черныя работы въ монастырѣ въ теченіи двухъ недѣль [3]). Въ силу того-же религіознаго чувства запорожскіе козаки старались держать себя какъ можно дальше отъ раскольниковъ и жидовъ: оттого за все время своего болѣе, чѣмъ двухъ-сотъ-лѣтняго историческаго существованія они не знали въ своей средѣ ни раскола, ни лжеученія и всячески старались объ искорененіи жидовскаго «зловѣрія».

Другія черты общей и частной жизни запорожскихъ козаковъ даютъ много примѣровъ истинно религіозной жизни ихъ. Такъ, напримѣръ, нигдѣ съ такимъ уваженіемъ не относились къ духовенству, какъ въ Запорожьѣ: умный, образованный и благочестивый архимандритъ Владиміръ Сокальскій въ самый рѣшительный моментъ исторической жизни запорожскихъ козаковъ, во время атакозанія Сичи русскими войсками, въ 1775 году, своимъ вліяніемъ

[1]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 275, 281.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 138.
[3]) Τερατουργήμα Athanasiu Kalnofoiskiego, Кіевъ, 1638, 166.

и авторитетомъ подѣйствовалъ на нихъ не поднимать оружія даже и противъ москаля: «Онъ хотя и недругъ, но все-же православной вѣры человѣкъ». «Знавъ, панъ-отче, що сказать!» Въ обыкновенное время усердіе запорожскихъ козаковъ къ духовнымъ лицамъ простиралось до того, что Кошъ не только содержалъ ихъ на войсковой счетъ и не только щедро одѣлялъ, но даже особымъ ордеромъ на имя громадскихъ атамановъ приказывалъ раздавать овечью волну между семействами зимовчаковъ для пряжи ея на десятки и потомъ пряжу отсылать на сукно «къ одѣянію въ Самарскомъ монастырѣ послушниковъ и служителей, въ немъ находящихся» [1]). Постоянныя посѣщенія божественныхъ службъ и всякихъ славословій запорожскими козаками, особенно людьми преклоннаго возраста, богатыя подачи инокамъ, частыя отписыванія козаковъ, въ виду близкой кончины, имуществъ въ пользу церкви и духовенства [2]), въ особенности-же безчисленныя пожертвованія и различнаго рода вклады, которые дѣлали запорожскіе козаки въ монастыри, сичевыя и приходскія церкви, русскія и греческія обители деньгами, книгами, церковными облаченіями, сосудами, иконами, крестами, хоругвями, плащаницами, привѣсками, золотыми и серебряными слитками, жемчугомъ, драгоцѣнными камнями, дорогими тканями, богатыми кораллами—все это свидѣтельствуетъ о большомъ усердіи запорожцевъ къ храму божію и чтимымъ православною церковью праздникамъ. Такъ, въ 1755 году запорожскій Кошъ, отправляя своего полковника въ Москву за получкою царскаго жалованья, сдѣлалъ ему порученіе заказать московскимъ мастерамъ серебряное паникадило 5 пудовъ вѣсомъ, 2 аршина вышиной; за спѣшнымъ отъѣздомъ полковника паникадило было сдѣлано въ Глуховѣ за 3.000 рублей, сумму громадную по тогдашнему времени, особенно если вспомнимъ, что все жалованье войска опредѣлялось тогда 4.660 рублями; объ этомъ паникадилѣ запорожцы писали гетману Кириллу Разумовскому, что оно обошлось имъ «въ немалой суммѣ» и просили его дать для перевозки его изъ Глухова въ Сичу «для береженія на случай нападательства въ пути» десять «оружейныхъ» козаковъ [3]). Въ 1774 году запорожскій Кошъ для начальника сичевыхъ церквей,

[1]) Ѳеодосій. Самарскій Николаевскій монастырь, Екатеринославъ. 1873, 116.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Леонтьевича Коржа, Одесса, 1842, 40.

[3]) Изъ архива малороссійской коллегіи при харьковскомъ ун., № 1817, 1762 г. 31 іюля.

Владиміра Сокальскаго, возведеннаго по волѣ императрицы Екатерины II, въ санъ архимандрита, сдѣлалъ дорогую митру, наперсный крестъ и опредѣлилъ выдавать ему 300 рублей ежегоднаго жалованья, что составляло на наши деньги до 3.000 рублей; а черезъ годъ послѣ этого запорожскіе козаки хлопотали о томъ, чтобы «устроить въ своей покровской сичевой церкви золотые сосуды, искуснѣйшей и великолѣпнѣйшей работы», подобно сосудамъ въ кіевопечерской обители. Не совмѣщая представленія о величіи божественнаго храма съ простою деревянною церковью въ Сичи, запорожскіе козаки рѣшили-было построить въ своей столицѣ каменную церковь изъ мрамора и тесоваго камня, взятыхъ ими на развалинахъ старыхъ мечетей татарскихъ городовъ, но не суждено было тому исполниться вслѣдствіе паденія самаго Запорожья. Усердіе запорожскихъ козаковъ къ храмамъ божіимъ и благотворительности простиралось далеко и за предѣлы ихъ вольностей. Такъ, въ кіевскомъ Межигорскомъ монастырѣ запорожскіе козаки содержали на свой счетъ больницу и шпиталь [1]). Послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій на собственный囲коштъ построилъ каменную церковь, во имя Петра и Павла, въ Межигорскомъ монастырѣ въ Кіевѣ и деревянную церковь въ украинскомъ городѣ Ромнахъ. Тотъ же кошевой, по обѣту, посылалъ вклады въ церковь Гроба Господня въ Іерусалимѣ—чаши, дискосы, лжицы, звѣздицы, всѣ сдѣланныя изъ серебра, снаружи позлащенныя. Войсковой судья Василій Тимофѣевичъ соорудилъ на собственный коштъ церковь во имя святаго великомученика Пантелеймона въ Кіевѣ, на Подолѣ Межигорскаго дворца, и на собственный-же коштъ содержалъ ее. Другіе козаки дѣлали вклады церковными вещами въ тотъ-же Межигорскій монастырь; такъ, кошевой Иванъ Бѣлицкій и какой-то запорожецъ Василій пожертвовали два серебряныхъ напрестольныхъ креста, а Ѳедоръ Лантухъ принесъ въ даръ, въ 1763 году, книгу Минеи [2]); козаки Софронъ и Тимоѳей Острый пожертвовали, въ 1769 году, два серебряныхъ креста съ соотвѣтственными на нихъ надписями [3]). Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій, въ 1762 году, особою грамотою благодарилъ запорожскихъ козаковъ за усердіе къ хра-

---

[1]) **Максимовичъ.** Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 275.

[2]) **Максимовичъ.** Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 285.

[3]) **Филаретъ.** Черноморская Николаевская пустынь, Харьковъ, 1856, 17.

мамъ божіимъ въ Кіевѣ и просилъ позволенія собирать милостыни между запорожцами на благолѣпіе храма св. Софіи кіевской. Іеромонахъ Григорій св. Аѳонскаго монастыря приносилъ благодарность Кошу за «многія милости» и извѣщалъ о благополучномъ возвращеніи своемъ изъ поѣздки по запорожскимъ мѣстамъ на святую гору. Архимандритъ Константинъ «царской и патріаршей» греческой обители выражалъ глубокую признательность запорожскимъ козакамъ за присылку ими церковной утвари, облаченій и 2.500 рублей денегъ на монастырскія нужды [1]). Въ 1774 году, наканунѣ паденія Сичи, запорожцы послали архимандриту Межигорскаго монастыря, Иларіону, богато убранную, по малиновому бархату, митру [2]). Кромѣ перечисленныхъ примѣровъ почти каждый изъ простыхъ козаковъ, или избавившись отъ смерти на войнѣ, или излѣчившись отъ болѣзни дома, дѣлалъ посильный вкладъ въ храмъ божій серебряными крестиками, кружками, кубками, чарками, а болѣе всего металлическими подобіями сердецъ, рукъ, ногъ, глазъ, однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ страдалъ больной человѣкъ: эти изображенія навѣшивались, при помощи цѣпочекъ или ленточекъ, на различные образа въ церквахъ и монастыряхъ и въ безчисленномъ множествѣ сохранились до нашего времени. Кромѣ того, всякій умиравшій козакъ, если онъ имѣлъ икону, медаль, слитокъ золота, серебра и т. п., все это отписывалъ на церковь и завѣщалъ вѣшать на иконостасѣ въ избранномъ имъ самимъ мѣстѣ.

Помимо отмѣченныхъ фактовъ религіозности запорожскихъ козаковъ, на это-же указываютъ и другія черты ихъ характера — обычай не казнить преступниковъ подъ великій постъ, начинать всякое важное дѣло послѣ молитвы, носить при себѣ «тѣльный» крестъ съ изображеніемъ Покрова пресвятой Богородицы, архистратига Михаила, Николая чудотворца, вѣра въ спасительную силу этого креста во время «походовъ и баталій»; обычай записывать имена убитыхъ на брани въ синодики или помянники [3]), наконецъ особое уваженіе къ людямъ, «письмо священное читающимъ и другихъ ему научающимъ». Такъ, въ извѣстной козацкой думѣ «О бурѣ на Черномъ морѣ» разсказывается, что запорожскіе ко-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I. 136—140.

[2]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, I, 283.

[3]) Въ синодикѣ Нехворощанскаго монастыря въ 1714 году записано 700 именъ запорожскихъ козаковъ: Запорожье Эварницкаго, I, 107.

заки никакъ не соглашались бросить въ море, какъ жертву для успокоенія разъяренной стихіи, Олексія Поповича, не смотря на искреннее желаніе послѣдняго:

«Ой, козакы̀, па̀ны-молодцѝ, до̀бре вы чинѝте,—
Само̀го менѐ, Олексія Поповыча визьмѝте,
До моеи шыи ка̀минь билѐнькій прывьяжѝте,
Очи мой коза̀цьки молодѐцьки червòною кыта̀йкою запнѝте,
У Чо̀рне мо̀ре самого̀ менѐ спустѝте».
— «Ей, Олексію Попо̀вычу, сла̀вный лыцарю и пысарю!
Ты жъ святѐ письмо̀ чита̀ешъ
И насъ, про̀стыхъ козакѝвъ, на все добро̀ навча̀ешъ,
Про що жъ ты одь насъ грихѝвъ бѝльше ма̀ешъ?»

Вспомнимъ, наконецъ, и тотъ военный кликъ, съ которымъ запорожскіе козаки обращались къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ и по происхожденію, жителямъ украинскихъ городовъ, передъ началомъ всякихъ походовъ, чтобы яснѣе видѣть, какое значеніе имѣла религія во всей жизни этихъ высокихъ поборниковъ предковской вѣры и истинныхъ рыцарей православной русской церкви: «Кто хочетъ за вѣру христіанскую быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти—приставай къ намъ. Не надо бояться смерти: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь» [1]).

Однако, служа и душой и рукой православной вѣрѣ, запорожскіе козаки вовсе не углублялись ни въ какія тонкости богословскаго и катехизическаго ученія, — они больше придавали значенія непосредственной вѣрѣ, основанной скорѣе на чувствѣ, нежели на разумѣ, и, живя въ постоянной военной тревогѣ, нерѣдко, въ силу однакожъ необходимости, удовлетворяли своимъ религіознымъ потребностямъ не такъ, какъ было должно, а какъ было возможно. Такъ, застигаемые много разъ неминуемою смертью во время походовъ по Черному морю и не имѣя при себѣ священника, передъ которымъ могли-бы покаяться въ своихъ грѣхахъ, они, по выраженію козацкой думы, «исповѣдывались Богу, Черному морю и своему атаману кошовому». Эти обстоятельства нерѣдко навлекали на запорожцевъ несправедливые упреки въ безвѣріи и равнодушіи ихъ къ религіи. Такъ, извѣстный кіевскій митрополитъ XVII вѣка, Петръ Могила называлъ печатно запо-

[1]) Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, I, 68.

рожскихъ козаковъ «ребеллизантами», т. е. людьми неистовыми въ вѣрѣ, отступниками; православный панъ Адамъ Кисель того-же вѣка отзывался о нихъ, какъ о людяхъ «никакой вѣры—religionis nullius», уніатскій митрополитъ Рутскій именовалъ ихъ людьми «безъ религіи—sine religione», а думные дьяки московскіе 1594 года трактовали ихъ передъ посломъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихомъ Ласотою, «людьми, неимѣющими страха божія» [1]). Въ наше время нѣкоторые изъ изслѣдователей южно-русской исторіи, тенденціозно умаляя заслуги запорожскихъ козаковъ передъ родною вѣрою и православною церковью, низводятъ ихъ въ этомъ отношеніи чуть-ли не на степень дикихъ варваровъ: они указываютъ примѣры хищничества со стороны козаковъ православныхъ церквей и высшихъ духовныхъ лицъ, находятъ примѣры недовѣрія ихъ къ монахамъ въ виду военныхъ походовъ [2]), выставляютъ на видъ существовавшее между ними суевѣріе считать вредоноснымъ для военнаго счастія присутствіе священника въ ихъ войскѣ [3]), а также приводятъ, какъ доказательство полнаго равнодушія запорожцевъ къ церкви, извѣстную, обыкновенно поющуюся на малорусскихъ свадьбахъ, пѣсню, въ которой шутливо говорится, что запорожцы такъ одичали, будто не въ состояніи различить «попа отъ козла, и церкви отъ скирды».

«Слàвни хлòпци запорòжци
Викъ звикувàли—попà не выдàли,
Якъ забачили тай у пòли цàпа,
Отамàнъ кàже: «оцè, брàтци, пипъ, пипъ!»
Осавýлъ каже: «що я й причащався!»
Слàвни хлòпци запорòжци
Викъ звикувàли, цèркви не выдàли;
Якъ забачили тай у пòли скùрту.
Отамàнъ кàже: «отò, брàтци, цèрква!»
Осавýлъ кàже: «я въ ій сповидàвся».

Но въ этихъ отзывахъ слышатся частію непониманіе истинной сущности жизни запорожскихъ козаковъ; частію такъ называемыя общія мѣста; частію представленія о вѣрующемъ человѣкѣ, какъ о такомъ, который долженъ жить по колокольному

---

[1]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1873, книга II, 269; Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1878, III, 6.

[2]) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1878, февраль, 201; Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 543.

[3]) Археографическій сборникъ, С.-Петербургъ, I, 265.

звону, согласно идеальной монашеской жизни, и всѣ свои отношенія къ Богу выражать постомъ и внѣшними знаками безъ участія сердца; частію-же неправильныя заключенія отъ единичныхъ и случайныхъ фактовъ къ общимъ явленіямъ. Такъ, если въ 1637 и 1638 годахъ запорожскіе козаки скрывали отъ духовенства цѣль своихъ походовъ, то это дѣлалось по свѣжему примѣру доноса одного православнаго монаха польскому правительству о замыслахъ козаковъ противъ поляковъ; но этотъ случай приводить, какъ примѣръ безбожности запорожскихъ козаковъ, такъ же странно, какъ упрекать всякій военный совѣтъ въ наше время о намѣренномъ сокрытіи всѣхъ плановъ войны въ виду предстоящей кампаніи.

Много разъ намъ случалось проѣзжать по бывшимъ владѣніямъ запорожскихъ козаковъ, много разъ намъ приходилось видѣть мѣста столицы этихъ «низовыхъ рыцарей», а также мѣста бывшихъ слободъ и зимовниковъ ихъ, и много разъ намъ приходилось убѣждаться, что сичевые козаки въ выборѣ мѣстъ для построенія своего «кишла» руководились не только стратегическими соображеніями, но и художественнымъ, въ особенности-же религіознымъ чувствомъ. Стоитъ только бѣгло взглянуть на мѣста бывшихъ запорожскихъ Сичей и на различныя вещи церковнаго обихода, уцѣлѣвшія до насъ отъ времени запорожскихъ козаковъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Выискавъ какой-нибудь величественный островъ среди Днѣпра или высмотрѣвъ какой-нибудь возвышенный «рогъ», т. е. мысъ на берегу рѣки, устроивъ въ немъ внѣшній, а изъ внѣшняго отдѣливъ внутренній Кошъ, запорожскіе козаки выбирали въ послѣднемъ самое красивое и самое открытое мѣсто и на немъ прежде всего возводили церковь, непремѣнно во имя Покрова пресвятой Богородицы, а потомъ уже сооружали другія, необходимыя для жилья, постройки. «Пусть красуется храмъ божій въ небесной высотѣ и пусть святыя молитвы несутся объ насъ прямо отъ земли до престола Господа Бога». Въ самыхъ тяжкихъ положеніяхъ и печальныхъ событіяхъ времени церковь всегда составляла главнѣйшую заботу сичевыхъ козаковъ: когда въ 1709 году запорожскіе козаки бѣжали отъ «москаля», то прежде всего захватили съ собой церковное добро.

Первая церковь, на сколько можно догадываться, не имѣя, однако, на то прямыхъ указаній, была у запорожскихъ козаковъ

около 1576 года, именно около того времени, когда польскій король Стефанъ Баторій даровалъ имъ «городъ Терехтемировъ съ монастыремъ и перевозомъ да старинный же городокъ Самарь съ перевозомъ и землями въ гору Днѣпра по рѣчку Орель» [1]). Старинный городъ Самарь или Старая-Самарь находился на правомъ берегу рѣки Самары, въ шести верстахъ выше впаденія ея въ рѣку Днѣпръ, какъ разъ противъ теперешняго села Одинковки или Куликова, екатеринославской губерніи, новомосковскаго уѣзда. Хотя изъ королевскаго универсала не видно, чтобы въ Старой-Самари въ 1576 году была церковь, но предположить «старинный» городъ безъ церкви такъ-же трудно, какъ старое имѣніе безъ какого бы то ни было жилья для владѣльца.

Такъ или иначе, но запорожскіе козаки, имѣя главнымъ центромъ своихъ поселеній городъ Старую-Самарь, уже около 1576 года обратили свое вниманіе на вѣковой дремучій лѣсъ, «дубовую товщу», находившуюся въ 26 верстахъ выше города и здѣсь, на обширномъ островѣ, между рѣкою Самарою и ея рукавомъ Самарчикомъ, устроили первую въ своихъ вольностяхъ, а по теперешнему во всей екатеринославской губерніи, небольшую деревянную церковку «съ шпиталемъ, звоницею и школою при ней», во имя святителя и великаго чудотворца Николая, снабдили ее церковною утварью, богослужебными книгами, ризницей и выписали для юной церкви іеромонаховъ изъ кіевскаго монастыря, а въ 1602 году устроенную церковь обратили въ Самарско-Николаевскій-Пустынный монастырь и ввели въ немъ богослуженіе по чину греческаго Аѳонскаго монастыря [2]).

Съ этого времени и начинается исторія церкви въ предѣлахъ вольностей войска запорожскаго низового. Съ тѣхъ поръ запорожскіе козаки, заботясь о святости православной вѣры, разновременно въ теченіи всей своей исторической жизни устроили у себя около 60 церквей, не считая нѣсколькихъ часовенъ, скитовъ и молитвенныхъ иконъ, и открыто выступили на борьбу съ врагами за предковскую вѣру. Въ концѣ XVI вѣка такими врагами русской вѣры и народности объявило себя польское правительсто и католическое духовенство. Въ 1596 году между Польшей и Украй-

[1]) Академикъ Григорій Миллеръ думаетъ, однако, что городъ Самарь запорожцы получили позже, уже при Богданѣ Хмельницкомъ Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

[2]) Ѳеодосій. Самарскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 6.

ной, по проискамъ римской куріи, состоялась такъ называемая церковная унія; по этой уніи православные люди Украйны присоединялись къ католической церкви, ни въ чемъ не нарушая своей вѣры и обычаевъ, но признавая лишь верховнымъ главой, въ духовномъ отношеніи, римскаго папу. Такъ условлено было на бумагѣ, на дѣлѣ-же вышло совсѣмъ иначе: Польша, бывшая въ то время главнымъ разсадникомъ іезуитовъ, оттого сама заразившаяся іезуитскимъ вѣрогоненіемъ и безконечною ненавистью ко всему православному, вскорѣ послѣ введенія уніи стала насильственно обращать православныхъ людей въ католиковъ, стала запрещать богослуженія въ украинскихъ городахъ по восточному обряду, стала глумиться надъ русскимъ православнымъ духовенствомъ, и тогда всѣмъ сдѣлалось ясно, что введенная на Украйнѣ унія была лишь мостомъ, чрезъ который іезуиты стремились провести въ православную Украйну католическую вѣру. Тогда противъ насилій со стороны католическаго духовенства и гоненій польскаго правительства подняли свой голосъ именно запорожскіе козаки: въ 1632 году на общей войсковой радѣ, публично и торжественно, они рѣшили удалить изъ своей среды всѣхъ католиковъ, жившихъ среди низового православнаго товариства; они не сдѣлали католикамъ никакого насилія, напротивъ того, выдѣлили изъ войсковаго скарба часть принадлежавшаго имъ добра, но велѣли имъ немедленно оставить предѣлы запорожскихъ вольностей. Однако католики, можетъ быть, не желая разстаться съ вольною жизнью; можетъ быть, не желая возвращаться къ ненавистнымъ порядкамъ своей отчизны, рѣшились принять православную вѣру и навсегда остаться въ Запорожьѣ [1]).

Между тѣмъ гоненія со стороны католиковъ на православныхъ въ Украйнѣ не прекращались, и тогда на защиту предковской вѣры и народныхъ правъ въ самой Украйнѣ выступилъ знаменитый гетманъ Богданъ Хмельницкій. Онъ нашелъ пріютъ у запорожскихъ козаковъ въ ихъ Сичи на Микитиномъ-Рогѣ, получилъ отъ нихъ военную и денежную помощь и въ 1648 году, 8 мая, впервые нанесъ врагамъ православной вѣры страшное и роковое пораженіе въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ, на рѣчкѣ Желтыхъ-Водахъ, впадающей въ рѣку Ингулецъ [2]), тепе-

---

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви. Екатеринославъ, 1876, 33.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 7.

решняго верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Въ этомъ-же году, послѣ побѣды надъ поляками при Желтыхъ-Водахъ и Корсунѣ, Хмельницкій прислалъ на сичевую церковь въ Микитиномъ-Рогѣ и ея священнослужителей 300 талеровъ подарокъ [1]). Такъ микитинская церковь была второю послѣ самарско-николаевской въ запорожскомъ краѣ: нужно думать, однако, что эта вторая церковь была не постоянная, а временная, подвижная.

Послѣ цѣлаго ряда битвъ, послѣдовавшихъ за первыми пораженіями поляковъ, запорожскіе козаки, въ 1654 году, вмѣстѣ съ малороссійскими козаками и народомъ, поступили въ подданство русскаго царя, и тогда ихъ православная церковь нашла защитниковъ въ лицѣ высшихъ іерарховъ русской церкви. Въ это время, именно въ 1656 году, въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ, въ селеніи Старомъ-Кодакѣ, устроена была третья церковь, во имя архистратига Михаила. Церковь эта была походная, привезенная изъ запорожской Сичи и устроенная, по распоряженію Коша, для учрежденной впервые въ Старомъ-Кодакѣ береговой стражи изъ охочихъ козаковъ-лоцмановъ: при ней былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря [2]).

Въ наставшую послѣ присоединенія Украйны и Запорожья къ Россіи войну русскихъ съ поляками и ихъ союзниками, турками и татарами, запорожскіе козаки принимали самое дѣятельное участіе, воюя противъ недруговъ православной христовой вѣры. За это имъ жестоко отомстили полудикіе крымцы: въ отсутствіе запорожцевъ они прошли съ огнемъ и мечомъ изъ края въ край все Запорожье, испепелили козацкія жилища, разорили главныя ихъ займища, захватили съ собой массу всякаго добра и, что всего дороже было для запорожскихъ козаковъ, истребили огнемъ главную святыню ихъ, только-что возникшій Самарско-Николаевскій монастырь. Съ невыразимою грустью возвращались запорожцы послѣ трудныхъ походовъ въ свои родныя мѣста: видъ страшныхъ разрушеній, оставленныхъ повсюду татарами, въ особенности-же въ Самарскомъ монастырѣ, наполнилъ негодованіемъ ихъ сердца: они не могли забыть разрушенія святыни татарами даже спустя 55 лѣтъ послѣ того, когда сами жили подъ протекціей крымскаго хана.

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 71.

[2]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 71.

Занявъ родныя пепелища, запорожскіе козаки въ мартѣ 1659 года, послѣ общей войсковой рады на Романковомъ курганѣ, выше Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ теперь село Романково, екатеринославскаго уѣзда, рѣшили построить, четвертую по счету, церковь на новой своей Сичи, Чортомлыцкой, во имя Покрова пресвятой Богородицы. Церковь эта была окончена въ сентябрѣ, а богослуженіе въ ней начато перваго числа въ октябрѣ храмового праздника въ Сичи Вслѣдъ за построеніемъ церкви въ Сичи запорожскіе козаки взялись за возобновленіе разрушенной татарами церкви въ Самарскомъ монастырѣ: скоро на мѣстѣ сгорѣвшей маленькой церкви явилась большая и лучшая, попрежнему «съ шпиталемъ, звоницей и школой»; въ 1672 году она была торжественно освящена и вслѣдъ затѣмъ открыта богослуженіемъ. Спустя 5 — 6 лѣтъ послѣ этого, въ періодъ времени отъ 1677 по 1678 годъ, къ рѣкѣ Самарѣ хлынула съ одной стороны масса православныхъ поселенцевъ Заднѣпровья, нестерпѣвшихъ страшныхъ насилій со стороны польскихъ властей, съ другой — масса козаковъ, бѣжавшихъ изъ-подъ Черкасъ, Канева и Чигирина послѣ разоренія ихъ во время русско-турецкой и русско-козацкой войнъ: и тѣ и другіе между прочимъ были поселены близь Самарско-Николаевскаго монастыря [1]).

Конецъ XVI столѣтія и начало XVII во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятны были для православной церкви запорожскаго края: это время въ исторіи низовыхъ козаковъ ознаменовано было большими смутами и тревогами: въ 1679 году турецкія войска приходили на Запорожье и ниже Сичи «смуровали» для себя двѣ крѣпости; тогда запорожцы принуждены были уйти изъ Сичи въ луга; съ 1687 года открылись крымскіе походы князя Василія Голицына, продолжавшіеся по 1689 годъ: тогда русскія войска шли черезъ вольности запорожскихъ козаковъ и устроили здѣсь, въ Старой-Самарѣ, базисъ для отраженія татаръ, такъ называемую Новобогородицкую крѣпость, послужившую поводомъ къ недовольству и открытому бунту со стороны запорожцевъ на русское правительство, видѣвшихъ въ построеніи крѣпости посягательство на ихъ собственную свободу; въ 1692 и 1693 году на Украинѣ дѣйствовалъ бывшій канцеляристъ Петрикъ, поднявшій все Запорожье и Крымъ противъ украинскихъ старшинъ и гетмана Ивана Ма-

---

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 36.

зепы; въ 1694 году запорожскіе козаки ходили подъ крымскій городъ Перекопъ; въ слѣдующемъ году принимали участіе въ азовскихъ походахъ Петра противъ турокъ, а въ 1701 году ходили походомъ къ городамъ Минску и Пскову противъ шведовъ [1]). Наконецъ, ко всему этому запорожскіе козаки въ это-же время испытали ужасныя бѣдствія отъ засухи, неурожая, саранчи и мора [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, не могло, конечно, благопріятно отозваться на положеніи возникшей церкви въ запорожскомъ краѣ. Отсюда неудивительно, почему за весь этотъ періодъ историческаго существованія козаковъ къ четыремъ возникшимъ церквамъ—самарской, микитинской, старокодацкой и чортомлыцкой—прибавилась лишь одна, въ запорожскомъ селеніи Лычковомъ, на лѣвомъ берегу Орели, въ 55 верстахъ отъ Самарско-Николаевскаго монастыря, существовавшая уже въ 1706 году [3]).

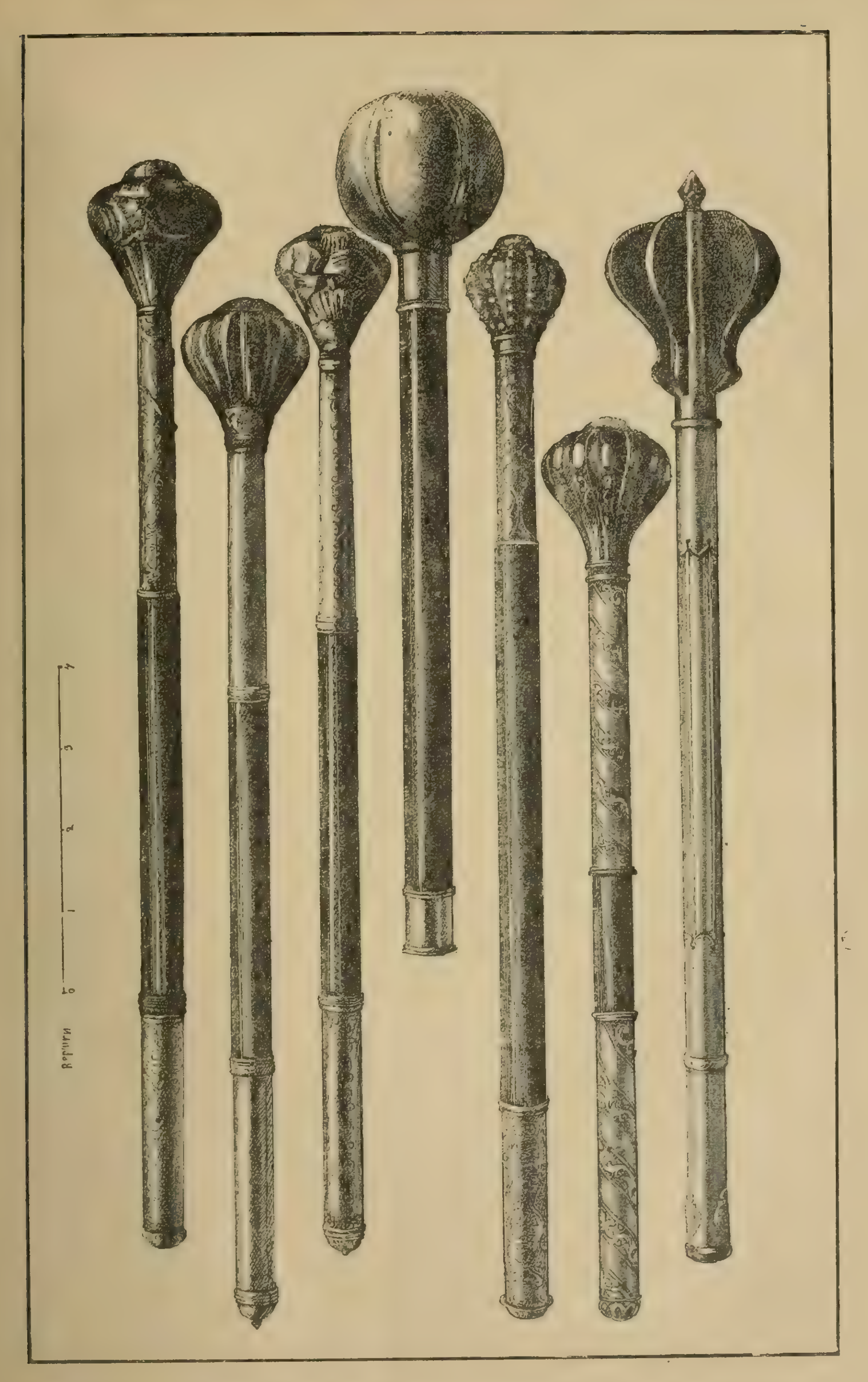
Но еще болѣе неблагопріятнымъ временемъ для запорожской церкви былъ періодъ времени отъ 1709 по 1734 годъ. Въ 1709 году запорожскіе козаки, съ кошевымъ атаманомъ Константиномъ Гордіенкомъ во главѣ, увлеченные примѣромъ малороссійскаго гетмана Ивана Мазепы, оставили подданство русскому царю и перешли на сторону шведскаго короля Карла XII. Фортуна военнаго счастья оказалась на сторонѣ русскаго царя, и запорожцы жестоко поплатились за свои разсчеты: Сича ихъ была «зруйнована», а вмѣстѣ съ ней и сичевая покровская церковь разрушена; другія церкви хотя и остались нетронутыми, но духовенство ушло отъ нихъ то въ Бѣлградъ, то въ Кіевъ, и только нѣкоторая часть его осталась на своихъ мѣстахъ и оплакивала печальную участь своего войска. Между тѣмъ запорожскіе козаки, уходя «на поля татарскія, кочевья агарянскія», успѣли захватить съ собой лишь походныя церкви, «холщевыя и клеенчатыя», напоминавшія собой палатки изъ складныхъ ширмъ [4]), а духовенства своего на первыхъ порахъ совсѣмъ лишились: къ нимъ приходили духовныя лица изъ Польши, Аѳона, Іерусалима и Константинополя, надъ которыми настоятелемъ былъ архимандритъ Гавріилъ, родомъ грекъ, поставленный греческимъ архіереемъ: только съ 1728 года греческаго

[1]) Лѣтопись Самовидца, 148, 172—175, 184, 192, 195, 202, 204.

[2]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 149, 162, 164, 174, 178 и др.

[3]) Ѳеодосій. Матеріалы для историко-стат. описанія, Екат., I, 324.

[4]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 39.



Булавы и перначи въ Екатеринодарѣ.—Къ стр. 270—271.

архимандрита смѣнилъ русскій священникъ Дидушинскій. Вообще въ теченіи времени отъ 1709 по 1734 годъ запорожскіе козаки особенно часто входили въ сношеніе съ греческимъ духовенствомъ: они нѣсколько разъ посылали отъ себя денежные подарки цареградскому патріарху и въ свою очередь не разъ отъ него получали дорогіе подарки. Таковы, напримѣръ, тѣ великолѣпныя, златотканныя ризы и превосходной работы, арабскаго дерева, съ инкрустаціей аналой, по преданію, принадлежавшій знаменитому проповѣднику Іоанну Златоусту, которыя и въ настоящее время хранятся въ соборной церкви Никополя, мѣста бывшей нѣкогда Микитинской Сичи.

Въ это самое время покинутая запорожцами главная святыня ихъ края, Самарско-Николаевскій монастырь, въ теченіи восьми лѣтъ оставалась въ запустѣніи. Къ счастью, однако, для него въ то время всѣмъ краемъ, отъ рѣки Самары вверхъ, завѣдывалъ миргородскій полковникъ, энергичный и находчивый, Даніилъ Павловичъ Апостолъ съ сыномъ Павломъ Даниловичемъ. Въ 1717 году Апостолъ воспользовался приходомъ изъ Заднѣпровья въ оставленныя запорожцами мѣста ста человѣкъ козаковъ, гонимыхъ поляками за православную вѣру, поселилъ ихъ близь Самарскаго монастыря и обязалъ всячески заботиться о возстановленіи запорожской святыни. Въ слѣдующемъ году къ первымъ выходцамъ изъ-за Днѣпра пришли вторые: полковникъ Апостолъ воспользовался и новыми пришельцами: онъ поселилъ ихъ въ урочищѣ Могилевѣ на правомъ берегу рѣки Орели, впадающей въ Днѣпръ на 90 верстъ выше рѣки Самары. Въ 1721 году въ Самарскій монастырь прибыло пять монаховъ изъ Трехтемировскаго кіевской епархіи монастыря; вслѣдъ за монахами явился въ Самарскую обитель, по распоряженію Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, въ качествѣ настоятеля, іеромонахъ Іоанникій, съ нѣсколькими монахами, съ цѣлью возстановленія покинутаго запорожцами монастыря. По зову Іоанникія къ стѣнамъ обители стали собираться православные христіане, жившіе по Самари, и всѣми средствами содѣйствовать благимъ начинаніямъ настоятеля. Но къ несчастью для обители, въ это время, въ 1730 году, сюда бѣжалъ проходимецъ Епифаній Яковлевъ, бывшій монахъ Козелецкаго монастыря, потомъ обманомъ получившій санъ епископа въ турецкомъ городѣ Яссахъ, по прибытіи въ Россію заключенный въ Переяславскій Михайловскій монастырь, а потомъ изъ Переяславскаго Михай-

ловскаго монастыря, по истеченіи нѣкотораго времени, бѣжавшій, съ нѣсколькими приверженцами-раскольниками, въ Самарско-Николаевскій монастырь. Правда, здѣсь онъ былъ скоро пойманъ и вслѣдъ затѣмъ немедленно отправленъ въ кіевскую крѣпость, гдѣ впослѣдствіи и умеръ, раскаявшись въ своихъ грѣхахъ; но тѣмъ не менѣе открытіе въ Самарскомъ монастырѣ такого человѣка, какимъ былъ Епифаній, смутило истинно вѣрующихъ христіанъ и на нѣкоторое время задержало работы по возведенію и устройству обители. Зато въ это-же время, около 1730 года, явился въ Самарскій монастырь изъ слободы Малой-Терновки бывшій войсковой асаулъ Дорошъ: это былъ человѣкъ благочестивый, даже аскетъ, подвижникъ, весьма свѣдущій въ священномъ писаніи и въ тоже время поистинѣ смиренный христіанинъ. Полюбивъ всѣмъ сердцемъ обитель и пустынную мѣстность ея, онъ поселился здѣсь навсегда, завелъ большую пасѣку и устроилъ на берегу Самары, противъ злосчастнаго мѣста, Чернечьяго-Пекла, похоронившаго однажды въ своей бездонной ямѣ переплывавшихъ въ бурную погоду рѣку нѣсколько человѣкъ монаховъ, каменную каплицу съ иконою святителя и великаго чудотворца Николая, къ каплицѣ пригласилъ іеромонаха Самарскаго монастыря и тутъ предался молитвеннымъ подвигамъ и добрымъ дѣламъ: деньгами, добываемыми отъ продажи меду, помогалъ бѣднымъ людямъ и братіямъ монастыря, а молитвами и еженедѣльными субботними панихидами испрашивалъ у Бога спасенія душамъ утонувшихъ въ Чернечьемъ-Пеклѣ монаховъ. Въ своемъ уединеніи Дорошъ дожилъ до глубокой старости и послѣ кончины, въ 1756 году, погребенъ въ Самарскомъ монастырѣ; въ каплицу его, еще долго послѣ смерти устроителя ея, стекались благочестивые люди и возносили здѣсь молитвы къ Богу; въ 1769 году она была разрушена татарами, и главнѣйшая ея святыня, икона святителя Николая, спустя нѣкоторое время, найдена была на дубовомъ пнѣ въ лѣсу и поставлена сперва въ церкви монастыря, потомъ въ ризницѣ, наконецъ снова въ церкви, гдѣ и теперь находится, привлекая къ себѣ массу благочестивыхъ богомольцевъ, больныхъ и немощныхъ людей, чающихъ получить спасеніе отъ своихъ недуговъ у святого образа [1]).

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви. Екатеринославъ, 1876, 41, 60, 62.

Въ 1734 году наступила новая эра въ исторіи запорожскихъ козаковъ: въ этомъ году, въ самомъ началѣ мѣсяца марта, запорожскіе козаки, прощенные императрицей Анной Іоанновной, вновь возвратились подъ россійскую державу и привезли съ собой архимандрита Гаврiила, священника Дидушинскаго, множество греческихъ монаховъ и іереевъ. Избравъ мѣсто для новой Сичи на рукавѣ Днѣпра, Подпильной, запорожскіе козаки первымъ дѣломъ своимъ поставили устройство церкви въ Сичи, во имя Покрова пресвятой Богородицы. Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій, черезъ посредство кіевскаго военнаго губернатора графа Вейсбаха, всегда покровительствовавшаго запорожцамъ, прислалъ имъ 3 апрѣля 1734 года свое благословеніе «на основаніе Коша и церкви святой Покровы». Въ тоже время въ Сичу прибылъ, по рекомендаціи черниговскаго епископа Иродіона Жураховскаго, бывшаго архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря, іеромонахъ Павелъ Маркевичъ: владыка рекомендовалъ іеромонаха Павла низовому товариству въ качествѣ начальника запорожскихъ церквей. Запорожцы, привыкшіе уважать все, что исходило изъ Межигорскаго монастыря, не смотря на то, что уже имѣли у себя достойнѣйшихъ лицъ, архимандрита Гавріила и священника Дидушинскаго, послушались совѣта владыки и рѣшили принять іероманаха Павла въ качествѣ настоятеля всѣхъ запорожскихъ церквей; а самому владыкѣ написали письмо, въ которомъ просили его передать братіи Межигорскаго монастыря, «ижбы они изволили въ надѣи пребывать, же мы ихъ по совѣту всѣхъ нашихъ войсковыхъ куренныхъ атамановъ и прочихъ стариковъ, не чуждаемся и благоволимъ за настоятелей духовныхъ себѣ принять, токмо намъ до весны почекаютъ, за кимъ на семъ нашемъ нынѣшнемъ новопоселеніи Е. И. В. много мощною державою, кошемъ утвердимся» [1]).

Въ выборѣ начальника церквей запорожскіе козаки не ошиблись: энергичный іеромонахъ Павелъ скоро окончилъ церковь въ Сичи и съ тѣми-же рабочими, нужно думать сичевыми мастерами, отправился къ Самарскому монастырю и скоро привелъ въ порядокъ и полное благоустройство эту высокую святыню всего запорожскаго края: въ сичевой и монастырской церквахъ онъ установилъ монастырскій чинъ богослуженія, ввелъ соотвѣтствующую всѣмъ пра-

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 131

вославнымъ храмамъ организацію и открылъ при церквахъ школы для обученія взрослыхъ козаковъ и «молодиковъ». Вскорѣ послѣ этого, во время наставшій отъ 1736 по 1737 годъ русско-турецкой войны, іеромонахъ Павелъ «збудувалъ» двѣ новыхъ деревянныхъ церкви, въ слободѣ Старомъ-Кодакѣ и Ненасытецкомъ-Ретраншементѣ, для стоявшихъ тамъ русскихъ войскъ и запорожскихъ козаковъ [1]. Вслѣдъ затѣмъ, около 1740 года, къ двумъ новымъ церквамъ прибавилась еще одна въ селѣ Романковѣ: это было послѣ того, когда въ селѣ Ярославкѣ черниговскаго намѣстничества, козелецкаго округа, явился самозванецъ, полякъ Иванъ Миницкій, выдававшій себя за царевича Алексѣя Петровича. Тогда въ Козельцѣ, Ярославкѣ, Басанкѣ и другихъ мѣстахъ произошло возмущеніе, послѣ чего многіе бѣжали отъ наставшихъ вслѣдъ за возмущеніемъ бѣдъ въ запорожскія вольности, къ Романкову кургану и Кодаку; тогда одна партія пришедшихъ козаковъ, съ какимъ-то священникомъ Ѳеодоромъ во главѣ, основала первую церковь во имя Успенія пресвятой Богородицы, въ урочищѣ Романковѣ [2].

Послѣ бѣлградскаго мира, установившаго точныя и опредѣленныя границы между вольностями запорожскихъ козаковъ съ одной стороны и кочевьями степныхъ татаръ съ другой, особенно-же послѣ объявленнаго русскимъ правительствомъ въ 1741 году повелѣнія «принимать и селить въ заднѣпровскихъ россійскихъ земляхъ выходящихъ изъ польскихъ мѣстъ малороссіянъ и бѣглецовъ великороссіянъ», въ вольностяхъ запорожскихъ козаковъ появилось нѣсколько новыхъ слободъ, каковы: Андреевка, Усть-Самара, Островъ-Затонъ, Ненасытецкій-Ретраншементъ, Биркусскій-Редутъ, Мишуринъ-Рогъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ впослѣдствіи возникли церкви, а при церквахъ явились іеромонахи и священники. Въ свою очередь и запорожскій Кошъ нашелъ нужнымъ призвать своихъ козаковъ къ заселенію окраинъ собственныхъ владѣній въ кодацкой, самарской и прогноинской паланкахъ: тогда, по зову Коша, явились семейные запорожцы, основали новыя слободы, устроили въ нихъ церкви и къ церквамъ пригласили іеромонаховъ и священниковъ. Такъ, въ концѣ первой и въ началѣ второй половины XVIII вѣка въ числѣ населенныхъ слободъ съ церквами и духовенствомъ въ паланкахъ—кодацкой, самарской и протовчан-

[1] Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 44.

[2] Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 44.

ской значились: Новый-Кодакъ, Невоселица, Каменка, Ревовка, Гупаловка, Шуглѣевка, теперь Шульговка, Карнауховка, Томаковка, Письмичевка, Кильчень, Пышневка, Козырщина, Перещепино, Калантаевка, Сердюковка и Николаевка-Рудевка, кромѣ извѣстныхъ раньше селъ и при нихъ церквей Стараго-Кодака, Романкова и Могилева [1]). Къ этимъ церквамъ нужно прибавить еще двѣ церкви—въ ингульской паланкѣ при урочищѣ Перевизкѣ, и въ кальміусской паланкѣ при устьѣ Берды: послѣдняя церковь существовала уже въ первой половинѣ XVIII вѣка, такъ какъ въ 1754 году она уже была «старая, обветшавшая» [2]).

Ревнуя о благочестіи и чистотѣ своихъ храмовъ и православной предковской вѣры, запорожскіе козаки связали себя въ это время клятвеннымъ обѣтомъ не принимать въ свою среду никого, кромѣ православно-русскихъ людей, а пришельцевъ другихъ націй и другихъ религій допускать къ себѣ лишь послѣ принятія ими во всей цѣлости ученія православной христіанской церкви: жидамъ же и раскольникамъ совсѣмъ воспретили жить какъ въ Сичи, такъ и въ зимовникахъ вольностей козацкихъ; къ раскольникамъ причислялись съ одной стороны соратники запорожцевъ, донскіе козаки, которыхъ они считали приверженцами неосмысленнаго лжевѣрія, съ другой стороны раскольники, поселившіеся около крѣпости св. Елизаветы по верховьямъ рѣки Ингула. Послѣдніе на столько тревожили запорожскихъ козаковъ, что въ 1767 году они просили черезъ своихъ депутатовъ русское правительство объ удаленіи ихъ отъ русскихъ границъ, «понеже въ войску низовому, по жительству ихъ на границахъ, уставъ таковъ, чтобъ въ войскѣ запорожскомъ и на принадлежащей ему землѣ иновѣрнымъ не быть и не жить» [3]).

Одновременно съ этимъ на общей войсковой радѣ сдѣлано было нѣсколько важныхъ распоряженій, касающихся положенія запорожскаго духовенства, церкви и школы. Такъ, въ 1766 году установлена была опредѣленная норма платы за совершеніе священнодѣйствій и исправленіе различнаго рода требъ, опредѣлено было выдавать извѣстную «роковщину» или ругу на благоустройство церквей и содержаніе духовенства какъ при сичевой церкви и

---

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, 1876, 46, 51.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. Одесса, 1885. I, 135.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885. I. 123.

Самарскомъ монастырѣ, такъ и при церквахъ приходскихъ запорожскаго поспильства; рѣшено было принимать антиминсы и святое муро, всегда необходимое для помазанія неправославныхъ христіанъ, постоянно поступавшихъ въ Запорожье и въ лоно православной церкви, также для вновь возводимыхъ церквей и часовенъ, только изъ кіевской митрополіи черезъ посредство Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря; постановлено было завести при церквахъ самарской, сичевой и почти всѣхъ приходскихъ школы для обученія въ нихъ грамотѣ, письму, закону божію, молитвамъ, и устроить шпитали для опредѣленія въ нихъ старыхъ, убогихъ, калѣкъ и нищихъ [1]), наконецъ, признано необходимымъ принимать въ Самарско-Николаевскій монастырь, сичевую и приходскія церкви монаховъ, священниковъ и церковниковъ только изъ одного Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Начало второй половины XVIII вѣка особенно благопріятно было для развитія церкви въ предѣлахъ Запорожья: въ то время императрица Екатерина II издала повелѣніе «пребывающимъ уже жителямъ запорожскихъ земель дать жизнь порядочную и спокойную, а остальныя запорожскія обширныя и безлюдныя степи заселить способнымъ христіанскимъ народомъ, къ земскому хозяйству и къ военной службѣ равно устроеннымъ» [2]). Но чтобы вполнѣ достигнуть этого, Екатерина II нашла нужнымъ открыть въ запорожскихъ земляхъ губернію съ уѣздами и двумя главными провинціями; открытіе послѣдовало 22 марта 1764 года, и эта губернія названа новороссійскою. Въ объявленную губернію привлечены были разные поселенцы, большею частію «изъ славяно-русскаго православнаго народа». Узнавъ о такомъ распоряженіи русскаго правительства, запорожская войсковая старшина съ своей стороны стала стремиться къ тому, чтобы заселить дикія мѣста своихъ вольностей и пріохотить новыхъ поселенцевъ къ воздѣлыванію земли. Дѣйствительно, населеніе запорожскаго края съ этого времени значительно увеличилось; вмѣстѣ съ населеніемъ увеличилось число слободъ и зимовниковъ, а вмѣстѣ съ увеличеніемъ слободъ и зимовниковъ увеличилось число православныхъ церквей и приходовъ. Около 1760 года, по желанію Коша, въ городѣ Самарчикѣ учреждено было такъ называемое «Старо-кодацкое духов-

---

[1]) Феодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 56, 57.

[2]) Феодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 67.

ное намѣстническое правленіе», первымъ и главнымъ священникомъ котораго, такъ называемымъ «крестовымъ намѣстникомъ», былъ Григорій Ивановичъ Порохня [1]). Въ 1768 году въ Сичу прибыло нѣсколько монаховъ изъ малорусскихъ, великорусскихъ и греческихъ монастырей за сборомъ милостыни; но запорожскій Кошъ запретилъ этотъ сборъ на два года, имѣя въ виду въ теченіи этого времени собрать возможно большую сумму денегъ и на нихъ возвести и благоустроить новыя церкви въ землѣ собственныхъ вольностей [2]).

Съ этого времени и до момента паденія Сичи въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ насчитывалось по отрывочнымъ даннымъ, дошедшимъ до нашего времени, 44 церкви, 13 часовенъ, 2 скитка и одна молитвенная икона, въ слѣдующихъ 53 селеніяхъ и урочищахъ: Деріевкѣ, Тройницкомъ, Мишуриномъ-Рогѣ, Омельникѣ, Калужинѣ, Днѣпрово-Каменкѣ, Бородаевкѣ, Домоткани, Романковѣ, Каменскомъ, Карнауховкѣ, Новомъ-Кодакѣ, Звонецкомъ, Томаковкѣ, Чувилиномъ, Шолоховомъ, Полозовомъ, Житловой-Саксагани, Желтой, Зеленой, Панчохиномъ, Орликѣ, Лелековкѣ, Кисляковкѣ, Гардѣ, Каменкѣ, Ревовкѣ, Бригадировкѣ, Куриловкѣ, Петриковкѣ, Шульговкѣ, Могилевомъ, Бабайковкѣ, Гупаловкѣ, Котовкѣ, Лычковомъ, Старосамари, Новосамари, Кильчени, Кочережкахъ, Петровскомъ, Дмитровкѣ, Малой-Терновкѣ, Рудевкѣ, Межирѣчьѣ, Лозовомъ, Андреевкѣ, Подгорнемъ, Чернухинѣ, Кагальникѣ, Усть-Міусѣ, Усть-Бердѣ и Шангирейскомъ ратраншементѣ.

Церковь въ урочищѣ Деріевкѣ, на Серетовкѣ, нижней половинѣ теперешняго села Деріевки, верхнеднѣпровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, существовала, во имя Вознесенія Господня, уже въ 1740 году; съ 1755 года эта церковь находилась въ вѣдомствѣ кобеляцкой протопопіи и полтавскаго духовнаго правленія, а съ 1756 года въ ближайшемъ вѣдѣніи «намѣстника всѣхъ заднѣпровскихъ церквей и приходовъ», священника слободы Днѣпрово-Каменки, Артемія Зосимовича; въ годину татарскаго нашествія на запорожскій край, въ 1768 и 1769 годы, при общемъ бѣгствѣ жителей въ лѣса и ущелья, церковь слободы Деріевки какимъ-то чудомъ уцѣлѣла на мѣстѣ, «заступленіемъ Всевышняго спасенія»;

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 307

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 137.

видимо уже въ то время она считалась ветхою, такъ какъ въ 1775 году жители селенія Деріевки, переименованнаго въ то время въ государственную слободу, стали хлопотать о построеніи здѣсь новой церкви: эта церковь была окончена уже послѣ паденія Сичи въ 1784 году [1]): изъ древнихъ вещей въ церкви слободы Деріевки сохранились въ настоящее время лишь четыре богослужебныхъ книги, всѣ печати XVIII вѣка [2]). Въ урочищѣ Троïницкомъ, теперь селѣ Куцеволовкѣ, первая церковь была перевезена изъ мѣстечка Келеберды, полтавской губерніи, и устроена во имя святителя Николая чудотворца въ 1756 году [3]): изъ древнихъ вещей въ церкви этого села въ настоящее время сохранились пять богослужебныхъ книгъ, одна серебряная чаша и одинъ серебряный дискосъ, пожертвованный козакомъ Антономъ Синявскимъ: кромѣ того въ этоï-же церкви уцѣлѣло нѣсколько документовъ съ 1756 года [4]). Въ Мишуринѣ-Рогѣ при запорожскихъ козакахъ существовали двѣ церкви: одна, во имя Симеона и Анны, основанная въ 1736 году, другая, во имя Преображенія Господня, основанная въ 1757 году [5]); изъ древнихъ вещей въ первой церкви сохранилось семь книгъ, восемнадцать иконъ старипнаго письма, два колокола и двѣ чаши, изъ коихъ одна куплена въ 1760 году козакомъ Григоріемъ Гречинымъ, другая священникомъ Василіемъ Попельницкимъ [6]). Въ урочищѣ Омельникѣ, теперь слободѣ Лиховкѣ, церковь основана въ 1754 году, во имя св. Троицы, главнымъ вкладчикомъ, фундаторомъ и попечителемъ священникомъ Писаревскимъ, по благословенію кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго [7]): изъ древнихъ вещей въ этой церкви сохранились крестъ рѣзной работы, въ серебряной оправѣ, 1756 года, чаша серебряная позлащенная, пожертвованная въ 1757 году козакомъ корсунскаго куреня Павломъ Константиновичемъ, серебряная чарочка и три запорожскихъ пояса, изъ коихъ два персидскаго шелковаго сырца, а третій—шалевой матеріи съ превосход-

---

1) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 191.
2) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 15.
3) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 206.
4) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 16.
5) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 197.
6) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 20.
7) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 211.

ными узорами [1]). Въ селѣ Калужиномъ церковь основана въ 1754 году, во имя Успенія Богоматери, стараніемъ священника Ѳеодора Илича или Ильина: изъ древнихъ вещей здѣсь сохранились чаша, дискосъ и звѣздица, серебряные, позлащенные, вкладъ Лаврентія Ленца-Сухурскаго 1639 года, взятые изъ какой-то другой церкви и пожертвованные въ церковь села Калужина священникомъ Ѳеодоромъ Ильинымъ; два евангелія 1759 года и семь церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, апостолъ, купленная въ 1760 году и пожертвованная калужинскимъ козакомъ Василіемъ Алексѣенкомъ [2]). Въ слободѣ Днѣпрово-Каменкѣ церковь существовала уже въ 1755 году во имя святителя Николая [3]): изъ древнихъ вещей здѣсь сохранились: кадило, увѣшанное бубенцами, оловянное блюдо съ татарскою надписью: «хозяинъ его (т. е. блюда) Хаджи Али», очевидно добытое запорожцами у татаръ, три чаши, четырнадцать богослужебныхъ книгъ, три евангелія, изъ коихъ одно пожертвовано козакомъ Андреемъ Топчіемъ въ 1756 году, нѣсколько древнихъ церковныхъ документовъ: кромѣ того внѣ церкви, за оградой, сохранился намогильный крестъ надъ прахомъ запорожскаго козака Мартюка, поставленный въ 1748 году [4]). Въ слободѣ Бородаевкѣ церковь устроена во имя Покрова пресвятой Богородицы въ 1756 году, съ разрѣшенія кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго: до построенія церкви, въ урочищѣ Бородаевкѣ жилъ монахъ Дороѳей, пришедшій сюда изъ разоренной послѣ 1709 года Чортомлыцкой Сичи: онъ читалъ здѣсь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ хуторянамъ молитвы, акаѳисты, псалтырь и четь-минеи [5]): изъ древнихъ вещей въ церкви села Бородаевки сохранились четыре евангелія, изъ коихъ одно пожертвовано въ 1761 году козакомъ запорожской Сичи, калниболотскаго куреня, Семеномъ Латышомъ, другое—въ 1773 году козакомъ запорожскаго низового войска, куреня нижне-стебліивскаго, Лукьяномъ Бѣлымъ, на поминъ души «собственнаго» брата, козака того-же куреня Павла Носа: третье—въ 1789 году козакомъ куреня крыловскаго Ильей Васильевымъ, и четвертое—въ 1754 году жителемъ слободы Бородаевки, Аѳанасіемъ Шекеренкомъ; кромѣ того

[1]) Эварницкій. Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, I, 23.
[2]) Эварницкій. Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, I, 24.
[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 186.
[4]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 26.
[5]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 216.

чаша и дискосъ, пожертвованные войсковымъ пушкаремъ Иваномъ Смолой, двѣ богослужебныхъ книги, три иконы, двѣ хоругви и нѣсколько древнихъ церковныхъ документовъ [1]). Въ слободѣ Домоткани первая церковь устроена въ 1756 году по благословенію кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, во имя св. архистратига Михаила [2]); изъ древнихъ вещей здѣсь сохранились евангеліе двѣ иконы, святителя Николая и Господа Вседержителя, и двѣ хоругви [3]).

Въ селѣ Романковѣ, теперешняго екатеринославскаго уѣзда, у праваго берега Днѣпра, первая церковь устроена была около 1740 года, на Романковомъ курганѣ, во имя святителя Николая [4]): она сдѣлана была на колесахъ, могла передвигаться съ мѣста на мѣсто и по внѣшнему виду походила «на хливыну»; вторая по времени церковь построена здѣсь въ 1766 году на такъ называемой заборѣ, нижней окраинѣ села, къ востоку отъ настоящей, на четверть версты отъ праваго берега Днѣпра, въ центрѣ тогдашняго сельца Романкова: она сдѣлана была изъ сосноваго дерева, покрыта гонтомъ, на видъ была очень низка, «прысадкувата, печерычкою», съ некрашенными стѣнами, однимъ куполомъ; при ней стояла деревянная колокольня, до 15 саженъ высоты, съ пятью башнями, крытая гонтомъ, также некрашенная; на каждой изъ четырехъ сторонъ колокольни стоялъ ангелъ на жестяномъ съ петлями, какъ то бываетъ въ дверяхъ, прутѣ, съ трубой, вставленной въ лѣвую руку ангела и приложенной ко рту; на средней башнѣ поставленъ былъ апостолъ Андрей съ крестомъ въ правой и со свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ сдѣлана была надпись: «на сихъ горахъ процвѣтаетъ благодать Божія»: при движеніи вѣтра всѣ четыре ангела поворачивались изъ стороны въ сторону, отчего трубы ихъ издавали звуки: «вітеръ двѣри гоняе, а воно̀ й гра̀е». Изъ древнихъ вещей въ церкви села Романкова хранятся три рѣзныхъ въ серебряной оправѣ креста, одинъ пожертвованный въ 1758 году козакомъ Сичи запорожской, куреня шкуринскаго, Мартыномъ Шкурою, другой—въ 1777 году козакомъ сергѣевскаго куреня Лескомъ Чернымъ, третій—козакомъ

---

[1]) Эварницкій, Запорожье, Спб., 1888, I, 28, 29.

[2]) Θеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 278.

[3]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 29.

[4]) Θеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екат., 1876, 47.

Алексѣемъ Гнѣдымъ; тріодь постная, пожертвованная въ 1762 году козакомъ куреня титаровскаго Ильей Харкуномъ; кромѣ того одно евангеліе, одна книга Симфоніи и одна книга Маргаритъ [1]).

Въ селѣ Каменскомъ первая церковь устроена была въ 1750 году, во имя Рождества Богородицы [2]); изъ древнихъ вещей здѣсь сохранилась чаша серебряная, позлащенная, пожертвованная въ 1777 году бывшимъ войсковымъ старшиной Лукьяномъ Ивановичемъ Великимъ; напрестольный крестъ, рѣзной, въ серебряной оправѣ, и серебряныя гробницы, сооруженныя въ 1779 году бывшимъ войсковымъ старшиной Макаромъ Ногаемъ; блюдо для всенощнаго бдѣнія и шесть церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, книга дѣяній, куплена въ 1757 году братьями Саввою, Иваномъ и Антономъ, козаками запорожской Сичи, куреня брюховецкаго, другая, минея, куплена въ 1759 году козакомъ кущевскаго куреня Федоромъ Бабкою, третья, октоихъ, куплена въ 1769 году козакомъ куреня ведмедовскаго, Яковомъ Безрукавымъ, а четвертая, ѳѳалогіонъ, куплена козакомъ куреня тимошевскаго, Евстафіемъ Пестомъ [3]).

Въ селѣ Карнауховкѣ церковь основана въ 1773 году, во имя св. великомученицы Варвары: до построенія церкви, во время свирѣпствовавшей въ запорожскомъ краѣ моровой язвы 1771 — 1772 годовъ, жители Карнауховки соорудили сперва себѣ икону св. Варвары по внушенію монаха Ивана Кайдаша, молились передъ ней денно и нощно, прося отвращенія отъ страшной смерти: въ это-же время они дали обѣтъ, по минованіи общественнаго бѣдствія, устроить у себя церковь во имя заступницы св. Варвары, и когда бѣда миновала, то они изложили свою просьбу въ запорожскій Кошъ на имя кошевого атамана Петра Калнишевскаго; въ этой просьбѣ женатые козаки села Карнауховки писали, что они имѣютъ большую нужду въ сооруженіи собственной церкви въ виду неудобства сообщенія весеннимъ временемъ съ церквами сосѣднихъ селеній Новаго-Кодака и Каменского; въ свою очередь Кошъ обратился за разрѣшеніемъ постройки церкви въ слободѣ Карнауховкѣ къ кіевскому митрополиту Гавріилу; святительская грамота не замедлила послѣдовать, и церковь, устроенная о пяти главахъ, была освящена два года спустя послѣ основанія

---

[1]) Эварницкій. Запорожье, Спб., 1888, I, 35—37.

[2]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 77.

[3]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 38, 39.

(1773—1775), а просуществовала до 1858 года[1]). Первыми священниками въ ней были козаки куреня каневскаго Василій Трофимовичъ Удовицкій и Іеремія Васильевичъ Леонтовичъ; изъ древнихъ вещей въ церкви слободы Карнауховки сохранились четыре евангелія, на одномъ изъ коихъ сдѣлана надпись: «Мѣсяца марта 29 числа 1775 года сотворенная вновь въ Карнауховкѣ церковь Свято-Варваринская освящена священникомъ старо-кодацкимъ Григоріемъ Порохнею соборне по благословенію кіевскаго митрополита Гавріила перваго. Тояжъ церкви первый настоятель священникъ Удовицкій. Второй настоятель священникъ Іеремія Леонтовичъ». Изъ надписей на другихъ евангеліяхъ видно, что одно изъ нихъ въ 1774 году «отмѣнилъ»[2]) козакъ каневскаго куреня Карпъ Дурдука, другое—въ 1771 году новокодацкій житель Иванъ Ризниченко, третье — въ 1785 году бывшій запорожскій козакъ Власъ Ивановичъ Кривой; кромѣ того сохранились двѣ серебряныя позлащенныя чаши съ дискосомъ, звѣздицей и лжицей, изъ коихъ одну «отмѣнилъ» въ 1775 году козакъ каневскаго куреня Романъ Строцинскій, другую—рабъ божій Стефанъ Самсика; серебряная позлащенная дарохранительница, серебряный напрестольный крестъ, пожертвованный въ 1775 году козакомъ Власомъ Кривымъ, два рѣзныхъ, въ серебряной оправѣ, напрестольныхъ креста, изъ коихъ одинъ принесенъ въ даръ въ 1771 году стараніемъ куренного атамана каневскаго куреня Ефрема Ивановича, другой сооруженъ въ томъ-же году коштомъ козака Якима Мякого[3]).

Въ мѣстечкѣ Новомъ-Кодакѣ церковь существовала уже въ 1645 году[4]), во имя святителя Николая, въ 1750 году, называвшаяся соборною церковью, съ двумя священниками Никифоромъ и Тимоѳеемъ при ней; въ 1768 году при ней было уже четыре священника, въ 1770 году—пять, въ 1771 году—шесть, а въ 1773 году—семь и четыре дьякона; въ 1774 году на мѣсто одного изъ семи умершаго священника рукоположенъ былъ запорожскій полковой старшина Стефанъ Черемисъ. Потребность въ такомъ коли-

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы истор.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 82.

[2]) Терминъ «отмѣнилъ» постоянно употреблялся у запорожскихъ козаковъ; по объясненію Адама Олеарія русскіе XVII вѣка куплю иконъ никогда не называли куплею, а мѣною на деньги: Подробное описаніе, Москва, 1870, 111.

[3]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 40—43.

[4]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 47.

чествѣ священниковъ для Новаго-Кодака самъ кошевой Петръ Калнишевскій объяснялъ частію большою численностію населенія въ этомъ «городѣ», гдѣ въ то время была полковая резиденція, т. е. мѣстопребываніе полковника, асаула, писаря, подписарія и толмача, куда, какъ въ мѣсто, стоявшее у переправы черезъ Днѣпръ, на битомъ и людномъ шляху, пріѣзжало множество «разнаго званія чиновъ», всякаго рода промышленниковъ и множество козаковъ то изъ Польши, Украйны, Россіи въ Сичу, то обратно изъ Сичи въ Польшу, Украйну и Россію; частію-же обширнымъ и слишкомъ разбросаннымъ райономъ новокодацкаго прихода, простиравшагося отъ 15 до 40 верстъ въ одну линію: Новому-Кодаку принадлежали хутора и зимовники между Старымъ-Кодакомъ и Ненасытецкимъ-Ретраншементомъ съ одной стороны, Романковымъ и Каменскимъ съ другой [1]). Въ 1770 году въ соборной николаевской церкви Новаго-Кодака обрѣлась новоявленная икона Богоматери, подобіемъ чудотворной ахтырской, мѣрою въ полъ-аршина и три вершка высоты, полъ-аршина съ вершкомъ ширины, съ ликомъ, писаннымъ на липовой склеенной пополамъ доскѣ красками, сильно потемнѣвшими отъ бывшаго въ церкви пожара. Икона эта сперва стояла въ церковномъ притворѣ старой николаевской церкви, потомъ перешла въ ризницу; изъ ризницы поступила въ пономарню, а изъ пономарни въ алтарь новой николаевской церкви, гдѣ помѣщена была въ особомъ кіотѣ за престоломъ. Разнеслись слухи, что икона творитъ чудеса; слухи эти дошли до Сичи; тогда запорожскій Кошъ сдѣлалъ предписаніе поставить эту икону, въ новомъ кіотѣ, на виду всѣхъ, за лѣвымъ клиросомъ. Икону поставили; скоро на нее повѣшено было молящимися болѣе 20 серебряныхъ привѣсокъ, а самъ кошевой Петръ Ивановичъ Калнишевскій соорудилъ для нея, въ 1772 году, серебряную шату съ надписью: «Сія шата сдѣлана къ Богоматери въ Ново-Кодацкую церковь въ цѣну сто шестьдесятъ одинъ рубль двадцать пять копѣекъ коштомъ его вельможности пана кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго 1772 года, декабря 30 дня, а вѣсу въ ней три фунта, 21 лотъ». Впослѣдствіи, однако, эта икона была взята изъ Новаго-Кодака преосвященнымъ Евгеніемъ и перенесена въ ризницу полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря; отсюда потомъ перевезена въ городъ Екатеринославъ и

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 29.

изъ Екатеринослава отправлена въ Самарско-Николаевскій монастырь. Изъ древнихъ вещей, сохранившихся до настоящаго времени въ церкви Новаго-Кодака, отъ времени запорожскихъ козаковъ, достойны вниманія слѣдующія: икона святителя Николая, въ серебряной ризѣ, «отмѣненная» въ 1772 году войска запорожскаго низового куреня деревянкинскаго, войсковымъ судьей Николаемъ Тимофѣевымъ; напрестольный рѣзной работы въ серебряной оправѣ крестъ, пожертвованный атаманомъ незамойковскаго куреня Стефаномъ Чубомъ; напрестольный крестъ сплошной серебряный съ финифтью—козакомъ Леонтіемъ Лефсиномъ; евангеліе, принесенное въ даръ въ 1764 году бывшимъ судьей запорожскаго войска Григоріемъ Якимовичемъ Лабуровскимъ; серебряный трикирій, сдѣланный коштомъ козака пластуновскаго куреня Самойла Комлика; большое серебряное блюдо, сдѣланное коштомъ козака каневскаго куреня Максима Комлика; двѣ ризы, изъ коихъ одна краснаго бархата съ кованнымъ серебрянымъ оплечьемъ, съ изображеніемъ святителя Николая, другая, шитая золотомъ и серебромъ, съ изображеніемъ креста; наконецъ, двѣ церковно-богослужебныхъ книги и одинъ козацкій поясъ краснаго персидскаго сырца [1]).

Въ крѣпости, теперь селѣ, Старомъ-Кодакѣ первая церковь была походная, во имя архистратига Михаила, перевезенная въ 1656 году изъ Сичи запорожской іеромонахомъ кіевскаго Межигорскаго монастыря; при этой церкви существовалъ и домъ для церковниковъ [2]); въ 1748 году вмѣсто походной церкви въ Старомъ-Кодакѣ устроена была постоянная, по благословенію кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, во имя того-же архистратига Михаила; въ 1768 году при этой церкви состояли три священника, а въ 1772 году къ ней опредѣленъ былъ изъ діаконовъ четвертый священникъ, на мѣсто-же его посвященъ былъ въ діаконы козакъ запорожского низового войска Павелъ Порошенко [3]). Изъ древнихъ вещей въ церкви Стараго-Кодака отъ запорожскихъ козаковъ сохранились—серебряная чаша, даръ козака Ивана Кравчины; ковчегъ, даръ Семена Бардадима 1761 года; копье для выниманія частицъ просфоры, мирница деревянная, напре-

[1]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 47—51.
[2]) Записки одес. общ. исторіи и древн., VII, 174, пр. 33.
[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 72.

стольный крестъ на серебряной подставѣ, два вѣнца бѣлой жести. два серебряныхъ ставника, одинъ аналой, одинъ фонарь со слюдой вмѣсто стеколъ, четыре церковно-богослужебныхъ книги. изъ коихъ одна, октоихъ, пожертвована въ 1752 году жителемъ кодацкимъ Ивахномъ, другая, трофолой, подарена козаками каневскаго куреня Яковомъ Лепетою да Петромъ Плясуномъ; наконецъ два красныхъ шелковыхъ, персидскаго сырцу, пояса по 10 аршинъ длины и по двѣ четверти аршина каждый ширины [1]).

Въ урочищѣ Звонецкомъ, теперь селѣ Звонецкомъ, противъ четвертаго порога, Звонецкаго, устроена была въ 1737 году часовня съ походнымъ антиминсомъ начальникомъ запорожскихъ церквей, іеромонахомъ Павломъ Маркевичемъ для жившихъ здѣсь запорожскихъ козаковъ и стоявшихъ лагеремъ русскихъ войскъ; впослѣдствіи на мѣстѣ часовни сооружена была деревянная церковь [2]); изъ древнихъ вещей отъ запорожскихъ козаковъ въ церкви села Звонецкаго уцѣлѣли до нашего времени—евангеліе московской печати 1755 года, плащаница и три иконы: жизнь Іисуса Христа, вѣнчаніе Богоматери Спасителемъ. Богомъ Отцомъ и св. Духомъ, Богоматерь съ младенцемъ Іисусомъ и Іоанномъ Крестителемъ.

Въ урочищѣ Займищѣ, теперь слободѣ Томаковкѣ, впервые, въ 1745 году, устроена была усердіемъ мѣстныхъ жителей небольшая деревянная часовня и къ ней опредѣленъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря; впослѣдствіи, уже послѣ паденія Запорожья, здѣсь возникла небольшая деревянная церковь [3]). Въ оврагѣ Чувилиномъ, при теперешнемъ селѣ Сурскомъ-Клевцовомъ, въ періодъ времени отъ 1750 по 1768 годъ, устроена была запорожскими козаками часовня съ иконою святителя Христова Николая и къ ней опредѣленъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря [4]). Въ урочищѣ Шолоховомъ, теперь селѣ того-же имени, устроена была въ 1740 году, запорожскими козаками часовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы, при которой безотлучно жилъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря [5]). Въ зимовникѣ козака Гордѣя Полоза, на рѣкѣ Ин

---

[1]) **Эварницкій.** Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 114.

[2]) **Ѳеодосій.** Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 148.

[3]) **Ѳеодосій.** Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, 1, 116.

[4]) **Ѳеодосій.** Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 136.

[5]) **Ѳеодосій.** Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 162.

гульцѣ, въ 1754 году, существовала «слесарной работы божница», въ которой стоялъ образъ Христа Спасителя, писанный на полотнѣ; въ то время татары напали на зимовникъ Полоза, разрушили божницу, а образъ, «малеванный на полотнѣ Спасителя Господа нашего Іисуса Христа порвали и, потоптавъ ногами, на землю бросили» [1]).

Въ урочищѣ Житловой-Саксагани, теперь слободѣ Алферовкѣ, въ 1742 году, козакъ Андрей Неплюй устроилъ въ своемъ зимовникѣ походную церковь во имя пресвятой Богородицы и пригласилъ для священнослуженія въ ней іеромонаха Самарско-Николаевскаго монастыря, Аѳанасія [2]). Въ вершинѣ рѣчки Желтой, теперь мѣстечкѣ Анновкѣ, около 1760 года на зимовникѣ запорожца Андрея Вертебнаго существовала часовня, куда собирались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ числѣ 200 человѣкъ, родные, знакомые, челядь и наймиты Андрея Вертебнаго, чтобы помолиться Господу Богу и поучиться закону божію и добрымъ житейскимъ правиламъ у іеромонаха Павла [3]). Въ запорожскомъ займищѣ Зеленомъ, теперь селѣ того-же имени, верхнеднѣпровскаго уѣзда, первая церковь устроена была, во имя Петра и Павла, въ періодъ времени отъ 1750 по 1755 годъ; въ то время приходъ зеленской петропавловской церкви простирался болѣе, чѣмъ на 50 верстъ въ окружности и былъ истиннымъ оазисомъ среди дикой и пустынной мѣстности между рѣчекъ Желтой и Зеленой. Изъ древнихъ вещей въ этой церкви хранятся нѣсколько церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна постная тріодь принесена въ даръ въ 1757 году козакомъ запорожской Сичи, куреня платнѣровскаго, Яковомъ Павловичемъ Даниліенкомъ [4]).

Въ зимовникѣ запорожскаго войскового старшины Семена Панчохи, теперь слободѣ Саксагани названнаго уѣзда, въ 1740 году устроена была часовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы; эту часовню часто посѣщалъ священникъ Дидушинскій, возвратившійся, вмѣстѣ съ запорожцами, изъ-подъ власти крымскаго хана, въ 1734 году, и училъ вѣрующихъ слову божію и молит-

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, I, 136, пр. 2.

[2]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 221.

[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 230.

[4]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 238.

вамъ[1]). Въ слободѣ Орликѣ, иначе Екатерининскомъ шанцѣ, теперь Ольвіополѣ, херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, первая церковь, во имя св. великомученицы Варвары, существовала уже въ 1760 году; во время нашествія татаръ на слободу эта церковь была сожжена; тогда на мѣстѣ сожженной церкви слобожане построили въ 1774 году новую, для которой иконостасъ и антиминсъ привезены были изъ походной запорожской церкви[1]). Въ урочищѣ Лелековкѣ запорожца Лелеки, теперь селѣ Лелековкѣ, названной губерніи и уѣзда, первая церковь основана, во имя св. Троицы, въ 1766 году, какъ это видно изъ словъ, вырѣзанныхъ на дубовыхъ косякахъ церковныхъ дверей.

Въ селѣ Кисляковкѣ на Бугѣ, теперешней херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, первая церковь устроена, во имя Спаса, въ 1772 году; по своей архитектурѣ, это было очень капитальное сооруженіе: стѣны ея сдѣланы изъ дикаго камня, около трехъ аршинъ толщины; колокольня построена изъ того-же камня отдѣльно отъ церкви, но не съ западной, какъ принято строить въ настоящее время, а съ юговосточной стороны; по внѣшнему виду она представляетъ изъ себя четыреугольную, нѣсколько удлиненную башню въ два этажа, съ нѣсколькими амбразурами, съ двумя, одна противъ другой, съ востока на западъ, дверьми и двумя, также одна противъ другой, камерами внутри; въ общемъ зданіе колокольни расположено такимъ образомъ, что одна дверь ея стоитъ направленіемъ вдоль рѣки Буга, а другая—вдоль Днѣпровскаго лимана; отсюда очевидно, что она приспособлена была архитекторомъ къ боевымъ цѣлямъ, на случай нападенія со стороны татаръ; изъ всѣхъ церквей въ бывшихъ вольностяхъ запорожскихъ козаковъ церковь въ Кисляковкѣ есть единственная какъ потому, что она построена изъ камня, такъ и потому, что она была приспособлена къ стратегическимъ цѣлямъ. Изъ древнихъ вещей въ ней сохранились—одна серебряная позлащенная чаша, два малыхъ серебряныхъ ковчега рѣзной работы, нѣсколько хоругвей, крестовъ, кадильницъ, столиковъ, шестнадцать церковно-богослужебныхъ книгъ и нѣсколько другихъ вещей[3]).

Въ Гардѣ на рѣкѣ Бугѣ первая походная церковь, во имя

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 268.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 147.

[3]) Эварницкій. Запорожье, С.-Петербургъ, 1888, I, 149.

Покрова пресвятой Богородицы, существовала уже въ 1742 году: она устроена была на островѣ Гардовомъ среди Буга, какъ это видно изъ плана 1742 года инженера де-Боксета[1]). Въ 1758 году въ эту церковь запорожскіе козаки сдѣлали вкладъ: 14 зеренъ жемчугу, проданнаго потомъ за 15 рублей, три серебряныхъ позлащенныхъ кубка, изъ которыхъ одинъ имѣлъ крышку и на крышкѣ крестъ, нѣсколько кусковъ штофной матеріи разныхъ цвѣтовъ на священническія ризы и три копы денегъ; весь этотъ вкладъ неизвѣстно гдѣ былъ дѣтъ бугогардовскимъ полковникомъ, на котораго вкладчики и приносили свою жалобу въ означенномъ году кошевому атаману. Въ 1772 году на гардовую церковь опредѣлено было изъ «гардовой добычи», т. е. отъ рыбныхъ ловель и перевозовъ, 19 рублей и 40 копѣекъ, да изъ добычи очаковской—73 рубля, 46 левовъ и 80 паръ. Гардовая церковь, какъ пограничная, постоянно подвергалась нападенію со стороны поляковъ, татаръ, турокъ, а одно время подверглась нападенію даже со стороны собственнаго козака, ренегата Саввы Чалаго. Въ Гардовую церковь, также потому, что она стояла на границѣ запорожскихъ владѣній, часто приходили разнаго рода монахи и священники; по этому поводу запорожскій Кошъ въ 1772 году писалъ бугогардовскому полковнику Сухинѣ ордеръ, въ которомъ приказывалъ ему и бугогардовскому іеромонаху Никону—всѣхъ «шатающихся, гробы печатающихъ, проповѣдующихъ и другія требы исправляющихъ монаховъ» къ тому не допускать, а безпашпортныхъ въ ихъ монастыри отсылать[2]). Послѣ уничтоженія Сичи, въ 1775 году, гардовая церковь была взята молдавскимъ гусарскимъ полкомъ: по просьбѣ полковника этого полка, Василія Степановича Звѣрева, и съ дозволенія генералъ-маіора Петра Абрамовича Текели она поставлена была въ Екатерининскомъ шанцѣ, гдѣ еще не было въ то время церкви, хотя уже назначенъ былъ священникъ Григорій Лабѣнскій; эта церковь была богата церковною утварью: она имѣла серебряныя кадила, кипарисныя, окованные золотомъ и серебромъ кресты, серебряные лихтари и другія дорогія вещи[3]).

Въ слободѣ Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Новаго-Кодака, теперешняго новомосковскаго уѣзда, екатеринослав-

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, IV, табл. XI.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885. I, 134, 135.

[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 339.

ской губерніи, церковь во имя Преображенія Господня, существовала уже въ 1745 году [1]): по отзыву современниковъ, эта церковь была «какъ слѣсарско гарно отдѣлана, такъ и малярско иконами богато украшена»: въ это время при ней было четыре священника и два діакона: въ 1768 году, послѣ того, какъ эта церковь, «допущеніемъ судьбы», сгорѣла, въ Каменкѣ временно поставлена была походная калміусская церковь: въ 1772 году жители Каменки обратились съ просьбой въ Кошъ о дозволеніи имъ построить новую церковь на мѣстѣ сгорѣвшей; Кошъ въ свою очередь отнесся съ просьбой къ кіевскому митрополиту Евгенію, въ которой излагалъ, что постоянная церковь въ Каменкѣ не могла быть воздвигнута вскорѣ послѣ пожара, потому, что въ то время настала война съ крымцами: теперь-же, когда война близится къ концу и жители Каменки, по извѣщенію самарскаго полковника съ старшиною, успѣли приготовить и дерево и плиты, нарочно посылая за матеріаломъ въ самый Кіевъ, Кошъ усердно просилъ его высокопреосвященство ниспослать свое благословеніе на постройку новой церкви въ Каменкѣ: одновременно съ этимъ и о томъ-же самомъ просило митрополита и правленіе старокодацкой крестовой намѣстніи: на обѣ просьбы послѣдовало разрѣшеніе, и новая церковь была заложена въ Каменкѣ въ 1773 году, 21 іюля, въ день св. Симеона юродиваго [2]).

Въ селѣ Бригадировкѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, того-же уѣзда, церковь существовала, уже въ 1756 году, во имя Покрова пресвятой Богородицы, какъ видно изъ надписи на колоколѣ въ селѣ Лычковомъ: рядомъ съ церковью села Бригадировки въ одно и тоже время существовала церковь, во имя Георгія Побѣдоносца, въ селѣ Куриловкѣ: но какъ оба села, а вмѣстѣ съ ними и обѣ церкви, стояли «на мочернетомъ» мѣстѣ, среди песчаныхъ кучугуръ, и каждую весну были заливаемы полой водой изъ Днѣпра, то запорожскій Кошъ рѣшилъ перенести обѣ церкви въ другія села, бригадировскую въ Лычково, а куриловскую въ Петриковку: тогда нѣкоторая часть изъ прихожанъ и весь причтъ церковный также перешли въ новыя селенія, нѣкоторая-же часть осталась на мѣстѣ прежнихъ поселеній и изъ бывшихъ селъ, Бригадировки и Куриловки, образовали одно селеніе Елизаветовку [3]).

---

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, 1870, II, 47.
[2]) Ѳеодосій. Матеріалы. Екатеринославъ, 1880, I, 319—321.
[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 405.

*

Въ селѣ Петровкѣ, теперь слободѣ Петриковкѣ, первая церковь возникла лишь въ 1772 году, во имя Георгія Побѣдоносца, перенесенная изъ Куриловки: но такъ какъ эта церковь скоро сдѣлалась ветхою, то жители и мѣстный причтъ села Петровки, а также духовное правленіе старокодацкой крестовой намѣстніи просили разрѣшенія у кіевскаго митрополита Гавріила построить новую церковь въ Петровкѣ; разрѣшеніе послѣдовало въ 1773 году [1]). Памятникомъ усердія запорожскихъ козаковъ въ селеніи Петриковкѣ остался престолъ, окованный сверху чистымъ серебромъ. Въ селѣ Шуглѣевкѣ, теперь Шульговкѣ, близь устья рѣки Орели, церковь, во имя Успенія пресвятой Богородицы, существовала уже съ 1745 года [2]). Въ селѣ Ревовкѣ церковь существовала въ томъ-же, 1745 году [3]). Въ селѣ Могилевѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Орели, въ 1720 году существовала часовня; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сюда собирались мѣстные и окольные хуторяне для молитвы и богослуженій; службу божію совершали здѣсь монахи Самарско-Николаевскаго монастыря, исполнявшіе въ тоже время различныя требы и поучавшіе народъ правиламъ доброй жизни: въ 1745 году вмѣсто часовни здѣсь устроена была уже церковь [4]); видимо эта церковь существовала до 1772 года, такъ какъ въ этомъ году кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій съ войсковою старшиною и товариствомъ, а вслѣдъ за кошевымъ и правленіе старокодацкой крестовой намѣстніи, обратились съ просьбой къ кіевскому митрополиту Гавріилу дозволить жителямъ села Могилева построить церковь во имя Воскресенія Господня на средства, предоставленныя имъ старшиною войсковымъ асауломъ Сидоромъ Бѣлымъ: въ этой просьбѣ они сообщали, что лѣсъ и плитовые камни уже пригнаны по Днѣпру людьми, нарочно отправлявшимися для этого въ Кіевъ; разрѣшеніе не замедлило послѣдовать, и церковь заложена была въ 1773 году, 12 мая [5]).

Въ селѣ Бабайковкѣ на Протовчахъ церковь, во имя святителя Николая, заложена была въ 1773 году, съ благословенія кіевскаго митрополита Гавріила, вслѣдствіе отношенія полковника

---

[1]) Θеодосій. Матеріалы ист. стат. оп., Екатеринославъ, 1880, I, 328.

[2]) Θеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1870, 47.

[3]) Θеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1870, 47.

[4]) Θеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1870, 47.

[5]) Θеодосій. Матеріалы ист. стат. оп., Екатеринославъ, I. 340—343.

войска запорожскаго на Протовчахъ въ Кошъ, послѣ просьбы кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго съ войсковою старшиною и товариствомъ и представленія духовнаго правленія старокодацкой духовной намѣстніи [1]). Въ селѣ Гупаловкѣ при рѣчкѣ Заплавкѣ, лѣваго притока рѣки Орели, церковь существовала уже въ 1745 году [2]); въ 1773 году послѣ первой основана была вторая церковь, во имя Іоанна Предтечи, по представленію въ Кошъ полковника Аѳанасія Ѳедоровича Колпака, по просьбѣ кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго съ войсковою старшиной и товариствомъ и по ходатайству духовнаго правленія старокодацкой крестовой намѣстніи; первымъ священникомъ въ этой церкви былъ запорожскій козакъ Павелъ Неживой, долгое время служившій церковникомъ при сичевой покровской церкви [3]).

Въ селеніи Котовкѣ, на правомъ берегу рѣки Орели, противъ озеръ Кислаго, Долгенькаго и Продайкова, первая деревянная церковь, во имя Преображенія Господня, основана была въ 1774 году, 5 октября, послѣ представленія кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго и донесенія генералъ-фельдмаршала и главнокомандующаго первою россійскою арміей, графа Петра Александровича Румянцева митрополиту кіевскому и галицкому Гавріилу: въ 1775 году къ строющейся церкви въ селѣ Котовкѣ рукоположенъ былъ священникомъ козакъ войска запорожскаго низового, куреня кисляковскаго, Иванъ Андреевичъ Высота, восемнадцать лѣтъ прожившій въ числѣ церковниковъ при сичевой церкви и потому «въ сраженіяхъ не бывшій и никого на войнѣ не убившій» [4]). Изъ древнихъ вещей въ настоящее время въ церкви Котовки сохранились серебряная позлащенная чаша, деревянный кипарисовый въ серебряной оправѣ крестъ, «отмѣненный» въ 1775 году рабомъ божіимъ Андреемъ, три евангелія, изъ коихъ одно въ сплошномъ серебряномъ позлащенномъ окладѣ, два въ бархатной отдѣлкѣ съ серебряными окладами по угламъ, и четырнадцать церковно-богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, тріодь постная, куплена какимъ-то козакомъ Симеономъ въ 1775 году [5]).

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 333.
[2]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церк., Екат., 1870, 47.
[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 337.
[4]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 346.
[5]) Эварницкій. Очерки по исторіи зап. коз., Спб., 126.

Въ селѣ Лычковомъ первая церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы, существовала уже въ 1706 году; во время набѣга татаръ, 1737—1738, церковь эта, однако, была сожжена и тогда на мѣстѣ ея устроена была часовня, въ которую назначенъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для отправленія въ ней богослуженія; но въ 1772 году въ селѣ Лычковомъ сооружена была вторая церковь; церковь эта, какъ сказано было выше, перенесена въ Лычково изъ села Бригадировки, между лѣвымъ берегомъ рѣки Днѣпра и его притока рѣчки Орели и стоявшаго на очень неудобномъ мѣстѣ: «Будучи на низкомъ очень къ Днѣпру и пескоғатомъ мѣстѣ учреждена, каждой весны полонною водой обливается, такъ что во время весенняго залива въ церковь бродятъ водою, съ лѣтняго времени окружена оная же церковь кучугурами и пескомъ; отъ песку аппаратовъ церковныхъ да и самыхъ божественныхъ таинъ уберечь никакъ (не) можно, при томъ же и церковь, причиною нетвердости земли и раздавшагося подъ ней песку, на одну сторону повернулась, такъ что и дверей съ одной стороны отворить насилу можно. И мы (т. е. войсковая старшина) разсудили запристойнѣе сей церквѣ перенесенной быть здѣшнихъ вольностей — изъ села Бригадировки — въ село Лычково, какъ мѣсто ради сооруженія церкви, не низкое и не песковатое, но со всѣми удобствами самопристойнѣйшее» [1]). Въ настоящее время отъ запорожскихъ козаковъ въ церкви села Лычкова хранятся — два колокола, одно евангеліе и шесть церковно-богослужебныхъ книгъ съ характерными надписями, сдѣланными на нихъ: колоколъ большій безъ надписи принесенъ въ даръ въ слободу Бригадировку въ 1756 году коштомъ лычковскихъ козаковъ Павла Брехаря, Ѳомы и Ивана Черпаго; колоколъ меньшій съ подписью 1756 года принесенъ въ даръ тѣми-же лицами; евангеліе кіевской печати 1753 года принесено въ даръ Аѳанасіемъ Емельяновымъ Сенюковымъ; цвѣтословъ, пожертвованный въ 1764 году козаками кисляковскаго куреня Иваномъ и Аврамомъ Мовчанами; житія Іоанна Дамаскина, Варлаама пустынножителя и Іосифа Лидійскаго, московской печати 1680 года, съ двумя превосходными гравюрами, исполненными начальникомъ русской школы живописи, называвшейся «царской школою», второй половины XVII вѣка, Симономъ Ушаковымъ; изъ нихъ одна изображаетъ «миръ»

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ. 1880, I. 325.

въ видѣ женщины, стоящей на головѣ барашка съ цвѣтами въ рукѣ; другая представляетъ «брань», въ видѣ воина съ копьемъ и мечомъ въ рукѣ и со шлемомъ на головѣ; подъ фигурами означено имя гравера: «Начерталъ Симонъ Ушаковъ 1680», а внизу книги, на правомъ листѣ, сдѣлана по-польски надпись: «1773 (т. е. года) Miesionca Apryla 11 Wydalem Iescarbcu Cerhiewica». Кромѣ этого въ церкви села Лычкова сохранилось нѣсколько другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ—поученія епископа Ильи Минятія, московской печати 1759 года: бесѣда Іоанна Златоустаго той-же печати 1768 года, и наконецъ книга трофолой, купленная козакомъ войска запорожскаго низового куреня донского Даниломъ Махиновскимъ, въ 1754 году [1]).

Въ городѣ Самарѣ, называвшемся иначе Самарью, Самарчукомъ, Самарчикомъ, Новою-Самарою, Новоселицей, Новоселовкой, теперь городомъ Новомосковскомъ, первая церковь построена была скоро послѣ того, «какъ запорожскіе козаки вернулись изъ-подъ туръ-царя», т. е. послѣ 1734 года: по преданію, это была небольшая деревянная церковка, передѣланная изъ простой хаты съ выведеннымъ на ней вторымъ верхомъ, крытая камышемъ и увѣнчанная простымъ желѣзнымъ крестомъ. Какъ кажется, объ этой самой церкви говорится въ «настольной грамотѣ» кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго 1760 года [2]): за время существованія этой церкви въ городѣ Самарѣ, около 1760 года, учреждено было духовное намѣстническое правленіе, именовавшееся «старокодацкимъ запорожскимъ правленіемъ»: главнымъ священникомъ его, «крестовымъ намѣстникомъ», назначенъ былъ Григорій Ивановичъ Порохня; въ то время при духовномъ намѣстничествѣ состояло семь священниковъ, частію исправлявшихъ требы, частію присутствовавшихъ въ намѣстническомъ правленіи [3]). Въ 1773 году старая церковь въ городѣ Самарѣ оказалась уже довольно ветхой, и потому рѣшено было воздвигнуть новую вмѣсто старой, обветшавшей церкви.

О построеніи новой церкви въ городѣ Самарѣ сохранились и письменныя данныя, и изустныя преданія. Преданія прежде всего говорятъ, что, рѣшивъ построить вмѣсто старой новую церковь, запорожскіе козаки, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили, что въ сооружае-

---

[1]) Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 133.
[2]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 69.
[3]) Ѳеодосій. Матеріалы ист. стат. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 307.

момъ храмѣ не должно быть ни одного желѣзнаго гвоздя, потому что «не годится въ храмѣ Спасителя, распятаго на крестѣ и прибитаго къ нему желѣзными гвоздями, вбивать въ дерево желѣзные гвозди, а нужно въ бревна вставлять деревянныя тыбли и на нихъ крѣпить основу церкви». Вслѣдъ затѣмъ преданія разсказываютъ о томъ, какъ происходилъ совѣтъ о построеніи новой церкви. Дѣло было въ лѣтній воскресный день, послѣ обѣдни: у ктитора Якова Андреевича Легкого собрались въ саду, подъ развѣсистой цвѣтущей яблоней, паланочный сердюкъ, асаулъ, подъасаулій, писарь, подписарій, шафарь самарскаго перевоза, протопопъ мѣстнаго города, нѣсколько священниковъ, начальникъ Самарско-Николаевскаго монастыря и нѣсколько почетныхъ обывателей города. На раду приглашенъ былъ мастеръ, Яковъ Погребнякъ, уроженецъ села Водолагъ, харьковской губерніи: почетные «батьки» сперва недовѣрчиво отнеслись къ мастеру, который былъ человѣкъ непоказный и вдобавокъ къ тому рыжій. Но потомъ, когда мастеръ «намалювалъ» въ самомъ саду на дорожкѣ фигуру церкви, «батьки» повѣрили его опытности и рѣшили строить храмъ «на девять баштъ или куполовъ, на три башты въ рядъ со всѣхъ четырехъ сторонъ»: при чемъ, однако, «батьки» долго не могли понять того, что хотя верхъ церкви будетъ изъ четырехъ сторонъ и на каждой сторонѣ будетъ по три башты, но всѣхъ баштъ выйдетъ не 12, а 9: «батьки» забывали, что четвертая сторона входила въ счетъ баштъ, бывшихъ въ счету въ трехъ первыхъ сторонахъ, отчего и выходило всѣхъ баштъ не 12, а 9. «Погребняку трудно было батькамъ объяснить разсчетъ, на основаніи котораго ювелиръ одной византійской императрицы, дѣлая ей крестъ, умудрился украсть изъ него нѣсколько данныхъ ему драгоцѣнныхъ камней. Онъ ихъ расположилъ такъ, что число ихъ, считая по продольной и поперечной части креста, по каждой порознь, и потомъ сложенное вмѣстѣ, выходило вѣрно, а на самомъ дѣлѣ было меньше» [1]). Когда, въ концѣ концовъ, это было понято, то «батьки» заключили съ мастеромъ контрактъ, на основаніи котораго онъ обязывался устроить въ Самарѣ деревянный соборъ о девяти баштахъ кругомъ, за что паланка должна была выдать ему 2.000 рублей; послѣ совершенія контракта мастеръ изъ договорной суммы добровольно уступилъ 24 рубля на поминъ собственной души. Уже было за-

[1]) Надхинъ. Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 59.

ключено условіе, уже прошло нѣсколько времени, уже приближалась пора и приступать къ постройкѣ собора, какъ вдругъ мастеръ усумнился въ собственномъ искусствѣ и убѣжалъ въ самарскіе камыши; тамъ онъ скрывался до тѣхъ поръ, пока однажды, во снѣ, не явился ему сѣдой старичекъ, Николай чудотворецъ, и не показалъ на дѣлѣ, какъ нужно строить задуманный храмъ. Мастеръ очнулся отъ своего видѣнія, тотъ-же часъ сдѣлалъ изъ «оситнягу» модель церкви, потомъ явился въ городъ, разсказалъ о своемъ видѣніи и послѣ того приступилъ къ постройкѣ церкви. Храмъ заложенъ былъ по благословенію кіевскаго митрополита Гавріила Розанова въ 1773 году, какъ значится въ старой «Описи имущества», хранящейся въ настоящее время въ церкви Новомосковска, а не въ 1775 году, 2 іюня, какъ показываетъ издатель «Матеріаловъ для историко-статистическаго описанія екатеринославской епархіи» [1]. Главный престолъ храма былъ посвященъ святой живоначальной Троицѣ, боковой правый—апостоламъ Петру и Павлу, боковой лѣвый—святителямъ Василію Великому, Григорію Богослову и Іоанну Златоустому. Блюстителями построенія храма были отставной запорожскій судья Антонъ Головатый и кошевой атаманъ Иванъ Чепига. Вся церковь, кромѣ каменнаго фундамента, сооружена была изъ дубоваго и сосноваго лѣса, доставленнаго изъ сосѣдняго самарскаго лѣса и сложеннаго при помощи тыблей, т. е. шиповъ между бревнами, и замковъ, т. е. особо вырѣзанныхъ связей по концамъ бревенъ. Храмъ оконченъ былъ, кромѣ боковыхъ иконостасовъ, въ 1778 году и въ этомъ-же году, 13 мая, былъ освященъ проѣзжавшимъ по епархіи преосвященнымъ Евгеніемъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Ѳеоктистомъ. Въ 1780 году, 30 августа, освящены были мѣстнымъ протопопомъ Григоріемъ Порохней и боковые предѣлы храма. Общая стоимость постройки собора, кромѣ колокольни, 16.785 рублей и 71 копѣйка.

Самарскій соборъ, по красотѣ, великолѣпію и «смѣлой до дерзости» постановкѣ считался у козаковъ чудомъ на все Запорожье; архитектура его, однако, проста: мастеръ не далъ ей ни колоннъ, ни внѣшнихъ украшеній: снаружи онъ обшилъ его шелевкой и по шелевкѣ побѣлилъ бѣлою краскою: куполъ окрасилъ зеленою ярью; внутри росписалъ стѣны и своды картинами религіознаго содержанія, а иконостасъ возвелъ до сводовъ и украсилъ его

---

[1]) **Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 309.**

великолѣпной рѣзьбой съ разными фестонами и завитками и превосходною живописью въ византійскомъ академическомъ стилѣ XVI и XVII вѣковъ, а также нѣкоторыми экземплярами голландской и фламандской кисти, мѣстами наложивъ на него серебряныя, позлащенныя шаты, мѣстами-же отдѣлавъ тончайшею инкрустаціей. Высота храма 31 сажень, объемъ 58 саженъ. При соборѣ впослѣдствіи поставлена была отдѣльно колокольня съ колоколами, изъ коихъ самый большій вѣсомъ 262 пуда и 24 фунта, цѣною въ 7.220 рублей; около колокольни построены были два дома и тутъ-же выкопанъ былъ колодезь съ деревяннымъ навѣсомъ надъ нимъ, а вокругъ всей церкви сдѣлана была ограда, окрашенная бѣлою краскою. Близь западной двери повѣшено было чугунное «било» съ украшеніями наверху въ видѣ двухъ лошадиныхъ головъ и съ какими-то въ срединѣ, на подобіе буквъ, углубленіями, издававшее пріятный серебристый звукъ отъ удара по немъ деревяннымъ молотомъ. За постройку грандіознаго храма мастеру Игнату Погребняку выданъ былъ самарскою запорожскою старшиною аттестатъ, хранящійся и понынѣ въ томъ-же храмѣ Новомосковска; тутъ-же находилась и первоначальная модель его изъ «оситнягу», весьма недавно распавшаяся отъ времени.

Изъ древнихъ вещей запорожскаго времени въ Самарскомъ соборѣ сохранились слѣдующія: картины, иконы, шесть евангелій, пять напрестольныхъ крестовъ, двѣ чаши, три дискоса, плащаница, двѣ ризы, подризникъ, дарохранительница и антиминсъ. Изъ картинъ замѣчательна картина, изображающая собой страшный судъ: здѣсь представлены демоны, огни, кипящіе котлы, смола, орудія пытки и вмѣстѣ съ ними люди, раздѣленные по сословіямъ, начиная съ архіереевъ и кончая простыми мужиками; изъ иконъ наиболѣе интересна икона собора апостоловъ, «отмѣненная» козакомъ батуринскаго куреня Иваномъ Терещенкомъ въ 1774 году, апрѣля 18 дня; изъ шести евангелій одно печати 1748 года, другое — 1750, пожертвованное козакомъ Лаврентіемъ Плихою, третье — 1759, пожертвованное Иваномъ Андреевичемъ Серебреникомъ, и четвертое того-же года, пожертвованное козакомъ Иваномъ Прудкимъ, пятое — 1763 и шестое — 1773 года, всѣ шесть московской печати; изъ пяти крестовъ четыре пожертвованы общимъ коштомъ войска запорожскаго (1771, 1772, 1774, 1775) и одинъ принесенъ въ даръ тремя козаками атаманомъ Булахомъ, Иваномъ

Неклесою и Иваномъ Булахомъ; изъ трехъ чашъ одна пожертвована запорожцемъ Иваномъ Чумакомъ въ 1754 году, другая — козакомъ Федоромъ Колотнечею въ 1766 году, а третья—общимъ коштомъ запорожскаго войска; изъ трехъ дискосовъ первый пожертвованъ общимъ коштомъ запорожскаго войска въ 1761 году, второй—козакомъ Федоромъ Колотнечею въ 1763 году, третій — общимъ коштомъ войска запорожскаго въ 1772 году; изъ остальныхъ вещей дарохранительница пожертвована общимъ коштомъ войска запорожскаго въ 1768 году; риза первая куплена священникомъ Михайловымъ въ 1763 году, риза вторая пожертвована общимъ коштомъ войска запорожскаго въ 1764 году, подризникъ принесенъ въ даръ козакомъ Стефаномъ Прилукою въ 1758 году и наконецъ, антиминсъ шелковый, освященный архіепископомъ Евгеніемъ въ 1779 году, февраля 14 дня, данный 1780 года, августа 14 дня [1]).

Въ городѣ Старой-Самари, стоявшемъ въ шести верстахъ выше устья рѣки Самары, впослѣдствіи называвшемся Новобогородицкой крѣпостью и Усть-Самарскимъ ретраншементомъ, въ настоящее время совсѣмъ несуществующемъ, церковь существовала съ очень давнихъ поръ, какъ кажется, еще въ XVI столѣтіи, но когда именно она впервые устроена, въ точности неизвѣстно; извѣстно лишь, что въ 1767 и 1771 году здѣсь была церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы; церковь эта была деревянная, «нѣсколько въ стѣнахъ поврежденная», построена коштомъ предковъ приходскихъ людей на отведенной подъ церковь землѣ, утварью, облаченіемъ и книгами въ достаточномъ количествѣ снабжена и «къ лучшему исправленію ея при ней доволенъ коштъ имѣется»; при этой церкви состоялъ сперва одинъ священникъ, Іоаннъ Гамалѣя, а потомъ, по представленію самарскаго полковника Игната Пшеничнаго и по просьбѣ кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго и духовнаго правленія старокодацкой крестовой намѣстіи, посвященъ былъ другой священникъ Өедоръ Ластовицкій. Послѣ паденія Запорожья старосамарская покровская церковь перенесена была въ ближайшее къ Старо-Самари село Одинковку; вещи-же изъ нея частію отосланы были въ Самарско-Николаевскій монастырь, частію унесены были ушедшими на Кубань козаками, частію-же сохранились въ теперешней церкви села

---

[1]) Эварницкій. Запорожье, Спб., 1888, I, 71—73.

Одинковки, Куликова тожъ[1]); въ послѣдней извѣстны древняя дарохранительница, сдѣланная изъ низко пробнаго серебра, два деревянныхъ рѣзныхъ креста и одинъ образъ святителя Николая Чудотворца съ надписью: «Сей образъ перешелъ въ церковь изъ запорожской Богородицкой крѣпости 1796 года»: къ сожалѣнію, ликъ образа весь реставрированъ.

Въ слободѣ Кильчени, теперь Голубовкѣ, на рѣчкѣ Кильчени, въ бывшемъ зимовникѣ двухъ запорожскихъ козаковъ, Василія Сухины и Гаврiила Моторнаго, въ 1745—1760 годахъ, устроена была часовня для молитвъ и пѣснопѣній, при которой состоялъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря: послѣ паденія Запорожья здѣсь поселился бывшей запорожской Сичи, ирклѣевскаго куреня, козакъ Иванъ Голубъ, прожившій до того времени болѣе девяти лѣтъ въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ въ подвигахъ молитвы и поста: его стараніями въ слободѣ Кильчени устроена была церковь во имя Успенія божiей матери, въ 1791 году: съ этого-же времени слобода Кильчень стала именоваться слободой Голубовкой въ честь фундатора ея, Ивана Голуба[2]).

Въ селѣ Кочережкахъ на рѣкѣ Самарѣ издавна устроенъ былъ Сергіевъ скитокъ Самарскаго монастыря: при немъ постоянно жили нѣсколько человѣкъ монаховъ и запорожскихъ козаковъ: на обязанности этихъ монаховъ и козаковъ лежало заботиться объ удобствахъ проѣзжавшихъ по самарской паланкѣ и переправлявшихся черезъ кочереженскій бродъ въ рѣкѣ Самарѣ купцовъ, промышленниковъ и вообще всякихъ путешественниковъ: около 1750 года здѣсь возникла слобода Кочережки, которую часто посѣщалъ въ свое время извѣстный колонизаторъ, распространитель православія и фундаторъ многихъ въ посамарскомъ краѣ церквей, священникъ Кириллъ Тарловскій, называвшійся современниками «дикимъ попомъ»: пріѣзжая въ Кочережки, Кириллъ Тарловскій поучалъ народъ слову божію и потомъ внушилъ ему мысль о построеніи церкви при селѣ: мысль его была принята, но церковь въ Кочережкахъ открыта была въ 1778 году, уже послѣ паденія Запорожья[3]).

Въ селѣ Петровскомъ, теперь Балабино-Петровскомъ, на лѣвомъ

---

[1]) Θеодосій. Историч. обзоръ церквп. 1876, 70; Матеріалы, I, 304, 448.

[2]) Θеодосій. Матеріалы для историко-статистическаго описанія, I, 431.

[3]) Θеодосій. Матеріалы для историко-статистическаго описанія, Екатеринославъ, 1880, I, 464.

рукавѣ Днѣпра, Кушугумѣ, около 1740 года, существовала часовня; при ней жилъ постоянно іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря, исправлявшій церковныя требы; по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ часовнѣ въ Петровкѣ сходились мѣстные и окрестные обыватели и возносили здѣсь свои молитвы къ милосердому Богу [1]).

Въ слободѣ Дмитріевкѣ на рѣкѣ Самарѣ, теперь селѣ того-же имени павлоградскаго уѣзда, существовалъ скитокъ Самарско-Николаевскаго монастыря съ нѣсколькими монахами при немъ; въ воскресные и праздничные дни сюда собирались мѣстные и окрестные обыватели, слушали божественныя службы, учились слову божію и добрымъ порядкамъ въ жизни; сюда-же пріѣзжалъ нерѣдко «дикій попъ» Кириллъ Тарловскій: проживая здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, онъ училъ народъ слову божію и вмѣстѣ съ нимъ возносилъ молитвы Господу Богу; въ свою очередь «дикаго попа» часто навѣщалъ здѣсь азовскій губернаторъ В. А. Чертковъ [2]).

Въ урочищѣ рѣчки Малой-Терновки, теперь мѣстечкѣ Юрьевкѣ павлоградскаго уѣзда, существовала часовня, въ которой молился великій подвижникъ, старецъ Дорошъ, бывшій асаулъ войска низового запорожскаго; святость жизни этого подвижника, безъ сомнѣнія, привлекала очень много православныхъ козаковъ въ этотъ скитъ; впослѣдствіи, съ 1766 года, сюда сталъ пріѣзжать «дикій попъ», наставлять добру христіанъ и возносить вмѣстѣ съ ними теплыя молитвы къ Богу [3]).

Въ зимовникѣ запорожца Николая Петровича Рудя на рѣчкѣ Нижней-Терсѣ, теперь слободѣ Николаевкѣ-Рудевкѣ, названнаго уѣзда, въ 1754 году, сооружена была походная церковь, во имя святителя Николая, взятая изъ Самарско-Николаевскаго монастыря, по просьбѣ и ходатайству Николая Петровича Рудя; при этой церкви Рудь содержалъ іеромонаха Самарскаго монастыря Самуила, совершавшаго богослуженія и поучавшаго христіанъ слову божію и молитвамъ; въ годину татарскаго лихолѣтья 1768 и 1769 годовъ церковь въ слободѣ Николаевкѣ была истреблена, а жители спаслись бѣгствомъ въ сосѣднемъ Самарскомъ монастырѣ; новая церковь построена была лишь въ 1785 году, послѣ паденія Запорожья, племянникомъ осадчаго Рудя, Николаемъ Алексѣевичемъ Рудемъ [4]).

---

[1]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 265.
[2]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 473.
[3]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 515.
[4]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 523.

Въ урочищѣ Межирѣчьѣ, между двумя рѣчками Волчьей и Самарою, теперь селѣ Межирѣчьѣ названнаго уѣзда, въ 1745 году, имѣлась часовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы и при ней іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для молитвъ, пѣснопѣній и поученія христіанъ слову божію и добрымъ порядкамъ жизни [1]).

Въ оврагѣ Лозовомъ, теперь слободѣ Подгородней, того-же уѣзда, въ 1750 и 1765 году, была устроена часовня съ иконою архистратига Михаила и къ ней вызванъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для молитвъ, славословій и поученій [2]).

Въ урочищѣ Андреевкѣ на рѣчкѣ Волчьей, теперь слободѣ Андреевкѣ, бахмутскаго уѣзда, въ 1757—1768 годахъ, устроена была часовня съ иконою Покрова пресвятой Богородицы и къ ней вызванъ былъ іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для совершенія богослуженія и молитвословій [3]).

Въ селѣ Подгороднемъ, прежнемъ городѣ Донецкомъ, теперь городѣ Славяносербскѣ, въ 1740 году, имѣлась походная церковь во имя Покрова пресвятой Богородицы и при ней содержался іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря для совершенія богослуженій и поученія христіанъ слову божію и добрымъ дѣламъ [4]).

Въ урочищѣ Чернухиномъ и Поповомъ-Яру, при теперешнемъ селѣ Чернухинѣ, славяносербскаго уѣзда, имѣлась икона святителя Николая Чудотворца и при ней содержался священникъ для молитвъ и пѣснопѣній: чрезъ это урочище пролегалъ шляхъ изъ Сѣчи къ Дону и Кагальнику: для проѣзжавшихъ по шляху при Чернухиномъ урочищѣ устроена была постоянная станція, гдѣ они могли найти для себя и своихъ коней разнаго рода продовольствіе, кормъ и продолжительный отдыхъ; а для того, чтобы проѣзжавшіе кромѣ того имѣли возможность удовлетворить здѣсь и своимъ религіознымъ потребностямъ, запорожскій Кошъ распорядился при Чернухиной станціи соорудить икону святителя Николая и къ ней опредѣлить священника [5]).

Въ урочищѣ Кагальникѣ при впаденіи Дона въ Азовское море,

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 533.
[2]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 539.
[3]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 47.
[4]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 87.
[5]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 104.

теперь слободѣ Кагальникѣ, ростовскаго уѣзда, въ 1750 году, имѣлась походная церковь, во имя Покрова пресвятой Богородицы, и при ней содержался іеромонахъ Самарско-Николаевскаго монастыря; въ 1768 году, во время татарскаго лихолѣтья, жители Кагальника нашли убѣжище въ крѣпости св. Димитрія Ростовскаго; по минованіи бѣды, жители Кагальника возвратились къ развалинамъ родныхъ пепелищъ и тогда при ихъ походной церкви явился вмѣсто іеромонаха священникъ Кириллъ Остролуцкій, родомъ изъ Острога-Луцкаго на Волыни, питомецъ кіевской духовной академіи [1]).

Въ урочищѣ устья рѣки Міуса, при впаденіи ея въ Азовское море, близь Таганрога, въ теперешней слободѣ Николаевкѣ, ростовскаго уѣзда, въ 1769 году, 500 душъ семейнаго запорожскаго козачества, по распоряженію Коша, основали три слободы—Николаевскую, Троицкую и Покровскую, и общими силами въ средней слободѣ, Троицкой, устроили часовню и къ ней пригласили изъ Таганрогской крѣпости священника Никифора Өедорова [2]).

Въ урочищѣ устья рѣчки Берды, центрѣ калміусской паланки, церковь, существовала уже въ первой половинѣ XVIII вѣка; въ 1754 году паланочный полковникъ Андрей Порохня писалъ въ запорожскій Кошъ, что старая церковь въ калміусской паланкѣ уже обветшала и что на мѣсто ея слѣдуетъ возвести новую, для чего необходимо доставить въ паланку необходимое количество строевого лѣса изъ самарской «товщи»; въ свою очередь Кошъ сообщилъ о необходимости построенія новой церкви въ калміусской паланкѣ кіевскому митрополиту Тимоөею Щербацкому, испрашивая у него на то благословенія: владыка прислалъ въ Сичу святительскую грамоту и походный антиминсъ, а вмѣстѣ съ этимъ велѣлъ отправить туда старую походную церковь, хранившуюся въ Сичи отъ времени пребыванія запорожскихъ козаковъ подъ протекціей Крыма, и отдалъ распоряженіе поставить ее въ паланкѣ для совершенія богослуженія до окончанія новой церкви [3]).

У Шангирейскаго ретраншемента, на крымской сторонѣ, церковь походная устроена была запорожскимъ полковникомъ Аөанасіемъ Өедоровичемъ Колпакомъ въ то время, когда онъ дѣйство

[1]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 210.
[2]) Өеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, II, 215.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 135.

валъ, вмѣстѣ съ запорожскими козаками, противъ татаръ и турокъ, начиная съ 1771 года и далѣе [1]).

Кромѣ перечисленныхъ 40 церквей въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ было еще 7, но когда онѣ возникли, кѣмъ построены, на то нѣтъ никакихъ точныхъ указаній; извѣстно лишь, что въ половинѣ XVIII вѣка существовали церкви въ селеніяхъ: Письмичевкѣ, Пышневкѣ, Козырщинѣ, Перещепинѣ, Калантаевкѣ, Сердюковкѣ [2]) и Половицѣ: въ послѣдней церковь во имя Успенія существовала въ 1774 году, какъ это видно изъ надписи на жертвенникѣ, сохранившемся въ настоящее время въ церкви слободы Гупаловки, александровскаго уѣзда: «Сей жертвенникъ издѣланъ коштомъ Сѣчи запорозкой куреня щербинѣвскаго, козакомъ Иваномъ Гергелемъ слѣсарскою роботою. А малярскою роботою коштомъ куреня титаревскаго Иваномъ Кривимъ 1774 год(а), которимъ да будетъ вѣчная память». Впрочемъ, изъ надписи на жертвенникѣ не видно, чтобы онъ принадлежалъ именно церкви слободы Половицы, но объ этомъ говорятъ преданія глубокихъ стариковъ [3]).

И такъ, мы нашли въ предѣлахъ запорожскихъ козаковъ, по отрывочнымъ документальнымъ даннымъ, всѣхъ церквей 60: если-бы до насъ дошелъ вцѣлѣ весь запорожскій сичевой архивъ, тогда церквей въ Запорожьѣ оказалось бы гораздо больше показаннаго числа: но уже и этого достаточно, чтобы не смѣть сказать, что запорожцы представляли изъ себя скопище людей «безъ никакой религіи».

Теперь, послѣ общаго очерка развитія церкви въ запорожскомъ краѣ, необходимо сказать о самомъ устройствѣ ея, объ отношеніи пастырей къ пасомымъ и, наоборотъ, пасомыхъ къ пастырямъ, о матеріальномъ бытѣ запорожскаго духовенства, объ усердіи запорожцевъ къ храмамъ божіимъ и особенной страсти ихъ къ торжественному богослуженію и, наконецъ, о наиболѣе чтимыхъ ими святыхъ и церковныхъ праздникахъ.

Запорожскіе козаки всегда считали свою церковь независимою въ отношеніи высшей духовной русской іерархіи: потому, хотя они и обращались за разрѣшеніемъ разныхъ церковныхъ вопросовъ и за присылкою въ собственныя церкви духовенства къ кіевскимъ

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 136.

[2]) Өеодосій. Историческій обзоръ церкви. Екатеринославъ, 1876. 50.

[3]) Екатеринославскія губернскія вѣдомости, 1887, №№ 21, 25 и 27.

митрополитамъ, но все-же въ церковныхъ дѣлахъ Запорожья ставили рѣшенія своего Коша выше власти кіевскаго митрополита, межигорскаго архимандрита и собственныхъ церквей начальника. Но такая церковная автономія, естественно, не могла нравиться русскому правительству, и потому, со времени присоединенія запорожскихъ козаковъ къ Россіи, послѣ 1734 года, русское правительство, постепенно прибирая къ рукамъ запорожцевъ, старалось лишить ихъ, между прочимъ, и церковной автономіи. Первый случай представился къ тому въ 1759 году, по поводу пріѣзда въ Сичу милетійскаго епископа Анатолія Мелеса. Анатолій Мелесъ, прибывъ въ Россію сперва въ санѣ архимандрита и въ качествѣ собирателя подаяній въ пользу Аѳонскаго георгіевскаго монастыря, а потомъ въ санѣ епископа и въ качествѣ уполномоченнаго отъ турецкихъ славянъ, желавшихъ переселиться въ южную Россію, объѣзжая слободскую Украйну и Новороссію, явился въ Сичу и здѣсь совершилъ нѣсколько торжественныхъ богослуженій по чину архіерейскому. Но, совершая литургію, онъ на ектеніяхъ или вовсе исключалъ имя мѣстнаго высшаго іерарха, кіевскаго митрополита Арсенія, или произносилъ его весьма «неправильно и непристойно». Синодъ осудилъ его за это, но сенатъ, въ виду важности пріѣзда греческаго епископа въ Россію, взялъ его подъ свою защиту; запорожцы также оказали ему свое покровительство и рѣшили не отпускать его отъ себя: тѣмъ не менѣе, въ концѣ 1760 года Анатолій Мелесъ былъ низложенъ и лишенъ сана. Тогда въ Сичь посланъ былъ царскій указъ, въ которомъ войску запорожскому «наикрѣпчайше повелѣвалось, дабы они никакихъ духовныхъ лицъ, кромѣ указно опредѣленныхъ отъ епархіальнаго своего архіерея, отнюдь не принимали и не держали и безъ дозволенія его никого къ священнослуженію допускать отнюдь не дерзали» [1]). Тѣмъ не менѣе, запорожскіе козаки все-же считали свою церковь зависимою только отъ собственнаго Коша, а не отъ русскаго правительства. На этомъ основаніи въ 1769 году, во время русско-турецкой войны, они не хотѣли, не смотря на приказаніе фельдмаршала графа П. А. Румянцева, поставить въ зависимость бывшихъ въ походѣ запорожскихъ іеромонаховъ отъ оберъ-священника всей дѣйствующей арміи. На этомъ-же основаніи послѣдній кошевой атаманъ Петръ Ивановичъ Калнишевскій, принявъ отъ

---

[1]) **Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 162.**

Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря іеромонаха Германа, «человѣка столь хорошаго житія, что онъ можетъ и проповѣди говорить», другого, присланнаго въ то-же время и тѣмъ-же монастыремъ, іеромонаха Кошмана, за то, что онъ «непорядочно», т. е. безъ позволенія Коша, уѣзжалъ въ Кіевъ, велѣлъ немедленно отослать въ Межигорскій монастырь. Оттого, числясь парафіей кіевскаго митрополита, запорожская церковь даже московскому патріаршему престолу подлежала лишь номинально, въ дѣйствительности-же была въ безусловномъ вѣдѣніи одного запорожскаго Коша [1]).

Нравственная зависимость запорожской церкви признавалась войскомъ только отъ кіевскаго Межигорскаго монастыря. Съ самаго начала своего историческаго существованія, т. е. около 1576 года, сичевая церковь составляла парафію Трехтемировскаго кіевской епархіи монастыря; но потомъ, послѣ опустошенія этого монастыря, въ эпоху польско-козацкихъ воінъ, въ тридцатыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, она стала считаться зависимой въ духовномъ отношеніи отъ кіевскаго Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря [2]). Но видимо связь эта сичевой церкви съ Межигорскимъ монастыремъ на первыхъ порахъ была непродолжительна: по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ XVII вѣка запорожскіе козаки хлопотали о припискѣ своей церкви къ Кіево-Межигорскому монастырю. Такъ, отъ этого времени до насъ дошло два письма, кошевого Ивана Сирка и кошевого Григорія Иваники, по поводу вновь установившихся отношеній между Межигорскою обителью и сичевою церковью. Кошевой Иванъ Дмитріевичъ Сирко въ 1676 году писалъ въ Межигорскую Спасо-Преображенскую обитель письмо, въ которомъ просилъ игумена монастыря прислать въ Сичу, на правый клиросъ, какого-нибудь изъ уставщиковъ, потому что «свѣцкіе панове дьяки» съ одной стороны неспособны къ церковному дѣлу, съ другой—не умѣютъ цѣнить «ласки войсковой» и спокойно проживать въ Сѣчи; въ тоже время кошевой извѣщалъ, что войско запорожское рѣшило посылать свой доходъ въ ту обитель, въ которой объ немъ молятъ милостиваго Бога и при которой находится шпиталь для недуж-

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I. 132, 133.

[2]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 275.

ныхъ козаковъ, т. е. обитель Межигорскаго Спаса[1]). Кошевой Григорій Иваника съ судьей Меченкомъ, писаремъ Константіевичемъ, асауломъ Цесарскимъ, куреннымъ Стягайломъ, Олексіенкомъ, атаманами Яковомъ и Павломъ и всѣмъ товариствомъ низовымъ, въ 1683 году, опредѣленнѣе выражали свои отношенія къ Межигорскому монастырю: они писали на этотъ счетъ слѣдующее письмо: «Такъ какъ намъ, всему войску запорожскому, били письменно челомъ наши духовные отцы, честный господинъ отецъ Василій Васьковскій, игуменъ кіевскій Межигорскій, со всѣмъ соборомъ и съ братіеей своей[2]), прося утвердить письменнымъ обѣщаніемъ всего войска на потомные часы и лѣта, чтобы теперь и на будущее время присланные священники изъ ихъ общежительнаго кіевскаго Межигорскаго монастыря, а не изъ другой какой-либо святой обители службы божія въ церкви святой нашей запорожской Покрова пресвятой Богородицы совершали и всѣ надлежащія правила на спасеніе войску отправляли и духовными отцами товариству были, и чтобы парафія наша запорожская всегда въ ихъ обладаніи находилась. И мы, все войско, въ теченіи не малаго времени видя, на сколько пристойно иноческое и общежительное житіе отцовъ кіевскихъ межигорскихъ, находя чинъ ихъ монастырскій похвалы достойнымъ, считая его ко спасенію людей полезнымъ, привѣтнымъ и страннолюбивымъ, имѣя и въ войскѣ и въ церкви нашей служителей его не мало и видя порядокъ въ церкви св. Покровы постоянный, отправленіе церковныхъ службъ по монастырску (=чину) и всѣмъ тѣмъ утѣшаясь, мы, войско, послѣ всего этого единодушно и хорошо между собою посовѣтовавшись, ту челобитную вышесказанныхъ отцовъ приняли и въ скарбницу войсковую спрятали, а на ихъ желаніе согласились, чтобы церковь запорожская св. Покровы и вся парафія наша всегда за ними оставалась на потомные часы, чтобы при св. Покровѣ неотмѣнно священнодѣйствовали лица изъ монастыря общежительнаго кіевскаго Межигорскаго и войску запорожскому богомольцами и духовными отцами были. При этомъ ставимъ своимъ условіемъ, чтобы монастырь на то святое дѣло прислалъ людей способныхъ и статечныхъ: двухъ священниковъ, діакона и уставщика. Изложенную нашу войсковую согласную волю симъ нашимъ войсковымъ

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I. 125.

[2]) Письмо передаемъ въ оборотахъ современной намъ рѣчи.

*

подписомъ и печатью теперь и навсегда на потомные часы подтверждаемъ. Въ заключеніе желаемъ и просимъ, чтобы никто на вѣчныя времена не нарушилъ и не отмѣнилъ ни нашей воли войсковой, слѣдовавшей за волей божіей, ни нашего постановленія, чтобы войсковое слово, вовсе непротивное волѣ божіей, напротивъ славу божію возвеличивающее, было всегда поважно, статечно, и, якъ скала, неподвижно» [1]).

Кіево-Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь пользовался у запорожскихъ козаковъ особеннымъ вниманіемъ передъ прочими кіевскими монастырями именно потому, что онъ былъ на положеніи ставропигіальнаго монастыря, т. е. стоялъ въ непосредственной зависимости отъ патріаршаго всея Россіи престола и былъ изъятъ изъ вѣдомства русскаго православнаго синода и мѣстнаго митрополита, что вполнѣ гармонировало съ стремленіемъ запорожцевъ сдѣлать свою церковь независимою въ отношеніи къ митрополіи. Нельзя сказать, чтобы стремленіе запорожскихъ козаковъ сдѣлать свою церковь парафіей Межигорскаго монастыря вездѣ встрѣчало полное сочувствіе: другіе монастыри и даже само высшее духовное начальство въ Кіевѣ вовсе не хотѣли уступить запорожскія церкви одной Межигорской обители. Такъ, въ 1686 году кіевскій митрополитъ Гедеонъ издалъ было повелѣніе подчинить всѣ церкви войска запорожскаго низового кіевской митрополичьей каѳедрѣ, исключивъ всякое касательство братіи Межигорскаго монастыря къ запорожскимъ козакамъ. Тогда межигорскій игуменъ Ѳеодосій Васьковскій вызвалъ свою братію изъ Запорожья черезъ посланнаго туда нарочно монаха Тарасія и въ то-же самое время черезъ другихъ лицъ, Продіона, Филарета и Гавріила, жаловался всероссійскому патріарху за притязаніе кіевскаго митрополита на запорожскую паству. Узнавъ о распоряженіи митрополита Гедеона, запорожцы написали письмо игумену Межигорскаго монастыря, Ѳеодосію Васьковскому, въ которомъ, удивляясь немилости и нерасположенію его къ себѣ за отзывъ изъ Сичи братіи монастыря, въ то-же время доказывали, что церковь запорожская не подлежитъ власти кіевскаго митрополита и что они, запорожцы, будутъ бить челомъ великимъ государямъ, святѣйшему патріарху и его милости гетману Ивану (Мазепѣ), чтобы они оказали свою милость войску запорожскому и оставили цер-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 127.

ковь запорожскую на прежнемъ основаніи: въ заключеніе-же объявляли, что не будетъ церковь божія запорожская отлучена отъ монастыря Межигорскаго общежительнаго, пока будетъ течь вода въ Днѣпрѣ и стоять войско запорожское низовое на землѣ. Въ Москвѣ приняли сторону запорожскихъ козаковъ и игумена Ѳеодосія, и грамотою, данною въ 1688 году, 5 марта, патріархомъ Іоакимомъ на имя игумена Ѳеодосія, церковь запорожская вновь сдѣлана была парафіей Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря: «Церковь божію въ Сѣчи запорожской будучую, имѣющуюся въ полной и исправной патріаршей власти, поручить единственному вѣдѣнію Межигорскаго монастыря, съ утвержденіемъ древняго обычая, чтобы войско низовое получало свое духовенство только изъ этой обители» [1]).

Связь запорожскихъ козаковъ съ Кіево-Межигорскимъ Спасо-Преображенскимъ монастыремъ прекращалась лишь на время отъ 1709 по 1734 годъ, когда они находились подъ протекціей крымскаго хана и турецкаго султана—«ходили по туркамъ та по каулкамъ»: въ то время запорожцы пользовались духовенствомъ частію изъ Константинополя, частію изъ Аѳона, частію же изъ православныхъ мѣстъ Польши; но съ возвращеніемъ козаковъ подъ россійскую державу, въ 1734 году, связь ихъ съ Межигорскою обителью не прекращалась до самаго паденія Сичи.

Каждый изъ козаковъ запорожскаго низового войска считалъ своею обязанностью, въ мирное время, два раза побывать «у Межигорскаго Спаса»; запорожскіе козаки дѣлали большіе денежные вклады въ эту обитель, снабжали ее драгоцѣнною утварью—чашами, крестами, евангеліями, дарили богатѣйшими облаченіями [2]), возводили на собственный коштъ церкви и обширныя постройки какъ въ самомъ монастырѣ, такъ и внѣ, на дачахъ его; они посылали въ монастырь цѣлые возы рыбы, соли, мѣховъ, вина, отправляли братіи въ подарокъ рабочій скотъ и отличныхъ породистыхъ лошадей, а многіе изъ нихъ и сами, послѣ бурной, исполненной всяческихъ военныхъ приключеній жизни, оканчивали свои дни въ стѣнахъ этой священной и завѣтной для нихъ обители. Братія монастыря, «имѣя большое пожалованіе изъ Запо-

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 127—129.

[2]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 283, 284, 285.

рожья[1]), всегда помнили благодѣянія запорожскихъ козаковъ и не иначе называли ихъ, какъ «ктиторами» и «фундаторами» Межигорской Спасо-Преображенской обители.

Взамѣнъ всѣхъ благодѣяній со стороны запорожскихъ козаковъ Кіево-Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь постоянно посылалъ изъ числа своей братіи въ Запорожье начальниковъ для всего запорожскаго духовенства, настоятелей для Самарско-Николаевскаго монастыря, іеромонаховъ, священниковъ, дьяконовъ, чтецовъ и пѣвцовъ для сичевой и приходскихъ церквей, антиминсы и святое муро для новыхъ церквей и поступавшихъ въ лоно православной сичевой церкви неправославныхъ христіанъ.

Для собственно сичевой церкви Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь ежегодно присылалъ, обыкновенно въ сентябрѣ мѣсяцѣ, двухъ іеромонаховъ, одного дьякона и одного или двухъ уставщиковъ; кромѣ того, при сичевой церкви имѣлись и пономари, какъ это видно изъ синодика Нехворощанскаго Заорельскаго монастыря 1714 года, на одной изъ страницъ котораго сдѣлана приписка: «Родъ паламаря сѣчового Ивана Гаркуши»[2]). Всѣ духовныя лица, присылавшіяся изъ Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря въ Сичь, кромѣ монаховъ, отправляемыхъ въ Самарско-Николаевскій монастырь, могли оставаться, подобно свѣтской войсковой старшинѣ, на своихъ мѣстахъ только одинъ годъ: отъ сентября одного года и до сентября другого; исключенія изъ этого общаго правила дѣлались лишь для весьма немногихъ, особенно достойныхъ лицъ, и то «съ войсковой ласки», а не по желанію кіевскаго монастырскаго начальства. Нужно думать, что такая частая смѣна духовныхъ лицъ въ Сичи дѣлалась въ виду того, чтобы не давать духовенству возможности глубоко пускать корни въ землѣ запорожскихъ козаковъ и тѣмъ гарантировать общественную свободу со стороны притязаній духовной власти; оттого духовныя лица не имѣли никакой правительственной власти въ средѣ запорожскихъ козаковъ: «напротивъ того, сами войсковой старшинѣ повинны бывали и дѣлали все по повелѣнію ихъ»[3]) и вообще не смѣли вмѣшиваться въ какія бы то ни было мірскія дѣла, исключая заступничества за преступниковъ и присутствованія при публичномъ наказаніи въ церкви на случай учиненія кѣмъ-

[1]) Филаретъ. Черноморская Николаевская пустынь, Харьковъ, 1856, 28.
[2]) Эварницкій. Запорожье, Санктъ-Петербургъ, 1888, I, 107.
[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 15.

либо изъ козаковъ неважныхъ правонарушеній [1]). Что касается бѣлаго духовенства, назначавшагося въ приходскія церкви вольностей запорожскихъ козаковъ, то для того, чтобы имѣть право служить въ запорожскомъ войскѣ, оно сперва являлось къ начальнику запорожскихъ церквей, потомъ приносило присягу на вѣрность Кошу и только послѣ этого получало извѣстные приходы и паству [2]). Отъ духовныхъ лицъ, присылавшихся въ Сѣчу, требовалось прежде всего безбрачіе, оттого Межигорскій Спасо-Преображенскій монастырь всегда назначалъ къ сѣчевымъ козакамъ монаховъ, кромѣ приходскихъ церквей, куда могло быть посылаемо и семейное духовенство; затѣмъ отъ духовныхъ особъ требовались начитанность въ словѣ божіемъ, краснорѣчіе, голосистость, особенно отъ дьяконовъ, и трезвость; самъ начальникъ запорожскихъ церквей долженъ былъ каждый воскресный и праздничный день говорить проповѣди, непремѣнно наизусть, на языкѣ малороссійскомъ [3]); не подходившихъ къ этимъ требованіямъ запорожскіе козаки тотъ-же часъ высылали изъ Сѣчи; вполнѣ подходившихъ оставляли у себя и оказывали имъ большое уваженіе.

Въ важныхъ церковныхъ случаяхъ, напримѣръ, построеніи новыхъ церквей, запорожскій Кошъ, насколько видно изъ множества документовъ XVIII вѣка, обыкновенно обращался за благословеніемъ непосредственно къ кіевскому митрополиту, на что послѣдній отвѣчалъ сѣчевому товариству духовными грамотами; послѣ учрежденія въ Запорожьѣ такъ называемаго намѣстническаго правленія, около 1760 года, сношенія Коша съ митрополитомъ нѣсколько осложнились: помимо Коша, митрополиту писало и духовное намѣстническое правленіе за подписью «крестоваго намѣстника». Нужно думать, что эта процедура придумана была именно въ виду того, чтобы поставить запорожскую церковь въ непосредственную зависимость отъ русскаго престола, къ чему правительство стремилось уже съ половины XVIII вѣка, когда особымъ указомъ «крѣпчайше» повелѣвалось запорожскимъ козакамъ, «дабы они впредь безъ дозволенія епархіальнаго своего архіерея никого къ священно-служенію допускать отнюдь не дерзали» [4]).

---

[1]) Клавдіусъ Рондо. Кіевская Старина, 1884, № 11, 446.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса. 1885, I, 130.
[3]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 46.
[4]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 162.

Содержаніе сичевому и вообще всему запорожскому духовенству давалось частію изъ войскового жалованья, присылавшагося ежегодно въ Сичу изъ русской столицы, частію отъ продажи церковныхъ свѣчъ, отъ сборовъ за перевозы, отъ всякихъ ловель, торговыхъ лавокъ, питейныхъ доходовъ — шестая бочка отъ привозимыхъ въ Сичу вина и водки [2]), а больше всего отъ щедрыхъ подаяній, духовныхъ завѣщаній и военной добычи: у запорожскихъ козаковъ XVI, XVII и XVIII вѣковъ было во всеобщемъ обычаѣ передъ смертью давать часть своего достоянія въ церковь «на поминъ козацкой души»; также точно было у нихъ въ обычаѣ, послѣ возвращенія изъ военныхъ походовъ, дѣлить свою добычу на три части и первую часть «отъ всякаго меча и весла» отдавать въ монастыри и церкви собственнаго и чужого края, какъ это поется въ дошедшихъ до насъ козацкихъ думахъ:

«Сриб̀ро, злато на три часты̀ паёвали:
Пѐршу часть бр̀али, на церквы̀ покладали,
На святòго Межыгорьского Спàса,
На Трехтемыровськiй монастырь
На святỳю сичòвую Покрòву давàли.—
Котòри дàвнимъ козàцькимъ скàрбомъ будувàли,
Щобъ за ихъ вставàючи и лягàючи
Милосѐрдного Богà благàли,
А другу часть помижъ собòю паёвали,
А трѐтю часть брàли,
Очеретàми сидàли
Пилы̀ та гулялѝ».

Обезпечивъ свое духовенство въ матеріальномъ отношеніи болѣе, чѣмъ достаточно, запорожскій Кошъ тѣмъ самымъ, однако, не исключилъ права духовныхъ лицъ брать вознагражденіе за совершеніе таинствъ и исправленія разныхъ требъ, но ограничилъ лишь взиманіе платы разъ навсегда установленною нормою. По этой нормѣ за сорокоустъ бралось 4 рубля, за вѣнчаніе достаточносостоятельныхъ — 1 рубль, средне состоятельныхъ — 60 коп., малосостоятельныхъ — 40 коп., за субботникъ — 50 коп., за похороны большія со службой — 30 коп., за похороны малыя безъ службы — 15 копѣекъ, за похороны младенцевъ — 5 копѣекъ, за освященіе хаты — 30 копѣекъ, за панихиду, поминальный обѣдъ, поминаніе въ

[2]) Өеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 56; Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 45, 46, 49.

великій постъ и чтеніе акаѳиста — по 20 копѣекъ, за молебенъ— 10 копѣекъ, за крещеніе—5 копѣекъ, за молитву надъ кухликами и за записку въ метрику по 5 копѣекъ, за исповѣдь, молитву предъ Рождествомъ. Пасхой и за освященіе пасокъ по 1 коп. [1]).

Отступленія, которыя позволяло собѣ на этотъ счетъ запорожское духовенство отъ постановленій Коша, немедленно пресѣкаемы были въ самомъ корнѣ ихъ. Такъ, въ 1765 году донесено было въ Кошъ, что самарскіе священники дозволили себѣ разнаго рода «здирства» въ отношеніи своихъ прихожанъ, взимали за бракосочетаніе болѣе 3 рублей, продавали для церквей свѣчи, только сверху обмазанныя воскомъ, въ срединѣ-же состоявшія изъ одного валу и потому «негодныя ни къ горѣнію, ни къ церковному дѣлу, ни къ чтенію». Усматривая, что отъ высокой таксы за бракосочетаніе «простонравные народы могутъ сходиться и творить беззаконныя бракосочетанія», а отъ поддѣлки церковныхъ свѣчъ «грѣшно передъ Богомъ и зазрительно совѣсти», запорожскій Кошъ особымъ ордеромъ того-же года, 22 января, приказывалъ черезъ самарскаго полковника Алексѣя Коцыря немедленно пресѣчь то злоупотребленіе и въ крайнемъ случаѣ отсылать желающихъ вѣнчаться отъ приходскихъ священниковъ въ Самарскій монастырь, какъ то изстари дѣлалось [2]).

Богослуженіе у запорожскихъ козаковъ совершалось каждый день «неотмѣнно» по монашескому чину восточной православной церкви: церковь, по крайней мѣрѣ, сичевая, всегда отличалась благолѣпіемъ, дорогою ризницей и богатѣйшею церковною утварью, превосходнѣе которой, по замѣчанію очевидца, во всей тогдашней Россіи едва-ли можно было встрѣтить. И точно: царскія врата въ церкви послѣдней Сичи были вылиты изъ чистаго серебра, иконы горѣли золотыми шатами, а лики иконъ писаны были лучшими византійскими художниками, священническія ризы кованы чистѣйшимъ золотомъ, священныя книги обложены массивнѣйшимъ серебромъ съ драгоцѣнными камнями [3]). Во время богослуженія запорожцы держали себя въ высшей степени чинно и благопристойно:

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 16.

[2]) Ѳеодосій. Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 117.

[3]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 29; Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 85; II, 48—51, 191—193.

чтобы не нарушать тишины, войдя въ церковь, они размѣщались соотвѣтственно чинамъ, по разнымъ мѣстамъ: простые козаки рядами среди церкви, старшины, т. е. кошевой атаманъ, судья, писарь, асаулъ и нѣсколько почтенныхъ стариковъ за особыми мѣстами, такъ называемыми бокунами или стасидіями, великолѣпной рѣзной работы, окрашенными ярко-зеленой краской, стоявшими съ обѣихъ сторонъ у стѣны, раздѣлявшей церковь на двѣ половины. При чтеніи евангелія всѣ козаки приходили въ движеніе, стройно выпрямлялись во весь ростъ, брались за ефесы сабель и вынимали лезвія до половины изъ ноженъ, въ знакъ готовности защищать оружіемъ слово божіе отъ враговъ Христовой вѣры; на ектеніяхъ во время богослуженія поминались особы императорской фамиліи, члены правительствующаго сената, весь синклитъ и за нимъ по именамъ—кошевой, судья, писарь и асаулъ.

При богослуженіи запорожцы особенно любили пышность и торжественность, для чего содержали цѣлый хоръ пѣвчихъ, какъ старшаго возраста, такъ и младшаго. Для той-же цѣли они пользовались иногда случайнымъ пріѣздомъ въ Сичь какого-нибудь архіерея и приглашали его совершать богослуженіе въ сичевой церкви во всемъ торжественномъ архіерейскомъ чинѣ. Такой случай представился имъ однажды во время проѣзда по слободско-украинскимъ и запорожскимъ мѣстамъ греческаго епископа Анатолія Мелеса: по просьбѣ запорожцевъ онъ нѣсколько разъ совершилъ богослуженіе въ сичевой церкви, и это крайне восхищало всѣхъ козаковъ: «Зрѣлищемъ архіерейскаго служенія все простонародное запорожское войско весьма довольствовалось. По пограничности сего города (Сичи), яко пріѣзжихъ и иностраннаго народа довольно было, въ прославленіи божіемъ, въ похваленіи знатная польза пріобрѣтена была»[1]). Запорожцы, увлеченные торжественностію архіерейскаго служенія, предложили епископу Анатолію навсегда остаться въ Сичи и даже исходатайствовали сенатскій указъ объ удержаніи его у себя[2]), и только потомъ, когда Анатолій Мелесъ осужденъ былъ святѣйшимъ синодомъ на немедленную высылку за-границу, отпустили его изъ Сичи, одаривъ богатыми подарками и снабдивъ деньгами.

Кромѣ повседневной литургіи, у запорожскихъ козаковъ всегда

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 145.

[2]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1877, II, 282.

служились соборныя панихиды и нарочитые сорокоусты по умершимъ воинамъ какъ въ сичевой, такъ и въ приходскихъ запорожскихъ церквахъ [1]); сверхъ того школьники особо читали по нимъ псалтирь и звонили въ колокола [2]). Для вѣчнаго поминовенія имена убитыхъ козаковъ заносились въ синодикъ или вписывались на особой табличкѣ, въ видѣ продолговатой деревянной лопаточки, которую дьяконъ держалъ передъ престоломъ божіимъ, вычитывая по ней имена павшихъ на брани защитниковъ Христовой вѣры [3]).

Помимо всего сказаннаго о церковномъ устройствѣ въ Запорожьѣ нельзя не отмѣтить еще одной особенности между козаками: у запорожскихъ козаковъ, какъ людей воинскаго званія, извѣстные святые и извѣстные праздники пользовались особымъ уваженіемъ предъ прочими: таковы: Покровъ пресвятой Богородицы, архистратигъ Михаилъ и Николай Чудотворецъ. Въ честь Покрова пресвятой Богородицы всегда устраивали церковь въ самой Сичи: этотъ праздникъ имѣлъ двойное значеніе для запорожскихъ козаковъ: подъ покровомъ Богоматери запорожцы не боялись ни вражьяго огня, ни грозной стихіи, ни бури морской; подъ Покровомъ Приснодѣвы они оставались дѣвственниками и свято выполняли главнѣйшій девизъ своей жизни защиту православной вѣры. Архистратигъ Михаилъ главнѣйшій «изъ безплотныхъ силъ воинъ» былъ невидимымъ руководителемъ запорожцевъ на войнѣ, возвѣщалъ имъ своей трубой побѣды и давалъ знакъ къ отступленіямъ. Святитель и великій чудотворецъ Николай, издавна пользовавшійся у русскихъ людей, какъ покровитель всѣхъ «плавающихъ, странствующихъ и путешествующихъ» [4]), невидимо сопутствовалъ запорожскимъ козакамъ въ ихъ морскихъ путешествіяхъ, ободрялъ и утѣшалъ ихъ во время страшныхъ бурь на Черномъ морѣ, которое такъ часто носило ихъ чайки то къ Синопу и Трапезонту, то къ Аккерману и самому Царюгороду. Со второй половины XVIII вѣка большимъ уваженіемъ сталъ пользоваться еще праздникъ въ

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій. Кіевъ, 1851, II, 366.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. Одесса, 1885, I, 143.

[3]) Такая лопаточка недавно еще была въ церкви села Покровскаго, основаннаго на мѣстѣ бывшей запорожской Новой Сичи.

[4]) Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ. Записки о Московіи, Спб., 1866, 65.

честь святаго Андрея Первозваннаго, какъ перваго, по преданію, насадителя въ странѣ приднѣпровской истинной и православной Христовой вѣры: возвѣстившаго свѣтъ на томъ-же пути славнымъ низовымъ рыцарямъ, подвизавшимся въ тѣхъ-же мѣстахъ за святость вѣры, чистоты церкви и цѣлость русскаго народа.

Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь [1]).

Въ ряду описанныхъ запорожскихъ святынь первое мѣсто занимаетъ Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь. Самарско-Николаевскій монастырь—замѣчательнѣйшая святыня и по историческимъ воспоминаніямъ, и по великимъ дѣяніямъ подвижниковъ и по исключительному его положенію: въ немъ возникла первая для всего запорожскаго, а теперешняго екатеринославскаго и херсонскаго, края церковь; въ немъ положенъ былъ первый зародышъ просвѣщенія, монастырская школа; изъ него вышли первые апостолы вѣры и благочестія на весь край необозримой пустыни; въ немъ хранится множество дорогихъ вкладовъ нашихъ именитыхъ предковъ; въ немъ почиваютъ кости замѣчательныхъ дѣятелей южно-русскаго края и великихъ постниковъ и молитвенниковъ православной христіанской церкви. Оттого святыня эта имѣетъ и должна имѣть свою исторію. Годъ основанія Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря въ точности неизвѣстенъ; но, на сколько можно судить по отрывкамъ документовъ и по дошедшимъ до насъ преданіямъ, начало ему положено было скоро послѣ 1576 года, когда польско-литовскій король Стефанъ Баторій даровалъ козакамъ старый городъ Самарь, съ монастыремъ и перевозомъ [2]). На двад-

---

[1]) Для исторіи Самарскаго монастыря мы располагаемъ четырьмя сочиненіями: Историческая записка о Пустынно-Николаевскомъ Самарскомъ монастырѣ архіеп. Гавріила, Одесса, 1838; Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь еписк. Θеодосія, Екатеринославъ, 1873; Топографическое описаніе Самарско-Николаевскаго монастыря въ Запискахъ одесскаго общ. ист. и др., XII, 472; Церковные памятники Г. П. Надхина, Москва, 1878; къ этому нѣсколько документовъ въ Историческихъ матеріалахъ А. А. Андріевскаго, Кіевъ, 1882, II, 65.

[2]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1846, 43.

цать-пять верстъ выше устья рѣки Самары, лѣваго притока Днѣпра, среди дремучаго, вѣковѣчнаго и непроходимаго дубоваго лѣса, между рѣкою Самарою и ея рукавомъ Самарчикомъ, раскинулся огромный низменный и совершенно ровный островъ: на немъ шныряли цѣлыя стаи дикихъ птицъ, бродили цѣлые табуны разнаго рода звѣрей, а вокругъ росла густая, высокая и сочная трава: между травой блестѣли чистые, какъ стекло, озера, наполненныя множествомъ рыбы, раковъ и всякаго рода лѣсныхъ и водяныхъ пернатыхъ. На этомъ-то острову, Богъ вѣсть откуда, около 1576 года водворились два какихъ-то монаха-отшельника. Предаваясь молитвамъ, воздерживаясь отъ пищи и питія, они дальше своего убѣжища никуда не выходили и никого, кромѣ неба да лѣса, дикихъ звѣрей да пугливыхъ птицъ, не видали. Но, вѣроятно, уединенное мѣсто среди дремучаго лѣса манило къ себѣ не однихъ отшельниковъ, видимо оно влекло къ себѣ и тѣхъ, кому нужно было скрываться отъ преслѣдованія со стороны властей и кто занимался не молитвами и подвигами, а промышлялъ гнуснымъ грабежомъ и кровавымъ разбоемъ. Такъ, вскорѣ послѣ водворенія скромныхъ подвижниковъ на острову, въ самарскомъ лѣсу явились такъ называемые каменники, т. е. разбойники, жившіе дотолѣ въ каменныхъ пещерахъ по берегамъ Днѣпра, противъ его пороговъ. Блуждая по лѣсу, они случайно набрели на монаховъ и, найдя избранныя ими мѣста во всѣхъ отношеніяхъ удобными для уединенной и безопасной жизни, упросили монаховъ принять ихъ въ свое сообщество, за что стали доставлять имъ пищу, приносить воду и помогать въ работахъ. Такъ прошло нѣсколько времени: монахи возносили свои молитвы къ Богу, каменники трудились за подвижниковъ и подъ конецъ даже построили имъ небольшую келійку, но во все время своего совмѣстнаго житья съ благочестивыми иноками пришельцы тщательно скрывали отъ нихъ свое званіе и свой промыселъ. Спустя, однако, нѣкоторое время, монахи узнали страшную тайну своихъ незванныхъ благодѣтелей и немедленно рѣшились отъ нихъ бѣжать. Разбойники, провѣдавшіе объ этомъ, удержали монаховъ, можетъ быть изъ боязни, чтобы они не предали ихъ въ руки правосудія, а можетъ быть и въ видахъ того, чтобы ихъ молитвами испросить у Бога прощеніе за свои великія злодѣянія. Такъ монахи волею неволею должны были оставаться жить съ разбойниками. Но воръ воруетъ до поры, до времени; такъ и разбойники: уже давно прослышали объ ихъ злодѣя-

ніяхъ запорожцы, давно уже слѣдили за ними запорожскіе разъѣзды и, наконецъ, преступники были открыты. Но можно себѣ представить удивленіе запорожцевъ, когда они вмѣстѣ съ разбойниками открыли и монаховъ! Однако, недоумѣніе ихъ скоро разъяснилось, и запорожцы, схвативъ злодѣевъ, предоставили полную свободу дѣйствій отшельникамъ и даже даровали имъ разныя льготы и обставили возможными удобствами жизни. Мало того, запорожскій Кошъ, узнавъ объ открытіи въ самарскомъ лѣсу отшельниковъ, велѣлъ на мѣстѣ ихъ жилища построить маленькую крѣпостцу съ погребами и тайными ходами, потомъ при крѣпостцѣ соорудить небольшую деревянную церковцу, во имя святителя и великаго чудотворца Николая, при церковцѣ поставить «шпиталь» и нѣсколько жилыхъ построекъ для раненыхъ, недужихъ, престарѣлыхъ и «зубожалыхъ» запорожцевъ; впослѣдствіи къ построенной церковцѣ вельможный Кошъ отвелъ «властные грунты», т. е. нѣкоторое количество лѣса, пахотной земли и сѣнокоса и въ 1602 году вызвалъ къ новой обители изъ кіевскаго Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря въ качествѣ настоятеля, іеромонаха Паисія, родомъ волоха, человѣка начитаннаго въ священномъ писаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣвшаго «раны залѣчивать и больнымъ помогать». Прибывъ къ возникшей обители, іермонахъ Паисій скоро возвелъ ее на степень монастыря, добылъ для него ставропигію отъ одного изъ вселенскихъ патріарховъ, можетъ быть, константинопольскаго, на основаніи того, что сама Валахія, родина Паисія, находилась въ церковной зависимости отъ того-же константинопольскаго патріарха; затѣмъ установилъ общія для монашествующей братіи правила, устроилъ общую для всѣхъ трапезу и ввелъ иноческій въ богослуженіи уставъ. Такимъ образомъ уже въ это время для запорожскихъ козаковъ Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь сдѣлался завѣтною святынею, палладіумомъ всего края. «Это—рай божій по землѣ, это—истинная Палестина, это—истинно новый Іерусалимъ!» говорили они въ своемъ умиленіи. Взирая на святую обитель и на высокіе подвиги ея иноковъ, они подъ старость и сами нерѣдко удалялись въ Самарскій монастырь, или же селились близь него своими зимовниками и селами.

Однако, возникнувъ такъ быстро и такъ скоро благоустроившись, Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь въ теченіи XVII вѣка испыталъ много внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдъ и отъ того много разъ и внутренне и внѣшне измѣнялся: во время на-

ставшихъ между Россіей и Польшей войнъ, послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи въ 1654 году и даже послѣ окончанія этихъ войнъ въ 1667 году Андрусовскимъ перемиріемъ, когда запорожскіе козаки очутились въ двойной зависимости и отъ московскаго царя, и отъ польскаго короля, Самарско-Николаевскій монастырь не разъ былъ ограбляемъ и разоряемъ поляками и ихъ союзниками, татарами и турками[1]). Но въ 1670 году московскій царь Алексѣй Михайловичъ, по просьбѣ кошевого атамана Михаила Ханенка, особою грамотою выразилъ свое благоволеніе и готовность защищать запорожскихъ козаковъ отъ ихъ враговъ и тѣмъ самымъ призвалъ къ дѣятельности братію Самарско-Николаевскаго монастыря. Тогда юная обитель, благодаря усердію запорожцевъ и московскихъ ратниковъ, стоявшихъ на границѣ русскихъ владѣній и «союзно, братерски» помогавшихъ козакамъ, скоро оправилась отъ постигшихъ ее бѣдъ: обитель была возобновлена и въ ней построена была новая церковь: тогда вмѣсто воплей и стоновъ вновь раздалось радостное хвалебное пѣніе и понеслась живая молитва къ Богу. Но въ самомъ концѣ XVII вѣка на Самарско-Николаевскій монастырь вновь обрушились бѣды: въ 1688 году его посѣтилъ русскій князь Василій Васильевичъ Голицынъ: сдѣлавъ здѣсь небольшой вкладъ «въ пятнадцать рублевъ», князь Голицынъ, въ виду наступательныхъ дѣйствій Россіи на Крымъ, построилъ, по общему совѣту съ гетманомъ Иваномъ Мазепой, близь монастыря въ Старой-Самарѣ, такъ называемую Новобогородицкую крѣпость. Запорожскіе козаки, видя въ этомъ стѣсненіе своихъ козацкихъ правъ, вмѣстѣ съ братіей Самарскаго монастыря, открыто высказали свое негодованіе и противъ Мазепы, и противъ Голицына Такъ какъ недовольство прежде всего вышло изъ Самарско-Николаевскаго монастыря, то князь Голицынъ поступилъ съ братіей его, какъ съ бунтовщиками и крамольниками: русскія войска «облегли великимъ облежаніемъ» монастырь, забрали многихъ иноковъ его и подвергли ихъ пыткамъ и истязаніямъ. Въ тоже время гетманъ Мазепа готовился жестоко отомстить запорожцамъ, но въ 1690 году въ окрестностяхъ Самарскаго монастыря открылось страшное моровое повѣтріе, такъ называемая «наглая смерть», а вслѣдъ затѣмъ все Запорожье подверглось ужаснѣйшему опустошенію со стороны губительной саранчи. Это спасло запорожцевъ отъ гнѣва освирѣпѣвшаго Мазепы: зато это-же обстоятельство,

[1]) Какъ напримѣръ, въ 1654 году и раньше въ 1635 году.

въ связи съ бездѣятельностію управлявшихъ около того времени начальниковъ монастыря, Алимпія, Созонта и Кессарія, губительно подѣйствовало на состояніе Самарско-Николаевской обители: кельи ея вновь остались безъ жильцовъ, церкви безъ богослуженія, поселки почти безъ жителей.

Въ началѣ XVIII вѣка, послѣ злосчастнаго для запорожскихъ козаковъ 1709 года и послѣ ухода ихъ изъ родныхъ мѣстъ «на поля татарскія, кочевья агарянскія», Самарско-Николаевскій монастырь испыталъ такія бѣдствія, какихъ ни раньше, ни послѣ не испытывалъ: запорожцы, покидая родныя мѣста, часть монастырскаго добра сожгли, часть забрали съ собой, а самую обитель поручили въ управленіе архимандриту Азовско-Предтеченскаго монастыря, Іосифу. Но это было только начало бѣдъ для Самарско-Николаевскаго монастыря: послѣ прутскаго мира въ 1711 году между Россіей и Турціей, Самарскій монастырь, вмѣстѣ съ своими лѣсами и угодьями, селами и хуторами, достался во владѣніе турокъ и сдѣлался притономъ для хищныхъ татаръ; тогда достояніе его было разграблено, святыня обращена въ пепелъ, заповѣдная роща частію сожжена, частію срублена. Такъ продолжалось до 1720 года; съ этого времени Самарскій монастырь снова, хотя и мало-по-малу, сталъ возобновляться. Тогда всѣ малороссійскіе жители отъ рѣки Самары и до рѣки Орели поручены были русскимъ правительствомъ вѣдѣнію миргородскаго полковника, на ту пору Данила Павловича Апостола и сына его Павла Даниловича. Апостолы безбоязненно объѣзжали эту мѣстность, заселяли ее приходившими изъ-за-Днѣпра козаками, а для самаго монастыря, послѣ того, какъ отъ него нѣсколько отодвинулись татары, выписали изъ Кіево-Межигорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря настоятеля, іеромонаха Іоанникія. Съ трудомъ Іоанникій устроилъ въ монастырѣ нѣсколько келій и въ 1732 году окончилъ троицкую церковцу, открывъ въ ней по монастырскому чиноположенію богослуженіе. Къ великому благополучію монастыря, въ 1734 году запорожскіе козаки вновь возвратились на свои пепелища подъ скипетръ россійскихъ государей, и тогда онъ быстро возникъ изъ-подъ грудъ и развалинъ. Запорожскій Кошъ ничѣмъ не дорожилъ, чтобы только поднять благосостояніе своей святыни, Самарскаго монастыря; а начальникъ всѣхъ запорожскихъ церквей, іеромонахъ Межигорскаго монастыря, Павелъ Маркевичъ, всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы воз-

можно скорѣе возобновить и привести въ надлежащій порядокъ главныя святыни его. Въ слѣдующемъ году главный пограничный начальникъ, возводившій такъ называемую «старую украинскую линію», генералъ-маіоръ, графъ Іоганнъ Вейсбахъ, въ видахъ политическихъ, много способствовалъ благосостоянію и укрѣпленію Самарскаго монастыря; но еще больше тому споспѣшествовалъ начальникъ русскихъ войскъ, генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ, приготовлявшійся для войны съ турками и временно стоявшій съ войсками на рѣчкѣ Кильчени и рѣкѣ Самарѣ. Леонтьевъ смотрѣлъ на Самарскій монастырь, какъ на важнѣйшій базисъ укрѣпленій противъ турокъ въ виду открывшейся русско-турецкой войны 1735 года. Оттого вмѣстѣ съ возобновленіемъ въ монастырѣ церквей въ немъ исправили прежніе тайные подземные ходы, возобновили погреба и кладовыя, и къ нимъ прибавили новыя сооруженія, частію для склада провіанта, частію для помѣщенія больныхъ и раненыхъ. Въ наставшую войну запорожскіе козаки въ первый разъ побѣдили подъ стѣнами монастыря татарскаго предводителя Султанъ-Нурредина, во второй разъ разбили крымскихъ татаръ и ногайцевъ подъ начальствомъ Фети-Гирея. Съ тѣхъ поръ, благодаря вниманію запорожскихъ кошевыхъ атамановъ Ивана Милашевича и Якова Тукала, даровавшихъ монастырю «патентъ» на начальствованіе въ Самарѣ; благодаря кошевымъ Якиму Игнатовичу, Данилу Гладкому, Григорію Лантуху, Филиппу Ѳедорову и Алексѣю Бѣлицкому, даровавшимъ ему «на потомныя времена» значительное количество лѣса, земли, сѣнокоса, рыбныхъ озеръ и рѣчекъ; потомъ, благодаря самому Кошу запорожскому, установившему особую «роковщину» или «ругу» для монастыря отъ хлѣбныхъ припасовъ, торговыхъ лавокъ, питейныхъ домовъ, рыбныхъ ловель, звѣриныхъ доходовъ, отъ раздѣла военной добычи и отъ войскового жалованья; затѣмъ, благодаря частнымъ пожертвованіямъ, какъ, напримѣръ, самарскаго полковника Кирилла Красовскаго, записавшаго на монастырь прекрасный островъ Монастырскій на рѣкѣ Днѣпрѣ, противъ слободы Половицы; наконецъ, благодаря усердію и трудамъ настоятелей монастыря, особенно Терентія, Николая, Досиѳея, Фотія, Ираклія, Самоила, Владиміра, Пансія,—благодаря всему этому благосостояніе его значительно поднялось и внутренняя организація пришла въ надлежащій порядокъ. Такъ, въ немъ введенъ былъ аѳонскій уставъ, увеличено число братіи, срублены «витальницы», или страннопріимческіе дома,

открыты школы и лѣчебницы, осажены хутора и заведены верхолазные борты, устроены дачи, мельницы и монастырскіе загоны, «установлены» рыбныя ловли по рѣкѣ Самарѣ, ея притокамъ и тремъ озерамъ — Луковатомъ, Мазничномъ и Глушковомъ, населено цѣлое село Чернечье для подданныхъ, вотчинниковъ и прислужниковъ монастыря, людей семейныхъ и безсемейныхъ, число которыхъ дошло тогда до 500 человѣкъ обоего пола; наконецъ, сдѣлана была опись всего имущества и составлена краткая исторія монастыря. Такъ, въ половинѣ XVIII вѣка Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь сдѣлался центромъ всей сѣверной окраины запорожскихъ вольностей; у стѣнъ его завелись двѣ ярмарки — одна 9 мая, въ день святителя Николая, другая—6 августа, въ день Преображенія Господня[1]): тогда къ нему стали стекаться изъ Малороссіи, польской и слободской Украйны, отъ тихаго Дона и изъ далекихъ великороссійскихъ губерній, орловской и курской, разнаго рода паломники, стали пріѣзжать изъ Сичи козаки или для говѣнья въ немъ или для того, чтобы «затвориться» въ уединенныхъ кельяхъ его, или съ тою цѣлью, чтобы покончить дни свои въ мирной обители. Такъ, здѣсь доживали свой вѣкъ «подякувавшій Сичь за панство» бывшій кошевой атаманъ Филиппъ Федоровъ, принесшій въ монастырь «капшукъ червонцевъ» и умершій здѣсь уже въ 1795 году, имѣя 101 годъ отъ роду; тутъ же жили и покончили свой вѣкъ бывшій войсковой толмачъ Иванъ Швыдкій, бывшій войсковой писарь Дмитрій Романовскій, бывшій войсковой судья Моисей Сухій и многіе другіе старшины и простые козаки. Ближайшіе-же парафіяне Самарскаго монастыря обыватели его селеній, хуторовъ и дачъ, и крестились въ монастырѣ, и учились закону божію, и вѣнчались въ немъ, по особому, дарованному отъ кіевской митрополіи праву ему, и наконецъ погребались у стѣнъ его.

Тогда благосостояніе монастыря на столько возросло, что онъ самъ не разъ приходилъ на помощь запорожскому Кошу въ годину какихъ-либо бѣдствій, напримѣръ, губительнаго пожара въ Сичи, лютой стужи зимой, когда сичевое товариство нуждалось въ строевомъ лѣсѣ на курени и зимовники и въ дровахъ «на огрѣваніе отъ стужи зимы», или въ критическіе моменты всего войска запорожскаго, когда нужно было «поддержать войсковую славу»

[1]) Феодосій. Самарскій Пустынно-Николаевскій мон., Екатеринославъ, 1873, 116.

прилично снабдить для дороги въ Москву представителя войска, судью Николая Косалапа: въ то время монастырь предоставилъ ему не только всѣ необходимыя для того средства, но и предложилъ собственную коляску, выписанную когда-то на счетъ войсковыхъ суммъ изъ Вѣны и подаренную «вельможнымъ Кошемъ» монастырю. Рядомъ съ матеріальною помощью Самарскій монастырь оказывалъ въ это самое время запорожскому войску и нравственную поддержку. Такъ, когда въ 1767 году на Украйнѣ поднялся страшный гонитель ляховъ и жидовъ, Максимъ Желѣзнякъ, когда все Запорожье по этому поводу пришло въ волненіе и тревожное состояніе, когда въ самой обители явились тайные поджигатели народнаго возстанія, тогда отцы и братія монастыря успѣли предохранить запорожцевъ отъ пагубнаго предпріятія и успокоить ихъ взволнованные умы. Также точно дѣйствовала братія монастыря и въ слѣдующемъ году, когда въ среду запорожскаго подданства проникли агенты польскихъ конфедератовъ, стремившіеся поднять низовое товариство, вмѣстѣ съ бывшимъ кошевымъ Филиппомъ Ѳедоровымъ, проживавшемъ въ монастырѣ, противъ русскаго правительства, стать на сторону Турціи и перейти на жительство въ Крымъ, подъ непосредственную протекцію султана. Тогда настоятель монастыря, іеромонахъ Самуилъ, велѣлъ схватить польскаго эмиссара и немедленно отправить его въ Кошъ.

Въ это время мало принесли вреда Самарскому монастырю и моровая язва, и неурожайные годы, и лютыя зимы, и два страшныхъ нашествія татаръ, 1769 года, подъ начальствомъ Калга-Султана; все это безъ особенно большихъ несчастій, пережила братія монастыря, и во время наставшей первой русско-турецкой войны, при императрицѣ Екатеринѣ II, Самарскій монастырь давалъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ многимъ больнымъ и раненымъ, а объ убитыхъ на войнѣ братія его возносила теплыя молитвы у престола божія; православная обитель не отказывала даже въ своемъ гостепріимствѣ и плѣннымъ врагамъ-татарамъ, туркамъ и ногайцамъ. Настоятель монастыря, Іессей, заботился о мусульманахъ, какъ и о собственныхъ собратьяхъ по вѣрѣ и Христу, а іеремонахъ Германъ, ученѣйшій и начитаннѣйшій въ словѣ божіемъ пастырь, бесѣдовалъ съ ними объ истинной вѣрѣ въ Бога и многихъ изъ нихъ обратилъ ко Христу. Два изъ этихъ прозелитовъ, инокъ Николай изъ турокъ и инокъ Георгій изъ татаръ, потомъ прославились своею благочестивою жизнью и заслужили себѣ всеобщую любовь крот-

кимъ и тихимъ нравомъ: перваго изъ нихъ называли «прозорливцемъ» и «тайновидцемъ судебъ божіихъ», второго—«искуснымъ врачомъ», исцѣлявшимъ помощью цѣлебныхъ травъ болѣзни и недуги людскіе.

Въ такомъ видѣ засталъ Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь роковой для всего Запорожья 1775 годъ: въ этотъ годъ уничтожена была запорожская Сича: Самарскій монастырь остался нетронутымъ, по просьбѣ архимандрита Кіево-Межигорскаго монастыря Гавріила и намѣстника Самарскаго монастыря Аркадія, поданной на имя генералъ-губернатора новороссійскаго края, князя Г. А. Потемкина. Въ то время за монастыремъ числилось—одно большое село съ 50 дворами крестьянъ, называемое Чернечьимъ, четыре хутора—при рѣчкахъ Родиной, Подпильной, Лозоватой, Кильчени, пять пасѣкъ—въ Грищиномъ, Орловомъ-Кутѣ, Дикомъ-Кутѣ, Дубровкѣ и Пристѣнѣ, четыре мельницы—на рѣкѣ Самарѣ, въ урочищѣ Хащевомъ двѣ, на рѣчкѣ Самарчикѣ, противъ мѣстечка Новоселицы одна, на той же рѣчкѣ Самарчикѣ, ниже первой, тоже одна, кромѣ того одно большое озеро, Соленое, въ Дубровкѣ, съ уступомъ изъ рѣки Самары, и рѣчка Протовчъ съ уступами, заливами изъ Днѣпра и островомъ среди нихъ съ сѣнокосомъ. На всѣ означенные села, хутора, пасѣки, мельницы, озера и угодья Самарскому монастырю выданы были три межевыя книги, по которымъ за нимъ значилось удобной и неудобной земли 18.648 десятинъ и 2.300 квадратныхъ саженъ: за выдачу книгъ съ монастыря взыскано было 559 рублей и 45$^3/_4$ копѣекъ государственныхъ пошлинъ [1]). Но это было послѣднимъ торжествомъ Самарскаго монастыря: въ 1780 году онъ лишился самостоятельности и былъ объявленъ приписнымъ къ Кіево-Межигорскому Спасо-Преображенскому монастырю; на этотъ разъ лишь одно событіе на нѣкоторое время наполнило сердца монашествующей братіи запорожской обители,—это построеніе въ 1787 году, вмѣсто стараго обветшавшаго деревяннаго собора новаго каменнаго, стараніемъ знаменитаго въ исторіи запорожскихъ козаковъ «дикаго попа», въ мірѣ дворянина Кирилла Николаевича Тарловскаго и бывшихъ войсковыхъ запорожскихъ старшинъ: Филиппа Ѳедорова, Максима Касалапа, Ѳедора Золотаря, Ѳедора Стовбы и Ереміи

[1]) Андреевскій. Историческіе матеріалы, Кіевъ, 1882, IV, 73; у Надхина показано 18.697 дес. и 815 кв. саженъ: Церковные памятники Запорожья, Москва, 1878, 18.

Максимовича Малого. Но эта радость была непродолжительна: въ 1791 году Самарскій монастырь сдѣлался «домомъ екатеринославскихъ архіереевъ»; въ 1794 году, по приказу князя Григорія Потемкина, отъ него отобрали крестьянъ, а потомъ лишили и большей части земельныхъ владѣній: изъ 18.648 десятинъ и 2.300 квадратныхъ саженъ оставили лишь 1.632 десятины и 1.630 квадратныхъ саженъ, а подъ конецъ и это количество десятинъ земли уменьшили до 341 десятины земли [1]).

Въ настоящее время мѣстоположеніе Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря представляется въ такомъ видѣ: онъ стоитъ на очень ровной мѣстности, съ восточной, сѣверной и отчасти западной стороны окруженъ высокимъ дубовымъ лѣсомъ, съ южной стороны окаймленъ песчаною равниной, по которой торчатъ одни сухіе пни отъ нѣкогда росшихъ здѣсь огромнѣйшихъ дубовъ. Лицевая сторона монастыря открывается съ запада, гдѣ онъ отгороженъ отъ лѣса очень красивой деревянной оградкой съ воротами на самой срединѣ ея и съ небольшимъ, также очень красивымъ, домикомъ для пріѣзжихъ и прихожихъ богомольцевъ. За оградой среди двора бросается въ глаза высокая каменная колокольня и за ней каменная церковь,—соборъ монастыря, заложенный во имя святителя Николая въ 1782 году и возведенный стараніемъ «дикаго попа» Кирилла Тарловскаго; за соборомъ слѣдуетъ другая церковь, трапезная, во имя Преображенія Господня, построенная въ 1815 году; а подлѣ трапезной третья церковь, во имя Георгія Побѣдоносца, построенная при архіерейскомъ домѣ въ 1838 году. Колокольня главной церкви построена въ одинъ годъ, 1828, съ архіерейскимъ домомъ, на мѣстѣ деревянной четырехъ-ярусной, поставленной новокодацкимъ жителемъ Карпомъ Яковенкомъ; на этой колокольнѣ виситъ большой колоколъ, 169 пудовъ и 22 фунта, сохранившійся отъ времени запорожскихъ козаковъ и стоившій имъ 8.320 рублей и 90 копѣекъ.

Въ каждой изъ трехъ названныхъ церквей уцѣлѣли до нашего времени нѣсколько остатковъ старины, памятниковъ усердія къ храмамъ божіимъ запорожскихъ козаковъ. Такъ, въ средней части главной соборной церкви бывшаго монастыря, передъ алтаремъ, съ правой стороны, стоитъ главная мѣстная святыня, икона

[1]) Не имѣя новыхъ матеріаловъ для исторіи Самарско-Николаевскаго монастыря, мы представили ее въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы не повторить того, что о немъ писано.

Богоматери, та самая, которая нѣкогда стояла въ Новомъ-Кодакѣ, откуда перевезена была въ полтавскій Крестовоздвиженскій монастырь, изъ Крестовоздвиженскаго монастыря—въ Екатеринославъ, изъ Екатеринослава—въ Самарско-Николаевскую обитель. На ней сдѣлана была серебряная позлащенная шата стараніемъ и коштомъ «Его вельможности пана кошевого атамана Петра Ивановича Калнишевскаго въ 1772 году, 30 декабря, вѣсомъ въ 3 фунта и 21 лотъ». Въ самомъ алтарѣ собора также хранится нѣсколько вещей запорожскаго времени, изъ коихъ замѣчательнѣйшія слѣдующія. Большой кипарисовый крестъ въ серебряной оправѣ и на серебряной подставѣ, два аршина безъ четверти высоты, «сооруженный коштомъ и стараніемъ» козака рогивскаго куреня Василія Бѣлаго, въ 1783 году; другой кипарисовый въ серебряной оправѣ крестъ, сооруженный монахомъ Аврамомъ Запѣчнымъ, въ 1768 году, іюня 17 дня; третій крестъ, малый серебряный, купленный за 18 рублей рабомъ божіимъ Василіемъ Ѳедоровскимъ, въ 1785 году; чаша серебряная, позлащенная, «наданная» товарищемъ куреня донского Захаріемъ Мартыновымъ; другая чаша серебряная позлащенная, большихъ размѣровъ, сдѣланная коштомъ козака войска запорожскаго, куреня поповичевскаго, бывшаго кошевого атамана Алексѣя Бѣлицкаго, въ 1771 году, сентября 3 дня; ковчегъ, большой серебряный, въ аршинъ высоты, сооруженный Іереміемъ Максимовичемъ Малымъ въ 1780 году; евангеліе большое московской печати 1735 года, купленное за отпущеніе грѣховъ товарища куреня поповичевскаго, «покойнаго Никифора, прозываемаго Рябошапка до монастыря Успенскаго Нехворощанскаго Заорельскаго», въ 1740 году; евангеліе малое, «наданное» знатнымъ товаришомъ куреня величковскаго, войска запорожскаго низового, Демьяномъ Лягушею въ 1756 году, мая 2 дня [1]).

Въ церкви Преображенія Господня, въ трапезномъ флигелѣ, отъ запорожскихъ козаковъ остались двѣ замѣчательныя вещи—евангеліе московской печати, сооруженное атаманомъ величковскаго куреня Демьяномъ Лягушею въ 1759 году, ноября 20 дня, «за покойнаго Петра Гогу, и ризъ двое зеленого златоглаву», и икона Господа Вседержителя, въ высокой тіарѣ на головѣ, въ пурпурной мантіи на плечахъ, со скипетромъ въ правой рукѣ и съ

---

1) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 85—87.

державнымъ яблокомъ въ лѣвой. Въ этой иконѣ особенно интересно именно державное яблоко: на немъ представленъ лѣсъ, посреди лѣса озеро, изъ озера протянута рѣчка, черезъ рѣчку переброшенъ мостикъ, и ко всему этому изображены три фигуры запорожцевъ, изъ коихъ одинъ стоитъ у моста и удитъ рыбу, другой стоитъ въ камышахъ и цѣлится въ плавающихъ по рѣчкѣ утокъ, а третій сидитъ у казанка, повѣшеннаго на треножникѣ, и варитъ какую-то пищу; около запорожцевъ стоитъ чумацкій возъ, «мажа», а около рѣчки виднѣется одномачтовая козацкая чайка. Мысль, вложенная художникомъ въ икону, очевидна: онъ хотѣлъ показать, что Богъ любитъ запорожцевъ и покровительствуетъ всѣмъ ихъ занятіямъ, оттого и держитъ ихъ въ своемъ державномъ яблокѣ.

Въ церкви Георгія Побѣдоносца уцѣлѣли икона, отмѣненная козакомъ Степаномъ Ченересомъ, и евангеліе, данное изъ Сѣчи архимандритомъ Гавріиломъ въ 1731 году въ монастырь Успенскій Нехворощанскій.

Кромѣ того, въ архіерейскомъ домѣ бывшаго Самарско-Николаевскаго монастыря хранятся портреты двухъ историческихъ дѣятелей запорожскаго края, такъ называемаго «дикаго попа» Кирилла Тарловскаго, и полковника Аѳанасія Колпака.

Кириллъ Николаевичъ Тарловскій въ отдаленномъ прошломъ былъ полякъ: предокъ его, носившій фамилію Тарахъ-Тарловскаго, въ 1587 году переселился изъ мазовецкаго округа въ Кіевъ; въ Кіевѣ, тогдашнемъ разсадникѣ всѣхъ наукъ, духовной академіи, онъ получилъ высшее образованіе; изъ Кіева переѣхалъ въ городъ Остеръ, изъ Остра въ Козелецъ, черниговской губерніи, гдѣ, «получа осѣдлость» женился на благородной шляхтянкѣ, Софьѣ Ходавской. Въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи отъ этого брака, отъ протоіерея Николая и жены его Анны, произошелъ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій. Онъ также воспитывался въ кіевской духовной академіи; по окончаніи курса наукъ, сдѣлался священникомъ сперва при козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, потомъ, по смерти отца, при козелецкой приходской николаевской церкви. Здѣсь онъ оставался до 1744 года, когда Козелецъ посѣтила императрица Елизавета Петровна. Проѣздомъ въ Кіевъ она остановилась временно въ деревянномъ дворцѣ, устроенномъ для нея на берегу рѣки Остра. Въ этомъ дворцѣ, какъ гласитъ преданіе, императрица, соблюдая строгое инкогнито, сочеталась

бракомъ съ графомъ А. Г. Разумовскимъ, уроженцемъ села Лемешовъ, козелецкаго уѣзда. Обрядъ вѣнчанія совершалъ отецъ Кириллъ Тарловскій. Выѣзжая изъ Козельца, Елизавета Петровна взяла съ собой въ Петербургъ и Тарловскаго: здѣсь она сдѣлала его, какъ это несомнѣнно видно изъ его «паспорта», священникомъ при церкви «лейбъ-кампаніи корпуса» и назначила, какъ дополняетъ преданіе, временно духовникомъ и учителемъ супруги наслѣдника русскаго престола, Петра Ѳедоровича, Екатерины Алексѣевны, впослѣдствіи императрицы Екатерины II. Въ Петербургѣ отецъ Кириллъ Тарловскій познакомился со многими особами высшаго круга и между прочимъ особенно сошелся съ В. А. Чертковымъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторомъ азовской губерніи. Есть даже разсказъ, будто-бы Тарловскій былъ женатъ на одной изъ дочерей Черткова, которую видѣлъ еще въ Кіевѣ, будучи студентомъ и черезъ которую онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ тестя своего. Такъ или иначе, но, живя въ Петербургѣ, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій, тотчасъ послѣ смерти Елизаветы Петровны, 25 апрѣля 1702 года, взялъ, по болѣзни, «паспортъ» объ увольненіи отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ правомъ, однако, свободно жить въ Петербургѣ или въ епархіяхъ бѣлгородской и малороссійской и безпрепятственно совершать священнодѣйствія «впредь до выздоровленія и свободы отъ тѣхъ болѣзней», съ вѣдома и дозволенія мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ [1]). Живя все еще въ Петербургѣ, Кириллъ Тарловскій, въ короткое царствованіе Петра III держалъ сторону императора противъ его супруги Екатерины Алексѣевны, и потому когда послѣдняя сдѣлалась императрицей, боясь наказанія, бѣжалъ изъ Петербурга въ Кіевъ и здѣсь пристроился, въ качествѣ смотрителя, къ мельницамъ, принадлежавшимъ лаврскимъ монахамъ, на Днѣпрѣ, перемѣнивъ свою священническую рясу на монашескую. Однако, находя свое положеніе слишкомъ показнымъ и потому боясь попасть въ руки преслѣдователей, Кириллъ Тарловскій рѣшилъ бѣжать изъ Кіева въ дикія степи запорожскаго Низа, къ рѣчкѣ Самарѣ и ея знаменитымъ лѣсамъ. Бродя въ посамарскихъ мѣстахъ, онъ питался дикими плодами, спалъ на голой землѣ, укрывался монашескою рясою и однажды зашелъ въ какую-то балку, близь теперешняго села Кочережекъ, павлоградскаго уѣзда, екатерино-

---

[1]) Ѳеодосій. Матеріалы для историко-стат. описанія, Екатеринославъ, 1880, I, 402.

славской губерніи. Чувствуя усталость и испытывая голодъ послѣ продолжительной ходьбы, онъ присѣлъ въ балкѣ, развелъ огонь и сталъ варить себѣ кулишъ. Но не успѣлъ онъ еще хорошенько наладиться, какъ вдругъ передъ нимъ, точно изъ земли, выросли два всадника. Дивятся они монаху, а монахъ дивится имъ. Первый пришелъ въ себя монахъ: онъ сталъ приглашать проѣзжихъ людей присѣсть къ казанку и раздѣлить съ нимъ, что Богъ послалъ ему на тотъ разъ. Всадники охотно приняли предложеніе. Во время ужина знакомцы разговорились. Рѣчь зашла о божественныхъ предметахъ. Монахъ оказался пріятнымъ собесѣдникомъ и большимъ знатокомъ священнаго писанія. Всадники попросили монаха открыть имъ свое званіе, сказавъ о себѣ, что они запорожскіе козаки, ѣдущіе изъ степи въ Сичь. Монахъ исполнилъ просьбу козаковъ; разговоръ возобновился и затянулся на продолжительное время; подъ конецъ запорожцы стали приглашать монаха въ Сичь послужить имъ въ ихъ сичевой церкви. Монахъ впалъ сперва въ продолжительное раздумье, но потомъ объявилъ: «Быть по божьему, согласенъ передъ Богомъ помолиться о благополучіи вашего Коша». Слѣдующимъ днемъ, чуть поднялось солнце, запорожцы, въ сопровожденіи монаха, отправились въ путь и черезъ нѣсколько дней прибыли въ Сичь. Товарищество съ восторгомъ приняло дорогого гостя, и скоро Кириллъ Тарловскій сдѣлался главнымъ священникомъ сичевой покровской церкви, и съ тѣхъ поръ сталъ извѣстенъ у козаковъ подъ именемъ «дикаго попа», потому что былъ открытъ случайно въ дикой степи. Уже послѣ паденія Запорожья о «дикомъ попѣ» узналъ генералъ-губернаторъ азовской губерніи, В. А. Чертковъ, и донесъ о немъ императрицѣ Екатеринѣ II, прося у нея отъ его имени милостиваго прощенія. Императрица, умѣвшая всегда прощать своихъ враговъ, даровала «дикому попу» званіе «лейбъ-кампаніи священника» во время наставшей второй турецкой войны и тогда-же пожаловала будто-бы около 18.000 десятинъ земли, гдѣ теперешнее село Бузовка, и около 8.000 десятинъ земли около теперешняго села Воскресеновки, новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи [1]): сверхъ того она

[1]) Бузовка по плану 1779 года принадлежала, однако, вдовѣ поручика Марьѣ Афанасьевнѣ Сушковой; въ ней считалось, съ деревней Крамарской, 17.622 д. и 1.833 кв. саж. Отсюда преданіе о пожалованіи Тарловскому Бузовки едва-ли вѣроятно. Воскресеновка, по плану 1802 года, принадлежала, съ пустошью Никитинской, прапорщику Василію Ивановичу Тарловскому; въ ней считалось 8.318 д. и 561 кв. с.

подарила ему будто-бы еще нѣсколько тысячъ десятинъ земли въ Крыму. Сдѣлавшись помѣщикомъ и не переставая быть священникомъ, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій съ этихъ поръ пріобрѣлъ извѣстность, какъ фундаторъ Самарско-Николаевскаго монастыря и колонизаторъ двухъ уѣздовъ, новомосковскаго и павлоградскаго, теперешней екатеринославской губерніи. Для монастыря онъ жертвовалъ скотъ, живность, хлѣбъ, продукты, дѣлалъ въ немъ разныя постройки, возводилъ новыя зданія, а для края основывалъ хутора, деревни и села, въ чемъ находилъ себѣ помощниковъ въ лицѣ генералъ-губернатора Черткова и собственнаго брата, вызваннаго имъ изъ черниговской губерніи съ тремя сыновьями. Прежде основанія всякаго села, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій обыкновенно закладывалъ, по собственной модели, церковь, потомъ строилъ хаты, затѣмъ собиралъ поселенцевъ, давалъ каждому изъ нихъ пару воловъ, лошадь, девять овецъ, весь хозяйственный инвентарь и такимъ образомъ послѣдовательно колонизиловалъ пустынный край. Такъ, мало-по-малу, онъ частію способствовалъ основанію, частію самъ основалъ села—Бузовку, Воскресеновку, Васильевку, Новоселку, Паньковку, Малую-Терновку, Кочережки, Межирѣчье и Булаховку [1]). Второе изъ названныхъ селъ, Воскресеновка, основано на мѣстѣ запорожскаго зимовника, существовавшаго уже въ 1745 году: Кириллъ Николаевичъ Тарловскій заложилъ здѣсь первое изъ всѣхъ основанныхъ имъ селъ, населилъ его преимущественно пришлыми людьми изъ Козельца и села Лемешей, и отсюда началъ свою колонизаторскую и проповѣдническую дѣятельность: переѣзжая постоянно съ одного мѣста на другое, онъ способствовалъ основанію селъ и хуторовъ, церквей и молитвенныхъ домовъ, и распространялъ слово божіе между людьми вѣрующими, но мало свѣдущими. Изъ Воскресеновки слава о Кириллѣ Тарловскомъ распространилась слишкомъ далеко, и однажды, въ январѣ мѣсяцѣ 1774 года, къ нему явились самозванные генералы и полковники страшнаго Пугачева, Емельяновъ и Стодола, съ товарищами и освѣдомлялись у него, «гдѣ батюшка государь императоръ Петръ Ѳеодоровичъ III». Въ Воскресеновку не разъ являлся къ Кириллу Тарловскому на бесѣду и азовскій генералъ-губернаторъ Василій Алексѣевичъ Чертковъ [2]). Въ день храмоваго

---

[1]) Первыя пять селъ новомосковскаго, послѣднія четыре павлоградскаго у.

[2]) Ѳеодосій. Матеріалы для ист.-стат. опис., Екатеринославъ, 1880, I, 401.

праздника, 21 сентября, Кириллъ Николаевичъ Тарловскій любилъ устраивать въ Воскресеновкѣ торжественные обѣды; для этого онъ разставлялъ на протяженіи четырехъ верстъ столы, накладывалъ на нихъ разныя яства, уставлялъ различныя питія и приглашалъ къ нимъ всякаго прохожаго и проѣзжаго, больше всего изъ ближайшихъ селъ теперешней полтавской губерніи, Орчика и Залинейной. Послѣ обѣда каждому гостю давалъ по алтыну денегъ и по руну овечьей волны и отпускалъ съ миромъ домой. Въ 1781 году Кириллъ Николаевичъ Тарловскій предпринялъ постройку на свой «собственный коштъ» въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ каменной церкви вмѣсто старой деревянной, во имя святителя Николая, съ особымъ придѣломъ къ ней, во имя Кирика и Улиты, и отдѣльной кельи въ монастырѣ для собственнаго житья. Вмѣстѣ съ этимъ онъ сдѣлалъ вкладъ въ монастырь въ 4.000 рублей на поминъ души о здравіи Семена Гаркуши, жителя Новаго-Кодака, и за упокой Якова Сѣдловскаго, бывшаго запорожскаго атамана, жившаго въ слободѣ Новоселицѣ и скончавшагося въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ.

Въ Воскресеновкѣ и въ настоящее время сохраняется домъ «дикаго попа», въ которомъ не такъ давно жилъ родственникъ, по женской линіи, Тарловскаго, землевладѣлецъ Ѳ. П. Бѣлицкій. Въ домѣ сдѣлано четверо дверей съ тою, какъ говорятъ, цѣлью, чтобы удобнѣе было бѣжать изъ него на случай нападенія со стороны непріятелей: если нападавшіе врывались въ одну дверь, то хозяинъ бѣжалъ въ другую, а если они проникали въ другую, то онъ уходилъ въ третью и т. д. Тутъ-же хранилось нѣсколько вещей, принадлежавшихъ Кириллу Николаевичу, а въ самой церкви села Воскресеновки имѣется помянникъ съ означеніемъ въ немъ года смерти и мѣста погребенія Тарловскаго. На заглавномъ листкѣ этого памятника сдѣлана церковно-славянскими буквами надпись, изъ которой видно, что онъ принадлежалъ «помѣщику прапорщику Василію Ивановичу Тарловскому, слободы Воскресеновки, храму святого Воскресенія, списанъ 1794 года, мѣсяца марта дня 10». На первомъ же листкѣ текста тѣми-же буквами вверху, написано: «Родъ священно Іерея Кирила Тарловскаго онъже несоздатель храма сего и представился въ самарскомъ монастирѣ въ каменной церквѣ погребенъ 1784-го года декем-

рїѧ днѧ 4» [1]). Въ настоящее время ходитъ въ устахъ мѣстныхъ жителей разсказъ, будто бы по смерти Кирилла Николаевича Тарловскаго, его каммердинеръ, нѣкто Яшный, похитилъ всѣ документы покойнаго и впослѣдствіи выдалъ себя за Тарловскаго, отъ котораго якобы и произошли существующіе въ настоящее время въ новомосковскомъ уѣздѣ дворяне Тарловскіе. Но, вѣроятно, это относится къ области чистыхъ вымысловъ: правдоподобнѣе допустить мысль, что настоящіе Тарловскіе — поколѣніе брата Кирилла Николаевича, вызваннаго имъ изъ черниговской губерніи, если только вѣрить преданію, что «дикій попъ» умеръ бездѣтнымъ.

На портретѣ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій изображенъ во весь ростъ одѣтымъ въ зеленую рясу, съ правой рукой, положенной на сердце, и съ лѣвой, опущенной на евангеліе, раскрытое на текстѣ: «Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому твоего и мѣсто селенія славы Твоея». Съ правой стороны портрета изображено распятіе, за распятіемъ виднѣются окна церкви, нужно думать, самарскаго собора, возобновленнаго Тарловскимъ, а внизу помѣщено слѣдующее двустишіе:

«Тарловскаго портретъ священника Кирилла,
Щедрота коей (sic) сей храмъ соорудила» [2]).

Другая личность, изображенная на портретѣ, хранящемся въ архіерейскомъ домѣ бывшаго Самарско-Николаевскаго монастыря, запорожскій полковникъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ. Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ происходилъ изъ малороссійскихъ старшинныхъ дѣтей и былъ владѣтелемъ двухъ зимовниковъ на лѣвомъ берегу рѣки Орели, при теперешнихъ селахъ Аѳанасьевкѣ и Колпаковкѣ, новомосковскаго уѣзда. Съ 1745 по 1780 годъ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ служилъ въ запорожскомъ войскѣ, сперва простымъ товарищемъ, потомъ атаманомъ шкуринскаго куреня, и

---

[1]) Отсюда видно, что авторъ Самарско-Николаевскаго монастыря, Ѳеодосій, ошибался, заставляя жить Кирилла Тарловскаго еще въ 1787 году. Екатеринославъ, 1873, 60.

[2]) О дикомъ попѣ: Ѳеодосія Самарскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 57; его-же: Матеріалы, I, 402, 473, 515; Мацѣевича. Кіевская старина, 1886, XIV, 821, 1887, XIX, 577; Синодикъ въ церкви села Воскресеновки; словесныя воспоминанія священника села Выше-Тарасовки, екатеринославскаго уѣзда, Іоанна Курилина; но большинство этихъ свѣдѣній до крайности разнорѣчивы и анекдотичны.

затѣмъ полковникомъ полтавскаго пикинернаго полка: въ чинѣ полковника онъ участвовалъ въ походѣ 1771 года русскихъ противъ крымцовъ, подъ командою князя Долгорукаго, за что получилъ награду, большую золотую медаль съ бюстомъ императрицы Екатерины II для ношенія на шеѣ на голубой лентѣ. Въ послѣдніе годы историческаго существованія запорожской Сичи Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ «велъ ожесточенную борьбу съ обывателями и властями изюмской провинціи за неприкосновенность съ этой стороны запорожскихъ владѣній». Въ 1775 году, послѣ паденія Сичи, Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ получилъ въ рангъ 4.950 десятинъ земли по лѣвой сторонѣ рѣки Орели, при впаденіи въ нее рѣчки Богатой, гдѣ уже въ 1765 году сидѣлъ своимъ зимовникомъ [1]). На полученной ранговой землѣ Колпакъ основалъ въ 1780 году слободу, въ память своего имени, Аѳанасьевку, и соорудилъ въ ней въ 1782 году церковь во имя Успенія пресвятой Богородицы. Въ тоже время за нимъ оставленъ былъ и другой зимовникъ, принадлежавшій ему уже съ 1770 года, на которомъ онъ основалъ слободу Колпаковку и въ ней заложилъ въ 1778 году церковь во имя сошествія св. Духа. Въ 1781 году, 31 декабря, Аѳанасій Ѳедоровичъ получилъ отставку съ чиномъ армейскаго полковника, а черезъ шесть лѣтъ послѣ этого былъ выбранъ предводителемъ дворянства алексапольскаго уѣзда, екатеринославскаго намѣстничества [2]), при чемъ за особое усердіе по службѣ пожалованъ былъ отъ императрицы Екатерины II золотою табакеркой. Подъ конецъ жизни онъ жилъ собственнымъ домомъ въ селѣ Аѳанасьевкѣ, рядомъ съ домомъ теперешняго священника отца Евфимія Чайкина.

Поколѣніе Аѳанасія Ѳедоровича Колпака въ настоящее время носитъ три фамиліи—Магденковыхъ, Ильяшенковыхъ и Болюбашей. По разсказамъ родственниковъ Колпака, вся его семья состояла изъ одного сына, Ивана, и двухъ дочерей, Анисьи и Надежды; изъ нихъ сынъ умеръ неженатымъ, вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лошади; старшая дочь вышла замужъ за помѣщика Ильященка, предка теперешняго владѣльца Аѳанасьевки; младшая была за помѣщикомъ Болюбашемъ, поколѣніе котораго

---

[1]) Юбилейный екатеринославскій листокъ, 1887, 32; Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 394. 357—359.

[2]) Алексаполь—теперешняя Нехвороща полтавской губерніи, константиноградскаго уѣзда: Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I. 463.

владѣло теперешнимъ селомъ Колпаковкой. На сохранившемся портретѣ Аѳанасій Ѳедоровичъ Колпакъ изображенъ во весь ростъ и представляетъ собой довольно внушительную особу. Это плечистый, коренастый мужчина, съ открытой, гладко остриженной, безъ чуба головой, съ кривой короткой саблей въ лѣвой и съ двухколѣнчатой съ набалдашникомъ палкой въ правой рукѣ; съ большой золотой медалью, отчетливо вылитаго бюста императрицы Екатерины II, надѣтой на шею при помощи широкой, голубаго цвѣта, ленты; съ суконной шапкой съ барашковымъ околышемъ, перевернутой вершкомъ внизъ и вложенной подъ мышку лѣвой руки; одѣтъ въ длинный зеленаго цвѣта съ откидными рукавами кафтанъ; опоясанъ широкимъ съ застежками поясомъ; вооруженъ саблей, прикрѣпленной при помощи цѣпочки къ поясу; обутъ въ сафьяновые, свѣтло-желтаго цвѣта, сапоги. Внизу портрета сдѣлана надпись: «Войска запорожского Низового Аѳанасій Ѳеодоровичъ Колпаковъ».

Кромѣ всего описаннаго въ бывшемъ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ отъ времени запорожскихъ козаковъ сохранилось еще шесть золотыхъ медалей съ изображеніями и надписями; изъ послѣднихъ замѣчательна слѣдующая: «Войска запорожского полковому асаулу Евстафію Кабелану за его храбрыя и мужественныя дѣла». Вмѣстѣ съ медалями хранится трость какого-то запорожскаго кошевого атамана, украшенная драгоцѣнными камнями, съ золотою головкою и тремя рельефными купидонами; быть можетъ, это принадлежность кошевого Филиппа Ѳедорова, окончившаго мирно свой вѣкъ въ Самарско-Николаевскомъ монастырѣ послѣ долгой жизни въ немъ.

Охрана границъ вольностей запорожскихъ.

Живя вблизи татаръ, считавшихъ главнымъ своимъ занятіемъ набѣги на христіанъ, плѣненіе и захватъ ихъ имуществъ, запорожскіе козаки естественно старались принимать разныя средства для огражденія своихъ границъ и съ тѣмъ вмѣстѣ собственной свободы отъ внезапнаго вторженія страшныхъ враговъ. Такими средствами у запорожцевъ были — бекеты, редуты, фигуры и могилы. Бекетами или пикетами у запорожскихъ козаковъ назывались пограничные разъѣзды вдоль восточныхъ и южныхъ границъ ихъ владѣній, особенно при днѣпровскомъ и бугскомъ лиманахъ. Здѣсь запорожскіе козаки всегда имѣли особые отряды, державшіеся близко «крымской» черты и наблюдавшіе за всякимъ движеніемъ татаръ, чтобы немедленно увѣдомлять своихъ, когда непріятель снимался въ походъ [1]). Изъ росписи, сдѣланной запорожскими козаками въ 1767 году, по приказу графа Панина, видно, что запорожскіе бекеты стояли въ 20 постахъ: на рѣчкѣ Каменкѣ, у праваго берега Днѣпра, близь бывшей Каменской Сичи; въ урочищѣ Темномъ, противъ Новой Сичи; въ урочищѣ Лысой-Горкѣ, близь Микитина; въ урочищѣ Городищѣ, т. е. на островѣ Томаковкѣ; въ Голой-Пристани; Тарасовкѣ; Бѣленькомъ; Хортицкомъ и Дубовомъ островахъ; въ кодацкой паланкѣ; у самаго устья Самары; въ урочищѣ Садкахъ; въ урочищахъ Вольномъ и Займахъ; въ Лучинѣ; Жуковскомъ; Богдановомъ, наконецъ въ мѣстахъ между Орелью и Самарью, паланокъ протовчанской и самарской. Во всѣхъ этихъ 20 постахъ считалось 3.708 человѣкъ бекетовыхъ [2]). Нѣсколько позже означеннаго времени запорожскіе козаки имѣли свои пограничныя стражи въ слѣдующихъ семи пунктахъ: при рѣчкѣ Каменкѣ, гдѣ

---

[1]) Манштейнъ. Записки историческія о Россіи, 1823. I, 221.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 115.

нѣкогда была Каменская Сича; въ урочищѣ Скалозубовомъ, ниже устья рѣки Базавлука; въ урочищѣ вѣтки Темной, противъ Новой Сичи; при рѣчкѣ Осокоровкѣ и по Днѣпру, ниже Ненасытецкаго порога; при устьѣ рѣчки Ингульца, падающаго въ Днѣпръ противъ села Фалѣевки, херсонскаго уѣзда; по рѣкамъ Ингулу и Громоклеѣ «и въ другихъ разныхъ мѣстахъ, способныхъ къ предосторожности»; кромѣ того въ Гардѣ надъ Бугомъ «и по оному до Синюхи». Во всѣхъ этихъ постахъ полагалось—1 войсковой старшина, 6 полковниковъ, 14 полковыхъ старшинъ, 1.510 конныхъ козаковъ, 320 пѣшихъ козаковъ, 69 служивыхъ, а всѣхъ 1.899 человѣкъ и 3.168 при нихъ лошадей [1]). Изъ данныхъ 1774 года видно, что у Кизымыса, при устьѣ Днѣпра, у запорожцевъ стояло 500 человѣкъ пѣшей команды, помѣщавшихся въ 25 землянкахъ и 30 шалашахъ; у Семенова-Рога, при устьѣ Буга, 200 человѣкъ конной команды и до 40 камышевыхъ шалашей; при Гардѣ на Бугѣ для стражи и рыбнаго промысла 500 человѣкъ въ 50 шалашахъ, 2 избахъ и 10 землянкахъ; при Александровскомъ шанцѣ при устьѣ праваго притока рѣки Днѣпра, Ингульца — 100 человѣкъ конной команды въ 10 землянкахъ и 3 жилыхъ «покойцахъ» [2]). Бекеты были, повидимому, постоянной охраной границъ вольностей запорожскихъ козаковъ, хотя по временамъ то увеличивались, то уменьшались.

Радуты—это особаго рода помѣщенія для сторожевыхъ бекетовъ; онѣ ставились вдоль лѣваго берега Днѣпра, отъ устья рѣки Орели до устья рѣки Конскихъ-Водъ, на разстояніи 10, 20, 30 верстъ, смотря по положенію мѣстности, чтобы можно было видѣть съ одной радуты другую, и представляли собою родъ заѣзжихъ дворовъ, большихъ казармъ, или сичевыхъ куреней. Снаружи онѣ покрыты были тесомъ или камышомъ, обведены обширнымъ дворомъ и ограждены деревяннымъ заборомъ; внутри представляли изъ себя обширныя избы безъ перегородокъ, съ сѣнями и черезъ сѣни съ небольшою каморкою; при каждой радутѣ устроена была конюшня и полагалось 50 человѣкъ козаковъ, собственно запорожцевъ и гетманцевъ, присылавшихся спеціально изъ Украйны въ помощь сичевымъ козакамъ, вмѣстѣ съ послѣдними и составлявшихъ бекетъ. Начальникомъ надъ всякой радутой былъ аса-

---

[1]) Военный энциклопедическій словарь, С.-Петербургъ, 1854, V, 556.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, томъ VII, стр. 182.

улъ, командовавшій козаками и дѣлавшій въ своемъ районѣ различныя распоряженія [1]).

Фигуры—это рядъ бочекъ, извѣстнымъ образомъ установленныхъ и приспособленныхъ для сторожевыхъ цѣлей. Для каждой фигуры бралось 20 однодонныхъ осмоленныхъ бочекъ и 1 осмоленная бочка совсѣмъ безъ дна; изъ нихъ составлялось пять рядовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ въ видѣ правильнаго круга. Сперва брали шесть бочекъ, переворачивали ихъ «насто̀рчь», ставили въ кру̀гъ одну возлѣ другой и связывали смоляными канатами; на первый кругъ такимъ-же порядкомъ ставили другой кругъ изъ пяти бочекъ; на второй кругъ—третій изъ четырехъ бочекъ, на третій кругъ—четвертый изъ трехъ, на четвертый кругъ—пятый изъ двухъ и на пятый кругъ ставили шестой изъ одной бочки безъ дна. Отъ такого расположенія въ срединѣ фигуры, отъ верху и до низу, получалось пустое пространство; это пространство поливалось смолой, а надъ самой верхней бочкой клался желѣзный прутъ съ блокомъ; на блокъ вздѣвалась длинная веревка, однимъ концомъ опущенная наружу, другимъ въ пустое пространство фигуры; къ послѣднему концу прикрѣплялся желѣзный дротъ, а на дротъ навѣшивался большой, вымоченный въ растворенной селитрѣ, клокъ мочалы или пукъ соломы. Фигуры ставились около каждой радуты на разстояніи четверти или полуверсты одна отъ другой вдоль границы [2]).

Возможно, что описанный способъ охраны границы заимствованъ запорожскими козаками у гетманскихъ козаковъ: по крайней мѣрѣ, на Украйнѣ пограничная линія охранялась такъ называемыми фарпостами, которые состояли изъ деревянныхъ избъ съ конюшнями для «драгунскихъ лошадей» и съ маяками изъ смоляныхъ бочекъ [3]).

Каждый изъ бекетовыхъ козаковъ, находившійся у радутъ и фигуръ, отлично обмундированъ былъ аммуниціей, вооруженъ мушкетомъ, ратищемъ, саблею и четырьмя пистолями; при каждой радутѣ полагалось отъ 5 до 10, иногда и болѣе козаковъ, а при каждой фигурѣ отъ 2 до 3 человѣкъ; они разъѣзжали на верховыхъ лошадяхъ по своимъ постамъ, иногда по самымъ границамъ или по открытымъ степямъ, особенно во время покосовъ травы и жатвы хлѣбовъ: кромѣ того, сами жители запорожскихъ сте-

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 77, 80.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 78—80.

[3]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Санктъ-Петербургъ, 1888, 127.

пей, отправляясь на работу, всегда брали съ собой мушкеты и пистоли, и также, въ случаѣ опасности, сбѣгались въ купы для защиты отъ непріятелей. Какъ только бекетовые козаки замѣчали, что татары отдѣлялись отъ своихъ ауловъ и двигались въ походъ, тотчасъ-же подскакивали на коняхъ къ первой фигурѣ, хватали за наружній конецъ висѣвшей на ней веревки, вытаскивали изъ средины бочекъ пукъ соломы или мочалы, зажигали его огнемъ и вновь опускали въ средину фигуры: фигура тотчасъ воспламенялась и тѣмъ давала знать бекетовымъ казакамъ другихъ фигуръ о грозившей опасности. Если татары показывались близь самыхъ бекетовъ, тогда козаки зажигали вторую фигуру, а если они переходили границу и вступали въ запорожскія земли, козаки зажигали третью. Тогда и всѣ наличныя козацкія войска и случившіеся поселяне приходили въ движеніе, скакали по направленію горѣвшихъ фигуръ и старались отрѣзать путь непріятелямъ. Опасаясь хитрости и коварства со стороны татаръ, запорожскіе козаки бросались въ погоню за ними не иначе, какъ собравшись въ таборъ, составлявшійся изъ двухъ рядовъ возовъ, замыкавшихся спереди и сзади отдѣльными 8 или 10 возами. Вооружившись ружьями, пиками, косами и всѣмъ, чѣмъ попало, одни изъ козаковъ заключались въ таборъ, другіе скакали около табора и въ такомъ видѣ быстро двигались по степи, выславъ впередъ, во всѣ четыре стороны, по одному козаку для наблюденія за движеніемъ враговъ. Лишь только сторожевые козаки замѣчали непріятеля, тотъ-же часъ давали условный сигналъ, и таборъ мгновенно останавливался. Тогда, если козаки раньше настигали татаръ, побѣда на ихъ сторонѣ, если-же татары раньше замѣчали козаковъ, то побѣда могла быть и въ рукахъ мусульманъ. Такимъ образомъ, въ этихъ схваткахъ все зависѣло отъ быстроты и стремительности и для счастливаго исхода ихъ, по итальянской пословицѣ, нужно имѣть добрыя ноги и вѣрный глазъ — «bon piede, bon oche» [1]). Для большей поспѣшности въ погонѣ за быстрымъ врагомъ, во время войны 1736—1739 годовъ, на всякій пѣхотный полкъ давалось по 200 головъ лошадей, которыхъ въ зимнее время запрягали парами въ сани и въ каждыя сани сажали по 3—4 человѣка. И при всемъ томъ не проходило ни одного года, чтобы та-

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 1832, 54—55; Устное повѣствованіе Коржа, Одесса, 1842, 78.

*

тары не врывались на Украйну и не дѣлали въ ней страшныхъ опустошеній, особенно въ зимнее время [1]).

Могилы служили у запорожскихъ козаковъ пунктами для наблюденія за движеніями тѣхъ-же татаръ. Большинство подобныхъ могилъ существовало уже гораздо раньше появленія запорожцевъ: они заключали въ себѣ останки погребенныхъ предводителей извѣстныхъ народовъ или племенъ; такимъ образомъ, запорожскіе козаки пользовались уже готовыми земляными насыпями и только приспособляли ихъ къ своимъ стратегическимъ цѣлямъ. Несомнѣнно, однако, и то, что для тѣхъ-же цѣлей они возводили и новыя земляныя насыпи; послѣднія легко отличимы отъ доисторическихъ и даже историческихъ погребальныхъ кургановъ по валамъ и канавамъ, всегда сооружаемымъ при такихъ могилахъ, а также по углубленіямъ, дѣлаемымъ по срединѣ могилы, до самой линіи горизонта. Такія могилы характерно и мѣтко называются въ народѣ «робленными» могилами. Для сооруженія ихъ у запорожцевъ существовало особое сословіе людей-могильниковъ, по нашему саперовъ, которые возводили всякія земляныя насыпи. Втащивъ на подобную могилу пушку, запорожскіе козаки залегали въ ея углубленіи и оттуда вглядывались въ далекую перспективу и замѣчали, не играетъ-ли гдѣ-либо стая вороновъ и не колеблется-ли гдѣ-нибудь въ разныя стороны высокая степная трава. Если играла гдѣ-либо стая вороновъ и если колебалась въ какомъ-нибудь мѣстѣ въ одно и тоже время въ разныя стороны степная высокая трава, то вѣрный признакъ скрытнаго движенія татаръ по степи. Тогда нужно зажигать огни, палить изъ пушекъ и оповѣщать всю линію, а черезъ нее и всю окрестность, о приближеніи страшнаго врага. А для того, чтобы не ввести въ обманъ своихъ и дать возможность имъ отличить козаковъ отъ татаръ, на курганъ вскакивалъ всегда одинъ козакъ, въ противность татарамъ, взбѣгавшимъ на него кучею [2]).

---

[1]) Манштейнъ. Записки историческія о Россіи, Москва, 1823, I, 221.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 82 - 83.

Мусульманскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ.

Занимая нижнюю часть Днѣпра и прилегающія къ нему степныя пространства, запорожскіе козаки, по своему географическому положенію, сосѣдили: на востокѣ съ донцами, на сѣверѣ съ малороссійскими козаками, на западѣ съ поляками, на югѣ и юго-востокѣ съ татарами. Изъ всѣхъ сосѣдей больше всего приходилось запорожцамъ сталкиваться съ татарами. Сношенія запорожскихъ козаковъ съ татарами были столь часты, что вслѣдствіе этого для обѣихъ народностей открывалось большое поле для взаимодѣйствія другъ на друга въ той или другой области ихъ исторической жизни; въ частности для запорожскихъ козаковъ господство татаръ въ степи было одною изъ причинъ появленія самого козачества въ приднѣпровскихъ степяхъ. Отсюда естественная необходимость въ краткой характеристикѣ татаръ, именно тѣхъ изъ нихъ, которые были самыми ближайшими сосѣдями по мѣсту жительства къ запорожскимъ козакамъ.

Извѣстно, что уже вскорѣ послѣ покоренія татарами сѣверной и южной Руси, въ 1240 году, силы ихъ, вслѣдствіе безконечныхъ междоусобій и внутреннихъ неурядицъ, начали слабѣть и разъединяться. Имя Золотой орды, этого главнаго татарскаго скопища, стало звучать для самихъ-же татаръ какою-то ироніей. Отъ Золотой орды стали выдѣляться громадныя толпы татаръ и уходить по разнымъ направленіямъ въ близь лежащія къ ней степи. Уже въ XIII столѣтіи цѣлая ватага татаръ, подъ предводительствомъ хана Хаджи-Девлетъ-Герая оставила Золотую орду и поселилась собственнымъ юртомъ на крымскомъ полуостровѣ. Но заразившись духомъ распрей и раздоровъ еще на родинѣ, и крымскіе татары не могли удержаться въ цѣломъ видѣ на полуостровѣ: въ 1621 году

при ханѣ Орамъ-Тимурѣ, крымцы раздвоились: одна часть ихъ осталась на полуостровѣ, а другая, подъ предводительствомъ хана Ногая, составила самостоятельную орду, ногайскую, раскинувшуюся на пространствѣ между нижнимъ Дунаемъ и Кубанью. Но, въ свою очередь, ногайская орда распалась на четыре самостоятельныя орды: джедишкульскую, джамбоiлуцкую, джедисанскую и буджацкую [1]), находившiяся, однако, въ большинствѣ случаевъ, въ мирныхъ отношенiяхъ другъ къ другу и составлявшiя часто одно цѣлое между собой [2]). Эти четыре орды были въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ запорожскими козаками.

Джедишкульская или едичкульская орда [3]) кочевала по лѣвому берегу Днѣпра, отъ города Кизыкерменя, стоявшаго у праваго берега Днѣпра, вверхъ на сѣверъ до устья рѣки Конскихъ-Водъ, потомъ отъ запада на востокъ по рѣкѣ Конскимъ-Водамъ до вершины ея и до рѣчки Берды, разстоянiемъ болѣе трехсотъ верстъ, «а внутрь ихъ границы на крымской степи разсѣяны они (татары) до Перекопа». Взятыя всѣ вмѣстѣ владѣнiя этой орды приходились въ теперешнихъ уѣздахъ днѣпровскомъ, мелитопольскомъ и бердянскомъ, таврической губернiи. Главная ставка джедишкульской орды находилась у лѣваго притока Днѣпра, Рогачика, близь Конскихъ-Водъ, отъ запорожской Сичи на Подпильной верстахъ въ тридцати, а отъ запорожскихъ зимовниковъ по Конскимъ-Водамъ и по Днѣпру верстахъ въ двухъ, трехъ, пяти и девяти. Джедишкульская орда жила аулами по степи, главнымъ образомъ у рѣчекъ, впадающихъ въ Днѣпръ и въ Конскiя-Воды, и у степныхъ «коевъ» или колодцевъ, на большомъ разстоянiи аулъ отъ аула; всѣхъ ауловъ въ ней считалось въ 1766 году 100, а въ каждомъ аулѣ отъ 100 до 200 и болѣе кибитокъ или дымовъ, а всего 20,000 дымовъ. При всякомъ аулѣ джедишкульской орды состояли начальниками всегда наслѣдственные мурзы [4]), въ одномъ аулѣ по одному, а въ другомъ по два или по три, смотря по числу ки-

[1]) Въ 1625 году эти орды дѣлились еще на ногайскую, очаковскую и буджацкую: Записки одесскаго общества исторiи и древностей, XI, 485, прим. 72.

[2]) Хартахай. Вѣстникъ Европы, 1866, II, iюнь, 196—197.

[3]) Отъ словъ «еди»—семь и «колъ»—озеро, т. е. семиозерная орда.

[4]) Мурзами назывались дворяне второй категорiи; это слово происходитъ отъ словъ «эмиръ-заде», т. е. дѣти князей: Записки одесскаго общества исторiи и древностей, XI, 478, прим. 33.

битокъ; надъ всѣми мурзами опредѣлялся сераскеръ-султанъ, большею частію или сынъ, или другой какой-либо ближайшій родственникъ крымскаго хана [1]).

Джамбойлуцкая орда [2]) кочевала также у лѣваго берега Днѣпра, отъ Кизыкерменя внизъ къ Кинбурну и далѣе въ степь къ востоку, въ части теперешнихъ уѣздовъ мелитопольскаго и бердянскаго, таврической губерніи: главнымъ центромъ этой орды былъ городъ Перекопъ, отъ котораго орда называлась иногда перекопскою. Джамбойлуцкая орда кочевала также аулами, аулы же состояли изъ кибитокъ или семей; всѣхъ кибитокъ въ ней считалось въ 1766 году 5.000; управлялась она рѣдко сераскерами, а большею частію каймаканами или генералъ-губернаторами, жившими всегда въ Перекопѣ [3]).

Джедисанская или едисанская орда [4]), называвшаяся ногайскою преимущественно предъ другими, кочевала по правой сторонѣ рѣки Днѣпра, отъ рѣчки Каменки за Бугомъ, въ теперешнихъ уѣздахъ херсонскомъ, ананьевскомъ, тираспольскомъ и одесскомъ, херсонской губерніи. Главнымъ центромъ этой орды былъ городъ Очаковъ, отъ котораго орда называлась иногда очаковскою: это была самая многочисленная орда: въ 1766 году въ ней считалось около 40.000 кибитокъ [5]): она управлялась нѣсколькими мурзами, надъ которыми стоялъ одинъ сераскеръ изъ рода крымскихъ Гераевъ; въ зимнее время татары этой орды сносились съ запорожскими козаками по льду рѣки Буга.

Буджацкая орда [6]), называвшаяся иначе бѣлогородскою и добруджскою, кочевала также за Бугомъ, между устьями Днѣстра и Дуная, отъ Аккермана до Киліи, въ нижней части Бессарабіи, въ цынутахъ бендерскомъ и томарскомъ, теперешнихъ уѣздахъ аккерманскомъ, бендерскомъ, кишиневскомъ, бессарабской губерніи и частію тираспольскомъ, херсонской губерніи, на пространствѣ 200 верстъ длины и 150 верстъ ширины. Центральными поселе-

[1]) Чернявскій. Описаніе Сѣчи 1766 г. Исторія Мышецкаго, 85—86.

[2]) Производятъ отъ словъ «Джам»=Эмба, «бай»—рѣка, «лук»—суффиксъ прилагательнаго «скій»; отсюда джедисанская орда—эмборѣчинская орда.

[3]) Чернявскій. Описаніе Сѣчи въ 1766 году: Исторія князя Мышецкаго. 88.

[4]) Отъ словъ «еди»-семь и «сан»—счетъ, т. е. семисчетная орда.

[5]) Чернявскій. Описаніе Сѣчи въ 1766 году: Исторія князя Мышецкаго, 88.

[6]) «Буджакъ»—татарское слово, что значитъ по русски «уголъ».

ніями ея были Ганшкила, Коушаны и Аккерманъ, у польскихъ писателей и русскихъ лѣтописцевъ Бѣлгородъ или Бѣлый-Городъ. Отдѣлившись отъ крымскаго царства и поселившись въ Буджакѣ въ XVI вѣкѣ, орда эта не признавала надъ собой ни могущества турецкаго султана, ни власти крымскаго хана, имѣла собственнаго повелителя, называвшагося у турокъ беемъ, и раздѣлялась на 80 или 90 улусовъ [1]). Буджаки занимались безпрерывной войной, славились своимъ наѣздничествомъ и превосходили храбростію даже крымскихъ татаръ: разъѣзжая по своей степной равнинѣ въ числѣ 8.000 или 10.000 человѣкъ и раздѣляясь на отряды въ 1.000 всадниковъ, разстояніемъ въ 10 или 12 миль, они постоянно гарцовали на своихъ бойкихъ коняхъ и вездѣ искали себѣ добычи. Въ 1625 году буджацкая орда могла выставить въ поле 15.000 человѣкъ, обыкновенное-же число ея восходило до 20.000 и даже до 30.00 человѣкъ [2]).

Общее число населенія во всѣхъ четырехъ ордахъ опредѣлялось такъ: въ 1625 году — 50.000 всадниковъ, въ 1705 году — 60.000, въ 1766 году — въ трехъ ордахъ, кромѣ буджацкой, 65.000 кибитокъ [3]).

Непосредственное сосѣдство татаръ перечисленныхъ ордъ съ запорожскими козаками заставляло тѣхъ и другихъ вступать въ такія или иныя отношенія другъ къ другу. Въ первое время политической жизни крымскихъ татаръ вражды между мусульманами и христіанами еще не было. На первыхъ порахъ крымцы жили мирною жизнью: истощивъ свои силы во внутренней борьбѣ, они жаждали только покоя и другого идеала счастливой жизни, кромѣ мирнаго пастушества, не видѣли. Въ этотъ періодъ времени татары даже сблизились со славянами литовско-русскаго княжества, польскаго королевства и молдавскаго господарства. При ханѣ Хаджи-Девлетъ-Гераѣ, царствовавшемъ въ Крыму цѣлыхъ 39 лѣтъ, дружба между славянами и татарами на столько укрѣпилась, что между ними установились даже мирныя торговыя

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 53; Записки Миниха, Спб., 1874, 161.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 180; Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 54.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 485; Русовъ. Русскіе тракты, Кіевъ. 1876. 62; Чернявскій. Описаніе Сѣчи 1766: Исторія Мышецкаго, Одесса, 1852, 87—88.

сдѣлки. Самъ ханъ дѣлалъ вспомоществованія христіанскимъ монастырямъ. Но такое положеніе продолжалось только до 1478 года: въ это время самостоятельность крымскаго юрта окончилась, и имъ завладѣли турки. Ханъ оставался въ Крыму тотъ-же самый, одинъ изъ восьми сыновей Девлетъ-Герая, Менгли-Герай, но онъ долженъ былъ признать себя вассаломъ турецкаго султана. Уже тотчасъ послѣ этого политика крымцевъ перемѣнилась въ отношеніи христіанъ и приняла противоположный прежней политикѣ характеръ. Причиной такого поворота дѣлъ былъ, съ одной стороны, характеръ новаго хана, Менгли-Герая, характеръ дикій, воинственный и кровожадный, а съ другой стороны тотъ фанатизмъ, который привили татарамъ покорители крымскаго юрта, турки. Отсюда и началась вражда запорожскихъ козаковъ къ татарамъ. Къ этому присоединилось еще и то очень важное обстоятельство, что съ водвореніемъ турокъ въ бывшей греческой имперіи и съ появленіемъ ихъ на крымскомъ полуостровѣ, имъ понадобились массы невольниковъ обоего пола, особенно молодыхъ дѣвушекъ и мальчиковъ. Невольницы необходимы были туркамъ для удовлетворенія ихъ азіатской роскоши и нѣги, а невольники-мальчики для службы въ янычарахъ и для занятія придворныхъ различныхъ должностей, требовавшихъ особаго довѣрія. Всѣ-же вообще невольники на языкѣ мусульманъ назывались ясыремъ [1]; этотъ ясырь и стали съ тѣхъ поръ доставлять туркамъ татары. Для татаръ, особенно ногайскихъ, которые вели кочевую жизнь, мало занимались торговлей, еще меньше того промыслами, которые не имѣли подвластныхъ народовъ для взиманія съ нихъ дани, скитались по дикой и безлюдной степи и представляли изъ себя орду убогихъ и полуголодныхъ дикарей, поставка христіанскихъ невольниковъ для богатыхъ, лѣнивыхъ и сластолюбивыхъ турокъ была главнѣйшимъ источникомъ пропитанія и даже иногда довольства въ жизни.

Оттого главное отношеніе мусульманскихъ сосѣдей къ запорожскимъ козакамъ выражалось набѣгами на козацкія земли и черезъ нихъ на Украйну, Литву, Польшу и Россію. Желая обезопасить свои набѣги, татары построили нѣсколько городовъ у береговъ нижняго теченія Днѣпра; такъ, около 1450 года они

---

[1]) «Ясырь» съ арабскаго «эсырь», что значитъ плѣнникъ: Труды московскаго археологическаго общества, 1883, IX, в. II и III, 216.

возвели крѣпости Кызыкермень и Джанкермень, первую, гдѣ въ настоящее время городъ Бериславъ, херсонскаго уѣзда, вторую, гдѣ теперь мѣстечко Каховка; въ 1491 году построили крѣпость Тягинь, гдѣ село Тягинка; въ половинѣ XVI столѣтія возвели крѣпости Бургунъ, гдѣ село Бургунка, и Исламъ-Кермень («Усламовы-Городки»), какъ кажется, на мѣстѣ теперешней слободы Любимовки, таврической губерніи, а въ 1525 году отняли у поляковъ городъ Очаковъ.

О боевыхъ средствахъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ источники того времени представляютъ намъ слѣдующія данныя. Регулярныхъ или постоянныхъ войскъ татары никогда не имѣли и для своихъ походовъ въ непріятельскія страны призывали охотниковъ. Недостатка въ такихъ охотникахъ между татарами никогда не было, что зависѣло главнымъ образомъ отъ трехъ причинъ: бѣдности татаръ, отвращенія ихъ къ тяжелому физическому труду и фанатической ненависти къ христіанамъ, на которыхъ они смотрѣли, какъ на собакъ, достойныхъ всяческаго презрѣнія и безпощаднаго истребленія. Допуская, вмѣстѣ съ историкомъ Сѣчи Скальковскимъ [1]), общее число всѣхъ татаръ въ XVIII вѣкѣ, въ Крыму и ногайскихъ степяхъ, въ 560.000 человѣкъ обоего пола или въ 280.000 одного мужского пола, Всеволодъ Коховскій полагаетъ, что крымскій ханъ для большихъ походовъ въ христіанскія земли поднималъ почти 1/3 всего мужского населенія своей страны [2]). Зимой татары всегда шли въ большихъ силахъ, лѣтомъ всегда въ меньшихъ: эта разница зависѣла главнымъ образомъ оттого, что лѣтомъ татары не всегда могли скрыть слѣды движенія своей конницы по высокой степной травѣ, не всегда успѣвали обмануть бдительность сторожевыхъ козаковъ и, наконецъ, лѣтомъ татары менѣе были свободны, чѣмъ зимой. Татары шли въ походъ всегда на легкѣ: они не везли съ собой ни обозовъ, ни тяжелой артиллеріи [3]). Повозокъ, запряженныхъ лошадьми, татары не терпѣли даже у себя дома, обходясь, въ случаѣ надобностей, волами или верблюдами, совсѣмъ непригодными для быстрыхъ набѣговъ на христіанскія земли; а для лошадей, въ сто или двѣсти тысячъ головъ, татары не могли найти достаточнаго продовольствія и потому, какъ полагаютъ, продовольствовали ихъ степной травой даже

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 25—29.
[2]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб. 1862, 66.
[3]) Михалонъ Литвинъ: Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 11.

и въ зимнее время, прiучая ихъ добывать себѣ кормъ, разбивая снѣгъ копытами [1]). Огнестрѣльнаго оружiя татары не употребляли, предпочитая невѣрнымъ выстрѣламъ изъ ружей мѣткie выстрѣлы изъ луковъ. Стрѣлами-же они такъ отлично владѣли, что, по словамъ очевидца, могли попадать на всемъ скаку въ непрiятеля въ шестидесяти и даже во ста шагахъ [2]). Зато лошадей они брали въ походъ болѣе, чѣмъ другiе какie-либо степные наѣздники: всякiй татаринъ велъ съ собой въ походъ отъ 3 до 5 коней, а всѣ вмѣстѣ отъ 100.000 до 300.000 головъ, что̀ объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что нѣкоторыя изъ лошадей шли татарамъ въ пищу, а съ другой стороны и тѣмъ, что они ускоряли ихъ бѣгъ, давая возможность всадникамъ усталыхъ лошадей замѣнять свѣжими.

Для того, чтобы сдѣлать большой набѣгъ, татары приготовлялись къ тому извѣстнымъ образомъ и выбирали на то опредѣленное время. Въ виду большихъ набѣговъ они запасались оружiемъ, продовольствiемъ, возможно большимъ количествомъ верховыхъ лошадей и возможно легко одѣвались: рубаха изъ бумажной ткани, шаровары изъ нанки, сапоги сафьяновые, шапки кожаныя, иногда тулупы овчинные—составляли главное ихъ одѣянiе; вооружались только ручнымъ и притомъ холоднымъ оружiемъ, т. е. брали съ собой сабли, луки, колчаны съ 18 или 20 стрѣлами, нагайки, служившiя имъ вмѣсто шпоръ, и деревянныя жерди для временныхъ шатровъ: кромѣ того, къ поясу привѣшивали ножъ, кресало для добыванiя огня, шило съ веревочками, нитками и ремешками на случай надобности; затѣмъ запасались нѣсколькими кожаными, сыромятными веревками, 5—6 саженъ длины, для связыванiя невольниковъ, и однимъ на каждаго человѣка нюренбергскимъ квадрантомъ, т. е. спецiальнымъ астрономическимъ инструментомъ, замѣнявшимъ собой компасъ, для опредѣленiя точекъ горизонта въ безпредметной степи; кромѣ того, каждый десятокъ татаръ бралъ себѣ котелъ для варенiя мяса и небольшой барабанчикъ на луку сѣдла, а отдѣльно всякiй татаринъ бралъ свирѣль, чтобы созывать товарищей на случай надобности: привѣшивалъ деревянную или кожаную бадью, чтобы самому пить воду или, въ крайнемъ случаѣ, поить лошадь водой. Знатные и

---

[1]) Коховскiй. Опытъ изученiя войнъ Б. Хмельницкаго. Спб., 1862, 73.

[2]) Бопланъ. Описанiе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 42.

богатые ко всему этому запасались кольчугами, весьма цѣнными, по своей рѣдкости, у татаръ. Для собственнаго продовольствія каждый татаринъ везъ на своемъ конѣ, въ кожаномъ мѣшкѣ, нѣсколько ячменной или просяной муки, которую называлъ толокномъ и изъ которой, съ прибавкою къ ней соли, дѣлалъ напитокъ пексинетъ; кромѣ того, везъ небольшой запасъ поджареннаго на маслѣ и подсушеннаго на огнѣ, въ видѣ сухарей, тѣста; но всего больше надѣялся на конину, которую получалъ во время самаго пути, убивая изнуреннаго и негоднаго къ бѣгу, а иногда даже и совсѣмъ издохшаго, коня. Изъ конины онъ дѣлалъ разныя кушанья: смѣсь крови съ мукой, сваренной въ котлѣ, тонкіе круги мяса, пропотѣвшіе и подогрѣтые подъ сѣдломъ на спинѣ коня въ точеніи двухъ-трехъ часовъ, и большіе куски мяса, варимые съ небольшимъ количествомъ соли и съѣдаемые вмѣстѣ съ накипѣвшей отъ воды пѣны въ котлѣ [1]).

Вообще татары старались не обременять своихъ лошадей, потому больше заботились о своихъ коняхъ, нежели о себѣ: «Коня потеряешь—потеряешь голову»—говорили они въ этомъ случаѣ, хотя въ то-же время мало кормили своихъ лошадей въ пути, въ виду того, что будто-бы онѣ безъ пищи лучше переносили усталость. Съ тою-же цѣлію татары надѣвали на своихъ коней самыя легкія сѣдла, служившія всадникамъ для различнаго употребленія въ пути: нижняя часть, по ихъ званію тургчіо, изъ сбитой шерсти войлокъ, служилъ у нихъ ковромъ; основа сѣдла, по нашему званію ленчикъ, изголовьемъ; бурка, по ихъ званію капуджи или табунчи, шатромъ, при натягиваніи ея на воткнутыя въ землю жерди.

Татары сидѣли на своихъ коняхъ согнувшись спиной, «подобно обезьянамъ на гончей собакѣ», потому что слишкомъ высоко подтягивали къ сѣдлу стремена, чтобы тверже, по ихъ словамъ, опираться и оттого крѣпче сидѣть въ сѣдлѣ. Сидя верхомъ, татары мизиннымъ пальцемъ лѣвой руки держали уздечку, остальными пальцами той-же руки держали лукъ, а правою рукою быстро пускали стрѣлы взадъ и впередъ. Встрѣтивъ на своемъ пути рѣку, татары переплывали ее на сдѣланномъ изъ камыша плоту, который привязывали къ хвосту лошади и поверхъ котораго клали все

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, XI, 480; Бопланъ. Описаніе Украйны, 43—45.

свое движимое имущество; раздѣвшись до нага, хватаясь одною рукой за гриву коня и понуждая его къ скорѣйшей переправѣ черезъ рѣку, татары другою рукой разбивали волны рѣки и быстро переправлялись отъ одного берега къ другому. Иногда вмѣсто импровизированныхъ плотовъ они употребляли лодки, поперекъ которыхъ клали толстыя жерди, къ жердямъ привязывали лошадей, по одинаковому числу, для равновѣсія, съ каждой стороны; внутрь лодки складывали свой багажъ, и такимъ способомъ переправлялись черезъ рѣчки. Переправы эти татары совершали всѣмъ строемъ вдругъ, занимая иногда вдоль рѣки протяженіе версты на двѣ [1]). Лошади татаръ, называемыя у нихъ бакеманами, никогда не ковались, кромѣ лошадей знатныхъ вельможъ и нѣкоторыхъ мурзъ, но и то подвязывавшихъ своимъ конямъ при помощи толстыхъ ремней, вмѣсто подковъ, коровьи рога; большею частію онѣ были малорослы, поджары и неуклюжи, за исключеніемъ красивыхъ и сильныхъ коней знатныхъ вельможъ и благородныхъ мурзъ; зато эти самыя лошади всегда отличались замѣчательною выносливостью и непостижимою быстротою: онѣ въ состояніи были проскакать въ одинъ день безъ отдыха и безъ устали 20, 25, 30 миль, т. е. 80, 100, 120 верстъ по нашему счету [2]). Въ походѣ всякій татаринъ имѣлъ при себѣ три коня, а иногда и болѣе: на одномъ сидѣлъ, а два другіе велъ съ собой въ поводу для перемѣны въ случаѣ усталости какого-либо изъ нихъ; если какой-нибудь конь утомлялся, не могъ нести всадника и даже слѣдовать за нимъ, то такого совсѣмъ бросали въ степи до обратнаго возвращенія и обыкновенно находили его въ хорошемъ состояніи [3]). Сами всадники отличались легкостью, замѣчательнымъ проворствомъ и ловкостью во время своихъ движеній по степямъ; такъ, несясь во весь опоръ на конѣ во время преслѣдованія врагомъ и чувствуя изнеможеніе одного коня, татары на всемъ скаку перебрасывались съ одного на другого и мчались безостановочно въ дальнѣйшій путь; кони-же, освободившіеся отъ всадниковъ, тотчасъ брали правую сторону и неслись рядомъ съ хозяевами, чтобы, въ случаѣ усталости второй лошади, вновь принять ихъ на свою спину.

---

[1]) Иванинъ. О военномъ искусствѣ у монголо-татаръ. СПБ., 1875, 167.
[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 44; Манштейнъ. Записки, I, 220.
[3]) Манштейнъ. Историческія записки о Россіи, Москва, 1823, I, 220.

Такимъ образомъ, запасшись вооруженіемъ, продовольствіемъ и лошадьми, татары отправлялись походомъ въ запорожскія области, а черезъ нихъ далѣе въ Польшу, Литву, Малороссію и Великороссію; походы ихъ, смотря по времени года, были зимніе и лѣтніе.

Зимніе походы предпринимались въ виду того, чтобы избѣжать лишнихъ затрудненій во время водныхъ переправъ и дать возможность некованнымъ лошадямъ бѣжать по мягкой снѣжной равнинѣ; для этой цѣли избиралось время около января или въ январѣ мѣсяцѣ, когда ровныя степи покрывались глубокимъ снѣгомъ и не было никакой опасности отъ гололедицы для татарскихъ лошадей: въ гололедицу татарскіе кони, незнавшіе подковъ, скользили, падали, портили себѣ ноги и оказывались безсильными противъ запорожской кавалеріи. Кромѣ гололедицы, татары избѣгали и жестокихъ степныхъ морозовъ, отъ которыхъ они гибли не только сотнями, а даже тысячами, спасаясь въ то время единственно тѣмъ, что разрѣзывали брюха у лошадей, влазили во внутренность и грѣлись отъ стужи [1]). Число всадниковъ, отправлявшихся въ походъ, зависѣло отъ того, какого званія было лицо, стоявшее во главѣ похода: если шелъ самъ ханъ, то съ нимъ двигалось 80.000 человѣкъ; если шелъ мурза—50.000 или 40.000 человѣкъ. Чтобы видѣть исправность войска и избѣжать какихъ-либо оплошностей, передъ началомъ всякаго похода ему дѣлали подробный смотръ и только послѣ этого позволяли выступать въ походъ. Вся масса войска двигалась не отдѣльными отрядами, а длиннымъ узкимъ рядомъ, обыкновенно въ 4 или 10 миль длины, имѣя фронтъ въ 100 всадниковъ съ 300 коней, а центръ и арріергардъ въ 800 или 1.000 коней, при длинѣ отъ 800 до 1.000 шаговъ. Во время наступательнаго похода, пока татары были въ собственныхъ владѣніяхъ, они шли медленно, не болѣе шести французскихъ миль въ день, хотя въ то-же время брали всѣ мѣры къ тому, чтобы возвратиться назадъ въ свои владѣнія непремѣнно до вскрытія рѣкъ, всегда губительнаго для поспѣшно уходившаго татарскаго войска. обремененнаго добычею и плѣнниками. Подвигаясь медленно впередъ, татары въ то-же время брали всякія мѣры предосторожности, чтобы обмануть сторожевыхъ козаковъ и скрыть отъ нихъ всякіе слѣды своихъ движеній: для этого они выбирали

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1847, I, 36.

глубокія балки или низменныя лощины, впередъ отрядовъ высылали ловкихъ и опытныхъ наѣздниковъ для поимки языковъ, при ночныхъ остановкахъ не разводили огней, завязывали морды конямъ и тѣмъ не позволяли имъ ржать, а ложась спать привязывали ихъ посредствомъ аркановъ къ рукамъ, чтобы можно было, въ случаѣ внезапной опасности, сейчасъ-же поймать коня, сѣсть на него и бѣжать отъ непріятеля. При общемъ движеніи татары время отъ времени останавливались, спрыгивали со своихъ коней pour donner loisir à leurs chevaux d'uriner,—и лошади ихъ въ этомъ случаѣ такъ были выдрессированы, что тотчасъ это дѣлали, какъ только всадники сходили съ нихъ. Все это происходило «въ полчетверть» часа, послѣ чего всадники снова двигались въ путь. Медленность движенія татаръ, страшная масса лошадей и людей, молчаливость и сдержанность ихъ въ пути, темное вооруженіе всадниковъ наводили ужасъ даже на самыхъ смѣлыхъ, но непривыкшихъ къ такому зрѣлищу, воиновъ. Особенно поражало каждаго зрителя множество татарскихъ коней: 100.000 всадниковъ вели съ собой 300.000 лошадей, т. е каждый всадникъ имѣлъ одного коня подъ собой и двухъ при себѣ. «Не столь часты деревья въ лѣсу, говоритъ очевидецъ Бопланъ, какъ татарскіе кони въ полѣ: ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ и, приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается».

Въ такомъ видѣ двигались татары по степямъ собственныхъ владѣній, но чѣмъ ближе подходили они къ цѣли своихъ набѣговъ, тѣмъ большія брали мѣры предосторожности; за три или за четыре мили отъ козацкой границы они выбирали самое укромное мѣсто, отдыхали въ немъ въ теченіи двухъ или трехъ дней и послѣ этого уже совсѣмъ иначе распредѣляли свое войско, какъ оно до этого времени было распредѣлено у нихъ. Собравшись въ массу, они раздѣлялись на три части: изъ двухъ частей всей численности составляли главный корпусъ, называемый обыкновенно choche, а изъ третьей части образовали два крыла, правое и лѣвое, по восемь или по десять тысячъ всадниковъ въ каждомъ крылѣ; каждое крыло, въ свою очередь, подраздѣляли на десять или двѣнадцать пятисотенныхъ или шестисотенныхъ отрядовъ. Устроившись такимъ образомъ, татары съ возможною быстротой устремлялись въ самыя владѣнія козаковъ и тутъ неслись безъ отдыха въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, останавливаясь лишь на одинъ часъ для корма лошадей; проскакавъ форсированнымъ маршемъ

миль 60 или 80, т. е. 280 или 320 верстъ отъ границы, они вдругъ устремлялись назадъ и въ это время на самомъ ходу вновь раздѣлялись: главный корпусъ ихъ постепенно отступалъ, потомъ отдѣлялъ въ передній отрядъ 500 коней и растягивался на значительное пространство, а два его фланга или крыла, удалившись отъ него никакъ не дальше 8 или 12 миль, бросались частію впередъ, частію въ сторону и тогда, если не бывали во̀-время открыты козаками, внезапно нападали на беззащитныхъ христіанъ; тутъ, чего нельзя было взять, жгли, рѣзали, истребляли, а что можно было поднять, захватить, угнать, уносили, заарканивали, угоняли — мужчинъ, женщинъ, дѣвицъ, малыхъ дѣтей, грудныхъ младенцевъ, лошадей, быковъ, коровъ, овецъ, козъ, — изъ скота брали все, кромѣ свиней, которыхъ они ненавидѣли, потому сгоняли въ овинъ и всѣхъ поджигали огнемъ: захвативъ возможно больше ясырю, они спѣшили къ главному своему корпусу. А главный корпусъ, растянувшись на большое пространство, легко давалъ знать о мѣстѣ своего пребыванія по оставленнымъ на снѣгу слѣдамъ, и потому скоро принималъ хищниковъ, бѣжавшихъ съ тяжелой добычей. Возвратившіяся съ набѣга два крыла отдыхали при главномъ корпусѣ, а вмѣсто нихъ отправлялись въ такомъ-же порядкѣ и съ такою-же поспѣшностью два свѣжихъ крыла, которыя также дѣлали опустошенія и также стремительно отступали къ главному корпусу; за вторымъ крыломъ слѣдовало третье, за третьимъ четвертое и т. д. Все это совершалось чрезвычайно быстро и чрезвычайно стремительно: оба отряда не смѣли оставаться въ непріятельской землѣ болѣе двухъ сутокъ и по истеченіи этого времени непремѣнно должны быть уже у главнаго корпуса[1]). А между тѣмъ главный корпусъ войска во все это время совсѣмъ не пускалъ въ дѣйствіе своихъ наѣздниковъ, чтобы сохранить свои силы свѣжими и, въ случаѣ надобности, имѣть возможность отбиться отъ подоспѣвшихъ на выручку невольниковъ козацкихъ войскъ; онъ только постепенно, хотя и очень медленно отступалъ къ границамъ собственныхъ владѣній; медленность эта однако, переходила въ скорый маршъ и даже поспѣшное бѣгство, если татары замѣчали множество собравшихся козаковъ, готовыхъ устремиться на нихъ. Въ битву съ козаками они вступали только тогда, когда въ десять разъ превосходили ихъ своею чис-

[1]) Манштейнъ. Записки историческія, Москва, 1823, I, 220.

ленностію [1]); но въ большинствѣ случаевъ, при видѣ козаковъ, стремительно отступали, при чемъ, чтобы избѣжать преслѣдованія, удалялись не по прежней дорогѣ, а по новой, дѣлая при этомъ разные круги въ ту или другую сторону. Удалившись такимъ образомъ миль на 30 или на 40 отъ границы козацкихъ владѣній, они выбирали безопасное мѣсто, приводили тутъ себя въ порядокъ, въ теченіи недѣли отдыхали отъ грабежей, потомъ дѣлили свой ясырь, т. е. невольниковъ, скотъ, разное добро, послѣ дѣлежа садились на коней и продолжали путь до своихъ улусовъ. Страшные набѣги ихъ долго потомъ вспоминались на Украйнѣ и служили сюжетами для народныхъ пѣсенъ:

«Зажурылась Украйна, що ниде прожити:
Вытоптала орда киньми манѐнькіи дíты,—
Ой манѐнькихъ вытоптала, велыкихъ забрàла,
Назàдъ рýки постягàла, пидъ хàна погнàла».

Лѣтніе походы татаръ предпринимались не такъ часто и не съ такими силами, какъ зимніе. Для этой цѣли чаще всего выбиралась средина лѣта, когда народъ украинскій выходилъ на полевыя работы и менѣе всего думалъ о какихъ бы то ни было войнахъ и набѣгахъ со стороны непріятелей. На этотъ разъ отправлялось въ походъ не семьдесятъ и не восемьдесятъ тысячъ, а тысячъ десять, максимумъ двадцать, потому что большая масса войска въ лѣтнее время легче могла быть открыта, чѣмъ въ зимнее, когда со всѣхъ степей уходило все живое, укрываясь отъ холода и стужи. По обыкновенію, прежде отправленія всей массы въ походъ, впередъ высылались смѣлые наѣздники для добыванія вѣстей о положеніи дѣлъ на Украйнѣ и Запорожьѣ: смотря по этимъ вѣстямъ, татары направлялись въ ту или въ другую сторону, но въ томъ и другомъ случаѣ старались выбирать водораздѣльный путь между рѣчками, чтобы, не задерживаясь переправами, безпрепятственно совершать свои набѣги: въ это-же время, прежде выступленія въ походъ, они назначали мѣсто для сбора послѣ перваго набѣга, не далѣе двухъ-трехъ миль отъ границы. Не дойдя за двадцать или за тридцать миль до запорожской или польской границы,

---

[1]) М. И. Иванинъ полагаетъ, что самый строй татарскаго войска и множество заводныхъ лошадей неудобны были для сраженій и заставляли татаръ избѣгать встрѣчи съ равнымъ въ числѣ непріятелемъ: О военномъ искусствѣ монголо-татаръ, Спб., 1875, 165.

татары раздѣлялись на 10 или 12 отрядовъ, по 1.000 всадниковъ въ каждомъ и, устремившись одною половиною цѣлой массы направо, а другою налѣво, растягивались своимъ фронтомъ на 10—12 миль, т. е. на одну или полторы мили одинъ отрядъ отъ другого, а для удобнѣйшаго сношенія всѣхъ отрядовъ между собой, употребляли условные знаки—днемъ движеніе лошадью вокругъ [1]), ночью высѣканіе кресаломъ огня, зажиганіе тряпки огнемъ и верченіе ея вокругъ руки [2]). Раздѣлившись такимъ образомъ и напередъ условившись о мѣстѣ сбора, татары раннимъ утромъ бросались уже въ самыя владѣнія козацкія, тутъ описывали по степи нѣсколько круговъ, потомъ вскакивали кучками на курганы, быстро обзирали степную окрестность, и немедленно возвращались къ условленному мѣсту. Между тѣмъ пограничная козацкая стража, видя кружащихся по степи татаръ, тотъже часъ давала знать посредствомъ зажиганія фигуръ или выстрѣловъ изъ пушекъ, стоявшихъ на курганахъ, радутнымъ козакамъ и пограничнымъ жителямъ: но жители, видя незначительное число бродившихъ по степи татаръ, не сразу брали надлежащія мѣры предосторожности. Татары прекрасно этимъ пользовались: высидѣвъ нѣсколько времени въ скрытомъ мѣстѣ, они вдругъ налетали на безпечныхъ украинцевъ, хватали, жгли, истребляли, угоняли, что было можно, съ собой, однимъ словомъ, повторяли все то, что дѣлали во время зимнихъ набѣговъ: послѣ этого быстро оставляли владѣнія христіанъ, переходили границу и, удалившись отъ нея на 6—10 миль, дѣлили свой ясырь и разбѣгались по улусамъ.

Изъ всѣхъ татаръ, предпринимавшихъ частые набѣги на христіанскія земли, самые страшные были татары буджацкой орды: опасны они были не силою своею, не рыцарствомъ и не открытымъ дѣйствіемъ, а коварствомъ, необыкновенною хитростію и рѣдкимъ вѣроломствомъ своихъ набѣговъ. Буджацкіе татары славились тѣмъ, что могли долго сидѣть въ водѣ; они вѣрили, что если при первой сшибкѣ съ непріятелемъ сраженный пулей товарищъ ихъ падетъ головой къ врагамъ, ногами къ своимъ, то будетъ побѣда на ихъ сторонѣ; если-же онъ ляжетъ ногами къ врагамъ, а головой къ своимъ, побѣда будетъ на сторонѣ враговъ. Буджаки

[1]) «Этотъ знакъ употребляется нашими козаками и называется маякомъ».
[2]) Иванинъ. О военномъ искусствѣ у монголо-татаръ, Спб., 1875, 166.

отправлялись въ набѣгъ иногда съ самыми незначительными силами, въ числѣ около 400 человѣкъ. Зная, какъ зорко слѣдили за всякимъ движеніемъ въ степи, даже за положеніемъ степной травы, сторожевые козаки, буджаки, чтобы обмануть бдительность ихъ и не притоптать высокой степной травы, поднимавшейся иногда на 2 фута высоты, прибѣгали къ слѣдующей хитрости: доскакавъ скрытно до границы своихъ владѣній, они раздѣляли всю свою силу изъ 400 человѣкъ на 4 шайки, по 100 человѣкъ въ каждой, и такими шайками бѣжали въ разныя стороны: одной на востокъ, другой на западъ, третьей на сѣверъ, четвертой на югъ; пробѣжавъ полторы четверти мили отъ перваго пункта разбѣга, они вновь раздѣлялись, но уже не на 4, а на 3 шайки, по 33 человѣка въ каждой, и также скакали въ разныя стороны; пробѣжавъ полмили отъ втораго пункта разбѣга, они снова раздѣлялись на 3 шайки, по 11 человѣкъ въ каждой. Всѣ эти раздѣленія и всѣ разбѣги совершались на всемъ скаку и не болѣе, какъ въ полтора часа; отъ быстроты и бдительности зависѣлъ весь успѣхъ ихъ набѣговъ, отъ замедленія и неосмотрительности гибель и истребленіе. Но хищники очень опытны въ своихъ маневрахъ и, по замѣчанію очевидца, такъ-же были знакомы со степями, какъ искусные лоцманы съ гаванью. Проскакавъ свой кругъ и высмотрѣвъ положеніе дѣлъ, каждая шайка татаръ возвращалась въ условленное мѣсто, гдѣ-нибудь въ балкѣ или лощинѣ, обильной травой и водопоемъ, обыкновенно миляхъ въ 10 или 12 отъ пункта раздѣленія, и тутъ оставалась нѣкоторое время въ выжидательномъ положеніи; слѣды-же, оставленные ими по степной травѣ, исчезали точно круги отъ брошеннаго въ воду камня. Все казалось тихо и опасности ни откуда не предвидѣлось. А хищники между тѣмъ были на сторожѣ. Вотъ счастливый моментъ для нихъ насталъ: они бросились въ намѣченныя ими села, захватили скотъ, людей, имущество и быстро унеслись за границу козацкихъ владѣній. Однако, вѣсть объ ихъ набѣгѣ моментально разнеслась по всей сторожевой линіи: козаки увидѣли, какъ дикія степныя птицы, точно испуганныя чьимъ-либо неожиданнымъ появленіемъ, вдругъ съ крикомъ поднялись вверхъ и разлетѣлись въ разныя стороны. Тогда они поспѣшно бросались на коней, вооружались оружіемъ и спѣшили по слѣдамъ умчавшихся враговъ; замѣтивъ въ балкахъ обглоданныя конскія кости, убѣждались, что татары близко. Но дойдя, однако, до

мѣста раздѣленія татаръ и видя во всѣ стороны расходящіеся круги, козаки останавливались въ недоумѣніи и возвращались ни съ чѣмъ, не видя нигдѣ враговъ; только случайно они могли наткнуться на татаръ, во время ихъ ночлега или роздыха. Но татары, имѣя замѣчательно острое зрѣніе, и тутъ предупреждали своихъ преслѣдователей: они старались расположить свою конницу такъ, чтобы солнце было у нея за спиной, а врагу прямо-бы свѣтило въ глаза, если это столкновеніе случалось незадолго до заката солнца или скоро послѣ восхода его. Впрочемъ, на открытый бой татары рѣшались только въ томъ случаѣ, когда число ихъ войска въ десять разъ превосходило численность ихъ противниковъ или когда они замѣчали, что преслѣдователи ихъ неожиданно разсѣялись въ разныя стороны: въ случаѣ-же сплошнаго напора со стороны козаковъ, татары всегда отступали. Тогда они, наскочивъ на преслѣдователей, пускали въ нихъ черезъ лѣвое плечо на всемъ скаку тучи стрѣлъ, потомъ, подобно мухамъ, разсыпались въ разныя стороны; затѣмъ снова сплачивались въ одно цѣлое, снова подскакивали къ своимъ преслѣдователямъ, снова пускали тучи стрѣлъ и снова разсыпались въ разныя стороны. Такъ повторяли они свой пріемъ до тѣхъ поръ, пока не утомляли противниковъ и не принуждали ихъ къ отступленію. Послѣ того стремительно бросались къ границѣ, вступали въ собственныя владѣнія и тутъ, подобно степнымъ звѣрямъ, исчезали въ травѣ [1]).

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 47—59.

Положеніе христіанъ въ мусульманской неволѣ.

Для русскихъ, поляковъ, литовцевъ и запорожскихъ козаковъ ногайскіе татары страшны были не могуществомъ и не обширностью своихъ владѣній, не мужествомъ и не храбростію своихъ вождей, а внезапностію своихъ набѣговъ, жестокими хищничествами и варварскими истребленіями всякой осѣдлости въ земляхъ христіанъ. Ногайскіе татары не знали въ тѣ поры земледѣлія, мало занимались ремеслами и промыслами, они вели кочевой, пастушескій образъ жизни, занимаясь преимущественно скотоводствомъ и коневодствомъ, всегда нуждались въ предметахъ первой необходимости и пропитанія, и потому при первомъ удобномъ случаѣ дѣлали набѣги на области сосѣднихъ имъ народовъ и старались хватать тамъ все, что попадалось имъ подъ руку. Не проходило почти ни одного года, чтобы татары не сдѣлали набѣга на Украйну и сосѣднія съ нею земли: 1516, 1537, 1575, 1589, 1593, 1640, 1666, 1667, 1671 годы ознаменованы страшными набѣгами татаръ на южныя славянскія страны; въ эти годы татары уводили въ неволю по 5.000, 8.000, 15.000 и даже слишкомъ по 55.000 человѣкъ христіанъ [1]). Сколь велико было количество христіанъ, уводимыхъ татарами въ неволю, можно видѣть изъ тѣхъ примѣровъ, какъ иногда безоружные невольники, пользуясь своею огромною численностью, возставали, на пути слѣдованія въ Крымъ, противъ своихъ похитителей, избивали ихъ поголовно и вслѣдъ затѣмъ возвращались на родину. Уводъ въ плѣнъ христіанъ былъ главнѣйшею цѣлью татарскихъ набѣговъ на христіанскія земли, оттого набѣги татаръ годъ отъ году принимали все большіе и

---

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, 1, 73, 83; Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 52; Kronica Marcina Bielskiego, Sanok, 1856, I, 533.

большіе размѣры, но особенно усилились съ тѣхъ поръ, когда крымскіе татары, съ 1478 года, при ханѣ Менгли-Гераѣ, подпали подъ верховное вліяніе Оттоманской Порты [1]). Въ дошедшихъ до насъ письмахъ татаръ къ своимъ родственникамъ, которымъ они писали съ пути набѣговъ на Украйну, читаемъ: «Запорожскимъ черкасомъ разоренье большое, а татарамъ Господь Богъ далъ добычи больше,—не въ которой посылкѣ таковой добычи не бывало· ни одного нѣтъ безъ ясыря, а у многихъ по два, по три, по четыре или пять ясырей... У меня 20 ясырю, у Арсланъ Газы Мурзы 10 ясырю, у Капланъ Мурзы 10 ясырю, у всѣхъ нашихъ товарышей ясырю по 2, по 3 есть, кромѣ Алаша, никого безъ ясырю нѣтъ» [2]). Плѣнные христіане составляли для татаръ главный источникъ ихъ богатства и служили даже предметомъ государственныхъ налоговъ для крымскаго хана: «А новой-де ханъ крымской учалъ править на татарахъ со всякаго полоненика по 10 копъ» [3]). Въ большинствѣ случаевъ невольники шли на восточные рынки, какъ предметъ купли и продажи; торговля невольниками развита была у татаръ на самыхъ широкихъ началахъ: татары, по замѣчанію современника, всегда были богаты невольниками, употребляли ихъ и для продажи, и для залога, и для подарковъ и во всякое время имѣли ихъ подъ руками. Если какой-либо изъ татаръ случайно и не имѣлъ въ извѣстную минуту невольника, а между тѣмъ у него спрашивали этотъ товаръ, то онъ напередъ заключалъ съ покупщикомъ контрактъ и потомъ, имѣя у себя даже одного коня, могъ доставать ему условленное число живаго товара. Татары снабжали всѣ восточные рынки христіанскими невольниками: корабли, приходившіе къ нимъ изъ Азіи съ оружіемъ, одеждою и лошадьми, отходили отъ нихъ съ христіанскимъ ясыремъ. Видя, какое множество каждогодно идетъ невольниковъ въ Крымъ изъ христіанскихъ странъ, одинъ мѣняла-еврей, сидѣвшій у воротъ Тавриды, спрашивалъ въ недоумѣніи у нихъ, неужели въ ихъ странахъ все еще остаются люди [4]). Изъ всѣхъ невольниковъ съ особою охотою татары старались хватать женщинъ, которыхъ называли они «бѣлымъ ясыремъ» или «бѣлою челядью» отъ бѣлыхъ платковъ, коими покрывали свои головы не-

---

[1]) Хартахай. Вѣстникъ Европы, 1866, II, іюнь, 201.

[2]) Акты южной и западной Россіи, V, 230—232.

[3]) Акты южной и западной Россіи, VI, 150—166.

[4]) Михалонъ Литвинъ: Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 2, 21—25.

вольницы. Захваченныя въ неволю славянскія женщины шли для удовлетворенія прихоти восточныхъ деспотовъ, то-есть турецкихъ вельможъ, купцовъ и даже самихъ султановъ.

Положеніе несчастныхъ невольниковъ, и въ пути, пока ихъ вели въ Крымъ, и въ самомъ «невиръ-царствѣ» было поистинѣ ужасающее. Захваченныхъ въ неволю людей татары разставляли въ ряды по нѣскольку человѣкъ, связывали имъ назадъ руки сыромятными ремнями, сквозь ремни продѣвали деревянные шесты, а на шеи набрасывали веревки: потомъ, держа за концы веревокъ, окружали всѣхъ связанныхъ цѣпью верховыхъ и, подхлёстывая ногайками, безостановочно гнали по сухой, черной, выжженной солнцемъ степи, убивая на мѣстѣ слабыхъ и питая сырою и дохлою кониною живыхъ. Такъ догоняли жестокіе изувѣры несчастныхъ до турецкаго города Кизыкерменя, стоявшаго у праваго берега Днѣпра [1]) и отсюда на нѣсколькихъ дубахъ, т. е. большихъ высокихъ лодкахъ, переправляли ихъ съ праваго берега на лѣвый въ татарскія владѣнія. Здѣсь гнали уже не спѣша и не спѣша добирались до рѣки Конскихъ-Водъ, къ урочищу Кара-Мечеть. У Кара-Мечети татары пускали своихъ лошадей въ степь на вольный попасъ, а сами приступали къ дѣлежу «ясыря». Но прежде чѣмъ начать дѣлежъ, они прикладывали каждому невольнику раскаленное огнемъ тавро на тѣхъ-же мѣстахъ, на которыхъ прикладываютъ его и лошадямъ, и только послѣ этого дѣлили между собой свою добычу. Получивъ въ неотъемлемую собственность невольника или невольницу, каждый татаринъ могъ обращаться съ ними, какъ съ собственною вещью; въ этомъ случаѣ особенно печальна была участь женщинъ: сластолюбивые мусульмане, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, дѣвицъ насиловали при родителяхъ, а женъ при мужьяхъ [2]). Тутъ не одна женщина оплакивала свой позоръ и не одна дѣвушка теряла свое дѣвичье «вѣно»

«Пидъ яворомъ зелененькимъ
Съ татарыномъ молоденькимъ».

«И безчеловѣчное сердце, говоритъ очевидецъ, тронется при прощаніи мужа съ женой, матери съ дочерью, навсегда разлучае-

---

[1]) Теперь городъ Бериславль херсонскаго уѣзда.

[2]) Marcina Bielskiego Kronica. Sanok, 1866, I, 533.

мыхъ тяжкою неволею: а звѣрскіе мусульмане безчестятъ женъ и дѣтей въ глазахъ мужей и отцовъ: обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей: однимъ словомъ, совершаютъ тысячи неистовствъ» [1]).

У Конскихъ-Водъ татары раздѣлялись на двѣ главныя массы: ногайцы шли на Кинбурнъ, крымчаки на Перекопъ. Дойдя до своихъ мѣстъ, татары открывали торгъ невольниками, продавая ихъ отъ самой высокой до самой низкой цѣны, смотря по товару: иногда брали цѣлую кучу золота за одну невольницу, иногда красную феску или пару пистолетовъ за цѣлый десятокъ невольниковъ. Когда невольниковъ выводили на площадь для продажи, то ихъ ставили гуськомъ, одного за другимъ, точно «журавлей въ полетѣ», въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и такими партіями продавали съ публичнаго торга: при этомъ продавецъ очень громко выкрикивалъ, что выставленные рабы — самые новые, простые, нехитрые королевскаго (т. е. польскаго, литовскаго и украинскаго) народа, а не московскаго, считавшагося въ Крыму хитрымъ, коварнымъ, способнымъ къ побѣгамъ и потому сравнительно дешевымъ. При покупкѣ выведенные невольники тщательно осматривались покупщиками, начиная съ внѣшняго вида и кончая сокровенными частями тѣла: требовалось, чтобы у раба или рабы зубы не были рѣдки и черны, чтобы на тѣлѣ не было рубцовъ, бородавокъ, шишекъ и другихъ недостатковъ. Однако, ловкіе продавцы иногда надували самыхъ строгихъ оцѣнщиковъ живаго товара: лучшій товаръ, дѣвушекъ и мальчиковъ, они выводили послѣ тщательнаго ухода за ними, предварительно откормивъ ихъ, набѣливъ, нарумянивъ и одѣвъ въ дорогой шелкъ. Особенно высоко цѣнились у татаръ красивѣйшія дѣвушки: «онѣ покупались иногда на вѣсъ золота и тутъ-же на мѣстѣ съ барышомъ перепродавались». Главнымъ мѣстомъ торговли невольниками былъ крымскій городъ Кафа, теперешняя Ѳеодосія, съ 1475 года непосредственно принадлежавшій Турціи, имѣвшій въ себѣ артиллерію и сильный гарнизонъ изъ янычаръ, кавалеристовъ и «двухъ видовъ» милиціи. Но кромѣ Кафы невольники продавались въ городахъ — Карасубазарѣ, Тузлери, Бакчисараѣ и Гёзлевѣ, передѣланномъ порусски въ Козловъ и называвшемся погречески Евпаторіей. Здѣсь всегда жили

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 52.

турки, арабы, жиды, греки, армяне, покупавшіе невольниковъ и платившіе дань за право торговли крымскому хану и турецкому пашѣ, жившему въ Кафѣ [1]). Въ Кафѣ можно было всегда встрѣтить массу, иногда до 30.000 человѣкъ, христіанскихъ невольниковъ, то вновь приводимыхъ на рынокъ, то отправляемыхъ въ далекія страны на корабляхъ. «Этотъ городъ, ненасытная и беззаконная пучина, кровь нашу пьющая, лежитъ въ удобномъ для морской торговли мѣстѣ». Проданные невольники развозились по отдаленнымъ царствамъ и народамъ «чернаго племени»—сарацынамъ, персіянамъ, индійцамъ, арабамъ, сирійцамъ, ассиріянамъ, въ Грецію, Египетъ, Палестину, Сирію, Анатолію и по всему турецкому царству. Много и тутъ несчастнымъ приходилось испытывать мученій: съ однимъ судномъ ихъ поднимали такое множество, что отъ тѣсноты они не могли ни двигаться, ни прилечь на полъ: стоя принимали пищу и стоя спали; отъ такой тѣсноты и изнурительной поѣздки невольники цѣлыми массами болѣли и цѣлыми массами умирали: послѣднихъ, безъ лишнихъ церемоній, немедленно сбрасывали въ глубокія волны моря. Такъ везли ихъ недѣлями, даже мѣсяцами, смотря по погодѣ и по разстоянію мѣста, куда они были проданы.

Положеніе христіанскихъ невольниковъ, смотря по ихъ роду и возрасту, было различно. Мальчиковъ, захваченныхъ въ неволю, прежде всего «турчили и басурманили», т. е. обрѣзывали и обращали въ магометанскую вѣру, а потомъ отдавали въ гвардію турецкаго султана, такъ называемый корпусъ янычаръ, и именовали ихъ «дѣтьми султана», а по достиженіи зрѣлаго возраста иногда дѣлали полководцами, иногда придворными чиновниками. Стариковъ и немощныхъ, негодныхъ къ продажѣ и работѣ, татары отдавали своимъ сыновьямъ, которые на нихъ, какъ на зайцахъ молодыя собаки, учились стрѣлять, убивая несчастныхъ камнями, вырывая имъ икры, подрѣзывая подколѣнки или заживо бросая въ море [3]). Женщинъ, особенно благороднаго происхожденія и, главное, красивыхъ, умѣвшихъ пѣть и играть, оставляли въ гаремахъ, призывали къ участію въ пирахъ и веселіяхъ. Самыя красивѣйшія изъ нихъ попадали даже въ султанскіе серали. Та-

---

[1]) Записки одес. общества ист. и древ. XI, 475, пр. 3, 7; 482, 485.

[2]) Михалонъ Литвинъ: 1854, II, 2; Юрій Крижаничъ. О промыслѣ, 9.

[3]) Герберштейнъ. Записки о Московіи, С.-Петербургъ, 1866, 144.

ковы, напримѣръ, жена Сулеймана I, плѣнная русинка, поповна изъ галицкаго Рогатина, Росса или Роксолана, по-турецки Хурремъ, т. е. радостная († 1558): жена Османа II Миликія, русская плѣнница простаго рода; также русская султанша, мать Османа III, извѣстная своею набожностію, «одна изъ святѣйшихъ женщинъ, чистая какъ Марія, мудрая какъ сабейская царица, умѣренная, какъ Азіа, сестра Моусея, и благочестивая какъ Раабія Адуйе», умершая въ 1766 году, 80 лѣтъ отъ роду [1]). Взрослые невольники сперва дѣлались кастратами, т. е. скопцами, клеймились на лбу и на щекахъ, потомъ сковывались желѣзными цѣпями и отдавались на общественныя работы турецкой столицы и другихъ городовъ. Днемъ они безпрестанно изнывали отъ тяжкихъ работъ подъ страшно палящими лучами знойнаго восточнаго солнца, ночью томились въ подземныхъ темницахъ, а жизнь свою поддерживали гнилымъ, покрытымъ червями, отвратительнымъ даже для собакъ, мясомъ дохлыхъ животныхъ [2]). Особенно печально было положеніе тѣхъ невольниковъ, которые попадали въ Фецъ и Марокко. «Самыя тяжелыя работы, возлагаемыя въ Европѣ на злодѣевъ, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя терпятъ много честныхъ людей въ этомъ новомъ Египтѣ. Плѣнные, запираемые каждый вечеръ, раннимъ утромъ выводились на работу жестокими надсмотрщиками, которые осыпали ихъ ударами и проклятіями. Одни работали преимущественно надъ постройками, которыя воздвигалъ императоръ... Другіе работали въ конюшняхъ, мололи руками на мельницахъ. Варвары надсмотрщики наказывали немедленно всякій малѣйшій промахъ, малѣйшую невнимательность. Они часто на столько безчеловѣчны, что отказывали несчастнымъ плѣннымъ во времени съѣсть кусокъ хлѣба. Уже утомленныхъ днемъ, они часто тащили ихъ ночью на новую работу, съ оскорбительными криками... Что окончательно возмущаетъ природу, такъ это то, что часто людей прятали на ночь въ подземныя круглыя тюрьмы, около пяти локтей въ діаметрѣ и три локтя глубины. Туда спускали ихъ по веревочной лѣстницѣ, которую принимали потомъ и накладывали на отверстіе желѣзную ляду. Пища ихъ неутѣшительнѣе. Имъ не давали ничего на пропорцію, кромѣ фунта чернаго печенья изъ ячменной муки и немного оливы. Го-

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I.

[2]) Михалонъ Литвинъ: Архивъ Калачова, Москва, 1854, II, 2—3.

лодъ заставлялъ многихъ изъ нихъ рисковать скакать съ очень высокихъ стѣнъ, единственно за тѣмъ, чтобы собрать дикихъ луковицъ на мавританскомъ кладбищѣ. Платьемъ служила для рабовъ обыкновенно рубаха изъ грубой шерсти съ капюшономъ: вмѣстѣ съ тѣмъ она-же служила имъ головнымъ покровомъ, сорочкой и штанами. Башмаковъ давали по четыре пары на 18 мѣсяцевъ, хотя известка и тяжелая ежедневная работа портила ихъ въ гораздо болѣе короткое время. Были примѣры, что императоры убивали многія сотни плѣнныхъ христіанъ, и дѣлали это или для забавы, или потому, что находили ихъ недостаточно исполнительными» [1]).

Но самое ужасное положеніе было тѣхъ взрослыхъ мужчинъ-невольниковъ, которые попадали на турецкія суда кадриги или галеры. называвшіяся у запорожскихъ козаковъ каторгами. Здѣсь ихъ было не меньше, какъ и на общественныхъ работахъ въ городахъ: «На всѣхъ военныхъ судахъ турокъ, пишетъ православный сербъ Юрій Крижаничъ, не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія». Галерою называлось большое морское судно на три паруса, два тента, три большихъ и четыре малыхъ пушекъ. для 450 человѣкъ средняго числа людей экипажа, съ 25 или 30 скамьями для гребцовъ. «Это было первобытное латинское судно вродѣ того, какое можно видѣть на колоннѣ Траяна: вѣка внесли въ него мало усовершенствованій. Вообразите себѣ плоское, длинное, очень узкое, очень низкое двухмачтовое судно, длиною почти 50 метровъ, шириною 10 метровъ, идущее въ одно время и на веслахъ, и на парусахъ. Гребцы, въ числѣ около 300 сидѣли прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ и заграждавшихъ палубу на половину съ лѣвой, на половину съ правой стороны. Пять или шесть гребцовъ на каждой скамьѣ приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчащую сверхъ палубы. Лѣвыя скамьи отдѣлялись отъ правыхъ проходомъ,—узкимъ помостомъ, служащимъ для перехода съ задней части въ переднюю. Въ этомъ проходѣ, болѣе возвышенномъ, нежели скамьи, прогуливался галерный приставъ («баша̀ турецькій, басурманскій, недо̀вирокъ хрестіянськії»). съ кнутомъ въ рукѣ (въ думахъ «съ червоною таволгою»), управляя

---

[1]) Histoire des Etats Barbaresques, traduite de l'anglois. Paris, 1757, II, 277—281.

невольниками, прикованными подъ его ногами. Волны постоянно хлестали галерныхъ невольниковъ, прикованныхъ къ очень низкой палубѣ и обнаженныхъ во всякую погоду до пояса. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не останавливая хода своей галеры. Они не знали никакого отдыха, даже въ праздники, не имѣя никогда права протянуться, перемѣнить мѣсто, уйти на минуту отъ этой холодной скамьи. Единственно возможный отдыхъ былъ для нихъ тогда, когда корабль входилъ въ гавань для поправокъ или для того, чтобы запастись съѣстными припасами. Тогда позволялось нѣсколькимъ каторжникамъ, не всѣмъ безъ различія, но привилегированнымъ, дворянамъ, потому что въ числѣ галерныхъ невольниковъ были и дворяне,—работать въ гавани надъ земляными и очистительными работами» [1]).

Поразительно трогательно описано бѣдствіе христіанскихъ невольниковъ, попавшихъ на турецкія галеры, въ народной козацкой думѣ «Плачъ невольниковъ на турецкой каторгѣ».

«Шо на Чо̀рному мо̀рю,
Потрѐби ца̀рській,
Грома̀ди коза̀цькій,
Тамъ мно̀го війська пона̀жено,
У тры ряды̀ би̂дныхъ, бища̀сныхъ нево̀льныкивъ поса̀жено,
По-два та по-три до ку̀пы поско̀вано,
По-дво̀е кайда̀нивъ на но̀гы покла̀дено,
Сыро̀ю сыры̀цею наза̀дъ ру̀кы повья̀зано.
Тоди̂ би̂дни, бища̀сни нево̀льныки на коли̂на упада̀ли,
Въ го̀ру ру̀кы пидійма̀лы, кайда̀нами брязча̀ли,
Го̀спода мылосѐрдного проха̀ли та блага̀ли:
«Го̀споди мылосѐрдный! создай зъ нѐба я̀сне со̀нце-ма̀те,
Неха̀й бу̀дуть кайда̀ны коло̀ нигъ опада̀ти,
Сырая̀ сырыця коло̀ рукъ ослаба̀ти,
Хай мы бу̀демъ, би̂дни, бища̀сни нево̀льныкы,
У чужій земли̂ хочъ ма̀ле число̀ полѐгкости соби ма̀ти».
Те̂е воны̀ промовля̀ли.
Ажъ ось баша̀ турѐцькій бусурма̀нській,
Недо̀виркъ хрестія̀нській,
По ры̀нку винъ похожа̀е,
Винъ самъ до̀бре те̂е зачува̀е,
На слу̀гы свой, на ту̀ркы-яныча̀ры, зо̀ зла гука̀е:
Кажу̀ я вамъ, ту̀ркы яныча̀ры, до̀бре̂ вы дба̀йте:
Изъ ря̀ду до ря̀ду захожа̀йте,

[1]) Loiseleur. Les crimes et les peines dans l'antiquite et dans les temps modernes, Paris, 1863, 257.

По тры пучкы терныны та червòно и тàволгы набирàйте,
Бидного невòльныка по-трычи въ однимъ мисци затынàйте»
Тоди туркы-янычàры изъ рàду до рàду захожàли,
По тры пучки терныны и червòнои тàволгы у рỳкы брàли,
По-трычи въ однимъ мисци бидного невòльныка затынàли,
Тило козàцьке молодèцьке кол̀о жòвтои костыи обрывàли,
Кровь хрестіàньску неповынно пролывàли».

Еще трогательнѣе изображаетъ положеніе христіанскихъ невольниковъ въ землѣ турецкой извѣстный ученый XVII вѣка, архимандритъ Іоанникій Галятовскій. Эта неволя, говоритъ онъ, и египетскую неволю, и египетскія работы, и вавилонско-ассирійское плѣненіе и римское отъ готъ низложеніе превосходитъ. Еслибы эти люди, которые тамъ терпятъ, предвидѣли свои бѣды, то они тысячекратно пожелали-бы умереть, нежели сносить ихъ. По истинѣ это подобно тому, когда человѣкъ находится при смерти и жизнь его уже прекращена смертію, но онъ все еще находится многое время въ томленіи: онъ еле живъ, но уже издыхаетъ,—въ такомъ положеніи и христіанинъ, находящійся у турокъ. Турки вымучиваютъ превеликую дань у невольниковъ, и если христіане не имѣютъ чѣмъ заплатить, потому что дань всегда бываетъ велика, иногда навѣсятъ на чрево ихъ оковы и въ такомъ видѣ, связанные по рукамъ и по ногамъ, они ходятъ отъ дверей къ дверямъ, призываютъ проклятаго Магомета и обращаются вездѣ съ просьбами; если-же ничего и ни откуда не достанутъ, тогда такихъ бьютъ по подошвамъ великими «костурами» (дубинами) и даже до смерти убиваютъ, а дѣтей ихъ за оброкъ берутъ и въ тяжкую неволю продаютъ. Если турки злословятъ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, то христіане принуждены всегда молчать; а когда христіанинъ вздумаетъ хоть одно слово изректи на славу Спасителя нашего, такого, противъ его воли, насильно обрѣзываютъ; а если невольникъ осмѣлится сказать что-либо противное о Магометѣ, то таковаго немедленно сожигаютъ. Нѣкоторые изъ турокъ, такъ-называемые мончаны, т. е. перекупщики или барышники, послѣ войны мусульманъ съ христіанами, покупаютъ себѣ плѣнныхъ христіанъ, набираютъ на одну цѣпь по 50 или 60 человѣкъ и въ такомъ видѣ гонятъ ихъ впереди себя, какъ скотъ, до своихъ предѣловъ. Затѣмъ этихъ несчастныхъ, по разсмотрѣнію и по своей волѣ, принуждаютъ къ тому, на что кто способенъ; если-же какіе-либо изъ нихъ окажутся почему-либо имъ непріятны, то такихъ впрягаютъ въ ярма по два человѣка и

орютъ ими землю. Женитьбы плѣнникамъ не запрещаютъ, но когда родители состарѣются, то, оставивъ ихъ дѣтей, самихъ родителей выгоняютъ изъ домовъ и продаютъ въ вѣчную неволю; оттого знающіе это вовсе избѣгаютъ женитьбы. Но еще горче положеніе плѣнныхъ ученыхъ и людей духовнаго званія и вообще тѣхъ людей, которые не привыкли къ тяжелой ручной работѣ; такихъ особенно мучатъ, бранятъ и изнуряютъ, а поганскіе юноши влачатъ ихъ по землѣ, по грязи, зимой-же по песку, камнями и кольями погоняютъ и многимъ раны наносятъ. Особенно жалостно бываетъ, когда плѣнникъ подвергается болѣзни: тогда, пока онъ живъ, его не оставляютъ въ пути и въ самой тяжкой болѣзни несчастнаго подгоняютъ нагайкою и заставляютъ продолжать путь; если-же онъ не будетъ въ состояніи вовсе идти, то его привязываютъ за руки и за ноги вдоль лошади лицомъ внизъ и въ такомъ видѣ везутъ; если-же онъ умираетъ, то его бросаютъ въ ровъ или долину на снѣденіе орламъ и воронамъ. Находятся многіе изъ нашихъ, которые тайнымъ бѣгствомъ уходятъ изъ неволи: удобнѣе всего бѣжать тѣмъ, которые живутъ въ Европѣ (т. е. въ Европейской Турціи), потому что имъ ненужно переправляться черезъ рѣки, на которыхъ переправа можетъ быть опаснѣе, нежели на узкомъ Геллеспонтѣ. Обыкновенно невольники уходятъ лѣтомъ во время жатвы, когда можно спрятаться въ хлѣбѣ и прокормиться; они идутъ даже ночью, потому что предпочитаютъ лучше быть съѣденными отъ лѣсныхъ звѣрей, нежели возвращаться къ своимъ господамъ. Тѣ-же, которые рѣшаются бѣжать изъ Малой Азіи, идутъ по узкому Геллеспонту между Сосѳенъ и Авиндона, которые теперь называются Богозассоровы, т. е. городки тѣсныхъ месетовъ; они берутъ съ собой топоры и веревки, потому что сѣкутъ деревья и вяжутъ плоты, но не имѣютъ никакой пищи, кромѣ соли, которою притрушиваютъ нѣкоторыя зелья; ѣдятъ и коронки, т. е. чилй (рыба чилики?); питаясь этимъ и взирая на солнце небесное, они пускаются въ море, добираются до полуночныхъ областей и, если погода имъ благопріятствуетъ, то въ 4 дня переходятъ море; если-же поднимется противный вѣтеръ, то они или погибаютъ, или приносятся вновь къ азіатскимъ берегамъ; оттого больше пропадаютъ въ пути, нежели возвращаются въ отечество. Въ такихъ бѣдахъ одни изъ нихъ утопаютъ, другихъ звѣри разрываютъ и пожираютъ, третьихъ пастухи поганскіе побиваютъ, а четвертые, послѣ долгаго блуканія, отъ го-

лода умираютъ. Бѣглецамъ особенно благопріятствуютъ греки и армяне: они помогаютъ имъ въ бѣгствѣ, одѣваютъ въ свое платье и съ венеціанскихъ кораблей отправляютъ, и хотя сами за то лютыя казни терпятъ и имѣніи лишаются, однако оказываютъ милосердіе бѣглецамъ и сочувствуютъ имъ, за что сподобляются отъ христіанъ благодѣяній и любви, когда послѣдніе приходятъ въ Римъ или Кампостелію до апостольскихъ гробовъ. Турки для возвращенія несчастныхъ бѣглецовъ прибѣгаютъ къ волшебнымъ пріемамъ и чарованіямъ и тѣмъ назадъ ихъ возвращаютъ; дѣлаютъ-же это такимъ образомъ: пишутъ на хартіи, на терминкѣ, имя бѣглеца и вѣшаютъ это надъ мѣстомъ пребыванія бѣглеца: потомъ волшебными словами и заклинаніями наводятъ на бѣглеца такой страхъ, такія страшныя мысли и ужасные фантастическіе призраки, какъ, напримѣръ, лютыхъ львовъ и другихъ звѣрей страшныхъ змѣй, несущихся на нихъ, или пѣнящееся противъ нихъ страшными волнами море, великую рѣку или озеро, или непросвѣтную на многіе дни тьму,—и такими страхами принуждаютъ ихъ возвратиться назадъ [1]).

---

[1]) Рукопись «Лебедь» 1679 года въ Императорской публич. библіотекѣ; отдѣленіе Толстовскихъ рукописей, II, 26; стр. 157—163. Выдержка сдѣлана вольно.

Христіанскіе сосѣди запорожскихъ козаковъ.

Послѣ татаръ и турокъ чаще всего приходилось запорожцамъ сталкиваться съ поляками; поляки сосѣдили съ запорожскими козаками съ западной стороны и съ этой-же стороны чаще всего дѣлали свои нападенія на «дикія поля»; отсюда-же и запорожскіе козаки устремлялись «въ Польщу шарпати ляха». Причины вражды запорожскихъ козаковъ къ полякамъ шли съ давнихъ поръ и коренились въ самой исторіи Рѣчи-Посполитой: событія второй половины XVI и начала XVII столѣтія литовско-польскаго государства ясно раскрываютъ намъ эти причины ненависти запорожцевъ къ полякамъ, а потому на нихъ слѣдуетъ и остановиться. Пятаго іюня, 1569 года, стараніемъ и волею польскаго короля Сигизмунда-Августа, состоялась такъ-называемая политическая унія Литвы съ Польшею. По этой уніи вся южная Русь, т. е. Украйна (нынѣшнія кіевская и полтавская губерніи), Волынь и Подолія отдѣлены были отъ Литвы и присоединены непосредственно къ Польшѣ. Украйна или древняя кіево-переяславская Русь приняла это соединеніе съ Польшею въ одну Рѣчь-Посполитую, на правахъ людей равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными: «Iako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi», какъ сказано было въ актѣ «pacta convencta». Для управленія вновь составившимся государствомъ учреждены были три равноправныхъ гетмана: польскій, литовскій и русскій: они имѣли права королевскихъ намѣстниковъ и верховныхъ военачальниковъ; на содержаніе свое первые два гетмана получали деревни, а послѣдній — украинскій городъ Черкасы. Но это равенство, соблюдавшееся польскимъ правительствомъ до нѣкоторой степени въ отношеніи русскаго сословія дворянъ, для людей недворянскаго происхожденія оказалось только на бумагѣ: все простое народонаселеніе Украйны было от-

дано въ безусловную собственность польско-литовскихъ, а отчасти и русскихъ пановъ, князей и бояръ, владѣвшихъ имъ до этого времени только на ограниченныхъ правахъ. Что касается украинскаго козачества, то новое польско-литовское правительство не могло даже и найтись, къ какому сословію его причислить. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ того времени юридически существовало только три сословія: 1) сословіе шляхтичей, 2) сословіе хлоповъ и 3) сословіе мѣщанъ. Первое изъ этихъ сословій, шляхетское, пользовалось безконечными правами, какъ въ отношеніи собственной личности, такъ и въ отношеніи государственнаго своего положенія: второе сословіе, хлопское, находилось въ полной и безпрекословной зависимости отъ перваго и, наконецъ, третье сословіе, мѣщанское, пользовалось очень ограниченными правами: правомъ личной свободы и сословной независимости, но и то лишь въ тѣхъ немногихъ городахъ, которымъ предоставлено было такъ-называемое магдебургское право. Изъ этого очевидно, что козацкое сословіе Украйны съ его независимымъ строемъ и выборнымъ началомъ не соотвѣтствовало ни одной изъ указанныхъ категорій: козаковъ нельзя было причислить ни къ шляхетству, ни къ мѣщанству, ни тѣмъ болѣе къ хлопству. Причисленіе козаковъ къ шляхтѣ невозможно было вслѣдствіе упорнаго противодѣйствія самихъ-же шляхтичей, которые слишкомъ дорожили своими исключительными правами и всегда отрицательно относились ко всѣмъ homines novi, которымъ король намѣревался даровать шляхетскія права. Къ мѣщанству козаковъ невозможно было причислить потому, что само мѣщанское сословіе въ Польшѣ не было туземнымъ учрежденіемъ: оно возникло вслѣдствіе магдебургскаго права и обнимало собой лишь ничтожную долю польскаго народонаселенія: кромѣ того, ни занятія, ни самое мѣстопребываніе мѣщанъ нисколько не соотвѣтствовало занятію и мѣстопребыванію козаковъ. Наконецъ причисленіе козаковъ и къ хлопству также не возможно было: такая мѣра могла-бы возбудить со стороны украинскаго козачества, уже нѣсколько разъ звонившаго своею саблею за личную свою свободу, поголовное возстаніе противъ поляковъ [1]).

Король Сигизмундъ-Августъ, виновникъ политической уніи, подобно и всякому польскому дворянину, смотрѣлъ на козаковъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ, какъ на людей лишнихъ. Правда,

[1]) Антоновичъ. Архивъ юго-западной Руси, I, часть 3, Кіевъ, 1863, XXXII.

Сигизмундъ-Августъ немногимъ изъ украинскихъ козаковъ, тѣмъ, которые составляли незначительныя села въ сѣверной части кіевскаго и волынскаго воеводствъ, даровалъ шляхетскія права. Правда, король не хотѣлъ совершеннаго уничтоженія и всѣхъ тѣхъ козаковъ, которые не получили этихъ правъ шляхты, но все-же онъ крайне не сочувствовалъ всему украинскому козачеству и вовсе не желалъ покровительствовать его дальнѣйшему росту. Правительство Сигизмунда-Августа нуждалось въ козакахъ лишь во время войны, но войну Польша того времени вела на сѣверѣ, куда козаки шли весьма неохотно. Съ турками и ихъ вассалами крымцами Польша въ то время старалась держаться на мирной ногѣ. Козаки, слѣдовательно, оказывались излишними и, даже больше того, вредными для польскаго правительства, такъ какъ они нерѣдко пополнялись людьми, въ высшей степени безпокойными, людьми буйными, не осѣдлыми, отличавшимися безнаказанностью, не платившими долговъ и повинностей, людьми провинившимися предъ закономъ, но которыхъ «не по чемъ было сыскивать». Даже пограничные воеводы, старосты и другіе урядники смотрѣли на нихъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ. У каждаго изъ воеводъ или старостъ [1]) были собственные козаки, составлявшіе низшую степень привиллегированныхъ служебниковъ и всегда готовыхъ на всякаго рода предпріятія. Для той же цѣли, то-есть въ качествѣ польской пограничной стражи, старался употреблять козаковъ и король Сигизмундъ-Августъ; другія же дѣйствія ихъ онъ всячески старался парализовать. Отсюда цѣлый рядъ его грозныхъ универсаловъ противъ козаковъ:« Многократно прежде писали мы тебѣ, говоритъ король уже въ 1540 году справцѣ кіевскаго воеводства, князю Коширскому, обнадеживая тебя нашею милостію и угрожая наказаніемъ и приказывали, чтобы ты бдительно наблюдалъ и не упускалъ тамошнихъ козаковъ нападать на татарскіе улусы: вы же никогда не поступали сообразно нашему господарскому приказанію, не только не удерживали козаковъ, но и ради своей выгоды сами давали имъ позволеніе. Сего ради посылаемъ дворянина нашего Стрета Солтовича; мы велѣли ему всѣхъ кіевскихъ козаковъ переписать въ реестръ и доставить оный намъ. Приказываемъ тебѣ, чтобы ты велѣлъ всѣмъ козакамъ непремѣнно записаться въ реестры и послѣ

[1]) Старостою назывался собственно управитель леннаго владѣнія.

того никакимъ образомъ не выступать изъ нашихъ приказаній, а тѣхъ, кто осмѣлится впредь нападать на татарскіе улусы, хватать и казнить, либо къ намъ присылать» [1]). Въ 1557 году король Сигизмундъ-Августъ похвалилъ князя Димитрія Ивановича Вишневецкаго за его подвиги противъ татаръ, но не согласился исполнить того, что Вишневецкій предлагалъ ему—содержать гарнизонъ въ устроенномъ имъ на островѣ Хортицѣ замкѣ. Напротивъ того, Сигизмундъ-Августъ требовалъ отъ князя, чтобы тотъ старался не допускать своихъ козаковъ къ нападенію на области турецкаго султана, съ которымъ, какъ и съ крымскимъ ханомъ, у поляковъ былъ заключенъ вѣчный миръ [2]). Въ 1568 году Сигизмундъ-Августъ снова громилъ козаковъ: «Маемъ того вѣдомость, писалъ онъ, ижъ вы изъ замковъ и местъ нашихъ Украйныхъ, безъ росказаня и ведомости нашое господарское и старостъ нашихъ Украйныхъ, зъѣхавши, на Низу, на Днепре, въ полю и иныхъ входахъ перемешкиваете... и подъданнымъ цара турецкого, чабаномъ и татарамъ цара Перекопского великіе шкоды и лупезства чините, а тымъ границы панствъ нашихъ отъ непріятеля въ небезпечество приводите... Про то приказываемъ вамъ съ поля, зъ Низу и зо всѣхъ уходовъ до замковъ и местъ нашихъ вышли бы, и где бы ся которые зъ васъ о весь листъ про сказане наше господарское недбаючи, того ся важилъ: того мы старостамъ нашимъ тамошнимъ Украйнимъ науку наши дали, што они со всими вами непослушними росказаня нашего чинити мають; такъ ижъ яко нарушите ли покою посполитого, караня срокгого (строгаго) не дойдете» [3]). Въ 1572 году король Сигизмундъ-Августъ поручилъ коронному гетману, Юрію Язловецкому, выбрать лучшихъ изъ украинскихъ козаковъ на королевскую службу. Выбранные козаки получали изъ королевской казны жалованье; они были изъяты изъ-подъ власти старостъ и подчинены непосредственно коронному гетману; для разбирательства-же споровъ между осѣдлыми жителями и козаками опредѣленъ былъ козацкій старшій, нѣкто Янъ Бадовскій, бѣлоцерковскій шляхтичъ. Старшій имѣлъ право судить и карать подданныхъ, освобождался отъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, кромѣ случаевъ насилія и убійствъ; дома старшаго, его грунты, огороды были изъяты изъ замковаго и мѣщан-

[1]) Акты южной и западной Руси, I, 110.
[2]) Акты южной и западной Руси, II, 148.
[3]) Архивъ юго-западной Россіи, I, ч. 3-я, 4.

скаго присуда: съ старшаго не полагалось подати, еслибы онъ вздумалъ въ своемъ домѣ имѣть для продажи водку, пиво, медъ и проч.: только въ военномъ отношеніи старшій подчинялся коронному гетману [1]). Отрицательное отношеніе короля къ казакамъ не могло не быть извѣстнымъ и польскому обществу. Въ 1575 году татары сдѣлали большой набѣгъ на Польшу, въ отмщеніе ей, какъ говоритъ польскій лѣтописецъ Бѣльскій, за походъ Сверчовскаго въ Молдавію (такъ называемая война Ивони). Татары вторгнулись въ Подолье и проникли до самой Волыни. На пространствѣ сорока миль въ длину и двадцати въ ширину остались цѣлыми одни замки да панскіе дворы, снабженные пушками. Лѣтописецъ Оржельскій насчитываетъ до 35 тысячъ плѣнныхъ людей, до 40 тысячъ захваченныхъ лошадей, до полумилліона рогатаго скота и безъ счету угнанныхъ овецъ. Тогда поляки поспѣшили обвинить въ этомъ набѣгѣ татаръ на Украйну козаковъ. Винили ихъ въ томъ, что они не только накликаютъ на Польшу бѣдствія войнъ, но что они даже умышленно пропускаютъ татаръ черезъ Днѣпръ, чтобы потомъ отбивать у нихъ награбленную добычу. Послѣ этого памятнаго года въ Польшѣ сильно заговорили о козакахъ, и заговорили именно какъ о вредномъ сословіи для цѣлаго государства, подлежащемъ уничтоженію. «Что отецъ съ матерью собрали по грошу, то безразсудный сынокъ пропуститъ чрезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ уже, когда неоткуда взять, боясь околѣть съ голоду, слышишь о немъ, или очутился на Низу и грабитъ турецкихъ чабановъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ у прохожихъ лукошки». Провинившимся предъ закономъ шляхтичамъ, выставлявшимъ свои заслуги въ запорожскомъ войскѣ, съ цѣлью заслужить снисхожденіе предъ судомъ,—польскіе государственные сановники говорили: «Не на Низу ищутъ славной смерти, не тамъ возвращаютъ утраченныя права: каждому разсудительному человѣку понятно, что туда идутъ не изъ любви къ отечеству, а для добычи» [2]).

Такова была политика Сигизмунда-Августа въ отношеніи украинскихъ козаковъ и таковъ взглядъ на козачество того польскаго общества, которое было пропитано идеями короля.

Преемникъ Сигизмунда-Августа [3]), Стефанъ Баторій (1576—

[1]) **Акты южной западной Руси, II, 176.**

[2]) Кулишъ. Польск. колон. юго-зап. Руси: Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 499.

[3]) «По Жигмонтѣ второмъ Августѣ былъ Генрихъ Валенскій, албо Еракузъ, онъ царствовалъ четыре мѣсяца, 1574 года». Лѣтопись Самоила Величка, Кіевъ, 1848, I, 22.

1586) въ отношеніи украинскаго козачества пошелъ по пути своего предшественника. Вся разница политики Баторія отъ политики Сигизмунда-Августа состояла лишь въ большей рѣшительности и обдуманности. Стефанъ Баторій задумалъ слить всю южную Русь въ одинъ политическій составъ съ Польшею. Но тутъ, какъ разъ на порогѣ своихъ плановъ, король встрѣтилъ сильное препятствіе со стороны южно-русскаго козачества: козаки составляли прочный оплотъ русской народности и надежную защиту православія противъ другихъ народностей и другихъ вѣроученій. Обладая политическою самостоятельностію, они самовольно выбирали себѣ старшину, самовольно объявляли войны или заключали миръ, самовольно увеличивали число своихъ собратьевъ и самовольно дѣлали различныя въ войскѣ распоряженія. Такимъ образомъ сила украинскаго козачества была велика. Но эту-то силу Баторій и рѣшился ослабить и даже вовсе довести до ничтожества. «Если козаки нападутъ на татарскіе улусы, писалъ король въ 1578 году, то это навѣрное будетъ безъ нашего вѣдома. Мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ того, желали-бы истребить, но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли ханскій посолъ совѣтовалъ намъ, во-первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинецъ и съѣстные припасы: во-вторыхъ, не дозволять козакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и замкахъ, и въ-третьихъ, присылать старшихъ козаковъ на королевскую службу [1])». Стефанъ Баторій началъ свое дѣло ослабленія или въ дальнѣйшей перспективѣ и совершеннаго уничтоженія украинскихъ козаковъ постепенно и мѣрами, повидимому, не только не благопріятными, а напротивъ того, очень благодѣтельными для самихъ-же козаковъ. Такъ же, какъ и Сигизмундъ-Августъ, Баторій рѣшился одной, самой незначительной, части козаковъ даровать шляхетскія права, а другую, огромное большинство, низвести на степень простаго крѣпостнаго народонаселенія. Шляхетскія права были предоставлены только 6.000 козаковъ, остальная-же масса казачества, доходившая до 35.000, отчислялась въ простые селяне и ремесленники; 6.000 козаковъ внесены были въ королевскій реестръ или списокъ, освобождались отъ всякихъ податей, получали отъ прави-

---

[1]) Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси, Вѣстникъ Европы, 1874, IV, 501.

тельства жалованье, пользовались правами на владѣніе своими прежними землями, свободнаго выбора старшинъ и самосуда, и получали войсковые клейноды—бунчукъ, булаву, войсквую печать и королевское знамя. Всѣ 6.000 реестровыхъ козаковъ управлялись назначеннымъ отъ короля гетманомъ, имѣвшимъ свое мѣстопребываніе въ городѣ Трехтемировѣ, и раздѣлены были на шесть полковъ—черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій, чигиринскій и переяславскій. Каждый полкъ находился подъ начальствомъ сотника и его сотеннаго помощника, асаула [1]).

Раздѣляя козаковъ на реестровыхъ и нереестровыхъ, Стефанъ Баторій имѣлъ въ виду, чтобы со временемъ только внесенные въ реестръ остались козаками, а всѣ нереестровые сдѣлались-бы крѣпостными или поступили подъ управленіе королевскихъ старостъ: даже реестровые, получая отъ правительства жалованье и находясь въ распоряженіи главнокомандующаго польскихъ войскъ, должны были сдѣлаться только наемнымъ войскомъ Рѣчи-Посполитой. Однако, Стефанъ Баторій не нашелъ сочувствія въ своихъ реформахъ: сами польскіе дворяне упорно отказывались принять въ свое сословіе 6.000 новыхъ членовъ, а потому ни къ участію при избраніи королей, ни къ посылкѣ своихъ депутатовъ на сеймъ козаки не были допущены. Послѣ этого реестровые и нереестровые козаки, соединившись съ простымъ классомъ посполитыхъ, стали отстаивать силою свои права. Но не добившись ничего и утерявъ прежнія положенія, данныя Стефаномъ Баторіемъ, недовольные козаки стали собираться цѣлыми кучами и бѣжать на Запорожье. «Напрасно повѣрялось панамъ и ихъ дворцамъ ловить и заковывать гультаевъ, бѣгавшихъ изъ королевскихъ и дѣдичныхъ имѣній и возвращать ихъ на мѣста прежняго жительства, гдѣ ихъ могли тотчасъ-же казнить жестокою смертію. Пока Запорожье со всѣми днѣпровскими островами и приднѣпровскими трущобами не было во власти пановъ, нельзя было задушить козачества. Бѣжавшій народъ находилъ себѣ первое пристанище на Низу въ козачествѣ» [2]).

При всемъ этомъ, пока живъ былъ Стефанъ Баторій, онъ все-же, какъ искусный политикъ, умѣлъ ладить съ козаками. Но вотъ съ 1588 года польскую корону принялъ Сигизмундъ III. Опасаясь

[1]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 21.

[2]) Костомаровъ. Южная Русь и козачество: Отечественныя Записки, 1870, I, II, 59.

турокъ. Сигизмундъ III рѣшилъ всячески парализовать военныя дѣйствія козаковъ противъ мусульманъ. Извѣстны его мѣры на этотъ счетъ. «Козаки должны находиться подъ начальствомъ короннаго гетмана, отъ котораго должны быть поставлены ихъ начальники. Они дадутъ присягу, что безъ воли гетмана не будутъ воевать ни на морѣ, ни на сушѣ, и не примутъ никого въ свое сотоварищество. У гетмана долженъ храниться козачій реестръ: осужденные на казнь не могутъ быть приняты въ козаки; козаки не могутъ никуда отлучаться безъ воли старшины; управители частныхъ имѣній должны удерживать крестьянъ отъ бѣгства на днѣпровскіе острова, наказывать тѣхъ, кто возвращается съ добычею, или кто продаетъ порохъ, селитру, оружіе или даже жизненные припасы козаку» [1]). Но не смотря на всѣ эти и подобныя имъ распоряженія польскаго правительства, козаки не оставляли въ покоѣ турокъ: съ половины XVII столѣтія морскіе набѣги запорожскихъ козаковъ на турецкія владѣнія становились все чаще и чаще и годъ отъ году значительнѣе. Къ тому-же и само польское правительство вдругъ перемѣнило свой тонъ въ отношеніи козаковъ: въ 1620 году, ведя войну съ турками, оно стало нуждаться въ помощи козаковъ; послѣдніе, забывъ недавнія притѣсненія со стороны поляковъ, стали подъ знамена коронного гетмана и рѣшили войну въ пользу Польши. Однако, въ благодарность за это на состоявшемся послѣ войны 1620 года хотинскомъ договорѣ козакамъ было объявлено, чтобы они съ этихъ поръ не смѣли разъѣзжать по Черному морю и нападать на мусульманскія владѣнія. «Польское правительство, видя, что распри съ Турціей, возбуждаемыя козаками, грозятъ наводнить Польшу разрушительными полчищами восточныхъ народовъ, почло необходимымъ прекратить навсегда морскіе козацкіе набѣги» [2]). Но козакамъ безъ войны нельзя было существовать: по выраженію лѣтописца, «козаку воевать, что соловью пѣть». Какъ-же, однако воевать, когда польское правительство рѣшительно воспретило всякую войну козакамъ? Что тогда оставалось дѣлать? Тогда естественно оставалось малороссійскимъ и вмѣстѣ съ ними запорожскимъ козакамъ обратить свое оружіе противъ тѣхъ, которые запрещали

---

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 70.

[2]) Костомаровъ. Борьба украинскихъ козаковъ съ Польшею: Отечественныя Записки, 1856, IX, 197.

имъ войну съ мусульманами. Отсюда и понятна первая причина вражды запорожцевъ къ польскому правительству.

Къ этой главной причинѣ вражды козаковъ къ полякамъ присоединилось множество и другихъ, не менѣе важныхъ причинъ. Безспорно, что въ ряду этихъ другихъ причинъ главнѣйшее мѣсто занимала такъ-называемая религіозная унія, введенная на Украйнѣ въ 1595 году, на брестскомъ сеймѣ. Унія введена была на Украйнѣ стараніемъ и волею польскаго короля Сигизмунда III-го, преемника Стефана Баторія. Шведъ родомъ, католикъ по вѣроисповѣданію, питомецъ заклятаго, фанатическаго врага православія и русской народности, іезуита Скарги, поклонникъ хитраго и властолюбиваго папы Климента VIII, Сигизмундъ съ какою-то лихорадочною поспѣшностью взялся за введеніе на Украйнѣ уніи, втайнѣ предложенной ему римскимъ владыкою. «Унія была изобрѣтеніемъ римскаго папы Климента VIII. Это измѣненіе религіи было предпринято изъ выгодъ чисто частныхъ. Конечно, папамъ пріятно было-бы, властвуя умами и совѣстью всей Европы, владѣть въ то-же время и всѣми богатствами и всѣмъ оружіемъ ея. Но такъ какъ православные слишкомъ твердо держались праотеческой вѣры, то Климентъ VIII изобрѣлъ средство, не уничтожая ни одной изъ вѣръ, соединить обѣ воедино; это соединеніе онъ назвалъ уніей» [1]). «Обида православію была главною, самою чувствительною, горшею обидою для южно-русскаго народа, при которой всѣ остальныя обиды были уже второстепенными и безъ которой всякая изъ остальныхъ бѣдъ, какъ бы она ни велика была, была-бы сносна. То была душа всего; то былъ nervus vitae. Отъ уніи Украйна потерпѣла такое горе, какого не видала московская Русь подъ игомъ татаръ, ибо процвѣтаніе православія еще со времени Владиміра для Украйны было первымъ закономъ и нерушимымъ залогомъ народнаго бытія» [2]). Наибольшимъ зломъ унія именно была потому, что она и подготовлена безъ участія и согласія южно-русскаго народа, и цѣлію своей имѣла—искоренить его праотеческую вѣру, и вводилась на Руси мѣрами безбожными, насильственными, мѣрами гвалтовными. «А що найбольше же и хвала божія въ церквахъ православныхъ отъ тѣхъ непріятелей нашихъ, отщепенцевъ и еретиковъ ляховъ, хоцетъ и усиливается

[1]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, I, 76.

[2]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 273.

перемѣнити и до заблужденія Римскаго на унію обернути и гвалтовне (т. е. насильственно) преклонити» [1]), пишетъ гетманъ Острянйця въ 1638 году возставшему противъ поляковъ южно-русскому народу. «Особливо Унія, за милостивымъ вашего найяснѣйшаго королевскаго величества позволенемъ—пишетъ гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный королю Сигизмунду III-му—теперь зъ Руси чрезъ святѣйшаго Өеофана патріарху іерусалимскому знесенная, абы впредь въ той же Руси никогда не отновлялась и своихъ роговъ не возносила» [2]).

Орудіемъ этой «богопротивной» уніи были никто иные, какъ отцы іезуиты, «Patres Societatis Jesu». Они помышляли не о польской коронѣ, не о величіи Рѣчи-Посполитой, а единственно о власти римскаго первосвященника и о своей католической вѣрѣ, пришедшей въ большой упадокъ, вслѣдствіе распространившейся въ западной Европѣ реформаціи. «Іезуиты сплели сѣть, сѣть тонкую какъ паутина и твердую какъ сталь и этою сѣтью опутали малодушнаго короля Сигизмунда III-го. Сама Польша уже далеко раньше этого времени окатоличилась: она была «первая западница» изъ всѣхъ славянскихъ земель. Правда, православное христіанство и славянское богослуженіе проникло въ Польшу (изъ Чехіи) уже въ IX и X вѣкахъ, но вслѣдъ затѣмъ и скорѣе, чѣмъ въ другихъ славянскихъ земляхъ, оно было подавлено здѣсь католичествомъ. Такъ, уже Болеславъ, сынъ Мечислава, завелъ связь съ папою и нѣмецкими государями и, съ благословенія папы, основалъ епископство въ Познанѣ и архіепископство въ Гнѣзнѣ. Правда, что для реформаторства Польша оставляла и это послѣднее вѣроученіе, вѣроученіе католическое, но все же, съ водвореніемъ въ ней іезуитовъ въ XVI и XVII вѣкахъ, она снова соблазнилась католичествомъ, заразившись «іезуитскимъ вѣрогоненіемъ» и мрачнымъ фанатизмомъ. Съ этого времени Польша сдѣлалась уже самою ревностною католическою страною, разсадникомъ и центромъ латинской пропаганды въ другихъ восточныхъ странахъ.

Отцы общества Іисуса открыли дѣло своей уніи слишкомъ хитро и осторожно. Было время, когда западная Русь, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, по примѣру Рѣчи-Посполитой, увлекалась идеями реформаторства и когда нѣкоторые изъ южно-русскихъ

---

[1]) **Максимовичъ.** Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I. 267.

[2]) **Максимовичъ.** Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 267.

князей и бояръ даже открыто принимали реформаторское ученіе. Этимъ-то путемъ и пошли іезуиты. Своимъ «хитролестнымъ» ученіемъ эти западные мудрецы въ короткое время достигли необыкновенныхъ результатовъ: вскорѣ за введеніемъ уніи въ южной Руси послѣдовало быстрое отступленіе высшаго южно-русскаго класса отъ своей религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своей народности. Русскіе паны и для русскаго же народа сдѣлались вполнѣ чужими и власть ихъ получила видъ какъ бы иноземнаго и иновѣрнаго порабощенія въ странѣ. Тогда унія сдѣлала то, что уже въ 1597 году все православное русское дворянство было названо хлопами, что оно было отлучено отъ выборовъ, лишено права на воинскія и судебныя должности, права на владѣнія староствъ, селъ, мѣстечекъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній: что на мѣсто всѣхъ должностныхъ лицъ изъ русскихъ помѣщены были поляки, что вездѣ по Малороссіи разставлены были польскія войска, «позволявшія себѣ открытые грабежи и насилія, ходившія съ обнаженными саблями, принуждавшія въ храмѣ народъ преклонять колѣно и ударять себя въ грудь по обычаю римскому и по обычаю-же римскому читать символъ вѣры о св. Духѣ» [1]). Унія сдѣлала то, что нѣсколько человѣкъ не могли собраться для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ, ибо ихъ тотчасъ-же объявляли бунтовщиками, немедленно разгоняли или ловили и пытали. «Отягощенія и насилія, писала литовская конфедерація въ 1599 году, умножаются болѣе и болѣе, особенно со стороны духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ римскаго исповѣданія. Часто бываетъ, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ, какого бы званія ни былъ, не бываетъ въ безопасности...» [2]). И чего та унія не сдѣлала на Украйнѣ? Православныя церкви отданы были на откупъ жидамъ [3]), т. е. или обращены въ питейные дома, шинки и гостинницы [4]), или отданы на построеніе мечетей: церковныя имѣнія были отняты и подверглись той-же участи: православные священники, иноки и даже игумены были варварски замучены, лишены своихъ парафій и удалены [5]). «Въ Туровѣ насиліемъ отобрали храмы съ утварью и выгнали благочестиваго

---

[1]) Филаретъ. Исторія русской церкви, Харьковъ, 1853, IV, 105.

[2]) Филаретъ. Исторія русской церкви, Харьковъ, 1853, IV, 103.

[3]) Памятники кіевской коммиссіи, Кіевъ, I, отд. 2, 98—99.

[4]) Напр. въ Луцкѣ, Вильнѣ, Минскѣ. Филаретъ. Исторія, IV, 109.

[5]) Памятники кіевской коммиссіи, Кіевъ, I, отд. 1, 204—223.

епископа, въ Оршѣ, Могилевѣ, Мставлѣ и другихъ городахъ, даже въ шалашахъ запрещено было молиться»[1]). «Въ Луцкѣ въ 1634 году, ученики іезуитскаго коллегіума и польскіе ремесленники, ободряемые ксендзами, бросились въ монастырь крестовоздвиженскаго братства, прибили и изувѣчили палками и кирпичами монаховъ, учителей, учениковъ, нищихъ, жившихъ въ богадѣльнѣ, ограбили казну братства, потомъ, съ благословенія іезуитовъ, разбивали дома, били, увѣчили хозяевъ и нѣсколькихъ человѣкъ убили до смерти[2]). «Въ Кіевѣ насильно обратили большую часть церквей въ уніатскія, и въ томъ числѣ св. Софію и Выдубицкій монастырь. Михайловскій монастырь долго оставался въ запустѣніи»[3]). «Повсюду святыня была поругана, иконы разбросаны, дорогія ризы и стихари шли на юбки жидовкамъ, церковная утварь—потиры, дискосы и прочее частію расхищены, частію пропиты въ шинкахъ. Наши церкви, говорятъ современники, монастыри, соборы большею частію уже захвачены, разорены и опустошены, притомъ съ грабежомъ и мучительствомъ, съ убійствами и кровопролитіями, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и умершими. Духовныя лица наши за твердость въ православіи терпятъ разныя преслѣдованія, на нихъ нападаютъ въ собственныхъ домахъ, грабятъ, позорятъ, ссылаютъ, лишаютъ собственности»[4]). Православныхъ не допускали въ городъ, запрещали торговать, записываться въ цехи, хоронить по своему обряду умершихъ: священникъ не смѣлъ идти съ дарами къ больному[5]). Католическіе патеры страшно глумились надъ православіемъ: они или разъѣзжали по городу въ шарабанахъ, впрягая въ нихъ вмѣсто лошадей, до 20 и болѣе православныхъ людей и склоняя народъ къ уніи, или чрезъ посредство мѣстной власти вытребовывали себѣ въ услуженіе малороссійскихъ дѣвушекъ и растлѣвали ихъ. Вездѣ и надъ всѣмъ тяготѣла жидовская кащеевская рука: жидъ требовалъ плату и за дозволеніе совершенія православнаго богослуженія въ церкви, взимая до 5 талеровъ, жидъ бралъ и за дозволеніе обряда крещенія надъ новорожденнымъ ребенкомъ православнаго вѣроисповѣданія, требуя отъ 1 до 5 злотыхъ (пошлина называлась дудка): жиду

---

[1]) Филаретъ. Исторія русской церкви, Харьковъ, IV, 109.

[2]) Костомаровъ. Южная Русь и козачество. От. Зап., 1870, I и II, 57.

[3]) Костомаровъ. Южная Русь и козачество. От. Зап., 1870, I и II, 57.

[4]) Филаретъ. Исторія русской церкви, Харьковъ, IV, 103.

[5]) Костомаровъ. Южная Русь и козачество. От. Зап., 1870, I и II, 57.

платилось и въ томъ случаѣ, если крестьянинъ женилъ сына или отдавалъ дочь (пошлина поемщизна); жида нельзя было обойти и тогда, когда кто умиралъ изъ русскихъ православныхъ крестьянъ, ибо церковные ключи и веревки отъ колоколовъ находились у этой же хищной гарпіи. Вообще для совершенія всякой требы по обряду православія нужно было сперва идти въ жидовскую корчму, торговаться тамъ съ жидомъ и при этомъ выслушивать самыя возмутительныя ругательства надъ православіемъ... Всюду производились пытки и истязанія: православныхъ жгли огнемъ, рвали у нихъ волосы, заключали въ оковы, томили голодомъ, въ глазахъ родителей сожигали дѣтей на угольяхъ или варили въ котлахъ, а потомъ предавали матерей мучительнѣйшей смерти: православныхъ топили, вѣшали, лишали гражданской чести (такъ называемая инфамія), обливали въ трескучіе морозы холодною водою, запрягали въ плугъ и заставляли орать ледъ на рѣкахъ, приказывая жидамъ погонять запряженныхъ: повсюду виднѣлись висѣлицы и колья съ жертвами; повсюду слышались вопли бичуемыхъ до крови и старыхъ и малыхъ—и все это единственно за то, что они были православными [1]). Тогда-то застонала великимъ стономъ злосчастная Украйна!

Это была вторая причина ненависти козаковъ къ полякамъ. Но была и третья причина вражды,—притѣсненія со стороны королевскихъ старостъ и чиновниковъ. «Владѣлецъ или королевскій староста, говоритъ самъ іезуитъ Петръ Скарга, не только отнимаетъ у бѣднаго хлопа все, что онъ зарабатываетъ, но и убиваетъ его самого, когда захочетъ, и никто ему на это не скажетъ дурного слова». Въ 1622 году гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный писалъ королю Сигизмунду III. «А любо зъ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украйнѣ властной предковѣчной отчизнѣ нашей, власть свою непослушне распростирающихъ, повѣваютъ на насъ холодныи и непріязненныи вѣтры, хотящіи славу нашу въ персть вселити и насъ въ подданство и ярмо работническое себѣ безбожне наклонити. И не такъ есть намъ жалостно на пановъ прореченныхъ, яко на ихъ старостовъ, нецпотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которые ни Бога боятся, ни премощныхъ вашего найяснѣйшаго величества монаршихъ мандатовъ слухаютъ» [2]).

---

[1]) Костомаровъ. Борьба укр. козаковъ съ Польшею. От. Зап., 1856, IX, 228.

[2]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, I, 262.

Въ 1536 году, послѣ смерти Евстафія Дашковича, черкасовцы и каневцы взбунтовались противъ своего старосты Василія Тишкевича: дѣло шло, какъ можно догадываться, о доходахъ и непомѣрномъ расширеніи старостинской власти. Въ слѣдующемъ году тѣже черкасовцы и каневцы и по той-же причинѣ подняли бунтъ противъ другаго своего старосты, Яна Пенька: «онъ кривды великія и утиски чинитъ и новины вводитъ», писали обиженные королю. Эти утиски состояли въ томъ, что Пенько заставлялъ мѣщанъ работать на себя, возить дрова и сѣно, не позволялъ отправлять въ Кіевъ на продажу медъ, не давалъ ловить рыбу и бобровъ, отнималъ издавна принадлежавшій мѣщанамъ днѣпровскій порогъ Звонецъ, собиралъ съ нихъ двойныя коляды на праздникъ Рождества Христова и отягощалъ ихъ поставкою подводъ [1]. Для разслѣдованія дѣла, по королевскому приказу, выѣзжалъ кіевскій воевода Андрей Немировичъ и нашелъ старосту Пенька невиновнымъ. Но и самъ слѣдователь нечистъ былъ отъ подобныхъ-же обвиненій въ своемъ воеводствѣ: въ такомъ же-духѣ жаловались королю въ 1523 году кіевскіе крестьяне и на Андрея Немировича: «Онъ оказываетъ мѣщанамъ разныя несправедливости, заставляетъ ходить съ собою въ походъ пѣшихъ, отнимаетъ у нихъ лошадей и вооруженіе и раздаетъ своимъ служебникамъ, заставляетъ мѣщанъ стеречь плѣнныхъ татаръ и наказываетъ ихъ въ случаѣ, когда плѣнный убѣжитъ, хотя-бы мѣщанинъ не имѣлъ умысла выпустить его; воевода, сверхъ того, присваиваетъ себѣ мѣщанскія дворища и угодія, посылаетъ мѣщанъ на черныя работы, которыя не слѣдовало возлагать на мѣщанъ» [2].

Такъ поступали вообще всѣ старосты или управители, завѣдывавшіе королевскими имѣніями: они страшно грабили, вымогали и томили подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ, и хотя законъ предоставлялъ этимъ послѣднимъ право жаловаться на своихъ притѣснителей, но никто изъ обиженныхъ не смѣлъ о томъ и заикнуться, по свидѣтельству поляка Старовольскаго; обвиняемый всегда будетъ правъ, а потерпѣвшій обиду будетъ обвиненъ. «Получивъ какой-нибудь городъ во владѣніе отъ короля, староста старался поставить жителей его въ отношеніи себя наравнѣ съ подданными. Онъ заставлялъ ихъ косить сѣно и доставлять въ замокъ дрова: не до-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, II, 352.

[2]) Акты южной и западной Руси, II, 132.

зволялъ имъ возить медъ въ Кіевъ, а скупалъ самъ по установленной однажды навсегда цѣнѣ; безъ дозволенія старосты не могли они ѣздить и ходить въ рыбные и бобровые уходы, не имѣли права продавать рыбу и промышлять какими бы то ни было добычами; половину, а иногда и все имущество безсемейнаго козака послѣ его смерти, или когда его хватали татары, бралъ на себя староста, наконецъ увеличивалъ до произвольной цифры обычную съ мѣщанъ и козаковъ подать, коляду на рождественскихъ святкахъ» [1]).

Въ королевскихъ имѣніяхъ грабили крестьянъ всѣ «господарскіе чиновники: судьи, ассесоры, экзаторы (сборщики податей), войты, бурмистры и др. «Въ судахъ у насъ, говоритъ тотъ-же Старовольскій, завелись неслыханные поборы, подкупы; наши войты, лавники, бурмистры всѣ подкупны, а о доносчикахъ, которые подводятъ невинныхъ людей въ бѣду, и говорить нечего. Поймаютъ богатаго, запутаютъ и засадятъ въ тюрьму, да и тянутъ съ него подарки и взятки».

Кромѣ безграничнаго произвола старостъ или ихъ помощниковъ, дозорцевъ, кромѣ непомѣрнаго хищничества чиновниковъ, въ королевскихъ имѣніяхъ свирѣпствовали еще польскіе жолнѣры или такъ называемыя кварцяныя (наемныя) войска. «Много, продолжаетъ Старовольскій, толкуютъ у насъ о турецкомъ рабствѣ; но это касается только военно-плѣнныхъ, а не тѣхъ, которые, живя подъ турецкою властію, занимаются земледѣліемъ или торговлею. Въ Турціи никакой паша не можетъ послѣднему мужику сдѣлать того, что дѣлается въ нашихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ. У насъ въ томъ только и свобода, что вольно дѣлать всякому, что вздумается, и отъ этого выходитъ, что бѣдный и слабый дѣлается невольникомъ богатаго и сильнаго. Любой азіатскій деспотъ не замучитъ во всю жизнь столько людей, сколько ихъ замучатъ въ одинъ годъ въ свободной Рѣчи Посполитой» [2]). Въ одно селеніе или мѣстечко, въ продолженіи одного года, послѣдовательно одна за другой приходили 30 или 40 хоругвей польскихъ жолнѣровъ; всѣ они грабили жителей, насиловали женщинъ, рубили и кололи мужчинъ и дѣлали тысячу другихъ варварствъ. Обиженные не могли найти себѣ удовлетворенія даже у самаго престола, ибо само правительство Польши, при по-

[1]) Польская колониз. югозап. Руси: Вѣстникъ Европы, 1874, III, 28.
[2]) Костомаровъ. Русская ист. въ жизнеоп., Спб., 1874, V, от. II, 230.

стоянномъ возвышеніи національной аристократіи, было слишкомъ слабо и подчасъ вовсе безсильно: часто кварцяное войско, составивъ такъ называемыя zwięski (связки), съ оружіемъ въ рукахъ, принуждало короля уступать своимъ требованіямъ. Но и помимо этихъ притѣсненій со стороны королевскихъ старостъ, часто и распоряженія самого короля были тягостны для жителей украинскихъ городовъ. Король Сигизмундъ III въ уставной грамотѣ къ кіевскимъ мѣщанамъ писалъ, чтобы они, сверхъ обыкновенныхъ повинностей, имѣли своихъ лошадей, обзавелись оружіемъ и ходили въ погоню за татарами [1]). Это была, очевидно, двойная и потому особенно тягостная повинность для мѣщанъ.

Такъ было въ королевскихъ имѣніяхъ. Еще хуже того было въ имѣніяхъ пановъ. Французскій инженеръ Бопланъ, лично посѣщавшій Польшу и Украйну, замѣчаетъ на этотъ счетъ: «Крестьяне польскіе мучатся какъ въ чистилищѣ, а господа блаженствуютъ какъ въ раю» [2]). По польскому статуту 1557 года помѣщику и его управляющему предоставлено было право казнить своихъ крестьянъ смертію. Въ 1572 году издано было постановленіе, по которому крестьянамъ запрещалось жаловаться на своихъ помѣщиковъ. Это неограниченное право, дарованное панамъ самимъ правительствомъ, вело къ самымъ необузданнымъ и дикимъ произволамъ помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ: каждый панъ для взысканія своихъ безконечныхъ пошлинъ готовъ былъ и душу вымотать у крестьянина. «Польское право предоставляло владѣльцамъ безусловную власть надъ подданными: не только не было никакихъ правилъ, которыя опредѣляли бы отношенія подчиненности крестьянина, но помѣщикъ могъ, по произволу, казнить его смертью, не давая никому отчета» [3]). «Даже всякій шляхтичъ, убившій простолюдина, ему вовсе не принадлежавшаго, чаще всего оставался безъ наказанія. Нѣтъ государства, говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ іезуитъ Скарга,—гдѣ бы подданные и земледѣльцы были такъ угнетены, какъ у насъ подъ безпредѣльною властію шляхты. Разгнѣванный земянинъ или королевскій староста не только отниметъ у бѣднаго хлопа все, что у него есть, но и его самого убьетъ, когда захочетъ и какъ захочетъ, и за то ни отъ кого

---

[1]) Акты южной и западной Руси, I, 128.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 114, 127.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 9.

дурного слова не потерпитъ» [1]). Но и этого мало. Положеніе крестьянъ въ панскихъ имѣніяхъ еще болѣе ухудшалось вслѣдствіе самаго способа управленія этими имѣніями: паны, или лѣнясь управлять своими имѣніями, или не имѣя на то способностей, отдавали ихъ въ аренды жидамъ, а жиды въ этомъ случаѣ были для крестьянъ настоящими кровопійцами. «Не такъ паны, якъ підпанки, не такъ ляхи, якъ ти жиды», говоритъ народная южно-русская пословица. И дѣйствительно, жиды, «какъ алчная саранча, какъ ѣдкая моль», ежегодно десятками тысячъ сползались на Украйну. Опутавъ низкою лестью и рабскимъ низкопоклонничествомъ пановъ, они захватывали въ свои руки громаднѣйшіе панскіе майораты, стягивали въ свои бездонные карманы всѣ богатства страны и страшно тяготѣли надъ всѣмъ тѣмъ, что только осмѣливалось носить имя православнаго. Какъ арендаторамъ панскихъ имѣній, жидамъ даны были чрезвычайныя права на Украйнѣ: жидъ могъ безконтрольно распоряжаться жизнью и смертію всѣхъ крестьянъ, находящихся въ арендѣ: «Дали мы, князь Григорій Коширскій, листъ жиду Абрамку Шмойловичу. По этому арендному листу, имѣетъ онъ, жидъ, право владѣть нашими имѣніями, брать себѣ всякіе доходы и пользоваться ими, судить и рядить бояръ путныхъ, также всѣхъ крестьянъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежными пенями и смертью» [2]). Такой же листъ данъ былъ княземъ Пронскимъ пану Адаму Буркацкому и жиду Абрамку Турейску. Этотъ способъ управленія имѣніями посредствомъ жидовъ арендаторовъ и съ дарованіемъ такихъ правъ жидамъ былъ самымъ распространеннымъ на Украйнѣ [3]). Послѣ права надъ жизнью и смертью крестьянина жидъ всегда пользовался правомъ собирать пошлину въ пользу своего помѣщика. А такихъ пошлинъ была поистинѣ необозримая масса. Кромѣ обыкновенной панщины, всегда зависящей отъ произвола помѣщика, крестьяне исполняли множество другихъ обязанностей въ пользу пана и несли неисчислимое число мелкихъ поборовъ. Такъ, кромѣ того, что крестьянинъ самъ лично и его дѣти выполняли различныя службы у

---

[1]) Костомаровъ. Южная Русь и козачество. Отеч. Зап. 1870, I, 51.
[2]) Памятники кіевской коммиссіи, I, от. I, стр. 88.
[3]) Памятники кіевской коммиссіи, I, от. II, 66—82, 89 и дальше.

пана, кромѣ этого всякій крестьянинъ долженъ былъ три раза въ годъ — предъ пасхою, пятидесятницею и рождествомъ—давать такъ называемый осыпъ[1]), т. е. нѣсколько четвериковъ хлѣбнаго зерна, нѣсколько паръ каплуновъ, куръ, гусей. Кромѣ осыпа въ пользу пана шла пошлина, называемая роговое, т. е. десятая часть отъ рогатаго скота, лошадей, свиней и овецъ; панъ бралъ очковое — пошлину съ каждаго улья; бралъ подать за право пасти скотъ— спасное, за измолъ муки — сухомельщина, за право собирать желуди—желудное, бралъ подать отъ улова рыбы — ставщина, за звѣриную охоту—десятина, за покупку или продажу съѣстныхъ припасовъ — торговое: кромѣ всего этого панъ бралъ печенымъ хлѣбомъ, птицею, земными плодами и даже деньгами. Но для пановъ и этого было мало. Ѣдетъ-ли панъ на сеймъ, собирается-ли на богомолье, или затѣваетъ свадьбу—на подданныхъ непремѣнно налагается какая-нибудь новая подать. «Куда ни проѣдетъ панъ со своимъ своевольнымъ оршакомъ (свитою), тамъ истинное наказаніе для бѣднаго хлопа: панскіе слуги шляхетскаго происхожденія портятъ на поляхъ хлѣбъ, забираютъ у холопа куръ, барановъ, масло, колбасы, а пойдетъ хлопъ жаловаться пану — говоритъ Старовольскій—такъ его за то по ушамъ отшлепаютъ, зачѣмъ безпокоитъ его милость, тѣмъ болѣе, что самъ панъ привыкъ поступать такъ, какъ его слуги»... «Если панъ владѣетъ мѣстечкомъ, торговцы должны были въ такомъ случаѣ нести ему матерію, мясники—мясо, корчмари—напитки: по деревнямъ хлопы должны были давать «стацію» его гайдукамъ и козакамъ... Наберетъ панъ у купца товаровъ, сдѣлаетъ ремесленнику заказъ, и тому и другому не платитъ»[2]). Крестьяне не смѣли ни приготовлять себѣ напитковъ, ни покупать ихъ у кого-нибудь другаго, кромѣ жида, которому панъ отдавалъ въ аренду шинокъ, ни даже изготовить себѣ пасхи для свѣтлаго праздника. Для этой цѣли жидъ предлагалъ пасхи собственнаго печенья. И крестьянинъ долженъ былъ повиноваться ему, ибо жидъ, продавъ пасху, дѣлалъ на ней особый знакъ мѣломъ и во время освященія зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не было пасокъ, испеченныхъ самими крестьянами, въ противномъ случаѣ жидъ бралъ съ виновнаго тройную противъ обыкновенной плату.

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 7.

[2]) **Костомаровъ. Южн. Русь и козач.**, Отеч. Зап., 1870, I, 53.

Куда-же дѣвалась вся эта масса крестьянскихъ податей? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно сказать нѣсколько словъ о той непомѣрной роскоши и удивительномъ мотовствѣ, какія распространились между польскими панами конца XVI и начала XVII столѣтія. Бопланъ, лично находившійся нѣкоторое время въ Польшѣ, на этотъ счетъ говоритъ: «Повседневный обѣдъ польскаго пана стоитъ больше, чѣмъ званый во Франціи» [1]). Полякъ Добровольскій по этому поводу замѣчаетъ: «Въ прежнія времена короли хаживали въ бараньихъ тулупахъ, а теперь кучеръ покрываетъ себѣ тулупъ красною матеріею, хочетъ отличиться отъ простаго народа: чтобъ не замѣтили въ немъ овчины. Прежде, бывало, шляхтичъ ѣздилъ простымъ возомъ, рѣдко когда въ колебкѣ на цѣпяхъ, а теперь катитъ шестернею въ кочѣ, обитомъ шелковой тканью съ серебряными украшеніями. Прежде, бывало, пили доброе домашнее пиво, а теперь не то что погреба—и конюшни пропахли венгерскимъ. Прежде, бывало, четырехлѣтняго венгерскаго бочка въ сто гарнцевъ стоила десять злотыхъ, а теперь за бочку въ шестьдесятъ гарнцевъ платятъ по 150, по 200, по 400 злотыхъ и дороже того. Всѣ деньги идутъ на заморскія вина, на сахарныя сласти, на пирожныя и пастеты, а на выкупъ плѣнныхъ и на охраненіе отечества у насъ денегъ нѣтъ. Отъ сенатора до ремесленника, всѣ пропиваютъ свое состояніе; потомъ входятъ въ неоплатные долги. Никто не хочетъ жить трудомъ, всякъ норовитъ захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается: всякъ только о томъ и думаетъ, чтобы поразмашистѣе покутить; заработки убогихъ людей, содранные съ ихъ слезами, иногда со шкурою, истребляютъ они какъ гарпія или саранча: одна особа въ одинъ день съѣдаетъ столько, сколько множество бѣдняковъ заработываютъ въ долгое время, все идетъ въ дырявый мѣшокъ — брюхо. Смѣются надъ поляками, что у нихъ пухъ вѣрно имѣетъ такое свойство, что на немъ могутъ спать спокойно (не мучась совѣстью)» [2]).

Вотъ нѣсколько примѣровъ могущества, богатства и роскоши польскихъ пановъ. Извѣстный ученому міру князь Константинъ Ивановичъ Острожскій владѣлъ 80-ю городами, столькимъ-же

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 111.

[2]) Костомаровъ. Южная Русь и козачество. Отеч. Зап., 1870, 1, 51.

числомъ мѣстечекъ и 2.760 селами. Онъ настолько былъ богатъ, что его дворецкій, за то только, что два раза въ годъ стоялъ передъ княземъ, получалъ 70 тысячъ злотыхъ въ годъ. Князь прославилъ себя на ратномъ полѣ, давалъ роскошные пиры, сыпалъ деньгами какъ половою и изукрасилъ великолѣпными и обширными постройками свой городъ Острогъ. И при всемъ томъ, въ годъ смерти князя (1620) у него оказалось въ наличности 600.000 червонцевъ, 400.000 битыхъ талеровъ, на 29 милліоновъ злотыхъ разной монеты и 30 бочекъ ломанаго серебра; сверхъ того 50 цуговъ, 700 верховыхъ лошадей, 4.000 кобылицъ и безчисленное множество рогатаго и мелкаго скота. Исчисленное богатство увеличилось въ тысячу разъ, когда, по смерти бездѣтнаго князя Януша Острожскаго, его маіоратъ наслѣдовалъ родственный ему князь, Владиславъ Доминикъ, человѣкъ и безъ того чрезвычайно богатый. Почти такимъ-же богатствомъ обладали князья Рожинскіе, Замойскіе, Любомирскіе, Даниловичи, Конецпольскіе, Потоцкіе, Калиновскіе и Вишневецкіе. Конецпольскіе, напримѣръ, захватили въ свои руки столько староствъ и вотчинныхъ имѣній, что, путешествуя изъ своего гнѣзда, Стараго Конецполя въ Новое, построенное на прибугской Украйнѣ, они, отъ одного конца государства и до другаго, на каждый ночлегъ располагались подъ собственнымъ кровомъ. Конецпольскіе на одныхъ «татарскихъ шляхахъ» владѣли 170 городами и 740 селами. Обширнѣйшія владѣнія занимали и князья Потоцкіе. Потоцкимъ принадлежали нѣжинское староство, на восточной сторонѣ Днѣпра, Кременчугъ и Потокъ. А все поднѣстріе такъ густо было заселено крестьянами Потоцкихъ, что надднѣстрянскую шляхту называли въ Польшѣ хлѣборобцами Потоцкихъ. Князья Калиновскіе владѣли необозримыми пространствами земли въ Подоліи, множествомъ имѣній вокругъ Чернигова и значительною частью новгородъ-сѣверской области [1]). А князь Іеремія Вишневецкій былъ еще могущественнѣе: онъ, по выраженію графа Александра Пржездѣцкаго, «całą Polskę na barkach swoich dźwigał». Владѣнія Іереміи Вишневецкаго простирались преимущественно на той прекрасной полосѣ Украйны, у которой одинъ бокъ орошается знаменитымъ Супоемъ, а по другому—течетъ «Сула серебристыми струями». Начинаясь на Днѣпрѣ

[1]) Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси, В. Е., 1874 г., III, 13 и 14.

городами Чигиринъ-Дубровою на устьѣ Сулы и Домонтовымъ на устьяхъ Супоя, владѣнія Вишневецкаго шли по этой самой полосѣ Украіны чрезъ всю полтавскую губернію, захвативъ не мало и засульской полосы, съ Хороломъ и Полтавою включительно, и вдавались еще въ черниговскую губернію почти до Конотопа. На этомъ пространствѣ Украйны, которое называлось Вишневеччиною, за княземъ Іереміею считалось 56 городовъ и селъ и въ нихъ 39.857 господарей и подданныхъ, которымъ велся счетъ не по числу душъ, а подымно и подворно, то-есть по числу хатъ и дворовъ. Одно это обезпечивало годоваго доходу около 180.000 руб. сер (что по тогдашнему значило больше, чѣмъ таже сумма теперь). Кромѣ того, у князя Вишневецкаго было много экономическихъ хуторовъ или фольварковъ; да на рѣкахъ украинскихъ считалось за нимъ 423 мельничныхъ кола, и за каждое коло платилось ему отъ мельниковъ ежегодно по два червонныхъ золотыхъ, что составляло около полуторы тысячи рублей серебромъ. Да во всѣхъ городахъ, селахъ и хуторахъ князя шелъ на него шинокъ. Да ко всему этому надо припомнить еще о разныхъ поборахъ хлѣбомъ, мукою, медомъ, птицею и всякою всячиною» [1]).

Всѣ эти магнаты-владѣльцы, часто превосходя своими несмѣтными богатствами самаго короля, не иначе себя и разумѣли, какъ государями. Они подписывались на оффиціальныхъ реляціяхъ къ королю не подданными, а вѣрными его совѣтниками. Заграничные панегиристы величали польскихъ господарей королями королей, т. е. королями великихъ польскихъ пановъ, магнатовъ. На языкѣ самихъ украинцевъ всѣ эти вельможные, богатѣйшіе и сіятельнѣйшіе паны были извѣстны не иначе, какъ подъ именемъ королятъ. И польское правительство какъ-бы само способствовало такому возвеличенію своихъ магнатовъ: жалуя имъ земли, оно давало имъ при этомъ чисто королевскія права: «Дали есьмо, пишетъ Сигизмундъ I въ грамотѣ къ князю Константину Ивановичу Острожскому, дали есьмо и вечне даровали и записали замокъ Степань зъ мѣстомъ и зъ ихъ бояры, и зъ слугами путными и зъ мѣщаны, и зъ данникы, людьми тяглыми, зъ селы боярскими, зо всимъ правомъ и панствомъ и властью, ничего на насъ и наши наслѣдники не оставляючи» [2]).

---

[1]) Максимовичъ. Собраніе сочиненій, Кіевъ, 1876, II, 366.
[2]) Кулишъ. Польская колонизація юго-западной Руси, В. Е., 1874, III, 15.

Обладая несмѣтными богатствами, польскіе паны и жили какъ богачи: они окружали себя баснословною роскошью, давали чисто сказочные пиры, держали въ домахъ цѣлые полки обоего пола праздной прислуги, устраивали безконечные банкеты, всякаго рода оргіи, зазывали къ себѣ по десяткамъ тысячъ гостей, раздавая имъ дорогіе подарки и разсыпая предъ ними безъ счету деньги: въ домахъ этихъ вельможъ блистало золото, драгоцѣнные камни, хрусталь и серебро; на панахъ были самые причудливые, самые дорогіе и изысканные костюмы, и ко всему этому полнѣйшее пренебреженіе: дорогая посуда часто въ дребезги разбивалась во время пира, а рукавами богато-роскошныхъ панскихъ кунтушей вытирались тарелки. Примѣру поляковъ подражали и русскіе паны. Они наперерывъ старались заводить у себя и такіе-же изысканные пиры, и ту-же неслыханную роскошь и въ такихъ-же размѣрахъ попойки, усвоивая при этомъ польскіе нравы, вѣру, обычаи, вообще весь польскій образъ жизни и даже самую польскую рѣчь. Такимъ образомъ уже въ вѣкъ Сигизмунда-Августа южно-русскіе дворяне достаточно ополячились, видоизмѣняясь какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Но понятно, какимъ тяжкимъ бременемъ ложились всѣ эти дикіе разгулы польско-русскихъ пановъ на крестьянъ. «Золотой вѣкъ Сигизмунда-Августа былъ золотымъ для пановъ, но желѣзнымъ для польско-русскихъ простолюдиновъ. Именно къ этому времени съ полнымъ основаніемъ можно отнести стихи:

«Clarum regnum Polonorum,
Est coelum Nobiliorum,
Paradisus Judeorum
Et infernus rusticorum» [1]).

Отъ всего этого страна обѣдняла, промыслы пали, производство уменьшилось, каменныя зданія превратились въ руины, между простонародьемъ распространилась крайняя бѣдность и страшная нищета... Бѣдствія удесятерились, когда съ 1596 года малороссійскій народъ объявленъ былъ на сеймѣ «отступнымъ, вѣроломнымъ, бунтливымъ и осужденнымъ на рабство» [2]).

Такимъ образомъ давленіе со стороны польскаго правительства

---

[1]) «Свѣтлое царство поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ и преисподній адъ для мужиковъ».

[2]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, 1, 92.

на козаковъ, какъ на классъ людей, не подходившихъ ни къ одному изъ сословій Рѣчи-Посполитой, обида и поруганіе православной вѣры, экономическій гнётъ со стороны высшаго класса польскихъ пановъ и ихъ арендаторовъ-жидовъ, насилія со стороны польскаго наемнаго войска въ украинскихъ городахъ—все это было причинами страшной, фанатической вражды между запорожскими козаками и поляками. «Жидъ, ляхъ та собака — вира однака», говорили козаки въ своемъ ожесточеніи противъ гонителей православной вѣры и русской народности и тѣмъ самымъ опредѣляли свои чувства и отношенія къ нимъ: рѣзать, вѣшать, казнить и всячески истреблять ляховъ и неразлучныхъ съ ними жидовъ составляло одну изъ существенныхъ задачъ запорожскихъ низовыхъ козаковъ, всегда питавшихъ симпатію ко всѣмъ завѣтамъ простаго украинскаго народа и всегда твердо стоявшихъ за предковскую православную вѣру и малороссійскую народность.

Вооруженныя силы и боевыя средства запорожскихъ козаковъ.

Вся масса запорожскаго низоваго товарнства. среднимъ числомъ 10.000—12.000 человѣкъ, раздѣлялась на три рода войска: пѣхоту. конницу и артиллерію. Что такое дѣленіе дѣйствительно существовало, это подтверждается источниками времени запорожскихъ козаковъ. Такъ, Бопланъ. говоря о вооруженныхъ силахъ Украйны наканунѣ возстанія Богдана Хмельницкаго, сообщаетъ, что у запорожцевъ было около 5.000—6.000 козаковъ пѣхоты [1]). Григорій Грабянка, говоря о боевыхъ средствахъ козаковъ. свидѣтельствуетъ, что запорожцы имѣли какъ пѣхоту, такъ и конницу [2]). Лѣтописецъ Самоилъ Величко, разсказывая о прибытіи Богдана Хмельницкаго изъ Крыма въ Сичу, передаетъ, что на Запорожьѣ собрано было 10.000 человѣкъ пѣхоты [3]). Историкъ прошлаго вѣка Симоновскій указываетъ также на существованіе у запорожцевъ пѣхоты и опредѣляетъ число ея одинаково съ показаніемъ Боплана [4]). Запорожская пѣхота выполняла троякое назначеніе у низовыхъ козаковъ: часть ея составляла гарнизонъ Сичи, такъ какъ мы видимъ, что во время прибытія Хмельницкаго въ Сичу, тамъ было 300 человѣкъ гарнизона: часть занимала посты на Днѣпрѣ (на лодкахъ) и составляла собоіі линейную стражу; часть или вела, въ боевое время, войны съ турками, татарами и ляхами или же, въ мирное время, занималась рыбною и звѣриною ловлею. Полагаютъ, однако, что въ запорожскомъ войскѣ только бѣдные

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 64.

[2]) Григорій Грабянка. Лѣтопись, Кіевъ, 1854, 20.

[3]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 52.

[4]) Симоновскій. Краткое описаніе, Москва, 1847, 5.

люди служили въ пѣхотѣ, зажиточные же люди, или люди внезапно одобычившіеся на войнѣ конями, всегда переходили въ конницу [1]).

О существованіи конницы у запорожскихъ козаковъ также имѣются указанія въ источникахъ запорожской исторіи прошлыхъ вѣковъ. Въ частности изъ лѣтописи Самоила Величка мы узнаемъ, что каждый «исправный» козакъ имѣлъ у себя по 2 лошади, а когда запорожцы возвращались съ побѣды, напримѣръ, на Желтыхъ-Водахъ и въ Корсуни, то нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже по 5 коней [2]). По словамъ вице-адмирала Корнелія Крюйса, писавшаго о запорожцахъ въ 1699 году, запорожскіе козаки по преимуществу представляли изъ себя конное войско, потому что всегда имѣли дѣло съ татарами, которые «всѣ были ѣздоки на коняхъ» [3]). Въ народныхъ думахъ и пѣсняхъ козакъ безъ коня почти немыслимъ: козакъ и конь такъ же неразлучны между собой, какъ любящіе другъ друга молодые мужъ и жена. Лучшіе кони у запорожцевъ частію разводились на ихъ собственныхъ степяхъ, частію добывались у татаръ; выдержка, быстрота и порода запорожскихъ коней извѣстны были въ Польшѣ, Россіи и даже въ западной Европѣ [4]); самый характеръ мѣстности, на которой дѣйствовали запорожцы, дѣлалъ ихъ по преимуществу коннымъ войскомъ,—это ровная открытая степь, на которой конь столь-же необходимъ, какъ лодка на рѣкѣ: только верхомъ на конѣ можно было догнать такого неуловимаго и вездѣсущаго наѣздника, какимъ былъ татаринъ, въ особенности буджакъ.

Артиллерія также несомнѣнно была у запорожскихъ козаковъ; по словамъ Боплана, въ Сичи было всегда множество орудій, хранившихся запорожцами въ наиболѣе скрытыхъ мѣстахъ [5]). По точному указанію Величка, въ Сичи постоянно было 50 орудій; оттого Богданъ Хмельницкій, выступая изъ Сичи противъ поляковъ, въ 1648 году, получилъ отъ запорожцевъ 3 полевыхъ орудія съ необходимымъ для нихъ запасомъ пороху и пуль [6]). По словамъ историка Скальковскаго, ни одинъ запорожскій конный отрядъ не

---

[1]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Хмельницкаго, Спб., 1862, 17.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ. 1848, I, 50, 71.

[3]) Крюйсъ. Разысканія о Донѣ, Отечественныя Записки, 1824, № 54, 67.

[4]) О коняхъ см. въ главѣ «Хлѣбопашество и скотоводство».

[5]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 27.

[6]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1848, I, 52.

выступалъ въ походъ безъ артиллеріи [1]). Въ Сичи были особые войсковые чины, такъ называемые пушкари, которые завѣдывали войсковою артиллеріей, а для самой артиллеріи имѣлось особое помѣщеніе, пушкарня. Конечно, воюя съ быстрымъ и неутомимымъ врагомъ, главнымъ образомъ татарами, запорожскіе козаки должны были имѣть всегда легкую и подвижную артиллерію; оттого мы и видимъ, что сохранившіяся до нашего времени такъ называемыя запорожскія арматы, рѣдко имѣютъ болѣе 6—7 пудовъ.

Раздѣляясь на пѣхоту, конницу и артиллерію, запорожцы, однако, не на столько спеціализировались, чтобы пѣхотинецъ былъ силенъ только пѣшимъ, а конникъ только верхомъ на конѣ. У запорожцевъ часто практиковалось и спѣшиваніе конницы, и дѣйствіе пѣхоты при орудіяхъ («водныхъ арматкахъ»), и дѣйствіе конницы въ пѣшемъ строю [2]). Впрочемъ, такіе-же пріемы практиковались и у поляковъ того времени; такъ, въ битвахъ Богдана Хмельницкаго часто встрѣчаемъ спѣшенную конницу какъ у козаковъ, такъ и у поляковъ [3])

Все имѣвшееся въ обиходѣ у запорожскихъ козаковъ огнестрѣльное и холодное оружіе было частію собственнаго издѣлія, частію несобственнаго. Холодное ручное оружіе чаще всего приготовлялось въ Сичи, гдѣ жили для той цѣли искусные ружейные мастера; но собственное ручное оружіе не исключало и привознаго: такъ, въ имѣющихся у насъ частныхъ коллекціяхъ запорожскихъ древностей находится множество ручнаго оружія восточнаго производства, точно такъ-же есть и производства русскаго въ Тулѣ, съ клеймомъ императрицы Екатерины II. По извѣстію многихъ писателей прошлыхъ вѣковъ, каждый запорожецъ, идя въ походъ, бралъ съ собой 5 или 6 ружей. Отсюда, если допустить въ походномъ запорожскомъ отрядѣ среднимъ числомъ 6.000 и наибольшимъ числомъ 15.000 козаковъ, то получимъ количество ружей въ 25.000 и 90.000. Немалое число было у запорожцевъ и передвижныхъ орудій. Такъ, если запорожцы выступали въ морской походъ въ среднемъ числѣ на 60 и въ наибольшемъ на 300 чайкахъ, и если каждая чайка вооружена была 4—6 фальконетами, то получимъ отъ 200 до 1.800 желѣзныхъ передвижныхъ фальконетовъ, Впрочемъ, нужно знать и то, что нѣкоторая часть вооруженія

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 273.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1848, I, 65.

[3]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Б. Хмельницкаго, Спб. 1862, 97.

присылалась козакамъ нарочно изъ Украйны въ Запорожье, въ виду общихъ походовъ гетманскихъ и запорожскихъ козаковъ противъ врага [1]).

Порохъ запорожцы также частію приготовляли сами въ Сичи, большею-же частію получали его въ видѣ царскаго жалованья, или-же покупали у гетманцевъ, поляковъ и турокъ: привозной порохъ выше цѣнился у козаковъ, нежели собственный, потому что онъ былъ лучшаго производства сравнительно съ сичевымъ.

Орудія, т. е. пушки и мортиры, были у запорожскихъ козаковъ исключительно привозные, потому что собственнаго производства артиллеріи, какъ кажется, у нихъ совсѣмъ не было. Пушки получались козаками частію, въ видѣ особой милости, отъ польскихъ королей, напримѣръ Сигизмунда I, Стефана Баторія: частію въ видѣ подарковъ отъ украинскихъ гетмановъ, напримѣръ Богдана Хмельницкаго, приславшаго въ Сичь вмѣсто взятыхъ тамъ трехъ пушекъ шесть: частію отъ русскихъ царей, напримѣръ Алексѣя Михайловича, а большею частію добывались на войнѣ у поляковъ, татаръ и турокъ. На этотъ счетъ имѣется нѣсколько историческихъ указаній. Такъ, въ 1556 году извѣстный гетманъ, князь Димитрій Вишневецкій, взявъ турецкій городъ Исламъ-Керменъ, захватилъ въ немъ оружія и перевезъ ихъ на островъ Хортицу [2]). Когда запорожцы выходили на своихъ чайкахъ въ открытое море и схватывались съ турецкими галерами, то они всегда старались суда пустить на дно моря, а орудія захватить на свои чайки [3]): такимъ способомъ однажды запорожцы перевезли въ Сичу болѣе 100 мѣдныхъ орудій [4]).

Самый составъ запорожскаго войска дѣлился на полки и сотни; такое дѣленіе, какъ свидѣтельствуютъ источники, существовало уже въ началѣ XVI столѣтія. Такъ, извѣстный предводитель днѣпровскихъ козаковъ, Евстафій Дашковичъ, не разъ командовалъ полкомъ, состоявшимъ изъ 3—4 сотенъ [5]). Въ XVII вѣкѣ число козаковъ въ полку опредѣлялось въ 500 человѣкъ [6]): а въ XVIII вѣкѣ, во время русско-турецкихъ войнъ, двухъ-тысячная команда

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 64.
[2]) Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, I.
[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 66.
[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 8.
[5]) Каменскій. Исторія Малой Россіи, Москва, 1842, 1, прим. 74, 14.
[6]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 132.

запорожскихъ козаковъ, бывшая въ авангардѣ генерала Зорича, дѣлилась на четыре части, съ особымъ полковникомъ надъ каждой [1]).

Тактическою единицею войска, по точному разсчету Коховскаго, была сотня, какъ самая подходящая единица для мелкихъ схватокъ съ татарами, главнѣйшими врагами козаковъ. Такое соображеніе выводится главнымъ образомъ на основаніи цифровыхъ данныхъ объ охранѣ запорожскихъ границъ: въ 1767 году границу низовыхъ вольностей охраняли 3.644 человѣка простыхъ, кромѣ старшинъ, козаковъ; эти 3.644 человѣка раздѣлялись на 20 постовъ; отсюда въ каждомъ посту считалось среднимъ числомъ 180 человѣкъ; три раза взятая вмѣстѣ эта цифра, т. е. 540 человѣкъ, составляла одинъ полкъ [2]). Впрочемъ, по справедливому замѣчанію тогоже Коховскаго, самая сотня заключала въ себѣ гораздо больше ея настоящаго значенія: такъ, въ лѣтописи Самоила Величка онъ находитъ указаніе, что въ нѣкоторыхъ сотняхъ гетмана Богдана Хмельницкаго было по 1.000 человѣкъ.

Обще-распространеннымъ средствомъ у запорожскихъ козаковъ для защиты отъ непріятелей во время степныхъ походовъ былъ такъ-называемый таборъ. Таборомъ двигались запорожцы, когда преслѣдовали врага въ открытой степи; таборомъ выходили они на бой и таборомъ защищались отъ напора непріятелей. На козацкомъ языкѣ таборомъ назывался четыреугольный или круглый рядъ возовъ, извѣстнымъ образомъ установленныхъ для охраны войска, заключавшагося во внутрь укрѣпленія; у нѣмцевъ этотъ способъ защиты назывался вагенбургомъ. Чтобы сдѣлать таборъ, козаки ставили нѣсколько возовъ въ рядъ, смыкали ихъ колесо съ колесомъ желѣзными цѣпями, поднимали вверхъ, на подобіе копій, оглобли, дѣлали внутри, между возами, долки, т. е. глубокія ложбины, по угламъ ставили орудія и, заключивъ въ такомъ укрѣпленіи пѣхоту, а иногда и конницу, отстрѣливались изъ него стойко и мужественно, точно изъ сильнѣйшей крѣпости. Иногда вокругъ табора запорожцы дѣлали еще канавы, валы и волчьи ямы, взбирались на самые валы и оттуда мѣтко поражали своихъ враговъ [3]). Въ устройствѣ подобныхъ таборовъ запорожскіе козаки, по сви-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 69.
[2]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Хмельницкаго, Спб., 1862, 132.
[3]) Ригельманъ. Лѣтопись, 38; Дневникъ Титлевскаго, 13, 14.

дѣтельству современника, были положительно превосходные мастера [1]). Уцѣлѣвшія до нашего времени запорожскія укрѣпленія хотя весьма часто отличаются неправильнымъ характеромъ построенія, зато изобличаютъ громадное умѣнье козаковъ приспособляться къ условіямъ мѣстности, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ тамъ, гдѣ предоставляется бо́льшая самостоятельность единицамъ, чѣмъ массамъ. Чтобы сдѣлать свои походные возы болѣе подвижными на случай внезапнаго отступленія отъ непріятелей, запорожцы придѣлывали къ нимъ спереди и сзади по одному «війю», въ которое могли впрягать лошадей съ одной или другой стороны и потомъ бѣжать отъ враговъ въ ту или другую сторону, не поворачивая возовъ [2]). По словамъ Боплана, для татаръ запорожскіе козаки въ таборѣ совсѣмъ были непобѣдимы: онъ видѣлъ, что 500 крымцевъ не были въ состояніи одолѣть 50 козаковъ, заключившихся въ таборѣ [3]). Мало доступны они были въ таборѣ и полякамъ. «Дивился ни одинъ инженеръ трудамъ и изобрѣтательности грубаго хлопа, говоритъ хронистъ Симонъ Окольскій послѣ битвы въ 1638 году на Усть-Сторцѣ козаковъ съ поляками, осматривая валы, шанцы, батареи и куртины. Хотя-бы коронное войско и проникло за козацкіе рвы, валы, привалки и дубовые частоколы, но еще большихъ силъ нужно было-бы на то, чтобы взять козаковъ приступомъ внутри ихъ окоповъ» [4]).

Въ походахъ запорожцы рѣдко прибѣгали къ осадѣ городовъ, потому что осада крѣпостей была не по нимъ, а открытыя схватки, тѣ составляли славу военныхъ подвиговъ козаковъ. Изъ двухъ родовъ битвъ, конной и пѣшей, запорожцы искуснѣе были въ послѣдней: если-бы конные козаки, по замѣчанію очевидца, отличались такимъ-же искусствомъ, какъ пѣшіе въ таборѣ, то они были бы непобѣдимы, такъ какъ сотня ихъ въ таборѣ не боялась ни тысячи ляховъ, ни нѣсколькихъ тысячъ татаръ [5]).

Ставъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, запорожскіе козаки, по обыкновенію, не сразу вступали съ нимъ въ бой: устроивши таборъ, окопавши и заключившись въ него, козаки сперва открывали общую канонаду по непріятельскому лагерю, причемъ стрѣль-

---

[1]) Записки о Хотинской войнѣ Якова Собѣсскаго: Черн. губ. вѣд. 1849.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, I, 15.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 54, 55.

[4]) Польско-козацкая война: Отечественныя Записки, 1864, IX, 525.

[5]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 8.

цы, стоявшіе въ заднихъ рядахъ, безпрестанно заряжали ружья и подавали ихъ стоявшимъ въ переднихъ рядахъ, а эти постоянно принимали ружья и безпрерывно изъ нихъ стрѣляли въ непріятеля. Выпустивъ нѣсколько зарядовъ и обстрѣлявъ врага со всѣхъ сторонъ, козаки вслѣдъ затѣмъ высылали изъ своего табора самыхъ смѣлыхъ, ловкихъ и острыхъ на языкъ всадниковъ для такъ называемыхъ «герцовъ», иначе «греча», или «татарскаго танца», т. е. отдѣльныхъ поединковъ, удалыхъ схватокъ и наѣздническихъ перестрѣлокъ. Кружась на своихъ коняхъ передъ непріятелемъ, издѣваясь надъ нимъ, подзадоривая къ битвѣ, пуская по адресу его ѣдкія слова, козаки помахивали въ воздухѣ своими кривыми саблями, пускали въ станъ непріятельскій пули и потомъ, какъ молнія, бросались въ таборъ. Герцы давали возможность козакамъ высмотрѣть силы и положеніе непріятеля, но не открывали еще настоящей битвы,—это была только прелюдія къ настоящей ломовой битвѣ. Если вѣрить историку военнаго искусства у поляковъ и козаковъ, Зеделлеру, и историку Малой Россіи, Маркевичу, запорожцамъ извѣстны были очень сложные боевые пріемы: лава или развернутый строй, т. е. строй во фронтъ; батовой или трехъ-шеренговый при оборонѣ строй; тріангула, т. е. треугольникъ или острой колонны строй; сакма или соганный ходъ, т. е. въ колонну маршъ. Битву смѣшаннаго характера, своихъ и чужихъ, они называли га́ласомъ: битву отдѣльными, каждый по своему усмотрѣнію, отрядами, называли разгордіяшемъ; условный лозунгъ, для отличія своихъ отъ отъ чужихъ, называли га́сломъ [1]; кромѣ того партизанская война извѣстна у нихъ была подъ именемъ загоновъ.

Подзадоривъ нетерпѣливыхъ и заносчивыхъ враговъ отдѣльными схватками, козаки внезапно прекращали герцы, составляли общій планъ атаки и открывали ломовую битву. Предварительно, чтобы напугать непріятельскую конницу и нанести ей такой или иной вредъ, запорожскіе козаки, выбравъ темную ночь, подкрадывались къ непріятелямъ и пускали между ними ракеты, дававшія сразу по шести выстрѣловъ и называвшіяся «шутихами большого калибра»: эти ракеты перескакивали съ большимъ

---

[1]) Отечественныя Записки, 1864, IX, 337, 339; Эварницкій. Запорожье, I, 75; Зеделлеръ. Обозрѣніе военнаго искусства, Спб., 1843. 298; Надхинъ. Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 9, 10.

шумомъ съ одного мѣста на другое, пугали непріятельскихъ лошадей и приводили въ замѣшательство всадниковъ [1]).

Въ настоящей ломовой битвѣ запорожскіе козаки предпочитали атаку съ фланговъ и съ тылу. Съ этою цѣлью они раздѣляли всю численность своего войска на четыре части: одну оставляли въ таборѣ, другую посылали въ тылъ, а третью и четвертую на оба фланга. Бой открывали одновременно со всѣхъ четырехъ сторонъ, и если высланныя части дѣйствовали согласно съ главными силами, а враги во-время не обнаруживали козацкой хитрости, то весьма часто, если не въ большинствѣ случаевъ, исходъ битвы былъ въ пользу запорожцевъ. Такова была битва козаковъ съ поляками у Желтыхъ-Водъ и Княжаго-Байрака, разыгранная ими по всѣмъ правиламъ собственнаго военнаго искусства и уложившая на мѣстѣ почти всѣхъ ляховъ, до единаго.

Одновременно съ дѣйствіемъ въ тылъ и въ оба фланга непріятельскаго лагеря, козаки направляли свои силы и противъ фронта его: здѣсь дѣйствовала козацкая артиллерія. Громя безпрерывно въ теченіи нѣсколькихъ часовъ противъ табора враговъ, козаки подъ конецъ разрывали его передніе ряды, тотъ-же часъ прекращали пальбу изъ пушекъ и направляли, съ ручнымъ оружіемъ, въ непріятельскій станъ свою пѣхоту, между тѣмъ какъ конницу выдвигали противъ вражеской кавалеріи. Поражая конныхъ и пѣшихъ враговъ, козаки въ-это же время всѣ усилія свои направляли на то, чтобы перебить у непріятелей обозныхъ лошадей, тѣмъ прекратить имъ путь къ отступленію и захватить въ свои руки всѣ продовольственные запасы ихъ. Если это удавалось козакамъ, то исходъ сраженія былъ въ ихъ рукахъ.

Успѣхи запорожцевъ на войнѣ, помимо личной храбрости ихъ и постояннаго занятія военнымъ дѣломъ, объясняются въ значительной степени и знаніемъ въ совершенствѣ той мѣстности, среди которой они подвизались и дѣйствовали противъ враговъ; что знанію мѣстности запорожцы придавали большое значеніе, это видно изъ словъ польскаго хрониста Симона Окольскаго, который говоритъ, что въ старину за знаніе степныхъ мѣстъ козаки получали въ награду полковничество или другое какое-либо старшинство [2]). Не смотря на весь страхъ дикихъ, безбрежныхъ и безлюдныхъ

---

[1]) Зеделлеръ. Обозрѣніе военнаго искусства. Спб., 1843. II, 299.

[2] Отечественныя Записки 1864, сентябрь, книга V, 540.

степей, въ которыхъ, «словно въ сухомъ морѣ, не было ни дороги, ни тропы, ни слѣду», запорожцы знали свои вольности, какъ собственную пазуху: днемъ путь правили они по солнцу, по высокимъ могиламъ, по «кряжамъ землянымъ», по большимъ балкамъ, скрутнямъ травы, одиноко торчащимъ среди степи деревьямъ, ночью «ухомъ да слухомъ» по теченію рѣкъ, расположенію извѣстныхъ звѣздъ, напримѣръ, Воза, т. е. Большой-Медвѣдицы, Волосожара, т. е. Плеяды, Іерусалимъ-дороги, т. е. млечнаго пути [1]; наконецъ, по направленію вѣтра, носившаго у козаковъ, смотря по мѣсту, откуда онъ дулъ, названія «москаля», «бусурмена», «донца» или «ляха». Скрываясь, будто звѣри по тернахъ и камышахъ, умѣя выть волкомъ, выкрикивать перепеломъ, питаясь всѣмъ, что только попадалось на пути, запорожскіе козаки зорко высматривали враговъ, внезапно нападали на нихъ и съ малыми силами разбивали и побѣждали множество непріятелей [2].

Достойно вниманія на счетъ характера козацкихъ войнъ замѣчаніе генералъ-лейтенанта Всеволода Коховскаго. Онъ обращаетъ вниманіе въ военныхъ пріемахъ козаковъ на то обстоятельство, что они старались дѣйствовать на моральную сторону непріятелей, именно: козаки всегда скрывали часть своихъ силъ и потомъ неожиданнымъ появленіемъ ихъ приводили въ изумленіе непріятелей [3]. Дѣйствительно, не только поразить, а даже напугать, задать страха врагу уже поставлялось въ подвигъ «доброму» запорожцу. Тотъ-же генералъ-лейтенантъ Коховскій отмѣчаетъ и слабую сторону запорожскихъ козаковъ, какъ воиновъ,—несогласіе, вражду и даже предательство, въ случаѣ неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ на непріятелей.

Въ бою съ непріятелями, и правильнымъ строемъ и отдѣльными массами, запорожскіе козаки выказывали изумительную стойкость и мужество, и если двадцать разъ были побѣждены непріятелемъ, то все-таки двадцать первый разъ шли съ новыми силами на своихъ враговъ: «Это—гидра Украіны, у которой вмѣсто одной отрубленной головы выростало нѣсколько новыхъ» — говорили о нихъ поляки. Запорожцы не дорожили своими головами, зная лишь

---

[1]) Крымскіе татары и до сихъ поръ правятъ путь ночью по неподвижнымъ звѣздамъ и большимъ курганамъ: См. Автобіографію Н. Н. Мурзакевича, Спб., 1889, 228.

[2]) Краткое описаніе Малороссіи: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 289.

[3]) Коховскій. Опытъ изученія войнъ Богдана Хмельницкаго, Спб., 1862, 134.

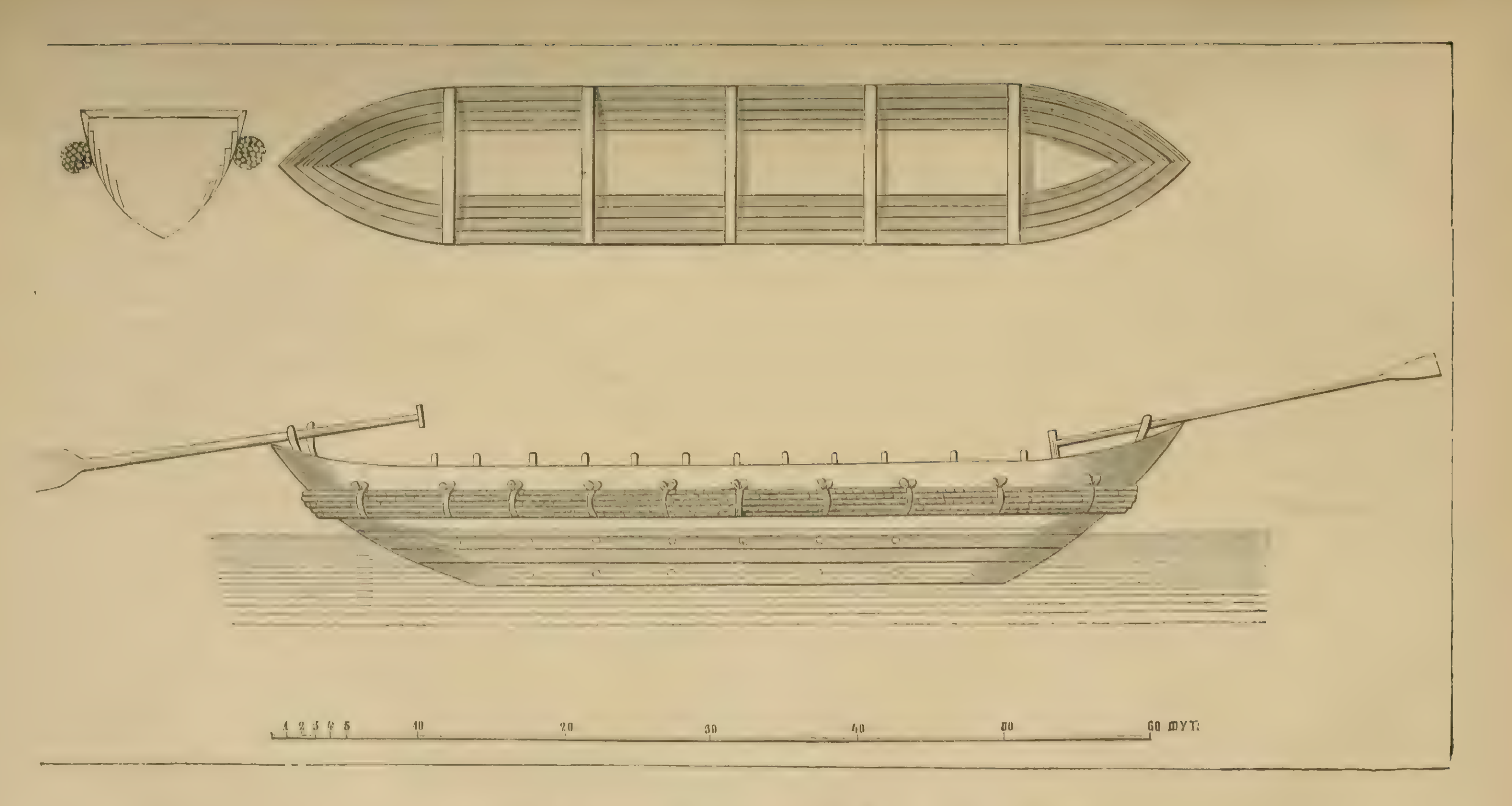
одно, что «разъ родила мате, разъ и умираты»; не о головѣ думалъ козакъ, когда шелъ на войну, а о своей милой родинѣ, которую до страсти любилъ, и о своей предковской вѣрѣ, которой свято преданъ былъ: онъ думалъ и о томъ, чтобы не запятнать козацкой славы, добраго имени «лыцаря». Да и къ чему дорожить головой, коли

Не сёгодня, такъ завтра поляже вона,
Якъ у степу одъ витру трава,
А слава не вмре, не поляже,
Всёму свиту лыцарство козацьке розскаже,
Та козацькая слава,
Що по всёму свиту дывомъ стала,
Що по всёму свиту стѐпомъ розляглась-простяглась,
Та по всёму свиту луговымъ гоминомъ роздалась,
Турѐччины та татарщини добрымъ лыхомъ знати далась,
Тай ляхамъ-ворогамъ на спысъ отдалась».

Не страшна была запорожцамъ смерть на войнѣ еще и потому, что страшнѣе ея были муки, которымъ подвергали плѣнныхъ безсердечные ляхи и свирѣпые турки, т. е. сажаніе на колъ, сдираніе кожи съ живыхъ, вѣшаніе за ребра на крюкъ, каторжныя работы на галерахъ, и т. п.

На войнѣ козаки не были милостивы: они не щадили ни врага, ни его женъ, ни его дѣтей, и въ ожесточеніи придумывали самыя свирѣпыя казни имъ: втыкали во внутрь раскаленное желѣзо, сажали голыми на горячія сковороды, засыпали жару за голенища сапогъ, душили досками дѣтей [1]), жгли католическіе костелы, протыкали копьями, рубили топорами и прострѣливали пулями иконы, топтали ногами святыню, сѣкли передъ алтарями ксендзовъ или монаховъ, заводили въ костелы лошадей, и т. п. [2]). И съ своей точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія своего времени они были правы: на врага Христовой православной вѣры они смотрѣли, какъ на самое нечистое животное — «жидъ, ляхъ та собака—вира одинака», потому и безпощадны были къ нимъ: къ тому-же въ тѣ времена вездѣ и повсюду съ понятіемъ войны соединялось понятіе о грабежахъ, насиліяхъ и поголовномъ истребленіи враговъ. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи запорожскіе козаки были только усердными дѣтьми своего вѣка.

[1]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 11—12.
[2]) Памятники кіевской коммиссіи, томъ I, часть I, 270, 276.



Козацкая лодка по Боплану.—Къ стр. 442—443.

Во время сраженія запорожцы незнатныхъ убивали, знатныхъ старались хватать въ плѣнъ, за что получали потомъ извѣстный выкупъ; лошадей, рогатый скотъ, овецъ и верблюдовъ угоняли въ свой таборъ; оружіе, платье, деньги брали въ добычу.

Отступали съ поля битвы запорожцы рѣдко: но если отступали, то дѣлали это въ большомъ порядкѣ и, благодаря своимъ легкимъ и подвижнымъ конямъ, необыкновенно быстро. Чтобы пресѣчь за собою погоню, козаки нерѣдко прибѣгали къ степнымъ пожарамъ: выждавъ удобное время, когда вѣтеръ подуетъ врагу въ лицо, они поднимали такой «палъ», отъ котораго и люди, и лошади, точно мухи отъ холода, падали въ степи.

Послѣ походовъ запорожцы возвращались въ Сичу и прежде всего приносили здѣсь благодарственное молебствіе «Господу Вседержителю и пресвятой Богородицѣ»; затѣмъ дѣлали приказъ своимъ священникамъ служить сорокоусты по убіеннымъ козакамъ на войнѣ, раненыхъ помѣщали въ «шпитали», существовавшіе у нихъ при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ [1]), и отдавали ихъ на излѣченіе цирульникамъ, замѣнявшимъ въ Сичи докторовъ, всегда опредѣляя лекарямъ извѣстную плату изъ общаго войсковаго скарба[2]); наконецъ послѣ всего этого раздѣляли захваченную добычу сперва на двѣ большія партіи,—одну для божіихъ храмовъ, другую для себя, потомъ дѣлили между собой и послѣ дѣлежа или скрывали ее на островахъ и въ руслахъ рѣкъ, отведя предварительно теченіе воды въ сторону [3]), или продавали купцамъ и мелкимъ торговцамъ, или прогуливали корчмарямъ и шинкарямъ. Плѣнныхъ, захваченныхъ на войнѣ, или отсылали въ города Малороссіи и Великороссіи, или же за извѣстный выкупъ отпускали на родину [4]); подвиги же, выказанные на войнѣ, предоставляли воспѣвать своимъ кобзарямъ, бандуристамъ и лирникамъ: «Вотъ это, бывало, какъ провоевали, такъ и пѣсню сложили,—побьютъ-ли турка, пошарпаютъ-ли ляха, сейчасъ же и пѣсню сложатъ на тотъ случай» [5]).

---

[1]) Каменскій. Историч. матеріалы, 247; Скальковскій. Исторія, II, 137.
[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 366.
[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Санктъ-Петербургъ, 1832, 27.
[4]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, 53; Величко. Лѣтопись, II, 377, 365.
[5]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 30.

Сухопутные и морскіе походы запорожскихъ козаковъ.

Походы запорожскихъ козаковъ, смотря по тому, противъ кого они предпринимались, были сухопутные или морскіе: походы на сушѣ главнымъ образомъ предпринимались противъ поляковъ и рѣже противъ татаръ и турокъ, походы по рѣкамъ и морямъ почти всегда предпринимались противъ татаръ и турокъ. Въ сухопутныхъ походахъ всегда преобладала конница надъ пѣхотой; это обстоятельство обусловливалось, разумѣется, характеромъ самой мѣстности, на которой должны были дѣйствовать козаки: они вели войны въ степяхъ, гдѣ кони играли такую-же незамѣнимую роль, какъ лодки на водахъ и гдѣ безъ коня немыслимо ни настичь врага, ни убѣжать отъ него. Оттого конь всегда необходимъ былъ для запорожскаго козака: запорожецъ постоянно долженъ былъ держаться на-сторожѣ, чтобы имѣть возможность во всякое время не только отбиться отъ наѣздника-татарина, но и быть въ состояніи догнать его, отнять у него ясырь или добычу. Сухопутные походы предпринимались запорожскими козаками большею частію весной, около Иванова дня: «Якъ прыйде веснà краснà, бýде наша голòтонька ряснà»; зима—жестокій врагъ козака. Съ весной, когда зашумятъ въ запорожскихъ лугахъ камыши, густая трава и высокій лѣсъ, когда Днѣпръ покроетъ свои пороги водой и выйдетъ изъ береговъ, тогда къ запорожцамъ потянется все, что до весны тихо и мирно сидѣло по городамъ, селамъ и деревнямъ въ старой Украйнѣ или въ отдаленныхъ зимовникахъ самого-же Низа.

Задумавъ походъ противъ татаръ, турокъ или поляковъ, запорожскіе козаки прежде всего условно палили въ Сичи изъ пушекъ, затѣмъ посылали «круговую повѣстку» козакамъ-зимовчакамъ, жившимъ по хуторамъ, слободамъ и бурдюгамъ [1]). Тогда, по этому

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 645.

зову, точно пчелы къ своимъ ульямъ, спѣшили къ сборному пункту отовсюду козаки верхомъ, съ оружіемъ, съ продовольственными запасами. Тутъ, если дѣло шло о спѣшной оборонительной войнѣ, когда, напримѣръ, нужно было отбить нападеніе врага, отнять у него ясырь, то козаки собирались въ походъ быстро, бросались на враговъ стремительно, выступали на бой съ мужествомъ, не щадя ни жизни, ни силъ, и потомъ также быстро возвращались въ Сичу [1]. Если же дѣло шло о наступательномъ походѣ, особенно большихъ, грандіозныхъ размѣровъ, то запорожскіе козаки привлекали къ своимъ походамъ и малороссійскихъ козаковъ. Тогда посланцы отъ запорожской старшины отправлялись по украинскимъ городамъ и вербовали охотниковъ къ военнымъ походамъ; такіе вербовщики обыкновенно выбирали базарные или ярмарочные дни, входили въ толпу, поднимались на возы и громкимъ голосомъ кричали: «Кто хочетъ за христіанскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія муки за святой крестъ, кто не боится смерти,—приставай къ намъ! Не надо бояться смерти: отъ нея не убережешься. Такова козацкая жизнь!» [2]. Собравши возможно большее число охотниковъ къ походу, запорожская старшина открывала большую раду, на радѣ излагала «славному низовому товариству» о цѣли своего созыва и объ общихъ планахъ войны, потомъ распускала всѣхъ на нѣсколько дней по куренямъ, зимовникамъ, слободамъ и бурдюгамъ съ цѣлью запастись необходимыми принадлежностями для продолжительнаго похода—продовольственной «харчёй», боевымъ оружіемъ, тяжелыми возами, сильными лошадьми,—и послѣ всего этого объявляла походъ [3].

«Ой, у пȯли могы̇ла, ширȯка долы̇на.
Сы̇зый орѐлъ пролитаѐ:
Слȧвне вiйсько, слȧвне запори̇жське,
У похȯдъ выступȧе.
Ой, у пȯли могы̇ла, ширȯка долы̇на,
Сызый орѐлъ пролитȧе:
Слȧвне вiйсько, слȧвне запори̇жське
А якъ зȯлото сяе».

Оригинальное зрѣлище представляла собой движущаяся въ это

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 55.
[2]) Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, Спб., 1874, I, 68.
[3]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1852, II, 373.

время масса запорожскихъ всадниковъ по степной равнинѣ. Впереди всѣхъ ѣхалъ на конѣ войсковой хорунжій съ краснымъ стягомъ или хоругвью въ рукѣ; за хорунжимъ, во главѣ самого войска, на прекрасномъ аргамакѣ, убранномъ богатѣйшею збруей, шелъ «власный» кошевой атаманъ, вручавшій свою власть на время своего отсутствія изъ Сичи «наказному» атаману [1]). За «власнымъ» кошевымъ атаманомъ выступала пѣхота, конница и артиллерія, раздѣленная на полки и сотни съ особыми полковниками во главѣ. Вмѣстѣ съ войскомъ шло цѣлое сословіе людей — кузнецовъ, слесарей, кашеваровъ и особенно могильниковъ, по теперешнему саперовъ [2]), умѣвшихъ, въ случаѣ надобности, быстро возводить различнаго рода земляныя укрѣпленія, т. е. насыпи и рвы, для защиты отъ непріятелей [3]). Вмѣстѣ-же съ войскомъ двигались и тяжелые возы, на которыхъ запорожцы везли свою артиллерію и часть своего вооруженія [4]) и которые они употребляли какъ средство для перевоза своихъ раненыхъ и какъ средство для укрѣпленія противъ непріятеля. Запорожцы шли всегда таборомъ, заключая во внутрь его пѣхоту и оставляя внѣ его конницу; для наблюденія за движеніемъ непріятелей отряжали во всѣ стороны, на версту разстоянія отъ табора, передовыхъ козаковъ развѣдчиковъ. Они подвигались медленно и шли большею частью ночью, днемъ-же останавливались по глубокимъ балкамъ, большимъ оврагамъ и мелкимъ кустарникамъ; въ пути всегда брали строгія мѣры предосторожности: не разводили огней, не курили люлекъ, не позволяли ржать лошадямъ, завязывая имъ морды платками, веревками, ремнями, старались говорить между собой сдержанно, вполголоса или даже совсѣмъ шопотомъ; для оріентированія въ мѣстности брали съ собой такъ называемый нюренбергскій квадрантъ, родъ компаса.

Какъ совершались сухопутные козацкіе походы изо-дня-въ-день, какъ запорожцы дѣлали нападенія на непріятелей, какъ захватывали они добычу и какъ возвращались къ себѣ домой, это отчасти показываетъ дошедшій до нашего времени отъ 1769 года, октября

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 442.

[2]) Лѣтопись Самовидца съ приложеніями, Кіевъ, 1878, 13.

[3]) Кулишъ. Исторія возсоедененія Руси, Спб., 1874, I, 152.

[4]) Какъ кажется, впервые пушки приспособлены были къ лафетамъ только во второй половинѣ XVII вѣка Богданомъ Хмельницкимъ: Коховскій. Опытъ изученія войнъ. Б. Хмельницкаго въ Военномъ Сборникѣ, 1862, 96—97.

11 дня, «меморіалъ» козацкаго похода къ Очаковской сторонѣ и къ Аккерману. Осенью, 25 сентября, изъ Коша вышли въ «партію», при старшинахъ и полковникахъ, 3.100 человѣкъ козаковъ. Переправившись черезъ рѣчку Синюху, они имѣли, въ тотъ-же дени, ночлегъ; слѣдующимъ днемъ перешли въ бродъ рѣку Бугъ, добрались до рѣчки Кодыми и здѣсь расположились на ночлегъ, разставивъ по курганамъ «бекеты»; слѣдующимъ днемъ, чуть свѣтъ, двинулись вверхъ по-надъ Кодымою и были въ пути до полудня; въ полдень, сдѣлавши обѣденный роздыхъ, отъ Кодыми пошли въ степь, черезъ балки къ Очаковской сторонѣ, въ низовье Буга и, дошелъ до Чарталы, ночевали. Отъ Чарталы направились къ Чачиклеѣ и тамъ довольно долго отдыхали; къ вечеру, переправившись черезъ Чачиклею, ночевали близь этой рѣчки. Отъ Чачиклеи дошли до Тилигула и, вслѣдствіе большаго ливня, расположились здѣсь на ночлегъ, разставивши на ночь караулы. Чуть свѣтъ, стали переходить рѣку, но вслѣдствіе большой грязи переправились черезъ нее до половины дня. Отъ Тилигула взяли на Куяльникъ; тутъ, захвативъ на пути въ добычу 10 татарскихъ лошадей, прибыли въ балку, падающую въ Куяльникъ, и въ ней ночевали подъ собственнымъ карауломъ. Съ разсвѣтомъ, 1 октября, снялись съ мѣста, перешли Дальникъ, и около него стояли весь день; здѣсь съ бекета замѣтили трехъ ногайцевъ, выслали для поимки ихъ старшину съ козаками, но высланная старшина поймать ногайцевъ не могла. Того-же вечера двинулись по-надъ Дальницкимъ лиманомъ, падающимъ въ Черное море, и шли въ ночное время степью; тутъ напали на ногайское стадо и семь человѣкъ пастуховъ при немъ; изъ пастуховъ двухъ зарѣзали, а пятерыхъ взяли живьемъ и подвергли допросу; изъ допроса узнали, что у моря имѣлось много лошадиныхъ табуновъ и при нихъ небольшое число пастуховъ. Послѣ этого бросились къ морю, всю ночь искали стадъ, хватали ихъ, а пастуховъ рѣзали. Пришедъ къ селенію Хаджибею, около него ночевали и уже готовились напасть на самое селеніе, но вдругъ неожиданно узнавъ, что въ Бѣлгородъ прибыли изъ Очакова 200 человѣкъ, бросились на турокъ. Здѣсь, видя свою малочисленность, спѣшились съ коней, вступили въ перестрѣлку, многихъ турокъ перебили, девять человѣкъ взяли въ плѣнъ, которые то отъ ранъ, то отъ сырой и холодной погоды потомъ поумирали въ пути; тутъ взяли въ добычу ружья, лошадей съ уборами; два знамени, желѣзную булаву, мѣдныя литавры и «ввесь багажъ». Послѣ этого вновь устремились на Хаджибей;

*

наскочивъ на него, мужчинъ и женщинъ покололи, многія хаты и разныя строенія въ селеніи и около него пожгли, а добычу забрали себѣ: тутъ же, частію вырѣзавши, частію забравши въ плѣнъ пастуховъ, захватили 20.000 лошадей, 1.000 рогатаго скота, 4.000 овецъ и 180 верблюдовъ. Погромивъ Хаджибей, пошли отъ моря по-надъ Хаджибейскимъ лиманомъ и пришли до перваго Куяльника Кучурганскаго; переправившись черезъ него и отдохнувши, ночью перешли второй Кульяникъ и, тутъ немного отдохнувъ, направились къ третьему Куяльнику; 3 октября добрались до Тилигула, переправились черезъ него, отдохнули: потомъ дошли до Чачиклеи, ночью перешли черезъ нее и также имѣли отдыхъ; 4 октября доѣхали до устья Чарталы и отдыхали въ теченіе ночи; наконецъ 5-го прошли по-надъ Бугомъ и переправились вмѣстѣ съ отбитымъ у татаръ и турокъ скотомъ черезъ Бугъ, выше Гарда, въ Кривомъ, подѣлавши «плавки», и тутъ «учинили всему войску роздыхъ» [1]).

Такимъ-же характеромъ отличались и морскіе походы запорожскихъ козаковъ. Разница состояла лишь въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ запорожцы отправлялись въ путь не на коняхъ, а въ большихъ лодкахъ, называвшихся у нихъ чайками (отъ татарскаго слова «каикъ»=«чаикъ», т. е. круглая лодка) или дубами [2]). Здѣсь лодка была столь-же необходима, какъ въ степи конь.

Лодки у запорожцевъ были двоякаго рода—рѣчныя и морскія. Рѣчныя дѣлались для рыбной ловли и «для всякаго припасу хоромнаго и дровяного» и могли вмѣстить въ себя самое большее количество пловцовъ, 10 человѣкъ. Всѣ лодки, какъ рѣчныя, такъ и «челны морскіе» или «чайки» частію доставлялись готовыми изъ Украйны или даже изъ глубины Россіи [3]), частію-же сооружались въ самой Сичи.

Способъ построенія морскихъ лодокъ у запорожцевъ не былъ особенно сложенъ: по дошедшему до насъ преданію, первоначально у нихъ были лодки, сдѣланныя изъ буйволовой кожи, для удобства перетаскиванія ихъ отъ одной рѣчки къ другой по сушѣ [4]): съ теченіемъ времени первобытныя лодки замѣнились большими чайками. Чайки эти сооружались въ особомъ мѣстѣ Сичи, войсковой скарбницѣ, и по своему внѣшнему виду напоминали неаполитанскіе фелюки, испан-

[1]) Фелицынъ. Приложеніе къ Кубанскимъ областнымъ вѣдом., 1890.
[2]) Краткое описаніе. Лѣтопись Самовидца, 1878, 331, 329, 348.
[3]) Акты южной и западной Россіи, XI, 260; XII, 102; XII, 49.
[4]) Зеделлеръ. Обозрѣніе военнаго искусства, Спб., 1843, II, 299.

скіе баркелонги, съ кормы и носа островатыя [1]), безъ киля и палубы, размѣровъ весьма различныхъ: длины отъ 50 до 70, ширины отъ 10 до 12, или отъ 18 до 20, высоты до 12 футовъ [2]). Основой для такой чайки служило дно, выдолбленное изъ ивоваго или липоваго бревна, длиною обыкновенно около 45 футовъ: къ этой основѣ прибивались съ обоихъ боковъ, снизу вверхъ, дубовыя доски, длины до 12, ширины до 1 фута каждая, нашивка досокъ прибавлялась до тѣхъ поръ, пока лодка не получала означенныхъ размѣровъ длины, ширины и высоты. Послѣ этого сооруженную лодку осмаливали смолой и придѣлывали къ ней два руля или загребныя весла, одно на кормѣ, другое на носу, для того, чтобы не поворачивать ее съ одной стороны въ другую и такимъ образомъ дѣйствовать ею свободно, безъ потери лишняго времени. Затѣмъ къ бортамъ осмоленной лодки, съ наружной стороны, вдоль досокъ отъ кормы до носа, посредствомъ лыка или боярышника, привязывали пучки камыша, толщины отъ 6 до 18 футовъ, чтобы предохранить ее отъ потопленія во время морскихъ волнъ и защитить во время жаркихъ схватокъ отъ вражескихъ стрѣлъ. При каждой чайкѣ, смотря по величинѣ ея, прикрѣплялось отъ 20 до 30 и даже до 40 веселъ съ обѣихъ сторонъ: среди чайки ставилась одна мачта, а къ мачтѣ, въ случаѣ надобности, прикрѣплялся парусъ; такимъ образомъ, чайка могла идти въ одно и тоже время и на веслахъ и на парусахъ: впрочемъ, козаки, при сильномъ попутномъ вѣтрѣ всегда предпочитали идти на однихъ веслахъ и избѣгали парусовъ, которые могли выдать ихъ непріятелямъ. Ко всему этому на каждую чайку ставились съ одной стороны бочка для сухарей, длины 10, въ поперечникѣ 4 фута, со втулкой сверху для просовыванія въ нее руки, а съ другой — 4 или 6 фальконетовъ, т. е. небольшихъ кованныхъ желѣзныхъ или мѣдныхъ пушекъ для стрѣльбы изъ нихъ по непріятелямъ. Впрочемъ, въ началѣ исторической жизни запорожскіе козаки никакихъ съ собой пушекъ во время морскихъ походовъ не возили и только подъ конецъ XVII вѣка стали снабжать себя фальконетами, и то небольшихъ размѣровъ, потому что малыя суда ихъ не могли выдерживать ни тяжелыхъ оружій, ни палубы [3]). Надъ каждой чайкой

[1]) Корнелій Крюйсъ. Разысканія о Донѣ: От. Зап., 1824, октябрь, 68.
[2]) Корнелій Крюйсъ, 68; Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб.. 1832, 62.
[3]) Корнелій Крюйсъ: Отечественныя Записки 1824, сентябрь, № 54, 68—70.

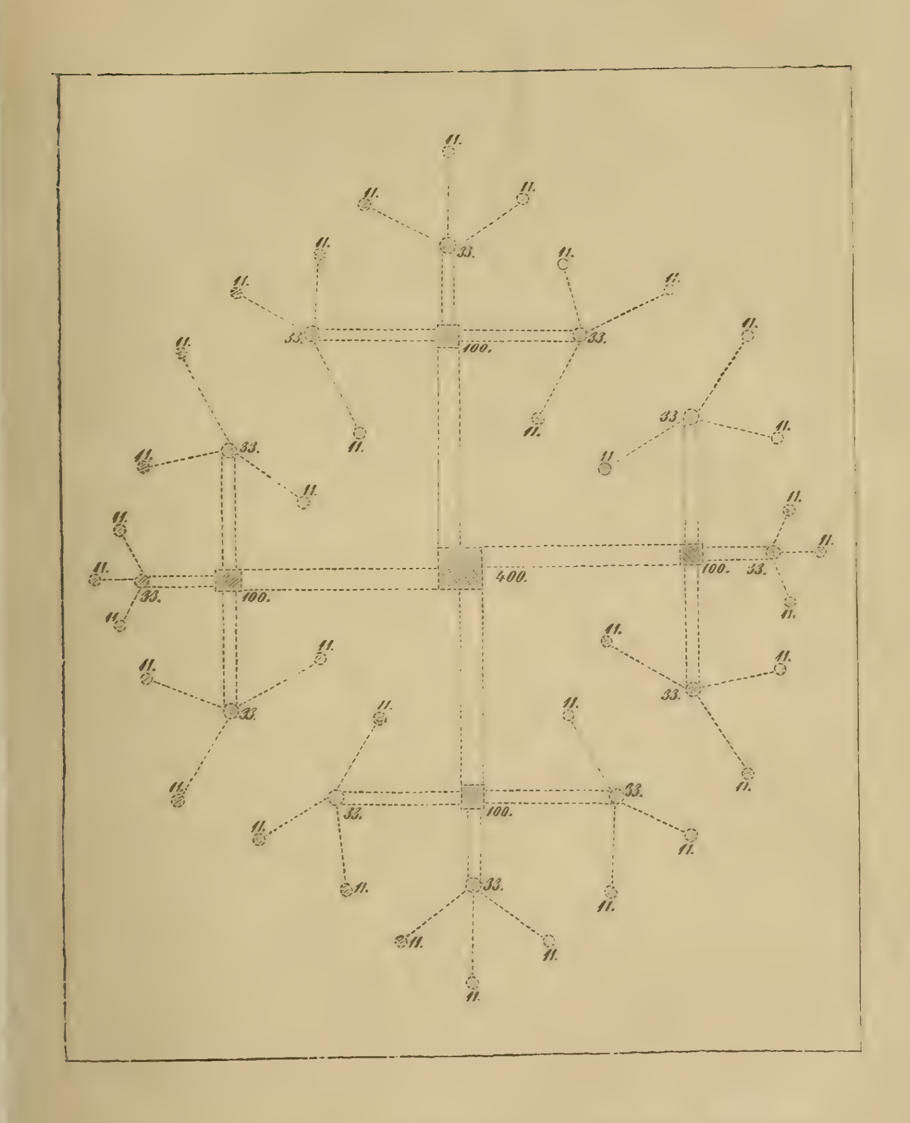
работало не менѣе 60 человѣкъ въ теченіи 15 дней; въ двѣ или три недѣли они изготовляли отъ 80 до 100 лодокъ.

Въ сооруженную такимъ образомъ лодку садилось отъ 50 до 70 козаковъ, изъ коихъ каждый имѣлъ саблю, двѣ рушницы, шесть фунтовъ пороха, достаточное количество пуль, нѣсколько для фальконетовъ ядеръ, одинъ нюренбергскій квадрантъ и необходимые жизненные припасы, какъ-то: сухари, копченое мясо, вареное пшено или кашу и ячменную муку, изъ которой приготовлялась саламаха: спиртныхъ напитковъ возить съ собой козаки не смѣли, потому что пьяницъ въ походахъ не терпѣли, и если замѣчали кого-либо въ нетрезвомъ видѣ, тотъ-же часъ выбрасывали за бортъ лодки, «ибо трезвость считали необходимою при исполненіи своихъ предпріятій» [1]). Походную одежду козаковъ составляла рубаха, двое шароваръ, кафтанъ толстаго сукна и шапка: хотя въ мирное время запорожцы одѣвались очень богато и нарядно, но для морскихъ походовъ обряжались въ самыя старыя ветоши, тогда какъ турки, напротивъ того, выходя на войну, одѣвались въ дорогія платья и украшались «золотыми и алмазными» вещами [2]).

Для морскихъ походовъ выбиралось преимущественно осеннее время, особенно пасмурные дни и темныя ночи, передъ новолуніемъ, когда можно было скрыть всякое движеніе противъ непріятелей. Чайки козацкія выходили прямо изъ гавани отъ Сѣчи и спускались по Днѣпру: онѣ такъ шли тѣсно, что гребцы едва не задѣвали другъ друга веслами: впереди всѣхъ неслась чайка кошевого атамана, на которой развѣвался атаманскій флагъ. Такъ доплывали запорожскіе козаки по Днѣпру до острова Тавани и стоявшаго противъ него на правомъ берегу рѣки турецкаго города Кизыкерменя. Турки, провѣдавъ о движеніи козаковъ, брали противъ нихъ свои мѣры: они протягивали отъ крѣпости Кизыкерменя до острова Тавани, поперекъ Днѣпра, и отъ городка Ослана до того-же острова Тавани, поперекъ рѣки Конки, въ этомъ мѣстѣ соединяющейся съ Днѣпромъ, желѣзныя цѣпи, посреди рѣки устраивали ворота, а на ворота изъ городковъ наводили пушки. Казалось, всякъ, пытавшійся пройти черезъ эти роковыя ворота, долженъ былъ неминуемо погибнуть у нихъ. Но козаки въ свою очередь

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ. 1832. 63—64.

[2]) Вице-адмиралъ Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1854, № 70—72.



Разбѣги татаръ по Боплану.—Къ стр. 455—456.

брали мѣры: пользуясь темнотой ночи, они сваливали въ лѣсу нѣсколько высокихъ деревьевъ, прикрѣпляли къ нимъ желѣзныя цѣпи и потомъ въ стоячемъ видѣ пускали ихъ къ воротамъ, запиравшимъ проходъ по Днѣпру мимо острова Тавани. Пущенныя такимъ образомъ деревья, ударяясь въ проведенныя поперекъ Днѣпра и Конки желѣзныя цѣпи, давали знать туркамъ о движеніи козаковъ; турки поднимали тревогу, стрѣляли изъ пушекъ, но попадали не въ лодки, а въ плывшія деревья, принимая ихъ за высокія мачты. А между тѣмъ запорожцы спокойно стояли въ камышахъ у береговъ Днѣпра выше проведенныхъ цѣпей и ждали, когда турки истратятъ свои боевые запасы: какъ только стрѣльба прекращалась, тогда козаки бросались къ цѣпямъ, разрывали ихъ сильнымъ натискомъ и потомъ, пользуясь темнотой ночи, спокойно пробирались дальше. Такимъ-же точно образомъ, выждавъ «благополучной для себя погоды» и никѣмъ незамѣченные, запорожцы проѣзжали мимо Очакова и Кинбурна; впрочемъ, вмѣсто днѣпровскаго лимана козакамъ приходилось иногда оттягивать свои дубы къ извѣстному имъ мѣсту Прогною, отъ котораго шелъ протокъ къ морю, и протокомъ выходить въ открытое море; чаще-же всего, миновавъ благополучно всѣ турецкіе города у береговъ Днѣпра, они направлялись въ днѣпровскій лиманъ, а изъ лимана въ Черное море, гдѣ козаку «путь чистъ», гдѣ ему и гулять не заказано и дорожки всѣ показаны [1]. Отсюда запорожцы залетали и на Тендеръ островъ («Тынъ-Дерево») и къ Азову, Гёзлеве городу («Козлову», «Тысячѣ-Очамъ»); отсюда они выбирались въ Бѣлое и Круглое моря, т. е. Архипелагъ и Мраморное море; отсюда же они проникали за Тамань, въ Египетъ («Бѣлую Арапію»), заходили въ Бессарабію («Бисову Арапію»), осмаливали крылья Аккерману или «Бѣлому городу», выплывали въ Килію, Измаилъ и Дунай-устье, а нерѣдко и самый Царьградъ «мушкетнымъ дымомъ окуривали», «самому Царюгороду давали пороху нюхати»; Трапезонтъ, Кафу и Варну города «выстинали», Синопъ городъ, прекрасный своимъ мѣстоположеніемъ, замѣчательный своимъ здоровымъ климатомъ и

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1853, 11—13; Дневникъ Тяпкина и Зотова: Записки одесскаго общества исторіи и древностей, II, 645; VII, 178, прим. 50; Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 203, 204; Смирновъ. Крымское ханство. С.-Петербургъ, 1887, 493.

оттого прозванный «Мединетъ-Юль-Ушакъ», т. е. «городомъ любовниковъ», «опровергали до фундамента».

«А въ недиленьку рано пораненько плывуть славни козаченьки,
Плывуть човеньцями, поблыскують весельцями,
Вдарыли разомъ симсотъ самопаловъ седьми пядевъ одъ запаловъ..
Була Варна, була Варна, здавна славна, здавна славна,
Славнийшии козаки, що въ тій Варни миста взяли,
Миста въ Варни усй взяли, а въ ныхъ туркивъ порубали».
. . . .

«А изъ того времени (отъ Сигизмунда I) козаки, наипаче запорожскіе, въ храбрость и силу произойшли, воюя часто на турковъ и въ тѣхъ войнахъ алчбѣ и жаждѣ и морозу и зною приобыкли... Да они жъ въ покои жити никогда не любятъ, но для малой користи великую нужду подимаютъ и море было переплывать отваживаются, и суднами подъездя подъ турецкие города и разоряя оные, съ користми до Коша возвращаются, и для такихъ воинскихъ дѣлъ ихъ не возгнушались изъ высокихъ фамилій персоны быть у нихъ гетманами» [1]). Изумительная смѣлость, даже можно сказать дерзость запорожскихъ козаковъ во время ихъ разъѣздовъ по Днѣпру и набѣговъ на Крымъ, мимо турецкихъ и татарскихъ крѣпостей, объясняется, конечно, отчасти жалкимъ состояніемъ этихъ крѣпостей и ихъ оборонительнаго гарнизона. Такъ, самыя лучшія изъ нихъ, Очаковъ и Перекопъ, «очи Днѣпра и Крыма», благодаря ничтожнымъ свѣдѣніямъ турокъ въ инженерномъ искусствѣ, совершенно не выполняли своего назначенія: рвы ихъ постоянно осыпались и оставались неисправленными, замки и башни были ничтожны, пушки немногочисленны, гарнизонъ слабъ и безпомощенъ [2]).

Случалось, однако, что турки, узнавъ о проходѣ запорожцевъ мимо Тавани по Днѣпру, дѣлали оклики, разставляли для поимки ихъ въ устьѣ Днѣпра свои галеры, но и это напрасно: темнота ночи и ширина Днѣпровскаго лимана, доходящая здѣсь до десяти и болѣе верстъ, давали возможность козакамъ ускользнуть и отъ второй стражи турецкой. Однако, вѣсть о козацкомъ походѣ быстро распространялась по всему морскому берегу и скоро доходила до

---

[1]) Краткое описаніе Малороссіи: Лѣтопись Самовидца, Кіевъ, 1878, 213.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 36, 37; Коховскій. Опытъ изученія войнъ Б. Х., 79—81.

самаго Константинополя. Тогда изъ столицы султана скакали гонцы во всѣ приморскія области—Анатолію, Болгарію, Румелію—и оповѣщали жителей о приближеніи страшныхъ враговъ. Запорожцы и этимъ не смущались: они выбирали какое-нибудь безлюдное, но укромное мѣсто на берегу моря, причаливали туда со всѣми своими лодками, оставляли лодки на мѣстѣ подъ охраною двухъ козаковъ и двухъ мальчиковъ на каждомъ челнѣ, а сами, вооружившись саблями, пистолетами и ружьями, внезапно бросались на первый городъ, жгли жилища, грабили имущества, истребляли жителей и, потомъ, одобыченные разнымъ добромъ, быстро возвращались къ лодкамъ, садились въ нихъ всею массою и уходили въ море. Погулявъ нѣсколько времени по морю, они вновь выбирали себѣ укромное мѣсто, вновь высаживались на берегъ и вновь внезапно дѣлали нападеніе на какой-нибудь городъ, вновь жгли, грабили, убивали и возвращались къ лодкамъ. Такъ въ короткое время они опустошали огромное пространство морского берега, хватали по пути татарскихъ коней, садились на нихъ верхомъ, добѣгали до мѣста, гдѣ сидѣли товарищи у затопленныхъ лодокъ, забирали все свое добро и всѣхъ людей и спѣшили возвратиться въ Сичу [1]). Иногда, отправляясь въ походъ, запорожцы раздѣлялись на двѣ партіи: одна партія шла сухимъ путемъ, вдоль берега Днѣпра, верхомъ на лошадяхъ, другая шла рѣчнымъ путемъ, внизъ по теченію Днѣпра, на дубахъ; пройдя Кизыкермень, Очаковъ и Кинбурнъ, они соединялись въ одномъ мѣстѣ и потомъ дѣлали набѣги на турецкіе города сообща. Съ теченіемъ времени, когда турки открыли всѣ потайные ходы козаковъ и начали хватать и рубить ихъ, запорожцы придумали другой способъ обманывать турокъ: они выходили изъ Сичи на небольшихъ лодкахъ и, дойдя до Кизыкерменя, Очакова и Кинбурна, тащили ихъ нѣкоторое время сухимъ путемъ; потомъ добирались до того мѣста, гдѣ у нихъ затоплялись дубы и отсюда открывали свои опустошенія вдоль береговъ Чернаго моря; сдѣлавъ нѣсколько набѣговъ, они возвращались въ море и тутъ брали всѣ мѣры, чтобы не попасться на глаза туркамъ.

А между тѣмъ въ морѣ уже давно подстерегали козаковъ турецкія суда гадраги, называемыя по козацки галерами или ка-

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. 13, 14; Бопланъ. Описаніе Украйны, 65.

торгами. Но запорожцы не страшились и галеръ: долговременная опытность пріучила ихъ и къ морскимъ сраженіямъ, а безпримѣрная храбрость заставляла презирать опасность отъ враговъ. Свободно разъѣзжая по морю, они долго оставались невѣдомы для враговъ, потому что ихъ чайки, возвышались надъ поверхностью воды не болѣе, какъ на 2½ фута, совсѣмъ скрывались въ морскихъ волнахъ, тогда какъ сами козаки уже на далекомъ разстояніи видѣли высокія и тяжелыя турецкія галеры. Высмотрѣвъ издали галеры, козаки, зная свою ничтожную численность, исключавшую всякое нападеніе на врага, избѣгали открытаго боя и выжидали или туманной погоды, или наступленія ночи, лавируя по морю весь день до вечера и не упуская изъ виду непріятельскаго корабля. Если козаки рѣшались сдѣлать нападеніе на турецкія галеры, то они немедленно складывали мачты и старались расположить свои лодки такимъ образомъ, чтобы солнце къ вечеру было у нихъ за спиною. Чѣмъ скорѣе клонился день къ вечеру, тѣмъ ближе подходили козаки къ турецкому кораблю: за часъ до захода солнца они приближались къ нему на одну милю разстоянія, а къ самой ночи подходили еще ближе того: наконецъ, дождавшись полночи, они внезапно устремлялись на непріятельскій корабль. Въ это время одна половина отважныхъ пловцовъ работала веслами, а другая, съ ногъ до головы вооруженная, бросалась въ абордажъ «тяжелаго трирядовесельнаго» турецкаго корабля, тотъ-же часъ сцѣплялась съ нимъ, въ одно мгновеніе входила въ его середину, хватала деньги, золото, серебро, дорогія ткани, легкіе, неподвергающіеся подмочкѣ, товары, остальное добро жгла, бросала за бортъ, простыхъ людей убивала, знатныхъ брала въ плѣнъ, корабль, со всѣмъ экипажемъ, какъ негодный для козаковъ по неумѣнію ихъ владѣть морскими судами, пускала ко дну, а сама моментально возвращалась къ своимъ лодкамъ и уходила прочь [1]). Особенно страшны бывали козаки для турокъ у морскихъ береговъ: взять козаковъ у береговъ едва-ли возможно, потому что плавать около береговъ они были большіе мастера, а къ тому-же, если они выходили на берегъ, то здѣсь поймать ихъ было очень трудно: они искусно прятали свою добычу и очень быстро затопляли суда, чтобы потомъ вновь вынуть ихъ изъ воды и разгуливать по морю, туркамъ-же совсѣмъ не было

---

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 66, 67.

никакого интереса въ козацкихъ судахъ, они старались только хватать людей, чтобы сдѣлать ихъ невольниками [1]).

Между тѣмъ, «струснувъ Крымъ или Анатолію», козаки спѣшили возвратиться назадъ, въ Сичу. Турки и здѣсь брали свои мѣры противъ козаковъ: они разставляли стражу у устья Днѣпра противъ Очакова и здѣсь поджидали своихъ враговъ. Но козаки напередъ знали всѣ планы турокъ и смѣялись надъ ними: вмѣсто того, чтобы подниматься къ самому устью Днѣпра, козаки приставали въ извѣстномъ имъ заливѣ, въ 3 или 4 миляхъ на востокъ отъ города Очакова, и по этому заливу, а потомъ по низкой лощинѣ, идущей отъ залива къ Днѣпру и заливаемой морскою водой на одну четверть мили, поднимались лодками до сухого мѣста: по сухому мѣсту лощины перетаскивали свои лодки на рукахъ, работая по 200 или по 300 человѣкъ надъ каждымъ судномъ, и такимъ образомъ черезъ два-три дня, одолѣвъ препятствія, входили уже въ Днѣпръ и потомъ поднимались до Сичи, куда привозили испанскіе реалы, арабскіе цехины, персидскіе ковры, восточную парчу, бумажныя издѣлія, шелковыя ткани, и все это дѣлили межъ собой.

Если-же турки преграждали путь запорожцамъ и у низкой лощины противъ Очакова, тогда козаки избирали самую отдаленную дорогу для возвращенія въ Запорожье: они шли изъ Чернаго моря въ Керченскій проливъ, изъ Керченскаго пролива въ донской лиманъ, изъ донского лимана къ устью рѣки Міуса, по Міусу поднимались вверхъ до того мѣста, гдѣ онъ перестаетъ быть судоходнымъ: отъ этого мѣста шли небольшое разстояніе волокомъ и добирались до Волчьей-Воды, притока Самары, изъ Волчьей-Воды попадали въ Самару, изъ Самары, выше крѣпости Кодака, въ Днѣпръ. Но этотъ путь рѣдко избирался козаками, развѣ въ томъ случаѣ, когда ихъ флотилія состояла всего изъ 20 или 25 челновъ, или-же тогда, когда другіе пути были преграждены имъ турками [2]).

Не всегда, разумѣется, такъ счастливо оканчивались походы для запорожскихъ козаковъ; иногда они попадали въ такую безвыходную западню, отъ которой терпѣли громадный уронъ; особенно страшно имъ было столкновеніе съ турецкими кораблями

[1]) Крюйсъ. Отечественныя Записки, 1824, окт., № 54, 70.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 67, 68.

въ открытомъ морѣ среди бѣлаго дня: тогда отъ пушечныхъ выстрѣловъ турокъ «челны ихъ разсыпались, какъ стая скворцовъ», а сами козаки искали спасенія въ поспѣшномъ отступленіи къ берегу и бѣгствѣ на материкъ. Впрочемъ, нерѣдко и при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ козаки все-же не теряли мужества и вступали въ бой съ непріятелями; тогда они привязывали весла къ мѣстамъ и всѣми своими наличными силами давали отпоръ туркамъ, причемъ одна половина ихъ, сидя въ лодкѣ, не трогаясь съ мѣстъ, безпрерывно палила въ турокъ изъ рушницъ, а другая безпрерывно заряжала рушницы и подавала ихъ стрѣлкамъ. Въ такомъ случаѣ они рѣдко бывали въ конецъ побѣждены, хотя въ подобныхъ схваткахъ теряли до двухъ третей своихъ товарищей, но все-же остальные смѣльчаки возвращались благополучно на родину [1]).

Изъ описанныхъ въ этихъ походахъ козацкихъ чаекъ ни одна не сохранилась въ цѣльномъ видѣ до нашего времени. Мы имѣемъ лишь обломки одной изъ такихъ чаекъ, недавно найденные въ вѣткѣ Днѣпра Сысиной, параллельно вѣткѣ Подпильной, противъ села Покровскаго, екатеринославскаго уѣзда, мѣста послѣдней по времени запорожской Сѣчи. Изъ двухъ найденныхъ здѣсь лодокъ бòльшая имѣла десять саженъ длины и одну сажень глубины; она сдѣлана была безъ киля, на видъ плоскодонна, съ крутыми выгнутыми боками; дно и нижняя часть бортовъ ея (по ватеръ-линіи) состояли изъ дубовыхъ досокъ, а верхняя часть бортовъ и палуба — изъ еловыхъ; кокоры, т. е. ребра, всѣ изъ дуба; вся наружная обшивка лодки была прикрѣплена къ кокорамъ деревянными ясеневыми, въ два пальца толщины, и желѣзными, грубой кузнечной работы, съ большими шляпками, гвоздями въ такомъ порядкѣ, что черезъ два деревянныхъ гвоздя шелъ одинъ желѣзный; по бокамъ лодки сдѣланы были уключины («кочетки») для веселъ; во всю длину лодки, отъ носа до кормы, шелъ дубовый брусъ, толщиною въ пять вершковъ, состоявшій изъ двухъ кусковъ, скрѣпленныхъ по самой срединѣ лодки; къ бортамъ лодки, вверху, прикрѣплены были желѣзные, и до сихъ поръ сохранившіеся, болты съ крючьями, очевидно, для прикрѣпленія къ нимъ веревокъ отъ снастей, изъ чего можно заключить, что лодка, кромѣ веселъ, ходила на парусахъ и имѣла небольшую оснастку. Меньшая изъ ло-

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832, 69.

докъ имѣла три сажени длины, два аршина глубины и до двухъ съ половиной аршинъ по самой срединѣ ширины; съ виду она похожа на баркасъ, но устройствомъ ничѣмъ не разнится отъ лодки большой [1]).

Кромѣ чаекъ, у запорожскихъ козаковъ были въ употребленіи, хотя въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, и корабли. Образецъ такого корабля представленъ на большомъ войсковомъ знамени прошлаго столѣтія, дарованномъ козакамъ императрицей Екатериной II, уцѣлѣвшемъ до нашего времени и хранящемся въ императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Это—такъ называемый трехмачтовый, двухдечный корабль: съ лицевой стороны этого корабля видны: бортъ съ четырьмя каютными люминаторами, на подобіе правильныхъ кружковъ, и высокая двухъ-ярусная рубка, имѣющая видъ палатки, для помѣщенія на суднѣ главныхъ лицъ команды, съ осьмью отверстіями, на подобіе дверей, въ каждомъ ярусѣ по четыре. Въ нижнемъ декѣ корабля сдѣлано семь большихъ люковъ, въ верхнемъ декѣ—три малыхъ люка; въ соотвѣтствіе этому столько-же люковъ, нужно думать, было и на другой сторонѣ, а на обѣихъ сторонахъ нижняго и верхняго деновъ судна двадцать люковъ; изъ нихъ видны концы вставленныхъ пушекъ. Сзади судна поставлена толстая, но сравнительно низкая корма съ рѣзными украшеніями и рисунками и съ однимъ военнымъ флагомъ, разрѣзаннымъ пополамъ и прикрѣпленнымъ на невысокомъ древкѣ къ кормѣ. На носу корабля положенъ якорный значекъ, къ которому прикрѣпленъ флагъ, подобный флагу на кормѣ, только меньше по величинѣ. Между кормой и носомъ поставлены три высокія мачты для трехъ парусовъ, съ двумя веревочными лѣстницами къ каждому; на каждой изъ трехъ мачтъ высится по одному развѣвающемуся флагу, такой-же формы и величины, какъ и на кормѣ. Во всемъ кораблѣ могло помѣститься, по меньшей мѣрѣ, 250 человѣкъ команды при пяти или десяти человѣкахъ начальниковъ [2]).

---

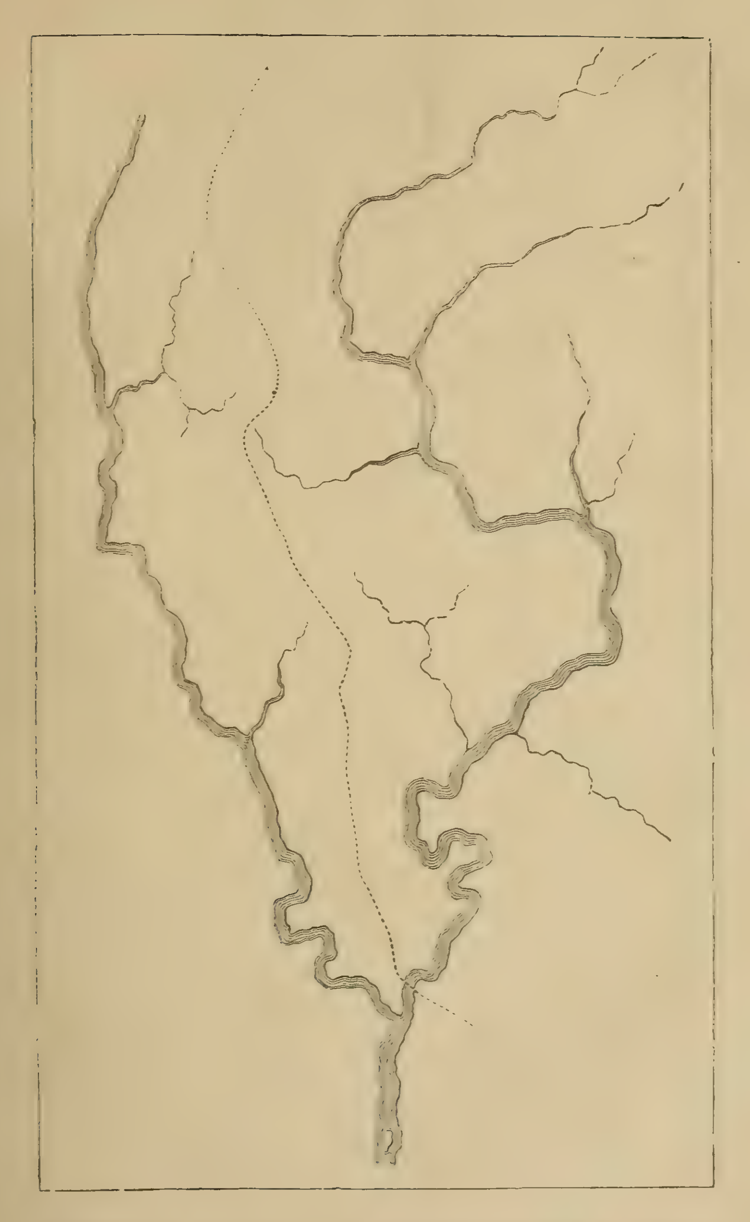
[1]) Эварницкій. Одесскій Листокъ, 1890, № 100, 2.

[2]) Эварницкій. Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ. Спб., 1889, 117—120.

Хлѣбопашество, скотоводство, рыболовство, звѣроловство, огородничество и садоводство у запорожскихъ козаковъ.

Запорожскимъ козакамъ достались если не самыя богатѣйшія, то однѣ изъ богатѣйшихъ земель во всей теперешней южной Россіи: глубокія залежи чернозема, обширныя пастбища, прекрасные луга, многочисленныя водныя балки, хотя рѣдкія, но густыя поросли мелколѣсья,—все это дѣлало запорожскій край привлекательнымъ въ глазахъ всякаго земледѣльца и заставляло многихъ украинцевъ, особенно съ половины XVIII вѣка, цѣлыми массами стремиться на Низъ, искать тамъ пріюта для себя и для своихъ семействъ, возводить тамъ собственныя жилища, получать и культивировать землю. Источники не даютъ намъ достаточныхъ указаній на счетъ вида землевладѣнія въ запорожскомъ краѣ. Но, кажется, на этотъ счетъ можно принять то общее положеніе, что въ запорожскомъ краѣ вся земельная территорія представляла собой большею частію общинную собственность, хотя, общинная не исключала иногда и частной собственности. Такъ, напримѣръ, извѣстно, съ одной стороны, то обстоятельство, что сичевое товариство владѣло разными угодьями, т. е. сѣнокосными, пашенными, рыболовными и звѣроловными мѣстами, на правахъ общинныхъ, мѣняя ихъ, по жребію, ежегодно между всѣми, безъ различія, товарищами; съ другой стороны извѣстно и то, что сичевое товариство отдавало въ собственность нѣкоторыя земли для козаковъ-зимовчаковъ. Но если между землями козаковъ-зимовчаковъ были и земли, отдававшіяся на правахъ лишь продолжительнаго пользованія, но съ тѣмъ вмѣстѣ были и земли, отдававшіяся козакамъ, за особые подвиги ихъ передъ цѣлымъ христіанскимъ міромъ или только передъ запорожскимъ войскомъ, въ полную собственность [1].

[1]) Феодосій. Историческій обзоръ церквей, Екатеринославъ, 1870, 60 и др.



Движеніе татаръ по водораздѣламъ рѣкъ.
Къ стр. 460—461.

Такъ или иначе, но, владѣя обширными и богатыми землями, запорожскіе козаки, однако, по отзывамъ всѣхъ современниковъ сравнительно мало противъ того, какъ указывала потребность занимались хлѣбопашествомъ: «мало между ними было такихъ художниковъ, которые бы продажею хлѣба кормили себя»; упражняясь съ дѣтства своего въ «военноі экзерциціи и морскихъ походахъ»[1]), къ тому-же, имѣя бо́льшую склонность къ рыбной пищѣ и овощамъ, нежели къ хлѣбу и мясу, и не имѣя близь своихъ вольностей обширныхъ хлѣбныхъ рынковъ и гаваней, запорожскіе козаки, не смотря на многія рѣки, богатыи черноземъ, плодоносныя земли и безмѣрныя пространства степей, мало обрабатывали свои земли и вовсе не пользовались сокрытыми въ землѣ богатствами. Впрочемъ, оно и естественно. Козаку, природному воину, искони вѣковъ сподручнѣе было бороздить веслами высокія волны рѣкъ и морей, чѣмъ рѣзать косой густую траву луговъ и орать плугомъ дѣвственную почву степей; степь для козака — арена воинскихъ подвиговъ, а не поле для черныхъ работъ. Ведя почти безпрерывныя войны съ врагами, защищая Россію, Польшу и Украйну отъ страшныхъ враговъ, мусульманъ, запорожцы естественно должны были довольствоваться главнымъ образомъ извнѣ привозимыми къ нимъ предметами пропитанія. Сперва, въ періодъ зависимости Запорожья отъ Рѣчи-Посполитой, они получали хлѣбное жалованье отъ литовско-польскаго правительства, затѣмъ, въ періодъ зависимости отъ русскаго правительства, они получали хлѣбное жалованье изъ Москвы. Нѣкоторымъ доказательствомъ скудости хлѣбопашества въ Запорожьѣ служитъ челобитная кошевого атамана Григорія Ѳедорова императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ 1755 году, въ которой онъ писалъ, что войско запорожское низовое, «изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ[2]), да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ»[3]). Однако, при всемъ этомъ нельзя сказать, чтобы у запорожскихъ козаковъ земля вовсе не воздѣлывалась или чтобы они совсѣмъ уклонялись отъ культуры ея: «Не всѣ изъ запорожцевъ замѣчаетъ на этотъ счетъ академикъ прошлаго столѣтія Василій Зуевъ, занимались кровавыми промыслами (т. е. войной), а было

---

[1]) Крюйсъ. Разысканія о Донѣ, Отечеств. Зап., 1824, окт., 51, 67.

[2]) Кошевой сильно выразился, съ очевидною цѣлью разжалобить им—цу

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 181.

у нихъ отчасти и хлѣбопашество, и скотоводство, и рыболовство, смотря по тому, какія кому выгоды обитаемыя ими мѣста представляли» [1]). И точно: въ Запорожьѣ существовалъ цѣлый классъ козаковъ, называвшихся «сиднями или гречкосѣями», которые жили по зимовникамъ, еламъ и бурдюгамъ, занимались разными хозяйственными дѣлами и между прочимъ «засѣвали свои поля разнымъ хлѣбомъ» [2]): число этихъ зимовниковъ годъ отъ году увеличивалось, такъ что, напримѣръ, въ 1766 году считалось ихъ до 4.000, въ 1775 году 45 деревень и 1.601 зимовникъ [3]), а вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа поселковъ увеличивалось и количество обрабатывавшейся земли. Безъ сомнѣнія, всего больше обрабатывались земли въ паланкахъ самыхъ богатыхъ черноземомъ, а главное, самыхъ удаленныхъ отъ сосѣдства хищныхъ татаръ: первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимала паланка самарская, за ней слѣдовали въ постепенно нисходящемъ порядкѣ паланки — кодацкая, орельская, протовчанская, калміусская, перевизская и бугогардовская: въ послѣднихъ трехъ земля воздѣлывалась или въ самомъ ничтожномъ количествѣ, или даже вовсе не воздѣлывалась.

Земля для посѣва хлѣба, по словамъ очевидца, выбиралась преимущественно около рѣкъ или по склонамъ балокъ и по долинамъ, потому что открытая и высокая степь не всегда была къ тому удобна: всякій зажиточный запорожецъ засѣвалъ хлѣбомъ столько земли, сколько у него было рабочихъ силъ и продолжалъ эксплоатировать избранный участокъ до тѣхъ поръ, пока «обезсоченная» земля становилась неспособною для производительности хлѣбныхъ растеній: тогда онъ оставлялъ насиженное мѣсто, выбиралъ себѣ другую рѣку или балку, строилъ здѣсь зимовникъ и вновь принимался за эксплоатацію земли: добываемый на землѣ хлѣбъ запорожецъ обыкновенно пряталъ въ нарочно выкопанныя въ землѣ, на подобіе подземныхъ погребовъ, ямы, снаружи только одному хозяину и примѣтныя: видимо это дѣлалось съ цѣлью сохранить свое богатство отъ внезапныхъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей, татаръ. Эти ямы устраивались слѣдующимъ образомъ. Хозяева выбирали открытое и сухое мѣсто въ собственномъ зимовникѣ или около него; въ выбранномъ мѣстѣ выкапывали круглую,

[1]) Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ зап. коз., Мѣсяцесловъ, 1786, 2.
[2]) Чернявскій. Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, 82.
[3]) Дашковъ. Сборникъ антропол. и этногр. статей, М. 1868, I, 133.

съ небольшимъ отверстіемъ, чрезъ которое могъ пролѣзть одинъ или два человѣка, яму; эту яму, гладко вымазавъ въ ней глиной полъ, стѣны и потолокъ, просушивали и предъ самою засыпкою въ нее хлѣба, жарко протапливали; давъ нѣкоторое время остыть ей отъ топлива, наполняли хлѣбомъ, отверстіе закладывали досками, а поверхъ досокъ нагортали землю, землю плотно уколачивали, непремѣнно въ уровень съ окружающею поверхностію, и такимъ образомъ сохраняли въ теченіе многихъ лѣтъ свои хлѣбные запасы. Заложенный указаннымъ способомъ хлѣбъ рѣдко портился, исключая того случая, когда въ яму, вслѣдствіе плохой укатки земли, проходила вода. Если надобность указывала открыть такую яму, то хозяева брали при этомъ нѣкоторыя мѣры предосторожности: снявъ доски, они поспѣшно уходили отъ ямы, чтобы избѣжать спертаго въ ней отъ хлѣба духа, который могъ убить на мѣстѣ неосторожнаго человѣка. Снявъ такимъ образомъ доски съ ямы, хозяева оставляли ее открытою въ теченіи цѣлой недѣли и только по истеченіи этого времени выбирали засыпанный въ нее хлѣбъ [1]). Этихъ складовъ хозяинъ касался или тогда, когда наставала въ томъ нужда, или тогда, когда онъ былъ при смерти; въ послѣднемъ случаѣ онъ завѣщалъ ихъ или на церковь, или одному изъ своихъ работниковъ, какому-нибудь бѣднѣйшему пастуху; этотъ послѣдній, неожиданно получивъ такое богатство, часто прогуливалъ его съ товарищами, «въ поминъ души усопшаго» [2]). Изъ всѣхъ видовъ хлѣбной растительности въ бо̀льшемъ количествѣ засѣвались у запорожскихъ козаковъ греча, ячмень, овесъ и горохъ, въ меньшемъ рожь и еще меньшемъ пшеница.

Считая по справедливости собственную обработку земли недостаточною для прокормленія всего войска, запорожскіе козаки всегда нуждались въ привозномъ хлѣбѣ и всегда дорожили хлѣбнымъ жалованьемъ Польши и Россіи. Съ какихъ поръ установлено было въ Польшѣ посылать запорожскимъ козакамъ хлѣбное жалованье, сказать съ точностію нельзя; но правдоподобно допустить, что это могло быть со времени короля Стефана Баторія (1576—1586), учредившаго въ Запорожьѣ «атамана кошевого и всѣ ихъ началы и таковые жъ войсковые клейноты и давшаго

[1]) Зуевъ. Путешественныя записки, Санктъ-Петербургъ, 1787, 271.

[2]) Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ зап. козаковъ, Мѣсяцесловъ, 1786, Спб., 2—3.

имъ жалованье на годъ по червонцу и по кужуху»[1]). Въ какомъ количествѣ давалось это хлѣбное жалованье запорожскому войску, также неизвѣстно. Присылка хлѣбнаго жалованья запорожскимъ козакамъ изъ Москвы впервые установлена была, какъ кажется, съ 1654 года, со времени подчиненія ихъ Россіи: но опять сколько его отправлялось на первыхъ порахъ въ Сичу, также неизвѣстно: извѣстно лишь, что въ концѣ XVII вѣка, именно въ 1693 году, когда запорожскіе козаки были уже за Москвой, они жаловались малороссійскому гетману Ивану Мазепѣ на скудость присланнаго имъ продовольствія,—«по шесть бочокъ борошна на каждій курѣнь, зъ ласки вашея велможности, и зъ монаршей милости дорочного жалованья по алтиновъ два, албо часомъ и болѣе грошей, и сукна̀ по аршину на козака пай; чи есть то речь подобная тимъ ся презъ такъ часъ немалій уконтентовати? Ей, ни во вѣки»[2]). Доставлялись главнымъ образомъ мука, крупа и пшено. Кромѣ царскаго хлѣбнаго жалованья запорожскіе козаки иногда получали хлѣбное продовольствіе изъ кіевскаго Межигорскаго-Спасо-Преображенскаго монастыря: приглашая къ себѣ на служеніе иноковъ этого монастыря, козаки съ тѣмъ вмѣстѣ выхлопотали право у русскаго правительства вывозить имъ изъ Кіева въ Сичу и хлѣбное продовольствіе.

Болѣе важнѣйшею отраслью запорожскаго хозяйства, чѣмъ хлѣбопашество, было скотоводство: обширныя степи Запорожья, покрытыя въ лѣтнее время высокой, сочной и густой травой, сами собой призывали запорожцевъ къ этого рода промыслу: «Тамъ сіна по колі̀на, свіжого поі̀ла по стоі̀ло». Безспорно, что всего больше запорожцы разводили коней; таково уже было занятіе запорожскаго козака: онъ только тогда и былъ козакомъ, когда имѣлъ коня; безъ коня онъ и не «лыцарь»: только на конѣ верхомъ съ «ра̀тыщемъ» въ рукѣ онъ и былъ страшенъ врагамъ—татарамъ, туркамъ и полякамъ. «Запорожскіе козаки весьма прилежно наблюдали конскіе заводы, коими пользовались въ дальніе походы, для того что больше съ татарами, кои всѣ ѣздоки на коняхъ, дѣло имѣли»[3]). Оттого во всѣхъ козацкихъ пѣсняхъ, думахъ и преданіяхъ конь вездѣ фигурируетъ:

---

[1]) Лукомскій. Собраніе историчес. въ Лѣтописи Самовидца, 1878, 350.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 174.

[3]) Корнелій Крюйсъ. Розысканія о Донѣ, Отеч. Зап., 1824, № 54, 67.

«Ой, ко̀ню, мій ко̀ню,
Де жъ ти лита, де жъ той часъ,
Якъ мы сла̀вы добува̀ли,
И якъ всюды знали насъ?»

Конь назывался вѣрнымъ другомъ, неразлучнымъ товарищемъ, милымъ братомъ козака; у козака, «бідного сыроты̀ны, чо̀рна бу̀рка—ѐго сватъ, ша̀бля й люлька—вся роды̀на, сы̀вый ко̀ныкъ—ѐго братъ». Козакъ обращается къ своему коню не какъ къ безсловесному животному, а какъ къ разумному существу, во всемъ равному съ человѣкомъ; онъ проситъ его «розбі̀ть коза̀цькую ту̀гу по темному лугу», вынести его изъ тяжкой неволи, раздѣлить его радость въ побѣдѣ надъ врагомъ; онъ дѣлится съ нимъ сердечными тайнами, завѣщаетъ ему, при своей кончинѣ въ дикой степи, передать вѣсточку дорогимъ товарищамъ и близкимъ родственникамъ въ славной Сичи и далекой Украйнѣ; онъ заботится о немъ, какъ о самомъ дорогомъ для себя существѣ и, въ случаѣ болѣзни коня, предлагаетъ ему и нарядныя одежды свои и несмѣтныя сокровища, скрытыя въ землѣ, и «ясную зброю», чтобы только конь поднялъ свою голову, распустилъ по вѣтру широкую гриву и вновь понесся съ козакомъ «шля̀хомъ, ба̀лками, яра̀ми, непрохо̀днымъ байрако̀мъ».

Насколько можно судить по дошедшимъ до насъ описаніямъ [1]) и находимымъ въ козацкихъ могилахъ скелетамъ, запорожскіе кони были небольшого роста, на видъ невзрачны, съ маленькими округлыми копытами, но зато, по свидѣтельству очевидцевъ, всѣ они отличались необыкновенною крѣпостію, силою, твердостью въ ногахъ, выносливостью во время продолжительныхъ походовъ, неразборчивостью въ кормѣ, замѣчательно спокойнымъ нравомъ и удивительною понятливостью: они узнавали своихъ хозяевъ по зову и на свистъ ихъ являлись изъ далекихъ мѣстъ степи. «Крикнетъ бывало, запорожецъ на коня «ползи», то онъ протянетъ переднія ноги впередъ, а заднія назадъ, и ползетъ, а какъ почуетъ, что козакъ уже на спинѣ, тогда поднимется и гайда; а какъ сидитъ запорожецъ на конѣ, то управляетъ имъ ногами: куда хочетъ туда и повернетъ» [2]). Быстрота ѣзды запорожскихъ коней даетъ поводъ малорусскимъ лѣтописцамъ называть ихъ «вѣтроногими

[1]) Записки одес. общ. исторіи и древн., VII, 185.

[2]) Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины, Спб., 1888, II, 26.

конями» [1]): проскакать безъ отдыха какихъ-нибудь тридцать верстъ, не видѣть никакого корма въ теченіи цѣлаго дня, для запорожскихъ коней дѣло обыкновенное. Если конь уставалъ на бѣгу, то стоило только, говорили старые козаки, торкнуть его за лѣвымъ ухомъ, и тогда онъ снова летѣлъ, какъ легкая птица. Лучшіе кони у запорожскихъ козаковъ назывались «огырями», каковому слову придавалось значеніе великолѣпнаго, сильнаго и быстраго жеребца.

Большинство коней доставлялось запорожскимъ козакамъ изъ ихъ-же собственныхъ заводовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ документы [2]); главнымъ мѣстомъ конскихъ заводовъ были мѣста около Ингульца, Буга и Великаго-Луга, гдѣ они или ходили «пустопашъ» или подъ наблюденіемъ табунщиковъ. Но кромѣ собственныхъ лошадей не малое количество ихъ добывали запорожскіе козаки и у черкесъ, турокъ, особенно-же у татаръ, то путемъ купли или мѣны, то путемъ увода изъ степей во время пастбищъ. «Оное же войско запорожское, егда услышитъ татаръ или поляковъ въ слабомъ состояніи и неосторожности, то собрався какъ изъ Сѣчи, такъ и изъ зимовниковъ, въ немалой силѣ, черезъ вольность свою нападеніе чинятъ, и отъ татаръ и отъ поляковъ часто получаютъ себѣ великую добычу, и отгоняютъ у нихъ множество лошадей и скота» [3]). Мы имѣемъ нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видимъ, что за три года запорожскіе козаки увели у татаръ 1.175 головъ лошадей, и когда татары жаловались по этому поводу русскому правительству на запорожцевъ, то послѣдніе отвѣчали татарамъ: «Вы—купцы, а мы—войско, иди и приготовь на то мѣсто иныхъ лошадей» [4]).

Какъ велико было у запорожскихъ козаковъ количество лошадей, видно изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли по 700 головъ и болѣе: въ 1769 году, во время внезапнаго набѣга татаръ, запорожцы только въ двухъ паланкахъ потеряли 1.193 лошади; въ 1770 году только въ селахъ и въ деревняхъ, исключая зимовниковъ, протовчанской паланки считалось 895 головъ лошадей, 5.335 головъ рогатаго скота и 13.686 головъ овецъ [5]); однажды кошевой

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 373.

[2]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 427 и друг.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 53.

[4]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 30.

[5]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 184, 195.

атаманъ Петръ Калнишевскій продалъ разомъ до 14.000 головъ лошадей, а у полковника Аѳанасія Колпака татары, при набѣгѣ, увели до 7.000 коней [1]): по словамъ англичанина Клавдіуса Рондо, въ Запорожьѣ едва-ли находился одинъ козакъ, у котораго не было бы 10 или 20 штукъ коней [2]). Запорожскіе кони славились во всей восточной и даже западной Европѣ: оттого спросъ на нихъ былъ очень большой: поляки, русскіе, крымцы, турки— всѣ одинаково стремились пріобрѣсти хорошаго коня изъ запорожскихъ степей: были примѣры, что даже заграничные ремонтеры, испросивъ разрѣшеніе у русскаго правительства, пріѣзжали покупать лошадей у запорожскихъ козаковъ: цесаревичу, Павлу Петровичу, большому любителю лошадей, никакіе кони такъ не нравились, какъ запорожскіе [3]). Сами запорожцы высоко цѣнили своихъ лошадей и въ знакъ своего особаго вниманія иногда посылали въ подарокъ лучшихъ коней гетманамъ, панамъ въ Украйну и Польшу, вельможамъ и царямъ въ Москву и Петербургъ. Проживая иногда подолгу въ Петербургѣ, хлопоча по разнымъ войсковымъ дѣламъ въ столицѣ и долго не видя успѣха въ своихъ стараніяхъ, запорожскіе депутаты иногда писали въ Сичу кошевому и старшинѣ: «Покорнѣйше просимъ вашу вельможность и войсковую старшину прислать господину N пару цуговыхъ или одного верхового огиря авось либо они и наше дѣло до сенату шибче довезутъ» [4]).

Въ такой-же мѣрѣ запорожцы занимались и разведеніемъ на своихъ степяхъ рогатаго скота: скотоводство составляло одну изъ главныхъ статей доходовъ запорожскаго войска [5]): они содержали множество коровъ и отъ «заводовъ скота получали лучшее продовольствіе»; коровы ихъ отличались большимъ плодородіемъ, такъ что молодая телка уже черезъ два года давала приплодъ: вообще запорожскій рогатый скотъ отличался высокимъ ростомъ, силою и плодородностію, хотя не былъ ни особенно тученъ, ни особенно породистъ; «черкасскій» скотъ, т. е. скотъ днѣпровскихъ, а въ томъ числѣ и запорожскихъ козаковъ, и теперь славится на всѣхъ, даже столичныхъ, рынкахъ Россіи. На запорожскихъ степяхъ паслись цѣлыя необозримыя стада рогатаго скота, каждый козакъ-

---

[1]) Надхинъ. Память о Запорожьѣ, Москва, 1877, 7.

[2]) Клавдіусъ Рондо. Кіевская Старина, 1889, № 11, 446.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 183.

[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 183.

[5]) Архивъ Калачова, Спб., 1861; Запорожье Эварницкаго, въ концѣ XVII в., 6.

зимовчакъ имѣлъ по нѣскольку сотенъ, тысячъ, даже десятковъ тысячъ головъ рогатаго скота, и были примѣры, что иногда судебные штрафы уплачивались козакомъ вмѣсто денегъ рогатымъ скотомъ [1]). Впрочемъ, пользу отъ своихъ коровъ запорожцы извлекали не столь великую, какъ можно было ожидать: такъ, коровы ихъ доились только одинъ разъ по утру, и то лишь съ Петрова дня до весны, а съ весны до Петрова дня вовсе не доились; масло коровье, кромѣ потребностей для хозяина, также рѣдко приготовлялось [2]).

Въ одинаковой мѣрѣ съ коневодствомъ и скотоводствомъ развито было у запорожскихъ козаковъ и овцеводство: у иного козака было по 4.000, даже по 5.000 головъ овецъ: «рогатый скотъ и овцы довольно крупенъ содержатъ: шерсть съ нихъ снимаютъ одинъ разъ и продаютъ въ Польшу» [3]). Изъ породъ преобладала, въ настоящее время очень рѣдкая порода, волошская; овечьи стада назывались у запорожскихъ козаковъ отарами [4]): а пастухи чабанами, названіями, усвоенными отъ татаръ чабаны, одѣтые въ сорочки, пропитанныя саломъ, въ шаровары, сдѣланныя изъ телячьей кожи, обутые въ постолы изъ свиной шкуры и опоясанные ременнымъ поясомъ, съ «гаманомъ» черезъ плечо, со швайкой и ложечникомъ при боку, зиму и лѣто тащили за собой такъ называемые коши, т. е. деревянныя, на двухъ колесахъ, котыги, снаружи покрытыя войлокомъ, внутри снабженныя «кабицею», въ которыхъ они прятали свое продовольствіе, хранили воду, варили пищу и укрывались отъ дурной погоды [5]).

Но изъ всѣхъ промысловъ, безъ сомнѣнія, больше всего было развито у запорожскихъ козаковъ рыболовство: «козакъ—внѣ войны—табунщикъ, скотарь, но особенно рыболовъ». Рыболовство составляло первую отрасль всѣхъ промысловъ низовыхъ козаковъ и доставляло имъ необходимый и самый употребительный предметъ продовольствія, рыбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ служило источникомъ богатства для всего войска: отъ рыболовства козаки себя и одѣвали, и обували и оружіе добывали. Оттого у запорожцевъ не

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 185.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.

[4]) Отъ словъ «атъ»—трава и «ар» съ суффиксомъ «мак»—искать.

[5]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 33, 34.

говорилось «ловить рыбу», а выработался на этотъ счетъ особый терминъ «добуватысь, идти на здобычъ».

«Днипровый, Днистровый, обыдва лимани,
Изъ ныхъ добувались, справлялись жупаны».

Рыболовство было развито у запорожскихъ козаковъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: для рыболовнаго промысла въ разныхъ мѣстахъ запорожскихъ вольностей устроены были особые заводы и при нихъ курени для житья въ зимнее время и покрытые камышомъ шалаши для житья въ лѣтнее время, которыми завѣдывали особые «господари», выборные изъ низового товариства, также главные рыбаки, называвшіеся въ Гардѣ гардовничими (отъ слова «гардъ», перегородка въ Бугѣ), и ихъ помощники таровничіе, управлявшіе таромъ или неводомъ. Рыболовные заводы содержались всегда компаньонами, 3—4 человѣками, называвшимися на козацкомъ языкѣ «односумами»: односумы нанимали себѣ «тафу» или партію въ 15—20 человѣкъ и съ ранней весны до поздней осени занимались рыболовнымъ промысломъ [1]). Изъ всѣхъ рыбныхъ заводовъ запорожскихъ козаковъ большею передъ другими извѣстностью пользовался Гардъ на рѣкѣ Бугѣ [2]). Гардомъ «называлось урочище, при которомъ запорожцы съ весны закладывали между имѣющимися при рѣкѣ Бугѣ большими каменьями и островомъ малыя каменья, и всю рѣку загачивали, останавливая со сторонъ, и погружая на дно ея плетни»: этимъ онъ считался самымъ лучшимъ мѣстомъ для рыбной ловли въ Запорожьѣ [3]). Съ каждою весною въ Запорожье двигались партіи промышленныхъ людей; большею частію это были бродячіе, бездомные и безженные люди; придя на Низъ, они наполняли собой главнымъ образомъ ингульскую, калміусскую и бугогардовскую паланки и нерѣдко здѣсь оставались навсегда.

Главными мѣстами рыбныхъ ловель въ Запорожьѣ были Днѣпръ и Бугъ съ ихъ лиманами, косами и озерками: кромѣ того рѣчки Самарь, Орель, Домоткань, Самоткань; Азовское море съ его заливами и косами, каковы: Калміусская, Бердянская, Бѣлосарай-

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 182, прим., 61.

[2]) На 3 версты ниже теперешняго мѣстечка Константиновки, елисаветградскаго уѣзда, херсонской губерніи: теперь здѣсь два Гарда — старый или козацкій и новый или архіерейскій; въ послѣднемъ ловили рыбу для архіерея.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VI, 180, прим. 54.

ская и Ейская; сверхъ того за границей запорожскихъ вольностей,— на косахъ Кинбурнѣ. Тендерѣ. на рѣкахъ—Кубани, Днѣстрѣ и Тилигулѣ [1]). Уловъ рыбы въ рѣкахъ и озерахъ настолько былъ великъ, что ею обогащались не только сами запорожцы, но и поляки, гетманцы и другіе «околичные жители» [2]). Очевидцы передаютъ, что. напримѣръ, рѣка Самарь за множество рыбы прозвана козаками «святою» рѣкою: что въ рѣкѣ Орели ловцы въ одну тоню вытаскивали болѣе 2.000 самыхъ большихъ рыбъ; что въ нѣкоторыхъ озерахъ было такое множество рыбы, что она отъ тѣсноты пропадала, портила воду и заражала воздухъ; что въ рѣчкѣ Домоткани водилось множество раковъ, иногда въ 9 дюймовъ длиною [3]); что въ одномъ Гардѣ, въ промежутокъ времени отъ 1 августа по 1 октября 1771 года, ловилось до 4.380 штукъ разной рыбы на долю одной старшины [4]).

Но изъ всѣхъ рыболовныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, лучшимъ мѣстомъ былъ Днѣпръ: рыбная ловля производилась въ Днѣпрѣ отъ самыхъ пороговъ его до самаго лимана и по лиману почти весь годъ безпрерывно. но самая лучшая ловля была весной и осенью; въ Днѣпрѣ ловилась обыкновенно рыба—карпъ, лещи, судаки, щуки, бѣлезны, вырѣзубы, тарани, чехони, спицы, рыбцы, чернухи, секреты окуни и быки; красная рыба, у запорожцевъ называвшаяся черною, т. е. осетры, бѣлуга, чечуга, пстрюга, сомы, ловилась рѣже въ Днѣпрѣ, обыкновенно-же въ днѣпровскомъ лиманѣ; камбала, скарбія и сельдь ловились только въ днѣпровскомъ лиманѣ; лини и караси ловились въ рѣчкахъ, впадающихъ въ Днѣпръ, и въ озерахъ, близкихъ къ рѣчкамъ [5]); первая, по вскрытіи льда, являлась красная рыба; послѣ красной изъ другихъ рыбъ первая показывалась тарань.

Очевидецъ Василій Зуевъ передаетъ драгоцѣнныя и ничѣмъ незамѣнимыя свѣдѣнія о рыбныхъ ловляхъ у запорожскихъ козаковъ. По его словамъ, главными орудіями для лова рыбъ у запорожскихъ козаковъ были: неводы, косяки, мережи и самоловы;

---

[1]) Правильнѣе «Дели-Гѣль», т. е. Бѣшеная-Рѣка; она начинается въ окрестностяхъ города Балты, близъ деревни Поцецело, впадаетъ въ Днѣстръ.

[2]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 39.

[3]) Бопланъ. Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, 16, 17.

[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 207.

[5]) Василій Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ козаковъ. Мѣсяцесловъ, 1786, 7.

кромѣ того обыкновенныя большія и мелкія, всѣмъ извѣстныя, рыболовныя сѣти. Неводы были въ большомъ распространеніи у запорожскихъ козаковъ; они имѣли больше 200 саженъ длины, не считая веревокъ, которыя привязывались къ ихъ бокамъ и которыя были или одинаковой величины или даже больше самыхъ сѣтей: употреблялись они для лова всякой рыбы и во всякое время, «а наипаче въ погоды», въ днѣпровскомъ лиманѣ; исключеніе дѣлалось только для крупной бѣлой рыбы: ее ловили особыми сѣтями, 50 саженъ длины и съ бо̀льшими, нежели у невода, ячейками; къ этимъ сѣтямъ брали другія сѣти, съ нѣсколько большими ячейками, нежели въ первыхъ, и первыя сѣти продѣвали, на подобіе рукавовъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ сквозь вторыя, что̀ называлось у рыболововъ дѣлать «прорѣжь»: составленною такимъ образомъ сѣтью ловили въ одно время и крупную, и мелкую рыбу. Косяками назывались большія, вязаныя изъ тонкихъ веревочекъ сѣти, имѣвшія длины около 40, ширины около 3 саженъ, съ ячейками по квадратному полуаршину; къ одной сторонѣ косяка привязывали тяжелые камни, а къ другой—пуки сухой «куги» и опускали его среди открытаго лимана въ воду; камни погружали косякъ въ воду, а «куга», оставаясь надъ водой, заставляла держаться его стѣною на поверхности; косякъ разсчитанъ былъ для той рыбы, которая плаваетъ только на самой глубинѣ лимана: для этой цѣли, опустивъ въ воду, его оставляли на цѣлые сутки; черезъ сутки вынимали косякъ изъ воды и забирали запутавшуюся между его ячейками рыбу; извлекши рыбу изъ ячей, ее убивали долбнями. Мережами назывались тѣ-же косяки, но только съ очень мелкими ячейками; онѣ разсчитаны были на молодыхъ осетровъ, пистрюгъ и крупной породы бѣлую рыбу. Самоловомъ называлась длинная толстая веревка, имѣвшая внизу нѣсколько камней и множество небольшихъ веревочекъ, привязывавшихся къ главной, длины семь «корховъ» или пядей каждая, съ прикрѣпленными на концахъ ихъ острыми крючьями; а вверху имѣвшая, также на особыхъ веревочкахъ, пуки куги или поплавки для поддерживанія крючковъ въ перпендикулярномъ положеніи и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дна рѣки; самоловы разсчитаны были на большихъ бѣлугъ и осетровъ: проходя мимо висящихъ въ водѣ острыхъ крючьевъ, рыба цѣплялась сперва за одинъ изъ нихъ, начинала биться и потомъ цѣплялась за другіе [1]). Къ опи-

[1]) Василій Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ козаковъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786. 7—10.

саннымъ орудіямъ другіе очевидцы прибавляютъ еще одно оригинальное средство для ловли рыбы, практиковавшееся у запорожскихъ козаковъ, посредствомъ рѣчной выдры: поймавъ маленькую выдру, запорожецъ приручалъ ее до того, что она, подобно кошкѣ, ложилась у его ногъ и даже спала вмѣстѣ съ нимъ подъ одеждою, которою прикрывался козакъ; выростивъ такую выдру, запорожецъ употреблялъ ее для рыбной ловли: она входила въ воду, добывала тамъ рыбу и возвращалась въ ставку къ своему хозяину, продолжая дѣлать это нѣсколько разъ [1]).

Добытая рыба приготовлялась и сбывалась запорожскими рыболовами слѣдующимъ образомъ: поймавъ рыбу, запорожскіе промышленники или тотъ-же часъ сбывали ее свѣжею, или-же заготовляли въ прокъ, если ловъ не былъ на откупу у пришлыхъ промышленниковъ; при этомъ способъ приготовленія для красной рыбы былъ одинъ, для бѣлой—другой.

Пойманную красную рыбу прежде всего потрошили: во время потрошенія жиръ, икру и клей складывали особо, тушу особо; затѣмъ послѣднюю мочили въ лиманѣ, весной, при холодной водѣ, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, лѣтомъ, при теплой водѣ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ; вынувъ изъ воды, рыбу распластывали, дѣлали надрѣзы въ нѣкотрыхъ мѣстахъ ея и «круто» засыпали въ эти надрѣзы соль; по просоленіи «банили» въ водѣ [2]); послѣ обмыванья вялили на солнцѣ; а иногда, кромѣ того, раскладывали ее по утрамъ на росу, чтобы не давать возможности заводиться въ ней червямъ; къ раскладыванію рыбы на росу прибѣгали даже и въ лѣтнее время, когда въ ней заводились черви. Отдѣленную отъ рыбы икру или оставляли для настоящаго употребленія, или же заготовляли въ прокъ для продажи; въ первомъ случаѣ выбирали большею частію севрюжью, бѣлужью и осетровую икру; очищали ее отъ перепонокъ посредствомъ протиранія сквозь проволочную рѣшотку и потомъ, какъ находили удобнымъ, солили каждый по своему усмотрѣнію; во второмъ случаѣ приготовляли только паюсную икру, зернистой-же вовсе, по неумѣнію, не дѣлали [3]). Вынувъ икру изъ рыбы, даже не очистивъ ее,

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186, прим. 70.

[2]) «Банить» на малорусскомъ языкѣ значитъ мыть обыкновенной водой, а не изъ бани взятой

[3]) Въ другомъ источникѣ на этотъ счетъ читаемъ: «Икры прѣсной дѣлать зернисто не умѣютъ и солятъ съ мездрою, и хорошей, какъ у протчихъ, и паесной нѣтъ». Записки од. общ., VII, 185; пр. 69.

а только обсыпавъ солью, они складывали ее въ кадку отдѣльными слоями до самаго верха и на верхній слой наворачивали тяжелый гнётъ; давъ нѣсколько времени икрѣ просолѣть, вынимали отдѣльными слоями, «банили» въ водѣ, провяливали на солнцѣ до тѣхъ поръ, пока она дѣлалась твердой, и потомъ или продавали ее на мѣстѣ, или отправляли въ Очаковъ. Жиръ изъ красной рыбы вырѣзывали или ремнями, или кусками, куски солили солью и употребляли ихъ съ хлѣбомъ, подобно ветчинѣ. Клей вынимали изъ рыбы кусками, сперва провяливали его на солнцѣ, потомъ сдирали верхнюю кожицу, сбивали его въ четыреугольныя плитки и въ такомъ видѣ, безъ всякаго обваривания, продавали.

Почти такимъ-же способомъ приготовляли и бѣлую рыбу. Поймавъ достаточное количество бѣлой рыбы, промышленники также прежде всего чистили ее, потомъ потрошили; затѣмъ распластывали, дѣлали надрѣзы и складывали въ отдѣльныя кучи, смотря по величинѣ ея: большую къ большой, малую къ малой. «Смотря на количество рыбы, на мелкость ея, нельзя не дивиться, замѣчаетъ очевидецъ, съ какимъ проворствомъ все сіе упражненіе чинится: одинъ очищаетъ отъ чешуи и подаетъ другому для потрошенія; сей кидаетъ третьему для распластанія, а четвертый карбуетъ или надрѣзываетъ на бокахъ и отбрасываетъ въ ту или другую кучу, смотря по величинѣ ихъ». Приготовленную такимъ образомъ бѣлую рыбу, солили каждую порознь, потомъ складывали въ кадки, давали нѣсколько времени отстояться, вновь вынимали изъ кадокъ, банили въ водѣ, нанизывали на веревки и развѣшивали противъ солнца, избирая для того нарочно ясные дни и вѣтреную погоду; провяливъ въ благопріятные дни рыбу въ теченіи трехъ, а въ ненастную погоду въ теченіи около семи дней, спѣшили снимать ее, стараясь избѣжать знойныхъ безъ вѣтру дней, когда рыба, скоро просохнувъ, дѣлалась крошливою. Отдѣленные отъ бѣлой рыбы жиръ и потроха сбрасывали въ общую кадку и оставляли до тѣхъ поръ, пока не оканчивали съ рыбой, занимаясь ею въ теченіи нѣсколькихъ дней; отъ продолжительнаго лежанія потроха протухали, но за то въ это время отъ нихъ отдѣлялся жиръ, нисколько не портившійся; покончивъ съ рыбой, брались и за потроха: ихъ опрокидывали въ одинъ большой котелъ, который наливали водой, ставили на огонь и варили; проваривъ нѣсколько времени, отставляли отъ огня и снимали всплывшій на поверхность жиръ; снятый жиръ солили и отправляли для продажи;

кромѣ соленаго, собирали свѣжій жиръ, но его употребляли тотъ-же часъ въ пищу [1]).

Приготовленная описаннымъ способомъ рыба или сбывалась на мѣстѣ пріѣзжавшимъ польскимъ и малороссійскимъ чумакамъ, греческимъ, турецкимъ и армянскимъ торговцамъ, или отвозилась въ Сѣчу, Очаковъ, Украйну и Польшу; на мѣстѣ и къ отъѣздѣ она или обмѣнивалась на хлѣбъ, съѣстные припасы, вино и пряжу, или-же продавалась за деньги. Цѣны на рыбу существовали разныя, смотря по достоинству ея: красная дороже, бѣлая дешевле: красной рыбы большой «холостой» осетръ продавали отъ 6 до 8 гривенъ, который послѣ запорожцевъ, въ 1786 году, весной продавался отъ 2 до 3, лѣтомъ до 4 рублей; икряной осетръ продавался не свыше 40 алтынъ: бѣлуга шла всегда дешевле осетровъ: севрюга, пистрюга, молодой осетръ, бѣлужка, вообще меньшихъ размѣровъ красная рыба, продавалась сотнями, по 3 рубля и по 3 съ полтиной за каждую, тогда какъ послѣ запорожцевъ по 12 рублей за сотню. Бѣлая рыба, свѣжая или соленая, продавалась только «головами», т. е. цѣлыми партіями, раздѣлявшимися обыкновенно на четыре сорта: въ первомъ, самомъ крупномъ сортѣ, бѣлой рыбы, какъ-то: судаковъ, лещей, вырѣзубовъ, клалось 100 штукъ рыбъ, большихъ карповъ 50 штукъ; эта голова называлась головой крошеня или крошевни; во второмъ сортѣ бѣлой рыбы клалось 200 штукъ; эта голова называлась рубанкою или рубанью, оттого, что при приготовленіи такой рыбы на брюхѣ ея дѣлались надрѣзы «для примѣты, что ихъ двѣ равняются съ одною большою»; въ третьемъ сортѣ клалось 500 штукъ рыбъ: эта голова называлась боковнею, потому что при приготовленіи этой рыбы вдоль или поперекъ ея боковъ дѣлались надрѣзы: въ четвертомъ сортѣ клалось 1.000 самыхъ мелкихъ рыбъ, плотвы, окуней, тарани, чехони, синьца, рыбца и др.; эта голова называлась игольной, потому что рыбу этого сорта для вывяливанія продѣвали черезъ глаза веревочками посредствомъ большихъ иглъ и въ такомъ видѣ вывѣшивали на солнце. Всякая голова бѣлой рыбы цѣнилась разно, смотря по времени, обстоятельствамъ и лову: обыкновенно-же она продавалась отъ 70 копѣекъ до 1 рубля за голову: при этомъ пріѣзжавшіе покупщики торговались вообще за всякую

[1]) Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ запорожскихъ козаковъ. Мѣсяцесловъ, Спб., 1786 года, 10—14.

голову и, сойдясь въ цѣнѣ, брали, какую имъ было угодно, голову, «потому что малое число крупной рыбы ставилось равнымъ большому количеству мелкой»; если-же дѣло шло не о продажѣ, а о мѣнѣ, то обыкновенно за бочку рыбы запорожецъ вымѣнивалъ столько же вина или съѣстныхъ припасовъ. Камбала, которая ловилась только въ устьѣ и въ лиманѣ Днѣпра мелкими сѣтями, продавалась десятками въ свѣжемъ, просольномъ и вяленомъ видѣ; сельди и скарбіи, которыя ловились въ тѣхъ-же мѣстахъ и лишь съ начала апрѣля до половины мая, продавались по тысячамъ солеными въ боченкахъ, при запорожцахъ по 6 рублей, а послѣ нихъ отъ 12 до 15 рублей за тысячу [1]).

Значительную отрасль хозяйственно-экономической статьи составляло также въ Запорожьѣ звѣроловство. При малочисленности населенія на огромномъ территоріальномъ пространствѣ въ запорожскихъ степяхъ, особенно по берегамъ рѣкъ, озеръ, островамъ, балкамъ, оврагамъ, косамъ, водилось необозримое множество всякаго рода звѣрей и птицъ. Звѣроловство въ меньшей мѣрѣ было развито у запорожцевъ, чѣмъ рыболовство: «имъ занимались токмо бѣдные, изъ коихъ никто не достигалъ довольной жизни» [2]). Тѣмъ не менѣе, для этой цѣли у запорожскихъ козаковъ существовалъ особый классъ людей, жившихъ преимущественно въ мѣстахъ бугогардовской паланки, имѣвшихъ отдѣльное куренное устройство и подчинявшихся отдѣльному изъ той-же среды выбранному атаману. Люди эти назывались лисичниками, потому что главнымъ предметомъ ихъ охоты была лисица, не исключавшая, впрочемъ, охоты и на другихъ пушныхъ звѣрей. Для запорожскихъ лисичниковъ важно было нестолько мясо убитыхъ животныхъ, которымъ козаки вообще не дорожили, потому что любили больше рыбную, чѣмъ мясную пищу, сколько звѣриные мѣха. Мѣха эти составляли предметъ торговли, пошлины, подарковъ и одежды: они продавались московскимъ, польскимъ, украинскимъ и татарскимъ купцамъ, ими платилась пошлина въ войсковой скарбъ и сичевую церковь, они посылались въ подарокъ московскимъ царямъ и вельможамъ, особенно лисьи мѣха; изъ нихъ дѣлалась и одежда козаковъ: шкуры козъ на штаны чабанамъ, а мѣха видніхъ на шапки за-

---

[1]) Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ. Мѣсяцесловъ. 1786 года. Спб., 10—16

[2]) Зуевъ. О бывшихъ промыслахъ, Мѣсяцесловъ, Спб., 1786, 3—4.

порожцевъ, ляховъ и жидовъ и были въ большой модѣ у всѣхъ [1]). Звѣриная охота сопряжена была съ большими трудностями въ Запорожьѣ: для того, чтобы выслѣдить звѣря, особенно зимой, нужно было скитаться по безмѣрнымъ степямъ, залегать по глубокимъ балкамъ, заглядывать въ темные овраги, отыскивать норы звѣрей, копать ямы, разставлять сѣти, капканы, и иногда въ погонѣ за звѣремъ по цѣлымъ днямъ зимой терпѣть голодъ и холодъ, лѣтомъ испытывать зной и жажду. Съ ружьями, собаками, сѣтками, капканами и желѣзами [2]) запорожскіе ловчіе, послѣ долгихъ поисковъ, возвращались, одобыченные разными звѣриными шкурами, въ свои курени и тутъ прежде всего отдавали кожи для вычинки особому спеціалисту этого дѣла «гарбарю», потомъ, послѣ выдѣлки, дѣлили ихъ между собою и послѣ дѣлежа продавали купцамъ на мѣстѣ или въ отъѣздѣ. Слава о богатствѣ звѣрей и дичи, объ удальствѣ запорожскихъ лисичниковъ привлекала въ Запорожье много охотниковъ изъ Украйны, Польши и Россіи; изъ послѣдней присылались иногда въ запорожскія степи охотники отъ высочайшаго двора, которымъ запорожцы всячески помогали, считая то для себя въ особую честь [3]).

Птицеловство въ меньшей мѣрѣ было развито у запорожскихъ козаковъ, чѣмъ звѣроловство: по крайней мѣрѣ, оно не составляло предмета торговли и промысла въ ихъ краѣ, и если кто отправлялся стрѣлять въ степь дичь, то дѣлалъ это лишь въ крайнемъ случаѣ, когда не имѣлъ другой какой-либо пищи, особенно рыбной, для пропитанія [4]).

Пчеловодство также составляло нѣкоторую хозяйственно-промышленную отрасль у запорожскихъ козаковъ: «иные живутъ въ зимовникахъ, для своихъ лошадей и прочаго скота, а другіе живутъ для ловли рыбы, звѣрей и птицъ; такожъ имѣютъ многіе пчельники» [5]). Особенно извѣстными мѣстами для пчеловодства были урочища по Днѣпру, Ингулу и Громоклеѣ, гдѣ запорожцы «изрядное количество меду добывали» [6]). Занятіе пчеловодствомъ было въ особомъ почетѣ у запорожскихъ козаковъ: «пчола—божа

---

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 29.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 189.
[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187.
[5]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, Одесса, 1852, 53, 81.
[6]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187.

мушка, а пасишныкъ — угодный Богови чоловікъ» — говорятъ и теперь старые дѣды на Украйнѣ: причитывая разныя молитвы при постановкѣ ульевъ въ пасѣкѣ, дѣды указываютъ и на пользу отъ той «божьей мушки»: «воскъ на свічу, медъ на пыщу». Оттого многіе изъ запорожскихъ козаковъ подъ конецъ жизни часто удалялись въ пасѣки, какъ бы въ монастырь, предаваясь тамъ молитвамъ, посту и воздержанію отъ праздныхъ словъ: многіе тамъ и жизнь свою кончали: у кошевого атамана Ивана Дмитріевича Сирка была пасѣка въ знаменитомъ Черномъ лѣсѣ, около 1660 года [1]): подъ конецъ жизни онъ удалился въ собственную пасѣку, въ Грушевку, гдѣ и окончилъ дни своей замѣчательной жизни въ 1680 году [2]). Отъ пчеловодства запорожскіе козаки извлекали троякую выгоду: соты употребляли въ пищу, изъ меду приготовляли напитки, а изъ воску дѣлали свѣчи какъ для сичевой церкви, такъ и для монастырскихъ и многихъ приходскихъ церквей.

Огородничество сравнительно въ меньшей мѣрѣ было развито у запорожскихъ козаковъ, чѣмъ перечисленныя отрасли хозяйства: тѣмъ не менѣе оно все-же существовало у нихъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ современники [3]), но практиковалось не столько для того, чтобы извлекать изъ него выгоды, сколько для того, чтобы удовлетворять своимъ собственнымъ потребностямъ: изъ огородныхъ овощей запорожцы воздѣлывали капусту, огурцы, кавуны, дыни, рѣдьку, бураки, пшеничку (кукурузу), лукъ, чеснокъ, гарбузы (тыквы), табакъ и др. [4]): послѣдній принадлежалъ къ породѣ nicotiana rustica и былъ въ употребленіи у козаковъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ малороссійскій лѣтописецъ [5]). Послѣднее обстоятельство показываетъ, что въ восточную Европу табакъ скорѣе былъ занесенъ изъ Азіи, чѣмъ изъ Америки черезъ посредство западной Европы: Америка открыта въ 1492 году; табакъ сталъ воздѣлываться въ западной Европѣ, именно впервые въ Голландіи, только около 1610 года; много времени должно было пройти, пока онъ привился въ западной, а тѣмъ болѣе въ восточной Европѣ: отсюда естественно ду-

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 74.
[2]) Величко. Лѣтопись, II, 497; Соловьевъ. Исторія Россіи, 1887, XIII, 275.
[3]) Чернявскій. Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852, стр. 81.
[4]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 185.
[5]) Лѣтопись событій Самовидца, Кіевъ, 1878, 223.

мать, что распространителями табаку въ восточной Европѣ были именно запорожскіе козаки, усвоившіе его отъ крымцевъ [1]).

Еще въ меньшей степени, чѣмъ огородничество, развито было у запорожскихъ козаковъ садоводство; тому, разумѣется, препятствовала какъ самая почва, не вездѣ удобная къ разведенію деревьевъ въ запорожскомъ краѣ, такъ и непостоянный сухой климатъ, вредно дѣйствующій не только на посаженныя, но и на природно ростущія деревья. «Садовъ нигдѣ не заведено, а содержатъ индѣ около заводовъ (рыбныхъ) дикую грушу, яблонь, либо вишеньку безъ всякаго призрѣнія» [2]). Нельзя, однако, сказать, чтобы запорожское войско не заботилось о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ: изъ дошедшихъ до насъ ордеровъ запорожскаго Коша 1764 и 1772 годовъ видно, что войсковая старшина особенно старалась сохранить «родючее дерево, въ пользу общую ежегодно дающее плодъ», но при всемъ этомъ въ тѣхъ-же ордерахъ говорится что, «не страшась истязанія божія», обыватели рубили и пустошили фруктовыя деревья, груши, яблони и прочія «родючія» деревья [3]): особенно, разумѣется, страдала всякая лѣсная растительность у запорожскихъ козаковъ во время набѣговъ татаръ: «Татары около зимовниковъ и на лугахъ выбивали травы, истравляли сѣно, разоряли молодой лѣсъ, рубили старый лѣсъ, не щадя и садовыхъ деревъ» [4]).

Что касается домоводства, то больше всего запорожцы разводили на своихъ зимовникахъ коровъ, овецъ, свиней, воловъ и лошадей; изъ птицъ больше гусей и утокъ, да немного куръ, но пѣтухъ, хотя и безъ курицы, при всякомъ мѣстѣ былъ: «Онъ пѣніемъ своимъ показываетъ имъ время по ночамъ»; вообще птицъ запорожцы «живя безъ женъ и по лѣности своей ходить за ней», разводили мало: наконецъ при каждомъ жильѣ имѣли собакъ и кошекъ [5]).

---

[1]) Кіевская Старина, 1890, XXIX. № 6, 550.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, 1885. I, 191, 192.

[4]) Чернявскій. Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса. 1852, 90.

[5]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 187.

Торговля, промыслы и ремесла у запорожскихъ козаковъ.

Торговля у запорожскихъ козаковъ развита была на очень широкихъ началахъ, чему способствовало какъ самое положеніе ихъ вольностей, такъ и естественные пути сообщенія: запорожцы жили на перепутьѣ между Украйной, Литвой, Польшей и Россіей съ одной стороны, Крымомъ и Турціей съ другой; кромѣ того они обладали лучшею частію того «великаго воднаго сѣвернаго пути изъ варягъ въ Царьградъ», который искони вѣковъ извѣстенъ былъ русскимъ людямъ и который велъ къ Черному морю и отсюда въ Царьградъ и на востокъ, — это рѣка Днѣпръ съ его широкимъ и глубокимъ лиманомъ. Оттого можно безъ преувеличенія сказать, что вся торговля Польши, Литвы, Украйны и южной Россіи XVI — XVIII вѣковъ была въ рукахъ у запорожскихъ козаковъ и велась черезъ ихъ посредство. Торговля въ запорожскомъ краѣ началась уже въ концѣ XV вѣка: изъ акта 1499 года мы узнаемъ, что уже въ это время плавали внизъ по Днѣпру какіе-то козаки, добывавшіе тамъ рыбу и продававшіе ее потомъ въ Кіевѣ [1]; изъ другихъ актовъ извѣстно, что многіе изъ украинцевъ издавна имѣли обыкновеніе съ каждой весной отправляться къ порогамъ и ниже пороговъ, ловить тамъ рыбу, охотиться на звѣрей, потомъ осенью возвращаться въ города и продавать въ нихъ свѣжую и просольную рыбу и звѣриные мѣха [2].

Какъ всѣ люди на свѣтѣ, такъ, разумѣется, и запорожскіе козаки на первыхъ порахъ, вступая въ торговыя сдѣлки съ иностранцами, особенно турками и татарами, вели нѣмую торговлю: за незнаніемъ языковъ, обѣ стороны, по лѣтописному выраженію, «помовали руками»: впослѣдствіи всѣ торговыя операціи запорожцы

[1]) Акты западной Россіи, I, № 170.

[2]) Отечественныя Записки, 1874, V, 39.

стали производить при посредствѣ особаго сословія людей, такъ называемыхъ толмачей, знавшихъ языки всѣхъ народовъ, съ которыми приходилось козакамъ вступать въ торговыя или другія какія-либо сношенія. Такъ-же какъ и у всѣхъ народовъ, у запорожскихъ козаковъ на первыхъ порахъ торговля была преимущественно мѣновая, не исключавшая, впрочемъ, и употребленія монетъ. Пути сообщенія были также прежде всего естественные— рѣки и рѣчки, потомъ такъ называемые «отвѣчные» шляхи, главнымъ образомъ Муравскій и Черный съ ихъ боковыми вѣтками и поперечными дорогами. Способами передвиженія по водѣ служили лодки, чайки или галеры, по шляхамъ «мажи» или «паровицы», т. е. большіе чумацкіе возы, и «палубцы», такіе-же возы, но крытые сверху отъ непогоды, запряженные волами, по парѣ въ каждый возъ: въ первобытной странѣ при дальности пути, при отсутствіи всякаго удобства въ дорогѣ и при тяжести товаровъ волы никѣмъ и ничѣмъ не могли быть замѣнимы.

Какъ и всякую торговлю, такъ и торговлю въ Запорожьѣ, можно раздѣлить на два вида — морскую и сухопутную. Торговлю воднымъ путемъ запорожцы вели главнымъ образомъ съ турками и татарами, а потомъ и съ другими восточными народами, напримѣръ, армянами: средоточіемъ морской торговли были—Днѣпръ, его лиманъ, Черное море, Азовское море и Бѣлое или Мраморное море; главными мѣстами торговли были — Сича, Очаковъ, Царьградъ. Въ Сичи для всѣхъ иностранныхъ судовъ имѣлась превосходная бухта, называвшаяся «оступомъ»: это былъ очень глубокій заливъ, врѣзавшійся въ рѣчку Подпильную, обставленный со всѣхъ сторонъ густымъ частоколомъ для защиты отъ вѣтра и вмѣщавшій въ себя всю запорожскую флотилію. Сколько прибывало изъ Турціи въ Запорожье купеческихъ кораблей, сказать не можемъ, потому что не имѣемъ на то послѣдовательныхъ и точныхъ указаній: только изъ одного документа 1746 года видно, что въ это время прибыло въ Сичу 8 судовъ, изъ коихъ 7 было греческихъ и 1 турецкое; 3 изъ этихъ суденъ пришли изъ Варны, 1 изъ Мессемвріи, 1 изъ Станкео, 1 изъ Царьграда и остальныя изъ Бѣлаго моря, т. е. Архипелага. Впрочемъ, тотъ-же документъ устами кошевого атамана Василія Григорьевича Сыча, на запросъ кіевскаго губернатора Михаила Ивановича Леонтьева, говоритъ, что вообще въ Сичу приходило иностранныхъ судовъ въ разное время разно: иногда 5, иногда 8, а иногда 10: что они, не до-

ходя версты отъ Сичи, должны были выдерживать, подъ наблюденіемъ новосѣченскаго коменданта, двадцати-дневную обсервацію и что всѣ они входили въ сичевую бухту безданно и безпошлинно [1]). Однако, въ означенномъ документѣ исчислялись лишь большія суда, о количествѣ же каботажныхъ, такъ называемыхъ томбазовъ, приходившихъ изъ Турціи въ Запорожье, указаній никакихъ не имѣется.

Торговля запорожцевъ съ турками началась съ очень раннихъ временъ и при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ для низовыхъ козаковъ. По договору 1649 года турецкаго султана «съ войскомъ запорожскимъ и народомъ русскимъ», козаки получили дозволеніе на свободное плаваніе по Черному и Бѣлому (Мраморному) морямъ со всѣми ихъ портами, городами и островами, могли во всякое время въѣзжать въ порты, сколько угодно стоять въ нихъ и когда угодно выѣзжать изъ нихъ; могли имѣть свободныя сношенія съ купцами сухопутныхъ и рѣчныхъ городовъ по вопросамъ о продажѣ, куплѣ и обмѣнѣ: имѣли право строить въ разныхъ портахъ и городахъ собственные складочные дома; освобождались въ теченіе ста лѣтъ отъ всякой пошлины, мыта и подати, и только по истеченіи указаннаго срока обязаны платить «небольшую тягость податей», но и то не больше той, какую платятъ или будутъ платить турецкіе подданные. Войску запорожскому дозволялось имѣть въ Стамбулѣ собственнаго представителя купеческихъ интересовъ: отъ султана-же опредѣлялось имѣть въ одномъ изъ портовыхъ городовъ собственнаго намѣстника, на котораго возлагалась обязанность выдавать, за собственною подписью и печатью, запорожскимъ купцамъ паспорта для собственнаго ихъ плаванія на судахъ, съ правомъ лишь взимать по одному червонцу пошлины за каждый паспортъ и приводить къ присягѣ начальниковъ судовъ въ добрыхъ намѣреніяхъ относительно турецкой державы. Для удержанія своевольныхъ людей отъ морскихъ грабежей козакамъ вмѣнялось заложить нѣсколько портовыхъ городовъ, начиная отъ мѣстъ ниже пороговъ и кончая у устья Буга; опредѣлялось всѣхъ своевольниковъ судить у султанскаго намѣстника, безъ всякаго препятствія, однако, для торговли; рѣшено было противъ пиратовъ изъ донскихъ козаковъ выступать за-одно козакамъ и турецкой охранѣ. Въ случаѣ несоблюденія какого-либо

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 216.

изъ условій со стороны начальника судна, наказаніе нести только начальнику безъ препятствія для дальнѣйшаго плаванія судна; въ случаѣ крушенія судна или смерти кого-либо изъ купцовъ оставшіяся вещи постановлено отдавать наслѣдникамъ или близкимъ ихъ; въ долговыхъ операціяхъ козацкимъ купцамъ имѣть такія-же права, какъ и турецкимъ; судамъ, людямъ, товарамъ и оружію козацкому оставаться неприкосновенными отъ турецкихъ подданныхъ; въ невольническомъ вопросѣ козацкимъ купцамъ свободно выкупать своихъ земляковъ и не принимать лишь на суда бѣглыхъ невольниковъ: въ такомъ случаѣ для начальниковъ обязательно, безъ вреда, однако, судну, возвращать бѣглецовъ назадъ, такъ точно какъ для турокъ обязательно возвращать къ запорожскимъ купцамъ бѣжавшихъ съ козацкихъ суденъ работниковъ [1]).

Въ XVIII вѣкѣ правильному развитію торговли запорожскихъ козаковъ съ турками мѣшали три обстоятельства: 1) бѣлградскій трактатъ Россіи съ Турціей 1739 года; 2) неблагопріятныя распоряженія для запорожской торговли крымскихъ хановъ; 3) вредныя дѣйствія русскихъ откупщиковъ сбора таможенныхъ пошлинъ, направленныя противъ запорожцевъ. По бѣлградскому трактату 1739 года, 18 сентября, Россія не могла имѣть своихъ кораблей на Черномъ морѣ, торговлю же должна была вести на немъ только посредствомъ турецкихъ кораблей [2]); ближайшимъ образомъ отъ этого трактата страдали запорожскіе козаки, которые могли доставлять свои товары на собственныхъ дубахъ только до турецкаго города Очакова и тутъ или продавать ихъ на деньги, или обмѣнивать партіи на партіи; только съ 1774 года, іюля 10 дня, послѣ заключенія кучукъ-кайнарджицкаго мира Россіи съ Турціей, «когда торговля и мореплаваніе русскимъ купеческимъ кораблямъ дозволялись на всѣхъ водахъ, равно какъ плаваніе изъ Чернаго въ Мраморное и обратно» [3]), запорожскіе козаки не имѣли стѣсненія въ своей торговлѣ съ турками; но спустя годъ послѣ этого они совсѣмъ потеряли свое политическое бытіе. Торговлѣ запорожскихъ козаковъ съ турками нерѣдко мѣшали и крымскіе ханы. Такъ, извѣстный во второй половинѣ XVIII вѣка (1758—1764; 1768—1769) ханъ Крымъ-Герай, войдя въ сношеніе съ очаковскимъ пашей, воспретилъ входъ большимъ турецкимъ судамъ въ Запо-

[1]) Собраніе государствен. грамотъ, Москва, 1822, III, 444—447.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1887, XX, 162.

[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи, Москва, 1879, XIX, 94.

рожье и только дозволилъ, перегрузивъ товары у Очакова, ходить къ Сичѣ небольшимъ рѣчнымъ лодкамъ; тотъ-же крымскій ханъ, отдавъ въ откупъ Козловскую таможню янычаръ-агѣ, требовалъ, чтобы всѣ русскія суда, плывшія по Днѣпру къ Очакову, выгрузивъ свои товары изъ суденъ у Очакова, отправляли-бы ихъ сухимъ путемъ въ Козловъ; тоже должны были дѣлать и суда, шедшія изъ Чернаго моря къ Очакову и отсюда къ Запорожью. Само собой разумѣется, что такія распоряженія хана страшно затрудняли торговыя сношенія запорожскихъ козаковъ съ Турціей, и отъ 1762 года, 3-го іюля, до насъ дошло письмо запорожскаго Коша къ крымскому хану съ просьбой о пропускѣ судовъ «зъ Бѣлаго и Чернаго моря сюда въ россійскія границы, такожъ и изъ Сѣчи туда слѣдующія судна безъ выгрузу», въ противномъ случаѣ запорожцы грозили воспретить всѣмъ купцамъ, козакамъ, чумакамъ и ватагамъ ѣздить изъ Запорожья въ Крымъ для покупки у татаръ соли. Но требованіе запорожскихъ козаковъ было исполнено лишь въ 1765 году, уже при ханѣ Селимъ-Тераѣ и послѣ протеста русскаго консула премьеръ-маіора Александра Никифорова. Кромѣ притѣсненій отъ крымскихъ хановъ запорожская торговля страдала и отъ русскихъ откупщиковъ сбора таможенныхъ податей. Во второй половинѣ XVIII вѣка нѣкто таможенный оберъ-директоръ Шемякинъ заключилъ контрактъ съ русскимъ правительствомъ на сборъ таможенныхъ пошлинъ и вынудилъ у него издать распоряженіе не допускать турецкіе корабли изъ Чернаго моря и Архипелага въ Запорожье; мотивомъ для такого распоряженія выставлено было неимѣніе надлежащихъ капиталовъ для торговли у запорожскихъ купцовъ; запорожцы справедливо увидѣли въ этомъ бѣду для всего своего края и обратились съ просьбой на высочайшее имя императрицы Елизаветы Петровны; въ 1759 году отправлена была въ Петербургъ депутація отъ запорожскаго Коша, которая успѣла добиться нѣкоторыхъ для себя на этотъ счетъ облегченій [1]).

Предметами вывоза со стороны запорожскихъ козаковъ въ Турцію были—мѣха, кожи, шерсть, желѣзо, полотно, пенька, канатъ, говядина, баранина, живыя овцы, храшъ, коровье и конопляное масло, рыба, икра, пшеница и пр.; нѣкоторая часть изъ этого товара шла непосредственно изъ Сичи, нѣкоторая-же черезъ Сичъ

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, I, 216—220.

изъ Украйны, Польши и Россіи. Предметами ввоза со стороны турецкихъ купцовъ въ Запорожье были—оружіе, конская сбруя, свинецъ, соль, сукно, сафьянъ, хлопчатая бумага, шелковыя матеріи, китайки, снурки, галунъ, вино, лимонный сокъ, деревянное масло, ярь, камфора, стекло, косы, ножи, бритвы, ножницы, сугачьи рога, шедшіе, вѣроятно, на козацкіе пороховницы, и разная бакалея: какъ-то: изюмъ, винныя ягоды, лимонъ, сорочинское пшено, кофе, орѣхи [1]). Въ 1759 году въ Глуховѣ у запорожскихъ депутатовъ тайный совѣтникъ, президентъ академіи наукъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ спрашивалъ, какія въ Сичь изъ Турціи привозились вина и тутъ-же освѣдомился: «не возможно ли съ тамошнихъ приморскихъ мѣстъ, да по способности и изъ Цареграда вывозъ сдѣлать, подъ осень, на употребленіе къ столу въ домѣ ясневельможнаго гетмана, зовемой по греческу стридіи, а по здѣшнему устрицы». Бывшій при депутатахъ толмачъ объявилъ, что въ турецкихъ мѣстахъ «того предовольно». Тогда Тепловъ приказалъ отъ себя о томъ написать гетману, а запорожцамъ далъ на усмотрѣніе верхній «маслакъ», т. е. скорлупу съ одной стридіи; тотъ маслакъ депутататы отправили въ Сичу [2]).

Торговлю сухопутную вели запорожскіе козаки съ Крымомъ Польшею, Литвою, Украйной, Великоруссіей и Новосербіей.

Торговля съ Крымомъ началась съ самаго момента появленія запорожскихъ козаковъ на днѣпровскомъ Низу и имѣла самое широкое распространеніе. Оно и понятно: при всей враждебности отношеній козаковъ къ татарамъ между ними было и много точекъ соприкосновенія, какъ самыхъ близкихъ сосѣдей, находившихся въ такихъ или иныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. На первыхъ порахъ, когда крымскіе и ногайскіе татары не были еще заражены мусульманскимъ фанатизмомъ, отношенія между козаками и татарами были отношеніями двухъ мирныхъ сосѣднихъ народностей: съ принятіемъ татарами ислама и водвореніемъ турокъ въ Константинополѣ, отношенія между тѣми и другими сдѣлались отношеніями народовъ, стремившихся къ истребленію другъ друга: съ ослабленіемъ религіознаго фанатизма у мусульманъ отношенія

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 103; Архивъ свѣдѣній до Россіи Калачова, Спб., 1861, 6; Историческія сочиненія о Малороссіи Григорія Миллера, Москва, 1846, 55; Observations sur le commerse de la mer Noir et des pays qui la bordent, 1787, 20.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 222

Запорожскія судна по Ровинскому и Боплану.—Къ стр. 484—485.

между козаками и татарами оставались хотя и неприязненными, но въ общемъ приближали ихъ другъ къ другу. Во всѣхъ трехъ случаяхъ открывалось широкое поле для взаимныхъ обмѣновъ козаковъ и татаръ между собою: избытокъ-же у однихъ и недостатокъ того-же самаго у другихъ заставляли, помимо войны, вступать близкихъ сосѣдей въ торговыя сдѣлки. Начавшись съ XVI вѣка, торговля запорожскихъ козаковъ съ татарами усиливалась въ теченіи XVII и особенно приняла большіе размѣры въ первой половинѣ XVIII вѣка. Стѣсненіе для торговли съ Крымомъ запорожскіе козаки встрѣтили лишь во второй половинѣ XVIII вѣка со стороны русскаго правительства, по случаю распоряженія выдавать запорожцамъ денежное жалованье не серебряною, а мѣдною монетою. Въ 1764 году, іюля 7 дня, императрица Екатерина II писала въ своемъ указѣ на этотъ счетъ слѣдующее: «По представленію находящагося въ Крыму консула премьеръ-маіора Никифорова, въ нашъ сенатъ коллегія иностранныхъ дѣлъ объявляла, какимъ образомъ великороссійскіе и малороссійскіе купцы и запорожскіе козаки, черезъ Днѣпръ и украинскую линію, и отъ Бахмута по слабому смотрѣнію таможенъ явно, а большею частію тайно разными вымышленными средствами въ торгахъ до Сѣчи запорожской, а отъ оной чрезъ рѣку Днѣпръ провозятъ здѣшнюю серебряную монету въ крымскую сторону, гдѣ, покупая виноградныя вина и товары, возвращаются въ Сѣчь и въ малороссійскіе полки: и сверхъ того запорожцы покупаютъ соль изъ ханскаго озера; и по точному консульскому освѣдомленію той серебряной монеты каждое лѣто до 60.000 и болѣе туда привозится, которая тамъ остается и передѣлывается въ тамошнія деньги и на ханскіе расходы употребляется, ибо другого серебра ханъ крымскій ни откуда себѣ достать не можетъ... И потому въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: 1) для пресѣченія производившаго(-ся) великороссійскими и малороссійскими купцами и запорожскими козаками чрезъ Днѣпръ и украинскую линію до Сѣчи запорожской, а оттоль чрезъ рѣку же Днѣпръ и другіе разные протоки тайнаго провоза здѣшней серебряной монеты на крымскую сторону во всѣ тамошнія мѣста, наикрѣпчайше подтвердить изданные о томъ указы, а особливо публикованный въ 1744 году, мая 11 дня, коими вывозъ проѣзжающими изъ Россіи заграницу россійской серебряной рублевой, полтинной и протчей монеты и сдѣланной всякой посуды и слитковъ накрѣпко запрещенъ..., 2) подлежащее войску запорожскому

ежегодное жалованье производить отнынѣ впредь мѣдною, а не серебряною монетою изъ ближайшихъ мѣстъ къ ихъ Сѣчи, отправляя къ нимъ оное водою по рѣкѣ Днѣпру»[1]). Само собою разумѣется, что это распоряженіе гибельно отзывалось на торговлѣ запорожскихъ козаковъ съ Крымомъ, потому что татары вовсе не хотѣли продавать своихъ товаровъ на мѣдныя деньги; но козаковъ спасали на этотъ разъ контрабандисты, умѣвшіе провозить серебряную и золотую монету изъ Украйны на Запорожье.

Главными мѣстами торговли запорожскихъ козаковъ съ крымцами были—Сича, Перекопъ, Кафа и Козловъ; товары шли изъ Запорожья частію Днѣпромъ, большею-же частію сухопутьемъ по такъ называемымъ «отвѣчнымъ» шляхамъ, Муравскому и двумъ его вѣтвямъ Изюмскому и Калміусскому; тѣмъ-же путемъ шли товары и изъ Крыма въ Запорожье; средствами передвиженія у запорожскихъ козаковъ были дубы, лошади и волы; у татаръ—лошади и верблюды; предметами вывоза изъ Запорожья были—пушные товары, полотно, кожа, желѣзо, оружіе, коровье масло, табакъ и отчасти хлѣбъ; предметами ввоза изъ Крыма въ Запорожье были—сафьянъ, сафьяновая обувь, особенно такъ называемые «папуци», т. е. туфли или башмаки, сѣрые смушки, шелковыя ткани, особенно термалама, волошскіе орѣхи, красныя вина и, что самое главное, соль; иногда ослицы, мешты и бѣлые верблюды; такъ, въ 1758 году, въ Крыму куплены были 30 верблюдовъ, доставленныхъ черезъ Запорожье въ Петербургъ для подарковъ разнымъ вельможамъ, а въ 1762 году гетманъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій просилъ запорожскую старшину купить ему въ Крыму бѣлыхъ верблюдовъ; старшина отправила отъ себя толмача Григорія Швыдкаго въ Перекопъ; верблюды были куплены цѣною по 30, 40 и 50 рублей за одного или за пару—«верблюдиху и лоша»—и, какъ нужно думать, доставлены по назначенію[2]).

Торговля съ Польшей также производилась искони вѣковъ у запорожскихъ козаковъ; поляки вели торговыя операціи то непосредственно съ самими запорожцами, то черезъ посредство запорожцевъ съ турками и крымцами. Въ томъ и другомъ случаѣ польскіе пограничные помѣщики и мѣстные старосты, т. е. упра-

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 204.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 227, 228.

вители польскихъ областей и городовъ, всячески старались держаться съ запорожцами по этому поводу на мирной ногѣ. Само собою разумѣется, что и запорожскіе козаки, соблюдая собственную выгоду, оказывали большое покровительство польскимъ торговымъ людямъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сами-же поляки. «Въ Сѣчи, хотя тамъ жили всякаго рода бѣглые и отступники отъ всѣхъ вѣръ, пишетъ католическій патеръ Христофоръ Китовичъ, такая скромность и такая безопасность тамъ царствовала, что пріѣзжавшіе съ товарами или по другимъ дѣламъ люди, не боялись и волоска съ головы своей потерять. Можно было на улицѣ оставить свои деньги, не опасаясь, чтобы онѣ были похищены» [1]).

Главными центрами польско-запорожской торговли были — Умань, Корсунь, Лысянка, Тарговица и др. Извѣстный въ свое время богачъ и тщеславецъ польскій, графъ Францъ Потоцкій, получивъ въ наслѣдство Умань со многими его крѣпостями, обнесъ весь городъ стѣнами и башнями и, чтобы сдѣлать его центромъ богатства и культурности, открылъ въ немъ ярмарки. Зная, какое значеніе въ этомъ случаѣ имѣли для всего приднѣпровскаго края запорожскіе козаки, Потоцкій нашелъ нужнымъ отправить отъ себя письмо съ приличнымъ подаркомъ кошевому атаману Григорію Ѳедорову, котораго просилъ объявить запорожцамъ, когда они будутъ ѣхать въ Польшу по торговымъ дѣламъ, направляться прямо въ Умань, тамъ брать паспорты, распродавать свои товары и съ оставшимися отъ продажи идти дальше: «Какъ въ наслѣдственной моей вотчинѣ Умани, по высочайшему королевскому соизволенію и моимъ стараніемъ возобновлены торги и ярмарки, съ предоставленіемъ разныхъ преимуществъ торговцамъ всѣхъ пограничныхъ націй, то и прошу васъ, ясневельможный пане, цѣлому Кошу объявить, чтобы запорожцы, которые обыкновенно въ Польшу ѣздятъ по торговлѣ съ лошадьми, скотомъ, воскомъ, саломъ, мѣхами и другими товарами, отправлялись за всякими паспортами въ Умань на ярмарки: оттуда, если бы тамъ своихъ продуктовъ не распродали, могутъ съ паспортами управителя моего Уманьскаго имѣнія, пускаться и дальше, 1762 года, 18-го мая» [2]).

---

[1]) Opis obyczaiowi, zwyczaiow w panowanie Augusta II. X. Kitowicza, Poznan, 1840, II, 214.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 236.

Торговыя фуры изъ Запорожья въ Польшу шли по главному шляху Черному или Шпакову и его боковымъ вѣткамъ; предметами вывоза изъ Запорожья были—лошади, рогатый скотъ, мѣха, рыба, рыбій жиръ, соль, сало, воскъ, сыръ, вязига и др. Польскіе дворяне, особенно молодежь, часто ѣздили въ Сичу, чтобы покупать тамъ верховыхъ лошадей, а польскіе купцы отправлялись туда, чтобы закупать тамъ соль, которую запорожцы собирали у лѣваго берега днѣпровскаго лимана изъ озеръ кинбурнскаго округа, особымъ способомъ заготовляли ее и перевозили въ лодкахъ съ лѣваго берега на правый къ мысу Станиславову и къ балкамъ Солонцамъ и Широкой, а оттуда возами доставляли въ Сичь [1]). Многіе и изъ запорожскихъ козаковъ отправлялись въ Польшу для продажи своихъ товаровъ, въ особенности дорогихъ коней: въ Умани ихъ видали на ярмаркѣ въ день святаго Ивана: сюда они пріѣзжали на множествѣ возовъ, одѣтые въ короткіе жупаны изъ телячьей кожи, иногда съ подбитыми, очень богатыми матеріями: продавъ свои товары, запорожцы очень долго веселились и потомъ уѣзжали назадъ [2]). Иногда черезъ Польшу запорожскіе купцы и торговцы добирались и во Львовъ: тамъ они продавали соленую и вяленую рыбу, а вмѣстѣ съ этимъ нерѣдко и самыхъ воловъ, на которыхъ привозили товары, и возвращались назадъ на одноконкахъ: нерѣдко также поднимались они къ рѣчкамъ, текущимъ въ Вислу, гдѣ продавали пшено, привозимое ими изъ Сичи [3]).

Торговыя фуры изъ Малороссіи или Великороссіи шли въ Запорожье или сухимъ путемъ по шляхамъ Черному-Украинскому, Крюковскому, Крымскому, Переволочанскому, Кызыкерменскому съ ихъ боковыми вѣтками, по Муравскому, Изюмскому и Калміусскому, или-же рѣчнымъ путемъ по Днѣпру отъ Мишурина-Рога и далѣе внутрь Запорожья до Сичи. Для сплава по Днѣпру разныхъ товаровъ у запорожскихъ козаковъ съ 1656 года существовалъ особый классъ людей, лоцмановъ, выбиравшихся изъ самыхъ смѣлыхъ козаковъ кодацкой паланки, жившихъ выше днѣпровскихъ пороговъ, свободныхъ отъ всякихъ войсковыхъ повинностей, но обязанныхъ проводить купеческія суда черезъ страшные пороги. Главными мѣстами торговли запорожскихъ козаковъ съ

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.
[2]) Вероника Кребсъ. Уманьская рѣзня, Кіевъ, 1879, 32.
[3]) Ambr. Grabowski. Ojczyste spominki, I. 140.

малороссійскими были: Стародубъ. Миргородъ. Хоролъ, Лубны. Ромны. Опошня и другія мѣста. куда они съѣзжались чаще всего на ярмарки въ дни годовыхъ или храмовыхъ праздниковъ [1]).

Предметами торговли запорожцевъ съ Малороссіей и Великороссіей были разные съѣстные продукты. рыболовныя сѣти. нитки для неводовъ. канаты. полотно. простыя сукна, табакъ и въ особенности водка, которой тѣмъ больше продавалось на ярмаркахъ. чѣмъ больше былъ урожай хлѣба въ странѣ. Привозимые товары частію покупались въ Запорожьѣ на деньги. частію обмѣнивались на товары собственнаго и турецкаго или крымскаго производства.

Въ началѣ всѣ товары пропускались изъ Малороссіи и Великороссіи въ Запорожье безпошлинно, но потомъ. когда въ Переволочной и Кременчугѣ. съ 1753 года, учреждены были русскія таможни, со всѣхъ украинскихъ и запорожскихъ купцовъ, проѣзжавшихъ съ товарами, стали взимать извѣстную пошлину. Такое распоряженіе не могло понравиться запорожскимъ козакамъ. и они стали хлопотать у русскаго правительства о снятіи пошлины съ провозимыхъ къ нимъ и обратно отъ нихъ товаровъ. Съ этою цѣлію въ 1756 году отправлены были въ Петербургъ депутаты отъ запорожскаго Коша; эти депутаты. находясь въ Петербургѣ, просили гетмана графа Кирилла Разумовскаго «о пропускѣ въ Сѣчь съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ и протчихъ вещей безпошлинно» [2]), но успѣли добиться въ этомъ облегченія лишь на нѣкоторое время. Въ 1760 году. января 25 дня, указомъ императрицы Екатерины II постановлено было на этотъ счетъ слѣдующее: 1) дозволялось съѣстные и питейные припасы. для собственнаго пропитанія запорожцевъ, а также всѣ товары. шедшіе на одежду, обувь и запорожскіе промыслы, именно тѣ, которые были привезены изъ-за границы и съ которыхъ уже разъ взята была пошлина. пропускать въ Запорожье безъ всякихъ пошлинъ. но зато всѣ эти товары изъ Коша заграницу, въ Польшу, Крымъ и другія чужестранныя земли, на продажу. «не отпускать отнюдь»; 2) дозволялось покупать ружья, порохъ. свинецъ и ружейные кремни «для собственнаго употребленія», но строжайше запрещалось продавать ихъ изъ Коша заграницу; 3) за провозъ изъ Сѣчи въ Малую Россію рыбы, мягкой рухляди, за пригонъ лошадей,

---

[1]) Китченко. Черниговскія губернскія вѣдомости, 1853, № 3, 23, № 4, 27, 29. № 7, 47, № 10, 71.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 129.

рогатаго скота и всего собственнаго запорожскаго продукта и промысла пошлиннаго сбора не брать; 4) съ соли, привозимой запорожцами въ Малую Россію, такъ какъ она не ихъ продуктъ, а привозная, пошлину брать; 5) также съ другихъ товаровъ, кромѣ соли, иностраннаго продукта и промысла, привозимыхъ изъ Запорожья въ Малую Россію и изъ Малой и Великой Россіи въ Запорожье пошлину брать: 6) по скольку же запорожцамъ ежегодно пропускать съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ и товаровъ изъ Малой Россіи и слободскихъ полковъ въ Сичь и обратно изъ Сичи въ Малую Россію товаровъ ихъ промысла и продукта, тому единственнаго положенія, для представленныхъ въ доношеніи коммерцъ-коллегіи и коммиссіи о пошлинахъ резоновъ, не класть: а дабы они, запорожцы, подъ своимъ именемъ постороннихъ купеческихъ товаровъ не провозили, также чтобъ и своихъ заграницу, въ Крымъ и Польшу, особливо хлѣба и съѣстныхъ припасовъ и товаровъ, въ томъ числѣ запрещенныхъ, безпошлинно не отправляли, о томъ войску запорожскому объявить, чтобъ оно того отнюдь не чинило, но поступало бы какъ вѣрные рабы и въ томъ присягу учинило, а если пойманы будутъ съ везенными тайно заграницу товарами и припасами, то съ ними будетъ поступлено по таможенному уставу безъ всякой пощады; ѣздить же имъ, запорожцамъ, изъ Сѣчи для покупки припасовъ и товаровъ съ пашпортами отъ кошевого атамана и войсковой старшины: 7) изъ Кіево-Межигорскаго монастыря на духовный чинъ запорожской Сѣчи муки ржаной и прочихъ хлѣбныхъ припасовъ тридцать четвертей, пшена десять четвертей, хлѣбнаго вина двѣ бочки, холста тысячу аршинъ, а изъ запорожской Сѣчи въ тотъ Кіево-Межигорскій монастырь рыбы четвероконныхъ десять возовъ всякій годъ отпускать безпошлинно, ибо тотъ монастырь состоитъ внутри Малой Россіи, а соль съ пошлиною [1]). Въ 1762 году, особымъ указомъ, подтверждалось «впредь изъ Польши вина простого на продажу въ Малую Россію, въ Сѣчь запорожскую и въ Новую Сербію отнюдь не впускать, и того накрѣпко не токмо на заставахъ фарпостныхъ, но и по тайно проложеннымъ малымъ дорогамъ смотрѣть подъ опасеніемъ по указамъ штрафа неотпускного тѣмъ, кто для своей корысти въ противность сему нашему повелѣнію что учинитъ» [2]). Естественно, что запорожскіе козаки считали

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 162—165.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб., 1888, 179.

наложеніе пошлины на привозимое вино и отвозимую соль, какъ на мѣру крайняго стѣсненія ихъ торговли, много разъ ходатайствовали о снятіи налоговъ, но всякій разъ безуспѣшно.

Торговыя сношенія запорожскихъ козаковъ съ Новосербіей начались съ 1754 года. Впрочемъ, они не достигали такихъ размѣровъ, какъ торговыя сдѣлки съ Польшей и Украйной: хотя запорожскіе козаки и пріѣзжали на ярмарки въ главный центръ Новосербіи, крѣпость св. Елисаветы, но вообще торговыя сношенія запорожскихъ козаковъ съ этой стороны были ничтожны. Причиной тому служила вражда между запорожскими козаками и новосербами; самая-же вражда имѣла свое основаніе въ поселеніи новосербовъ на степи отъ рѣчки Синюхи до верховьевъ рѣки Ингула, которую запорожцы по всей справедливости и съ давнихъ временъ считали своею неотъемлемою собственностію. Жалобы съ одной стороны, неудовольствія и набѣги съ другой обостряли болѣе и болѣе отношенія между близкими сосѣдями и устраняли всякія крупныя торговыя сдѣлки между запорожцами и новосербами.

Во всѣхъ торговыхъ сношеніяхъ запорожскихъ козаковъ съ сосѣдями и сосѣдей, особенно украинцевъ и поляковъ, съ запорожскими козаками играли первую и незамѣнимую роль такъ называемые чумаки. Чумаки въ быту Запорожья, а также и въ быту всей Украйны составляли на столько важный классъ людей, что онъ не разъ обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей южнорусской исторіи. Названіе «чумакъ», по однимъ, происходитъ отъ слова «чумъ», что значитъ ковшъ, которымъ путники пили воду во время своихъ далекихъ переѣздовъ; по другимъ, отъ татарскаго слова «чумак», что значитъ извозчикъ; по третьимъ, отъ слова «чума», потому что украинскіе торговцы, отправляясь въ Крымъ, часто заражались въ пути свирѣпствовавшей тамъ чумой и нерѣдко заносили ее въ Запорожье и Украйну; по четвертымъ, отъ того, что, идя въ дорогу, украинцы вымазывали свои штаны и сорочки, для предотвращенія отъ всякой заразы и насѣкомыхъ, въ деготь, и по самому виду своему напоминали чуму [1]. Чумачество представляетъ собой любопытнѣйшую черту экономическаго быта какъ собственно Запорожья, такъ и всей Малороссіи: это есть зачатокъ національнаго малороссійскаго купечества,

[1]) Рудченко. Чумацкія пѣсни, Кіевъ, 1874, 9.

основанный на началахъ чисто товарищеской ассоціаціи. Родилось оно гораздо раньше появленія на днѣпровскомъ Низу козачества и даже послужило прототипомъ самаго козачества, ибо первые чумаки были и торговцы, и промышленники и съ тѣмъ вмѣстѣ воины. Начавшись едва замѣтно для исторіи, чумачество съ теченіемъ времени разрослось до обширныхъ размѣровъ: мало-по-малу чумаки выработались въ типъ здоровыхъ, крѣпкихъ, мужественныхъ и неустрашимыхъ промышленниковъ, способныхъ переносить и лѣтній зной, и недостатокъ воды, и отсутствіе корма и нападеніе всякаго рода хищныхъ степныхъ наѣздниковъ: оттого справедливо чумаковъ сравниваютъ съ бедуинами, а ихъ воловъ съ верблюдами дикой и пустынной Аравіи. Въ Запорожьѣ чумаки, какъ торговцы и промышленники составляли между собой «артели» на началахъ полной ассоціаціи или товарищества, а какъ воины, входили въ составъ низового товариства, платили всю прибыль отъ своихъ промысловъ въ войсковой скарбъ и возмѣщали свои убытки войсковой казной [1]).

Въ теченіе долгой исторической жизни южно-русское чумачество выработало себѣ и извѣстные пріемы для передвиженія своихъ товаровъ изъ одного мѣста въ другое по «одвичнымъ» шляхамъ широкихъ степей. Едва сходилъ снѣгъ послѣ зимы, едва показывалась травка изъ земли, едва заревѣли чумацкіе волы, выходя изъ-подъ навѣса послѣ долгой зимы, какъ уже заскрипѣли длинныя «мажи», «дòбри паровьици», и чумаки стали собираться на майданахъ за слободами въ длинныя «валки». Сложивъ на немногихъ возахъ необходимую для дороги провизію или «харчу»— пшено, хлѣбъ, сало, гречневую крупу, а также запасшись необходимыми кашеварными принадлежностями—казанами, таганами, сокирою, ложками, салотовками, чумаки «рушали» въ путь. Впереди всѣхъ шелъ возъ, запряженный самыми лучшими сѣрыми, здоровыми и жирными, «якъ изъ воды», волами, иногда съ золоченными и убранными разноцвѣтными лентами рогами и между рогъ прилѣпленными, въ праздничные дни, двумя восковыми свѣчами. На немъ сидѣлъ самъ «батько-атаманъ, панъ-господарь»: тутъ-же, около него, помѣщался пѣтухъ, возвѣщавшій время дня и ночи чумакамъ. Атаманъ всегда шелъ впереди всѣхъ: онъ избирался всей артелью, какъ человѣкъ опытный, бывалый, знавшій

---

[1]) Рудченко. Чумацкія пѣсни, Кіевъ 1874. 33.

всѣ пути, умѣвшій предотвратить всякія опасности. Онъ указывалъ всей валкѣ путь, поднималъ чумаковъ въ дорогу, останавливалъ валку для отдыха, опредѣлялъ ночныхъ и дневныхъ сторожей, разбиралъ ссоры между «ватажанами» и заботился о предотвращеніи внезапныхъ нападеній со стороны разныхъ степныхъ «харцызовъ»; по атаману важнѣйшій человѣкъ былъ кухарь или кашеваръ: онъ хранилъ всю харчу и кашеварныя принадлежности, готовилъ «страву» чумакамъ къ «сниданню, обиду, полудню и вечери». Для безопасности въ пути всѣ чумаки запасались «рушницами» и длинными «списами», а деньги свои прятали или въ гаманахъ на груди, или на колесныхъ ободьяхъ подъ шинами.

Съ каждой весной запорожцы съ нетерпѣніемъ ждали украинскихъ или польскихъ чумаковъ; извѣщая иногда своихъ депутатовъ, находившихся по разнымъ дѣламъ въ Петербургѣ, они писали: «ватагъ еще нѣтъ»; «ватаги уже понемногу идутъ и везутъ хлѣбъ и водку»; «ватагъ такое множество, что даже припасы въ Сѣчѣ и Никитиномъ вздорожали» [1]). У самыхъ границъ запорожскихъ вольностей чумаковъ встрѣчала особая козацкая команда и помогала имъ переправляться черезъ рѣки, прежде всего Днѣпръ, если чумаки шли изъ Украйны, или Бугъ, если они двигались изъ областей юго-западной Польши. Переправившись черезъ Бугъ, они платили извѣстную пошлину «мостовое», являлись въ Гардъ, брали здѣсь для безопасности въ пути и указанія дороги конвой съ войсковымъ пернаачемъ, войсковою печатью, прикрѣпленною къ перначу, или вообще какимъ-нибудь будзыганомъ [2]) и двигались дальше внутрь запорожскихъ вольностей, причемъ снова платили «мостовое» за переправы на паромахъ и за переѣзды по гатямъ и мосткамъ. Вездѣ, гдѣ только проѣзжали чумаки, имъ оказывали радушный пріемъ и козаки-зимовчаки и особенно корчмари и шинкари, у которыхъ они для себя могли найти хорошій обѣдъ и добрую горилку, а для своихъ воловъ свѣжій попасъ и холодную воду изъ колодца или криницы, вырытой близь всякаго зимовника. Смѣнивъ нѣсколько разъ конвойныхъ и всякій разъ заплативъ имъ особый «ралецъ», чумаки, наконецъ, добирались или до Микитина или до Кодака; тутъ они совсѣмъ отпускали конвой,

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 224.

[2]) Будзыганомъ назывался вообще знакъ власти — булава, перначъ, келепъ: Кулишъ. Отпаденіе Малороссіи, Москва, 1890, II, 160.

вносили извѣстную плату за свой проѣздъ по запорожскимъ землямъ въ войсковую казну и на нѣкоторое время останавливались на мѣстѣ. Послѣ небольшого отдыха, тѣ. которые ѣхали на Донъ за рыбою, переправлялись черезъ Днѣпръ у Кодака и двигались дальше по восточнымъ степямъ Запорожья, а тѣ, которые ѣхали за солью. запасались въ Микитинѣ особыми ярлыками и билетами на татарскомъ и турецкомъ языкахъ отъ запорожскаго толмача, переправлялись черезъ Днѣпръ и вступали уже въ предѣлы ногайскихъ татаръ, имѣя конечною цѣлью своихъ путешествій городъ Перекопъ. До сихъ поръ чумаки шли безпечно, охраняемые запорожскимъ конвоемъ: теперь они двигались одни и потому, перешагнувъ запорожскую грань. тотъ-же часъ брали разныя мѣры предосторожности на всякіе случаи: для предохраненія отъ чумы вымазывали свои сорочки и штаны въ деготь, а для безопасности отъ степныхъ «харцызовъ» заряжали рушницы и вынимали изъ возовъ острые списы: въ ногайскихъ степяхъ чумаки были всегда на-сторожѣ. Въ случаѣ внезапнаго нападенія со стороны харцызовъ. гайдамакъ и всякаго рода степныхъ хищниковъ. чумаки тотъ-же часъ дѣлали изъ своихъ возовъ таборъ и, подъ руководствомъ артельнаго атамана. отбивались отъ злыхъ людей. Испытывая иногда разныя бѣдствія отъ нападенія харцызовъ. чумаки нерѣдко терпѣли «несносныя обиды» и отъ самихъ татаръ: татары вынуждали съ нихъ большія платы за переправы черезъ рѣчки Бѣлозерку, Рогачикъ и Каирки—отъ 5 до 30 копѣекъ мостового. а иногда брали плату и въ тѣхъ мѣстахъ. гдѣ воды совсѣмъ не было и гдѣ рѣчку переѣзжали возами какъ сухой оврагъ: иногда у нихъ отгоняли съ пастбищъ воловъ, и требовали выкупа по рублю и полтинѣ за голову. какъ будто за найденный въ дикой степи скотъ: иногда и совсѣмъ похищали воловъ. угоняя ихъ въ свои аулы [1]). Съ такими опасностями добирались чумаки до Перекопской башты: здѣсь крымцы давно уже поджидали чумаковъ и радовались приходу ихъ. потому что чумаки приносили большой доходъ казнѣ крымскаго хана. «Еще изъ договора Сигизмунда-Августа съ крымскимъ ханомъ въ 1540 году узнаемъ, что польскимъ и литовскимъ торговцамъ (чумакамъ) выговаривалось право свободно брать соль въ Хаджибеѣ. Перекопѣ и Кафѣ. заплативши мыто по старинѣ крымскому хану» [2]). По-

[1]) Чернявскій. Въ Исторіи князя Мышецкаго, Одесса, 1852. 91.

[2]) Рудченко. Чумацкія народныя пѣсни, Кіевъ, 1874, 12.

этому ханскіе пристава не только заботились о возможно большемъ вывозѣ изъ Крыма чумаками соли, но и всякій разъ, послѣ урожая соли, заблаговременно извѣщали о томъ запорожскій Кошъ: такъ, въ 1764 году, 25 іюня, приставъ перекопскаго промысла Баба-Иманъ, писалъ кошевому атаману Филиппу Θедорову: «Благодареніе Богу, его святымъ произволеніемъ, сего году уже выстояніе свое сдѣлавъ, соль произошла обильно противу прошедшаго года: какъ обычай, сѣла хорошо. Да притомъ-же воды и травы въ Крыму, также и на пути вездѣ изобильно, такъ что очень спокойно нынѣ для чумаковъ, а для скота кормовъ достанетъ. О чемъ при семъ присланный отъ меня Мустафа-Баша вамъ изустно донесть имѣетъ. При чемъ посылаю вамъ въ гостинецъ одинъ сафьянъ, прошу принять его за благо. Да притомъ-же прошу прислать къ намъ возовъ два для васъ, одолжаюсь самой чистой соли на вашъ расходъ накласть. При чемъ прошу въ незамедленіи чумаковъ присылать за солью» [1]).

Дойдя до воротъ Перекопской башты, чумаки платили здѣсь за каждую мажу «баштового» сбора по 70 копѣекъ и потомъ уже въѣзжали въ городъ: затѣмъ нѣсколько времени отдыхали, нагружались солью, платили за цѣлый возъ по 5 рублей, за половинный по 3 рубля, и возвращались назадъ; если у татаръ случалась на тафахъ рыба, покупали и рыбу и складывали ее на возахъ. Между тѣмъ запорожцы вновь поджидали чумаковъ, вновь взимали съ нихъ пошлины за переправы, паромы, мостки и гати, со своихъ, разумѣется, меньше, съ чужихъ больше, вновь оказывали имъ гостепріимство корчмари и шинкари.

Изъ Запорожья чумаки двигались, кому куда нужно было для распродажи товара. «Примѣчательно, что въ годъ до 1.000 воловыхъ возовъ оной (соли) въ Польшу отпустится; покупаютъ также и малороссіяне изъ Елисаветградской провинціи» [2]).

Кромѣ крупной торговли съ турками, поляками, украинцами, новосербами и крымцами, запорожскій Кошъ велъ также торговлю и внутри Сичи: это была торговля по преимуществу мелочная: она производилась иногда на самой сичевой площади, а чаще всего на Крамномъ базарѣ, Гассанъ-базарѣ или сичевомъ форштадтѣ, т. е. предмѣстьѣ: здѣсь стояло множество небольшихъ на низень-

---

[1]) Рудченко. Чумацкія пѣсни, Кіевъ, 1876, 13.

[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 170.

кихъ столбикахъ домиковъ, дворовъ, лавочекъ, ятокъ, шинковъ, въ которыхъ и производилась всякаго рода торговля; часть этихъ построекъ сооружена была на средства куреней и принадлежала войску, часть составляла собственность заѣзжихъ купцовъ, какъ то видно изъ дѣлъ сичевого архива: такъ, сидѣлецъ Петръ Крыловъ задолжавшій купцу Ѳедору Попову и не могшій уплатить ему своего долга, по «базарному суду», долженъ былъ продать свой старый дворь, находившійся на сичевомъ базарѣ, за 2½ куфы водки, въ уплату истцу [1]). Предметами торговли въ Сичи были—епанчи, сѣдла, стрѣлы, луки, стремена, сабли, удила, привозившіеся запорожцамъ татарами, рогатый скотъ и неспособныя къ ѣздѣ лошади, продававшіяся на убой татарамъ запорожскими козаками. Кромѣ торговли въ Сичи, торговля производилась и въ паланочныхъ селахъ—Каменномъ на Калміусѣ, въ Гардѣ на Бугѣ, Микитинѣ на Днѣпрѣ и др.: здѣсь также были крамные базары, шинки, лавки и заѣзжіе дворы.

Ремесла не приносили такой пользы и не были такъ широко развиты у запорожскихъ козаковъ, какъ торговля, рыболовство и скотоводство: разумѣется, ремесленники существовали у запорожцевъ, но цеховаго ремесленнаго сословія, обязаннаго извѣстными повинностями войску, у нихъ не было. При самой Сичи жили разные мастеровые—котляры, пушкари, кузнецы, слесаря, сапожники, портные, плотники: всѣ они, по козацкому обычаю, исполняли запорожцамъ работы за извѣстную плату, и даромъ ничего и никому не обязаны были дѣлать: жили они въ предмѣстьѣ Сичи, но приписаны были къ куренямъ, какъ и другіе козаки [2]). Внѣ Сичи извѣстны были кожевники и кузнецы: «Нѣкоторые изъ нихъ есть и художники,—выдѣлываютъ сыромятныя кожи и овчину, и при Аргамаклы (при рѣчкѣ Громоклеѣ) по способности получаютъ уголь. Изъ кузницы какъ на Ингулѣ у перевозу, для дорожнихъ людей кузница содержится, но уголья все отъ Аргамаклы получаютъ» [3]).

Кромѣ людей съ названными занятіями у запорожскихъ козаковъ были также и своего рода старьевщики, какъ это видно изъ дѣлъ сичеваго архива: въ 1749 году запорожскіе козаки джере-

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 242.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 47.

[3]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 186.

ловскаго куреня поймали нѣсколько человѣкъ перекопскихъ жителей и увели ихъ съ собой въ Сичу: пріѣзжавшіе въ Сичу татары видѣли, что одинъ изъ пойманныхъ людей на базарной площади Сичи «продаетъ ветхія рубашки, такожъ и перемываетъ», т. е. занимается мойкой бѣлья [1]).

---

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, Спб. 1888, 41.

*

Доходы войска запорожскаго низового.

Главными источниками доходовъ войска запорожскаго низового, кромѣ естественнаго богатства обширнаго черноземнаго края, были: военная добыча, внѣшняя и внутренняя торговля, винная продажа, дань отъ перевозовъ, подымная подать и, наконецъ, царское хлѣбное и денежное жалованье.

Первымъ и прямымъ источникомъ доходовъ войска запорожскаго низового была военная добыча, получаемая ими на войнѣ съ турками, татарами и поляками. Отправляясь въ каждый походъ, запорожскіе козаки давали присягу передъ святымъ евангеліемъ на то, что ни одинъ изъ нихъ ничего не утаитъ изъ военной добычи, а все добытое добро доставитъ въ курень для раздѣла между всѣмъ товариствомъ [1]). Возвратившись изъ похода и отдавши «хвалу всесильному Богу и молебное благодарствіе пресвятой Богородицѣ Дѣвѣ», запорожскіе козаки «дуванились» всею добычею, конями, рогатымъ скотомъ, овцами и всѣмъ, что приводили и приносили съ собой [2]). Какъ велика была эта добыча, разумѣется, сказать нельзя, такъ какъ количество ея зависѣло какъ отъ размѣровъ похода, такъ и отъ удачи на войнѣ. По обычаю лучшую часть добычи козаки на церковь отдавали, а оставшуюся отъ этого часть между собой паевали, послѣ чего кто тотъ-же часъ прогуливалъ свою долю, а кто пряталъ ее на черный день [3]).

Вторымъ источникомъ доходовъ войска запорожскаго низового была всякаго рода и вида торговля, внѣшняя и внутренняя: «Запорожскіе козаки получають знатную сумму отъ купцовъ, постав-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса 1885, I, 208.

[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1851, II, 377.

[3]) Антоновичъ и Драгомановъ. Историческія пѣсни, Кіевъ, 1874, I, 219.

ляя отъ Сѣчи разные товары по Днѣпру въ Очаковъ и Кинбурнъ, а также оттоль съ приходящихъ кораблей, какъ оные случается, что въ сухменное время и шедъ очаковскимъ лиманомъ, выше устья Буга, въ разливъ, называемый Козій, Днѣпровскими гирлами, иногда не проходитъ безъ облегченія съ нихъ на лодки. А случается притомъ, что турки съ купцами и договоры имѣютъ поставлять товары до Очакова, а не до Сѣчи» [1]). Всѣ торговцы, купцы и промышленники, отвозившіе разные товары и привозившіе ихъ въ Сичу, торговавшіе по слободамъ, деревнямъ и зимовникамъ, вносили извѣстную плату въ войсковую скарбницу или на войсковую старшину: отъ куфы муки или харчевыхъ припасовъ рубль, отъ рыбы, пойманной на Бугѣ, три первые десятка «паколи» на полковника, писаря и асаула, находившихся при рыбныхъ заводахъ, и четыре другихъ десятка на сичевую старшину; если-же рыба была продана или утеряна раньше отдѣленія отъ нея части для чиновъ войска, то съ рыболововъ взыскивалась стоимость ея деньгами. Чтобы взимать пошлину съ торговыхъ людей, на всѣхъ запорожскихъ базарахъ присутствовали особые начальники, войсковые кантаржеи: они смотрѣли за правильностью вѣсовъ и мѣръ, назначали цѣну за привозимый товаръ и собирали пошлину съ торговцевъ въ войсковую скарбницу.

Особенно большую пошлину давали шинки: шинки чрезмѣрно были распространены въ землѣ запорожскихъ козаковъ; по вольности своей жизни всѣ запорожскіе козаки имѣли право варить медъ, пиво, брагу и заниматься продажею спиртныхъ напитковъ [2]); оттого по документамъ сичеваго архива 1770 года во всѣхъ владѣніяхъ запорожскихъ козаковъ насчитывалось больше 370 шинковъ, которые распредѣлялись такъ: въ Сичи — 73, въ паланкѣ самарской—83, протовчанской—78, кодацкой—74, орельской—45, въ Микитинскомъ перевозѣ—10, въ Каменскомъ базарѣ паланки ингульской—10. Всѣ эти шинки, въ общей сложности, приносили войску 1.120 рублей въ годъ, полагая арендной платы за простой шинокъ безъ лёха 2 р. 50 к. и съ лёхомъ, т. е. походнымъ погребомъ, гдѣ можно было держать пиво и медъ, по 4 р. 50 коп. Сумма эта раздѣлялась на 45 паевъ и распредѣлялась между войскомъ слѣдующимъ образомъ: кошевому, судьѣ, писарю, асаулу, 38 куренямъ, войску, церкви, довбышу и пушкарю пополамъ —по

[1]) Калачовъ. Архивъ относящихся свѣдѣній до Россіи, Спб., 1861, 6.
[2]) Ригельманъ. Лѣтописное повѣствованіе, Москва, 1847, IV, 81.

24 рубля и 51 копѣйкѣ съ денежкой на всякій пай[1]). Кромѣ этого съ пріѣзжавшихъ въ Сичу ватагъ изъ Малороссіи, Крыма, и Польши, если онѣ привозили бѣлое вино или водку, также взимали пошлину на церковь и старшину: на старшину, въ томъ числѣ довбыша и пушкаря, съ каждой куфы по рублю: сверхъ денегъ брали и такъ называемое «поставное вино» по одному ведру, называвшемуся у козаковъ квартою, съ того, кто покупалъ вино или водку, или съ того, кто самъ продавалъ ихъ, на кошеваго, судью, писаря, асаула, довбыша, пушкаря, куренныхъ атамановъ и духовныхъ лицъ,—всего числа 7 ведеръ: только заплатившій эту двойную пошлину могъ продавать свой товаръ, но и то не иначе, какъ по объявленной Кошемъ цѣнѣ[2]).

Видную статью войсковыхъ доходовъ запорожскихъ козаковъ составляло также «мостовое», то-есть сборъ съ проѣзжавшихъ купцовъ, торговцевъ, промышленниковъ и чумаковъ за перевозъ черезъ рѣки, рѣчки и рукава запорожскихъ вольностей: «Сбираютъ они съ купечества не меньше половинной части противъ таможенныхъ сборовъ, подъ видомъ не такъ, чтобъ учрежденной отъ нихъ тарифы, а берутъ они за перевозъ войсковыми лодками, а на сухомъ пути, черезъ рѣки, за мосты, ибо во всей ихъ землѣ нѣтъ ни единаго моста, или хотя бы на малѣйшемъ протокѣ гати, съ которыя бы не собиралось на полковника той паланки, въ дачахъ которой есть переѣзды, съ порожней телѣги по копѣйкѣ. А также за безопасность въ пути, отъ ихъ людей за конвоеваніе приставленнаго одного человѣка къ ѣдущему обозу, съ войсковымъ перначемъ или булавою, а больше прикрѣпленною на булавѣ войсковою печатью: однако-жъ хотя бъ сего конвоя кто и не требовалъ, но ему даютъ и онъ долженъ расплатиться непремѣнно, по точности ихъ установленія»[3]). Изъ множества перевозовъ въ предѣлахъ вольностей запорожскихъ козаковъ, особенно извѣстны были: мишуриорогскій, кодацкій, микитинскій, каменскій, кизыкерменскій — всѣ пять черезъ рѣку Днѣпръ, бугогардовскій черезъ рѣку Бугъ къ Мертвоводу: у первыхъ переправлялись преимущественно купцы малороссійскіе, ѣхавшіе изъ Украйны на Донъ или въ Крымъ, и купцы татарскіе, ѣхавшіе изъ Крыма въ Сичь и Украйну: у вторыхъ переправлялись большею частію купцы польскіе и мало-

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 205.
[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852, 48.
[3]) Калачовъ. Архивъ свѣдѣній до Россіи, Спб., 1861, 6.

россійскіе, ходившіе въ Очаковъ и обратно изъ Очакова, а также въ Запорожье и обратно. Запорожскіе козаки брали отъ всякой телѣги и отъ всякой скотины за перевозъ черезъ рѣки и дѣлили эти доходы между старшиной и всѣмъ войскомъ. Количество платы взималось въ разное время и съ разныхъ возовъ различно: съ пустаго воза въ Микитинской заставѣ по копѣйкѣ, съ нагруженнаго воза отъ 2 до 10 копѣекъ, кромѣ того за конвой до Микитина особо 8 рублей, до Кодака 12 рублей да «нѣкоторый» ралецъ конвойному [1]); въ 1774 году за перевозъ у Микитинской заставы брали съ ѣхавшихъ въ Крымъ и обратно изъ Крыма «съ пароволовьяго воза по 60 копѣекъ, а съ дву паръ по 1 рублю и 20 копѣекъ» [2]). Для сбора пошлинъ у переправъ существовала особая старшина, состоявшая изъ шафарей, подшафаріевъ, писарей и подписаріевъ. Эти сборы за переправы такъ увлекали сичевое товариство, что оно старалось дѣлать перевозы и внѣ своихъ предѣловъ, во владѣніяхъ крымскаго хана. на рѣчкахъ Бѣлозеркѣ, Рогачикѣ, Каирахъ, на Днѣпрѣ у Кизыкерменя, и собирать за нихъ мостовое [3]). Крымскіе ханы иногда давали на то свое согласіе, и запорожцы пользовались «мытомъ» съ перевозовъ заграницей собственныхъ вольностей [4]). Трудно и даже невозможно опредѣлить съ точностію всю цифру годового дохода, получаемаго запорожскимъ Кошемъ за перевозы черезъ рѣки: это зависѣло отъ большаго или меньшаго движенія чумаковъ, торговцевъ и купцовъ, послѣднее же, въ свою очередь, зависѣло отъ урожая соли, улова рыбы, обилія степной травы, безопасности проѣздовъ по дикимъ татарскимъ степямъ и т. д. Въ 1774 году съ іюня по январь мѣсяцъ собрано было за перевозъ въ Гардѣ 850 рублей, слѣдовательно, въ теченіе всего года гораздо выше 1.000 рублей, но гардовый перевозъ считался самымъ незначительнымъ перевозомъ, такъ какъ въ немъ не было даже и особаго шафаря. Въ переправѣ на Микитиномъ-Рогѣ запорожскіе козаки, если вѣрить показанію историка Малороссіи Маркевича, въ свое время собирали 12.000 рублей ежегодной пошлины [5]).

Немаловажную статью войсковыхъ доходовъ составляла также

---

[1]) Калачовъ. Архивъ свѣдѣній до Россіи, Спб., 1861, 7.
[2]) Записки одесскаго общества исторіи и древностей, VII, 175.
[3]) Медвѣдевъ. Сборникъ свѣдѣній минис. финансовъ, Спб., 1867, VI, 463.
[4]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 226.
[5]) Маркевичъ. Исторія Малороссіи, Москва, 1842, II, 324.

подать «дымовое», взимавшаяся запорожскими козаками съ такъ называемыхъ «сидней», считавшихся подданными сичевого товарищества и жившихъ въ осьми окружныхъ паланкахъ по селамъ, деревнямъ и зимовникамъ: подать, накладывавшаяся на подданныхъ войска, была постоянная и временная: постоянная до 1758 года ограничивалась 1 рублемъ съ семьи, а съ 1758 года по 1770 годъ 1 рублемъ 50 копѣйками. При трудности исчислить все женатое населеніе запорожскаго войска, трудно, разумѣется, опредѣлить и maximum этого рода подати; если взять за норму всего женатаго населенія по зимовникамъ 12.250 человѣкъ [1]), то получимъ, при взиманіи одного рубля съ человѣка, 12.250 рублей и, при взиманіи полутора рубля, 18.375 рублей. Временные налоги, взимавшіеся съ женатыхъ козаковъ, простирались отъ 300 до 500 рублей съ паланки, но они накладывались только въ исключительныхъ случаяхъ, когда войско поднималось большимъ походомъ на Турцію, Крымъ и Польшу, или посылало депутацію въ русскую столицу по особо важнымъ дѣламъ.

Судебный штрафъ, взимавшійся деньгами, скотомъ, лошадьми, за какой-нибудь проступокъ съ виновныхъ, также составлялъ доходъ войска запорожскаго: онъ шелъ или въ пользу всего войска, или одного куреня или войсковой старшины: «за тягчайшую вину приковываютъ къ столбу и убиваютъ его до смерти, а богатство его берутъ на войско»: у нихъ всякій начальникъ за продерзость въ малѣйшемъ хотя воровствѣ или примѣтя волокитство за женскимъ поломъ, воленъ того преступника лишить всего имущества въ собственный свой карманъ, какого бы то капиталу онъ ни былъ, а никому за то не отвѣтствуетъ» [2]).

Наконецъ, послѣднимъ источникомъ доходовъ войска запорожскаго низового было денежное и хлѣбное жалованье, получавшееся сперва отъ польскаго, а потомъ отъ русскаго правительства. Отъ литовско-польскаго правительства впервые назначено было денежное жалованье запорожскому войску въ 1576 году королемъ Стефаномъ Баторіемъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ малороссійскіе лѣтописцы: «Тогда жъ и запорожскимъ козакамъ учредилъ атамана кошового и всѣ ихъ начали (=ы) и всѣмъ козакамъ,

---

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи. Одесса, 1885, I, 32—40.

[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852, 58; Калачовъ. Архивъ свѣдѣній до Россіи. Спб., 1861, 9.

какъ городовимъ, такъ и запорожскимъ, давалъ жалованье на годъ по чирвонцю и по кожуху, чемъ козаки на долгое время били очень доволни» [1]). Сколько потомъ давалось жалованья запорожцамъ и прибавлялось-ли оно или уменьшалось, объ этомъ ни лѣтописцы, ни современные польско-литовскому господству въ южной Руси источники не говорятъ. Извѣстно лишь, что это жалованье далеко не всегда исправно присылалось въ Сичь, потому что государственная казна Рѣчи-Посполитой очень часто оказывалась пуста; эта неисправность подавала поводъ запорожцамъ дѣлать набѣги на мусульманскія земли и вмѣстѣ служить основаніемъ для оправданія въ глазахъ польскаго правительства въ ихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ мусульманъ. Съ тѣхъ поръ, какъ запорожцы объявили себя поборниками православія и ненавистниками католицизма, они лишились денежнаго жалованья, дававшагося имъ польскимъ правительствомъ: зато стали получать его отъ русскаго. Но съ какого именно года они стали получать денежное, а вмѣстѣ съ нимъ и хлѣбное жалованье отъ Москвы, опредѣленно неизвѣстно; правдоподобно, однако, что это могло быть со времени присоединенія Малой Россіи къ Великой, т. е. съ 1654 г. Въ прошеніи гетмана Хмельницкаго на имя царя, состоящемъ изъ 23 пунктовъ, въ послѣднемъ пунктѣ говорится: «Также и на тѣхъ, которые за порогами Коша берегутъ, чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самого безъ людей оставить» [2]). Дѣло идетъ о «кормѣ и порохѣ», которыхъ гетманъ просилъ у царя для 400 стражниковъ, жившихъ въ городѣ Кодакѣ; о томъ-же могъ просить Хмельницкій царя и за запорожцевъ. Въ 1654 г. 19 марта, малороссійскіе посланцы говорили въ Москвѣ, что изъ Украйны въ Запорожье «на кошевыхъ козаковъ запасы хлѣбные и зелье и пул(ь)ки посылаются», а въ крѣпость Кодакъ въ это-же время отправлялись арматы, зелье, пушки и хлѣбные запасы; въ актахъ 1661 г. говорится, что «низовые козаки въ 8 миляхъ отъ Сичи «благодарно» приняли царское жалованье, но сколько его было, неизвѣстно [3]); въ тѣхъ-же актахъ подъ 1668 г. говорится о жалованьѣ «2,000 р. да суконъ разныхъ цвѣтовъ сто связокъ нѣмецкихъ», въ 1675 г. имъ выдано было 500 червонцевъ жалованья, 150 половинокъ суконъ, 50 пуд. свинцу и зелья тожъ; въ 1676 г. запорожцы писали Самойловичу, что царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ гетману указы «ссужать запорож-

---

[1]) Лукомскій. Въ Лѣтописи Самовидца, Кіевъ, 1878, 350, 214.

[2]) Полное собраніе законовъ россійской имперіи. I, 327.

[3]) Акты южной и западной Россіи X, 476; V, 45.

цевъ противъ ихъ надобья борошномъ», но что онъ объ этомъ забываетъ [1]): въ 1693 г. запорожцы жаловались гетману Мазепѣ, что добавочнаго жалованья имъ «по два алтына, албо и болѣй грошей да по аршину сукна на козака» совсѣмъ недостаточно [2]). Въ 1708 г. обыкновенное жалованье запорожскихъ козаковъ опредѣлялось въ 10.000 р. въ годъ [3]). Въ 1734 г., когда запорожцы изъ-подъ власти Крыма перешли вновь подъ скипетръ Россіи, тогда съ точностію опредѣлилось и количество денежнаго жалованья, отпускавшагося имъ на войско: «А за службу ихъ запорожскихъ козаковъ, получать жалованья на все войско 20,000 ежегодно» [4]). Изъ дошедшаго до насъ «росписанія» 1740 г. видно, сколько кому выдавалось царскаго жалованья въ запорожскомъ войскѣ: кошевому атаману—600 р., судьѣ, писарю и асаулу по 300 р., обозному—100 р., полковнику—100 р., полковому асаулу—50 р., священнику—40 р., прапорщику полковому—30 р. [5]), асаулу при обозномъ—20 р., подъасаулу при обозномъ—20 р., пушкарю—15 р., довбышу—15 р., куреннымъ атаманамъ и козакамъ на всѣхъ 4.000 р., итого—6.150 рублей [6]). Съ 1742 г. цифра этого жалованья низведена была до 4.660 р., а съ 1759 г. и до конца существованія Сичи возвышена до 6.660 р. [7]). По росписи 1768 г. это жалованье, 6.660 р., распредѣлялось нѣсколько иначе, чѣмъ показано выше; а именно: кошевому атаману—70 р., судьѣ—60 р., писарю—50 р., асаулу—40, писарю и довбышу—30, войсковымъ канцеляристамъ—12, тридцатиосьми куреннымъ атаманамъ—1.020 р. или 27 р. на каждаго, товариству 38-ми куреней—5.320 р. или по 140 р. на каждый курень, начальнику сичевой церкви—5, подначальнику—3, іеромонахамъ—5, дьяконамъ—3, уставщику—3, свѣчкарю—1, ктиторамъ—4, школярамъ—3, пономарнѣ—10, семи старшинскимъ слугамъ по одному р. на каждаго—7 р., кухарямъ—2 р.; кромѣ того подарокъ офицеру, что казну привозилъ—5 р., унтеръ-офицеру при немъ—2, солдатамъ—6, атаманамъ, что съ жалованьемъ пріѣзжали—20, а всего 6.660 рублей [8]).

Если раскинуть эту цифру 6.660 рублей на все запорожское войско, т. е. на 10—12 тысячъ человѣкъ средней численности, то царскаго жалованья окажется слишкомъ недостаточно даже для первой необходимости козаковъ—содержанія лошадей въ воен-

[1]) Акты южной и западной Россіи, VII, 49; XII, 540, 634.
[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись событій, Кіевъ, 1855, III, 174.
[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, II, 14.
[4]) Чтенія московскаго общества исторіи и древностей, 1848, № 6, 45.
[5]) Полковниковъ, асауловъ и прапорщиковъ означено по два.
[6]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1846, 81.
[7]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 159, 207.
[8]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I. 201, 202 и др.

ное время. Оттого запорожцы ежегодно просили о прибавкѣ жалованья войску, жалуясь на незначительную сумму отпускаемыхъ имъ русскимъ правительствомъ денегъ и на трудныя времена жизни; но правительство или вовсе оставляло эти просьбы безъ удовлетворенія, или-же дѣлало прибавки лишь въ видѣ временнаго пособія и то лишь за особыя военныя заслуги.

Для сохраненія общей войсковой казны у запорожскихъ козаковъ существовала такъ называемая скарбница и заведена была опись, «особливый войсковій скарбець и табель войсковій»; для этой цѣли содержалась особая «неподвижная» скрыня при сичевой церкви на рукахъ войсковаго судьи. Эту казну могли считать и расходовать старшина и куренные атаманы лишь съ общаго согласія стариковъ; безъ стариковъ-же никто ни изъ старшинъ, ни изъ куренныхъ не смѣлъ касаться, въ противномъ случаѣ виновнаго казнили смертью, а все имущество его отбирали на войско, не взирая на то, будетъ-ли онъ значный или простой козакъ [1]).

Вмѣстѣ съ денежнымъ жалованьемъ выдавалось запорожскимъ козакамъ и хлѣбное жалованье, а также боевое «зелье», свинецъ и порохъ; до 1759 года имъ отпускалось по 1.000 пудовъ муки и «по военной узаконенной пропорціи крупы», а съ 1759 года 1.300 четвертей муки и крупы вмѣстѣ, свинцу-же и пороху по 50 пудовъ отдѣльно. Хлѣбное жалованье распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: кошевому — 15 четвертей муки и 2 четверти крупъ, судьѣ—15 четвертей муки и 2 четверти крупъ, писарю—12 четвертей муки и 2 четверти крупъ, асаулу—10 четвертей муки и 1 четверть крупъ, войсковой кинцеляріи—10 четвертей муки и 3 четверти крупъ, пушкарю и довбышу вмѣстѣ—6 четвертей муки, начальнику церквей—5 четвертей муки, пономарнѣ—2 четверти муки, школѣ — 4 четверти муки, ктиторамъ сичевымъ — 2 четверти муки, стадникамъ войсковымъ — 2 четверти муки, 38 куренямъ по 32 четверти муки, 1 четверти и 6 четвериковъ крупъ; всего 1.300 четвертей муки и 85 четвертей крупъ [2]).

Кромѣ царскаго хлѣбнаго жалованья запорожскіе козаки получали продовольственные запасы еще изъ Кіево-Межигорскаго и собственнаго Самарско-Николаевскаго монастырей; такъ, въ

---

[1]) Фелицынъ. Кубанскія областныя вѣдомости, Екатеринодаръ, 1890 года.
[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 202, 203.

1759 году, 4 сентября, изъ монастырскихъ мельницъ по Самарѣ и Самарчику отправлено было въ Сичу, на войсковую канцелярію, по «едной бочкѣ пшона пшеничнаго да и ржаного» на войсковыхъ, присланныхъ съ нарочнымъ изъ Сичи въ монастырь, подводахъ» [1]). Какъ распредѣлялся свинецъ и порохъ, за неимѣніемъ указаній, намъ неизвѣстно; извѣстно лишь то, что нѣкоторую часть его получали и сичевые школяры, жившіе тѣмъ-же общиннымъ началомъ, какъ и всѣ низовые товарищи [2]). Свинцу и пороху, также какъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, слишкомъ было недостаточно для всего запорожскаго войска; оттого запорожцы частію сами дѣлали его, а большею частію, такъ какъ свой порохъ былъ плохого производства, покупали у поляковъ, украинцевъ, турокъ, татаръ, армянъ и даже жидовъ [3]).

Гдѣ и какъ выдавалось денежное и хлѣбное жалованье запорожскимъ козакамъ, объ этомъ даютъ понятіе подробные акты сичевого архива, отрывочно сохранившіеся до нашего времени. Послѣ перехода запорожскихъ козаковъ изъ-подъ власти крымскаго хана въ 1734 году въ Россію, запорожцы, по ходатайству своего благодѣтеля, кіевскаго генералъ-губернатора, графа Вейсбаха, денежное жалованье получали лично въ Петербургѣ. Дѣлалось это такимъ образомъ. Ежегодно изъ Сичи въ столицу отправлялась депутація изъ 20 человѣкъ «знатного войскового товариства»—полковника, писаря, асаула и 17 куренныхъ атамановъ: эта депутація ѣхала сперва въ Кіевъ, или (съ 1750 года) въ Глуховъ, въ Глуховѣ представлялась гетману, отъ котораго получала прогоны и дорожніе листы и потомъ уже пускалась въ Москву или Петербургъ. Прибывъ въ столицу, депутація размѣщалась на казенный счетъ по квартирамъ, потомъ представлялась императору или императрицѣ и, пока происходила формальность выдачи жалованья, знакомилась съ столичными вельможами, дарила ихъ привезенными изъ Сичи подарками, принимала сама отъ нихъ «презенты», потомъ получала денежное жалованье, иногда милостивые подарки—медали, кафтаны, сукно, бархатъ, шубы; въ тоже время испрашивала листъ на хлѣбное жалованье, свинецъ и порохъ, которые отпускались по ассигновкѣ отъ провіантской канцеляріи и отъ конторы главной артиллеріи и форти-

[1]) Ѳеодосій. Самарско-Николаевскій монастырь. Екатеринославъ, 1873. 108.
[2]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852. 56.
[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852. 56.

фикаціи, изъ кременчугскихъ магазиновъ, и доставлялись въ Сичу казенными судами и людьми «за надлежащимъ конвоемъ». Подъ конецъ депутація вновь представлялась ко двору, удостаивалась видѣть «высокомонаршее лицо» и наконецъ уѣзжала обратно изъ столицы въ Сичу.

Такъ дѣлалось до 1751 года: съ этого года указомъ 26 ноября установившійся порядокъ полученія жалованья запорожскими козаками былъ измѣненъ. Гетманъ графъ Кириллъ Разумовскій нашелъ [1]), что за дальнимъ разстояніемъ столицы отъ Сичи, поѣздки запорожцевъ за жалованьемъ сопрягались съ большими трудностями и потому по его предписанію, а по рѣшенію правительствующаго сената опредѣлено было на будущее время: «тому запорожскому войску повсегодно отпускать и ассигновать денежное жалованье стацъ-канторы изъ тамошнихъ ближнихъ мѣстъ, хлѣбное жалованье провіантской канцеляріи съ кременчуцкаго магазейна, порохъ и свинецъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи изъ ближнихъ же мѣстъ, и отсылать въ кіевскую губернскую канцелярію, а той канцеляріи все оное жалованье, какъ денежное и хлѣбное, такъ порохъ и свинецъ на 1751 годъ отправить и впредь повсягодно отправлять къ тому запорожскому войску въ Сѣчу чрезъ нарочныхъ казенными судами и людьми за надлежащимъ конвоемъ и отдавать кошевому атаману и всему войску съ росписками... а присланнымъ отъ запорожцевъ въ Москву или Петербургъ нарочнымъ (т. е. депутатамъ) кормовыхъ, на питье, дрова и свѣчи, такожъ при отпускѣ имъ жалованья и прогонныхъ денегъ, то оного давать имъ не надлежитъ, для того что къ полученію оного жалованья какъ нынѣ, такъ и впредь присыланныхъ отъ того войска запорожскаго уже не будетъ» [2]). Запорожцы справедливо считали подобное распоряженіе немилостью для себя, а для всего войска страшнымъ затрудненіемъ. Затрудненіе это шло какъ отъ обычнаго въ то время волокитства и формализма дѣлъ, такъ и отъ личнаго настроенія кіевскаго генералъ-губернатора: въ то время кіевскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Михаилъ Леонтьевъ, до глубины души ненавидѣвшій запорожцевъ. На этотъ разъ онъ употребилъ отъ себя все возмож-

[1]) Неизвѣстно, самъ-ли лично или подъ вліяніемъ ненавистника запорожцевъ, кіевскаго генералъ-губернатора Михаила Леонтьева.

[2]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія о Малороссіи. Москва. 1846, 78.

ное, чтобы сдѣлать непріятное запорожскимъ козакамъ: козаки получали жалованье впередъ за годъ, но прошелъ 1751 годъ, а жалованья не было, прошла и первая четверть 1752 года, а жалованье все также не было доставлено въ Сичу. Тогда запорожцы обратились съ жалобою на Леонтьева гетману графу Кириллу Разумовскому, въ которой писали, что «жалованья отъ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтіева, по многократнымъ требованіямъ, къ нимъ, запорожцамъ, въ присылкѣ еще не имѣется». Гетманъ, прочитавъ жалобу запорожцевъ, сдѣлалъ предписаніе генералъ-губернатору отпустить войску запорожскому деньги «безъ всякаго медлительства»: на это предписаніе Леонтьевъ отвѣчалъ Разумовскому, что деньги еще не получены изъ бѣлгородской канцеляріи и потому не могутъ быть выданы запорожцамъ. Такъ запорожское войско ждало своего денежнаго жалованья до 21 іюня 1752 года: только въ это время прибылъ въ Сичь поручикъ Фроловъ съ 1 капраломъ и 12 солдатами на пяти подводахъ и привезъ козакамъ ихъ войсковое денежное жалованье [1]).

Еще труднѣе было получить запорожцамъ хлѣбное жалованье, порохъ и свинецъ: вмѣсто того, чтобы доставить хлѣбное жалованье въ самую Сичу казенными судами и людьми, запорожцамъ велѣно было принять его изъ кременчугскаго магазина; запорожцы возражали, что это составляетъ для нихъ великую трудность, потому что для «привозу оного въ Кошъ надобно до 400 подводъ, коихъ въ Сѣчи запорожской взять ни откуда, къ тому же и разстояніе того магазейна отъ Сѣчи до 300 верстъ числится» [2]). Вслѣдствіе этого они находили, что проще, удобнѣе и безъ затрудненія можно было бы получать хлѣбное жалованье въ самой Сѣчи изъ магазина новосѣченскаго ретраншемента, «изъ котораго и предъ симъ во всѣ почти годы оное имъ производимо было» и въ которомъ во всякое время можно было найти 3.000—4.000 четвертей хлѣбнаго продовольствія. Но на это имъ возражалъ князь Семенъ Волконскій, занимавшій въ то время видное мѣсто по провіантской части на югѣ: онъ указывалъ запорожцамъ на кременчугскій хлѣбный магазинъ, а къ новосѣченскому приказывалъ вовсе не касаться, чтобы оставить запасы его на другіе, болѣе необходимые и экстренные случаи. Запорожцы, однако, на-

[1]) Кіевская Старина, 1883, VI, августъ, 753.
[2]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія, Москва, 1848, 79.

стаивали на своемъ, и въ 1751 году сдѣлано было распоряженіе отпускать имъ хлѣбное жалованье изъ магазина новосѣченскаго ретраншемента; однако, на этотъ разъ они встрѣтили новое затрудненіе со стороны оберъ-провіантмейстера магазина: безъ особаго указа главной провіантской канцеляріи онъ не желалъ выдавать запорожцамъ хлѣбнаго жалованья; только въ 1752 году, *18 сентября*, запорожцы получили провіантъ изъ магазина новосѣченскаго ретраншемента за 1751 годъ. А между тѣмъ еще *24 іюля* 1752 года, по просьбѣ запорожскихъ козаковъ, посланной ими гетману Разумовскому и по доношенію гетмана отъ 4 апрѣля въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, послѣдняя, черезъ правительствующій сенатъ, сдѣлала по этому поводу слѣдующее категорическое постановленіе: «Просятъ иные запорожцы, чтобъ для полученія денежнаго жалованья дозволено было имъ посылать въ Москву или Санктпетербургъ по прежнему обыкновенію старшину съ 20 человѣками знатнаго войскового товарищества и онымъ бы по прежнему производить кормовіе и на питье, дрова и свѣчи, такожъ при отпускѣ жалованья и прогонные въ оба пути денги, которыхъ уже давать не велѣно и которое отрѣшеніе дачи они, запорожцы, почитаютъ себѣ за крайнюю обиду, чрезъ посилку же за тѣмъ жалованьемъ въ Москву или Санктпетербургъ нарочныхъ, не точію они какой трудъ, но еще высочайшую ея императорскаго величества милость признаютъ, будучи удостоиваны видѣть высокомонаршое ея императорскаго величества лицо; а хлѣбное жалованье просятъ же получать изъ новосѣчинскаго магазейна, изъ котораго и предъ симъ во всѣ почти годы оное имъ производимо было. Гетманъ при томъ же съ своей стороны представляетъ, или дозволить имъ запорожцамъ по прежнему посылать нарочныхъ, или же производить securedанное число присыланныхъ денегъ, кои отрѣшени, такожъ бы о беззамедлителномъ производженіи денежнаго жалованья и объ отпуску хлѣбного изъ новосѣченскаго магазейна и генералу Леонтіеву подтвердить. Коллегія иностранныхъ дѣлъ разсуждаетъ, что, когда запорожцы, не ставя ни въ какой себѣ трудъ, желаютъ по прежнему присылать въ Москву или Санктпетербургъ нарочныхъ, особливо же въ такомъ ихъ не неприличномъ намѣреніи, чтобъ тѣмъ присланнымъ удостоиться представленнымъ быть предъ ея императорское величество для отданія имъ всенижайшаго и подданническаго ея величеству поклона, еже оны за высочайшую ея величества милость и

авантажъ себѣ признаваютъ и тѣмъ пользоваться хотятъ, то имъ въ томъ отказать и лишить ихъ оного не надлежитъ, въ каковомъ разсужденіи на таковую присылку по прежнему нарочнымъ въ Москву или Санктпетербургъ для полученія денежнаго жалованья имъ запорожцамъ и позволить можно, токмо бъ тѣхъ присланныхъ старшины съ войсковымъ товариществомъ и служителми ихъ, то есть во всей свитѣ было не болше 20 человѣкъ (какъ то и опредѣленіями правительствующаго сената 1742 году, августа 4 и 21 чиселъ постановлено), а правительствующему сенату чрезъ сіе коллегія иностранныхъ дѣлъ представляетъ, дабы соизволено было приказать надлежащее всему войску запорожскому денежное жалованье, такожъ будущимъ въ присылкѣ чинамъ съ служителми ихъ противъ прежнихъ дачъ кормовіе и на питье, дрова и свѣчи, при отпускѣ ихъ жалованные и прогонные какъ тѣмъ присланнымъ, такъ и будущимъ съ ними для препровожденія оной жалованной всему войску денежной казны въ конвоѣ, оберъ-офицеру съ солдаты, во оба пути деньги статсъ-канторѣ здѣсь, въ Санктпетербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ случится, отпускать и по писанному отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сообщенію выдавать онымъ, будущимъ въ присылкѣ запорожцамъ и конвойному офицеру сполна. Хлѣбное же жалованье, такожъ порохъ и свинецъ, по вышеписанному прежнему правительствующаго сената опредѣленію, казеннымъ коштомъ кіевской губернской канцеляріи въ самую Сѣчу къ нимъ запорожцамъ отправлять, а не такъ, какъ выше значитъ. Они, запорожцы, пишутъ, что кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтіевъ опредѣлилъ имъ самимъ изъ кременчуцкого магазейна хлѣбъ принимать, еже онъ, генералъ-губернаторъ, не по силѣ правительствующаго сената опредѣленія и въ напрасную имъ, запорожцамъ, тяготу учинилъ, о которомъ до самой Сѣчи казеннымъ коштомъ отправленіи, яко же и безъ замедлительномъ на 1751 годъ всего жалованья отпускѣ, буди еще оного не учинено, соизволено бъ было изъ правительствующаго сената къ оному генералъ-губернатору Леонтіеву подтвердить и притомъ ему, Леонтіеву, опредѣлить хлѣбное жалованье какъ на означенный 1751 годъ нынѣ отпустить, такъ и впредь повсягодно отпускать, по представленію запорожцевъ, не изъ кременчуцкой, но по способности изъ новосѣчинскаго магазейна» [1].

[1]) Григорій Миллеръ. Историческія сочиненія. Москва, 1847, 79.

Это было писано въ 1752 году, 24 іюля; наступилъ 1753 годъ, и повторилась та же исторія: хлѣбнаго жалованья за 1752 годъ вновь не было получено въ Сичи за 1752 годъ. Тогда запорожцы, съ кошевымъ атаманомъ Павломъ Ивановичемъ Козелецкимъ, отнеслись въ кіевскую губернскую канцелярію и просили выдать имъ хлѣбное жалованье изъ новосѣченскаго магазина; но новосѣченскій оберъ-провіантмейстеръ Смецкій, указывалъ имъ на переволочанскаго коменданта бригадира Кошелева, вѣдавшаго новосѣченскими и ближайшими къ нему хлѣбными магазинами. Запорожцы обратились къ Кошелеву; Кошелевъ сперва отказалъ имъ вовсе въ выдачѣ провіанта, а потомъ согласился, но, не зная, изъ какого именно магазина дать, обратился за рѣшеніемъ этого вопроса въ главную провіантскую канцелярію. Но вопросъ былъ разрѣшенъ указомъ иностранныхъ дѣлъ коллегіи 13 января, 1753 года. Въ началѣ этого года изъ Сичи въ Петербургъ отправлена была депутація, съ полковникомъ Даниломъ Гладкимъ во главѣ, за полученіемъ денежнаго жалованья войску запорожскому: денежное жалованье было выдано депутатамъ въ столицѣ, а о хлѣбномъ было строго предписано въ кіевскую губернскую канцелярію выдать «безъ замедленія»; депутація приняла это распоряженіе на обратномъ пути изъ Петербурга, и хлѣбное жалованье скоро было выдано [1]).

Такимъ образомъ только въ 1753 году установился опредѣленный порядокъ полученія запорожскими козаками царскаго жалованья—хлѣбнаго въ самой Сичи, а денежнаго въ Петербургѣ или Москвѣ. Дошедшіе до насъ въ отрывкахъ архивные документы Сичи даютъ указанія, кто въ какомъ году ѣздилъ за полученіемъ жалованья и чего удостоился въ столицѣ. Въ 1753 году отправлены были полковникъ Прокофій Максимовъ, писарь Джевага, асаулъ Осипъ Рубанъ и 17 куренныхъ атамановъ: имъ выдано было войсковаго жалованья 4.660 рублей, полковнику съ товарищами на питье, дрова и свѣчи 200 рублей, на издержку путевыхъ отъ Сичи до Москвы 127 рублей, подарокъ полковнику 50 рублей, подарокъ писарю и асаулу по 36 рублей, подарокъ 17 куреннымъ атаманамъ каждому по 18 рублей, итого 5.415 рублей; сверхъ того прогонныхъ денегъ на доставку запорожскому войску денежнаго жалованья до Сичи въ одинъ путь 141 рубль и 20 ко-

[1]) Кіевская Старина, 1883, VI, августъ, 754, 755.

*

пѣекъ, да на конвойныхъ оберъ-офицера и солдатъ на четырехъ ямскихъ подводахъ отъ Москвы до Сичи и обратно отъ Сичи до Москвы въ оба пути 51 рубль и 38 копѣекъ. Въ 1754 году отправлены были за жалованьемъ въ Петербургъ полковникъ Василій Золотаревскій съ товарищами и получилъ столько-же. Въ 1756 году, отправлены были полковникъ Бѣлый, писарь Андрей Семеновъ и асаулъ Иванъ Кухаревскій съ 17 куренными атаманами и получилъ столько-же. Въ 1759 году отправлены были полковникъ Куликовскій, писарь Иванъ Глоба и асаулъ Степанъ Холодъ съ 17 куренными атаманами и получили обыкновенныхъ 6.660 рублей да сверхъ того 2.000 рублей прибавки на все войско, въ остальномъ попрежнему, кромѣ недоданныхъ «изъ кіевской губернской канцеляріи въ правительствующій сенатъ изъ ямской канцеляріи справки прогоновъ 8 рублевъ и 80 копѣекъ по недостатку въ Москвѣ за множественнымъ разгономъ ямскихъ подводъ, за наемъ отъ Москвы до Кіева 5 рублей и 88 копѣекъ», итого 7.429 рублей и 68 копѣекъ. Въ 1761 году отправлены были полковникъ Григорій Корсунскій, писарь Михаилъ Усъ и асаулъ Василій Пимлинъ съ 17 куренными атаманами и получили всего съ собственными подарками 7.415 рублей, въ томъ числѣ, по обыкновенію, войсковыхъ 6.660 рублей. Въ 1763 году отправлены были полковникъ Яковъ Близнюкъ, писарь Петръ Уманецъ и асаулъ Михайло Рудикъ съ 17 куренными атаманами и получили 7.088 рублей, потому что раньше того взяли въ Москвѣ 327 рублей, итого 7.415 рублей, въ томъ числѣ обыкновенныхъ войсковыхъ 6.660 рублей. Въ 1773 году отправлены были полковникъ Павловъ, писарь Потапенко и асаулъ Мовчанъ съ 17 куренными атаманами и получили всего 7.415 рублей, въ томъ числѣ обыкновенныхъ войсковыхъ 6.660 рублей [1]).

Въ началѣ все наличное жалованье выдавалось войску запорожскому золотою и серебряною монетою, но съ 1764 года одною мѣдною [2]): тщетно запорожцы хлопотали о замѣнѣ мѣдной на серебряную или золотую,—и до конца существованія Сичи имъ выдавалось жалованье мѣдными деньгами.

Всѣ добываемые войсковые доходы, запорожскіе козаки употребляли прежде всего на общественныя дѣла—покупку боевыхъ

---

[1]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, 76, 90, 129, 158. 171, 185, 207.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ. Санктъ-Петербургъ. 1888. 203.

запасовъ, съѣстного продовольствія, устройства перевозовъ, содержаніе духовенства, сооруженіе лодокъ, а потомъ и на содержаніе всей войсковой старшины. Но часть изъ войсковыхъ доходовъ расходилась и по рукамъ отдѣльныхъ личностей: считая всѣ земныя угодья и всѣ вообще доходы собственностію Коша, запорожское войско не исключало тѣмъ и частной собственности; такъ, напримѣръ, конь, оружіе, разныя сооруженія, заработанныя деньги, полученная послѣ дѣлежа добыча, наконецъ царское жалованье, составляли личную собственность каждаго запорожскаго низового козака.

Грамотность, канцелярія и школа у запорожскихъ козаковъ.

Ближайшее знакомство съ исторіей, бытомъ и характеромъ запорожскихъ козаковъ даетъ полное основаніе сказать, что въ отношеніи грамотности запорожцы стояли въ одно и то же время и на очень низкой и на очень высокой степени. Въ то время, когда масса запорожскаго войска, жившая по зимовникамъ, бродившая по плавнямъ, скитавшаяся со своими стадами по безмѣрнымъ степямъ, коснѣла въ полномъ невѣжествѣ, иногда даже находилась въ одичаніи, въ это самое время масса сичевого войска, такъ называемаго низового товарищества, по своей грамотности и начитанности, стояла столь высоко, что превосходила въ этомъ отношеніи среднее, а можетъ быть, и высшее сословіе людей великорусскаго званія своего времени. Въ особенности это относится къ запорожцамъ XVIII вѣка: если не большинство, то многіе изъ кошевыхъ и судей, за нѣкоторыми исключеніями, были люди грамотные, собственноручно подписывавшіеся на ордерахъ и письмахъ. Мало того: читая письма, ордера и цидулки кошевыхъ, судей и другихъ старшинъ къ гетманамъ, панамъ и боярамъ, видимъ, что многіе изъ нихъ писали не только грамотно, но даже довольно обработанно и риторично; грамотность эта простиралась до того, что въ Сичи находились лица, умѣвшія сочинять латинскія вирши и духовные канты. «Между ними, говоритъ современникъ, были такіе грамотеи, что и въ лаврѣ и въ столицахъ рѣдко отыскать можно было подобныхъ имъ, по той причинѣ, что въ Сѣчѣ было всякого народу довольно» [1]. Это будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что Сичь весьма часто наполнялась «учеными и недоучеными спудеями» кіевской духовной академіи, многими польскими, украинскими и иногда великорусскими панами и дворянами, умѣв-

[1]) Устное повѣствованіе Никиты Коржа, Одесса, 1842, 41.

шими и читать и писать, но неумѣвшими ужиться съ порядками своей родины. Сами «московскіе люди», утверждавшіе, будто въ Сичи было правиломъ выбирать въ кошевые человѣка, «грамотѣ незнающаго», вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовали, что нерѣдко какой-нибудь войсковой старшина, считавшійся въ Сичи неграмотнымъ, но потомъ выѣхавшій изъ Запорожья на Украйну, оказывался въ дѣйствительности не только знавшимъ россійскую грамоту, но понимавшимъ «и другія науки» [1]).

А на сколько были грамотны сичевые козаки, это всего лучше видѣть изъ рѣчи, произнесенной ими 9 сентября, 1762 года, въ присутствіи императрицы Екатерины II, въ Петровскомъ дворцѣ въ Москвѣ, по поводу ея возшествія на престолъ. «Всепресвѣтлѣйшая, всеавгустѣйшая, благочестивѣйшая великая государыня, императрица и самодержица всероссійская, мать отечества всемилостивѣйшая! Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ, всеобщій и непремѣнный, долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ и къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижаляхъ сердца нашего былъ написанъ. Его исполненіе приноситъ намъ пользу, покой, тишину, во всемъ благопоспѣшество и похвалу передъ Богомъ, а его преступленіе приводитъ на насъ бѣдность, непріятельскія насилія, междоусобную брань, всякое злоключеніе и проклятіе отъ Бога. Послѣдовательно вся жизнь наша и все наше счастіе въ сей жизни зависитъ отъ власти, Богомъ надъ нами опредѣленной, за что мы божественному его объ насъ промыслу никогда лучше не благодаримъ, какъ когда тѣхъ достодолжно почитаемъ, которыхъ Онъ Самъ богами и сынами Вышняго называетъ: а паче еще то, что какъ они на высочайшемъ (=ей) степени всякаго человѣческаго достоинства поставлены не ради своей, но ради нашей чести, славы и пользы, такъ и мы ихъ почитая, себя почитаемъ, себя прославляемъ, себѣ пользуемъ и предъ Богомъ себя оправдаемъ (=оправдываемъ) Чего всего въ разсужденіи, когда царь небесный, Ваше Императорское Величество, на престолъ всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ, сыны и питомцы Низоваго Днѣпровскаго запорожскаго Коша, какъ прито-

[1]) Архивъ свѣдѣній до Россіи Калачова, Спб., 1861, 9, § 13.

манныя дѣти и птенцы орляго своего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать, и тебѣ, истинной матери нашей, о чадѣхъ своихъ веселящейся, едиными усты и единымъ сердцемъ слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти, Вашего Императорскаго Величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчегѣ августѣйшаго тѣла дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да оградитъ! Господь силъ, крѣпкій во брани, свѣтъ державы твоея въ силѣ и славѣ да удержитъ, дондеже оружіемъ твоимъ, въ руцѣ своей крѣпкой водимымъ, всѣхъ враговъ твоихъ подъ ноги тебѣ сокрушитъ. Царь вѣковъ, домъ и престолъ Давида россійскаго, Петра Великаго, да утвердитъ непоколебимо и непресѣкомо пребывати на землѣ, дондеже солнце и луна пребудутъ на небеси! Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! Съ симъ искренно усерднымъ желаніемъ и вѣрноподданническимъ привѣтствіемъ священнѣйшему Вашего Императорскаго Величества лицу низовое запорожское войско являться дерзаетъ и притомъ себя въ глубочайшемъ благоговѣніи къ высокомонаршимъ Вашего Цесарскаго Величества стопамъ раболѣпно повергаетъ» [1]).

Безъ сомнѣнія, главнѣйшій процентъ грамотныхъ людей давала запорожскимъ козакамъ кіевская духовная академія. Этимъ объясняется съ одной стороны частое употребленіе въ письмахъ запорожскихъ козаковъ текстовъ изъ священнаго писанія, въ родѣ слѣдующихъ: «Хто кому зле мѣритъ, тою-же мѣрою и ему возмѣрится»: «Домъ раздѣлившійся на себе, запустѣваетъ»: «Возносяйся домъ твой зостанетъ пустъ, и въ жилищахъ твоихъ живущаго не будетъ: ею бо мѣрою мѣрилъ еси, тоею возмѣрится, по неложному глаголу евангельскому» [2]): съ другой стороны тѣмъ-же объясняется особенная страсть запорожскихъ грамотеевъ къ иностраннымъ и классическимъ словамъ и вычурнымъ, витіеватымъ выраженіямъ, какъ напримѣръ: недишкреція, перспектива, респекція, зрепремандъ, спецификованный, респонсъ, сатисфакція, антецессоръ, горизонтъ, Киммерійскій босфоръ, Эвксинскій понтъ, Меотическое озеро, славетное гнѣздо Сѣча, журавель на купинѣ стоящъ, пава въ краснопестромъ перѣ, душепагубное езеро грѣховное, давать мѣсто плевосѣятельствамъ, впасть въ капѣкулу (бѣ-

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1841, II, 103--165.
[2]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 560, 471.

шенство, отъ слова «canis»—собака), отписать его превелебности, сдалека усмотрѣть перспективою своего ума, и т. п. [1]).

Грамотные люди высоко цѣнились въ Запорожьѣ, потому что «они святое письмо читають и темныхъ людей добру научають». Самые расторопные изъ нихъ дѣлались войсковыми писарями и нерѣдко, какъ по своему званію, такъ и по своему природному уму, играли рѣшающія роли между запорожскими козаками; прозвище «лукавая пысуля» получилъ одинъ изъ бывшихъ войсковыхъ писарей, человѣкъ удивительно изворотливаго ума и изумительной находчивости, Антонъ Головатый. Огромное большинство войсковыхъ писарей были, разумѣется, малороссы, что видно изъ многочисленныхъ отписокъ ихъ, въ которыхъ встрѣчаются слова и выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Велѣте разставыть по квартырамъ слободкы Мачабыловкы»; «Расположилы запорожскихъ козаковъ в'Екатерынинской провинцыи винтеръ фартерамы стороною Орелы со всѣми угодіями»; «безъ причиненія в'чемъ лыбо и малѣйшыхъ тѣмъ поселянамъ обыдъ, какъ изъ ордера его высококняжескаго сыятельства видно»: «вашего сыятельства ордеръ по наносамъ пыкынерныхъ вашему сыятельству началныковъ»; «дать о себе знать Екатерынинской провинціи посмѣжно живущымъ владельцамъ таковымъ, скоими надобние чертижи слѣдоватимуть» [2]). На одномъ черновомъ документѣ, уцѣлѣвшемъ въ бумагахъ сичевого архива, сдѣлана приписка, явно изобличающая происхожденіе запорожскаго писаря: «Спробуваты пера и чернила, чи добре буде пысати» [3]).

Но кромѣ пришлаго элемента, дававшаго запорожскимъ козакамъ большой процентъ грамотныхъ людей, въ самомъ Запорожьѣ были разсадники грамотности, школы; запорожскія школы раздѣлялись на школы—сичевыя, монастырскія и церковно-приходскія.

Въ сичевой школѣ обучались мальчики, частію насильно уведенные козаками откуда-нибудь и потомъ усыновленные ими въ Сичи, частію самовольно приходившіе къ нимъ изъ Украйны и Польши, частію-же нарочно привозимые богатыми родителями въ Сичу для обученія грамотѣ и военному искусству и называв-

---

[1]) Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 379, 468, 542, 552; Ѳеодосій. Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 101; Величко, Лѣтопись, II, 31, 338, 469, 558.

[2]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 314—317.

[3]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 286.

шіеся обыкновенно въ Запорожьѣ «молодиками». Такихъ школьниковъ, по показанію однихъ современниковъ, находилось въ Сичи сверхъ 30 человѣкъ; по показанію другихъ до 80, изъ коихъ 30 взрослыхъ и 50 малолѣтнихъ [1]); сичевые школьники учились чтенію, пѣнію и письму; имѣли особый, но подобный всему войску общинный строй; располагали общею школьною суммой, бывшею всегда на рукахъ старшаго, выбирали изъ собственной среды двухъ атамановъ, —одного для взрослыхъ, другого для малолѣтнихъ, и по собственному усмотрѣнію или оставляли ихъ на прежнихъ должностяхъ, или низвергали по истеченіи каждаго года; они получали доходы частію отъ «наказныхъ» отцовъ, частію за звонъ въ колокола и чтеніе псалтири по умершимъ козакамъ, за продажу ладона въ сичевой церкви, за колядку подъ окнами сичевого товариства и поздравленіе его на праздники Рождества Христова, Новаго года и свѣтлаго Христова Воскресенія; сверхъ всего этого сичевые школьники получали извѣстную долю отъ боевыхъ запасовъ—свинцу и пороху,—присылавшихся каждогодно изъ столицы въ Сичу на все запорожское низовое войско [2]).

Главнымъ учителемъ сичевой школы былъ іеромонахъ-уставщикъ, который, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей наставника, несъ на себѣ и второстепенныя: заботился о здоровьѣ мальчиковъ, выводилъ ихъ, въ случаѣ повальныхъ болѣзней, на «свѣжую воду» въ луга, исповѣдывалъ и пріобщалъ больныхъ, хоронилъ умершихъ и обо всемъ случавшемся въ школѣ подробно доносилъ кошевому атаману и вмѣстѣ съ тѣмъ пограничному доктору.

Судя по документу 1750 года, размѣръ сичевой школы далеко не соотвѣтствовалъ количеству мальчиковъ, учившихся въ ней: самый дворъ ея былъ настолько малъ, что дѣти, собранныя сюда «съ разныхъ мѣстъ всѣ въ кучѣ пребываютъ» [3]).

Школа монастырская существовала при Самарско-Николаевскомъ монастырѣ и возникла вмѣстѣ съ первою церковью его, около 1576 года; здѣсь учились также малолѣтніе и взрослые мальчики и юноши, подъ руководствомъ самарскаго іеромонаха; предметами обученія были—грамота, молитвы, законъ божій и письмо [4]).

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ, 46; Скальковскій. Исторія, I, 145.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 146.

[3]) Кіевская Старина, 1891, сентябрь, томъ XXXIV, 491.

[4]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 30

Школы церковно-приходскія существовали почти при всѣхъ приходскихъ церквахъ запорожскаго посполитства, т. е. подданнаго или семейнаго сословія запорожскихъ козаковъ, жившаго въ паланкахъ по слободамъ, зимовникамъ и хуторамъ. «Церковь съ звоницею, на одной сторонѣ ея шпиталь, а на другой школа составляли необходимую принадлежность всякаго православнаго прихода въ запорожскомъ краѣ» [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ школъ назывались спеціально «школами вокальной музыки и церковнаго пѣнія» и предназначались для обученія мальчиковъ музыкѣ и пѣнію; подобныя школы были въ Сичѣ и въ паланкахъ; такъ, въ 1770 году такая школа переведена была изъ Сичи въ слободу Орловщину на лѣвый берегъ рѣчки Орели. «Это сдѣлано было съ тою цѣлію, чтобы среди Запорожья, въ центрѣ семейнаго козачества, поднять и возвысить церковное чтеніе и пѣніе, чтобы въ школѣ практически пріучить молодыхъ козаковъ, хлопцевъ, къ церковному пѣнію, образовать изъ нихъ чтецовъ и пѣвцовъ для всѣхъ вновь открываемыхъ церквей и приходовъ запорожскаго края. Есть много основаній предполагать, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой орловщинской школѣ былъ любимецъ кошевого Калнишевскаго, тотъ знаменитый «читака и спивака», прежде бывшій города Переяслава святопокровской церкви дьячокъ Михаилъ Каѳизма, котораго, какъ отличнаго чтеца и пѣвца въ 1766 году, Глѣбовъ перевелъ изъ Переяслава въ Елисаветградъ и опредѣлилъ въ пѣвческую должность въ качествѣ капельмейстера» [2]). Изъ другихъ школъ, сичевой, монастырской и приходскихъ выходили дьяконы, уставщики и писаря, всегда пользовавшіеся большимъ сочувствіемъ у запорожскихъ козаковъ, чѣмъ пришлые изъ другихъ мѣстъ въ Запорожье.

Изъ всего сказаннаго о запорожскихъ школахъ видно, что въ Сичи было дѣйствительно «не безъ грамотныхъ», какъ выразился въ устномъ отвѣтѣ Антонъ Головатый князю Григорію Потемкину; а каковъ былъ процентъ грамотныхъ на неграмотныхъ въ Запорожьѣ, можно судить по двумъ документамъ, дошедшимъ до насъ: въ 1763 году куренные атаманы и нѣкоторые старики «дали въ Кошѣ росписку» строго выполнять всѣ порядки внутренняго благоустройства въ своемъ войскѣ и въ знакъ того сдѣлали руко-

---

[1]) Ѳеодосій. Историческій обзоръ церкви, Екатеринославъ, 1876, 30, 57.

[2]) Ѳеодосій. Матеріалы, Екатеринославъ, 1880, I, 385.

прикладство. «хто по простотѣ крестами, а хто можетъ письмомъ»; тогда на 13 неграмотныхъ въ одномъ куренѣ оказалось 15 грамотныхъ [1]). Въ 1779 г., послѣ паденія Сичи, когда запорожцы присягали на вѣрность русскому престолу, то изъ 69 человѣкъ, принесшихъ присягу, 37 оказалось грамотныхъ и 32 неграмотныхъ [2]). Фактъ—въ высшей степени поучительный для тѣхъ, которые составили себѣ представленіе о запорожскихъ козакахъ, какъ о гулякахъ, пьяницахъ и грубыхъ невѣждахъ: пусть такіе люди попробуютъ найти подобный процентъ грамотности въ массѣ средняго и даже высшаго сословія, не говоря уже о низшемъ сословіи великорусскаго народа означеннаго 1779 года.

Строго держась во всемъ простоты, больше опираясь на обычай, чѣмъ на письменное право, запорожскіе козаки держались той-же простоты и въ канцелярской процедурѣ; такъ, по свидѣтельству современника, жившаго въ Сичи четыре года, историка князя Семена Ивановича Мышецкаго, у запорожцевъ не было ни особой канцеляріи, ни обширнаго штата служащихъ при ней: всѣ входящія бумаги принималъ войсковой писарь, которому давался помощникъ, подписарій. Обязанности этихъ двухъ лицъ состояли въ томъ, что они принимали и читали царскіе указы, королевскія посланія, ханскія письма низовому товариству на войсковыхъ радахъ и давали, съ согласія всего войска, отписки на разные спросы и предложенія, дѣлаемые ему тѣми или другими царственными или правительственными лицами, при чемъ всякое письменное дѣло справляли при квартирѣ или куренѣ писаря. Тѣже свидѣтели утверждаютъ, что ни журналовъ о повседневной жизни войска, ни записокъ о походахъ его запорожцы совсѣмъ не вели [3]). «Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, годъ у кнызи, а мисяць у неби»—обыкновенно говорили шутливые запорожцы въ томъ случаѣ, когда отъ нихъ требовали навести справку по входящимъ книгамъ о томъ или другомъ человѣкѣ, бѣжавшемъ изъ московской или польской земли въ Запорожье. Впрочемъ, есть полное основаніе думать, что запорожскіе козаки далеко не такъ просто вели свои дѣла, какъ представлялось то людямъ «московскаго званія», жившимъ или случайно бывшимъ въ Сичи. Дѣло въ томъ, что, указывая на крайнюю простоту своей жизни и отсут-

[1]) Фелицынъ. Кубанскія областныя вѣдомости, Екатеринодаръ, 1890.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ. Санктъ-Петербургъ, 1888, CI, 209.

[3]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, 46, 47.

ствіе будто-бы всякой канцелярщины въ Сичи, запорожскіе козаки тѣмъ самымъ желали гарантировать такъ-называемые «войсковые секреты»: по ихъ понятію, чтобы сохранить вполнѣ политическую независимость всего козацкаго строя, нужно было держать въ строгомъ секретѣ всѣ проявленія общественной и частной жизни войска, а этого нельзя было бы достигнуть, если бы они открыто заявляли о существованіи у нихъ повседневныхъ записей всего происходившаго въ Сичи. Сохранившіеся до нашего времени документы Самарско-Николаевскаго монастыря показываютъ, напримѣръ, что у запорожскихъ козаковъ имѣлись архивы какъ при главной войсковой канцеляріи, такъ и при каждой паланкѣ низовыхъ вольностей: что у нихъ велись разсчетныя записи Сичи съ монастыремъ: что у нихъ даже производилась народная ревизія [1]). Во время спора запорожскихъ козаковъ, въ 1753 году, съ старосамарцами за обладаніе самарскимъ побережьемъ, запорожцы для доказательства своихъ правъ обращались «къ войсковой архивѣ», гдѣ нашли копіи съ универсала гетмана Богдана Хмельницкаго, 1655 года и указа императрицы Елизаветы Петровны 1746 года «на свободное Самарью и лѣсными и протчими угодіями владѣніе» [2]). Въ 1755 году, 4 февраля, ордеромъ изъ Сичи въ самарскую паланку полковнику Θедору Тарану было предписано не чинить обывателямъ села Чернечьяго при Самарско-Николаевскомъ монастырѣ никакихъ обидъ и не «притягать» обывателей и козаковъ села къ «покуховному» сбору и ордеръ кошевской объ этомъ запрещеніи приказывалось «содержать въ сохраненіи для веденія (=вѣдѣнія) при архивѣ въ паланцѣ, и при перемѣнѣ съ рукъ на руки, съ прочими дѣлами, полковникамъ отдавать, дабы излишнихъ переписокъ и затрудненій не послѣдовало» [3]). Въ 1769 году, октября дня, запорожскіе козаки, отправляясь въ походъ подъ Бѣлгородъ «къ Очаковской сторонѣ», вели изо дня въ день подробный дневникъ о своихъ походахъ, съ обозначеніемъ числа всего двигавшагося войска, мѣстъ переправъ, остановокъ, схватокъ, количества захваченной добычи и послѣдовательнаго порядка возвращенія въ Сичу [4]). Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи

---

[1]) Надхинъ. Церковные памятники Запорожья, Москва, 1876, 17.

[2]) Эварницкій. Сборникъ матеріаловъ, С.-Петербургъ, 1888, 78.

[3]) Θеодосій. Самарско-Николаевскій монастырь, Екатеринославъ, 1873, 104.

[4]) Фелицынъ. Историческіе документы запорожскаго сичевого архива, Екатеринодаръ, 1890.

сичевое товариство стояло на степени вполнѣ организованнаго государственно-соціальнаго общества людей, жившихъ не только интересами текущаго дня, но и интересами далекаго будущаго, на которое они всегда взирали, по ихъ собственному выраженію, «здалека перспективою своего ума».

Почтовыя учрежденія у запорожскихъ козаковъ.

Въ странѣ, существовавшей исторически болѣе двухъ-сотъ лѣтъ, въ странѣ вполнѣ благоустроенной, въ странѣ, гдѣ жили люди, постоянно находившіеся въ живыхъ и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ державными и властными особами востока, запада, сѣвера и юга, не могло не быть такого перваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такого необходимаго на пути развитія культуры учрежденія, какъ учрежденіе почтъ. Конечно, на первыхъ порахъ въ Запорожьѣ, какъ и въ каждой странѣ, роль постоянныхъ почтарей выполняли или случайно пріѣзжавшіе въ Сѣчу люди, или-же экстренно посылавшіеся курьеры. Такъ, извѣстно, что кошевой атаманъ Иванъ Сирко, въ 1675 году, написавши письмо отъ имени всего запорожскаго товариства на имя гетмана Петра Дорошенка, отправилъ его для передачи черезъ «случившихся на ту пору» въ Сѣчи чумаковъ [1]. Извѣстно также, что и на Украйнѣ генеральный судья Кочубей, посылая доносъ на гетмана Мазепу въ Петербургъ, отправилъ его особымъ гонцомъ. Впослѣдствіи случайныхъ подателей и экстренныхъ гонцовъ замѣнили постоянные почтари.

Но какъ рано возникли собственно почтовые гоны въ Запорожьѣ, сказать этого, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было данныхъ, нельзя. Архивные документы даютъ указаніе на этотъ счетъ лишь съ половины XVIII вѣка и связываютъ это дѣло съ именами Воейкова и Исакова, «командира» новороссійской и кіевской губерній и «управителя» Новороссіи [2]. Это было въ ноябрѣ 1768 года. Зорко слѣдя за событіями, происходившими въ то время въ Польшѣ, Крыму и Турціи и постоянно разсылая

---

[1]) Самоилъ Величко. Лѣтопись, Кіевъ, 1851, II, 365.

[2]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 245—257.

для того тайныхъ военныхъ агентовъ изъ Сичи къ русскимъ полномочнымъ представителямъ въ Крымъ, Турцію и Польшу, Воейковъ, а за нимъ и Исаковъ, нашли нужнымъ, для скорѣйшаго полученія извѣстіи о дѣлахъ, происходившихъ въ названныхъ странахъ, завести въ Запорожьѣ почтовыя «станицы». Тогда установлены были почтовые гоны въ четырехъ пунктахъ выше сѣверо-западной окраины запорожскихъ вольностей, по шести лошадей съ проводниками въ каждомъ: Крюковѣ, у праваго берега Днѣпра, противъ Кременчуга; слободѣ Онуфріевкѣ на рѣчкѣ Сухомъ-Омельникѣ, теперешней херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда; у южнаго конца балки Княжихъ-Байраковъ, противъ извѣстнаго въ настоящее время Шаровскаго трактира, екатеринославской губерніи, верхнеднѣпровскаго уѣзда, и въ селеніи Желтомъ, въ прямомъ направленіи къ востоку отъ Княжихъ-Байраковъ. Убѣдившись въ необходимости почтовыхъ гоновъ, запорожцы тотъ-же часъ воспользовались намѣченнымъ трактомъ и соединили Сичу съ послѣдней станціей въ селеніи Желтомъ, на протяженіи 125 верстъ, также посредствомъ четырехъ почтовыхъ пунктовъ: отъ Сичи до лѣваго притока рѣки Базавлука, Солоной, 25 верстъ; отъ Солоной до рѣки Базавлука на Церковный мостъ, 45 верстъ; отъ Базавлука до лѣваго притока рѣки Ингульца, Саксагани на Похиловскіи мостъ, 25 верстъ; отъ Саксагани до «станицы» въ Желтомъ, 30 верстъ, и далѣе на установленныя станціи. Въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ устроены были почтовыя станціи, а на каждой станціи опредѣлено было содержать для разгона 6 лошадей и къ нимъ имѣть 3 козака; козаки обязаны были возить почту и разныхъ посланцевъ, съ платой по одной копѣйкѣ съ версты за одну лошадь.

Однако, заведенный порядокъ почтовыхъ гоновъ просуществовалъ на первый разъ въ Запорожьѣ весьма недолго: въ тотъ-же 1768 годъ татары огромной массой ворвались изъ Крыма въ Запорожье, разорили въ немъ множество селъ и зимовниковъ, истребили массу народа, а въ томъ числѣ многихъ почтарей съ ихъ домами и лошадьми. Но гроза скоро миновала, и тогда запорожцы, послѣдовательно, съ 1769 по 1775 годъ, устроили у себя 8 новыхъ почтовыхъ гоновъ и завели въ нихъ образцовый порядокъ.

Первый, одинъ изъ длиннѣйшихъ почтовыхъ гоновъ, шелъ на протяженіи 292 верстъ, прямо съ юга на сѣверъ, отъ Сичи въ протовчанскую паланку, оттуда черезъ рѣку Орель въ крѣпость

Козловскую, и состоялъ изъ 10 почтовыхъ пунктовъ: отъ Сичи до зимовника козака Губы, у рѣчки Чортомлыка, 20 верстъ; отъ зимовника Губы до рѣки Каменоватой, 26 верстъ; отъ Каменоватой до зимовника козака Кривого на рѣчкѣ Камышеватой-Сурѣ, 40 верстъ; отъ Камышеватой-Суры до зимовника козака Войты на рѣчкѣ Мокрой-Сурѣ, 50 верстъ; отъ зимовника Войты до Стараго-Кодака, 29 верстъ; отъ Стараго-Кодака до Лоцманской-Каменки, 2 версты [1]); отъ Лоцманской-Каменки черезъ Днѣпръ до центра самарской паланки Самарчика, 30 верстъ; отъ Самарчика до зимовника козака Петра Рябого у рѣчки Кильчени, 45 верстъ; отъ зимовника козака Рябого до слободы Лычкова, у лѣваго берега Орели, 50 верстъ; отъ Лычкова черезъ Орель въ крѣпость Козловскую, 20 верстъ. При каждой изъ названныхъ станцій полагалось по 4 лошади и по 2 козака; прогонная плата взималась по 3 деньги съ версты за 1 лошадь; жалованье почтарямъ, въ военное время, выдавалось изъ суммъ армейскихъ.

Второй почтовый гонъ, тянувшійся на протяженіи 127 верстъ, шелъ по тому-же направленію, только съ небольшими уклоненіями: отъ Сичи до Чортомлыка, 20 верстъ; отъ Чортомлыка до Каменоватой, 20 верстъ; отъ Каменоватой до зимовника козака Литвина, 46 верстъ; отъ зимовника Литвина до моста на Сурѣ, 20 верстъ; отъ моста на Сурѣ до Стараго-Кодака, 19 верстъ; изъ Кодака до Лоцманской-Каменки, 2 версты; отсюда, переправившись черезъ Днѣпръ, прямо на сѣверъ по указанному выше тракту до крѣпости Козловской, выше праваго берега рѣки Орели.

Третій почтовый гонъ шелъ отъ Сичи до Стараго-Кодака и отъ Кодака черезъ 9 слѣдующихъ пунктовъ: Пушкаровку, Домоткань, Бородаевку, Днѣпровскую-Каменку, Мишуринъ-Рогъ, Тройницкую, Зимунь, Потоцкую-Каменку и Крюковъ. Очевидно, этотъ почтовый гонъ установленъ былъ по тому самому козацкому шляху, который шелъ вдоль праваго берега Днѣпра и извѣстенъ былъ у запорожскихъ козаковъ подъ именемъ Крюковскаго, а у академика Василія Зуева, 1781 года, подъ именемъ «твердой и ровной черно-песчаной дороги» [2]).

---

[1]) Въ Исторіи Скальковскаго, I, 247, вмѣсто Стараго-Кодака названъ Новый-Кодакъ, но отъ Лоцманской-Каменки до Новаго-Кодака не менѣе 17 верстъ, тогда какъ отъ Каменки до Стараго-Кодака дѣйствительно около 2 верстъ.

[2]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 227.

Четвертый почтовый гонъ, установленный въ 1771 году, въ разгаръ первой русско-турецкой войны, шелъ также съ юга на сѣверъ и соединялъ Запорожье съ Украйной, а черезъ Украйну съ центральной Россіей: онъ имѣлъ сперва 4 пункта, потомъ, съ 1772 года, вслѣдствіе наводненія въ рѣкѣ Самарѣ, измѣненъ и сокращенъ до 3 пунктовъ. По росписанію 1771 года онъ шелъ на урочище Жуковское, Богданово [1], зимовникъ козака Шрама у устья рѣчки Опалихи, праваго притока Самары, и урочище Барвиничную-Стѣнку на рѣчкѣ Кильчени, близь зимовника Петра Рябого. Здѣсь полагалось по 2 лошади и по 5 козаковъ къ нимъ съ фуражемъ и провіантомъ. По распредѣленію 1772 года этотъ гонъ шелъ на урочище Сорокъ могилъ, близь рѣчки Вольнянки и Попасныхъ-Байраковъ, на рѣчку Малую-Терновку, правый притокъ Самары, гдѣ былъ зимовникъ войскового писаря Глобы и Шрамовъ бродъ, въ устьѣ рѣчки Опалихи. Здѣсь полагалось по 12 лошадей и по 6 къ нимъ козаковъ.

Установивъ названные почтовые гоны, запорожскій Кошъ до 1774 года предоставлялъ обязанность почтарей на всѣхъ станціяхъ вольнымъ охотникамъ, но съ 1774 года возложилъ почтовую повинность исключительно на зимовчанъ, т. е. семейныхъ козаковъ, призывая къ тому сичевыхъ товарищей только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, во время полнаго обѣдненія зимовчанъ, но и то лишь возлагая на нихъ обязанность заготовленія корма для почтовыхъ лошадей въ теченіи зимняго времени. Для этой цѣли составленъ былъ списокъ всѣхъ хатъ въ каждой паланкѣ запорожскихъ вольностей и на все число приведенныхъ въ извѣстность хатъ возложена была обязанность устроить опредѣленное число станцій. Въ списокъ внесены были хаты всѣхъ женатыхъ козаковъ, кромѣ неженатыхъ и бурлацкихъ зимовчанъ: въ общемъ приведенный въ извѣстность списокъ далъ 1.912 хатъ: на нихъ положено было 256 лошадей и 128 почтарей.

По этому списку въ кодацкой паланкѣ насчитывалось 184 хаты, которыя должны были имѣть 13 почтарей: въ Новомъ-Кодакѣ—3, на мосту рѣчки Мокрой-Суры—3, на рѣчкѣ Камышеватой-Сурѣ, въ зимовникѣ козака Олексы Кривого—5, въ Сичи—1 и въ зимовникѣ козака Росколупы—3. Въ самарской паланкѣ насчитыва-

[1] Село Богданово на рѣчкѣ Большой-Терновкѣ, правомъ притокѣ Самары, павлоградскаго уѣзда.

лось 891 хата, которыя должны были имѣть 60 почтарей: при паланкѣ—30, при рѣчкѣ Кильчени, въ урочищѣ Барвиночной-Стѣнкѣ, близъ зимовника Петра Рябого—4, въ урочищѣ Сорокъ могилъ—2, на рѣчкѣ Малой-Терновкѣ—2, на рѣчкѣ Опалихѣ—2, на рѣчкѣ Каменоватой—3, на рѣчкѣ Чортомлыкѣ—3, въ перевозѣ Микитиномъ—3, въ Каменкѣ, у мѣста бывшей Каменской Сѣчи—7. Въ протовчанской паланкѣ насчитывалось 501 хата, которыя должны были имѣть 33 почтаря: въ Сѣчѣ—3, въ паланкѣ на рѣчкѣ Протовчей—20 и въ слободѣ Каменкѣ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ Новаго-Кодака—10.

Потребность сношенія съ Украйной, а черезъ нее и съ Россіей, русскихъ гарнизоновъ въ отошедшихъ отъ Турціи, послѣ мира 1775 года, крѣпостяхъ: Кинбурнѣ, Таганрогѣ, Азовѣ, Керчи и Еникале, заставили запорожцевъ установить еще четыре почтовыхъ гона.

Первый изъ этихъ почтовыхъ гоновъ установленъ былъ запорожскимъ Кошемъ, по распоряженію графа Румянцева-Задунайскаго, для сообщенія между Кинбурномъ и Кременчугомъ по слѣдующимъ семи станціямъ: Петровой, Водяной, Саксагани, Каменкѣ, Базавлуку, Чортомлыку и Микитиной; отъ Микитиной черезъ Верблюжку на станціи новосербскихъ поселеній до Кременчуга. Велѣно было на всѣхъ указанныхъ семи пунктахъ учредить постоянныя жилища—въ степяхъ устроить «землянки» или «мазанки», для защиты отъ холода въ зимнее время, совершенно отдѣльныя отъ козацкихъ зимовниковъ, для избавленія хозяевъ отъ обременительныхъ повинностей; у обоихъ береговъ, противъ главныхъ перевозовъ, сдѣлать спеціальныя пристанища, чтобы курьеръ не имѣлъ надобности переправлять лошадей съ одного берега на другой, а могъ-бы оставить ихъ въ одной станціи и, переправившись на противоположный берегъ, найти тамъ другихъ лошадей. Разстояніе между станціями указано было не менѣе 10 и не болѣе 30 верстъ; число лошадей и почтарей полагалось по 10 на каждой станціи [1]).

Второй изъ четырехъ гоновъ установленъ былъ отъ Сѣчи до Голой-Пристани черезъ Александръ-Шанецъ, вдоль праваго берега Днѣпра, по слѣдующимъ 9 пунктамъ: въ Сѣчѣ; на притокѣ Днѣпра, Большой-Терновкѣ; въ зимовникѣ козака Павлюка; на

[1]) Скальковскій. Исторія Новой Сѣчи, Одесса, 1885, I, 255.

рѣкѣ Ингульцѣ, въ зимовникѣ козака Головка; на рѣкѣ Ингульцѣ, въ зимовникѣ козака Шульги; на рѣкѣ Ингульцѣ, у Бѣлыхъ-Криницъ; на рѣкѣ Ингульцѣ, въ урочищѣ Городищѣ [1]); въ Александръ-Шанцѣ; на рѣчкѣ Бѣлозеркѣ и, наконецъ, у праваго берега Днѣпра, противъ Голой-Пристани; отсюда черезъ Днѣпръ съ праваго берега на лѣвый, къ самой Голой-Пристани. Самый перевозъ черезъ Днѣпръ можно было сдѣлать и не доѣзжая мѣста противъ Голой-Пристани, какъ кажется, въ теперешнемъ урочищѣ Перевизкѣ, на $2^1/_2$ версты ниже устья рѣки Ингульца, на 2 версты ниже усадьбы владѣльца села Фалѣевки, Н. Н. Комстадіуса, херсонскаго уѣзда. Здѣсь имѣлись для переправы два дуба, двѣ лодки и одинъ паромъ.

Третій изъ четырехъ почтовыхъ гоновъ установленъ былъ по такъ называемому Кизыкерменскому шляху, которымъ въ 1787 году возвращалась императрица Екатерина II изъ Крыма въ Россію [2]). Онъ шелъ по направленію отъ Крюкова изъ села Зыбкаго у вершины рѣчки Мокраго-Омельника на Курячью-Балку; правый притокъ Ингульца Водяную; Кривой-Рогъ; Ингулецъ; Кисляковцы, «гдѣ былъ козакъ Окатый»; Ингулецъ, гдѣ былъ Гергельскій пришибъ; Ингулецъ, у зимовника козака Шульги; Ингулецъ, у Бѣлыхъ-Криницъ; Ингулецъ, въ Городищѣ, и наконецъ, въ Александръ-Шанцѣ. На каждой изъ этихъ станцій полагалось по 10 почтовыхъ лошадей и по 5 почтарей, а всего 100 лошадей и 50 почтарей.

Наконецъ, послѣдній изъ четырехъ почтовыхъ гоновъ установленъ былъ, 28 апрѣля, 1775 года, для соединенія Полтавы черезъ крѣпость Петровскую, близь Бердянска, у Азовскаго моря, съ завоеванными у турокъ крѣпостями, Керчью и Еникале; онъ шелъ на Кильчень, Новоселицу, рѣчки Нижнюю-Терсу, Верхнюю-Терсу, Ганчулъ, устье Каменки, праваго притока Волчьей, крѣпость Захарьевскую, рѣчки Берды и до крѣпости Петровской.

На постройки всѣхъ станцій въ означенныхъ мѣстахъ дозволено было козакамъ вырубить необходимое количество лѣса и изъ него сдѣлать необходимыя помѣщенія для лошадей и жилья для почтарей, полагавшихся числомъ по 20, при такомъ-же количествѣ лошадей, на каждой станціи.

---

[1]) Между Дарьевкой и Еленовкой, имѣніями Н. Н. Комстадіуса, херсонскаго уѣзда.

[2]) Эварницкій. Вольности запорожскихъ козаковъ, Спб., 1890, 229.

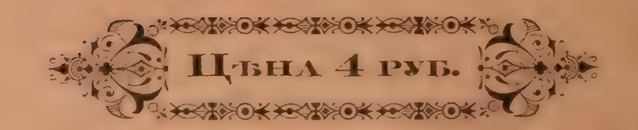
На всѣхъ почтовыхъ станціяхъ восьми перечисленныхъ пунктовъ заведенъ былъ запорожцами строгій и образцовый порядокъ. Почту и курьеровъ приказывалось доставлять отъ мѣста до мѣста «не замедля» и «безостановочно»; лошадей почтовыхъ содержать въ полной исправности и въ случаѣ разгона ихъ, немедленно замѣнять обывательскими. На всѣхъ станціяхъ поставлены были изъ войсковыхъ канцеляристовъ особые смотрители, которые заносили въ книгу всѣ приходившіе пакеты и имѣвшіяся у курьеровъ или посланцевъ подорожнія. Для правильности дѣйствій со стороны смотрителей вмѣнялось въ обязанность полковникамъ мѣстныхъ паланокъ дѣлать провѣрки, и всякую неисправность со стороны почтарей «безпослабно» наказывать, чему имѣемъ примѣръ отъ 1770 года, 13 апрѣля, на козакѣ Герасимѣ Совѣ, строго наказанномъ за потертую надпись на конвертѣ пакета на имя главнокомандующаго, графа П. И. Панина. За всякій проѣздъ опредѣлено было взимать извѣстную прогонную плату, какъ съ нарочныхъ курьеровъ, такъ и съ обыкновенныхъ проѣзжихъ, безъ различія, будетъ-ли то свой или посторонній человѣкъ; безплатный проѣздъ допускался только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, какъ это видно на примѣрѣ козака Ивана Полонскаго, ѣхавшаго изъ Коша въ Полтаву къ главнокомандующему, князю В. М. Долгорукому, по дѣламъ войска запорожскаго, и получившаго «свидѣтельство» на свободный проѣздъ, въ оба конца, чрезъ запорожскія почтовыя станціи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

СТРАН.

СТРАН.


Цѣна 4 руб.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 29 04 03 015 9